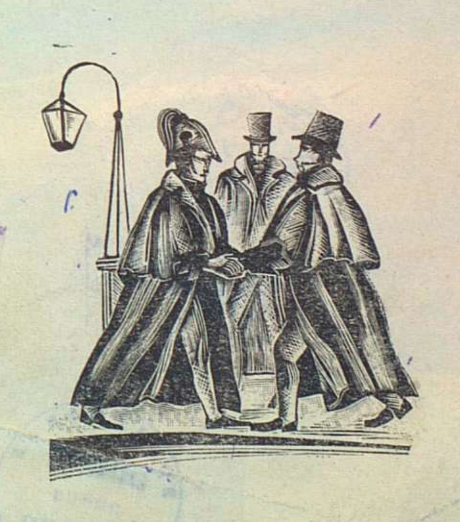

ACADEMIA

К. Ф. РЫЛЕЕВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

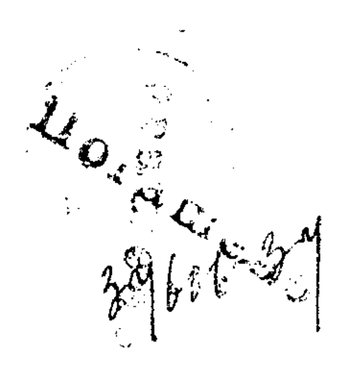
Редакция, вступительная статья
и комментарии А. Г. Цейтлина

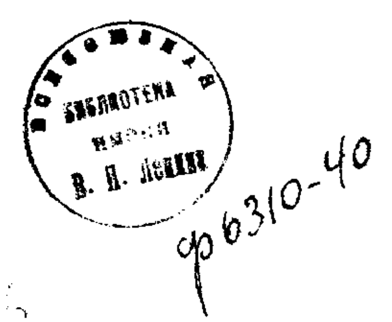
ACADEMIA
1934

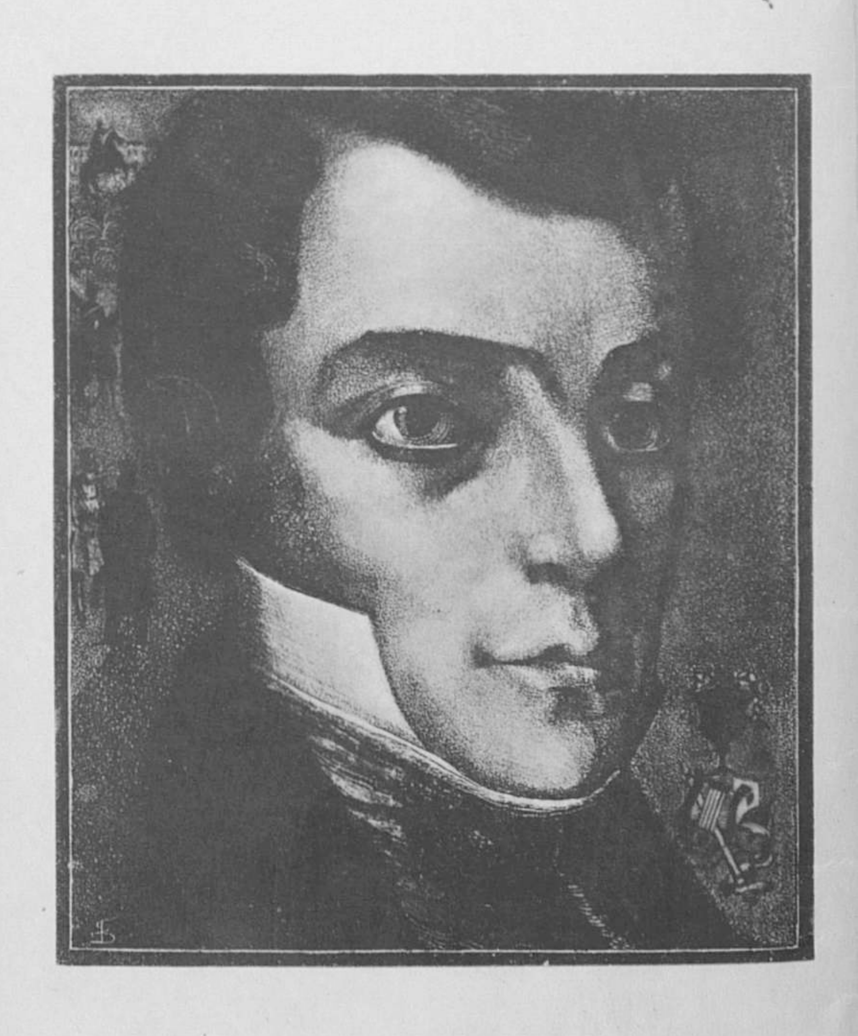
Заставки на титульных листах и супер-обложка — гравюры на дереве Л. С. Хижинского.

Переплет по рисунку Гайденкова

ОТ РЕДАКТОРА

Подготавливая настоящее полное собрание сочинений и писем декабриста К. Ф. Рылеева, редактор его столкнулся с многочисленными и разнообразными трудностями. Первая из них обусловливалась крайней разрозненностью творческого архива Рылеева. Лишь небольшая часть осталась после казни поэта в распоряжении его родных. Значительное количество рукописей было роздано Рылеевым на хранение друзьям и затем рассеялось по многочисленным частным собраниям (Ф. В. Булгарина, Ивановского и др.) и в части затерялось (таковы, например, рукописи Чертковской библиотеки в Москве). Несколько рукописей Рылеева было уничтожено во время судебного следствия (таковы его «возмутительные» песни). Собранный в настоящее время в Институте русской литературы (ИРЛИ) в Ленинграде архив Рылеева таким образом крайне неполон — в нем почти отсутствуют, например, рукописи «Дум». Вторая трудность состоит в том, что творчество Рылеева с самых первых его выступлений взято было под подозрение цензуры. Именно давлением последней обусловлена, например, замена ряда стихов в «Видении» более благонамеренными. Цензурное запрещение постигло и думу Рылеева «Голова Волынского». Даже и после казни поэта цензура зорко следила за тем, чтобы не появлялось в печати самое имя Рылеева, «государственного преступника». Лишь в начале 70-х годов явилась возможность издания в России собрания его сочинений, крайне неполного прежде всего по тем же цензурным основаниям. Рылеев не мало страдал и от редак-

торской небрежности: многочисленные издания его произведений изобиловали важными опечатками и произвольными домыслами, переходившими из собрания в собрание и постепенно принимавшими характер непререкаемого канона.

Предлагаемое вниманию читателей издание ставит себе целью собрать все написанное Рылеевым и все, что ему может принадлежать. Основной фонд издания — *стихотворения*, написанные Рылеевым в «зрелые» годы (от первого выступления в печати с сатирой на Аракчеева до стихотворений, набросанных в крепости). Стихотворения, напечатанные Рылеевым при жизни, дополнены здесь разнообразными посмертными публикациями как заграничными, так и русскими (А. И. Герцена, П. А. Ефремова, В. Е. Якушкина и др.). Критический пересмотр традиционных точек зрения привел в этой области к ряду любопытных выводов. Так, подвергнута решительной критике ефремовская гипотеза о Каховском как адресате специального послания,—гипотеза, которая, несмотря на свою голословность, успела уже войти в научные работы (см., например, работы П. Е. Щеголева о Каховском). В расположении произведений Рылеева редактор придерживался хронологического принципа, соблюдая в его пределах жанровую классификацию произведений. Этот принцип расположения материала дает наибольшую возможность проследить процесс роста Рылеева как поэта.

В издание введены все *юношеские стихотворения* Рылеева, в свое время напечатанные (не совсем точно) В. И. Масловым в приложениях к его фундаментальной работе «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева» (Киев 1912).

Впервые в настоящем издании собраны все *прозаические* произведения Рылеева — фрагменты его записок во время заграничных походов, «Письма из Парижа» (1815), представляющие большой бытовой и исторический интерес. Собраны и многочисленные ***черновые наброски*** поэта, фрагменты его планов. Впервые публикуется, например,

конец отрывка о Наполеоне, опускавшийся ранее по цензурным соображениям и имеющий первоклассную историко-революционную ценность.

Наконец в настоящем издании собраны уцелевшие *письма* Рылеева к родным и друзьям. Большая часть их была опубликована в 70-х годах П. А. Ефремовым с весьма значительными купюрами и в этом виде перепечатывалась в дальнейших изданиях. Весь публикуемый нами эпистолярный фонд Рылеева сверен по соответствующим собраниям (главным образом по архиву Рылеева в Академии Наук).

Редактор стремился сохранить в передаче рылеевских текстов все особенности его индивидуального правописания (подробнее о принципах этого см. в специальной заметке).

Особенно большие трудности представляло комментирование произведений Рылеева, которое должно было одновременно быть и текстологическим, и политическим, и историко-литературным. В результате этого некоторые заметки комментария выросли в довольно объемистые (примечания к сатире «К временщику, к «Гражданину», к песням и т. д.).

Редактор выражает глубокую благодарность всем, помогавшим ему [redacted]заниями, в частности М. К. Азадовскому[redacted] Н. К. Пиксанову, Н. М. [redacted]цкому, рукописным отделениям Института русской литературы и библиотеки Академии Наук, Публичной библиотеки в Ленинграде, библиотеки им. В. И. Ленина в Москве. Особенно значительна наша признательность Ю. Г. Оксману — крупнейшему знатоку текстов Рылеева.

А. Ц.

[redacted]

ТВОРЧЕСТВО РЫЛЕЕВА

> «...Твое могущество захватило все власти и пробудило народы. Цари, уничиженные тобою, восстали и с помощью народов низвергли тебя. Ты пал — но самовластие с тобою не пало. Оно стало еще тягостнее, потому что досталось в удел многим. Народы его приметили и уже Запад и Юг Европы делал попытки свергнуть иго деспотизма. Цари соединились и силою старались задушить стремление свободы. Они торжествуют, и теперь в Европе мертвая тишина. Но так затихает Везувий».
>
> (Неопубликованные строки заметки Рылеева о Наполеоне)

> «Я полагал, что убиение одного императора... разделит умы, составит партии, взволнует приверженцев августейшей фамилии и что все это совокупно неминуемо породит междоусобие и все ужасы народной революции».
>
> (Из показаний Рылеева Верховному следственному комитету)

1

Поэтическое творчество Рылеева стоит под знаком обостренных противоречий декабризма.

Экономический базис России 10—20-х годов продолжал оставаться поместно-крепостническим. Попытки решить крестьянский вопрос в сторону смягчения крепостного права, несколько раз делавшиеся в начале царствования Александра I, окончились очевидным провалом. Поли-

тическая победа над Наполеоном, в борьбе с которым дворянской России принадлежала руководящая роль, была в конечном счете победой над рожденным в огне Французской революции буржуазным режимом. Политику делали солдафоны Аракчеевы, культурой заправляли мракобесы Магницкие и Голицыны. Священный союз самодержавных монархий подавлял беспрестанно вспыхивавшие буржуазно-национальные восстания — в Испании, в Неаполе, в Пьемонте. Внутри страны полным ходом шло скалозубовское подтягивание русской армии, набравшейся либеральных идей во время заграничных походов. Устройство военных поселений и подавление бунта Семеновского полка свидетельствовали о той жестокости, с которой консервативное дворянство проводило свою программу.

Однако эту, казавшуюся непоколебимой, стену крепостнической реакции медленно, но ощутимо начинали размывать враждебные ей потоки. Капитализация России, стесненная политическими условиями той эпохи, в экономике страны давала себя знать особенно сильно. Первое двадцатилетие XIX века является эпохой подъема промышленного капитала. Число русских фабрик возросло с 984 в 1762 году до 3161 в 1796 году и до 5000 к 20-м годам XIX века. В 1809 году было ввезено хлопка 558 000 фунтов, в 1810 — 3 800 000, в 1811 — $9^1/_4$ миллионов. Благодаря этому цены на хлопок падали (в Петербурге с 45 до 24 рублей за пуд). Россия была в это время главной потребительницей американского хлопка в Европе... Все это является следствием континентальной блокады, прекратившей ввоз английских фабрикатов в Россию (М. Н. Покровский, «Декабристы», 1927, стр. 8—9). Суконных фабрик в 1804 году было 155, в 1825 году — 324, хлопчатобумажных соответственно 199 и 484, кожевенных — 850 и 1784, металлических — 26 и 170. Число всех рабочих возросло за этот период с 95 000 до 210 000, число вольнонаемных рабочих в этой массе повысилось с 47 до 54% (И. И. Лященко, «История русского народного хозяйства», М.—Л. 1930, стр. 241).

Растет посевная площадь и вывоз хлеба за границу, развиваются отхожие промыслы, организуются торгово-промышленные акционерные компании. Именно на этой основе роста промышленного капитала создается вереница теорий экономического переустройства России. Именно на этой основе и формировались в своей наиболее влиятельной части оппозиционные движения конца 1810-х и начала 1820-х годов.

Подымающемуся промышленному капиталу становилось тесно в границах дворянско-крепостнического государства. История должна была привести его или к открытому конфликту с этим режимом, или к компромиссу с ним. В результате конфликта создался компромисс, в котором интересы промышленного капитала оказались на очень значительный срок подчиненными интересам крепостничества. Это произошло в результате политического поражения, нанесенного в декабре 1825 года идеологам промышленного капитала, поражения, предопределенного начавшимся в 20-х годах экономическим кризисом. Декабрьское движение, отражавшее рост обуржуазивания помещичьего хозяйства, непосредственно выражало интересы среднего и мелкопоместного дворянства центральной полосы России (Покровский). Слабость русской буржуазии начала века, ее политическая бесхребетность привели к тому, что оппозиционное движение комплектовалось в основном средним и мелким дворянством, в значительной своей части утратившим связи с землевладением, дворянством, вступившим в сферу городских хозяйственных отношений или перестраивающим свое поместное хозяйство на капиталистический лад. «Вельможное боярство XVIII века, достигшее зенита в век Екатерины, сходит с исторической сцены... Общие условия социальной жизни — развитие торговли, рост промышленности, приспособление крепостного хозяйства к требованиям международного и внутреннего спроса, заметное усиление значения города в общем строе страны — вызывали подъем иных интересов и выдвигали к более активному влиянию иные общественные слои. Это среда —

довольно пестрая по социальному составу. Тут и выходцы из провинциального помещичьего общества — землевладельцы средней руки и вовсе мелкие; по общественному положению — рядовое офицерство, однако, проникавшее более интеллигентными и удачливыми элементами в гвардейские полки, или служащие на гражданской службе, обычно младшие члены небогатых дворянских семейств» (А. Е. Пресняков, «Мотивы реальной политики в движении декабристов», в сб. «Бунт декабристов», Л. 1926, стр. 30—31). Социальной базой декабризма являлись не все дворяне и не все буржуа — первые потому, что в своей основе они были крепостниками, вторые потому, что в специфических русских условиях они не сумели (ни в 20-х годах, ни позже) поднять знамя революции против феодализма. Декабристы представляли «дворянскую буржуазию», *обуржуазившееся дворянство*, вместе с тем, далеко не освободившееся от целого ряда пережитков дворянской идеологии, не вполне порвавшее связь с помещичьим хозяйствованием. Отсюда — половинчатость декабристов, революционности которых, столь превознесенной либеральной историографией, марксисты поставили определенные пределы. При всем том даже ограниченные капиталистические тенденции декабристов бесспорно *противоречили* интересам крепостнического землевладения.

Экономические противоречия дополнялись и усиливались политическими. В эпоху Великой французской революции, наполеоновских войн, прерывавшихся союзом с Францией, и заграничных походов 1813—1815 годов дворянская интеллигенция познакомилась с буржуазными идеями Запада, с его демократическим режимом. «В походах по Германии и Франции наши молодые люди ознакомились с европейскою цивилизациею, которая произвела на них тем сильнейшее впечатление, что они могли сравнивать все виденное ими за границею с тем, что им на всяком шагу представлялось на родине, — рабство огромного большинства русских, жестокое обращение

начальников с подчиненными, всякого рода злоупотребления власти, повсюду царствующий произвол, — все это возмущало и приводило в негодование образованных русских и их патриотическое чувство» (М. А. Фонвизин, «Обозрение проявлений политической жизни в России», в сб. «Общественные движения в России в первую половину XIX века», Спб. 1905). Мы не будем, подобно Пыпину, увлекаться здесь декламацией о людях, «которых деятельность направлялась на вопросы его собственного [народного. — *А. Ц.*] развития, просвещения и благосостояния и которые тратили на эту деятельность все силы своего ума, убеждения и самопожертвования» (А. Н. Пыпин, «Общественное движение в России при Александре I», изд. 5-е, П. 1918, стр. 495), — мы знаем пределы политического радикализма декабристов, особенно их северной группы, где создавались конституционные проекты откровенно сословного характера (например, конституция Никиты Муравьева). Конечно преувеличенными и глубоко-тенденциозными были указания верноподданного Греча на то, что среди заговорщиков и их сообщников были только «потомки Рюрика, Гедимина, Чингис-Хана». «Это обстоятельство очень важно, — многозначительно добавлял Греч, — оно свидетельствует... что в этом мятеже не было на грош народности, что внушения к этим глупо-кровавым затеям произошли от книг немецких и французских... что эти замыслы были чужды русскому уму и сердцу» (Н. И. Греч, «Записки о моей жизни», Спб. 1886, стр. 435). Но при всем том кастовость движения несомненна, и ничто лучше не подчеркивает сословной его ограниченности, как «восстание» 14 декабря, фактически превратившееся в «стояние». Презирая «аристократов», декабристы едва ли не в большей степени боялись народа, от которого они были «страшно далеки» (выражение В. И. Ленина). Вспомним хотя бы показание князя Сергея Трубецкого: «*С восстанием крестьян* неминуемо соединены будут *ужасы, которых никакое воображение представить себе не может*, и государство сделается жертвою раздоров и может быть добычею често-

любцев» (подчеркнуто нами. — *А. Ц.*). Исход 14 декабря мог быть иным, если бы взрывчатые силы, в изобилии накопившиеся в ту эпоху, были надлежащим образом сорганизованы и приведены в действие. Не дело историка, однако, заниматься рассуждениями по поводу того, что могло бы случиться. Политическая половинчатость и нерешительность членов Северного общества обусловливались глубокими причинами экономического порядка. Как ни развиты были в 20-х годах буржуазные тенденции, феодализм все еще занимал доминирующие позиции, крепостническая система еще функционировала. Сельское хозяйство в огромном большинстве было барщинным, отработочным хозяйством, державшимся на жестокой эксплоатации крестьянского труда. Крепостное право становилось на пути роста буржуазных отношений — подневольный труд отличался крайне малой производительностью. Для рациональной перестройки хозяйств на новый лад у помещиков нехватало капиталов. Аграрный кризис 20-х годов нанес этим тенденциям самый сокрушительный удар. Цены на хлеб (главный предмет русского вывоза) на мировом рынке резко понизились. Крепостническая система получила в этом явлении несомненно поддержку — капитализация оказалась не только дорогостоящим, но и ненужным нововведением. Политическая консервация барщины стала лозунгом дня, и помещичья масса с крайней враждебностью отнеслась к тем, кто восстал против самодержавия. Декабристское движение было раздавлено правительством, охранявшим интересы крепостников, тем более легко, что опереться на крестьянство большинство тайных обществ той поры не решалось. Страх декабристов перед повторением «пугачевщины» помешал этому и способствовал гибели заговора, «недостаточно аристократического для дворцового переворота и слишком дворянского для народной революции» (Покровский).

Марксистский анализ декабристского движения в целом и деятельности отдельных его представителей должен

К. Ф. Рылеев

С портрета, приписываемого О. А. Кипренскому.

осветить эту внутреннюю противоречивость движения — его борьбу против дворянского массива и в то же самое время половинчатость и недостаточную последовательность методов этой борьбы. Это основное противоречие давало себя знать и в области экономических теорий, и в политической практике той поры, и в литературе. Творческий путь Рылеева, виднейшего поэта-декабриста, дает богатейший материал для раскрытия этого основного противоречия во всей конкретности его исторических форм. Деятельности Рылеева, одного из вождей Северного общества и едва ли не наиболее радикального участника этой умеренной политической организации, никак нельзя отказать в высокой принципиальности и идейной чистоте. Тем интереснее изучить его поэзию как отражение противоречий группы, поставившей себе задачу победить крепостнический режим, не прибегая при этом к опасной для нее помощи «народной революции».

2

В обстоятельствах личной жизни Рылеева, «как солнце в малой капле вод», отразилась сложная социальная природа декабрьского движения. Сын захудалого провинциального дворянина, Рылеев воспитывался в обстановке, мало благоприятствовавшей его литературному творчеству. В то самое время, когда Пушкин с товарищами — Илличевским, Дельвигом — «безмятежно возрастали» в садах Царскосельского лицея, Рылеев мальчиком был отдан в 1-й кадетский корпус. Вместо мягкого и снисходительного Энгельгардта здесь безраздельно царил суровый Клингер. Военная муштровка огрубляла организм, суровый режим оставлял мало возможностей для поэтических вдохновений. Большой любитель книг, Рылеев почти не имел возможности удовлетворять в корпусе эту свою страсть — отец содержал его чрезвычайно скупо. Сохранившаяся и дошедшая до нас переписка молодого кадета с отцом настолько характерна в биографическом отношении, настолько живо рисует семейно-материаль-

ные условия, в которых пришлось расти Рылееву, что мы не можем себе отказать в приведении из нее довольно пространных цитат.

«Любезный батюшка, — пишет Рылеев своему отцу из корпуса, — сделайте милость, пришлите мне на покупку вещей и бумаги; но сделайте милость, не позабудьте мне прислать денег также и на книги, потому что я, любезный батюшка, весьма великий охотник до книг».

Не дождавшись удовлетворения просьбы, Рылеев решается ее повторить. Следующее его письмо к отцу полно романтической восторженности, смешанной с сентиментальными размышлениями о «златых цепях вольности и дружбы», о «любви к ближнему», о мире, волнуемом «страстями» и обуреваемом «развратом». Сообщив отцу, что «та минута, которую достичь жаждал я не менее, как и райской обители священного эдема... быстро приближается» (то есть, что его должны были скоро выпустить из корпуса в действующую армию), молодой кадет после ряда упоминаний о необходимости возблагодарить «царя, над нами богом поставленного», просит «как родительского благословения, так и денег, нужных для обмундировки».

«Вам небезызвестно, — сообщает он, — что ужасная ныне дороговизна на все вообще вещи, почему нужны и деньги, сообразные нынешним обстоятельствам. Два мундира, сюртук, трое панталон, жилетки три, рейтузы, хорошенькая шинель, шарф, серебряный кивер с серебряными кишкетами, шпага или сабля, шляпа или шишак, конфедератка, тулуп и прочее требуют, по крайней мере, тысячи полторы; да с собой взять рублей до пятисот, а не то придется ехать ни с чем. Надеюсь, что виновник бытия моего не заставит долго дожидаться ответа и пришлет нужные мне деньги к маю месяцу».

Письмо это было отправлено в декабре. Как и следовало ожидать, «виновник бытия» не прислал сыну денег — ни пятидесяти рублей, чтобы учиться фехтованию, ни тем более двух тысяч на обмундировку выпускника. Лишь после третьего письма сына, полученного Федором

Андреевичем «сего апреля в 26-й день», он решился доказать «любезному Кондраше» всю неосновательность его просьбы.

«Ах, любезный сын, — читаем мы в этом дошедшем до нас письме старика Рылеева, — сколь утешительно читать от сердца написанное, буде то сердце во всей наготе неповинности откровенно и просто изливается, говоря собственными его, а не чужими, либо выученными словами! Сколь же, напротив того, человек делает сам себя почти отвратительным, когда говорит о сердце, и обнаруживает притом, что оно наполнено чужими умозаключениями, натянутыми и несвязными выражениями, и что всего гнуснее, то для того и повторяет о сердечных чувствованиях часто, что сердце его занято одними деньгами... Надобны ли они ему действительно, или можно и без них обойтиться?.. И ежели я твой родитель, то должен ты из сыновнего уважения, вступая в новое для тебя поприще, не размышляя ни о чем другом, прежде всего броситься в отцовские объятия и верить благонадежно тому, что он, с лутчею противу всякого другого благодетеля твоего горячностью приимет, обымет и благословит по возможности. Да и приятнее ему будет видеть тебя, вместо двух дорого стоющих, в одном и от казны даемом мундире, и буде ты приедешь теми деньгами, которые на проезд тоже казна жалует. Тако все и изо всех мест выпускные, в полк определяемые, от благодетельной казны снабдеваются, с дозволением даже не только к родителям, но и к дальним родственникам заезжать, и довлеет ли тебе только одному не пользоваться толикими щедротами от общего нашего отца! Не сердись на меня, мой милый Кондраша, за сии истины. Я с ними удерживался и ожидал от тебя, как выше сказано, дабы ты выразумел смысл моего отзыва, но когда ты и в третием письме не отстал от внушений, худыми людьми тебе преподанных, то ты же и вынудил от меня сие отцовское изложение».

Приведенная переписка яркими штрихами рисует материальное положение молодого Рылеева. Жесткая опека

отца вскоре прекратилась за его смертью; но денежные затруднения семьи после смерти старика еще более обострились. На киевский дом Рылеевых по требованию князя Голицына, у которого отец Рылеева был управляющим, правительством наложен был секвестр; даже в Петропавловской крепости приходилось просить вдову уже покойного вельможи простить Рылееву этот «долг» (по тому времени довольно крупный — 80 000 рублей ассигнациями).

«О, вельможи! — с возмущением писал двадцатилетний Рылеев матери, — о, богачи! Неужели сердца ваши не человеческие? Неужели они ничего не чувствуют, отнимая последнее у страждущего?»

Заграничный поход расширил политический кругозор Рылеева, который прошел с русскими войсками всю Германию и Швейцарию и довольно долго жил в оккупированном союзниками Париже. Дошедшие до нас «Письма из Парижа», написанные Рылеевым осенью 1815 года, еще не содержат в себе оппозиции существующему режиму. Молодой офицер далеко не свободен от националистических настроений. Но, конечно, жизнь за границей не прошла для него бесследно. Об этом свидетельствует характерный ответ Рылеева на вопрос, заданный ему генерал-адъютантом Бенкендорфом во время судебного следствия: «С которого времени и откуда заимствовали вы свободный образ мыслей, т. е. от сообщества ли или внушений других, или от чтения книг, или сочинений в рукописях и каких именно? кто способствовал укоренению в вас сих мыслей?» «Свободомыслием, — отвечал на это Рылеев, — *заразился я во время походов во Францию в 1814 и 1815 годах;* потом оное постепенно возрастало во мне от чтения разных современных публицистов, каковы Биньон, Бенжамен Констан и другие, и, наконец, со дня вступления моего в члены общества, в продолжение трех лет почти каждодневные беседы с людьми одинакого образа мыслей и продолжение чтения упомянутых авторов довершили преступный образ мыслей моих. Особенно же никто во мне оных не укоренял и я поистине себя одного

должен обвинять во всем» («Восстание декабристов», т. I, М. 1925, стр. 156; курсив наш. — *А. Ц.*).

Некоторые свидетельства мемуаристов помогают установить нам другие книги, способствовавшие формированию «преступного образа мыслей» Рылеева. Так, А. В. Никитенко рассказывает о своей встрече с Рылеевым в книжной лавке в уездном городке Воронежской губернии, Острогожске; недалеко от последнего стояла рота артиллерии, в которой служил Рылеев. «Он потребовал «Дух законов» Монтескье, заплатил деньги и велел принести себе книги на дом». Чтение сочинений о государственном устройстве и политико-экономических сочинений было типично в те годы не для одного Рылеева. *

Военная служба очень скоро должна была начать тяготить будущего декабриста. После возвращения на родину Рылеев, как и многие другие его современники, решает бросить ненавистную ему военную службу («для нынешней службы нужны подлецы, ** — читаем мы в одном из его писем к матери, — а я к счастию не могу им быть и по тому самому ничего не выиграю»). Мелкопоместье не тянуло к себе Рылеева. Выйдя в отставку, он вскоре переезжает в Петербург, начинает участвовать в нескольких литературных обществах, печататься в журналах. Но все это не могло дать ему средств к существованию. Женившемуся Рылееву необходимо служить, и он становится заседателем Петербургской уголовной палаты, ревностным защитником справедливости и ожесточенным про-

* «В 1816 году, — писал В. Раевский, — мы возвратились из-за границы в свои пределы. В Париже я не был, следовательно, многого не видел; но только суждения, рассказы поселили во мне новые понятия; я начал искать книг, читать, учить то, что прежде не входило в голову мою, хотя бы «Esprit des Lois» Монтескье, «Contrat Social» Руссо я вытвердил, как азбуку». «В нашем отечестве, — свидетельствовал Н. И. Тургенев, — сведения по части политической экономии начали распространяться с очевидным успехом» («Россия и русские»).

** В прежних изданиях писем Рылеева этот эпитет обычно выбрасывался.

тивником крючкотворства и взяточничества, безраздельно царивших в судах крепостнической России.

«Холод обдает меня, когда я вспоминаю, что, кроме множества разных забот, меня ожидают в оной мучительные крючкотворства неугомонного и ненасытного рода приказных... Но в столицах приказные некоторым образом еще сносны... в русских провинциях — это настоящие кровопийцы» (из письма к Булгарину в августе 1821 года).

Нетрудно угадать, что с этими взглядами Рылееву трудно было ужиться в суде, ничем не изменившемся со времен капнистовской «Ябеды». В 1824 году мы видим его уже на службе Российско-американской компании, одного из тех торгово-промышленных предприятий, которые в значительном количестве возникали в первой четверти XIX века, — предприятии, опекаемом правительством и представлявшем собой один из примеров вступления дворянской России на путь капиталистического развития. Рылеев служит здесь правителем канцелярии до самого своего ареста в конце 1825 года, отличается честностью и исполнительностью, — признательная компания дарит ему ценную енотовую шубу.

Политическое развитие Рылеева, как и многих других декабристов, проходит на фоне значительнейших событий 20-х годов. На Западе это — восстания в Греции, Испании, потрясающие дряхлые устои феодальной части Европы. Помочь Греции он страстно призывает фрондирующего против правительства русского генерала («К А. П. Ермолову»); что же касается испанской революции, то ее вождь, офицер Риэго, вызывает к себе живейшую симпатию Рылеева. В России такими политическими событиями были — восстание Семеновского полка, чему Рылеев сделался свидетелем (ему долгое время приписывалась — без всяких, впрочем, оснований — специальная историческая записка об этом солдатском бунте); дуэль К. Чернова с флигель-адъютантом Новосильцовым, в которой Рылеев участвует как секундант Чернова; по поводу смерти последнего он пишет зажигательное стихотворение. Наконец

с 1823 года Рылеев делается участником находившегося в то время в состоянии распада тайного общества, а с начала 1825 года — его деятельнейшим вождем.

Политические взгляды Рылеева отличались несомненным своеобразием. Не принадлежа ни к одному из двух крайних флангов декабризма, он занимал в недрах этого движения особое место. С одной стороны, Рылеева не могла удовлетворить политическая программа Никиты Муравьева, слишком явно приноровленная к защите интересов капитализировавшейся части помещиков, программа явно цензовая и аристократическая. С другой стороны, демократическая программа южанина Пестеля пугала Рылеева своим «якобинством», насильственным разрушением самодержавно-крепостнического режима при поддержке крестьян. Характерно, что, отвергая обе эти политические программы, Рылеев уклонялся от прокламирования своей собственной. «Главным препятствием к соединению обществ Трубецкой предполагал конституцию Никиты Муравьева, которая не нравилась Пестелю потому, что она в духе своем была совершенно противуположна образу мыслей и конституции, составленной самим Пестелем. Причем я сказал, что в этом находить препятствие есть знак самолюбия; что по моему мнению мы в праве только разрушить то правление, которое почитаем неудобным для своего отечества, и потом тот Государственный Устав, который будет одобрен большинством членов обоих обществ, представить на рассмотрение Великого Собора как проект» («Восстание декабристов», т. I, М.—Л. 1925, стр. 174). Эта срединная позиция между Никитой Муравьевым и Пестелем занимается Рылеевым и по целому ряду важнейших политических вопросов. Возьмем, например, вопрос о республике и монархии, по которому рубеж среди декабристов проходил достаточно резко и отчетливо. «...Я, — признавался Рылеев в своих показаниях, — был всегда того мнения, что Россия еще не созрела для республиканского правления, и потому в то время всегда защищал ограниченную монархию, хотя душевно и пред-

почитал ей образ правления Северо-Американских Соединенных Штатов, предполагая, что образ правления сей республики есть самый удобный для России по обширности ее и разноплеменности населяющих ее народов. О чем говорил я многим членам и между прочим Никите Муравьеву, склоняя его сделать в написанной им конституции некоторые изменения придерживаясь устава Соединенных Штатов, оставив однако ж формы монархии» (там же, стр. 175). Никита Муравьев опирался на капитализирующееся дворянство: по его конституции «крепостное состояние и рабство отменяются» (глава III, пункт 13), но «земли помещиков остаются за ними» (там же, пункт 24) и цензовый принцип кладется в основу государственного управления. Мелкобуржуазный демократ, Пестель, наоборот, резко противился сохранению цензового начала: «Все пять родов преимуществ, коими дворянское сословие поныне пользовалось, должны непременно решительнейшим образом быть уничтожены. А так как дворянское достоинство не что иное, как итог сих пяти родов преимуществ, то и следует из сего, что и самое звание дворянства должно быть уничтожено». Рылеев и здесь был демократичнее Муравьева и умереннее Пестеля. Отчетливо видя узость той базы, на которую опирался идеолог северного крыла декабристов, он ориентировался не на мелкую буржуазию — ремесленников, городских мещан, освобожденных от крепостной зависимости крестьян, — а на буржуазию. Чтение Бентама и французских публицистов не прошло для Рылеева безрезультатно. Именно им была сделана попытка обеспечить Северному обществу поддержку зажиточного купечества и фабрикантов. «При отъезде М. Муравьева отсюда я точно говорил ему, что буду стараться принять в члены общества некоторых из здешнего купечества. Этого желал я с одобрения Северной Думы с тою целию, чтобы иметь членов и в этом сословии. Надеялся же достигнуть сего чрез Барона Штейнгеля; об чем и говорил ему; но он решительно отвечал мне, что это дело невозможное, что наши купцы

невежды. Сим кончилось мое покушение» («Восстание декабристов», т. I, стр. 179). Некоторые связи Рылеева с буржуазией все же несомненны — через Г. С. Батенкова, также служившего в Российско-американской компании, через директора этой компании Прокофьева и др.

Возьмем ли мы вопрос об его отношении к царской фамилии (колебания между физическим уничтожением императора и отсрочкой вопроса об участи царствующего дома до созыва великого собора, — там же, стр. 188), возьмем ли мы вопрос о тактике восстания — всюду нам бросятся в глаза промежуточность Рылеева, колебания, глубоко характерные не только для него самого, наиболее левого руководителя умеренного крыла декабризма, но и для всех вокруг него группировавшихся — для братьев Бестужевых, Каховского, князя Е. П. Оболенского и др. На индивидуальном примере Рылеева раскрываются многие из тех противоречий, которыми характеризовался северный декабризм. С одной стороны — довольно острая критика крепостнического режима, его военного строя, его администрации, его социального разделения на «рабов» и «тиранов», то есть критика, питающаяся в конце концов *буржуазной* идеологией. С другой — отсутствие ясного представления о *средствах*, которыми можно было бы разрушить аракчеевский режим, отсюда — тенденции ограничить движение словесным протестом, эффектными антиаристократическими демонстрациями (роль Рылеева в дуэли армейского офицера Чернова с флигель-адъютантом Новосильцовым) и все растущее недоверие (чтобы не сказать более) к широкому движению трудящихся масс. Наиболее левый представитель умеренного крыла декабризма, Рылеев не избег боязни «народной революции» — боязни, обескровившей восстание 14 декабря. Отсюда — быстрая капитуляция Рылеева перед режимом, разгромившим движение, и признание им «преступности» своих политических замыслов и поступков.

Вся эта сложная гамма социальных противоречий, обуревавших Рылеева, намеченная здесь нами в самой

общей и схематической форме, нашла себе широкое выражение и в его литературной деятельности. Путь от сатиры на Аракчеева к переложениям псалмов в Алексеевском равелине проделан им в какие-нибудь шесть-семь лет. Но агитационная роль Рылеева-поэта в истории русского революционного движения несомненно очень значительна. Так случилось не столько потому, что Рылеев «был ярко талантливый и глубоко несчастный человек, но отнюдь не герой и не вождь» (Покровский), сколько потому, что вся его поэзия насыщена осознанием им собственной политической слабости. Это не могло не волновать читателя, и в драматическом соединении с гражданственными взглядами Рылеева придало ряду его стихотворений глубоко революционное значение.

Обратимся же к поэтическому творчеству Рылеева и постараемся изучить последнее в процессе его развития и в тесной связи с современной ему литературой.

3

Русская поэзия 10—20-х годов прошлого века в своей основной и доминирующей части была дворянской. Буржуазные течения ее, несомненно существовавшие в ту пору, или играли подчиненную роль (поэзия Слепушкина), или ограничивали свою деятельность определенными, довольно узкими, рамками (басенная продукция Крылова). Главные дороги заняты были поэтами, творившими в духе легкого классицизма. Пушкин, Дельвиг, Батюшков, Боратынский и другие деятели «плеяды» представляли собою одну и ту же среднюю прослойку поместного дворянства, экономически оскудевшего, но еще не утратившего ни былой своей культуры, ни специфически дворянского самосознания. Не случайно у этих представителей дворянской поэзии не пользовалась большой популярностью торжественная и высокопарная ода; популярность этого жанра уже тогда была ограничена узкими пределами кружка литературных староверов. Традиционными жанрами легкоклассической поэзии являлись элегия и эпи-

грамма, вакхическая и мифологическая пьеса, романс и песня, различные «малые формы» салонной поэзии — в роде мадригала, стихов в альбом и пр. Творческие искания молодого Пушкина, Дельвига и Боратынского находились под влиянием таких классиков античного эпикуреизма, как Анакреон и Гораций, таких представителей французского эпикуреизма, как Парни, Грекур и Шолье, таких русских поэтов, как Батюшков и — отчасти — Державин. Эта поэзия не лишена была политической тематики, вполне естественной в эпоху злейшей реакции, — вспомним вольнолюбивую лирику Пушкина и Вяземского, — но чаще всего она характеризовалась преобладанием интимных, любовных мотивов.

Молодой Рылеев движется в русле этой поэтической традиции, сравнительно редко выходя за ее пределы. Подчинение его этим идеологически несколько чуждым влияниям отчасти обусловлено биографическими причинами (к 1818—1819 годам относится роман его с Натальей Михайловной Тевяшовой, завершившийся их браком), отчасти беззащитностью Рылеева перед лицом той богатейшей словесной культуры, которой обладали поэты «плеяды» и которой так недоставало Рылееву. Вот почему мы найдем у него язвительное послание против защитников «старого слога» («Путешествие на Парнас»), и элегию, изобилующую нескромными картинами любовных восторгов и радостей («К Делии», «Счастливая перемена»), и горацианское «Послание к другу» с советами ловить «блага», которые предоставляет «цветущая юность» («К другу»), и язвительную эпиграмму на «стиходеев», и литературную «шараду», и томный романс, и прославляющую уединение идиллическую поэму («Пустыня»). Было бы ошибкой отрицать за всей этой продукцией литературную ценность — некоторые из ранних опытов Рылеева достоинством были не ниже произведений многих поэтов той поры; но индивидуального, специфически рылеевского здесь было мало, и если бы молодой поэт не искал других дорог, он неизбежно превратился бы в эпигона.

В высшей степени характерно, однако, что, следуя канонам легкоклассической поэзии, Рылеев стремится преодолеть их там, где они стесняют его оппозиционную настроенность, еще не очень четкую, но уже формирующуюся.

Рылееву, например, совершенно чуждо любование усадьбой. Аромат поместья, его быта и культуры, столь характерный, например, для Жуковского, на Рылеева никак не действует. Традиционная для той поры дилемма усадьбы и столицы бесповоротно решена Рылеевым в сторону последней. Если, например, Туманский в своих «Стансах к другу» благодушно воспевает «спокойное уединение» усадьбы:

Довольный жребием, в покое
Я жизнью наслаждаться стал;
Мечты исчезли: я узнал,
Что счастье в тишине прямое...

то Рылеев этот традиционный каркас «послания к другу» наполняет совсем иным содержанием. Просьбу друга «навсегда остаться на Украине» поэт решительно отвергает:

Чтоб я младые годы
Ленивым сном убил!
Чтоб я не поспешил
Под знамена свободы!
Нет, нет, тому во век
Со мною не случиться...

(«К К — му»; 1821)

Так характерно противостоят друг другу усадебная мечтательность и активность молодого Рылеева, типущегося «на берега Невы», «под знамена свободы».

Другой пример. «Пустыня» Рылеева (1822) представляет собою в общем явное подражание «Моим пенатам» Батюшкова и «Городку» Пушкина. Такого рода восхваления идиллического уюта бедного домика, где поэт отдыхает в уединении от шумного света, писались в 10—20-х годах прошлого столетия в огромном количестве. Но и этой традиционной теме придано в «Пустыне» особенное звучание. Там, где Батюшков призывает «упиться сладострастьем» и «смерть опередить», там, где Пушкин восхваляет «уедине-

ние» «анахорета», у Рылеева прорываются совершенно иные мотивы:

Покину скоро я
Украинские степи
И снова на себя
Столичной жизни цепи,
Суровый рок кляня,
Увы, надену я!
Опять под час в прихожей
Надутого вельможи
(Тогда как он покой
На пурпуровом ложе
С прелестницей младой
Вкушает безмятежно,
Ее лобзая нежно),
С растерзанной душой,
С главою преклоненной
Меж челядью златой,
И чинно, и смиренно
Я должен буду ждать
Судьбы своей решенья,
От глупого сужденья,
Которое мне дать
Из милости рассудит
Ленивый полу-царь,
Когда его разбудит
В полудни секретарь
. . . .

Мы слышим здесь ноты социального *протеста*, правда, не очень сильного, но при всем том звучащего протеста, совершенно отсутствующего в «Пенатах» и «Городке», — свидетельство того, что Рылеев, подпав под влияние дворянского эпикуреизма, порою преодолевал последний. В этом смысле «Пустыня» была этапом к полной эмансипации поэта от этой беззаботной поэзии. Пройдет три года, и Рылеев, к этому времени уже декабрист, уже деятельный член Северного общества, заявит в послании к любящей его женщине:

Мне не любовь теперь нужна,
Занятья нужны мне иные,
Отрадна мне одна война,
Одни тревоги боевые.

Любовь никак нейдет на ум.
Увы! Моя отчизна страждет;
Душа в волненьи тяжких дум
Теперь одной свободы жаждет.

Эпикуреизм преодолен. Творческое внимание Рылеева привлекает к себе иная, гораздо более социально-насыщенная тематика. Она открывается сатирой «К временщику», напечатанной еще в 1820 году и обеспечившей Рылееву шумный литературный успех. Представляя собою подражание сатире второстепенного поэта 20-х годов, Милонова, «К Рубеллию», рылеевское произведение было направлено против Аракчеева, едва ли не самого ненавистного деятеля политической реакции той поры. Стилизованная под античное послание, завуалированная римскими именами и событиями, сатира эта, однако, недвусмысленно намекала и на средства, которыми Аракчеев добился власти («вознесенный в важный сан пронырствами, злодей»), и на знаменитые, столь ненавистные, военные поселения:

Твои дела тебя изобличат народу;
Познает он, что ты стеснил его свободу,
Налогом тягостным довел до нищеты,
Селения лишил их прежней красоты.

Мы не будем, подобно Н. Бестужеву, искать в этом произведении Рылеева «неслыханных звуков правды и укоризны», восхвалять его как акт «борьбы младенца с великаном» («Воспоминания Бестужевых», М. 1931, стр. 68): либеральная традиция и без того широко осветила этот эпизод биографии Рылеева. Дебют Рылеева знаменовал вступление его на путь социально-насыщенной поэзии, в стилевом отношении опирающейся на высокий классицизм XVIII века. В этом «отходе назад» была своя диалектика.

Высокий стиль витийственного классицизма несомненно казался Рылееву в какой-то мере отвечающим тем гражданственным идеям, которые он стремился выразить в своей поэзии и пропаганды которых он требовал от искусства.*

* В этом отношении любопытны замечания Рылеева на полях трагедии Вольтера «Танкред», переведенной в 1816 году Н. И. Гнедичем. «В тех местах, где герои трагедии Вольтера выражают душевное

Борясь с интимностью легкоклассических элегий, Рылеев нуждался в создании «высокого», патетического стиля, адекватного обличительному содержанию его замыслов. В поисках этого стиля он неизбежно должен был обратиться к виднейшим деятелям витийственной классики — к Державину и даже Ломоносову — для того, чтобы с их помощью создать художественно-эффективную форму гражданской оды, послания, сатиры. В этом «ретроспективизме» Рылеева не было ни доли случайности — та же опора на «архаистов» отмечала творчество другого декабриста — Кюхельбекера. Вот почему сатира «К временщику» полна лексических и синтаксических рудиментов XVIII века, вот почему оды Рылеева «Гражданское мужество», «Видение» и даже «На смерть Байрона» воскрешают характерные особенности классического языка (гиперболы, перифразы, восклицания, реторические вопросы, антитезы) и особенно композиции (реторические вступления, противопоставления, «парения» и пр.). Опираясь на классиков, Рылеев пробует насытить витийственную форму их поэзии своим социальным содержанием. Не случайно его литературные симпатии в эту пору принадлежат прежде всего классикам: здесь и «Милонов — бич пороков», и «ветхий Сумароков», «Воейков-Буало» иль «Озеров, Княжнин» и более всего «с громом звучных струн, и честь и слава россов, как диво исполин, парящий Ломоносов» («Пустыня»).

«Гражданственный классицизм» этих произведений изобиловал, разумеется, крупнейшими противоречиями. Заставлять в 1823 году «тень Екатерины» парить «над пробу-

колебание и нерешительность, Рылеев-читатель обозначает на полях свое неодобрение. Например, против стиха в одном из обращений отца к дочери: «скажи, ах, нет! молчи, когда отца жалеешь» — находим карандашную пометку: «слабо». Патетические места трагедии получают, наоборот, оценку: «очень хорошо», «очень, очень хорошо» («Книга с пометками К. Ф. Рылеева» в сб. статей «Памяти П. Н. Сакулина», М. 1931, стр. 247—249). И. Н. Розанов, опубликовавший эти пометки, совершенно прав, указывая, что возникает «тема о воспитательном влиянии ложноклассической трагедии на настроения декабристов» (там же, стр. 249).

жденным Петроградом», ниспускаться на легком облаке «как дым» к своему «прелестному правнуку», великому князю Александру Николаевичу, было, конечно, незавидным по свежести литературным приемом. Но не нужно забывать, что этот обветшалый арсенал хвалебной оды был лишь *легальной перифразой* политических тенденций Рылеева. И когда он влагал в уста Екатерины полные «божественного огня» слова:

Твой долг благотворить народу,
Его любви в делах искать,
Не блеск пустой и не породу,
А дарованья возвышать.
Дай просвещенные уставы,
Свободу в мыслях и словах,
Науками очисти нравы
И веру укрепи в сердцах.
Люби глас истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства дух неблагородный,
Неправосудье истреби...
Старайся дух постигнуть века,
Узнать потребность русских стран,
Будь человек для человека,
Будь гражданин для сограждан...

(«Видение»)

то становилось ясно, что все эти архаические средства «хвалебной оды» были поставлены на службу дидактике лозунгов «равенства», «просвещенья» и «свободы». «Архаизм» Рылеева не был эпигонством, он знаменовал любопытную попытку перечеканить старую истершуюся монету для оборота идей Северного общества.

4

«Напоминать юношеству о подвигах предков, знакомить его со светлейшими эпохами народной истории, сдружить любовь к отечеству с первыми впечатлениями памяти — вот верный способ для привития народу сильной привязанности к родине: ничто уже тогда сих первых впечатлений, сих ранних понятий не в состоянии изгла-

Съ Высочайшаго дозволенія

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШАГО, ДЕРЖАВНѢЙШАГО, ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ

АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА,

ИМПЕРАТОРА и САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО.

и проч. и проч. и проч.

Санктпетербургское Вольное Общество Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ, выбравъ единогласно своимъ Дѣйствительнымъ членомъ, по части Наукъ и Словесности, Господина Подпоручика Кондратія Ѳедоровича Рылѣева, признаетъ его чрезъ сіе участникомъ въ своихъ трудахъ и правахъ, оному принадлежащихъ.

Дано въ С. Петербургѣ, Апрѣля 5 дня 1823 года.

Диплом выданный Рылееву Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств (1823).

дить. Они крепнут с летами и творят храбрых для бою ратников, мужей доблестных для совета», — так говорит Немцевич о священной цели своих «Исторических песен» («Spiewy Hystoryczne»); эту самую цель имел и я, сочиняя «Думы».

Рылеев закономерно обратился к этому жанру польской поэзии. Его «Думы» — попытка использовать для пропаганды гражданственной тематики русскую историю, заставить говорить языком 20-х годов разнообразнейших ее героев.

Первое, что бросается нам в глаза в «Думах» Рылеева, — это их национализм. Ни один из двадцати пяти их сюжетов не касается иностранцев, в центре внимания Рылеева неизменно стоят русские. Это обстоятельство не случайно. Оно обусловлено антипатией обуржуазившегося дворянства к верхам государственного аппарата крепостнической России, в котором важную роль играли иностранцы, обрусевшие французы-эмигранты, англичане в пору борьбы с Наполеоном и особенно немцы. * В быту Рылеева национализмом были отмечены его известные «русские завтраки», состоявшие неизменно «из графина очищенного русского вина, нескольких кочней кислой капусты и ржаного хлеба». Такая странная спартанская обстановка завтраков «гармонировала со всегдашней наклонностью Рылеева — налагать печать руссицизма на свою жизнь» («Воспоминания М. Бестужева»). «Печать руссицизма» лежала не на одном Рылееве: другой поэт-декабрист, В. Ф. Раевский, упорно хотел брать все сюжеты из русской истории, использовать Новгород и Псков, образы Марфы-Посадницы и Вадима для пропаганды. По верному замечанию М. Н. Покровского, декабристы как бы компенсировали националистическими лозунгами недостаточно острую борьбу, которую они вели против социального гнета. «...У самих декабристов этот национальный мотив играл настолько серьезную роль, что проект первого покушения на Александра, в 1817 году,

* «Царь наш немец прусский, носит мундир узкий» — пелось об Александре I в одной из тогдашних вольных песен, без достаточного основания приписывавшейся Рылееву.

мотивировался тем, что «царь влюблен в Польшу, а Россию ненавидит». И за это готов был положить голову один из самых порядочных, несмотря на свою ярко классовую физиономию, людей движения, Якушкин. Но что было за дело крепостному мужику до того, что царь влюблен в Польшу?» (М. Н. Покровский, «Декабристы», М.—Л. 1927, стр. 66).

Русские герои рылеевских «Дум» в большинстве ведут ожесточенную борьбу с «чужеземцами». Только в немногих случаях эта борьба направлена на политическое освобождение народа от иноземного ига («Дмитрий Донской», «Богдан Хмельницкий»); в большинстве же случаев Рылеев славословит завоевателей — Олега Вещего, Святослава, Ермака. Его национализм часто не бывает свободен от шовинизма:

Страшась вступить с героем в бой,
Кучум к шатрам, как тать презренный,
Прокрался тайною тропой...

(«Смерть Ермака»)

Рылеев не мог не знать, что у татар не было шансов на победу в открытом бою против русских, владевших огнестрельным оружием. Ночное нападение Кучума так же мало похоже было на поступок «презренного татя» (вора, злодея), как мало было «геройства» в хищническом колонизаторстве Западной Сибири.

Другой аспект того же, в существе своем националистического, мотива — это восхваление русского, гибнущего за своего царя («Иван Сусанин»), за свой народ («Михаил Тверской»). Этих героев Рылеев окружает гражданским ореолом; припомним хотя бы министра Анны — Волынского, который дерзнул пришлецу «один всю правду высказать перед троном» и погиб в неравной борьбе с Бироном. И одновременно автор «Дум» лишает этого ореола тех, кто в своей борьбе с тиранством опирается на иноплеменников; таков Дмитрий Самозванец. Иностранцы в «Думах», как правило, или угнетатели, или жалкие враги, неспособные к открытому честному бою убийцы и «тираны».

Правда, среди «Дум» были и вольнолюбивые опыты. Но характерно, что эти последние — «Марфа-Посадница» и «Вадим» — не были закончены поэтом и представляют собою скорее исключение из правила (о них речь будет ниже).

Причина слабости «Дум» заключается, однако, не столько в их национализме, сколько в политическом содержании того материала, который лег в основу их сюжетики. Известно, что подавляющее большинство «Дум» написано на темы тех или иных эпизодов девятитомной «Истории Государства Российского». «Через три дня мне принесли для чтения IX том Истории Государства Российского Карамзина, — вспоминал о своем заключении М. Бестужев. — Странная случайность!.. Почему именно IX том попал ко мне? Не для того ли, что судьба заранее хотела познакомить меня с тонкими причудами деспотизма и приготовить к тому, что меня ожидало? Хотя мне очень хорошо была известна эпоха зверского царствования Иоанна, но я предался чтению с каким-то лихорадочным чувством любопытства». «В своем уединении прочел я девятый том Русской Истории... Ну, Грозный! Ну, Карамзин! Не знаю, чему больше удивляться, тиранству ли Иоанна, или дарованию нашего Тацита», — писал Рылеев Булгарину, посылая ему свою «безделку» — думу «Курбский», «плод чтения девятого тома». Эти строки писались об историческом сочинении с *сугубо консервативной установкой*, которую сам Карамзин и не думал скрывать. «Должно знать, — заявлял он в предисловии к своему сочинению, — как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное счастие». Декабристы восторгались теми пассажами «Истории», которые, как им казалось, подтверждали их взгляды, — таково «тиранство» Иоанна, «забота» о своем народе Владимира — «крестителя Руси», патриотическая «доблесть» разгромившего татар Дмитрия Донского и пр. Но когда мате-

риал, интерпретированный Карамзиным, клался в основу поэтических произведений, получался *зияющий разрыв* между консервативной природой материала и радикально-демократической его интерпретацией. Такова противоречивость «Дум» Рылеева. Лучше других опытов этого жанра — «Рогнеда», «Петр Великий в Острогожске». Но это или вне истории, или вопреки ей — здесь ценна живость бытовых описаний («Иван Сусанин»), легкость стиха (конец «Петра Великого в Острогожске», столь восхитивший Пушкина своей оригинальностью), драматическая увлекательность сюжета («Рогнеда»). Но и эти лучшие «Думы» не свободны от антагонизма тенденции и материала, которым характеризовался жанр в целом. История «не укладывалась» в поэтический текст. Это противоречие давало себя знать на каждом шагу, ибо, инстинктивно чувствуя ненадежность опоры на Карамзина, Рылеев принимался *идеализировать* своих героев, наделять их идеями и чувствами, характерными для его эпохи, но совершенно немыслимыми в X, XIV и даже XVII столетиях. Так, Ольга убеждает Святослава: «будь боле князь, чем воин», Рогнеда бросает Владимиру обвинение в «тиранстве», а Дмитрий Донской выступает как истый республиканец, подобный Бруту или Кассию:

Летим — и возвратим народу
Залог блаженства чуждых стран:
Святую праотцев свободу
И древние права граждан.

Анахронизмы, которыми пестрят «Думы» Рылеева, были бы второстепенными, если бы он стремился только «учительствовать». Но он ставил себе в них целью «знакомить читателя со светлейшими эпохами народной истории», — и здесь карамзинский консерватизм *мстил за себя*. «В «Думах», — как верно отметил Огарев в своем предисловии к ним, — Рылеев поставил себе невозможную задачу сочетания исторического патриотизма с гражданскими понятиями своего времени. Из этой точки отправления должно было выйти ложное изображение русских

исторических лиц, равно постановка на первый план глубоко сжившейся с поэтом гражданской идеи... В «Думах» Рылеев достиг своей политической цели в ущерб поэтическому достоинству, в них видна благородная личность автора, но не видно художника...» *

Форма «Дум» отличается чрезвычайным однообразием. Огромному большинству их присущ твердый ассортимент эпизодов: описание места действия, включающее в себя по большей части мрачный, «оссиановский» пейзаж, экспозиция героя, его пространные речи, краткий рассказ о событиях прошлого и, наконец, нравоучительную сентенцию. Их стилистику характеризует обилие архаизмов в лексике, метонимий и гипербол, словесных клише, церковнославянизмов, сложных нагнетательных конструкций синтаксиса и т. д. Эти особенности сравнительно слабо варьировались, и «Глинского» в стилевом отношении очень трудно отличить от «Курбского», а «Олега Вещего» легко смешать со «Святославом». Видимо, сам чувствуя шаблонность этих произведений, Рылеев пробует реформировать свои «Думы». Нельзя сказать, чтобы попытки его не увенчались частичным успехом: в «Рогнеде», «Сусанине», «Петре Великом в Острогожске» он отказывается от многих прежних шаблонов композиции, усложняет и разнообразит сюжет, индивидуализирует и упрощает язык. Но это «омоложение» не выводит его за границы жанра. Более того, дидактические сентенции этих «реформированных» «Дум» звучат мало оправданно, ибо новшества «формы» только резче подчеркивают националистический пафос «содержания».

* Этим мы вовсе не хотим сказать, что намеченные выше противоречия свойственны всем «Думам» Рылеева. Там где историческая подоснова надежна или, наоборот, совершенно фиктивна, Рылеев создает заостренные образы политической агитации. Таков незаконченный «Вадим», такова «Рогнеда» с ее героическим образом женщины-мстительницы за свободу порабощенного народа, таков (хотя и в меньшей степени) «Волынский». В этих «Думах» изображение истории отходит на второй план перед лирической исповедью героя-гражданина. Но как ни примечательны эти «Думы», они в количественном отношении играют несомненно подчиненную роль.

Задуманные Рылеевым новые «Думы» — о Рюрике, Владимире Святом, Пожарском, Гермогене, Минихе, — как показывают сохранившиеся частично тексты, — грозили завести Рылеева в тупик перепева собственных достижений. Рылееву-поэту грозила опасность исчерпать себя.

Трудно утверждать, что Рылеев отдавал себе отчет в грозившей ему опасности. Но характерно, что в 1823 году его работа над «Думами» прекращается. Бурный успех поэмы «Войнаровский», отрывки из которой он прочел в мае 1823 года, открывает в его творчестве новый период.

5

Русский байронизм 20-х годов был явлением в значительной мере аполитичным. Дворянская поэзия использовала творчество английского поэта крайне односторонне. В «Кавказском пленнике» и «Бахчисарайском фонтане» Пушкина, в «Чернеце» Козлова — мы легко обнаружим отзвуки байроновского индивидуализма и разочарования; но гражданские мотивы автора «Чайльд-Гарольда», критика им современного ему общественного уклада, то, что делало Байрона не только выразителем настроений деклассирующегося дворянства, но и союзником подымающихся буржуазных революций, — это к подавляющему большинству произведений русской литературы 20-х годов не привилось. Но нет правила без исключения, и Рылеев как раз был этим исключением. Прекращая работу над «Думами», он все более и более задумывается над созданием большой поэмы, которая должна вобрать в себя все положительные особенности «Дум», их общественно-политический пафос, освободясь в то же время от их недостатков — однообразия дидактики, статичности фабулы. Так создается «Войнаровский», поэма, представляющая собою несомненный шаг вперед в деле осуществления Рылеевым этих заданий.

В «Войнаровском» показателен прежде всего положенный в основу сюжета *материал*. Это — также история, но уже не рассказ о крещении Руси или об угрызениях совести монарха, вступившего на русский престол, или о

доблести верноподданного, спасшего царя от коварных иноплеменников. Сюжет «Войнаровского», представляющий собою рассказ ссыльного сподвижника Мазепы о восстании Украины против Петра I, гораздо ближе соответствует тенденциям Рылеева, с его характерной для декабриста симпатией ко всяким национально-освободительным движениям. Карамзинская дидактика больше не довлеет над поэтом, избранный им сюжет представляет большой простор для раскрытия его вольнолюбивой настроенности. В «Войнаровском» любопытно несомненно сочувственное отношение автора к Мазепе, гетману Украины, особенно показательное на фоне пушкинской «Полтавы». «Разумеется, — писал, например, Г. Лелевич, — по мастерству Рылеев далеко уступает Пушкину, но при оценке мазепинского движения наш поэт проявил несравненно бо́льшую общественную чуткость, чем его гениальный современник. Борьба Мазепы с Петром рисуется у него не как борьба честолюбивого авантюриста с законным монархом, а как «борьба свободы с самовластием» («Памяти К. Рылеева», «Известия ВЦИК» 29/IX 1925, № 222). Правильно противопоставляя здесь Рылеева Пушкину, Лелевич, однако, решает вопрос об отношении Рылеева к Мазепе слишком прямолинейно, не учитывая тех условий, которые определили симпатии поэта к восстанию Мазепы. В этом отношении более прав Д. Благой, вносящий в вопрос конкретные историко-социологические указания: «...Есть основания полагать, что образ Мазепы значил для Рылеева нечто большее, чем отвлеченные образы тех «героев свободы» вообще, целую галлерею которых он дает в своих «Думах», был напитан более конкретным, непосредственно классово-близким ему содержанием. Мазепа и мазепинцы являлись представителями украинской знати, стремившейся насадить на Украине польские шляхетские порядки, выдвинуть на командные высоты государственной жизни казацкого старшину — будущее украинское дворянство. Прототип Войнаровского — Войцеховский, совместно с Орликом, участвовал в выработке специфически-дворянской консти-

туции, ограничивавшей гетманскую власть. Всем этим объясняется весьма сочувственное отношение к Мазепе в кругах современной Рылееву либерально-дворянской украинской интеллигенции. Рылеев, по свидетельству его биографа, был в «близком общении» с этими кругами, которые должны были познакомить его с истинным смыслом выступления Мазепы против Петра... При всех *исторических* различиях дело, которому служил Рылеев, дело декабристов, имело несомненные *социальные* аналогии с делом Мазепы и его приверженцев» (Д. Благой, «Полтава» в творчестве Пушкина», «Московский пушкинист», т. II, М. 1930, стр. 16 — 17).

Поэма «Войнаровский» представляет для исследователя Рылеева первостепенный интерес. Все в ней любопытно, все чрезвычайно характерно для его таланта: и восторженное описание устами «ссыльного» восстания против русских, как бы перенесенного из начала XVIII века во времена декабристов, — так сходна фразеология Войнаровского с авторской:

И мы, свои разрушив цепи,
На глас свободы и вождей,
Ниспровергая все препоны,
Помчались защищать законы
Среди отеческих степей.

Но еще более характерно здесь то ощущение одиночества, которое овладевает Войнаровским в ссылке:

Судьбе враждующей послушен,
Переношу я жребий свой;
Но, ах, вдали страны родной,
Могу ль всегда быть равнодушен?
Рожденный с пылкою душой,
Полезным быть родному краю,
С надеждой славиться войной,
Я бесполезно изнываю
В стране пустынной и чужой.
Как тень везде тоска за мною...
Уж гаснет огнь моих очей,
И таю я, как лед весною
От распаляющих лучей.

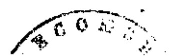
Чья историческая трагедия запечатлена в этих стихах — одного только героя поэмы или, может быть, и ее автора? Мы думаем, что последнее предположение вернее. Эти мотивы депрессии, порожденной социальным бессилием и одиночеством, дают себя знать в целом ряде других произведений Рылеева — в «Наливайке», в «Стансах», в «Гражданине» и больше всего в стихах, написанных после декабрьского разгрома. Было бы глубокой ошибкой игнорировать эти противоречия. Они звучат в разгаре патетической декламации о друзьях России и свободы, о борьбе с самовластием. Они возникают не столько в силу слабости украинского революционного движения начала XVIII века или казацких бунтов XVII века, сколько слабости самого декабризма, лишенного прочной социальной базы, не имеющего возможности опереться в *настоящем* на широкое народное движение и проецирующего на исторических полотнах и свои горячие симпатии к «свободе», и свою слабость в борьбе за нее. В трагедии Войнаровского находит себе отображение трагедия самого Рылеева.

Неоконченная поэма «Наливайко» и едва начатые поэтом поэмы «Хмельницкий» и «Мазепа» проясняют и подчеркивают это противоречие «Войнаровского». Рылеев кладет в основу их сюжета наиболее узловые, переломные эпохи украинской истории, старается изобразить казачество, гайдамаков, вновь и вновь насыщая их речи пламенными тирадами о ненависти к угнетателям. Но в центре сюжета, на авансцене его, неизменно оказывается одиночка, вождь движения, обреченный на гибель. Таков Наливайко, предчувствующий свою близкую смерть:

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа;
Судьба меня уж обрекла...

Мотивы обреченности возникают у Рылеева гораздо раньше этих поэм, и прав Н. Котляревский, отмечающий, что «смерть на плахе и ссылка — одно из любимых драма-

тических положений в стихотворениях Рылеева. Думы «Глинский», «Курбский», «Артемон Матвеев», «Волынский», «Миних» — все разные вариации на тему о пострадавших «заговорщиках» (Н. Котляревский, «Рылеев», Спб. 1908, стр. 111). Мы цитируем здесь Котляревского вовсе не для подтверждения верными наблюдениями его догадок о том, предчувствовал или не предчувствовал Рылеев «подстерегавшую» его «участь» — этот вопрос для нас не имеет значения. Важно установить то, что столь часто повторяющийся в его творчестве мотив обреченности бунтаря-индивидуалиста несомненно имеет важное значение, отражая в себе основные противоречия социального сознания Рылеева. «Одиночество среди либеральных краснобаев Северного общества и одновременный отрыв от стихийных движений народных масс — вот величайшая трагедия Рылеева. Порывистый, гордый, свободолюбивый, республиканец и демократ, — он видел свою огромную родину покорно подчиняющейся ярму самодержавия. Буржуазный революционер, он не сумел разглядеть революционный смысл в стихийных волнениях крестьянства. И мотив жуткого *одиночества* — один из любимых мотивов в творчестве Рылеева» (Г. Лелевич, «Памяти К. Рылеева», «Известия ВЦИК», 29/IX 1925, № 222). Характеристика Рылеева как типично буржуазного революционера стирает в его деятельности ряд *дворянских* особенностей, ведет к игнорированию ряда внутренних противоречий в его творчестве и потому кажется нам схематичной. Но подчеркнут «мотив жуткого одиночества» * Лелевичем совершенно правильно: он проходит через все творчество Рылеева, с особенной силой звуча на его последних этапах.

6

Творчество Рылеева в последние годы его жизни не ограничивается историческим эпосом. Именно на 1823 —

* Только не среди «либеральных краснобаев», ибо левый фланг Северного общества, возглавлявшийся Рылеевым и Е. П. Оболенским, не отличался особым краснобайством. Рылеев был «одинок» не в движении декабристов, а вместе с этим движением.

1825 годы приходятся, с одной стороны, сатирические песни Рылеева, а с другой — его гражданская лирика.

Первая из этих песен: «Ах, где те острова, где растет трын-трава, братцы!» распевалась на собраниях Северного общества. Н. И. Греч в своих воспоминаниях рассказывал, что она пелась на ужине у Булгарина, «где не все были либералы, а все слушали с удовольствием и искренно смеялись» (Н. И. Греч, «Записки о моей жизни», Спб. 1886, стр. 433). Шуточные намеки на Бестужева, Булгарина, Греча и других современников мешались в песне «Ах, где те острова» с довольно непочтительным изложением «запретных» событий русской истории.

Где Булгарин Фаддей
Не боится когтей
Танты...
Где Магницкий молчит,
А Мордвинов кричит
Вольно,
Где не думает Греч,
Что его будут сечь
Больно.
Где Сперанский попов
Обдает, как клопов,
Варом.
Где Измайлов-чудак
Ходит в каждый кабак
Даром.
Ты скажи, говори,
Как в России цари
Правят.
Ты скажи поскорей,
Как в России царей
Давят.
Как капралы Петра
Провожали с двора
Тихо;
Как жена пред дворцом
Разъезжала верхом
Лихо.

Гораздо более обличительный характер имеет другая из сочиненных Рылеевым песен — «Ах, тошно мне и в родной стороне». Шутки по адресу отдельных декабристов и

примазавшихся к ним обывателей уступают здесь место *развернутой критике крепостнического режима*. Бичующая сатира Рылеева затрогивает самые различные стороны этого режима: крепостное право «господ», торгующих людьми «как скотами» и грабящих крестьян «без стыда»; продажность суда и духовенства, в конец разоряющие налоги правительства и беззащитность народа перед лицом окружающих царя временщиков.

Ах, тошно мне
И в родной стороне;
    Все в неволе,
    В тяжкой доле, —
    Видно век вековать?
Долго ль русской народ
Будет рухлядью господ,
    И людьми
    Как скотами
    Долго ль будут торговать?
Кто же нас кабалил,
Кто им барство присудил,
    И над нами,
    Бедняками,
    Будто с плетью посадил?
По две шкуры с нас дерут
Мы посеем, они жнут;
    И свобода
    У народа
    Силой бар задушена.
А что силой отнято,
Силой выручим мы то.
    И в приволье,
    На раздолье
    Стариною заживем.
А теперь господа
Грабят нас без стыда,
    И обманом,
    Их карманом
    Стала наша мошна
Баре с земским судом
И с приходским попом
    Нас морочат
    И волочат
    По дорогам, да судам.

Ах уж правды нигде,
Не ищи, мужик, в суде.
Без синюхи
Судьи глухи,
Без вины ты виноват.
Чтоб в палату дойти,
Прежде сторожу плати,
За бумагу,
За отвагу,
Ты за все, про все давай!
Там же каждая душа,
Покривится из гроша.
Заседатель,
Председатель,
Заодно с секретарем.
Нас поборами царь
Иссушил как сухарь;
То дороги,
То налоги,
Разорили нас в конец.
А под царским орлом
Ядом подчуют с вином,
И народу,
Лишь за воду,
Велят вчетверо платить.
Уж так худо на Руси,
Что и боже упаси!
Всех затеев,
Аракчеев,
И всему тому виной.
Он царя подстрекнет,
Царь указ подмахнет,
Ему шутка,
А нам жутко,
Тошно так, что ой, ой, ой!
А до бога высоко,
До царя далеко;
Да мы сами
Ведь с усами,
Так мотай себе на ус.

Трудно поверить в принадлежность этой песни Рылееву, так значителен ее антидворянский дух, так беспощадно заклеймена в ней крепостническая Россия. Если бы до нас не дошли признания Рылеева в авторстве перед Верховным следственным комитетом, песню «Ах, тошно мне

и в родной стороне» можно было счесть плодом творчества иных, более демократических, гораздо более страдавших от гнета самодержавия классов.

Рылеев доходит здесь до тех пределов отрицания дворянского режима, за которыми начиналась народная революция. Но так велики обуревавшие этого буржуазно-дворянского революционера социальные противоречия, что, даже написав в период наивысшего подъема крестьянского движения * эту хлещущую по основам крепостнической России песню, он колеблется, распространять ли ее в той среде, настроения которой он так полно в ней выразил. «Хотя правительство, — читаем мы в воспоминаниях Н. Бестужева, — всеми мерами старалось истребить сии песни, где только могли находить их, но они были сделаны в простонародном духе, были слишком близки к его состоянию, чтобы можно было вытеснить их из памяти простолюдинов, которые видели в них верное изображение своего настоящего положения и возможность улучшения в будущем» («Воспоминания Бестужевых», М. 1931, стр. 79). Но если Рылеев совместно с Александром Бестужевым писал о «простолюдинах», то они сами *страшились* того взрывчатого действия, которое в эту эпоху в этой среде могли оказать подобные произведения. «Сначала мы было имели намерение распустить их в народе, но после одумались. *Мы более всего боялись народной революции* (курсив наш. — *А. Ц.*); ибо она не может быть не кровопролитна и не долговременна, *а подобные песни могли бы оную приблизить*» (из показания А. А. Бестужева — «Восстание декабристов», т. I, стр. 457 — 458).

При большей решительности декабристы могли бы повести за собой «народ». Но вожди страшились своего войска больше, чем врагов, которых им предстояло ата-

* По сравнению с 1817 годом крестьянское и рабочее движение возрастает к 1824 году в девять раз. Песня «Ах тошно мне» несомненно отражает (независимо от классовой идеологии ее создателей) этот рост политического недовольства закрепощенных масс, особенно крестьянства эпохи начавшегося аграрного кризиса. См. примечания к этой песне.

ковать. Именно это предопределило катастрофу 14 декабря; именно этой боязнью обусловлено то, что, близко подойдя к пределу, за которым кончалась «реформа» и начиналась «революция», Рылеев *не перешел* этой грани.

7

Наивысший подъем декабристского движения отражается в бурном и остром послании «На смерть Чернова», заступившегося за честь сестры, убитого в дуэли с флигель-адъютантом Новосильцовым и похороненного десятитысячной демонстрацией в сентябре 1825 года. В нем Рылеев говорит во весь голос, и оно звучит как рифмованная прокламация, где поставлены все точки над i, где самодержавие названо по имени:

Клянемся честью и Черновым,
Вражда и брань временщикам.
Царей трепещущим рабам,
Тиранам, нас угнесть готовым!..
И прах твой будет в посмеянье!
И гроб твой будет в стыд и срам!
Клянемся дщерям и сестрам —
Смерть, гибель, кровь за
поруганье!

Это стихотворение не было напечатано при жизни Рылеева — его, конечно, не пропустила бы царская цензура. Такой же участи подверглись и другие произведения той поры — «Гражданин» и, в особенности, обе его «Песни».

Между тем развязка близилась. Скончался в Таганроге Александр I, между Николаем и Константином началась переписка о престолонаследии. Необходимо было использовать момент, и члены Северного общества на долгих заседаниях обсуждали механику готовящегося переворота. В эти тревожные дни конца ноября или начала декабря 1825 года Рылеев пишет свое стихотворение «Гражданин», которое навсегда остается самым волнующим произведением его лирики, насквозь пронизанным противоречиями. Рылеев не с теми, кто продолжает влачить в это роковое время «свой младой век в объятиях сладострастия», он и

не с теми, кто «изнывает» душой «под игом самовластья». Восставший народ не найдет в них революционеров — потомки героических славян «переродились».

Обличающие строфы «Гражданина» звучат последним предостережением «юношеству высшего сословия российского», пока не поздно, встать в ряды готовящегося восстания. Но нет ли в «Гражданине» вместе с тем мотивов самообличения? Как согласовать пламенный призыв к мятежу с признаниями в боязни народной революции? Разгадка этого противоречия — все в той же двойственной и половинчатой природе декабрьского движения.

Через несколько дней после того как был написан «Гражданин», Рылеев становится заключенным в Петропавловской крепости, одним из арестантов Алексеевского равелина.

Здесь взор потухший лишь находит
Пространство в нескольких шагах,
С железом ржавым на дверях,
Соломы сгнившей пук обшитый,
И на увлаженных стенах
Следы страданий позабытых.

(«Одичалый» Г. С. Батенькова)

В течение тех семи месяцев, которые им проведены в Алексеевском равелине, Рылеев не возвращается к своим «вольнолюбивым» замыслам. Потрясенный неожиданной «милостью» к нему Николая I, он чистосердечно отказывается от всех своих политических «прегрешений». В этом состоянии ему, естественно, не до окончания «Наливайки» или «Хмельницкого» — им, как и рядом других узников, овладевают религиозные настроения. Поэтический талант дает о себе знать в псалмах и религиозных посланиях, написанных Рылеевым в равелине на кленовых листьях и пересланных к его соседу по камере, князю Е. П. Оболенскому. Борьба за «честь», за «отечество», за «права граждан» оставлена. Все помыслы поэта отныне — в нравственном перерождении, в подготовке к близящемуся переходу в иной мир.

И плоть, и кровь преграды вам поставит,
Вас будут гнать и предавать,
Осмеивать и дерзостно бесславить,
Торжественно вас будут убивать.
Но тщетный страх не должен вас тревожить,
И страшны ль те, кто властен жизнь отнять,
Но этим зла вам причинить не сможет!

Настроения, заключенные в этих стихотворениях, более сложны, чем это можно было бы предполагать с первого взгляда. Оставляя всякие помыслы об активной борьбе с самодержавием, Рылеев все еще полон экзальтации. Под оболочкой религиозных мотивов несомненно таится пассивное сопротивление мучителям и готовность умереть за свои убеждения. В «Исповеди Наливайки» нашла себе выражение трагедия передового бойца за свободу своего народа, бойца, обреченного на поражение и гибель. В посланиях к Оболенскому налицо следующий этап — упование уже разбитого бойца на загробный мир и при всем том готовность подвергнуться каре за свои прегрешения. «Вас будут гнать и предавать, осмеивать и дерзостно бесславить, торжественно вас будут убивать...» Эти строки писались через несколько месяцев после декабрьской катастрофы, в которой — Рылеев это хорошо знал — предательство сыграло свою роль, и за несколько месяцев до казни на эшафоте. И в высшей степени характерно, что в этом полубиографическом стихотворении нет полного отречения от целей борьбы, а есть только критика его средств. Религиозный экстаз не мешает звучать здесь ряду исконных рылеевских мотивов, из которых главным является готовность умереть за свои убеждения, своеобразная «жертвенность».

8

Между поэтами пушкинской плеяды и Рылеевым не существовало того единства взглядов, которое объединяло Дельвига и Боратынского, князя Вяземского и Пушкина. Более того — отношение большинства этих поэтов к Рылееву было сдержанно-недоброжелательным,

и совсем не случайна в этом смысле оценка его таланта, сделанная Вяземским в старости: «В поэтической деятельности Рылеева не было ничего такого, что могло бы в будущем обещать великие поэтические создания. Что было в нем поэтического, он все высказал. Стало быть, не в литературном отношении можно сожалеть о преждевременной погибели его. Можно в нем оплакивать только человека, увлеченного при жизни фанатизмом политическим, возросшим до крайней степени и, вероятно, бескорыстным». Эта оценка, в которой Рылееву-поэту так открыто вменяются в вину его политические «прегрешения», без сомнения, обусловлена ультраконсервативными воззрениями князя Вяземского в старости — известно, что по выходе в свет «Дум» Рылеева он отзывался о них одобрительно. Но, однако, уже и в то время чувствовались политические расхождения Рылеева и пушкинской плеяды. Не обусловили ли они отчужденность от творческих исканий пушкинской плеяды?

Если мы под этим углом зрения рассмотрим историю литературного общения Рылеева и «плеяды», мы должны будем ответить на поставленный нами вопрос утвердительно. Особенно много материала в этом отношении дадут его отношения с Пушкиным. К литературной деятельности автора «Дум» Пушкин относился с нескрываемым раздражением. Подсмеиваясь в письме к брату над неудачными попытками Рылеева соблюсти в своих «Думах» исторический и бытовой колорит, он шлет затем «Дельвигу поклон, Баратынскому также. Этот ничего не печатает, а я читать разучусь». И как параллель этому отзыву — обращение в конце 1822 года к Вяземскому: «Не написал ли ты чего нового? Пришли ради бога, а то Плетнев и Рылеев отучат меня от поэзии». Не один только раз автор «Дум» противопоставляется Пушкиным поэтам плеяды. «Ради бога, люби две звездочки, они обещают достойного соперника знаменитому Панаеву, знаменитому Рылееву и прочим знаменитым нашим поэтам». В этих иронических отзывах нет еще сокрушительной критики; ее Пушкин дает двумя

годами позже в письме к самому Рылееву: «Что сказать тебе о Думах? Во всех встречаются стихи живые, окончательные строфы Петра в Острогожске чрезвычайно оригинальны. Но вообще все они слабы изобретением и изложением. Все они на один покрой. Составлены из общих мест (loci topici): описание места действия, речь Героя и — нравоучение. Национального, русского, нет в них ничего, кроме имен».

Замечания эти небезосновательны; но было бы опрометчиво ограничивать сферу спора о «Думах» одной их эстетической оценкой. Причина раздражения Пушкина лежала несомненно глубже. Не однообразный покрой «Дум» только претил ему, но и те задания, которые Рылеев перед собою ставил. Рылеевские нравоучения, его гражданственный пафос уже в эти годы были чужды Пушкину, прошедшему этап своих вольнолюбивых стихотворений («Вольность», «Кинжал», «Вадим») и перешедшему от них к индивидуализму и экзотике своих южных поэм. То бродящее начало, которое Рылеев стремился (без большого эстетического успеха) выразить в своих «Думах», *перестало* уже жить в Пушкине. Что дело было здесь не в одном только «покрое», но и в тенденциях «Дум», прекрасно понимал и сам Рылеев, ответивший на эту критику в известном своем послании к А. А. Бестужеву:

Хоть Пушкин суд мне строгий произнес,
И слабый дар, как недруг тайный, взвесил,
Но от того, Бестужев, еще нос
Я недругам в угоду не повесил.
Моя душа до гроба сохранит
Высоких дум кипящую отвагу;
Мой друг, недаром в юноше горит
Любовь к общественному благу!
В чью грудь порой теснится целый свет,
Кого с земли восторг души уносит,
На зло врагам тот завсегда поэт,
Тот славы *требует*, не просит!

«Знаю, что ты не жалуешь мои думы, — пишет Рылеев Пушкину в марте 1825 года, — несмотря на то, я просил Пущина и их переслать тебе. Чувствую сам, что некоторые

так слабы, что не следовало бы их и печатать в полном собрании. Но зато убежден душевно, что Ермак, Матвеев, Волынский, Годунов и им подобные хороши и могут быть полезны не для одних детей». Эти возражения звучат значительно ослабленнее, чем послание к Бестужеву — и понятно почему: «Думы» — дело прошлого, Рылеев уже написал «Войнаровского», и спор о них потерял свою остроту. Но примечательно, что от утилитарных тенденций «Дум» Рылеев не только не отказывается, но даже стремится распропагандировать Пушкина вложенными в них гражданскими тенденциями: «Ты около Пскова: там задушены последние вспышки русской свободы, — настоящий край вдохновения и неужели Пушкин оставит эту землю без поэмы?» (письмо в январе 1825 года).

Приход Рылеева в лоно байронизма сблизил его с Пушкиным, и дальнейшие отзывы последнего о «Войнаровском» диаметрально различны вышеприведенным. «Жду Полярный Звезды с нетерпением, знаешь для чего? Для Войнаровского. Эта поэма нужна была для нашей словесности» (Рылееву — январь 1825). «Рылеев в душе поэт... Жду с нетерпением Войнаровского и перешлю ему все свои замечания. Ради Христа! Чтоб он писал — да более, более!» (Бестужеву, 1825). «Рылеева Войнаровский несравненно лучше всех его «Дум», слог его возмужал и становится истинно повествовательным, чего у него почти еще нет». И наконец: «С Рылеевым мирюсь — Войнаровский полон жизни».

Несмотря на столь сочувственные отзывы о новой поэме Рылеева, разногласия между ним и Пушкиным не могут считаться изжитыми. Приведем в доказательство этого два примера. Посвящение «Войнаровского», адресованное к Бестужеву, заключается следующими стихами:

Как Аполлонов строгий сын,
Ты не увидишь в них * искусства;
Зато найдешь живые чувства—
Я не поэт, а гражданин.

* В «плодах моих трудов».

Концовка этого послания, естественно, должна была дико звучать в ушах поэтов «плеяды», в середине 20-х годов уже явно ориентирующихся на «чистое искусство». И антитеза Рылеева используется ими как материал для пародии. Вяземским в 1825 году была написана злая эпиграмма на реакционного журналиста П. П. Свиньина, славословившего Аракчеева.

Что пользы, — говорит расчетливый Свиньин, —
Мне кланяться развалинам бесплодным
Пальмиры, Трои иль Афин?
Пусть дорожит Парнаса гражданин
Воспоминаньем благородным:
Я не поэт, а дворянин,
И лучше в Грузино пойду путем доходным;
Там, кланяясь, могу я выкланяться в чин! *

Пушкину эта эпиграмма чрезвычайно понравилась. «Я самовластно сделал в ней перемены, перемешав стихи следующим образом: 1, 2, 3, 7, 8, 4, 5, 6. Не напечатать ли, сказав: «Нет, я в прихожую зайду путем доходным», если цензура не пропустит осьмого стиха, так и без него обойдемся; главная прелесть: «Я не поэт, а дворянин!» и еще прелестнее после посвящения Войнаровского — на которое мой Дельвиг уморительно сердится» (к Вяземскому, 10 августа 1825 года). Последний стих — пародия стиха Рылеева «я не поэт, а гражданин», — комментировал впоследствии Вяземский. «Пушкин очень смеялся над этим стихом. Несмотря на свой либерализм, он говорил, что если кто пишет стихи, то прежде всего должен быть поэтом; если же хочет просто гражданствовать, то пиши прозою» («Остафьевский архив», т. I, стр. 511). Во всем

* Эпиграмма П. А. Вяземского пародирует стихотворный эпиграф к статье Свиньина «Поездка в Грузино» (имение Аракчеева):

«Я весь объехал белый свет,
Зрел Лондон, Лиссабон, Рим, Трою,
Дивился многому умом.
Но только в Грузине одном
Был счастлив сердцем и душою
И сожалел, что не поэт».

этом эпизоде равно характерно и искреннее возмущение Дельвига Рылеевым, и требование Пушкина, фактически упразднявшего вольнолюбивую политическую лирику.

О том, что обе стороны не пошли на уступки, свидетельствует второй случай. В «Полярной звезде» на 1825 год были напечатаны три отрывка из поэмы Рылеева «Наливайко», в том числе «Смерть Чигиринского старосты» и «Исповедь Наливайки». В кружке Пушкина первый из этих отрывков, почти исключительно батальный, понравился больше второго, содержащего признанья Наливайки в готовности умереть за свободу, погибнуть за родной край. Тот же самый барон Дельвиг, который сердился на ригористическое посвящение Войнаровского, в Михайловском, у Пушкина, лежал «на постели, восхищаясь Чигиринским старостой» (Письмо Пушкина к брату от 23 апреля 1825 года). Приехав в Петербург, Дельвиг передал Рылееву отзыв Пушкина о его поэмах, которым Рылеев был несколько недоволен. «Ты ни слова не говоришь о исповеди Наливайки, а я ею гораздо более доволен, нежели смертью Чигиринского старосты, которая так тебе понравилась. В исповеди — мысли чувства, истина, словом, гораздо более дельного, чем в описании удальства Наливайки, хотя, наоборот, в удальстве больше дела». Ответ Пушкина был характерен своей холодностью: «Об исповеди Наливайки скажу, что мудрено что-нибудь у нас напечатать истинно хорошего в этом роде. Нахожу отрывок этот растянутым, но и тут, конечно, наложил ты свою печать».

Но, может быть, всего знаменательнее для характеристики позиции Рылеева и Пушкина завязавшийся между ними спор о пользе для писателей «ободрения» правительства. А. А. Бестужев отрицал необходимость такого «ободрения», которое может оперить лишь обыкновенные «дарования». Пушкин не соглашался с этим, признавая ободрение полезным, но только от лица правительства, ибо у нас писатели взяты из высшего класса общества. Аристократическая гордость сливается у них с авторским

самолюбием — мы не хотим быть покровительствуемы равными. «Вот чего подлец Воронцев не понимает. Он воображает, что русский поэт явится в его передней с посвящением или с одою — а тот является с требованием на уважение как шестисотлетний дворянин — дьявольская разница». На это адресованное к Бестужеву письмо Рылеев ответил резким отпором — так он был возмущен «чванством» Пушкина своею родословной: «Справедливость должна быть основанием и действий и самих желаний наших. Преимуществ гражданских не должно существовать, да они для поэта Пушкина ни к чему и не служат ни в зале невежды, ни в зале знатного подлеца, не умеющего ценить твоего таланта... Чванство дворянством непростительно, особенно тебе. На тебя устремлены глаза России; тебя любят, тебе верят, тебе подражают. Будь поэт и гражданин...» (ноябрь 1825 года).

9

Все эти столкновения и споры свидетельствуют о том, что, несмотря на взаимное сближение, Рылеев и Пушкин развивались в начале 20-х годов различными литературными путями. Расхождение их личных воззрений и вкусов находит себе объяснение в тех социальных сдвигах, которые с такой рельефностью наметились в ту пору в недрах дворянства. Начавшийся в 20-х годах экономический кризис на довольно значительный отрезок времени лишил среднее дворянство возможности успешной капитализации. Эта всего более подвергавшаяся до того влиянию буржуазного «свободолюбия» часть класса политически быстро «трезвела». Если в конце 1810-х годов ее идеологи были верными попутчиками декабризма, то теперь оппозиционность этой группы становится все более и более умеренной и в конце концов превращается в прямую поддержку николаевского самодержавия. Пред нами — либералы, уже не помышляющие об активной политической борьбе с крепостническим режимом и под угрозой новой «пугачевщины» молчаливо заключившие с этим режимом

перемирие. В пятилетие с 1821 по 1825 год чрезвычайно отчетливо вырисовывается расхождение недавних союзников — политически радикализирующегося (особенно в своем южном фланге) движения будущих декабристов и либеральной дворянской интеллигенции, расхождение, очень скоро обнаружившее зияющее несходство, почти враждебность идеологий этих классовых групп.

Это политическое «поправение» нетрудно обнаружить и у главнейших поэтов «пушкинской плеяды», социально представлявших как раз это среднее либеральное дворянство. Наиболее далеким от каких-либо идей политической оппозиционности является в их среде барон А. А. Дельвиг. Его консерватизм в достаточной мере сказался и на отношении к творчеству Рылеева: мы видели выше, как, прямодушно восхищаясь романтической батальностью «Смерти Чигиринского старосты», Дельвиг «уморительно сердился» по поводу идеологически заостренного посвящения «Войнаровского» Бестужеву («я не поэт, а гражданин»). Сложнее обстояло дело с князем П. А. Вяземским. По пути вольнолюбия он пошел несравненно дальше не только Дельвига, но и многих других поэтов «плеяды». «Негодование» и «Петербург» Вяземского по силе своего аболиционистского пафоса смело выдерживают сравнение с пушкинской «Деревней». Но несмотря на то, что оппозиционная лирика молодого Вяземского пользовалась широкой популярностью и расходилась, подобно пушкинской, в массе списков, сам Вяземский не переходил граней дворянского либерализма. Тяготясь тем неусыпным подозрением, под которым находилась дворянская интеллигенция, он был, однако, неспособен на революционную борьбу с крепостничеством хотя бы даже в рамках сравнительно умеренной идеологии Северного общества. И чрезвычайно показательно, что уже с начала 30-х годов сословно-дворянские мотивы все более и более отчетливо звучат у Вяземского. Либеральная фронда против николаевского режима вполне уживается в нем с трезвым консерватизмом помещика, сознающего, что насильственное

низвержение самодержавия грозило бы его классу неисчислимыми опасностями.

Всего рельефнее это политическое «поправение» отразилось в творчестве А. С. Пушкина. В конце 1810-х годов Пушкин — еще деятельный и верный, казалось бы, союзник дворянской революции. Его «Кинжал», ода «Вольность», его язвительные эпиграммы против Александра I, Аракчеева не только созвучны декабристским произведениям, но зачастую превосходят их своею художественной остротою. И тем не менее и мимо Пушкина не прошло это отрезвление его классовой группы. Еще в «Деревне» (1821) явственно сделан упор не на насильственном, а на конституционном уничтожении крепостного права: «Увижу ль я, друзья, народ неугнетенный и рабство, падшее по манию царя». * Еще в 1821 году им написана ода на смерть Наполеона, с отзвуками вольнолюбивых мечтаний, которую он всего через год слишком характеризует в письме к А. Тургеневу как «мой последний либеральный бред».

Рост в Пушкине аполитических настроений превосходно отражается и в его байронических поэмах: социальные мотивы ранней лирики не случайно уступают здесь место экзотике и индивидуалистическим страстям. Стоит сравнить их с «Войнаровским», для того чтобы убедиться, как сильно расходились уже в 1823—1824 годах творческие устремления Пушкина и Рылеева. В декабрьские дни, незадолго до событий на Сенатской площади, когда Рылеев пишет своего «Гражданина», Пушкин создает в своем Михайловском «Графа Нулина». Разумеется, он еще не знает о совершающемся, но характерно одно это сопоставление творческих исканий: один создает гражданское послание, другой работает над шутливой поэмой. Разгром декабристов без сомнения глубоко потрясает Пушкина. Отсветы случившегося ложатся неизгладимой тенью на его «Бориса

* Вариант одного из списков: «И рабство падшее, и падшего царя не внушает доверия ни по текстологическим, ни по политическим соображениям.

Годунова», «Медного Всадника» и публицистику. Но уже в те дни, когда в одной из рукописных тетрадей Пушкина рисуется виселица с пятью повешенными и подписывается под нею: «И я бы мог как тут...», автор «Бориса Годунова» уже осознает свою политическую отчужденность от декабристов. Ему, без сомнения, было тяжело чувствовать себя на свободе, в то время как множество лучших людей эпохи томится в изгнании и в ссылке, в «каторжных норах» Сибири: рыцарским признанием солидарности с их делом, сочувствия ему насыщены такие его стихотворения, как «Арион» и «Послание в Сибирь». Но политическое сознание Пушкина уже в эти годы занято иным. Он деятельно переоценивает случившееся. Происшествие 14 декабря осуждено им и в публицистической записке «О народном воспитании», поданной Николаю I, и в исторической ретроспекции: осуждение бунта в «Борисе Годунове» явно ассоциируется с современными ему событиями, невзирая на двести слишком разделяющих их лет. Но, конечно, всего рельефнее подготовлявшийся уже до декабря политический поворот Пушкина раскрывается в «Полтаве». Рылеев поэтизировал Мазепу как борца за украинскую свободу, Пушкин клеймит его за измену русскому царю, как убийцу верного патриота Кочубея и обольстителя его дочери. «Прочитав в первый раз стих «Жену страдальца Кочубея и обольщенную им дочь», я изумился, как мог поэт пройти мимо столь страшного обстоятельства. Обременять вымышленными ужасами исторические характеры — и не мудрено, и не великодушно. Клевета и в поэмах всегда казалась мне непохвальною. Но в описании Мазепы пропустить столь значительную черту было непростительно. Однако же какой отвратительный предмет! Ни одного доброго благосклонного чувства! Ни одной утешительной черты! Соблазн, вражда, измена, лукавство, малодушие, свирепость...» (из критических заметок Пушкина, относящихся к «Полтаве»). Но, конечно, художественно-политический поединок Пушкина с Рылеевым не ограничился диаметрально-противоположной трактовкой образа

Мазепы: главное и наиболее существенное в «Полтаве» — это грандиозный апофеоз Петра как могучего идеолога русского самодержавия. То, что было в «бунтарском» «Войнаровском» почти зловещей фигурой фона, в «государственной» «Полтаве» стало стержнем всей поэмы.

Таковы факты. Из них уже в ту пору напрашивались важные следствия. То, что Пушкин уже задолго до 1825 года испытывал сильное охлаждение к вольнолюбивым идеям эпохи, не могло остаться незаметным для будущих декабристов. В свете этого охлаждения становится понятной и противоречивость их отношений к Пушкину. Творческие разногласия Рылеева и пушкинской плеяды таким образом ни в какой мере не были случайными. И отношение к витийственному классицизму, и различная оценка обоими поэтами художественных возможностей «Дум», и спор о пользе или вреде «ободрения» писателей были различными формами одного и того же общего спора о гражданском искусстве, его путях и возможностях. В том, что Рылеев защищал идею гражданского искусства, в том, что он боролся за ее торжество не только своими теоретическими высказываниями, но и всей своей поэтической практикой, сомневаться невозможно. Спор Рылеева с Пушкиным и его плеядой возвещает о глубоких назревающих конфликтах, об углублении классовой борьбы. Как и другие декабристы (В. Ф. Раевский, Кюхельбекер, Пущин), Рылеев высоко ценит поэтические плоды пушкинского вольнолюбия, вместе с ними он хочет иметь автора «Кинжала» и «Вольности» на стороне своего дела. Но и Рылеев и Раевский не считают Пушкина «своим», не доверяют ему, не вводят его в свои общества. Ход исторических событий показал, что у декабристов имелись бесспорные основания так относиться к Пушкину — последний перестал быть их союзником задолго до восстания 14 декабря. Отход вправо, на позиции умеренного либерализма, почти «просвещенного консерватизма», признал и сам Пушкин, в сожженной главе своего

«Евгения Онегина» осудивший сборища заговорщиков, как «заговоры между лафитом и клико», как

Безделье молодых умов,
Забавы взрослых шалунов.

Конечно, отношение Рылеева к Пушкину чрезвычайно сложно и противоречиво. Отчасти это объясняется тем, что Рылеев еще не вполне осознает происходящие в Пушкине сдвиги и не теряет надежды направить его на истинный путь; отчасти — тем, что Рылеев лично чувствует себя учеником Пушкина «в поэтическом языке». Но все это никоим образом не устраняет главного исторического факта острых творческих разногласий между обоими поэтами, *разногласий, в которых отражалась идеологическая борьба двух групп дворянской интеллигенции на пороге 14 декабря.*

10

Во всех разнообразных фазах и сторонах своего стиля — в «вольнолюбии», в непорванных порою связях с дворянским эпикурейством, в националистической патетике, в религиозных провалах последних месяцев жизни — Рылеев остается поэтом, характернейшим для всего декабристского движения. Все, что свойственно было ему на тех или иных этапах его творческого пути, присуще различным течениям поэзии декабристов. Творчество Рылеева таким образом синтезирует в себе эти разрозненные поэтические потоки.

Как ни мало изучена на сегодняшний день литературная продукция декабристов, общая ее революционность несомненна. Но эта революционность в ту пору не могла быть ничем иным, как революционностью выходцев из дворянства, борющихся за выполнение *буржуазных* по существу своему задач — низвержения самодержавия и ликвидации крепостнического строя. Эти задачи были решены к началу века во Франции; неудивительно поэтому сильнейшее влияние французских буржуазных мыслителей Бенжамена Констана, Биньона и других на со-

знание поэтов-декабристов. Но эти задачи решались и в 20-х годах — и национальные восстания против феодализма и его иноземных покровителей в Пьемонте, Греции, Испании также оказали могущественное воздействие на творческие искания декабристов, придали им нужную целеустремленность, способствовали выработке адекватной художественной формы. Поэзия декабристов вся насыщена этой буржуазно-националистической фразеологией. В условиях злейшей политической реакции целый ряд слов и понятий приобрел в этих произведениях права особого гражданства, превратился в своеобразные символы, выражающие политические тенденции движения. Таковы, например, понятия: «свобода», «общественное благо», «тиранство», «отчизна», «гражданин» и мн. др. Эта фразеология била в глаза, ибо, несмотря на свое лексическое однообразие, она изобиловала семантической остротой. Одиозность этого материала, выдававшую его запретную политическую функцию, хорошо чувствовали охранители «порядка».

В фразеологии декабристских поэтов огромную роль играло, далее, пользование понятиями, взятыми из античного лексикона. Введение таких слов, как «тиран», «республика», таких имен, как Катон или Брут, производилось в качестве легальной перифразы собственных тенденций. Открыто говорить против Аракчеева было нельзя, но можно было замаскировать нападки на него колоритом римских отношений, называть его «временщиком», апеллировать к «суду консулов», припомнить в качестве антитезы Цицерона, Катона и прочих «неподкупных» «сынов отечества». Этот историзм был, с одной стороны, своеобразной формой «эзопова языка», а с другой — типично буржуазным способом опоры на античность для усугубления ореола вокруг освободительного движения. *

Мы неоднократно отмечали выше национализм декабристов, ярко отразившийся в их поэзии. Этот национализм

* **О значении слова «тиран» в декабристской фразеологии см. в примечании к сатире «К временщику»**

питался реальной политической антипатией декабристов, мелкопоместных обуржуазивающихся дворян к «надменным пришлецам», занимавшим командные высоты в крепостническом государстве. Этот буржуазный национализм усложнял античную и западно-европейскую фразеологию ассоциациями древне-русской истории. Мы видели выше, как пример древнего Новгорода или Пскова волновал Рылеева, как убеждал он Пушкина обратиться к изображению этой поры. Пристальное внимание к этой исторической эпохе было характерно для ряда декабристских поэтов — Раевского с его «Певцом в темнице», А. И. Одоевского с его «Василько» и др. Но, конечно, всего шире оно развернулось в поэтической практике Рылеева: он не только обращается к вольнолюбивым образам Вадима или Марфы-Посадницы, но делает попытку интерпретировать в этом плане всю русскую историю от Ольги до Державина («Думы»). *

Национализм декабристов *был* революционным до 14 декабря, когда его вызвал к жизни классовый антагонизм декабристов к крепостникам. Он *перестал быть* таким после декабрьского разгрома, когда лозунги национализма стали отвечать тенденциям крепостнической России изолироваться от Западной Европы, не допустить проникновения сюда разрушительных тенденций буржуазной революции. Многие из бывших декабристов уберeглись от этого воинствующего национализма Николаевской эпохи. Если в «Якутской балладе» — «Саатырь» Бестужева мы еще не чувствуем этого отхода, то в его кавказской прозе уже немалую роль играет славословие николаевскому захватничеству на Кавказе, проводившемуся под маской цивилизаторства и умиротворения враждующих между собой горских племен. Место Рылеева в отношении этих националистических настроений сложно и противоречиво. Он бесспорно не был к ним равнодушен, в отличие от В. Ф. Раевского, творчество кото-

* Об усиленном внимании декабристов и Рылеева к образу Вадима см. в примечаниях к думе «Вадим».

рого отражало бо́льшую степень национальной терпимости и интернационализма южан. Мы уже отмечали выше, что в «Думах» не мало националистических элементов, иногда чрезвычайно сильно вредивших художественности произведения. Эту опасность Рылеев, однако, несомненно осознал. Его величайшей исторической заслугой был решительный переход к украинской тематике. Принизить Петра и возвысить «бунтаря» и «изменника» Мазепу, конечно, сумели бы в *русской* поэзии той поры очень немногие.

Чрезвычайно интересно сопоставить Рылеева с другими декабристскими поэтами и по линии эпикуреизма дворянской поэзии. Отношение это не всегда было единым. Вл. Раевский, например, настроен был к этой эротической стихии чрезвычайно отрицательно:

Оставь другим певцам любовь:
Любовь ли петь, где льется кровь,
Где кат с насмешкой и улыбкой
Терзает нас кровавой пыткой.

(«Певец в темнице»)

Но не все декабристы были такими ригористами и, например, у того же А. И. Одоевского и до 1825 года мы встретим не мало чисто эпикуреистических мотивов; нечего и говорить о полном господстве этих мотивов в последний период его творчества. Всего сильнее эпикуреизм развернулся в позднейшей деятельности Марлинского-прозаика («Фрегат Надежда» и др.), свидетельствуя здесь о бесспорной смычке этого писателя с аристократической средой, смычки, которая для него была единственно возможной в ту пору формой социальной опоры, но которая исключительно сильно искривила пути его творчества. Что касается Рылеева, то он равно свободен и от крайнего ригористического отношения к эпикуреизму, и от подчинения ему. В его произведениях мотивы наслаждения жизнью, мотивы любви всегда вступают в драматический конфликт с гражданскими мотивами. Вспомним послание к N. N., любовную интригу

«Войнаровского», стих «Гражданина», бичующий дворянскую молодежь, очутившуюся «в объятьях праздной неги», и мы поймем, что из этого противоречия Рылеев видел выход в подчинении личного начала общественному, любовного чувства — борьбе за политическую свободу. Эти глубоко новые для русской поэзии 20-х годов творческие установки Рылеева играли в ту эпоху безусловно прогрессивную роль.

Нам остается остановиться еще на религиозных мотивах в творчестве Рылеева. Мы уже объяснили выше всю естественность широчайшего развития их у одиночек, не поддержанных широким движением масс, у интеллигентов-дворян, разочаровавшихся в земной борьбе и в мрачной обстановке готовящейся расправы, в зловещей тиши Алексеевского равелина мечтающих о свободе, ждущей их за гробом. Это религиозное отречение сочеталось, например, у Г. С. Батенькова с полной душевной прострацией и безудержным пессимизмом: «Живой в гробу кляну судьбу и день несчастного рожденья! Страстей борьбу и жизнь рабу зачем вдохнула из презренья?» («Одичалый»). То же разочарованье в земной борьбе найдем мы и у В. К. Кюхельбекера, в творчестве которого отречение играет вообще центральнейшую роль: «Я думал: кончится борьба с судьбой и с нею все земные испытанья; не будет сломан, устоит борец, умрет, но не лишится воздаянья и вырвет напоследок свой венец из рук суровых... Бедный я слепец!» («Они моих страданий не поймут»). Рылееву знакомо это чувство: «Мне тошно здесь, как на чужбине», — восклицает он в одном из стихотворений, адресованных князю Е. П. Оболенскому, — для него «весь мир, как смрадная могила: душа из тела рвется вон». И его охватывает та же тяга к потустороннему миру, какая так характерна была для множества других декабристов, томившихся вместе с ним в казематах.

Поэзия декабристов не была вполне однородной. Включавшее в себя довольно различные группы дворянства, декабристское движение было достаточно разноликим и в

поэзии: между В. Ф. Раевским и А. И. Одоевским было, разумеется, гораздо больше различий, чем сходств.

Политическая разноликость обусловливалась и рядом иных причин. Движению приходилось прокладывать себе пути в обстановке сильнейшего давления уже зрелых художественных традиций. Единство воззрений на поэзию, правда, намечалось и до 1825 года; таков, например, «архаизм», объединявший Кюхельбекера и Рылеева. Но это единство было частичным — декабристы не успели сформироваться в единое литературное движение. Что же касается до их творчества после 1825—1826 годов, то оно явно пошло по линии *пересмотра* множества существеннейших заветов прошлого, да и единством уже не отличалось никаким. Для нас здесь важно, однако, констатировать, что в кругу декабристских поэтов Рылеев был центральной фигурой, что в его произведениях наиболее сложно и синтетически сочетались различные аспекты декабристской идеологии. У Рылеева найдется не мало связей и с Раевским, и с А. А. Бестужевым (в сотрудничестве с последним он даже писал свои песни), и с Кюхельбекером, но творческий диапазон автора «Войнаровского» сложнее диапазона всех перечисленных выше поэтов. Уступая, быть может, А. И. Одоевскому в изысканности своих стихотворений, В. Ф. Раевскому — в политической твердости и непримиримости, Кюхельбекеру — в психологической глубине, — Рылеев, однако, сочетал в своем творчестве все эти разнообразные тенденции. Его творчество в несравненно большей степени отражает в себе противоречия декабристского движения, взятого в его историческом развитии. Он был первым поэтом декабризма, первым не в хронологическом порядке (В. Раевский как поэт определился много раньше Рылеева), но по амплитуде своих колебаний и по влиянию на сознание современников.

Декабристы справедливо видели в Рылееве-поэте центральную фигуру этого литературного движения. Стихотворения Рылеева фигурировали в ряде дел декабристов,

например, в показаниях Дивова и Горсткина («Восстание декабристов», т. I, стр. XVIII). Не случайно скорбное четверостишие Войнаровского («О, край родной! поля родные! Мне вас уж боле не видать! Вас, гробы праотцев святые, изгнаннику не обнимать!») избрано В. И. Штейнгелем в качестве эпиграфа к «Запискам несчастного» («Русская старина» 1881, кн. XII, стр. 774), — тоска изгнанника Войнаровского не предвосхитила ли тоску по родине будущих ссыльных товарищей Рылеева и Пестеля? Но особенно трогательным доказательством популярности Рылеева является стихотворение В. Кюхельбекера «Тень Рылеева», написанное им в Шлиссельбургской крепости в 1827 году. Оно несомненно стилизовано в жанре рылеевских дум в роде «Глинского» или «Богдана Хмельницкого». Повествование начинается с экспозиции ужасных стен той темницы, где лежал «во тьме», на «узничьем одре» сам Кюхельбекер. «Певец, поклонник пламенной свободы отторжен, отлучен от всей природы, он в вольных думах счастия искал». Посреди мрачных воспоминаний «во мрак темницы небесное видение сошло». Пред Кюхельбекером «на облаках несомый», явился «образ, узнику знакомый»:

Несу товарищу привет
Из той страны, где нет тиранов,
Где вечен мир, где вечный свет,
Где нет ни бури, ни туманов.
Блажен и славен мой удел:
Свободу русскому народу
Могучим гласом я воспел,
Воспел и умер за свободу!
Счастливец, я запечатлел
Любовь к земле родимой кровью...
И ты, я знаю, пламенел
К отчизне чистою любовью.
Грядущее твоим очам
Разоблачу я в утешенье...
Поверь, не жертвовал ты снам:
Надеждам будет исполненье!

Товарищ, знакомый узнику, воспевший свободу и умерший за нее, — это, конечно, Рылеев. Кюхельбекер кон-

центрирует на нем все свои надежды на будущее. Предсказание небесного видения исполнилось: «Он рек — и бестелесною рукой раздвигнул стены, растворил затворы... Воздвиг певец восторженные взоры — и видит: на Руси святой свобода, счастье и покой...»

Пусть в основу этого стихотворения Кюхельбекера легла тоска, полная религиозной настроенности, — оно глубоко показательно не для одного Кюхельбекера. Декабристы не случайно так тепло относились к Рылееву: он был для них не только фактическим вождем, не только другом, но и поэтическим трибуном движения.

11

В декабре 1825 года движению, руководимому Рылеевым и Пестелем, нанесен был сокрушительный удар. «Умственная температура в России понизилась и надолго» (Герцен). Но повешенный семь месяцев спустя Рылеев сыграл важную роль как в истории русского революционного движения, так и в судьбах русской политической поэзии эпохи крепостничества.

Влияние его идей далеко не ограничивалось границами собственно русской литературы. Известно, например, произведение немецкого поэта Шамиссо «Изгнанники» («Die Verbannten», 1832), в котором перевод Войнаровского своеобразно контаминирован с передачей воспоминаний немецкого профессора Эрмана о сибирской встрече его с другом Рылеева — А. А. Бестужевым (Марлинским). Значительно было воздействие Рылеева на украинских поэтов 20—30-х годов: Забеллу, А. Могилу, Чужбинского и др. *

Среди всех этих украинских писателей особенно следует подчеркнуть Н. А. Маркевича, автора «Украинских мелодий», продолжавших историко-патриотические темы Рылеева. После выхода в свет «Войнаровского» и опубликования в печати первых отрывков «Наливайки» он обра-

* В. И. Маслов, «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева», К. 1912, стр. 320—321.

тился к Рылееву со следующим, исключительно характерным письмом: «Позвольте мне вам писать как истинный гражданин своего любезного отечества, как добрый малороссиянин. Итак, могу ли я хладнокровно читать «Войнаровского» и «Наливайку»? Примите мою и всех знакомых мне моих соотечественников благодарность. Будьте уверены, что благодарность наша искренняя, что мы от души чувствуем цену трудов ваших, которые вас и предков ваших прославляют. Мы не потеряли еще из виду деяний великих мужей малороссиян, во многих сердцах не уменьшилась еще прежняя сила чувств и преданность к отчизне. *Вы еще найдете живым у нас дух Полуботка*. Примите нашу общую благодарность: вы много сделали, очень много. Вы возвышаете целый народ — горе тому, кто идет на усмирение целых стран, кто покушается покрыть презрением целые народы, и они ему платят презрением. Но слава тому, кто прославляет величие души человеческой и кому народы целые должны воздавать благодарность. «Исповедь Наливайки» врезана в сердцах наших и в моем также» («Русская старина» 1888, декабрь, стр. 599). Такая восторженная оценка свидетельствует о том, что рылеевские поэмы отразили реальный процесс роста буржуазно-национальных настроений в среде украинской поместной интеллигенции 20-х годов.

Но, конечно, всего значительнее был след, который рылеевское творчество оставило на русской вольнолюбивой поэзии. Как это часто бывает, дело началось с произведений подражательного характера. Незначительный по размерам своего дарования поэт Розальон-Сошальский, подобно некоторым другим, «восчувствовал высокую красоту намерений Рылеева и в сердце его... отдался тот же сладкий глас, который и Рылеева вызывал на страшное и гибельное поприще для ратования за права человека». В 1825 году под влиянием произведений Рылеева, в частности его думы «Дмитрий Донской», Розальон-Сошальский написал стихотворение «Баян на Куликовом поле», темой которого является «священный огнь любви к от-

чизне», восстание против поработителей: «...в руках Донского засветил меч мщения, свободы страж священной — и гром татар умолк, и стихнул звук оков! Воскресли мы!..» Розальону-Сошальскому принадлежит и авторство произведения под заглавием «Рылеев в темнице», в котором он вкладывает в уста поэта-декабриста громовые обличения нового самодержца, рисует страшную картину деспотизма, тщеславия, беспечности и заблуждений его предшественников. На допросе он признался, что эта статья «есть его сочинения, что оная сочинена им вскоре после печального происшествия 14 декабря 1825 года и без всякого постороннего содействия». *

В круг рылеевского вольнолюбия оказались втянутыми и те поэты 20-х годов, которые позднее отошли на позиции умеренного либерализма. Таким был Н. М. Языков, один из значительных и своеобразных участников пушкинской плеяды. Сочувственное отношение его к личности Рылеева и его политической и литературной деятельности не подлежит сомнению: «Скажи Амплию, — пишет он 18 марта 1825 года своему брату, — чтоб он поблагодарил от меня Рылеева за «Думы» и «Войнаровского»: последний точно стоит благодарности, есть места восхитительные» («Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни» (1822—1829), СПБ. 1913, стр. 163). Узнав о свершившейся казни Рылеева, он заявляет: «...Пора увериться всякому, что дух времени не слушает указов и всегда пойдет своей дорогой и построит что ему надобно» (там же, стр. 200). Наконец, 7 августа 1826 года он пишет стихотворение памяти повешенного поэта-декабриста, выдержанное в высоком, «громовом» стиле политического послания, с торжественно-приподнятой лексикой, с затрудненным ораторскими приемами синтаксисом и т. д.:

Не вы ль убранство наших дней,
Свободы искры огневыя —

* М. А. Цявловский, «Эпигоны декабристов», «Голос минувшего» 1917, кн. VII—VIII. Отметим, что «Баян на Куликовом поле» был напечатан в «Украинском вестнике» 1825, № 16.

Рылеев умер как злодей! —
О вспомяни о нем, Россия,
Когда восстанешь от цепей,
И силы двинешь громовыя
На самовластие царей! *

Ко всем этим фактам идеологического сочувствия молодого Языкова Рылееву нужно присоединить факты, свидетельствующие о близости их творческих устремлений. Под несомненным воздействием «Дум» сформировалась та историко-патриотическая тематика Языкова, которая с достаточной отчетливостью проявилась уже в его произведениях 1822 и 1823 годов. В послании к своему брату (напечатанном, к слову сказать, в «Новостях литературы», где деятельно сотрудничал и Рылеев) Языков обещает, «беседуя мечтой с протекшими веками», рассказать о далеком прошлом славян, о «гении русской старины»: «Он станет петь дела отцов: неутомимые их брани и гибель греческих полков, святые битвы за свободу и первый родины удар ее громившему народу, и казнь ужасную татар...» В «Песне баяна при начатии войны» («Новости литературы» 1823) он рисует баяна, которого зовут в «страну далекую»: «Туда, где бранные пожары дунайски волны озарят, где смертоносные удары о шлемы греков завенят. С врагом сражаяся, как деды, рукой и сердцем славянин, я наши стану петь победы и смелость князя и дружин». Созвучность этих мотивов рылеевским думам в роде «Олега Вещего», «Святослава» «Баяна» или «Рогнеды» несомненна. Творчество молодого Языкова ретроспективно — оно обращено в прошлое, в русскую историю, представлявшуюся ему эпохой «вольности и славы и побед» («Песнь барда во время владычества татар в России», 1823). И не случайно совпадение у них ряда исторических образов — Святослава («Услад»), византийского царя Цимиския (там же), Дмитрия Донского («Баян к русскому воину»), отважного Олега и мн. др. Батально-

* «Атеней», историко-литературный временник, кн. III, «Памяти декабристов», Л. 1926, стр. 11.

гражданская патетика автора «Дум» явственно звучит и в ранних произведениях Языкова, хотя мотивы батализма у последнего явственно превалируют над «гражданственностью».

В сходной с Языковым форме звучат вольнолюбивые мотивы и у молодого Лермонтова в стихотворениях «Олег», «Новгород» (в последнем — с намеками на аракчеевские военные поселения). Как и Языков, Лермонтов полон исторического ретроспективизма, подобно ему он любуется славянской доблестью. Но если у того преобладала батальность, то Лермонтов обращается к эпохе вольного Новгорода. Его привлекает к себе бунтарский образ Вадима. погибшего в неравной борьбе с Рюриком за «свободу, мщение и любовь»:

> Над непреклонной головой
> Удар спустился роковой...
> Он пал в крови и пал один —
> Последний вольный славянин!..
>
> (Поэма «Последний сын вольности», 1830)

Образ Вадима не случайно приближается у Лермонтова к аналогичным образам В. Раевского или Рылеева. Но между Лермонтовым и декабристами лежит глубочайшим рубежом разгром политического движения декабристов. Лермонтов — поэт деклассирующего дворянства в эпоху феодально-крепостнической реакции, лишенный прочной социальной базы, оказавшийся в политическом тупике. Сходство его с Рылеевым сказалось не столько в конкретных влияниях, сколько в созвучии ряда общих мотивов. Ненависть к бюрократии, сочувствие национально-освободительным движениям прошлого так же объединяет обоих поэтов в области тематики, как и господство у обоих декламационно-монологического начала в области формы. Но в отличие от Рылеева, поэта обуржуазившегося дворянства, находившегося на подъеме революционного движения, Лермонтов творит в пору его спада. в эпоху величайшего «безвременья». То одиночество, ко-

торое уже намечалось в отдельных произведениях Рылеева, здесь достигло предела. Отсюда — политическая сдавленность его бунтарства, отсюда — пессимизм и религиозное отречение, которые у Рылеева возникли только на последних этапах творчества, а у Лермонтова окрасили весьма значительную часть его поэзии.

За Лермонтовым следует Огарев. Чрезвычайно характерно, что, испытав на своем творчестве сильнейшее воздействие Лермонтова, Огарев вспоминает об авторе «Войнаровского» и «Наливайки» с исключительным восторгом, как о своем идейном и литературном учителе:

> Рылеев был мне первым светом...
> Отец, по духу мне родной,
> Твое названье в мире этом
> Мне стало доблестным заветом
> И путеводною звездой!
>
> («Памяти Рылеева»)

«Придет время, — писал Огарев в «Кавказских водах» («Полярная звезда» 1861, кн. VI), — история скажет, насколько эти люди составляли родоначальный исток широкого развития нашей будущности». На творчестве Огарева нет отпечатка специальных подражаний Рылееву, но, конечно, оно близко ему по своим творческим устремлениям, и в этом отношении приведенные выше признанья Огарева глубоко характерны.

От Огарева так естествен путь к Некрасову. В его «Несчастных» не случайно воспроизводятся мотивы «Войнаровского» (изображение сибирской ссылки и на фоне ее — политического преступника). Еще шире эти мотивы развернулись в исторической поэме Некрасова «Декабристки» (по цензурным соображениям озаглавленной «Русские женщины»). Стремление облегчить своим присутствием участь ссыльных было реальным историческим фактом и для 20-х и для 70-х годов; но то обстоятельство, что эта ситуация была намечена уже в «Войнаровском» («Узнав об участи моей, она из родины своей пошла искать меня в изгнанье»), свидетельствует о созвучности идейных тенденций обоих поэтов. Характерно, что эту близость отме-

тила и враждебная Некрасову критика. В. Г. Авсеенко видел, например, в описании поездки княгини Трубецкой «обильные подражания Рылееву». «Смеем уверить г. Некрасова, — иронически замечал он, — что подобные подражания поэтам 20-х годов ничего не прибавят к его литературной репутации» («Русский вестник» 1872, № 122). *

Но, может быть, всего характернее близость эстетических воззрений Некрасова и Рылеева. Если Пушкин и особенно Дельвиг смеются над странным для них сочетанием «поэзии» и «гражданства», то Рылеев убеждает Пушкина: «Будь поэт и гражданин», а Некрасов через тридцать лет после Рылеева доводит эту формулу до ее крайнего, наиболее заостренного и типичного для эпохи революционного народничества выражения:

Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.

Некрасов в такой же мере подает здесь руку Рылееву, в какой обуживает и упрощает пушкинскую точку зрения такой характерный защитник дворянской эстетики 50-х годов, как В. П. Боткин: его негодование после прочтения гражданских стихов Некрасова в принципе своем ничем не отличается от сердитого отношения Дельвига к «Войнаровскому». Эстетические воззрения, как и книги, имеют свою судьбу.

От Рылеева через Полежаева, ** Лермонтова и Огарева к Некрасову — таково направление русской гражданской

* Вслед за Огаревым Некрасов уделяет много внимания событиям 14 декабря (картина бунта на площади в «Русских женщинах», образ возвратившегося декабриста в поэме «Дедушка» и т. д.).

** Мы внесли в эту фалангу имя Полежаева, ибо ему по праву принадлежит почетное место в истории русской революционной поэзии 20—30-х годов прошлого столетия. Но в то же время необходимо оговориться, что особой близости между его поэзией и творчеством Рылеева не было. Выражая подчас гораздо острее и надрывнее, чем Рылеев, ненависть к самодержавию, Полежаев отделен от автора «Войнаровского» разгромом декабристского движения. Если Рылеев во всем своем творчестве остался глашатаем бунта против самодержавия, то Поле-

поэзии второй четверти XIX века. Будущий историк русской политической поэзии несомненно исследует чрезвычайно сложные пути развития этой поэзии, наметит внутренние особенности отдельных его этапов. Однако уже теперь позволительно утверждать творческое единство этих поэтов. Фаланга Рылеев — Некрасов была *антикрепостнической* фалангой. Несмотря на свои внутренние различия и на несходство исторических условий, в которых этим поэтам приходилось действовать, все они выражали идеологию классов, настроенных враждебно к крепостничеству и отражавших в своем творчестве нарастание волны крестьянской революции. У Рылеева это сказалось, понятно, далеко не с той ясностью, как у Некрасова или Огарева во второй период его творчества, но первые шаги в этом направлении им безусловно были сделаны. Эта единая направленность позволяет рассматривать Рылеева, Полежаева, Лермонтова, Огарева и Некрасова не в связи с ортодоксально-дворянской, крепостнической поэзией Карамзина, Жуковского и Фета, а в резком противопоставлении ей. В этой фаланге поэтов Рылееву несомненно принадлежит почетное место.

12

В еще большей степени Рылеев повлиял своим творчеством на сознание читателей Николаевской поры. Пусть

жаев представляет собою его непокорную, но раздавленную жертву. Как верно отметил Л. Б. Каменев, «Поэзия Полежаева стала политической летописью переживаний разбитой части декабристов и тех одиночек из разночинной среды, которые погибали «в руках полулюдей, не видя себе ни сочувствия, ни поддержки». Поэты-декабристы (Рылеев, Одоевский и др.) именно этой полосы не отразили... Именно Полежаеву досталось в удел отразить в своей поэзии «безумный пыл к утраченной свободе» военнопленных царизма» (Л. Б. Каменев, «О Полежаеве», в книге «А. И. Полежаев. Стихотворения, изд. «Academia» 1933», стр. 17). Различие социального положения не могло, разумеется, не привести к глубоким отличиям стиля. Пожалуй, только в одном жанре Полежаев довольно близок к рылеевской традиции — это в сатирической песне («Ай, ахти! Ох, ура» и др.).

разбитые декабристы предавались анафеме в написанных по заказу проповедях православных священников, пусть их деятельность разоблачалась официальной печатью — дело декабристов возымело свое разрушительное действие. «Нравственное действие, произведенное днем 14 декабря, было удивительно. Пушки Исаакиевской площади разбудили целое поколение» (Герцен). В этом «нравственном действии» поэтическое слово Рылеева сыграло чрезвычайно важную роль. О том, что правительство хорошо сознавало эту «крамольность» рылеевских стихов, свидетельствует хотя бы привлечение к ответственности цензора Бирукова, пропустившего в печать бунтарскую «Исповедь Наливайки». После 14 декабря крамольным сделалось самое имя Рылеева. Изданным при жизни поэта стихотворениям прекращен был путь в печать: те, у кого находили списки рылеевских стихотворений, подвергались наказаниям. Казалось бы, что могло быть криминального в благонамеренном письме к жене, написанном Рылеевым в ночь перед казнью? Но правительство понимало, какую революционизирующую функцию могло иметь в пору политической реакции письмо политического преступника — оно было живым свидетельством беспощадной расправы, учиненной самодержавием. Письмо это распространялось во множестве списков, неоднократно перекладывалось в стихи, некоторые из которых приписывались самому Рылееву. В определении Правительствующего сената 5-го департамента 1-го отделения по делу кандидата словесных наук Московского университета, Леопольдова, констатировалось: «Правительствующий сенат не находит Леопольдова виновным в соучастии с злоумышленниками на разрушение всеобщего спокойствия; но обвиняет его: в несвойственном званию его любопытстве содержанием у себя письма преступника Рылеева... Жительствующей в Москве полковницы Гурьевой дворового человека Василия Фомина Брызгалова, у коего при обыске найден означенной писанной писарем Яковлевым список с письма преступника Рылеева, по необнаружению ни в

чем более винности его, также оставить свободным, но подтвердить, чтобы впредь был осмотрительнее». *

Преследования, конечно, затрудняли циркулирование в читательской среде рылеевских произведений, но они не могли его начисто ликвидировать. Стихи поэта-декабриста вырезались из старых журналов, переписывались от руки. Количество списков «Дум», «Войнаровского», «Наливайки» было огромным. Популярность рылеевских стихов далеко выходила за пределы революционно-настроенных читателей. Вот что свидетельствует, например, известный искусствовед Ф. И. Буслаев, человек явно консервативных воззрений: «В стенах самой гимназии мы читали «Войнаровского», «Думы» Рылеева и переписывали некоторые из них в тетрадки для своих рукописных собраний» (акад. Ф. И. Буслаев, «Мои воспоминания», М. 1897, стр. 78). То же самое отмечал и А. П. Милюков: «В то время, кроме Пушкина, у нас были особенно популярны Рылеев и Полежаев. У редкого гимназиста не водилось тетрадки с рукописными «Думами» и мелкими стихами последнего поэта. Хотя сочинения эти, как и самые имена их авторов, были в то время запретными плодами, но мы нередко читали их в классах» (А. Милюков, «Доброе старое время», СПБ. 1872, стр. 207). Свидетельств подобного рода можно было бы привести здесь множество.

Но, конечно, всего более сочувственную оценку себе рылеевское творчество находило в революционной среде. В кружке братьев Критских гений Рылеева выхваляют, предсказывают: «То, за что он погиб, увековечит его память». Огарев чрезвычайно рельефно охарактеризовал их будирующее значение для этой среды:

Мы были отроки. В то время
Шло стройной поступью бойцов —
Могучих деятелей племя
И сеяло благое семя
На почву юную умов.
Везде шепталися. Тетради
Ходили в списках по рукам;

* «Всемирный вестник» 1905, сентябрь, стр. 294—296.

Мы, дети, с робостью во взгляде,
Звучащий стих свободы рады,
Таясь, твердили по ночам.
Бунт, вспыхнув, замер. Казнь проснулось.
Вот пять повешенных людей...
В нас сердце, молча, содрогнулось,
Но мысль живая встрепенулась —
И путь означен жизни всей.

Именно в этом кругу революционеров из дворян и создалось то легендарное представление о Рылееве как общенародном борце за свободу, как о неподкупном рыцаре без страха и упрека — легенда, которая, разумеется, далеко не отражала социальной сущности поэта-декабриста, но которая сыграла огромную стимулирующую роль для многих революционеров 40—60-х годов. Таков, прежде всего, Герцен, вместе с Огаревым исключительно много сделавший для популяризации рылеевского наследства, чтивший в нем одного из своих прямых предшественников, «поставивший под эгиду этого дорогого имени» свою «Полярную звезду». Таков Бакунин, в речи к полякам (1847) призывавший «великую братскую мысль» «отдать честь публично и торжественно нашим героям, нашим мученикам 1825 года — Пестелю, Рылееву, Муравьеву-Апостолу, Бестужеву-Рюмину и Каховскому, повешенным в Петербурге за то, что они были первые граждане России». Рылеев-декабрист, Рылеев-поэт сохранили свое стимулирующее действие и на революционных разночинцев. Такова прокламация Н. В. Шелгунова «К молодому поколению» (1861), призывавшая к революционному восстанию. «И поведут вас на великое дело, а если нужно, то и на славную смерть за спасение отчизны тени мучеников 14 декабря». Характерно, что в той же самой прокламации впервые в России был напечатан «Гражданин» Рылеева — слово декабриста-поэта, как и его дело, ставилось революционером 60-х годов на службу идеям крестьянской революции.

Шелгунов был в этом отношении не одинок. Отметим здесь революционную песню «Долго нас помещики душили», сочиненную Вас. Курочкиным:

Кто слыхал о двадцать пятом годе
В крещеном народе?
Когда б мы тогда не глупы были,
Давно б не тужили.
Поднялись в то время на злодеев
Кондратий Рылеев,
Да полковник Пестель, да иные
Вовсе честные.
Не сумели в те поры мы смело
Отстоять их дело
И сложили головы за братий
Пестель да Кондратий.

Не найдется что ль у нас снова
Друга Пугачева,
Чтоб крепкой грудью встал он смело
За святое дело!*

Аналогичное стихотворение — правда, не в стилизованной форме крестьянской песни, а в агитационном жанре политического послания — ходило среди молодежи, близкой к П. Г. Заичневскому:

Каховский, Пестель, Муравьев,
Бестужев-Рюмин и Рылеев,
Вы рабства не снесли оков,
Вы смертью умерли злодеев.
Но вас потомство вознесет
История на вас укажет,
. . . .
А вам во славе не откажет... **

Закончим этот далеко не полный обзор отрывком из воспоминаний Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой: «В Кокушкине во время прогулок по полям отец любил петь запрещенные студенческие песни его времени и особенно запрещенное стихотворение Рылеева:

По духу братья мы с тобой,
Мы в искупленье верим оба,
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной...
. . . .

* Цит. по сб. нелегальной литературы «Лютня», изд. 7-е, Лейпциг, стр. 94—95.

** Цит. по ст. Н. Л. Бродского в сб. «100-летие восстания декабристов», М. 1928, стр. 200.

Любовью к истине святой
В тебе, я знаю, сердце бьется,
И верю, тотчас отзовется
На неподкупный голос мой.

Мы невольно чувствовали, — добавляла при этом А. И. Елизарова, — что эту песню отец поет не так, как другие, что в нее он вкладывает всю душу, что для него она что-то в роде «святая святых», и очень любили, когда он пел ее, и просили запеть, подпевая ему...» *

Так, от 20-х годов к 70-м тянутся эти свидетельства рылеевских читателей. Они говорят об одном и том же неоспоримом факте революционизирующего влияния поэта-декабриста на их сознание. Читатели эти жили в различных исторических условиях, и это несомненно наложило отпечаток на их отношение к рылеевскому наследству. Они принадлежали к различным классам, имели различные политические убеждения; но для подавляющего большинства запрещенные стихи Рылеева, как и его образ, были фактором, стимулирующим их революционную борьбу против крепостничества и самодержавия. «Войнаровский» и «Думы» Рылеева возбуждали дух гражданственности («Из дальних лет», воспоминания Т. П. Пассек, СПБ. 1878, т. I, стр. 220). И так велико было обаяние рылеевских стихотворений, что ему поддавались даже самые умеренные либералы.

Слово Рылеева служило при его жизни делу декабристов. Оно продолжало честно служить делу русского революционного движения на протяжении полувека подспудного своего существования.

13

Как должен отнестись к творчеству Рылеева современный пролетарский читатель? Вопрос этот неотделим от вопроса об использовании современниками политического наследства декабристов. Здесь, как и во многих других случаях, нас подстерегают две диаметрально-противопо-

* А. И. Ульянова-Елизарова, «Воспоминания об А. И. Ульянове» в сб. «А. И. Ульянов и дело 1 марта», Гиз, 1927, стр. 54.

ложные друг другу опасности — переоценки наследства и пренебрежения им. И тот и другой путь вполне реальны. По первому пошли либералы, на протяжении столетия создававшие легенду о внеклассовой сущности декабризма, якобы боровшегося за общечеловеческие идеалы. Этой абстрактной концепции особенно посчастливилось во второй половине прошлого столетия. Антимарксистская сущность такого подхода не требует в настоящее время особых доказательств: декабристское движение подчинялось общим законам классовой борьбы в ее конкретно-исторических формах 1810—1820-х годов. Объективно отражавший интересы промышленного капитала, декабризм был разгромлен феодально-крепостнической реакцией, опиравшейся на стабилизацию барщинного хозяйства и сумевшей использовать политическую половинчатость деятелей движения. Но констатированием этого основного противоречия мы ни в коей мере не можем в настоящее время ограничиваться. Дело не только в том, интересы каких классовых групп декабристы выражали, но и в том, как в их деятельности отразились ведущие противоречия действительности, какова была их роль в дальнейшей борьбе за перестройку этой действительности в истории русского революционного движения. Борясь с самодержавием, декабристы объективно развязывали и углубляли классовые противоречия внутри крепостнической России, закаляли сознание ряда поколений будущих революционеров. Игнорирование этой исторической функции движения неизбежно приведет нас к его недооценке, на сегодняшнем этапе нашей науки нисколько не менее опасной, чем благодушно-идеалистическая и внеклассовая трактовка декабризма. Преодолеть обе эти реальные опасности — идеалистического смазывания классовой сущности декабризма и «сверхматериалистического» ограничения этой функции тесными рамками одной только классовой идеологии — значит притти к правильному объяснению характера и значения этого движения методами диалектического материализма.

Именно такая трактовка дана в знаменитой статье Ленина «Памяти Герцена», написанной им в столетнюю годовщину рождения родоначальника русского народничества (1912). «Чествуя Герцена, — писал Ленин, — мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще самая буря. Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой, революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году. Следующий начинает расти на наших глазах» («Памяти Герцена», Соч. Ленина, изд. 2-е и 3-е, т. XV, стр. 468). Чем замечательна эта оценка декабризма, которая должна лечь в основу всех марксистских суждений о русском революционном движении? Тем, что Ленин не обинуясь называет декабристов деятелями этого движения на его первом этапе, в котором принимали участие преимущественно дворяне. То обстоятельство, что декабристы «страшно далеки от народа», в глазах Ленина, конечно, не маловажно — именно эта отчужденность и была причиной политической ограниченности их движения. Декабрьский разгром не умаляет, однако, исторической функции этого движения: «Но их дело не пропало». Люди, не порвавшие всецело со своим классом, люди, не имевшие возможности опереться на народ, тем не менее сыграли огромную роль в подготовке той революционной бури, которая «начинает расти на наших глазах» (статья Ленина писалась в год подъема революционного движения в недрах русского пролетариата).

Оценка декабристов Лениным диалектична, она берет движение в его противоречиях, в его социально-исторической функции. Только усвоив дух этой оценки, мы сможем исторически правильно оценить и поэтическую деятельность Рылеева.

Конечно, литературная продукция виднейшего вождя Северного общества не вполне однородна, и этим объясняется тот дифференцированный подход, который несомненно будет наблюдаться в данном случае у современного пролетарского читателя. Последний подвергнет в рылеевском наследстве критике то, что устарело, что объективно звучит в настоящее время как идеализация истории русского феодализма — именно таково большинство рылеевских «Дум». Он с равнодушием отнесется к другой части этого наследства — к любовной лирике Рылеева, не лишенной известных художественных достоинств, но при всем том глубоко несозвучной нашей эпохе. Но у Рылеева, как и у всякого писателя прошлого, нужно учиться лучшему. Это лучшее у него есть и ему обеспечен у современного читателя глубоко сочувственный прием. Такие произведения, как «Войнаровский», как «Наливайко», как «Гражданин», как песня «Ах, и тошно мне», и сейчас продолжают волновать нас глубиной и сосредоточенностью своего политического пафоса.

Те политические условия, против которых боролся Рылеев, сохранялись в течение долгого времени, и это обстоятельство бесспорно усилило функцию его поэзии. Да, пафос «Войнаровского» — в идеях буржуазно-демократического освобождения Украины. Действительность далеко опередила все, о чем Рылеев мог только мечтать более столетия тому назад. Но давно ли Украина стала свободной? Вспомним, что только Октябрь открыл ей к этому дорогу, и мы должны будем признать, что рылеевская поэма сохранила свою актуальность на весьма продолжительный исторический срок. Да, «Гражданин», по свидетельству Н. А. Бестужева, направлялся Рылеевым по адресу «высшего сословия российского», кости кото-

рого давно истлели в могилах. Но разве основная тема его стихотворения — обличение «переродившихся» — устарела в наши дни? Конечно нет. Обвинения, брошенные Рылеевым по адресу либеральничавшей дворянской молодежи, легко могут быть переадресованы мелкобуржуазной интеллигенции. За сто лет изменились исторические формы конфликта, но не его существо. Что касается песни «Ах, и тошно мне», то нет никакой необходимости ее защищать — в русской поэзии найдется немного произведений столь высокой политической остроты, сочетающейся с такой лаконичностью художественных средств. Говоря о невыносимом гнете, который испытывало крестьянство в крепостническую эпоху, песня «Ах, и тошно мне» во многом помогает нам понять противоречия русской крестьянской революции. Эта лучшая часть рылеевского наследства пережила свою эпоху. Она еще продолжает волновать наших современников.

Но нам нет нужды искусственно вырывать лучшие произведения поэта-декабриста из всего контекста его творчества. Поймем последнее во всей сложности составлявших его противоречий, во всем единстве этих противоречий, единстве, обеспечившем творчеству Рылеева особое место в истории русской литературы.

Читатели настоящего издания впервые получают возможность ознакомиться со всем рылеевским наследством как художественным, так и эпистолярным (письма его до сих пор не были собраны и печатались с большими купюрами). Мы не сомневаемся в том, что советский читатель оценит глубокое своеобразие одного из самых мужественных поэтов русской революции дворянского ее периода, поэта, которому еще Огарев обещал:

Мы стих твой вырвем из забвенья
И в первый вольный русский день
В виду младого поколенья
Возобновим для поклоненья
Твою страдальческую тень.

Нам незачем «поклоняться» Рылееву. Здесь перед нами стоит иная задача — понять его творчество как выражение декабризма во всей сложности разъедавших его социальных противоречий и в глубоко революционизирующей его исторической функции.

А. Цейтлин

К. Рылеев

К. Ф. РЫЛЕЕВ

С О Ч И Н Е Н И Я

(1820–1826)

СТИХОТВОРЕНИЯ

1820

1. К ВРЕМЕНЩИКУ

(Подражание Персиевой сатире: «К Рубеллию»)

Надменный временщик, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстец и друг неблагодарный,
Неистовый тиран родной страны своей,
Взнесенный в важный сан пронырствами, злодей!
Ты на меня взирать с презрением дерзаешь,
И в грозном взоре мне свой ярый гнев являешь.
Твоим вниманием не дорожу, подлец!
Из уст твоих хула — достойных хвал венец!
Смеюсь мне сделанным тобой уничиженьем!
Могу ль унизиться твоим пренебреженьем,
Коль сам с презрением я на тебя гляжу,
И горд, что чувств твоих в себе не нахожу.

Что сей кимвальный звук твоей мгновенной славы?
Что власть ужасная и сан твой величавый?
Ах, лучше скрыть себя в безвестности простой,
Чем с низкими страстьми и подлою душой
Себя, для строгого своих сограждан взора,
На суд их выставлять, как будто для позора!
Что пользы в сане мне и в почестях самих?

Не сан, не род — одни достоинства почтенны;
Сеян, и самые цари без них — презренны,
И в Цицероне мной не консул — сам он чтим,
За то, что им спасен от Катилины Рим...
О муж, достойный муж! Почто не можешь, снова
Родившись, сограждан спасти от рока злова?
Тиран, вострепещи! Родиться может он!
Иль Кассий, или Брут, иль враг царей, Катон!
О, как на лире я потщусь того прославить,
Отечество мое кто от тебя избавит!
Под лицемерием ты мыслишь, может быть,
От взора общего причины зла укрыть...
Не зная о своем ужасном положеньи,
Ты заблуждаешься в несчастном ослепленьи:
Как не притворствуешь и как ты не хитришь,
Но свойства злобные души не утаишь;
Твои дела тебя изобличат народу:
Познает он, что ты стеснил его свободу,
Налогом тягостным довел до нищеты,
Селения лишил их прежней красоты...
Тогда вострепещи, о временщик надменный!
Народ тиранствами ужасен разъяренный!
Но если злобный рок, злодея полюбя,
От справедливой мзды и сохранит тебя, —
Все трепещи, тиран! За зло и вероломство
Тебе свой приговор произнесет потомство!

2. К ДРУГУ

Не нам, мой друг, с тобой чуждаться
Утех и радостей земных,
Красою милых не прельщаться
И сердцем дорожить для них.
Пусть мудрецы все за химеру
Считают блага жизни сей;
Не нам их следовать примеру
В цветущей юности своей.

Теперь еще в нас свежи силы
И сердце бьется для любви;
Придут дни старости унылы, —
Угаснет прежний огнь в крови,
К утехам чувства онемеют,
Кровь медленней польется в нас,
Все наши нервы ослабеют...
И все напомнит смерти час!
Тогда, тогда уже не время
О милых будет вспоминать
И сей угрюмой жизни бремя
В объятьях нежных облегчать...

Итак, доколе не промчалась
Быстротекущих дней весна,
Доколь еще не показалась
На наших кудрях седина,
Доколь любовью полны очи
Прелестниц юных нас манят
И под покровом мрачной ночи
Восторг и радости сулят —
Мой друг, в свой домик безопасной,
Когда сну предан Петроград,
Спеши с Доридою прекрасной
На лоно пламенных отрад.

3. К ДЕЛИИ

Опять, о Делия, завистливой судьбою
Надолго, может быть, я разлучен с тобою!
Опять, опять один с унылою душой
        В Пальмире Севера прекрасной
        Брожу как сирота несчастной,
        Питая мрачный дух тоской!
        Ничтожной славой ослепленный,
Жилище скромное и неги, и отрад,
Жилище радостей — твой дом уединенный,

Безумец, променять дерзнул на Петроград,
Где все тоску мою питает,
Где сердце юное страдает!
Почто молениям твоим я не внимал!
Почто, о Делия, с тобою я расстался!
Ах, я б теперь с тоской и грустью не скитался,
Но в хижине б твоей с любовью обитал,
В сей хижине, где я узнал тебя впервые!
Где в жизни первый раз, с потоком сладких слез,
В часы для сердца дорогие
Несмелым голосом *люблю* я произнес;
Где ты мне на любовь любовью отвечала,
Где сладострастие и негу я вкушал;
Где ты в объятиях счастливца трепетала,
Где я мгновения восторгами считал!..

Ах, скоро ли опять из шумной и огромной
Столицы Севера, о мой бесценный друг,
Нечаянно в твой домик скромной
Предстанет нежный твой супруг,
И ты в объятия к нему полунагая
С постели бросишься, вся в радости, в слезах,
И я забуду все, на трепетных грудях
В восторгах пылких утопая!..

4. ТРИОЛЕТ НАТАШЕ

Ах, должно, должно быть бездушным,
Чтобы Наташу не любить!
Чтоб, зря ее, быть равнодушным,
Ах, должно, должно быть бездушным.
Я сердцу вечно был послушным,
Так как же мне не говорить:
Ах, должно, должно быть бездушным,
Чтобы Наташу не любить!

5. ЗАВЕТ БОГОВ

Кого не победит Аглаи томный взор,
Младенческая слов небрежность,
Ее приятный разговор
И чувств нелицемерна нежность, —
Тому любви во век не знать;
Тот будет в мире сиротою,
Как отчужденный тосковать
С своей холодною душою.

6. НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ ОДНОГО СТАРОГО ВОИНА, УМЕРШЕГО ОТ КРОВОПУСКАНИЯ

Вот верное изображенье
Того, которого щадили сорок лет
Трехгранные штыки и пули на сраженье —
Не пощадил его лишь докторский ланцет!

7. ЭПИГРАММА

Известно всем давно, что стиходей Арист
Грамматике еще не обучен как должно;
Теперь же из его пиесы видеть можно,
Что он и *на руку не чист!*

8. ЭПИГРАММА

Не диво, что Вралев так много пишет вздору,
Когда он хочет быть *Плутархом* в нашу пору

9. ЭПИГРАММА

«Ты знаешь Фирса чудака?
Зачем он головой кивает?»
— От пустоты она уж так легка,
Что и Зефир ее качает.

10. ЭПИГРАММА

Безделок несколько наш Бавий накропав,
Твердит, что может он с Державиным равняться.
В жару мечтать так Бавий прав;
Но в праве же зато и мы над ним смеяться!

11. ШАРАДА

Часть *первая* моя, от зноя укрывая,
Усталых путников под тень свою манит,
И их прохладой освежая,
С Зефиром шепчет и шумит.
Вторая часть моя приводит в восхищенье,
Коль был творцом ее Державин иль Петров;
Когда ж скропал Свистов —
Всех погружает в усыпленье!
А *целое* — заметь, читатель дорогой! —
В себе волшебника всю заключало силу,
Посредством коей он прекрасную Людмилу
Похитил дерзостно в час полночи глухой
Из брачной храмины в волшебный замок свой.

12. РОМАНС

Как счастлив я, когда сижу с тобою,
Когда любуюся я, глядя на тебя,
Твоею милою, любезной красотою...
Как счастлив я!

Как счастлив я, когда ты, друг мой милый,
Свой голос с звуками гитары съединя,
Поешь иль песенку, или романс унылый,
Как счастлив я!

Как счастлив я, когда умильным взором,
Прелестный, милый друг, ты подаришь меня,
Иль обратишься вдруг ко мне ты с разговором,
Как счастлив я!

Как счастлив я, когда ты понимаешь
Из взора моего сколь я люблю тебя,
Когда мне ласками на ласки отвечаешь,
Как счастлив я!

Как счастлив я, когда своей рукою
Ты тихо жмешь мою, и, глядя на меня,
Твердишь в полголоса, что счастлива ты мною,
Как счастлив я!

Как счастлив я, когда вдруг осторожно,
Украдкой ото всех целуешь ты меня...
Ах, смертному едва ль так счастливым быть можно,
Как счастлив я!

13. К ДЕЛИИ

(Подражание Тибуллу)

Почто, о Делия, с коленопреклоненьем
К бессмертным прибегал с напрасным я моленьем?
Почто на алтарях им фимиам курил,
Коль рок тебя ко мне еще не возвратил?
Дерзал ли у богов в своих моленьях скромных
Тибулл испрашивать себе палат огромных
Иль Крезовых богатств, иль славы и честей,
Иль тучных пажитьми Церериных полей,
Иль стад бесчисленных с обширными лугами?
Об скромной бедности лишь им скучал мольбами,
Которую б делил всегда с тобою я;
Молил, чтоб при тебе застала смерть меня...
На что сокровища, на что стада мне тучны?
Иль будем боле мы с тобой благополучны
В чертогах мраморных, для коих привезли
Огромны глыбы гор из разных стран земли?
Ах, нет! Ни золото, ни ткани драгоценны,
Ни храмины, рукой искусства иссеченны,
Ни в злате блещуща толпа наемных слуг

Нам счастье даровать не в силах, милый друг!
С тобой мне, Делия, и домик мой убогий
Олимпом кажется, где обитают боги;
Скудельностью своей и скромной простотой
Он гонит от себя сует крылатых рой;
И я за миг один, с тобой в нем проведенной,
Не соглашуся взять сокровищ всей вселенной.

О, боги! Пусть Тибулл, всех благ земных лишась,
Но только с Делией своей соединясь,
В дому родительском с ней вместе обитает
И вместе с нею же в нем дни свои скончает.

О, дщерь Сатурнова! И ты, любови мать!
Дерзаю к вам мольбы усердны воссылать;
Вы с благосклонностью вам сродной им внемлите
И Делию навек Тибуллу возвратите.
Но если Парки мне сего не прорекли,
Коль Делии не зреть мне боле на земли,
То пусть сей час сойду в подземные пещеры,
Где сестры лютые безжалостной Мегеры,
В жилище мрачном их тень новую узря,
Улыбкой адскою приветствуют себя.

14. К К — МУ

В ответ на стихи, в которых он советовал мне навсегда остаться в Украине

Чтоб я младые годы
Ленивым сном убил!
Чтоб я не поспешил
Под знамена свободы!
Нет, нет, тому во век
Со мною не случиться;
Тот жалкий человек,
Кто славой не пленится!
Кумир младой души,

Она меня, трубою
Будя в немой глуши,
Вслед кличет за собою
На берега Невы!

Итак простите вы —
Краса благой природы —
Цветущие сады,
И пышные плоды,
И Дона тихи воды,
И мир души моей,
И кров уединенной,
И тишина полей
Страны благословенной,
Где, горя и сует
И обольщений чуждый,
Прожить бы мог поэт
Без прихотливой нужды;
Где б дни его текли
Под сенью безмятежной,
В объятьях дружбы нежной
И родственной любви!..

Все это оставляя,
Пылающий поэт
Направил свой полет,
Советам не внимая,
За чародейкой вслед.
В тревожном шуме света,
Средь горя и забот,
В мои младые лета,
Быть может, для поэта
Она венок совьет.
Он мне в уединенье,
Когда я буду сед,
Послужит в утешенье
Средь дружеских бесед.

15. СЧАСТЛИВАЯ ПЕРЕМЕНА

Свершилось наконец! Я Лидой обладаю
И за протекшие страдания мои,
В награду пламенной любви
Теперь в восторгах утопаю!
Вчера, еще вчера, суровый бросив взгляд,
Надежды Лидинька навек меня лишила
И в сердце юном породила
Любви пренебреженной ад!
В отчаяньи, в тоске, печальный и угрюмый,
В уединение свое я прибежал;
В уме рождались мрачно думы;
Я то немел, то трепетал...
Вдруг слышу голос я... и вижу пред собою
Младую Лидиньку вечернею порою
В слезах раскаянья, с любовию в очах,
С улыбкой горестной на розовых устах!
«Прости, что я не доверяла,
«Мой милый друг, любви твоей;
«Но ныне я тебя узнала —
«И предаюсь взаимно ей!»
И с теми нежными словами
Вдруг бросилась в мои объятия она,
И страсти пламенной полна,
К моим устам касалася устами.
Огонь любви в очах ее пылал...
В восторгах страстных я и млел, и трепетал,
И Лиду прижимал
К трепещущей груди дрожащими руками!

1821

16. ЗАБЛУЖДЕНИЕ

Завеса, наконец, с очей моих упала,
И я коварную Дориду разгадал!
Ах, если б прежде я изменницу узнал,
Тогда бы менее душа моя страдала,
Тогда б я слез не проливал!
Но мог ли я иметь сомненье?..
Ее пленительный и непорочный вид,
Стыдливости с любовию боренье,
И взгляды нежные, и жар ее ланит,
И страстный поцелуй, и персей трепетанье,
И пламень молодой крови,
И робкое в часы отрад признанье —
Все, все казалось в ней свидетельством любви
И нежной страсти пылким чувством!
Но было все коварств плодом
И записных Гетер искусством,
Корысти низкия трудом!
А я, безумец, в ослепленьи,
Дориду хитрую в душе боготворил,
И страсти пламенной в отрадном упоеньи,
Богов лишь равными себе в блаженстве мнил!..

17. ЖЕСТОКОЙ

Смотри, о Делия, как вянет сей цветочек,
С какой свирепостью со стебелька
Вслед за листочком рвет листочек
Суровой осени рука!

Ах, скоро, скоро он красы своей лишится,
Не станет более благоухать;
Последний скоро лист свалится,
Зефир не будет с ним играть.

Угрюмый Аквилон нагонит тучи мрачны,
В уныние природу приведет,
Оденет снегом долы злачны, —
Твой взор и стебля не найдет...

Так точно, Делия, дни жизни скоротечной
Умчит Сатурн завистливый и злой,
И блага юности беспечной
Ссечет губительной косой...

Все изменяется под дланью Крона хладной;
Остынет младости кипящей кровь;
Но скука жизни безотрадной
Под старость, к злу, родит любовь.

Тогда, жестокая, познаешь, как ужасно
Любовью тщетною в душе пылать
И на очах не пламень страстный,
Но хлад презрения встречать.

18. ПЕРЕВОДЧИКУ АНДРОМАХИ

(На случай пятого издания перевода сей прекрасной Расиновой трагедии)

Пусть современники красот не постигают,
Которыми везде твои стихи блестят;
Пускай от зависти их даже не читают
И им забвением грозят!
Хвостов! Будь тверд и не страшись забвенья:
Твой славный перевод Расина, Буало,

из книг К. Рылеева

АНДРОМАХА,

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ,

ВЪ СТИХАХЪ,

сочиненіе Расина.

Переводъ

ГРАФА Д. ХВОСТОВА.

Что само по себѣ естественно, прекрасно,
То вновь перерождать и украшать — опасно.

Посланіе о Пришчѣ.

Изданіе пятое.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи Императорскаго Воспитательнаго Дома, 1821 года.

Титульный лист перевода «Андромахи» Д. И. Хвостова.

В награду за труды и дивное терпенье,
Врагам, завистникам на зло,
Венцом бессмертия венчал твое чело.
Так, так; твои стихотворенья
В потомстве будут все читать
И слезы сожаленья
За претерпенные гоненья
На мавзолей твой проливать.

19. М. Г. БЕДРАГЕ

На смерть Полины молодой,
Твое желанье исполняя,
В смущеньи, трепетной рукой
Я написал стихи, вздыхая.
Коль не понравятся они —
(Чего и ожидать не трудно) —
Тогда не леность ты вини,
А дар от Аполлона скудной,
Который дан мне с юных лет;
Желал бы я, пачкун бумаги,
Писать как истинный поэт,
А особливо для Бедраги;
Но что же делать?.. силы нет.

20. НА РОЖДЕНЬЕ Я. Н. БЕДРАГИ

13 июля 1821 года

Да будешь, малютка, как папа бесстрашен,
Пусть пламень гусара пылает в крови;
Как маменька — доброй душою украшен
И общей достоин любви.
Но что я желаю — любезность, отвага
И пылкость души молодой
Уже в колыбели, малютка, с тобой:
Без них — не родится Бедрага.

21. НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ

(Пр. Тих. Чир—ной)

Под тенью миртов и акаций
    В могиле скромной сей
    Лежит прелестная подруга юных Граций;
Ни плачущий Эрот, ни скорбный Гименей,
    Ни прелесть майской розы,
Ни друга юного, ни двух младенцев слезы
    Спасти Полину не могли!
Судьбы во цвете лет навеки обрекли
    Ее из пламенных объятий
Супруга нежного, детей, сестер и братий
    В объятья хладные земли...

22. ПУСТЫНЯ

(К М. Г. Бедраге)

Бежавший от сует
И от слепой богини,
Твой друг — младой поэт —
Вдруг стал анахорет
И жизнь ведет в пустыне.
В душе моей младой
Нет боле жажды славы,
И шумные забавы
Сменил я на покой.
Безумной молодежи
Покажется смешно,
Что я не пью вино,
Что мне вода дороже,
И что я сплю давно
На одиноком ложе;
Но не смотря на то,
На тихий звук свирели
В уютный домик мой

Вертлявою толпой
Утехи налетели
И весело обсели
В нем все углы, мой друг!
С печалию ж докучной
Сопутник неразлучной,
Томительный недуг,
И дочь мирского шума
Со свитою своей,
Души угрюмой дума
От хижины моей
Стремятся торопливо...
Лишь только боязливо
Задумчивость порой
Заглянет в угол мой,
Покойный и счастливой.

«Оставив шумный свет
И негу сладострастья,
Как мог во цвете лет
Найти дорогу счастья
Твой ветреный поэт?» —
Ты спросишь в изумленьи.
Мой друг, в уединеньи,
Как пышные цветы,
Кипят в воображеньи
Прелестные мечты...
Они волшебной силой
В тиши моей немой,
С своей подругой милой —
Фантазией младой,
Меня увеселяют
Чудесною игрой
И сердцу возвращают
Утраченный покой,
Который мне в пустыне
Милее всех даров

Обманчивой богини:
И злата, и чинов,
И шумных пирований,
И ласковых речей,
И ветреных лобзаний
Предательниц — Цирцей...

Но ты, мой друг бесценной,
Быть может, хочешь знать,
Как дни мои летят
В Украйне отдаленной?
Изволь: твой друг младой,[1]
Простясь с коварным миром,
С свободою златой,
Душ пламенных кумиром,
Живет в степи глухой,
Судьбу благословляя;
Он с ложа здесь встает,
Зарю предупреждая,
И в садик свой идет
Немного потрудиться,
Взяв заступ, на грядах;
Когда ж устанет рыться,
Он с книгою в руках
Под тень дерев садится
И в пламенных стихах,
Иль в прозе чистой, плавной,
Чужд горя и забот,
Восторги сладки пьет.
То Пушкин своенравной,
Парнасский наш шалун,
С Русланом и Людмилой;
То Батюшков резвун,
Мечтатель легкокрылый,
То Баратынский милый,
Иль с громом звучных струн,
И честь и слава Россов,

Как диво-исполин,
Парящий Ломоносов;
Иль Озеров, Княжнин,
Иль Тацит-Карамзин
С своим девятым томом,
Иль баловень Крылов
С гремушкою и Момом;
Иль Гнедич и Костров
Со стариком Гомером,
Или Жан-Жак Руссо
С проказником Вольтером;
Воейков-Буало,
Жуковский несравненный,
Иль Дмитриев почтенный,
Иль фаворит его
Милонов — бич пороков,
Иль ветхий Сумароков,
Иль Душеньки творец,
Любимец Муз и Граций;
Иль важный наш Гораций,
Поэтов образец,
Иль сладостный певец
Нелединский унылый,
Или Панаев милый
С Идиллией своей —
В тиши уединенной
Дарят попеременно
Мечты душе моей.

Но полдень. В дом укромный
Иду; давно уж там
Меня обед ждет скромный;
Приятный фимиам
От сочных яств курится;[2]
Мгновенно возбудится
Завидный аппетит,
И труженик-пиит

За шаткий стол садится...
Потом на одр простой
Он на часок приляжет;
Бог сна, Морфей младой,
Ему гирлянду свяжет
Из маковых цветов
И в легком сне покажет
Приятелей-певцов.[3]
Они все в Петрополе;
В моей счастливой доле
Лишь их недостает!
Под вечер за работу
Иль в сад, иль в кабинет,
Иль грозно на охоту
С котомкой за спиной
Иду с ружьем — на бой
Иль с зайцами, иль с дичью;
И, возвратясь домой
Обременен добычью,
Пью ароматный чай...
Вдруг входит невзначай
Ко мне герой Кавказа,
Которого в горах
Ни страшная зараза,
Ни Абадзех, ни Бах,
Ни грозный Кабардинец,
Ни яростный Лезгин,
Ни хищный Абазинец
Среди своих долин
В шесть лет не в силах были
Дух твердый сокрушить.
Непобедимым быть,
Казалося, сулили
Герою небеса;
Но вдруг его пленили
Прелестные глаза...
Вздыхая и вздыхая,

Не умер чуть боец;
Но, сжалясь наконец,
Красавица младая
И сердце и себя,
Героя полюбя,
С рукой ему вручила
Во храме под венцом;
Но скоро изменила
И молодым певцом
Бойца переменила...

Сей отставной майор,
Гроза Кавказских гор,
Привез с собой газеты.
Принявши грозный вид,
«Почто, — входя кричит, —
Мои младые леты
С такою быстротой,
О, труженик младой,
Сокрылись в безднах Леты?
Война, война кипит!
В Морее пышет пламя!
Подняв свободы знамя,
Грек Оттоману мстит!
А я, а я не в силах
Лететь туда стрелой,
Куда стремлюсь душой!..
Кровь тихо льется в жилах
И с каждым, с каждым днем
Все более хладеет;
Рука владеть мечом,
Как прежде, не умеет,
И бич Кавказских стран
Час от часу дряхлеет,
И грозный Оттоман
Пред ним не побледнеет!»
Со вздохом кончив речь,

Майор с себя снимает
Полузаржавый меч
И слезы отирает.
О прошлой старине,
О Сечи своевольной,
О мире, о войне
Поговорив довольно,
Мы к ужину идем;
Там снова в разговоры,
А изредка и в споры,
Разгорячась вином,
Майор со мной вступает,
И Порту, и Кавказ
В покое оставляет,
Поэзию ругает
И приступом Парнас
Взять грозно обещает!
Но вот уж первый час!
Морфей зовет к покою
И старому герою
На вежды веет сон;
Вакх также наступает,
А старость помогает,
И в спальню быстро он,
Качаясь, отступает
В атаке с трех сторон...

Майора в ретираде
До ложа проводя,
Я освежить себя
Иду в прохладном саде.
Чуть слышный ветерок,
Цветов благоуханье,
Лепечущий поток,
Листочков трепетанье,
И мрак, и тень древес,
И тишина ночная,

Пучина голубая
Безоблачных небес,
И в ней, в дали безбрежной,
Уныла и бледна,
Средь ярких звезд одна,
Как лебедь белоснежной,
Плывущая луна,
И древ и неба своды,
И хижинка моя,
Смотрящиеся в воды
Шумящего ручья,
И лодки колыханье,
И Филомелы глас, —
Все, все очарованье
В священный ночи час!
Природы красотами
Спокойно насладясь,
Я тихими шагами
В приют свой возвращусь,
Пенатам поклонюсь,
К ним верой пламенея,
И на одре простом
В объятиях Морфея
Забудусь сладким сном...

Так юного поэта,
Вдали от шума света,
Проходят дни в глуши;
Ничто его души,
Мой друг, не беспокоит,
И он в немой тиши
Воздушны замки строит.
Заботы никогда
Его не посещают,
Напротив, завсегда
С ним вместе обитают
Свобода и покой

С веселостью беспечной...
Но здесь мне жить не вечно —
И час разлуки злой
С пустынею немой
Мчит время быстротечно!
Покину скоро я
Украинские степи —
И снова на себя
Столичной жизни цепи,
Суровый рок кляня,
Увы, надену я!
Опять под час в прихожей
Надутого вельможи
(Тогда как он покой
На пурпуровом ложе
С прелестницей младой
Вкушает безмятежно,
Ее лобзая нежно),
С растерзанной душой,
С главою преклоненной,
Меж *челядью златой*,
И чинно и смиренно
Я должен буду ждать
Судьбы своей решенья,
От глупого сужденья,
Которое мне дать
Из милости рассудит
Ленивый полу-царь,
Когда его разбудит
В полудни секретарь...

. . . .

Для пылкого поэта
Как больно, тяжело
В триумфе видеть зло,
И в шумном вихре света
Встречать везде ханжей,
Корнетов-дуэлистов,

Поэтов-эгоистов,
Или убийц-судей,
Досужих журналистов,
Которые тогда,
Как вспыхнула война
На Юге за свободу,—
О срам! о времена! —
Поссорились за оду!...

23. ПОСЛАНИЕ К Н. И. ГНЕДИЧУ

(Подражание VII Посланию Депрео)

Питомец важных Муз, служитель Аполлона,
Певец, который нам паденье Илиона
И битвы грозные Ахеян и Троян,
С Пелидом бедственну вражду Агамемнона,
Вторженье Гектора в враждебный Греков стан,
И бой и смерть сего Пергамского героя
Воспел пленительно на лире золотой,
На древний лад ее с отважностью настроя,
И путь открыл себе бессмертья в храм святой!
Не думай, что б и ты, пленя всех лирой звучной,
От всех хвалу обрел во мзду своих трудов;
Борение с толпой совместников, врагов,
И с предрассудками, и с завистью докучной —
Всегдашний был удел отличнейших певцов.
Ах, иногда они в друзьях врагов встречали,
И им с беспечностью вверяяся душой,
У сердца нежного змею отогревали
И целый век кляли несчастный жребий свой...
Судьи-завистники, убийцы дарований,
Везде преследуют несчастного певца;
И похвалы друзей, и шум рукоплесканий,
И лавры свежие прекрасного венца —
Все души низкие завистников тревожит,

Все дикую вражду к их бедной жертве множит!
Одна, одна лишь смерть гоненье прекратит;
И успокоясь в мирной сени,
Дань должной похвалы возьмет с потомства гений
И, торжествующий, Зоилов постыдит.

Таланта каждого сопутник неизменной, —
Негодование толпы непросвещенной,
И зависть злобная, его всегдашний враг,
Оспаривали здесь ко славе каждый шаг
Творца Димитрия, Фингала, Поликсены.
Любимца первого российской Мельпомены
Яд низкой зависти спокойствия лишил
И, сердце отравив, дни жизни сократил.
Но весть печальная лишь всюду пролетела,
Почувствовали все, что без него у нас
Трагедия осиротела...
Тогда судей-невежд умолк презренный глас,
Венки посыпались, и зависть онемела...
Судьбу подобную ж Фонвизин претерпел,
И Змейкина, себя узнавши в Простаковой,
Сулила Автору жизнь скучную в удел
В стране далекой и суровой.

На трудном поприще ты только мог один
В приятной звучности прелестного размера
Нам верно передать всю красоту картин
И всю гармонию Гомера.
Не удивляйся же, что зависть вкруг тебя
Шипит, как черная змея!
И здесь, как и везде, нас небо наставляет;
Мудрец во всем, во всем читает
Уроки для себя:
На лоне праздности дремавший долго гений,
Стрелами зависти быв пробужден от лени,
Ширяясь, как орел, на небеса парит
И с высоты на низ с презрением глядит,

Где клеветой его порочит пустомеля...
Так деспот-Кардинал с ученою толпой
Уничижить хотел бессмертного Корнеля,
На Сида воружив Зоилов дерзкий рой...
Сид бранью угнетен; но Трагик оскорбленный
Явился с Цинною во храме Мельпомены,
И посрамленный Кардинал
Смотрел с ничтожными льстецами,
Как гением своим Корнель торжествовал
Над Академией и жалкими судьями.
Так и Жуковский наш, любимый Феба сын,
Сокровищ языка счастливый властелин,
Возвышенного полн, Эдема пышны двери,
В ответ ругателям, открыл для юной Пери.
И ты примеру следуй их
И на суждения завистников твоих,
На площадную брань и приговор суровой
С Гомером отвечай всегда беседой новой.
Орла ль парящего среди эфирных стран
В полете карканьем удержит наглый вран?
Иди бестрепетно проложенной стезею
И лавры свежие рви смелою рукою.
Пускай завистники вокруг тебя шипят!
О, Гнедич! вопли их, и дикие и громки,
Тобой заслуженной хвалы не заглушат:
Защитник твой — Гомер, твои судьи — потомки!
Зачем тревожиться, когда твоих трудов
Не вздумает читать какой-нибудь Вралев,
Иль жалкий Азбукин, иль Клит стихокропатель,
Иль в колпаке Магистр, или Дамон ругатель?
Нет, нет! читателей достоин ты других!
Желаю, Гнедич, я, чтобы в стихах твоих
Восторги сладкие поэты почерпали,
Чтобы царица-мать красе дивилась их,
Чтоб перевод прекрасный твой читали
С воспламененною душою
Изящного ценители прямые,

Хранящие любовь к стране своей родной
И посвященные Муз в таинства святые.
Не много их! за то внимание певцам
Средь вопля дикого должно быть драгоценно,
Как в Ливии, от солнца раскаленной,
Для странника ручей журчащий по пескам...

1822

24. НЕЧАЯННОЕ СЧАСТЬЕ

(Подражание древним)

О радость, о восторг! Я Лилу молодую
Вчера нечаянно узрел полунагую!
Какое зрелище отрадное очам!
Власы волнистые небрежно распущенны
        По алебастровым плечам,
И перси девственны, и ноги обнаженны,
И стройный, тонкий стан под дымкою одной,
И полные огня пленительные очи,
И все, и все — в часы глубокой ночи,
При ясном свете ламп, в обители немой...
Дыханья перевесть не смея в изумленьи,
На прелести ее в безмолвьи я взирал,
И сердце юное пылало в восхищеньи;
В восторгах таял я, и млел, и трепетал,
И взоры жадные сквозь дымку устремлял...
Но что я чувствовал, когда младая Лила,
Увидев в храмине меня между столпов,
Вдруг в страхе вскрикнула и руки опустила —
И с тайных прелестей последний спал покров!

25

* * *

Поверь, я знаю уж, Дорида,
Про то, что скрыть желаешь ты!
Твой тусклый взор и томность вида
Отцветшей рано красоты

Мне слишком много объяснили:
Тебя, прелестная, пленили
Любви неясные мечты...
Они, везде тебя тревожа,
В уединение манят
И среди девственного ложа,
Лишь жажду наслаждений множа,
Отраду слабую дарят...
При свете дня, иль в мраке ночи,
В тот миг, как жертвуешь мечтам,
Почти закрывшиеся очи
Склоняешь с робостью к дверям,
И если юная подруга
Иль кто другой к тебе войдет,
В одно мгновенье от испуга
Румянец нежный пропадет...
Потупишь взор... Несвязность речи,
И твой смущенный, робкий вид,
И неожиданность сей встречи
Тебя кой в чем изобличит...
Но ты краснеешь, друг бесценный!
Меня давно ты поняла...
Оставь же сей порок презренный,
Доколь совсем не отцвела...
Беги, беги сего порока;
В мечтах себя не погуби,
Не будь сама к себе жестока
И хоть меня ты полюби.

26. ЭПИГРАММА

НА ФРАНЦА, ИМПЕРАТОРА АВСТРИЙСКОГО

Весь мир великостию духа
    Сей император удивил:
Он неприятель мухам был,
    А неприятелям был муха.

27. А. А. БЕСТУЖЕВУ

Ты разленился уж не кстати,
Беглец Парнаса молодой!
Скажи, что сделалось с тобой?
В своем болотистом Кронштадте
Ты позабыл совсем о брате
И о поэте, что̀ порой,
Сидя как труженик в палате,
Чтоб свой исполнить долг святой,
Забыл и негу, и покой...
Но тщетны все его порывы:
Укоренившееся зло
Свое презренное чело,
Как кедр Ливана горделивый,
Превыше правды вознесло.
Так... Сделавшись жрецом Фемиды,
Я о Парнасе позабыл...
К тому ж боюсь, чтоб Аониды
За то, что я им изменил,
Певцу не сделали обиды.
Хоть я и некрасив собой,
Но Музы исстари ревнивы;
А я — любовник боязливый...
И вот что, друг мой молодой,
В столице вкуса прихотливой
Молчанью моему виной.
Твое ж молчанье непонятно!..
Драгун ты хоть куда лихой,
Остришься ловко и приятно,
И приголубив нежных Муз,
Их так пленить умел собою,
Что, в детстве соверша союз,
Они вертлявою толпою
Везде порхают за тобою
И не изменят никогда,
Пока ты всем им не изменишь;

Но кажется, что иногда
Ты ласковость их худо ценишь.
Так, например: прошел здесь слух,
Не знаю я, по чьей огласке,
Что будто Мейеровой глазки
Твой возмутили твердый дух,
И верность к девам песнопений
Поработил свободный гений,
Поколебал любви недуг...
А между тем, как очарован
Ты юной прелестию глаз,
Пафосских шалостью проказ
К Кронштадту скучному прикован,
Забвенью предаешь Парнас,
Один пигмей литературный,
Из грязи выникнув главой,
Дерзнул взглянуть на свод лазурный
И вызывать тебя на бой.

28. А. П. ЕРМОЛОВУ

Наперсник Марса и Паллады,
Надежда сограждан, России верный сын,
Ермолов! Поспеши спасать сынов Эллады
Ты, гений северных дружин!
Узрев тебя, любимец славы,
По манию твоей руки,
С врагами лютыми, как вихрь, на бой кровавый
Помчатся грозные полки. —
И цепи сбросивши невольничьего страха,
Как феникс молодой,
Воскреснет Греция из праха
И с древней доблестью ударит за тобой!..
Уже в отечестве потомков Фемистокла
Повсюду подняты свободы знамена,
Геройской кровью уж земля намокла

И трупами врагов удобрена!
Проснулися вздремавшие перуны,
Отвсюду храбрые текут...
Теки ж, теки и ты, о витязь юный:
Тебя герои там, тебя победы ждут!..

29. Ф. Н. ГЛИНКЕ

Ты, Глинка, прав — и твой совет
На мудром опыте основан;
Но пусть чернит поэта свет:
Уж я давно разочарован,
И заблуждений прошлых лет [1]
В душе увял минутный цвет... [2]
Я славою не избалован;
Но к благу общему дыша,
К нему от детства я прикован; [3]
К нему летит моя душа,
Его пою на звучной лире...

1821 — 1823

ДУМЫ

Его высокопревосходительству Николаю Семеновичу Мордвинову с глубочайшим уважением посвящает сочинитель.

30. ПРЕДИСЛОВИЕ К ОТДЕЛЬНОМУ ИЗДАНИЮ

«Напоминать юношеству о подвигах предков, знакомить его со светлейшими эпохами народной истории, сдружить любовь к отечеству с первыми впечатлениями памяти — вот верный способ для привития народу сильной привязанности к родине: ничто уже тогда сих первых впечатлений, сих ранних понятий не в состоянии изгладить. Они крепнут с летами и творят храбрых для бою ратников, мужей доблестных для совета».

Так говорит Немцевич * о священной цели своих «Исторических песен» («Spiewy Hystoryczne»); эту самую цель имел и я, сочиняя «Думы». Желание славить подвиги добродетельных или славных предков для русских не ново; не новы самый вид и название «думы».

Дума — старинное наследие от южных братьев наших, наше русское, родное изобретение. Поляки заняли ее от нас. Еще до сих пор украинцы поют думы о героях своих: Дорошенке, Нечае, Сагайдачном, Палее, — и самому Мазепе приписывается сочинение одной из них. Сарницкий **

* Spiewy Hystoryczne Niemcewicza. См. предисловие.

** Annales Regni Pol., t. II, 1198. Слово в слово: «Anno 1506 duo fratres Strusii (Felix i Serzy, jak Swiadczy Niesiecki, Herb. IV, 218)

свидетельствует, что на Руси пелись элегии в память двух храбрых братьев Струсов, павших в 1506 году в битве с Валахами. «Элегии сии, — говорит он, — у Русских думами называются. Соглашая заунывный голос и телодвижения со словами, народ русский иногда сопровождает пение оных печальными звуками свирели».

В числе предлагаемых «Дум» читатели найдут две пиесы, которые не должны бы войти в сие собрание: это «Рогнеда» и «Олег Вещий». Первая по составу своему более повесть, нежели дума; вторая есть историческая песня (Spiew Hystoryczny). Она слаба и неудачно исполнена; но я решился поместить ее в числе «Дум», чтобы показать состав исторических песен Немцевича, одного из лучших поэтов Польши.

Примечания, припечатанные при «Думах», кроме некоторых, сделаны П. М. Строевым. *

31. ОЛЕГ ВЕЩИЙ

Наскучив мирной тишиною,
Собрал полки Олег
И с ними полетел грозою
На Цареградский брег.

Покрылся быстрый Днепр ладьями,
В брегах крутых взревел,
И под отважными рулями,
Напенясь, закипел.

Дружина храбрая героев
На славные дела,
Сгорая пылкой жаждой боев,
С веселием текла.

adolescentes bellicosi a Valachis occubuerunt. De quibus etiam nunc elegiae, quas Dumas Russi vocant, canuntur voce lugubri et gestu canentium se in utramque partem motantium, id quod canitu exprimentes, quin et tibiis inflatis rustica turba passim modulis lamentabilibus, haec eadem imitando exprimit».

* См. ниже стр. 281 — 288. *Ред.*

В пути ей не были преграды
Кремнистых гор скалы,
Днепра подводные громады,
Ни ярых вод валы.

Седой Олег, шумящей птицей,
В Евксин через Лиман —
И пред Леоновой столицей
Раскинул грозный стан!

Мгновенно войсками покрылась
Окрестная страна,
И кровь повсюду заструилась;
Везде кипит война!

Горят деревни, села пышут,
Прах вьется средь долин;
В сердцах убийством хладным дышут
Варяг и Славянин.

Потомки Брута и Камилла
Сокрылися в стенах;
Уже их нега развратила,
Нет мужества в сердцах.

Их император самовластный
В чертогах трепетал,
И в астрологии, несчастный,
Спасения искал.

Меж тем, замыслив приступ смелый,
Ладьи свои Олег,
Развив на каждой парус белый,
Вдруг выдвинул на брег.

«Идем, друзья!» — рек князь России
Геройским племенам —
И шел по суше к Византии,
Как в море по волнам.

Боязни, трепету покорный,
Спасти желая трон,
Послов и дань — за мир позорный,—
К Олегу шлет Леон.

Объятый праведным презреньем,
Берет князь русский дань;
Дарит Леона примиреньем —
И прекращает брань.

Но в трепет гордой Византии
И в память всем векам,
Прибил свой щит с гербом России
К царь-градским воротам.

Успехом подвигов довольный
И славой в тех краях,
Олег помчался в град престольный
На быстрых парусах.

Народ, узрев с крутого брега
Возврат своих полков,
Прославил подвиги Олега
И восхвалил богов.

Весь Киев в пышном пированье
Восторг свой изъявлял
И князю *Вещего* прозванье
Единогласно дал.

32. ОЛЬГА ПРИ МОГИЛЕ ИГОРЯ

Осенний ветер бушевал,
Крутя дерев листами,
И сосны древние качал
Над мрачными холмами.
С поляны встал седой туман
И все сокрыл от взгляда;
Лишь Игорев синел курган,
Как грозная громада.

Слетала быстро ночь с небес;
Луна меж туч всплывала
И изредка в дремучий лес,
Иль в дол лучом сверкала.
Настала полночь... Вдруг вдали —
Как шелест по поляне...
То Ольга с Святославом шли
И стали при кургане.

И долго мудрая в тиши
Стояла пред могилой,
С волненьем горестной души
И с думою унылой.
О прошлом, плавая в мечтах,
Она, томясь, вздыхала;
Но огнь блеснул в ее очах —
И мудрая вещала:

«Мой сын, здесь пал родитель твой,
Вот храброго могила!
Но слез не лей: я местью злой
Древлянам заплатила.
Ты видишь: дикою травой
Окрестность вся заглохла
И кровь, пролитая рекой,
Тут, мнится, не обсохла!..

«Так, сын мой, Игорь отомщен;
Моя спокойна совесть;
Но сам виновен в смерти он —
Внемли об оной повесть:
Уже надменный Грек, смирен
Кровопролитной бранью,
Покой от северных племен
Купил позорной данью.

«И Игорь, бросив меч и щит
К подножию кумира,

Молил Перуна, да хранит
    Ненарушимость мира.
Из града в град везде текла
    Его деяний слава,
И счастьем мирным процвела
    Обширная держава.

«Вдруг князя гордая душа
    Покой пренебрегает
И, к золоту алчбой дыша,
    Тревоги замышляет.
Дружины собралися в стан
    В доспехах ярой брани,
И полетели в край Древлян
    Сбирать покорства дани.

«Древляне дань сполна внесли;
    Но Игорь недовольной
Стал вновь налоги брать с земли
    С дружиной своевольной.
„— О, князь! — народ ему вещал,
    Чего еще желаешь?..
От нас последнее ты взял —
    И нас же угнетаешь!"

«Но князь не внял моленьям сим —
    И угнетенных племя
Решилося сразиться с ним
    И сбросить ига бремя.
„— Погибель хищнику, друзья!
    Пускай падет он мертвой!
Его сразит стрела моя,
    Иль все мы будем жертвой!" —

«Древлянский князь твердил в лесах.
    Отважные восстали
И с дикой яростью в сердцах
    На Игоря напали.

Дружина хищников легла
Без славы и без чести,
А твой отец, виновник зла,
Пал жертвой лютой мести!

«Отец будь подданным своим
И боле князь, чем воин;
Будь друг своих, гроза чужим
И жить в веках достоин!»
Так князю-отроку рекла,
И, поклонясь кургану,
Мать с сыном тихо потекла
Ко дремлющему стану.

33. СВЯТОСЛАВ

И одинока, и бледна,
В туманных облаках ныряя,
Текла двурогая луна
Над брегом быстрого Дуная.
Ее перловые лучи
Стан усыпленный озаряли;
Сверкали копья и мечи,
И ратников ряды дремали.

С отвагой в сердце и в очах,
Младой гусар, вдали от стана,
Закутан буркой, на часах
Стоял на высоте кургана.
Пред ним на острову реки
Шатры Турецкие белели;
Как лес вздымались бунчуки
И с ветром в воздухе шумели.

В давно минувших временах
Крылатой думою летая,
О прошлых он мечтал боях,
Гремевших на брегах Дуная.

«На сих степях, — так воин пел, —
С Цимискием в борьбе кровавой,
Не раз под тучей грозных стрел
Наш Святослав увенчан славой.

«По манию его руки
Бесстрашный Росс, пылая местью,
На грозные врагов полки
Летал — и возвращался с честью.
Он на равнинах дальних сих,
Для славы на беды готовой,
Дивил и чуждых и своих
Своею жизнию суровой.

«Ему свод неба был шатром
И в летний зной, и в зимний холод,
Земля под войлоком — одром,
А пищею — конина в голод.
„Друзья, нас бегство не спасет!
Гремел герой на бранном поле:
Позор на мертвых не падет;
Нам биться волей, иль неволей...

«Сразимся ж, храбрые, смелей;
Не посрамим отчизны милой —
И груды вражеских костей
Набросим над своей могилой!"
И горсть Славян на тьмы врагов
Текла, — вождя послышав голос —
И у врага хладела кровь,
И дыбом становился волос!..

«С утра до вечера кипел
На ближнем поле бой кровавой;
Двенадцать раз герой хотел
Венчать победу звучной славой.
Валились грудами тела,
И Грек не раз бежал из боя;

Но рать врагов превозмогла
Над чудной доблестью героя.

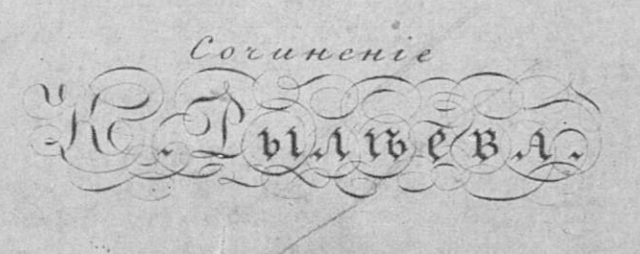
«Закинув на́-спину щиты,
Славяне шли, как львы с ловитвы,
Грозя с нагорной высоты
Кровопролитьем новой битвы.
Столь дивной изумлен борьбой,
Владыка гордой Византии
Свидание и мир с собой
Здесь предложил главе России.

«И к славе северных племен
И цареградского престола
Желанный мир был заключен
Не вдалеке от Доростола.
О князь! Давно истлел твой прах,
Но жив еще твой дух геройский!
Питая к славе жар в сердцах,
Он окриляет наши войски!

«Он там где пыл войны кипит,
Орлом ширяясь перед строем,
Чудесной силою творит
Вождя и ратника героем!
Но что?.. Уж вспыхнула заря!..
Взгремела пушка вестовая —
И войски белого царя
Покрыли берега Дуная.

«Трубы призывной слышен звук!
Меня зовут на пир кровавой...
Туда, мой конь, где саблей стук,
Где можно пасть, венчавшись славой!»
Гусар умчался... Гром взревел...
Свистя, сшибалися картечи,
И смело строй на строй летел,
Ища с врагами ярой сечи...

ДУМЫ.

Москва.

Въ Типографіи С. Селивановскаго.

1825.

Титульный лист издания «Дум» Рылеева с гравюрой Г. А. Флорова (1825).

Вдруг крови хлынула река!..
Отважный Вейсман пал, но с честью;
И рой наездников полка
На мусульман ударил местью.
Враги смешались, дали тыл —
И поле трупами покрыли,
И Русский знамя водрузил,
Где Греков праотцы громили.

34. СВЯТОПОЛК

В глуши Богемских диких гор,
Куда ни голос человека,
Ни любопытства дерзкий взор
Не проникал еще от века;
Где только в дебрях серый волк
С щетинистым вепрём встречался —
Братоубийца Святополк,
От всех оставленный, скитался...

Ему был страшен взор людей:
Он видел в нем себе укоры;
Страдальцу мнилось: *ты злодей!*
В глухих отзывах вторят горы;
Злодей! казалось, вопиют
Ему лесов дремучих сени,
И всюду грозные бегут
За ним убитых братьев тени.

Из дебри в дебрь, из леса в лес
В неистовстве перебегая,
Встречал он всюду гнев небес —
И кончил дни свои, страдая...
Никто слезы не уронил
На прах отверженника неба,
И всех проклятье заслужил
Убийца-брат святого Глеба.

И обитатель той земли
Завидев, трепетом объятый,
Его могилу издали,
Бежа, крестил себя трикраты.
От современников до нас
Дошло ужасное преданье,
И сочетал народа глас
С ним *Окаянного* прозванье!

И в страшной повести об нем,
Его ужасные злодейства
Пересказав в кругу родном,
Твердил детям отец семейства:
«Ужасно быть рабом страстей!
Кто раз их предался стремленью,
Тот с каждым днем летит быстрей
От преступленья к преступленью». [1]

35. РОГНЕДА

(А. А. В[оейково]й)

Потух последний солнца луч;
Луна обычный путь свершала,
То пряталась, то из-за туч,
Как стройный лебедь, выплывала;
И ярче заблистав порой
Над берегом Лыбѐди скромной,
Свет бледный проливала свой
На терем пышный и огромной.

Все было тихо... лишь поток,
Журча, роптал между кустами,
И перелетный ветерок
В дубраве шелестил ветвями.
Как месяц утренний бледна,
Рогнеда в горести глубокой

Сидела с сыном у окна,
В светлице ясной и высокой.

От вздохов под фатой у ней
Младые перси трепетали,
И из потупленных очей,
Как жемчуг, слезы упадали.
Глядел невинный Изяслав
На мать умильными очами,
И к персям матери припав,
Он обвивал ее руками.

«Родимая! — твердил он ей,—
Ты все печальна, ты все вянешь;
Когда же будешь веселей,
Когда грустить ты перестанешь?
О! полно плакать и вздыхать!
Твои мне слезы видеть больно:
Начнешь ты только горевать,
Встоскуюсь вдруг и я невольно.

«Ты б лучше рассказала мне
Деянья деда Рогволода:
Как он сражался на войне,
И о любви к нему народа».—
«О ком, мой сын, напомнил ты?
Что от меня узнать желаешь?
Какие страшные мечты
Ты сим в Рогнеде пробуждаешь!..

«Но так и быть, исполню я,
Мой сын, души твоей желанье:
Пусть Рогволодов дух в тебя
Вдохнет мое повествованье;
Пускай оно в груди младой
Зажжет к делам великим рвенье,
Любовь к стране твоей родной
И к притеснителям презренье!..

«Родитель мой, твой славный дед,
От тех Варягов происходит,
Которых дивный ряд побед
Мир в изумление приводит.
Покинув в юности своей
Дремучей Скании дубравы,
Вступил он в землю Кривичей
Искать владычества и славы.

«Народы мирной сей страны
На гордых пришлецов восстали,
И смело грозных чад войны
В руках с оружием встречали...
Но тщетно! роковой удел
Обрек в подданство их герою —
И скоро дед твой завладел
Обширной Севера страною.

«Воздвигся Полоцк. Рогволод
Приветливо и кротко правил,
И, привязав к себе народ,
Власть князя полюбить заставил...
При Рогволоде Кривичи
Томились жаждой дел великих;
Сверкали в дебрях их мечи,
Литовцев поражая диких.

«Иноплеменные цари
Союза с Полоцком искали,
И чуждые богатыри
Ему служить за честь вменяли...»
Но шум раздался у крыльца...
Рогнеда повесть прерывает —
И видит: пыль и пот с лица
Гонец усталый утирает.

«Княгиня! — он вещал, войдя: —
Гоня зверей в дубраве смежной,

Владимир посетить тебя
Прибудет в терем сей прибрежной». —
«Итак, он вспомнил об жене...
Но не желание свиданья, —
О нет! влечет его ко мне
Одна лишь близость расстоянья!»

Вещала — и сверкнул в очах
Негодованья пламень дикий.
Меж тем уж пронеслись в полях
Совы полуночные крики...
Сгустился мрак... луна чуть-чуть
Лучом трепещущим светила;
Холодный ветер начал дуть,
И буря страшная завыла.

Лыбѐдь вскипела меж брегов;
С деревьев листья полетели;
Дождь проливной из облаков
И град и вихорь зашумели;
Скопились тучи... и с небес
Вилася молния змиею;
Гром грохотал; от молний лес
То здесь, то там пылал порою!..

Внезапно с бурей звук рогов
В долине глухо раздается:
То вдруг замолкнет средь громов,
То снова с ветром пронесется...
Вот звуки ближе и громчей...
Замолкли... снова загремели...
Вот топот скачущих коней —
И всадники на двор влетели.

То был Владимир. На крыльце
Его Рогнеда ожидала;
На сумрачном ее лице
Неведомая страсть пылала.

Смущенью мрачность приписав,
Герой супругу лобызает,
И сына милого обняв,
Его приветливо ласкает.

Отводят отроки коней...
С Рогнедой князь идет в палаты,
И вот, в кругу богатырей,
Садится он за пир богатый.
Под тучным вепрем стол трещит,
Покрытый скатертию бранной;
От яств прозрачный пар летит
И вьется по избе брусяной.

Звездясь, янтарный мед шипит,
И ходит чаша круговая.
Все веселятся... но грустит
Одна Рогнеда молодая.
«Воспой деянья предков нам!»
Бояну витязи вещали.
Певец ударил по струнам —
И вещие зарокотали.

Он славил Рюрика судьбу,
Пел Святославовы походы,
Его с Цимискием борьбу
И покоренные народы;
Пел удивление врагов,
Его нетрепетность средь боя,
И к славе пылкую любовь,
И смерть, достойную героя...

Бояна пламенным словам
Герои с жадностью внимали,
И праотцев чудясь делам,
В восторге пылком трепетали...
Певец умолкнул... но опять
Он пробудил живые струны,

И начал князя прославлять
И грозные его перуны:

«Дружины чуждые громя,
Давно ль наполнил славой бранной
Ты дальной Нейстрии поля
И Альбиона край туманной?
Давно ли от твоих мечей
Упали Полоцка твердыни,
И нивы храбрых Кривичей
Преобратилися в пустыни?

«Сам Рогволод...» Вдруг тяжкий стон
И вопль отчаянья Рогнеды
Перерывают гуслей звон
И радость шумную беседы...
«О, успокойся, друг младой! —
Вещал ей князь: — не слез достоин,
Но славы, кто в стране родной
И жил, и кончил дни, как воин.

«Воскреснет храбрый Рогволод
В делах и в чадах Изяслава,
И пролетит из рода в род
Об нем, как гром гремящий, слава».
Рогнеды вид покойней стал;
В очах остановились слезы;
Но в них какой-то огнь сверкал,
И на щеках пылали розы...

При стуках чаш Боян поет,
Вновь тешит князя и дружину...
Но кончен пир — и князь идет
В великолепную одрину.
Сняв меч, висевший на бедре,
И вороненые кольчуги,
Он засыпает на одре,
В объятьях молодой супруги.

Сквозь окон скважины порой
Проникнув, молния пылает
И брачный одр во тьме ночной
С четой лежащей освещает.
Бушуя, ставнями стучит
И свищет в щели ветр порывный;
По кровле град и дождь шумит,
И гром гремит беспрерывный.

Князь спит покойно... Тихо встав,
Рогнеда светоч зажигает,
И в страхе, вся затрепетав,
Меч тяжкий со стены снимает...
Идет... стоит... ступила вновь...
Едва дыханье переводит...
В ней то кипит, то стынет кровь...
Но вот... к одру она подходит...

Уж поднят меч!.. вдруг грянул гром;
Потрясся терем озаренный —
И князь, объятый крепким сном,
Воспрянул, треском пробужденный —
И пред собой Рогнеду зрит...
Ее глаза огнем пылают...
Поднятый меч и грозный вид
Преступницу изобличают...

Меч выхватив, ей князь вскричал:
«На что дерзнула в исступленье?» —
«На то, что мне повелевал
Ужасный Чернобог — на мщенье!» —
«Но долг супруги? но любовь?..» —
«Любовь! к кому?.. к тебе, губитель?..
Забыл, во мне чья льется кровь,
Забыл ты, кем убит родитель!..

«Ты, ты, тиран, его сразил!
Горя преступною любовью,

Ты жениха меня лишил
И братнею облился кровью!
Испепелив мой край родной,
Рекой ты кровь в нем пролил всюду,
И Полоцк, дивный красотой,
Преобратил развалин в груду.

«Но, недовольный... местью злой
К бессильной пленнице пылая,
Ты брак свой совершил со мной
При зареве родного края!
Повлек меня в престольный град;
Тебе я сына даровала...
И что ж?.. еще презренья хлад
В очах тирана прочитала!..

«Вот страшный ряд ужасных дел,
Владимира покрывших славой!
Не через них ли приобрел
Ты на любовь Рогнеды право?..
Страдала, мучилась, стеня;
Вся жизнь моя текла в кручине;
Но, боги, не роптала я
На вас в злосчастиях доныне!

«Впервые днесь ропщу... увы!
Почто губителя отчизны
Сразить не допустили вы
И совершить достойной тризны!
С какою б жадностию я
На брызжущую кровь глядела,
С каким восторгом бы тебя,
Тиран, угасшего узрела!..»

Супруг, слова прервав ея,
В одрину стражу призывает.—
«Ждет смерть, преступница, тебя! —
Пылая гневом восклицает. —

С зарей готова к казни будь!
Сей брачный одр пусть будет плаха!
На нем пронжу твою я грудь,
Без сожаления и страха!»

Сказал — и вышел. Вдруг о том
Мгновенно слух распространился —
И терем, весь объятый сном,
От вопля женщин пробудился...
Бегут к княгине, слезы льют;
Терзаясь близостью разлуки,
Себя в младые перси бьют
И белые ломают руки...

В тревоге все... лишь Изяслав
В объятьях сна, с улыбкой нежной,
Лежит, покровы разметав,
Покой вкушая безмятежной.
Об участи Рогнеды он
В мечтах невинности не знает;
Ни бури рев, ни плач, ни стон
От сна его не пробуждает.

Но перестал греметь уж гром,
Замолкли ветры в чаще леса,
И на Востоке голубом
Редела мрачная завеса.
Вся в перлах, злате и сребре,
Ждала Рогнеда без боязни,
На изукрашенном одре,
Назначенной супругом казни.

И вот денница занялась,
Сверкнул сквозь окна луч багровый —
И входит с витязями князь
В одрину, гневный и суровый.
«Подайте меч!» — воскликнул он —
И раздалось везде рыданье...

«Пусть каждого страшит закон!
Злодейство примет воздаянье!»

И быстро в храмину вбежав:
«Вот меч! Коль не отец ты ныне,
Убей! — вещает Изяслав: —
Убей, жестокий, мать при сыне!»
Как громом неба поражен,
Стоит Владимир и трепещет,
То в ужасе на сына он,
То на Рогнеду взоры мещет...

Речь замирает на устах,
Сперлось дыханье, сердце бьется;
Трепещет он; в его костях
И лютый хлад, и пламень льется;
В душе кипит борьба страстей:
И милосердие, и мщенье,
Но вдруг, с слезами из очей —
Из сердца вырвалось: *прощенье!*

36. БОЯН *

На брег Днепра, разбив Болгар,
    Владимир-солнце возвратился,
И в светлой гриднице, в кругу князей, бояр,
    На шумном пиршестве с друзьями веселился...[1]

Мед, в старпках воспламенивши кровь,
    Протекшую напомнил младость,
Победы славные, волшебницу-любовь
    И лет утраченных былую радость.

* Сочинитель известного *Слова о полку Игореве* называет Бояна *Соловьем старого времени*. Неизвестно, когда жил сей славянский бард. Н. М. Карамзин, в *Пантеоне Росс. Авторов*, говорит о нем так: «Может быть, жил Боян во времена героя Олега; может быть, пел он славный поход сего Аргонавта к Царю-граду, или несчастную смерть храброго Святослава, который с горстью своих погиб среди бесчисленных Печенегов, или блестящую красоту Гостомысловой правнуки Ольги, ее невинность в сельском уединении, ее славу на троне».

Беспечнее веселый круг шумел,
    Звучнее гусли раздавались.
Один задумчиво Боян сидел:
    В нем думы думами сменялись...

«Какое зрелище мой видит взор! —
    Мечтал певец унылый: —
Бояр, князей и витязей собор,
    И государь народу милый!

«Дивятся их бесчислию побед
    Иноплеменные державы,
И служит, трепеща, завистливый сосед
    Для них невольным отголоском славы.

«Их именами все места
    Исполнены на Севере угрюмом,
И каждый день из уст в уста
    Перелетают с шумом...

«И я, дивяся их делам,
    Пел витязей — и сонмы умолкали,
И персты вещие, по золотым струнам
    Летая, славу рокотали!

«Но, может быть, времен губительных полет
    Всесокрушающею силой
Деянья славные погубит в бездне лет,
    И будет Русь пространною могилой!..

«И песни звучные Бояна-соловья
    На пиршествах не станут раздаваться;

Не менее правдоподобно, что Боян был певцом Великого Владимира и знаменитых его сподвижников: Добрыни, Яна Усмовича, Рогдая. Можно предполагать, что при блистательном дворе северного Карломана находились и песнопевцы: их привлекали великолепные пиршества, богатырские потехи и приветливость доброго князя, а славные победы над Греками, Ляхами, Печенегами, Ятвягами и Болгарами могли воспламенить дух пиитизма в сих диких сынах Севера. И грубые Норманы услаждали слух свой песнями скальдов. [*Примечание Рылеева*]

Забудут витязей, которых славил я,
И память их хвалой не будет оживляться.

«Ах, так — предчувствую: Бояна вещий глас
Веков в пучине необъятной,
Как эхо дальное в безмолвной ночи час
Меж гор, умолкнет невозвратно...

«По чувствам пламенным не оценит
Певца потомок юный;
В мрак неизвестности все песни рок умчит,
И звучные порвутся струны!

«Но отлети скорей
Моей души угрюмое мечтанье:
Не погашай последней искры в ней
Надежды — жить хоть именем в преданье!»

37. МСТИСЛАВ УДАЛЫЙ

(Ф. В. Булгарину)

Как тучи с гор текли Косоги;
На встречу им Мстислав летел.
Стенал поморья брег пологий,
И в поле гул глухой гремел.
Уж звук трубы на поле брани
Сзывал храбрейших из полков;
Уж храбрый князь Тмутаракани
Кипел ударить на врагов.

Вдруг, кожею покрыт медведя,
От вражьих отделясь дружин,
Явился с палицей Редедя,
Племен косожских властелин.
Он к войску шел, как в океане
Валится в бурю черный вал,
И стал как сóсна, на кургане,
И громогласно провещал:

«Почто кровавых битв упорством
Губить и войско, и народ?
Решим войну единоборством:
Пускай за всех один падет!
Иди, Мстислав, сразись со мною:
И кто в сей битве победит,
Тому владеть врага страною,
Или отдать ее на щит!»

«Готов!» — князь русский восклицает —
И грозный стал перед бойцом,
С коня — и на курган взлетает
Удалый ясным соколо̀м.
Сошлись, схватились, в бой вступили. .
Могуч и князь, и великан!
Друг друга стиснули, сдавили;
Трещат... колеблется курган...

Стоят — и миг счастливый ловят;
Как вихрь крутятся... прах летит...
Погибель, падая, готовят,
И каждый яростью кипит...
Хранят молчание два строя,
Но души воинов в очах:
Смотря по переменам боя,
В них блещет радость или страх.

То Русский хочет славить бога,
Простерши длани к небесам;
То вдруг слышна мольба Косога:
«О, помоги, всевышний, нам!»
И вот князья, напрягши силы,
Друг друга ломят, льется пот...
На них, как верви, вздулись жилы;
Колеблется и сей, и тот...

Глаза, налившись кровью, блещут,
Колена крепкие дрожат,

И мышцы сильные трепещут,
И искры сыплются от лат...
Но вот — Мстислав изнемогает...
Он падает... конец борьбе...
«Святая дева! — восклицает: —
Я храм сооружу тебе!..»

И сила дивная мгновенно
Влилася в князя... он восстал,
Рванулся бурей разъяренной —
И новый Голиаф упал!
Упал — и стал курган горою...
Мстислав широкий меч извлек,
И придавив врага пятою,
Главу огромную отсек.

38. МИХАИЛ ТВЕРСКОЙ

(Ф. В. Булгарину)

За Узбеком вслед влекомый —
    Кавгадыем, Михаил
В край чужой и незнакомый
    С сыном-юношей вступил.
Мчался Терек быстрым бегом
    Меж нависших берегов;
Зрелись гор хребты под снегом
    Из-за синих облаков.

Стан Узбеков за рекою,
    На степи, в глуши пестрел;
Всюду воины толпою;
    Всюду гул глухой шумел.
Ветхим рубищем покрытый,
    С мрачной грустию в груди,
Князь-страдалец знаменитый
    Сел в цепях на площади.

Несчастливца обступили
Любопытные толпой;
«Это князь был! — говорили
И качали головой: —
Он обширными странами,
Как Узбек наш, обладал;
Он с отважными полками
Кавгадыя поражал!»

В речи вслушавшись чужие,
Загрустил сильнее князь;
Вспомнил славу — и впервые
Слезы брызнули из глаз.
«До какого униженья, —
Он мечтал, потупя взор: —
Довели нас заблужденья
И погибельный раздор!

«Те, которых трепетали
Хитрый Грек и храбрый Лях,
Ныне вдруг рабами стали
И пред ханом пали в прах!
Я любил страну родную
И пылал разрушить в ней
Наших бед вину прямую —
Распри злобные князей.

«О, Георгий! ты виною,
Ты один тому виной,
Если кровь сограждан мною
Пролита в стране родной!
Ты на дядю поднял длани;
Ты в душе был столь жесток,
Что на Русь всю лютость брани
И Татар толпы навлек!

«Смерть свою давно предвижу;
Для побега други есть,

Но побегом не унижу
    Незапятнанную честь!
Так, прав чести не нарушу!
    Пусть мой враг, гонитель мой,
Насыщает в злобе душу
    Лютым мщеньем надо мной!

«Пусть вымаливает казни!
    Тверд и прав в душе своей,
Смерть я встречу без боязни,
    Как в боях слетался с ней.
Не хочу своим спасеньем
    На родимый край привлечь
Кавгадыя с лютым мщеньем
    И Узбека грозный меч!»

Подкрепленный сею думой,
    Приподнялся Михаил,
И спокойный, но угрюмой,
    Тихо в свой шатер вступил.
Кавгадыем обольщенный,
    Между тем, младой Узбек,
В сердце трепетный, смятенный,
    Смерть невинному изрек...

Уж Георгий с палачами
    И коварный друг царя
Шли поспешными шагами
    К жертве, злобою горя...
Пред иконою святою
    Михаил псалом читал;
Вдруг с той вестью роковою
    Отрок княжеский вбежал...

Вслед за ним убийцы с криком
    Ворвались в густых толпах:
Блещет гнев во взоре диком,
    Злоба алчная в чертах...

Ворвалися — и напали...
    Как гроза в глухой ночи,
Над упавшим засверкали
    Ятаганы и мечи...

Кровь из язв лилась струею...
    И пробил его конец:
Сердце хладною рукою
    Вырвал дикий Романец.
Князь скончался жертвой мщенья!
    С той поры он всюду чтим:
Михаила за мученья
    Церковь празднует святым.

39. ДИМИТРИЙ ДОНСКОЙ

«Доколь нам, други, пред тираном
Склонять покорную главу
И заодно с презренным ханом
Позорить сильную Москву?
Не нам, не нам страшиться битвы
С толпами грозными врагов:
За нас и Сергия молитвы,
И прах замученных отцов!

«Летим — и возвратим народу
Залог блаженства чуждых стран:
Святую праотцев свободу
И древние права граждан.
Туда — за Дон!.. Настало время!
Надежда наша — бог и меч!
Сразим Моголов и, как бремя,
Ярмо Мамая сбросим с плеч!»

Так Дмитрий, рать обозревая,
Красуясь на коне, гремел,

И в помощь бога призывая,
Перуном грозным полетел...
«К врагам! за Дон! — вскричали войски: —
За вольность, правду и закон!» —
И, повторяя клик геройский,
За князем ринулися в Дон.

Несутся полные отваги,
Волн упреждают быстрый бег;
Летят как соколы — и стяги
Противный осенили брег.
Мгновенно солнце озарило
Равнину и брега реки,
И взору вдалеке открыло
Татар несметные полки.

Луга, равнины, долы, горы
Толпами пестрыми кипят;
Всех сил объять не могут взоры...
Повсюду бердыши блестят.
Идут как мрачные дубравы —
И вторят степи гул глухой;
Идут... там хан, здесь чада славы —
И закипел кровавый бой!..

«Бог нам прибежище и сила! —
Рек Дмитрий на челе полков: —
Умрем, когда судьба судила!»
И первый грянул на врагов.
Кровь хлынула — и тучи пыли,
Поднявшись вихрем к небесам,
Светило дня от глаз сокрыли —
И мрак простерся по полям.

Повсюду хлещет кровь ручьями;
Зеленый побагрóвел дол:
Там Русский поражен врагами,
Здесь пал растоптанный Могол,

Тут слышен копий треск и звуки,
Там сокрушился меч о меч.
Летят отсеченные руки,
И головы катятся с плеч.

А там, под тенью кургана,
Презревший славу, сан и свет,
Лежит, низвергнув великана,
Отважный инок Пересвет.
Там Белозерский князь и чада,
Достойные его любви,
И окрест их Татар громада,
В своей потопшая крови.

Уж многие из храбрых пали;
Великодушный сонм редел;
Уже враги одолевали;
Татарин дикий свирепел;
К концу клонился бой кровавый,
И верный стяг был пасть готов,
Как вдруг орлом из-за дубравы
Волынский грянул на врагов.

Враги смешались — от кургана
Промчалось: «Силен русский бог!»
И побежала рать тирана,
И сокрушен гордыни рог!..
Помчался хан в глухие степи,
За ним шумящим враном страх;
Расторгнул Русский рабства цепи
И стал на вражеских костях.

Но кто там бледен, близ дубравы,
Обрызган кровию лежит?
Что зрю?.. «Первоначальник славы,
Димитрий ранен... страшный вид!..
Уже ль изречено судьбою
Ему быть жертвой битвы сей?

Но вот к стенящему герою
Притек сонм воев и князей.

Вот, преклонив трофеи брани,
Гласят: «Ты победил! восстань!»
И князь, воздевши к небу длани:
«Велик нас ополчивший в брань!
Велик! — речет: — к нему молитвы!
Он Сергия услышал глас!
Ему вся слава грозной битвы!
Он, он один прославил нас!»

40. ГЛИНСКИЙ

Под сводом обширным темницы подземной,
Куда луч приветный отрадных светил
Страшился проникнуть; где в области темной
Лишь бледный свет лампы, мерцая, бродил, —
Гремевший в Варшаве, Литве и России
Бесславьем и славой свершенных им дел,
В тяжелой цепи по рукам и по выи,
Князь Глинский задумчив сидел.

Волос уцелевших седые остатки
На сморщенно веком и грустью чело
Спадали кудрями, виясь в беспорядке:
Страданье на Глинском бразды провело...
Сидел он склоненный на длань головою,
Угрюмою думой в минувшем летал;
Звучал средь безмолвья цепями порою
И тяжко, стоная, вздыхал.

При нем неотступно в темнице сидела
Прелестная дева — отрада слепца;
Свободой, и счастьем, и светом презрела,
И блага все в жертву она для отца.

Блеск пышный чертога для ней заменила
Могильная мрачность темницы сырой;
Здесь девичью прелесть дочь нежная скрыла
И жизни зарю молодой.

«О, долго ли будешь, стоная, лить слезы? —
Рекла она нежно: — печали забудь!
Быть может, расторгнешь сии ты железы:
Надежда лелеет и узников грудь!
Быть может, остаток несчастливой жизни,
Спокоя волненье и бурю души,
Как гражданин верный, на лоне отчизны
Ты счастливо кончишь в тиши».

«На лоне отчизны! — воскликнул изменник, —
Не мне утешаться надеждою сей:
Страшась угрызений, стенающий пленник,
Несчастный, и вспомнить трепещет о ней.
Могу ль быть покоен, хотя на мгновенье?
Червь совести тайно терзает меня;
К себе самому я питаю презренье
И мучусь, измену кляня.

«Природа дала мне возможные блага,
Чтоб славным быть в мире, иль грозным в войне:
Богатство, познанья, порода, отвага —
Все с щедростью было ниспослано мне.
Желал еще славы и лавров победы;
Душа трепетала, дух юный кипел...
Вдруг поднялись тучей на Польшу соседы —
И лавр мне достался в удел.

«Могольские орды влетели бедою:
Литва задымилась в пылу боевом —
И старцы, и жены, и дети толпою
Влеклися в неволю свирепым врагом;
И в пепел деревни и пышные грады;
И буйный Татарин в крови утопал;

Ни веку, ни полу не зрели пощады —
Меч жадный над всеми сверкал.

«Встревожен невзгодой, я к хищным на встречу
С дружиною храброй помчался грозой,
Достиг — и отважно в кровавую сечу,
И кровь полилася, напенясь, рекой,
Покрылись телами поля и равнины:
Литвин и Татарин упорно стоял;
Но с яростью новой за мною дружины —
И гордый Могол побежал.

«Боролся с кончиной властитель державной;
Тревогой и плачем наполнен дворец —
И вдруг о победе и громкой, и славной,
От Глинского с вестью примчался гонец.
Чело Александра веселость покрыла:
«Когда торжествует родная страна, —
Он рек предстоящим, — тогда и могила,
Поверьте, друзья, не страшна!»

«Сим подвигом славным чрез меру надменный,
Не мог укротить я волненья страстей —
И род Забржезенских, давно мне враждебный,
Внезапно средь ночи пал жертвой мечей.
Погиб он — и други мне стали врагами,
И, предан душою лишь мести одной,
Дерзнул я внестися с чужими полками
В отчизну свирепой войной.

«О мука! о совесть — тиран неотступной!..
Ни зрелище стягов родимой земли,
Ни тайный глас сердца из длани преступной
В час битвы исторгнуть меча не могли!
Среди раздраженных, пылающих мщеньем,
И ярых, и грозных душой Москвитян,
Увы, к преступленью влеком преступленьем,
Разил я своих сограждàн!..

«Бой кончен — и Глинский узрел на равнине
Растерзанных трупы и груды костей;
Душа предалася невольно кручине
И брызнули слезы на грудь из очей.
Не в пору познал я тоску преступленья!
Вся гнусность измены представилась мне;
Молил Сигизмунда проступкам забвенья;
Мечтал о родной стороне!

«Но гений враждебный о тайне душевной
Царю в злое время известие дал,
И русский властитель, смущенный и гневной,
Раскаянье сердца изменой назвал:
Лишил меня зренья убийцы руками,
Забывши и славу, и старость мою;
И дядю царицы, опутав цепями,
Забросил в темницу сию.

«Лет десять живу я в могиле сей хладной;
Ни звезды, ни солнце не светят ко мне;
Тоскую угрюмый в душе безотрадной
И думой стремлюся к родимой стране.
Приметно слабею в утраченных силах,
Чуть сердце трепещет, немеет мой глас,
И медленно льется кровь хладная в жилах,
И смерти уж близится час!

«О дочь моя! скоро, над гробом рыдая,
Ты бросишь на прах мой горсть чуждой земли.
Скорее, друг юный, беги сего края:
От милой отчизны жить грустно вдали!
Свободный народ наш, деяньями славной,
Издавна известный в далеких краях,
Проступки несчастных отцов своенравно
Не будет отмщать на детях.

«Край милый увидишь — и сердца утраты,
И юных лет горе в душе облегчишь;

И башни, и храмы, и предков палаты,
И сердцу святые гробницы узришь!
Отца проклиная, дочь милую нежно
И ласково примут отчизны сыны —
И ты дни окончишь в тиши безмятежной
На лоне родимой страны.

«Пусть рок мой, исполнен тоской и мученьем,
Пребудет примером отчизне моей;
Да каждый, пылая преступным отмщеньем,
Итти не посмеет стезею страстей!
Да видят во мне моей родины братья,
Что рано иль поздно — измене взгремят
Ужасные сердцу сограждан проклятья,
И совесть от сна пробудят!»

Несчастный умолкнул с душевной тоскою...
Вдруг стон по темнице — и Глинский упал
На дочери лоно седой головою,
И холод кончины его оковал...
Так Глинский — муж Думы и пламенный воин —
Погиб на чужбине, как гнусный злодей;
Хвалы бы он вечной был в мире достоин,
Когда бы не буря страстей.

41. КУРБСКИЙ

На камне мшистом в час ночной,
Из милой родины изгнанник,
Сидел князь Курбский, вождь младой,
В Литве враждебной грустный странник;
Позор и слава Русских стран,
В совете мудрый, страшный в брани,
Надежда скорбных Россиян,
Гроза Ливонцев, бич Казани...

Сидел — и в перекатах гром
На небе мрачном раздавался,

И темный лес, шумя, кругом
От блеска молний освещался.
«Далеко от страны родной,
Далеко от подруги милой, —
Сказал он, покачав главой: —
Я должен век вести унылой.

«Уж боле пылких я дружин
Не поведу к кровавой брани
И враг не побежит с равнин
От покорителя Казани.
До дряхлой старости влача
Унылу жизнь в тиши бесславной,
Не обнажу за Русь меча,
Гоним судьбою своенравной.

«За то, что изнемог от ран,
Что в битвах край родной прославил
Меня неистовый тиран
Бежать отечества заставил,
Покинуть сына и жену,
Покинуть все, что мне священно,
И в чуждую уйти страну
С душою, грустью отягченной.

«В Литве я ныне стал вождем;
Но, ах, ни почести велики
Не веселят в краю чужом,
Ни ласки чуждого владыки.
Я все стенаю и грущу,
И на пирах сижу угрюмый,
Чего-то для души ищу,
И часто погружаюсь в думы...

«И в хижине и во дворце
Меня глас внутренний тревожит.
И мрачность на моем лице
Веселость шумных пиршеств множит...

Увы! всего меня лишил
Тиран отечества драгова!
Сколь жалок, рок кому судил
Искать в стране чужой покрова!» [1]

42. СМЕРТЬ ЕРМАКА

(П. А. Муханову)

Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молнии летали;
Беспрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...
Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком бреге Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.

Товарищи его трудов,
Побед и громозвучной славы,
Среди раскинутых шатров
Беспечно спали близ дубравы.
«О, спите, спите, — мнил герой: —
Друзья, под бурею ревущей!
С рассветом глас раздастся мой,
На славу, иль на смерть зовущий!

«Вам нужен отдых; сладкий сон
И в бурю храбрых успокоит;
В мечтах напомнит славу он
И силы ратников удвоит.
Кто жизни не щадил своей
В разбоях, злато добывая,
Тот думать будет ли о ней,
За Русь святую погибая?

«Своей и вражьей кровью смыв
Все преступленья буйной жизни,

И за победы заслужив
Благословения отчизны —
Нам смерть не может быть страшна;
Свое мы дело совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы — не праздно в мире жили!»

Но роковой его удел
Уже сидел с героем рядом,
И с сожалением глядел
На жертву любопытным взглядом.
Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молнии летали;
Беспрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Иртыш кипел в крутых брегах:
Вздымалися седые волны,
И рассыпались с ревом в прах,
Бия о брег, козачьи челны.
С вождем покой в объятьях сна
Дружина храбрая вкушала;
С Кучумом буря лишь одна
На их погибель не дремала!

Страшась вступить с героем в бой,
Кучум к шатрам, как тать презренный,
Прокрался тайною тропой,
Татар толпами окруженный.
Мечи сверкнули в их руках —
И окровавилась долина,
И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина...

Ермак воспрянул ото сна,
И, гибель зря, стремится в волны.
Душа отвагою полна,
Но далеко от брега челны!

Иртыш волнуется сильней...
Ермак все силы напрягает —
И мощною рукой своей
Валы седые рассекает...

Плывет... уж близко челнока —
Но сила року уступила,
И, закипев страшней, река
Героя с шумом поглотила.
Лишивши сил богатыря
Бороться с ярою волною,
Тяжелый панцырь — дар царя —
Стал гибели его виною.

Ревела буря... Вдруг луной
Иртыш кипящий осребрился,
И труп, извергнутый волной,
В броне медяной озарился.
Носились тучи, дождь шумел,
И молнии еще сверкали,
И гром вдали еще гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

43. БОРИС ГОДУНОВ

(Ф. В. Булгарину)

Москва река дремотною волной
  Катилась тихо меж брегами;
В нее, гордясь, гляделся Кремль стеной
  И златоверхими главами.
Умолк по улицам и вдоль брегов
  Кипящего народа гул шумящий.
Все в тихом сне: один лишь Годунов
  На ложе бодрствует стенящий.

Пред образом спасителя, в углу,
  Лампада тусклая трепещет,
И бледный луч, блуждая по челу,
  В очах страдальца страшно блещет.

Тут зрелся скиптр, корона там видна,
    Здесь золото и серебро сияло:
Увы, лишь добродетели и сна
    Великому недоставало!..

Он тщетно звал его в ночной тиши:
    До сна ль, когда шептала совесть
Из глубины встревоженной души
    Ему цареубийства повесть?
Пред ним прошедшее, как смутный сон,
    Тревожной оживлялось думой —
И, трепету невольно предан он,
    Страдал в душе своей угрюмой.

Ему представился тот страшный час,
    Когда, достичь пылая трона,
Он заглушил священный в сердце глас,
    Глас совести, и веры, и закона.
«О, заблуждение! — он возопил: —
    Я мнил, что глас сей сокровенной
На век сном непробудным усыпил
    В душе, злодейством омраченной!

«Я мнил: взойду на трон — и реки благ
    Пролью с высот его к народу;
Лишь одному злодейству буду враг;
    Всем дам законную свободу.
Начнут торговлею везде цвести
    И грады пышные, и сёла;
Полезному открою все пути,
    И возвеличу блеск престола.

«Я мнил: народ меня благословит,
    Зря благоденствие отчизны,
И общая любовь мне будет щит
    От тайной сердца укоризны.
Добро творю, — но ропота души
    Оно остановить не может:

Глас совести в чертогах и в глуши
Везде равно меня тревожит.

«Везде, как неотступный страж за мной,
Как злой, неумолимый гений,
Влачится вслед — и шепчет мне порой
Невнятно повесть преступлений...
Ах, удались! дай сердцу отдохнуть
От нестерпимого страданья!
Не раздирай страдальческую грудь:
Полна уж чаша наказанья!

«Взываю я, — но тщетны все мольбы!
Не отгоню ужасной думы:
Повсюду зрю грозящий перст судьбы,
И слышу сердца глас угрюмый.
Терзай же, тайный глас, коль суждено,
Терзай! Но я восторжествую,
И смою черное с души пятно
И кровь царевича святую!

«Пусть злобный рок преследует меня:
Не утомлюся от страданья,
И буду царствовать до гроба я
Для одного благодеянья.
Святою мудростью и правотой
Свое правление прославлю,
И прах несчастного почтить слезой
Потомка позднего заставлю.

«О, так! хоть станут проклинать во мне
Убийцу отрока святова,
Но не забудут же в родной стране
И дел полезных Годунова».
Страдая внутренно, так думал он;
И вдруг, на глас святой надежды,
К царю слетел давно желанный сон
И осенил страдальца вежды.

И с той поры державный Годунов,
    Перенося гоненье рока,
Творил добро, был подданным покров
    И враг лишь одного порока.
Скончался он — и тихо приняла
    Земля несчастного в объятья...
И загремели за его дела
    Благословенья и — проклятья!...

44. ДИМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦ

Чьи так дико блещут очи?
Дыбом черный волос встал?
Он страшится мрака ночи;
Зрю — сверкнул в руке кинжал!..
Вот идет... стоит... трепещет...
Быстро бросился назад;
И, как злой преступник, мещет
Вдоль чертога робкий взгляд.

Не убийца ль сокровенной,
За Москву и за народ,
Над стезею потаенной
Самозванца стережет?..
Вот к окну оборотился;
Вдруг луны сребристый луч
На чело к нему скатился
Из-за мрачных, грозных туч.

Что я зрю? То хищник власти! —
Лжедимитрий там стоит;
На лице пылают страсти;
Трепеща, он говорит:
«Там в чертогах кто-то бродит —
Шорох — заскрипела дверь!..
И вот призрак чей-то входит...
Это ты — Бориса дщерь!..

«О, молю, избавь от взгляда...
Укоризною горя,
Он вселяет муки ада
В грудь преступного царя!..
Но исчезла у порога...
Это кто ж мелькнул и стал,
Притаясь к углу чертога?
Это Шуйский!.. Я пропал!..»

Так страдал злодей коварной
В час спокойствия в Кремле:
Проступал беспрестанно
Пот холодный на челе.
«Не укроюсь я от мщенья! —
Он невнятно прошептал: —
Для тирана нет спасенья;
Друг ему — один кинжал!

«На престоле, иль на ложе,
Иль в толпе на площади,
Рано, поздно ли, но все же
Быть ему в моей груди!
Прекращу свой век постылый;
Мне наскучило страдать
Во дворце, как средь могилы,
И убийцу нажидать».

Сталь занес — она сверкнула —
И преступный задрожал:
Смерть тирана ужаснула;
Выпал поднятый кинжал.
«Не настало еще время! —
Простонал он: — но придет —
И несносной жизни бремя
Тяжкой ношею спадет».

Но как будто вдруг очнувшись:
«Что свершить решился я? —

Он воскликнул, ужаснувшись: —
Нет, не погублю себя.
Завтра ж, завтра все разрушу,
Завтра хлынет кровь рекой —
И встревоженную душу
Вновь порадует покой!

«Вместо праотцев закона
Я введу закон Римлян;
Грозной местью гряну с трона
В подозрительных граждан.
И твоя падет на плахе,
Буйный Шуйский, голова!
И, дымясь в крови и прахе,
Затрепещешь ты, Москва!»

Смолк. Преступные надежды
Удалили страх — и он
Лег на пышный одр — и вежды
Оковал тревожный сон.
Вдруг среди безмолвья грянул
Бой набата близ дворца,
И тиран с одра воспрянул
С смертной бледностью лица...

Побежал и зрит у входа:
Изо всех кремлевских врат
Волны шумные народа
Ко дворцу, стремясь, кипят.
Вот приблизились, напали,
Храбрый Шуйский впереди —
И Сарматы побежали
С хладным ужасом в груди.

«Все погибло! нет спасенья!
Смерть — прибежище одно!» —
Рек тиран... еще мгновенье —
И бросается в окно.

Пал на камни, и при стуках
Сабель, копий и мечей
Жизнь окончил в страшных муках
Нераскаянный злодей.

45. ИВАН СУСАНИН

«Куда ты ведешь нас? Не видно ни зги!.. —
Сусанину с сердцем вскричали враги: —
Мы вязнем и тонем в сугробинах снега;
Нам, знать, не добраться с тобой до ночлега.
Ты сбился, брат, верно нарочно с пути;
Но тем Михаила тебе не спасти!

«Пусть мы заблудились, пусть вьюга бушует:
Но смерти от Ляхов ваш царь не минует!..
Веди ж нас, — так будет тебе за труды;
Иль бойся — не долго у нас до беды!
Заставил всю ночь нас пробиться с мятелью...
Но что там чернеет в долине за елью?..»

«Деревня! — Сарматам в ответ мужичок: —
Вот гумна, заборы, а вот и мосток.
За мною! в ворота! — избушечка эта
Во всякое время для гостя нагрета.
Войдите — не бойтесь!» — «Ну, то-то, Москаль!..
Какая же, братцы, чертовская даль!

«Такой я проклятой не видывал ночи!
Слепились от снегу соколии очи...
Жупан мой — хоть выжми, нет нитки сухой!» —
Вошед, проворчал так Сармат молодой.
«Вина нам, хозяин! мы смокли, иззябли!
Скорей!.. не заставь нас приняться за сабли!»

Вот скатерть простая на стол постлана,
Поставлено пиво и кружка вина,

И русская каша и щи пред гостями,
И хлеб перед каждым большими ломтями.
В окончины ветер, бушуя, стучит;
Уныло и с треском лучина горит.

Давно уж за полночь!.. Сном крепким объяты,
Лежат беззаботно по лавкам Сарматы.
Все в дымной избушке вкушают покой;
Один, на-сторо̂же, Сусанин седой
В пол-голоса молит в углу у иконы
Царю молодому святой обороны.

Вдруг кто-то к воротам подъехал верхом.
Сусанин поднялся и к двери тайком...
«Ты ль это, родимый?.. А я за тобою!
Куда ты уходишь ненастной порою?
За полночь... а ветер еще не затих;
Наводишь тоску лишь на сердце родных!»

«Приводит сам бог тебя к этому дому!
Мой сын, поспешай же к царю молодому:
Скажи Михаилу, чтоб скрылся скорей;
Что гордые Ляхи, по злобе своей,
Его потаенно убить замышляют,
И новой бедою Москве угрожают!

«Скажи, что Сусанин спасает царя,
Любовью к отчизне и вере горя,
Скажи, что спасенье в одном лишь побеге
И что уж убийцы со мной на ночлеге». —
«Но что ты затеял? подумай, родной!
Убьют тебя Ляхи... Что будет со мной?

И с юной сестрою и с матерью хилой?» —
«Творец защитит вас святой своей силой.
Не даст он погибнуть, родимые, вам:
Покров и помощник он всем сиротам.
Прощай же, о сын мой, нам дорого время!
И помни: я гибну за русское племя!»

Рыдая, на лошадь Сусанин младой
Вскочил — и помчался свистящей стрелой.
Луна, между тем, совершила пол-круга;
Свист ветра умолкнул, утихнула вьюга;
На небе восточном зарделась заря:
Проснулись Сарматы, злодеи царя.

«Сусанин! — вскричали, — что молишься богу?
Теперь уж не время — пора нам в дорогу!»
Оставив деревню шумящей толпой,
В лес темный вступают окольной тропой.
Сусанин ведет их... Вот утро настало,
И солнце сквозь ветви в лесу засияло:

То скроется быстро, то ярко блеснет,
То тускло засветит, то вновь пропадет.
Стоят не шелохнясь и дуб, и береза;
Лишь снег под ногами скрипит от мороза,
Лишь временно ворон, вспорхнув, прошумит,
И дятел дуплистую иву долбит.

Друг зà другом идут в молчаньи Сарматы;
Все дале и дале седой их вожатый.
Уж солнце высоко сияет с небес;
Все глуше и диче становится лес, —
И вдруг пропадает тропинка пред ними;
И сосны, и ели, ветвями густыми

Склонившись угрюмо до самой земли,
Дебристую стену из сучьев сплели.
Вотще на-стороже тревожное ухо:
Все в том захолустьи и мертво, и глухо...
«Куда ты завел нас!» — Лях старый вскричал.
«Туда, куда нужно! — Сусанин сказал. —

«Убейте! замучьте! — моя здесь могила! —
Но знайте и рвитесь — я спас Михаила!
Предателя, мнили, во мне вы нашли:
Их нет и не будет на русской земли!

В ней каждый отчизну с младенчества любит,
И душу изменой свою не погубит».

«Злодей! — закричали враги, закипев: —
Умрешь под мечами!» — «Не страшен ваш гнев!
Кто Русской по сердцу, тот бодро и смело
И радостно гибнет за правое дело!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнув, умру за царя и за Русь!»

«Умри же!» — Сарматы герою вскричали —
И сабли над старцем, свистя, засверкали.
«Погибни, предатель! конец твой настал!»
И твердый Сусанин весь в язвах упал!
Снег чистый чистейшая кровь обагрила:
Она для России спасла Михаила!

46. БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ

Средь мрачной и сырой темницы,
Куда украдкой проникал, [1]
Скользя по сводам, луч денницы
И ужас места озарял, —
В цепях, и грозный, и угрюмый,
Лежал Хмельницкий на земле;
В нем мрачные кипели думы [2]
И выражались на челе. [3]

Темницы мертвое молчанье
Ни стон, ни вздох не нарушал;
Надежду мести и страданье
Герой в груди своей питал.
«Так, так, — он думал, — час настанет!
Освобожденный от оков,
Забытый узник бурей грянет
На притеснителей-врагов;

«Отмстит холодное презренье
К священнейшим правам людей;
Отмстит убийства и хищенье,
Бесчестье жен и дочерей;
Позорные разрушит цепи,
И, рабства сокруша кумир,
Вновь водворит в родные степи
С святой свободой тихий мир.

«Покроет ржа врагов кольчуги
И прах их ветер разнесет,
Застонут нежные супруги
И мать детей не обоймет.
А ты, пришлец иноплеменный,
Тиран родной страны моей,
Мучитель мой ожесточенный,
Чаплицкий! трепещи, злодей!

«За кровь пролитую, за слезы
И жен, и старцев, и сирот,
За все — и за сии железы
Тебя мое отмщенье ждет! [4]
Но где о вольности мечтаю?
Увы, в темнице дни влача,
Свой век, быть может, окончаю
От рук презренных палача!

«И долго, может быть, стеная
Под тяжким бременем оков,
Хмельницкого страна родная
Пребудет жертвою врагов.»
Чела страдальца вид суровый
Мрачнее стал от думы сей, [5]
И на заржавые оковы
Упали слезы из очей.

Вдруг слышит: загремели створы,
Со скрипом дверь отворена, [6]

И входит, потупляя взоры,
Младая робкая жена.[7]
«Кто ты? — Хмельницкий изумленный
Представшей незнакомке рек: —
Оковы ль снять?.. О, час блаженный!
О, если б этот час притек!

«Или с жестокою душою,
С презреньем хладным на очах,
Ты не пришла ли надо мною
Ругаться, зря меня в цепях?»[8]
«О, нет! — приветно произносит, —[9]
В душе любви питая жар,
Жена Чаплицкого приносит
Тебе с рукой свободу в дар».

«Жена Чаплицкого!» — «Мученье
И вместе мужество твое
Вдохнули в душу мне почтенье
И сердце тронули мое:
Я полюбила — и пылала
Из сих оков тебя извлечь;
Я связь с тираном разорвала;
Будь мой!» — «Я твой!» — «Прими свой меч!»[10]

«Мой меч! — Хмельницкий восклицает, —[11]
Жив бог! — и ты погиб, злодей!
Заря свободы засияет
От блеска мстительных мечей!»
Сребрила дол царица нощи,[12]
В брега волною Днепр плескал;
Опенив удила, у рощи[13]
Нетерпеливый конь стоял.

Герой вскочил, веселья полный,
Летит — и зрит поля отцов,
И вкруг его, как моря волны,
Рои толпятся козаков.

«Друзья! — он к храбрым восклицает:
За мной, чью грудь волнует месть,
Кто рабству смерть предпочитает,
Кому всего дороже честь!

«Сам бог поборник угнетенным!
Вожди — решительность и я!
На встречу ко врагам презренным,
На Воды Желтые, друзья!»
И вот сошлися два народа,
И с яростью вступили в бой
С тиранством бодрая свобода,
Кипя отвагою младой.

Сармат, и храбрый, и надменный,
Вотще упорствовать хотел;
Вотще, разбитый, побежденный,
Бежал мечей и метких стрел.
Преследуя, как ангел мщенья,
Герой везде врагов сражал,
И трупы их без погребенья
Волкам в добычу разметал.

И воцарилася свобода
С тех пор в Украинских степях,
И стала с счастием народа
Цвесть радость в селах и градах.
И чтя послом небес желанным,[14]
В замену всех наград и хвал,
Вождя-героя — «*Богом данным*»
Народа общий глас назвал.[15]

47. АРТЕМОН МАТВЕЕВ

Муж знаменитый, друг добра,
Боярин Артемон Матвеев
Был сослан в ссылку от двора
По клеветам своих злодеев.

Семь лет томился он в глуши;
Семь лет позор и стыд изгнанья[1]
Сносил с величием души,
Без слез, без скорби и роптанья.[2]

«Когда защитник нам закон
И совесть сердца не тревожит,
Тогда ни ссылка, — думал он, —
Ни казнь позорить нас не может.
Быв другом доброго царя,
Народа русского любимец,
Всегда в душе спокоен я
И в злополучии счастливец.

«Для блага сограждан моих
Усилия мои не тщетны,[3]
Коль всюду слышу я за них
Глас благодарности приветный.[4]
Все козни злых клеветников
Потомству время обнаружит,
И ненависть моих врагов
К бесславию для них послужит.

«Пускай перед царем меня
Чернит и клевета, и злоба.
Пред ними не унижусь я:
Мне честь сопутницей до гроба.
Щитом против коварства стрел,
Среди моей позорной ссылки,
Воспоминанье добрых дел
И дух к добру, как прежде, пылкий.

«Того не потемнится честь,
Кому, почтив дела благие,
Народ не пощадил принесть
В дар камни предков гробовые.[5]
Опалой царской не лишен
Я гордости той благородной,

Которой только одарен [6]
Муж справедливый и свободной.

«Пустоозерска дикий вид,
Угрюмая его природа,
Не в силах твердости лишить
Благотворителя народа.
Своей покорствуя судьбе,
Быть твердым всюду я умею:
Жалею я не о себе,
Я боле о царе жалею.

«На страшной трона высоте
Необходима прозорливость.
О, государь! вняв клевете, [7]
Ты оказал несправедливость!
Меня ты в ссылку осудил
За то ль, что я служил полвека?
Но я давно тебя простил,
О, царь! простил, как человека.

«Близ трона, притаясь, всегда
Гнездятся лесть и вероломство.
Сколь много для царей труда!
Деяний их судьей — потомство. [8]
Увы, его склонить нельзя
Ни златом блещущим, ни страхом:
Нелицемерный сей судья
Творит свой приговор над прахом».

Так изгнанный мечтал в глуши,
Неся позорной ссылки бремя —
И правоту его души
Пред светом оправдало время:
Друг истины и друг добра,
Горя к отечеству любовью,
Пал мертв за юного *Петра*,
Запечатлев невинность кровью.

48. ПЕТР ВЕЛИКИЙ В ОСТРОГОЖСКЕ *

В пышном, гетманском уборе,
Кто сей муж, суров лицом,
С ярким пламенем во взоре,
Ниц упал перед Петром?
С бунчуком и булавою
Вкруг монарха сердюки,
Судьи, сотники толпою
И толпами козаки.

«Виден промысла святова
Над тобою дивный щит! —
Покорителю Азова
Старец бодрый говорит: —
Оглася победой славной
Моря Черного брега,
Ты смирил, монарх державной,
Непокорного врага.

«Страшный в брани, мудрый в мире,
Превзошел ты всех владык,
Ты не блещущей порфирой,
Ты душой своей велик.
Чту я славою и честью
Быть врагом твоим врагам,
И губительною местью
Пролететь по их полкам.

«Уснежился черный волос
И булат дрожит в руке,

* Петр Великий, по взятии Азова (в августе 1696 года), прибыл в Острогожск. Тогда приехал в сей город и Мазепа, охранявший у Коломака вместе с Шереметевым пределы России от Татар. Он поднес царю богатую турецкую саблю, оправленную золотом и осыпанную драгоценными камнями, и на золотой цепи щит с такими ж украшениями. В то время Мазепа был еще невинен. Как бы то ни было; но уклончивый, хитрый гетман умел вкрасться в милость Петра. Монарх почтил его посещением, обласкал, изъявил особенное благоволение и честию отпустил в Украйну. [*Примечание Рылеева*]

Но зажжет еще мой голос
Пыл отваги в козаке.
В пылком сердце жажда славы
Не остыла в зиму дней:
Празднество мне — бой кровавый;
Мне музыка — стук мечей!»

Кончил — и к стопам Петровым
Щит и саблю положил;
Но, казалось, вождь суровый
Что-то в сердце затаил...
В пышном, гетманском уборе,
Кто сей муж, суров лицом,
С ярким пламенем во взоре,
Ниц упал перед Петром?

Сей пришлец в стране пустынной
Был Мазепа, вождь седой;
Может быть, еще невинной,
Может быть, еще герой.
Где ж свидание с Мазепой
Дивный свету царь имел?
Где герою вождь свирепой
Клясться в искренности смел?

Там, где волны Острогощи
В Сосну Тихую влились;
Где дубов сенистых рощи
Над потоком разрослись;
Где с отвагой молодецкой
Русский Крымцев поражал;
Где напрасно Брюховецкой
Добрых граждан возмущал;

Где плененный славы звуком,
Поседевший в битвах дед,
Завещал кипящим внукам
Жажду воли и побед;

Там, где с щедростью обычной,
За ничтожный, легкий труд,
Плод оратаю сторичной
Нивы тучные дают;

Где в лугах необозримых,
При журчании волны,
Кобылиц неукротимых
Гордо бродят табуны;
Где в стране благословенной,
Потонул в глуши садов
Городок уединенной
Острогожских козаков.

49. ВОЛЫНСКИЙ

«Не тот отчизны верный сын,
Не тот в стране самодержавья
Царю полезный гражданин,
Кто раб презренного тщеславья!
Пусть будет муж совета он
И мученик позорной казни,
Стоять за правду и закон,
Как Долгорукий, без боязни;

«Пусть будет он, дыша войной,
Врагам, в часы кровавой брани,
Неотразимою грозой,
Как покорители Казани;
Пусть удивляет... Но когда
Он все творит то из тщеславья:
Беда несчастному, беда! —
Он сын не славы, а бесславья!

«Глас общий цену даст делам;
Изобличатся вероломства —
И на проклятие векам
Предастся раб сей от потомства.

Не тот отчизны верный сын,
Не тот в стране самодержавья
Царю полезный гражданин,
Кто раб презренного тщеславья;

«Но тот, кто с гордыми в борьбе,
Наград не ждет и их не просит,
И, забывая о себе,
Все в жертву родине приносит.[1]
Против тиранов лютых тверд,
Он будет и в цепях свободен,
В час казни правотою горд
И вечно в чувствах благороден.

«Повсюду честный человек,
Повсюду верный сын отчизны,
Он проживет и кончит век,
Как друг добра, без укоризны.
Ковать ли станет на граждан
Пришлец иноплеменный цепи —
Он на него, как хищный вран,
Как вихрь губительный из степи...

«И хоть падет, но будет жив[2]
В сердцах и памяти народной,
И он, и пламенный порыв
Души прекрасной и свободной.
Славна кончина за народ!
Певцы, герою в воздаянье,
Из века в век, из рода в род
Передадут его деянье.

«Вражда к тиранству закипит[3]
Неукротимая в потомках —
И Русь священная узрит
Неправосудие в обломках.»[4]
Так, сидя в крепости, в цепях,
Волынский думал справедливо;

Душою чист и прав в делах,
Свой жребий нес он горделиво.

Стран северных отважный сын,
Презрев и казнью, и Бирдном,
Дерзнул на пришлеца один
Всю правду высказать пред троном:
Открыл царице корень зла,
Любимца гордого пороки,
Его ужасные дела,
Коварный ум и нрав жестокий.

Свершил, исполнил долг святой,
Открыл вину народных бедствий,
И ждал с бестрепетной душой
Деянью правому последствий.
Не долго, вольности лишен,
Герой влачил свои оковы:
Однажды вдруг запоров звон —
И входит страж к нему суровый.

Приник — и, осенясь крестом,
Сказал: «За истину святую
И казнь мне будет торжеством:
Я мнил спасти страну родную.
Пусть жертвой клеветы умру!
Что мне врагов коварных злоба?
Я посвящал себя добру,
И верен правде был до гроба!».

В его очах при мысли сей
Сверкнула с гордостью отвага:
И бодро из тюрьмы своей
Шел друг общественного блага. [5]
Притек... увидел палача —
И голову склонил без страха;
Сверкнуло лезвие меча —
И кровью освятилась плаха!

Волынский.

Дума.

Не тотъ Отчизны върный сынъ,
Не тотъ въ странѣ Самодержавной
Царю полезный Гражданинъ,
Кто рабъ презрѣнного тщеславья.
Пусть будетъ мужъ совѣта онъ
И мученикъ позорной казни,
Стоитъ за правду и законъ,
Какъ Долгорукой безъ боязни.

Пусть будетъ онъ, дыша войной,
Врагамъ, въ часы кровавой брани,
Неотразимою грозой,
Какъ покоритель Казани.
Пусть удивляетъ... но когда
Онъ все творитъ то изъ тщеславья,
Вреда нещастному, вреда:
Онъ сынъ не славы, а безславья.

Беловой автограф думы «Волынский» (1822).

Сыны отечества! в слезах
Ко храму древнему Самсона!
Там за оградой, при вратах
Почиет прах врага Бирона!
Отец семейства! приведи
К могиле мученика сына:
Да закипит в его груди
Святая ревность гражданина!

Любовью к родине дыша,
Да все для ней он переносит.
И, благородная душа,
Пусть личность всякую отбросит.
Пусть будет чести образцом,
За страждущих — железной грудью,
И вечно заклятым врагом
Постыдному неправосудью...

50. НАТАЛИЯ ДОЛГОРУКОВА

Настала осени пора;
В долинах ветры бушевали,
И волны мутного Днепра
Песчаный берег подрывали.
На брег сей дикий и крутой,
Невольно слезы проливая,
Беседовать с своей тоской
Пришла страдалица младая.

«Свершится завтра жребий мой:
Раздастся колокол церковной —
И я на век с своей тоской
Сокроюсь в келии безмолвной.
О, лейтесь, лейтесь же из глаз,
Вы, слезы, в месте сем унылом:
Сегодня я в последний раз
Могу мечтать о друге милом!

«В последний раз в немой глуши
Брожу с воспоминаньем смутным,
И тяжкую печаль души
Вверяю рощам беспириютным.
Была гонима всюду я
Жезлом судьбины самовластной;
Увы, вся молодость моя
Промчалась осенью ненастной!

«В борьбе с враждующей судьбой
Я отцветала в заточенье;
Мне друг прекрасный и младой
Был дан, как призрак, на мгновенье.[1]
Забыла я родной свой град,
Богатство, почести и знатность,
Что б с ним делить в Сибири хлад
И испытать судьбы превратность.

«Все с твердостью перенесла,
И, бедствуя в стране пустынной,
Для Долгорукова спасла
Любовь души своей невинной.[2]
Он жертвой мести лютой пал:
Кровь друга плаху оросила;
Но я, бродя меж снежных скал,
Ему в душе не изменила.

«Судьба отраду мне дала
В моем изгнании унылом:
Я утешалась, я жила
Мечтой всегдашнею о милом!
В стране угрюмой и глухой
Она являлась мне как радость,
И в душу, сжатую тоской,
Невольно проливала сладость.

«Но завтра — завтра я должна
На век забыть о страсти нежной;

Живая в гроб заключена,
От жизни отрекусь мятежной.
Забуду все: людей и свет,
И холодна к любви и злобе,
Суровый выполню обет —
Мечтать до гроба лишь о гробе. [3]

«О, лейтесь, лейтесь же из глаз,
Вы, слезы, в месте сем унылом:
Сегодня я в последний раз
Могу мечтать о друге милом!
В последний раз в немой глуши
Брожу с воспоминаньем смутным,
И тяжкую печаль души
Вверяю рощам бесприютным».

Тут, сняв кольцо с своей руки,
Она его поцеловала,
И бросив в глубину реки,
Лицо закрыла и взрыдала: [4]
«Сокройся в шумной глубине,
Ты, перстень, перстень обручальной, [5]
И в монастырской жизни мне
Не оживляй любви печальной!» [6]

Река клубилась в берегах,
Поблеклый лист валился с шумом;
Порывный ветр шумел в полях
И бушевал в лесу угрюмом.
Полна унынья и тоски,
Слезами перси орошая,
Пошла обратно вдоль реки
Дочь Шереметева младая. [7]

Обряд свершился роковой...
Прости последнее веселье!
Одна с угрюмою тоской
Страдалица сокрылась в келье.

Там дни свои в посте влача, [8]
Снедалась грустью безотрадной [9]
И угасала, как свеча,
Как пред иконой огнь лампадной. [10]

51. ДЕРЖАВИН

(Н. И. Гнедичу)

С деревьев падал желтый лист; [1]
Не слышно птиц в лесу угрюмом;
В полях осенних ветров свист,
И плещет Волхов в берег с шумом. [2]
Над Хутынским монастырем
Приметно солнце догорало,
И на главах златым лучом,
Из туч прокравшись, трепетало.

Какой-то думой омрачен,
Младой певец бродил в ограде;
Но вдруг остановился он,
И заблистал огонь во взгляде:
«Что вижу я? — он возопил —
Пред мной Державина могила!
Тебя ли рок, о бард, сразил?
Тебя ли смерть не пощадила?» [3]

И засияли, как росой,
Слезами юноши ресницы,
И он с удвоенной тоской
Сел у подножия гробницы.
И долго, молча, он сидел,
И мрачною тревожим думой,
Певец задумчивый глядел
На грустный памятник угрюмо.

«Но что, — вещал он наконец, —
Что я напрасно здесь тоскую?

Не умер пламенный певец:[4]
Он пел и славил Русь святую!
Он выше всех на свете благ
Общественное благо ставил,
И в огненных своих стихах
Святую добродетель славил.

«О как удел певца высок![5]
Кто в мире с ним судьбою равен?
Не в силах отказать и рок
Тебе в бессмертии, Державин!
Не умер ты, хотя здесь прах...
И в звуках лиры сладкогласной,
И граждан в пламенных сердцах
Ты оживляешься всечасно.

«О, так! нет выше ничего
Предназначения поэта:
Святая правда — долг его;
Предмет — полезным быть для света.
Избранник и посол творца,[6]
Не должен быть ничем он связан;
Святой великий сан певца
Он делом оправдать обязан.[7]

«К неправде он кипит враждой,
Ярмо граждан его тревожит;
Как вольный славянин душой,
Он раболепствовать не может.
Повсюду тверд, где б ни был он,
Наперекор судьбе и року,
Повсюду честь ему закон,
Везде он явный враг пороку.

«Греметь грозою против зла
Он чтит святым себе законом,
С покойной важностью чела
На эшафоте и пред троном;

Ему неведом низкий страх,
На смерть с презреньем он взирает,
И доблесть в молодых сердцах
Стихом свободным зажигает.

«Ему ли ожидать стыда
В суде грядущих поколений?
Не осквернит он никогда
Порочной мыслию творений.
Повсюду правды верный жрец,
Томяся жаждой чистой славы,
Не станет портить он сердец
И развращать народа нравы.

«Поклонник пламенный добра, —
Ничем себя не опорочит
И освященного пера
В нечестьи буйном не омочит.[8]
Над ним и рок не властелин!
Он истину достойно ценит,
И ей нигде, как верный сын,
И в тайных думах не изменит!

«Таков наш бард Державин был;
Повсюду чести неизменный,
Царям ли правду говорил,
Иль поражал порок надменный!»
Певец умолк — и тихо встал;
В нем сердце билось — и в волненьи
Вздохнув, он, отходя, вещал
В каком-то дивном исступленьи:

«О, пусть не буду в гимнах я
Разнообразен, дивен, громок;[9]
Лишь только б молвил про меня
Мой образованный потомок:

Парил он мыслию в веках,
Седую вызывая древность,
И воспалял в младых сердцах
К общественному благу ревность!»

52. ВЛАДИМИР СВЯТОЙ

Ни гром побед, ни звуки славы,
Ничто Владимира утешить не могло;
Ни разъясняли и забавы
Его угрюмое и мрачное чело... [1]

Братоубийством отягченный,
На светлых пиршествах сидел он одинок [2]
И тайной мыслию смущенный, [3]
Дичился радостей, как узнанный порок.

Напрасно пение Бояна
И рокот струн живых ласкали княжий слух;
Души не исцелялась рана,
И все тревожился и тосковал в нем дух. [4]

Однажды он с привычной думой,
На длань склонен главой, уединясь, сидел
И с дикостью души угрюмой
На вновь воздвигнутый Перунов лик глядел. [5]

Вокруг зеленого кургана
Толпами шумными на теремном дворе
Народ кипел у истукана,
Сиявшего, как луч, и в злате, и в сребре!..

«Перун! твой лик я здесь поставил, —
Вещал страдалец-князь. — Мироправитель-бог! [6]
Тебя я всех признать заставил
И дуб, священный дуб перед тобой возжог!

«Почто ж не укротишь волненья
Обуреваемой раскаяньем души!
Увы, ужасные мученья
Меня преследуют и в шуме, и в тиши.

«Молю у твоего кумира:
Предел страданиям душевным положи;
Пересели меня из мира
Или попрежнему с веселием сдружи!» [7]

Вдруг видит старца пред собою... [8]
Почтенный, важный вид: спокойствие в чертах,
Брада до чресл седой волною,
Кудрями волосы седые на плечах.

На посох страннический склоненный,
В десной распятие златое он держал,
И в князя взор его вперенный [9]
На душу грешника смятенье проливал... [10]

«Кто ты?» — Владимир с изумленьем
И гласом трепетным пришельца вопросил.
«Посол творца! — он рек с смиреньем: —
Ты бога вышнего делами прогневил... [11]

«Не в Чернобоге, не в Перуне,
Не в славе, не в пирах Владимиров покой;
Его ты, грешник, жаждешь втуне;
Как за добычей вран, так совесть за тобой!..

«Но что, о князь, сии терзанья! [12]
Тебя, отверженец, ужаснейшие ждут! [13]
Наступит час — ценить деянья! [14]
Воскреснут мертвые! Настанет страшный суд! [15]

«И суд сей будет непреложен;
Твое могущество тебя не защитит:
Там раб и царь равно ничтожен;
Всевышний судия на лица не глядит.

«Пред ним угаснет блеск короны!
И князю-грешнику один и тот же ад,
Где вечный скрежет, плач и стоны
С рабами низкими властителя сравнят».

Так говорил пришлец священный
И пылкий, яркий огнь в глазах его блистал, [16]
И князь трепещущий, смятенный,
Лия потоки слез, словам его внимал...

«О, чем же я избегну ада?..
Наставь, наставь меня!.. — Владимир старцу рек: —
Из твоего читаю взгляда,
Что ты, таинственный, спасти меня притек!..»

«Крести себя, крести народы! —
В ответ вещал святой: — и ты себя спасешь!
И славу дел из рода в роды,
С благословением потомства перельешь!

«Тогда не ад, блаженство рая
И вечность дивная тебя, Владимир, ждут,
Где сонмы ангелов, порхая...
Пред троном вышнего, твой подвиг воспоют!»

«Крести ж, крести меня, о дивный!» —
В восторге пламенном воскликнул мудрый князь...
На утро звук трубы призывный —
И рать Владимира к Херсону понеслась...

На новый подвиг с новым жаром
Летят дружинами с вождем богатыри,
Зарделись небеса пожаром,
Трепещет Греция и гордые цари!..

Так в князе огнь души надменной,
Остаток мрачного язычества, горел:
С рукой царевны несравненной
Он веру самую завоевать летел.

53. ЦАРЕВИЧ АЛЕКСЕЙ В РОЖЕСТВЕНЕ

Страшно воет лес дремучий,
Ветр в ущелиях свистит,
И украдкой из-за тучи
Месяц в Оредижь глядит.

Там — разбросаны жилища
Утесненной нищеты,
Здесь — стоят средь красоты
Деревенского кладбища
Деревянные кресты.

Между гор, как под навесом,
Волны светлые бегут
И вослед себе ведут
Берега, поросши лесом.

Кто ж сидит на черном пне
И, вокруг глядя со страхом,
В полуночной тишине
Тихо шепчется с монахом?

«Я готов, отец святой!
Но ведь он — родитель мой...» —
«Не лжеумствуй своенравно!
(Слышен голос старика)
Гибель церкви православной
Вижу я издалека...

«Видишь сам: уж все презренно —
Предков нравы и права,
И обычай их священной,
И родимая Москва.

«Ждет спасенья наша вера
От тебя, младой герой!
Иль не зришь себе примера:
Мать твоя перед тобой.

«Все царица в жертву богу
Равнодушно принесла
И блестящему чертогу
Мрачну келью предпочла.

«В рай иль в ад тебе дорога?..
Сын мой, слушай чернеца:
Иль отца забудь для бога,
Или бога для отца!»

Смолк монах. Царевич юный
С пня поднялся, говоря:
«Так и быть! Сберу перуны
На отца и на царя!»

54. ЯКОВ ДОЛГОРУКИЙ

Корабль летел, как на крылах,
Шумя уныло парусами,
И зарываяся в волнах,
Клубил их и вздымал буграми.
Седая пена за кормой
Рекой клубящейся бежала
И шум однообразный свой
С ревущей бурею сливала.

На шканцах шумною толпой
Стояли с пленниками Шведы;
Они летели в край родной
С отрадной вестию победы.
Главу склонив, с тоской в очах
И накрест опустивши руки,
На верхней палубе в мечтах
Сидел отважный Долгорукий. [1]

Он говорил: «Родной земли [2]
Уже не зреть страдальцу боле;

Умру, как изгнанник, вдали,
Умру с бесславием, в неволе.
В печальном плене дни влача,
Вотще пылаю славой дедов;
Увы, не притуплю меча
Об кости я враждебных Шведов!

«Уж для меня, как битвы знак,
Не загремят в полках литавры,
И не украсят мой шишак
Неувядаемые лавры,
Не буду я, служа добру,
Творить вельможам укоризны,
И правду говорить Петру,
Для благоденствия отчизны...

«Ах, лучше смерть в седых валах,
Чем жизнь без славы и свободы; [3]
Не русскому стенать в цепях
И изживать без цели годы!»
Так рек герой. Меж тем вдали
Уже сияли храмов шпицы,
Чернелись берега земли
И стаями неслися птицы.

Вот видны башни на скалах; [5]
То Готенбург на бреге диком —
И Шведы, с пламенем в очах,
Приветствуют отчизну криком.
Подняв благоговейный взор
И к небу простирая длани, [6]
В слезах благодарит пастор
И бога вод и бога брани.

Вокруг него толпы врагов!
Молясь, упали на колена...
Бушует ветр меж парусов,
Корабль летит, клубится пена,

Катятся слезы из очей
И груди Шведов орошают;
Они отцов, сестер, детей
Уже в мечтаньях обнимают...

Вдруг Долгорукий загремел:
«За мной! Расторгнем плен постыдной!
Пусть слава будет наш удел,
Иль смертию умрем завидной!»...[7]
Мелькнул сверкающий булат,
Пал неприятель изумленный,
И завоеванный фрегат
Помчался в Ревель покоренный.[8]

55. ВИДЕНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ

Свершилась казнь — и образец
Любви к отечеству священной,
Приял страдальческий венец —
Венец прекрасный и нетленной!
Волынский тверд был до конца;
Неустрашенный мукой казни,
Он важность гордого лица[1]
Не изменил чертой боязни.

Презренного злодея меч
Сверкнул над выей патриота,
Сверкнул — глава упала с плеч
И покатилась с эшафота.
И страх и тайную тоску
Льстецы в душе презренной кроя,
Чтоб угодить временщику,
Торжествовали казнь героя.

Одна царица лишь была
Омрачена печальной думой,
Как будто камнем залегла
Тоска в душе ее угрюмой.

С тех пор от ней веселье прочь,
И стала сна она чуждаться: [2]
Ее очам и день и ночь
Какой-то призрак стал являться...

Однажды пир шумел в дворце,
Гремела музыка на хорах;
У всех веселье на лице
И упоение во взорах.
В душе своей утомлена,
Бледна, печальна и угрюма [3]
Царица в тронную одна
Ушла украдкою от шума.

Увы, и радость не могла [4]
Ее порадовать улыбкой,
И мрачность бледного чела
Развеселить, хотя ошибкой.
«О, где найду душе покой!» —
Она в раздумьи возопила,
И, опершись на трон рукой,
Главу печальную склонила.

«И в шуме пиршеств, и в тиши
Меня раскаянье терзает;
Оно из глубины души
Волынского напоминает!..» —
«Он здесь!» — внезапно зазвучал
По сводам тронной страшный голос...
В царице трепет пробежал
И дыбом приподнялся волос!..

Она взглянула... перед ней
Глава Волынского лежала,
И на нее из-под бровей
С укором очи устремляла. [5]
Лик смертной бледностью покрыт,
Уста раскрытые трепещут;

Как огнь болотный в ночь горит,
Так очи в ней неясно блещут. [6]

Кругом главы во тьме ночной
Какой-то чудный свет сияет
И каплющая кровь порой
Помост чертога обагряет...
Рисует каждая черта
Страдальца славного отчизны...
Вдруг посинелые уста [7]
Залепетали укоризны:

«Что медлишь ты?.. Давно я жду
Тебя к творцу на суд священный,
Где каждый восприимет мзду;
Равны там раб и царь надменный!..» [8]
Окончив грозные слова,
Попрежнему из мрака ночи
Вперила мертвая глава
В царицу трепетную очи...

Музыки гром звучал еще, [9]
Весельем оживлялись лица;
Все ждали Анну — но вотще! [10]
Не возвращалася царица...
Исчезла радость, шум затих,
Лишь тайный шопот всюду бродит,
И каждый, глядя на других,
Из залы сумрачный выходит.

Л9

1823 — 1824

56. ВОЙНАРОВСКИЙ

Nessum maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria...

Dante

А. А. Бестужеву

Как странник грустный, одинокой,
В степях Аравии пустой,
Из края в край с тоской глубокой
Бродил я в мире сиротой.
Уж к людям холод ненавистной
Приметно в душу проникал,
И я в безумии дерзал
Не верить дружбе бескорыстной.
Внезапно ты явился мне —
Повязка с глаз моих упала;
Я разуверился вполне,
И вновь в небесной вышине
Звезда надежды засияла.

Прими ж плоды трудов моих,
Плоды беспечного досуга!
Я знаю, друг, ты примешь их
Со всей заботливостью друга.
Как Аполлонов строгий сын,
Ты не увидишь в них искусства
За то найдешь живые чувства —
Я не поэт, а гражданин.

Войнаровский

~~Стихотворение~~

Часть первая

(~~Отрывок из поэмы~~)

~~Вонк~~

Въ странѣ метелей и снѣговъ,
На берегу широкой Лены,
Чернѣетъ длинный рядъ домовъ,
И юртъ бревенчатыя ~~...~~ стѣны.
Кругомъ высокій частоколъ
Поднялся изъ снѣговъ глубокихъ,
И съ высоты ~~...~~ на дикій долъ
Глядятъ верхи церквей высокихъ.
Вдали шумитъ сосновый боръ,
Бѣлѣютъ снѣжныя равнины,
И тянутся высокихъ горъ
Разнообразныя вершины...
Всегда сурова и дика

Начальные строки белового автографа поэмы «Войнаровский».

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ МАЗЕПЫ

Мазепа принадлежит к числу замечательнейших лиц в российской истории XVIII столетия. Место рождения и первые годы его жизни покрыты мраком неизвестности. Достоверно только, что он провел молодость свою при варшавском дворе, находился пажем у короля Иоанна Казимира и там образовался среди отборного польского юношества. Несчастные обстоятельства, до сих пор еще не объясненные, заставили его бежать из Польши. История представляет нам его в первый раз в 1674 году главным советником Дорошенки, который, под покровительством Польши, правил землями, лежащими по правой стороне Днепра. Московский двор решился присоединить в то время сии страны к своей державе. Мазепа, попавшись в плен при самом начале войны с Дорошенком, советами против бывшего своего начальника много способствовал успеху сего предприятия и остался в службе у Самойловича, гетмана Малороссийской Украины. Самойлович, заметив в нем хитрый ум и пронырство, увлеченный его красноречием, употреблял его в переговорах с царем Федором Алексеевичем, с крымским ханом и с Поляками. В Москве Мазепа вошел в связи с первыми боярами царского двора и после неудачного похода любимца Софии, князя Василия Васильевича Голицына, в Крым, в 1687 году, чтобы отклонить ответственность от сего вельможи, он приписал неуспех сей войны благодетелю своему, Самойловичу, отправил о сем донос к царям Иоанну и Петру и в награду за сей поступок был, по проискам Голицына, возведен в звание гетмана обеих Украин.

Между тем, война с Крымцами не уставала: поход 1688 года был еще неудачнее прошлогоднего; здесь в то время произошла перемена в правлении. Владычество Софии и ее любимца кончилось, и власть перешла в руки Петра. Мазепа, опасаясь разделить несчастную участь с вельможею, которому он обязан был своим возвышением, решился объявить себя на стороне юного государя, обвинил Голицына в лихоимстве и остался гетманом.

Утвержденный в сем достоинстве, Мазепа всячески старался снискать благоволение российского монарха. Он участвовал в азовском походе; во время путешествия Петра по чужим краям счастливо воевал с Крымцами, и один из первых советовал разорвать мир со Шведами. В словах и поступках он казался самым ревностным поборником выгод России, изъявлял совершенное покорство воле Петра, предупреждал его желания, и в 1701 году, когда буджацкие и белгородские Татары просили его о принятии их в покровительство, согласно с древними обычаями козаков: «Прежние козацкие обыкновения миновались», отвечал он депутатам: «гетманы ничего не делают без повеления государя». В письмах к царю Мазепа говорил про себя, что он один и что все окружающие его недоброжелательствуют России; просил, чтоб доставили ему случай показать свою верность, позволив участвовать в войне против Шведов, и в 1704 году, после похода в Галицию, жаловался, что король Август держал его в бездействии, не дал ему способов к оказанию важных услуг русскому царю. Петр, плененный его умом, познаниями, и довольный его службою, благоволил к гетману особенным образом. Он имел к нему неограниченную доверенность, осыпал его милостями, сообщал ему самые важные тайны, слушал его советов. Случалось ли, что недовольные, жалуясь на гетмана, обвиняли его в измене, государь велел отсылать их в Малороссию и судить, как ябедников, осмелившихся поносить достойного повелителя козаков. Еще в конце 1705 года Мазепа писал к Головкину: «Никогда не отторгнусь от службы премилостивейшего моего государя». В начале 1706 года был он уже изменник.

Несколько раз уже Станислав Лещинский подсылал к Мазепе поверенных своих с пышными обещаниями и убеждениями — преклониться на его сторону, но последний отсылал всегда сии предложения Петру. Замыслив измену, повелитель Малороссии почувствовал необходимость притворства. Ненавидя Россиян в душе, он вдруг начал обходиться с ними самым приветливым образом; в письмах своих к государю уверял он более, чем когда-нибудь, в своей преданности, а между тем потаенными средствами раздувал между козаками неудовольствие против России. Под предлогом, что козаки ропщут на тягости, понесенные ими в прошлогодних походах и в крепостных работах, он распустил войско, вывел из крепостей гарнизоны и стал укреплять Батурин; сам Мазепа притворился больным, слег в постель, окружил себя докторами, не вставал с одра по нескольку дней сряду, не мог ни ходить, ни стоять,

и в то время, как все полагали его близким ко гробу, он приводил в действие свои намерения: переписывался с Карлом XII и Лещинским, вел по ночам переговоры с присланным от Станислава иезуитом Зеленским о том, на каких основаниях сдать Малороссию Полякам, и отправлял тайных агентов к Запорожцам с разглашениями, что Петр намерен истребить Сечу и чтоб они готовились к сопротивлению. Гетман еще более начал притворяться по вступлении Карла в Россию. В 1708 году болезнь его усилилась. Тайные пересылки с шведским королем и письма к Петру сделались чаще. Карла умолял он о скорейшем прибытии в Малороссию и избавлении его от ига Русских, и в то же время писал к графу Гавриле Ивановичу Головкину, что никакие прелести не могут отторгнуть его от высокодержавной руки царя русского и поколебать недвижимой его верности. Между тем, Шведы были разбиты при Добром и Лесном, и Карл обратился в Украину. Петр повелел гетману следовать к Киеву и с той стороны напасть на неприятельский обоз; но Мазепа не двигался из Борзны. Притворные страдания его час от часу усиливались. 22 октября 1708 года писал он еще к графу Головкину, что он не может ворочаться без пособия своих слуг, более 10 дней не употребляет пищи, лишен сна и, готовясь умереть, уже соборовался маслом, а 29-го, явившись в Горках с 5000 козаков, положил к стопам Карла XII булаву и бунчук, в знак подданства и верности.

Что побудило Мазепу к измене? Ненависть ли его к Русским, полученная им еще в детстве, во время его пребывания при польском дворе? Любовная ли связь с одной из родственниц Станислава Лещинского, которая принудила его перейти на сторону сего короля? Или, как некоторые полагают, любовь к отечеству, внушившая ему неуместное опасение, что Малороссия, оставшись под владычеством русского царя, лишится прав своих? Но в современных актах ее не вижу в поступке гетмана Малороссии сего возвышенного чувства, предполагающего отвержение от личных выгод и пожертвование собою пользе сограждан. Мазепа в универсалах и письмах своих к козакам клялся самыми священными именами, что действует для их блага; но в тайном договоре с Станиславом отдавал Польше Малороссию и Смоленск, с тем, чтоб его признали владетельным князем полоцким и витебским. Низкое, мелочное честолюбие привело его к измене. Благо козаков служило ему средством к умножению числа своих соумышленников и предлогом для скрытия своего вероломства. И мог ли он, воспитанный в чужбине, уже два раза

опятнавший себя предательством, двигаться благородным чувством любви к родине?

Генеральный судья Василий Кочубей был давно уже в несогласии с Мазепою. Ненависть его к гетману усилилась с 1704 года, после того, как сей последний, во зло употребляя власть свою, обольстил дочь Кочубея, и смеясь над жалобами родителей, продолжал с нею виновную связь. Кочубей поклялся отомстить Мазепе; узнав о преступных его замыслах, может быть, движимый усердием к царю, решился открыть их Петру. Согласившись с полтавским полковником Искрою, они отправили донос свой в Москву, а вскоре потом и сами туда явились; но двадцатилетняя верность Мазепы и шестьдесят четыре года жизни отдаляли от него всякое подозрение. Петр, приписывая поступок Кочубея и Искры личной ненависти на гетмана, велел отослать их в Малороссию, где сии несчастные, показав под пыткою, что их показания ложны, были казнены 14 июля 1708 года в Борщаговке, в 8 милях от Белой Церкви.

А. Корнилович

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ВОЙНАРОВСКОГО

Андрей Войнаровский был сын родной сестры Мазепы, но об его отце и детстве нет никаких верных сведений. Знаем только, что бездетный гетман, провидя в племяннике своем дарования, объявил его своим наследником и послал учиться в Германию наукам и языкам иностранным. Объехав Европу, он возвратился домой, обогатив разум познанием и людей и вещей. В 1705 году Войнаровский послан был на службу царскую. Мазепа поручил его особому покровительству графа Головина; а в 1707 году мы уже встречаем его атаманом пятитысячного отряда, посланного Мазепою под Люблин в усиление Меншикова, откуда и возвратился он осенью того же года. Участник тайных замыслов своего дяди, Войнаровский, в решительную минуту вполнения Карла XII в Украину, отправился к Меншикову, чтобы извинить медленность гетмана и заслонить его поведение. Но Меншиков уже был разочарован: сомнения об измене Мазепы превращались в вероятия, и вероятия склонились к достоверности — рассказы Войнаровского остались втуне. Видя, что каждый час умножается опасность его положения, не принося никакой пользы его стороне, он тайно отъехал к войску. Мазепа еще притворствовал: показал вид, будто разгневался на племянника, и,

чтобы удалить от себя тягостного нажидателя, полковника Протасова, упросил его исходатайствовать лично у Меншикова прощение Войнаровскому за то, что тот уехал не простясь. Протасов дался в обман и оставил гетмана, казалось, умирающего. Явная измена Мазепы и прилучение части казацкого войска к Карлу XII последовали за ним немедленно, и от сих пор судьба Войнаровского была нераздельна с судьбою сего славного изменника и венценосного рыцаря, который не раз посылал из Бендер к хану крымскому и турецкому двору, чтобы восстановить их противу России. Станислав Лещинский нарек Войнаровского коронным воеводою царства Польского, а Карл дал ему чин полковника Шведских войск и, по смерти Мазепы, назначил гетманом обеих сторон Днепра. Однакож Войнаровский, потеряв блестящую и верную надежду быть гетманом всей Малороссии, ибо намерение дяди и желание его друзей призывали его в преемники сего достоинства, отклонил от себя безземельное гетманство, на которое осудили его одни беглецы, и даже откупился от оного, придав Орлику 3000 червонцев к имени гетмана и заплатив кошевому 200 червонцев за склонение козаков на сей выбор. Наследовав после дяди знатное количество денег и драгоценных каменьев, Войнаровский приехал из Турции и стал очень роскошно жить в Вене, в Бреславле и в Гамбурге. Его образованность и богатство ввели его в самый блестящий круг дворов германских, а его ловкость, любезность доставили ему знакомство (кажется, весьма двусмысленное) с славною графинею Кенигсмарк, любовницею противника его, короля Августа, матерью графа Морица де Сакс. Между тем как счастье ласкало так Войнаровского забавами и дарами, судьба готовила для него свои перуны. Намереваясь отправиться в Швецию для получения с Карла занятых им у Мазепы 240 000 талеров, он приехал в 1716 году в Гамбург, где и был схвачен на улице магистратом по требованию российского резидента Беттахера. Однакож, вследствие протестаций венского двора, по правам неутралитета, отправление его из Гамбурга длилось долго, и лишь собственная решимость Войнаровского отдаться милости Петра I предала его во власть Русских. Он представился государю в день именин императрицы, и ее заступление спасло его от казни. Войнаровский был сослан со всем семейством в Якутск, где и кончил жизнь свою, но когда и как — неизвестно. Миллер, в бытность свою в Сибири, в 1736 и 1737 годах, видел его в Якутске, но уже одичавшего и почти забывшего иностранные языки и светское обхождение.

Такова была жизнь Войнаровского, и нрав его виден в делах. Он был отважен, ибо Мазепа не вверил бы ему многочисленного отряда людей независимых, у коих одни личные достоинства могли скреплять власть; красноречив, что доказывают поручения от Карла XII и Мазепы; решителен и неуклончив, как это видно из размолвки его с Меншиковым; наконец, ловок и обходителен, ибо тщеславие не нарекло бы его в Вене графом,* если бы любезной дикарь сей не имел тонкости светской. Одним словом, Войнаровский принадлежал к числу тех немногих людей, которых Великий Петр почтил именем опасных врагов. Без сомнения, Войнаровский, одаренный сильным характером, которому случай дал развернуться в такую славную эпоху, принадлежит к числу любопытнейших лиц прошлого века — лиц, равно присвоенных истории и поэзии, ибо превратность судьбы его предупредила все вымыслы романтика. *

А. Бестужев

* Примечания к поэме «Войнаровский», написанные П. М. Строевым и авторизованные Рылеевым, см. на стр. 288—294.

ВОЙНАРОВСКИЙ

Поэма

Часть первая

В стране метелей и снегов,
На берегу широкой Лены,
Чернеет длинный ряд домов
И юрт бревенчатые стены.
Кругом сосновый частокол
Поднялся из снегов глубоких,
И с гордостью на дикий дол
Глядят верхи церквей высоких;
Вдали шумит дремучий бор,
Белеют снежные равнины,
И тянутся кремнистых гор
Разнообразные вершины...

Всегда сурова и дика
Сих стран угрюмая природа;
Ревет сердитая река,
Бушует часто непогода,
И часто мрачны облака...

Никто страны сей безотрадной,
Обширной узников тюрьмы,
Не посетит, боясь зимы
И продолжительной и хладной.
Однообразно дни ведет
Якутска житель одичалой;
Лишь раз иль дважды в круглый год

С толпой преступников усталой,
Дружина воинов придет;
Иль за якутскими мехами,
Из ближних и далеких стран,
Приходит с русскими купцами
В забытый город караван.
На миг в то время оживится
Якутск унылый и глухой;
Все зашумит, засуетится,
Народы разные толпой:
Якут и Юкагир пустынной,
Неся богатый свой ясак,
Лесной Тунгуз и с пикой длинной
Сибирский строевой козак.
Тогда зима на миг единый
От мест угрюмых отлетит;
Безмолвный лес заговорит,
И чрез зеленые долины
По камням Лена зашумит.
Так посещает в подземелье
Почти убитого тоской
Страдальца-узника порой
Души минутное веселье.
Так в душу мрачную влетит
Под час спокойствие ошибкой
И принужденною улыбкой
Чело злодея прояснит...

Но кто украдкою из дому,
В тумане раннею порой,
Идет по берегу крутому
С винтовкой длинной за спиной;
В полукафтанье, в шапке черной,
И перетянут кушаком,
Как стран Днепра козак проворной
В своем наряде боевом?
Взор беспокойный и угрюмый,

В чертах суровость и тоска,
И на челе его слегка
Тревожные рисует думы
Судьбы враждующей рука.

Вот к западу простер он руки;
В глазах вдруг пламень засверкал,
И с видом нестерпимой муки,
В волненьи сильном он сказал:

«О, край родной! поля родные!
Мне вас уж боле не видать;
Вас, гробы праотцев святые,
Изгнаннику не обнимать!

«Горит напрасно пламень пылкий,
Я не могу полезным быть:
Средь дальной и позорной ссылки
Мне суждено в тоске изныть.

«О, край родной! поля родные!
Мне вас уж боле не видать;
Вас, гробы праотцев святые,
Изгнаннику не обнимать!»

Сказал; пошел по косогору;
Едва приметною тропой
Поворотил к сырому бору,
И вот исчез в глуши лесной.
Кто ссыльный сей, никто не знает;
Давно в страну изгнанья он,
Молва народная вещает,
В кибитке крытой привезен.
Улыбки не видать приветной
На незнакомце никогда,
И поседели уж приметно
Его и ус и борода.
Он не варнак; смотри: не видно
Печати роковой на нем,
Для человечества постыдной,

Рукою дерзкой и бесстыдной
В чело вклейменной палачом.
Но вид его суровей вдвое,
Чем дикий вид чела с клеймом;
Покоен он: но так в покое
Байкал пред бурей мрачным днем.
Как в час глухой и мрачной ночи,
Когда за тучей месяц спит,
Могильный огонек горит —
Так незнакомца блещут очи.
Всегда дичится и молчит,
Один, как отчужденный, бродит,
Ни с кем знакомство не заводит,
На всех сурово он глядит...

В стране той хладной и дубравной
В то время жил наш Миллер славной;
В укромном домике, в тиши,
Работал для веков в глуши,
С судьбой боролся своенравной
И жажду утолял души.
Из родины своей далекой
В сей край пустынный завлечен
К познаньям страстию высокой,
Здесь наблюдал природу он.

В часы суровой непогоды
Любил рассказы стариков
Про Ермака и козаков.
Про их отважные походы
По царству хлада и снегов.
Как часто, вышедши из дому,
Бродил по целым он часам
По океану снеговому
Или по дебрям и горам.
Следил, как солнце, яркий пламень
Разлив по тверди голубой,

На миг за Кангала̀цкий камень
Уходит летнею порой.
Все для пришельца было ново:
Природы дикой красота,
Клима̀т жестокий и суровой
И диких нравов простота.
Однажды он в мороз трескучий
Оленя гнав с сибирским псом,
Вбежал на лыжах в лес дремучий —
И мрак и тишина кругом!
Повсюду сосны вековые,
Иль кедры в инии седом;
Сплелися ветви их густые
Непроницаемым шатром.
Не видно из лесу дороги...
Чрез хворост, кочки и снега
Олень несется быстроногий,
Закинув на̀ спину рога,
Вдали меж соснами мелькает,
Летит... вдруг выстрел!.. быстрый бег
Олень внезапно прерывает...
Вот зашатался — и на снег,
Окровавленный, упадает.
Смущенный Миллер робкий взор
Туда, где пал олень, бросает
Сквозь чащу, ветви, дичь и бор,
И зрит: к оленю подбегает
С винтовкой длинною в руке,
Окутанный дахо̀ю черной
И в длинношерстом чебаке,
Охотник ловкий и проворной...

То ссыльный был. Угрюмый взгляд,
Вооруженье и наря̀д,
И незнакомца вид унылой —
Все душу странника страшило...
Но трепеща в глуши лесной

Блуждать один, путей не зная,
Преодолел он ужас свой
И быстрой полетел стрелой,
Бег к незнакомцу направляя.
«Кто б ни был ты, — он так сказал, —
Будь мне вожатым, ради бога;
Гнав зверя, я с тропы сбежал
И в глушь нечаянно попал.
Скажи, где на Якутск дорога?» —
«Она осталась за тобой,
За час отсюда, в ближнем доле;
Кругом все дичь и лес густой,
И вряд ли до ночи глухой
Успеешь выбраться ты в поле;
Уже вечерняя пора...
Но мы вблизи заимки скудной:
Пойдем — там в юрте до утра
Ты отдохнешь с охоты трудной».

Они пошли. Все глуше лес,
Все реже виден свод небес.
Погасло дневное светило;
Настала ночь... Вот месяц всплыл,
И одинокой, и унылой,
Дремучий лес осеребрил
И юрту путникам открыл.
Пришли — и ссыльный, торопливо
Вошед в угрюмый свой приют,
Вдруг застучал кремнем в огниво,
И искры сыпались на трут,
Мрак освещая молчаливой.
И каждый в сталь удар кремня,
В углу обители пустынной,
То дуло озарял ружья,
То ратовище пальмы длинной,
То саблю, то конец копья.
Глаз с незнакомца не спуская,

Близ двери Миллер перед ним,
В душе невольный страх скрывая,
Стоит и нем, и недвижим...
Вот, вздув огонь, пришлец суровый
Проворно жирник засветил,
Скамью придвинул, стол сосновый
Простою скатертью накрыл,
И с лаской гостя посадил.
И вот за трапезою сытной,
В хозяина вперяя взор,
Заводит странник любопытной
С ним о Сибири разговор...
С ответом каждым становилась
Их речь живее и живей
И вдруг нечаянно склонилась
К судьбе народов и царей...
В какое ж Миллер удивленье
Был незнакомцем приведен;
И кто бы не был поражен:
Стран европейских просвещенье
В лесах сибирских встретил он!
Покинув родину с тоскою,
Два года Миллер, как чужой,
Бродил бездомным сиротою
В стране забытой и глухой.
Но тут, в пустыне отдаленной,
Он неожиданно, в глуши,
Впервые мог тоску души
Отвесть беседой просвещенной.
При строгой важности лица,
Слова, высоких мыслей полны,
Из уст седого пришлеца,
В избытке чувств, текли как волны.
В беседе долгой и живой
Глаза у обоих сверкали;
Они друг друга понимали —
И, как друзья, в глуши лесной

Взаимно души открывали.
Усталый странник позабыл
И поздний час, и сон отрадный,
И слушать незнакомца жадный,
Казалось, весь вниманье был.

«Ты знать желаешь, добрый странник,
Кто я, и как сюда попал? —
Так незнакомец продолжал, —
Того до сей поры изгнанник
Здесь никому не поверял.
Иных здесь чувств и мнений люди:
Они не поняли б меня,
И повесть мрачная моя
Не взволновала бы их груди.
Тебе же тайну вверю я
И чувства сердца обнаружу;
Ты в родине, как должно мужу,
Наукой просветил себя:
Ты все поймешь, ты все оценишь,
И несчастливцу не изменишь...

«Дивись же, странник молодой,
Как гонит смертных рок свирепый:
В одежде дикой и простой —
Узнай — сидит перед тобой
И друг, и родственник Мазепы!
Я Войнаровский. Обо мне
И о судьбе моей жестокой
Ты, может быть, в родной стране
Слыхал не раз с тоской глубокой...
Ты видишь: дик я и угрюм,
Брожу как остов, очи впали,
И на челе бразды печали,
Как отпечаток тяжких дум,
Страдальцу вид суровый дали.
Между лесов и грозных скал,

Как вечный узник безотраден,
Я одряхлел, я одичал
И, как климат сибирский, стал
В своей душе жесток и хладен.
Ничто меня не веселит,
Любовь и дружество мне чужды,
Печаль свинцом в душе лежит,
Ни до чего нет сердцу нужды.
Бегу, как недруг, от людей;
Я не могу снести их вида:
Их жалость о судьбе моей
Мне нестерпимая обида.
Кто брошен в дальние снега
За дело чести и отчизны,
Тому сноснее укоризны,
Чем сожаление врага.
К чему напрасное моленье!
И ты печально не гляди,
Не изъявляй мне сожаленье,
И так жестоко не буди
В моей измученной груди
Тоски, уснувшей на мгновенье.
Признаться ль, странник: я б желал,
Чтоб люди узника чуждались,
Чтоб взгляд мой душу их смущал,
Чтобы меня средь этих скал,
Как привидения, пугались.
Ах, может быть, тогда покой
Сдружился бы с моей душой...
Но знал и я когда-то радость
И от души людей любил,
И полной чашею испил
Любви и тихой дружбы сладость.
Среди родной моей земли,
На лоне счастья и свободы,
Мои младенческие годы
Ручьем игривым протекли;

Как легкий сон, как привиденье,
За ними радость на мгновенье,
А вместе с нею суеты,
Война, любовь, печаль, волненье,
И пылкой юности мечты...
Враг хищных Крымцев, враг Поляков,
Я часто за Палеем в след,
С ватагой храбрых гайдамаков
Искал иль смерти, иль побед.
Бывало кони быстроноги
В степях и диких, и глухих,
Где нет жилья, где нет дороги,
Мчат вихрем всадников лихих.
Дыша любовью к дикой воле,
Бодры и веселы без сна,
Мы воздухом питались в поле
И малой горстью толокна.
В неотразимые наезды
Нам путь указывали звезды,
Иль шумный ветер, иль курган;
И мы, как туча громовая,
Внезапно и от разных стран,
Пустыню воплем оглашая,
На вражий наезжали стан,
Дружины грозные громили,
Селения и грады — в прах,
И в земли чуждые вносили
Опустошение и страх.
Враги везде от нас бежали
И, трепеща постыдных уз,
Постыдной данью покупали
У нас сомнительный союз.

«Однажды, увлечен отвагой,
Я, с малочисленной ватагой
Неустрашимых удальцов,
Ударил на толпы врагов.

ВОЙНАРОВСКІЙ.

СОЧИНЕНІЕ

К. РЫЛѢЕВА.

.....Nessum maggior dolore
che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria..............
Dante.

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1825.

Титульный лист издания поэмы «Войнаровский» (1825).

Бой длился дб ночи. Поляки
Уже смешалися в рядах,
И строясь дале, на холмах,
Нам уступали поле драки.
Вдруг слышим Крымцев дикий глас...
Поля и стонут, и трясутся...
Глядим — со всех сторон на нас
Толпы враждебные несутся...
В одно мгновенье тучи стрел
В дружину нашу засвистали;
Вотще я устоять хотел:
Враги все боле нас стесняли,
И, наконец, покинув бой,
Мы степью дикой и пустой
Рассыпались и побежали...
Погоню слыша за собой,
И раненный, и изнуренный,
Я на коне летел стрелой,
Страшася в плен попасть презренный.

«Уж Крыма хищные сыны
За мною гнаться перестали;
За рубежом родной страны
Уж хутора вдали мелькали,
Уж в куренях я зрел огонь,
Уже я думал — вот примчался!
Как вдруг мой изнуренный конь
Остановился, зашатался,
И близь границ страны родной
На землю грянулся со мной...

«Один, вблизи степной могилы,
С конем издохнувшим своим,
Под сводом неба голубым
Лежал я мрачный и унылый.
Катился градом пот с чела,
Из раны кровь ручьем текла...

Напрасно помощь призывая,
Я слабый голос подавал:
В степи пустынной исчезая,
Едва родясь, он умирал.
«Все было тихо... лишь могила
Уныло с ветром говорила.
И одинока, и бледна,
Плыла двурогая луна
И озаряла сумрак ночи.
Я без движения лежал;
Уж я, казалось, замирал;
Уже, заглядывая в очи,
Над мною хищный вран летал...
Вдруг слышу шорох за курганом,
И зрю: покрытая серпяном,
Козачка юная стоит,
Склоняясь робко надо мною,
И на меня с немой тоскою
И нежной жалостью глядит.

«О незабвенное мгновенье!
Воспоминанье о тебе,
На зло враждующей судьбе,
И здесь страдальцу упоенье!
Я не забыл его с тех пор;
Я помню сладость первой встречи,
Я помню ласковые речи
И полный состраданья взор.
Я помню радость девы нежной,
Когда страдалец безнадежной
Был под хранительную сень
Снесен к отцу ее в курень.
С какой заботою ходила
Она за страждущим больным;
С каким участием живым
Мои желания ловила.
Я все утехи находил

В моей козачке черноокой;
В ее словах я негу пил
И облегчал недуг жестокой.
В часы бессонницы моей,
Она, приникнув к изголовью,
Сидела с тихою любовью
И не сводя с меня очей.
В час моего успокоенья
Она ходила собирать
Степные травы и коренья,
Что б ими друга врачевать.
Как часто нежно и приветно
На мне прекрасный взор бродил,
И я козачку неприметно
Душою пылкой полюбил.
В своей невинности сначала
Она меня не понимала;
Я тосковал, кипела кровь;
Но скоро пылкая любовь
И в милой деве запылала...
Настала счастия пора!
Подругой юной исцеленной,
С душой, любовью упоенной,
Я обновленный встал с одра.
Не долго мы любовь таили,
Мы скоро жар сердец своих
Ее родителям открыли,
И на союз сердец просили
Благословения у них.

«Три года молнией промчались
Под кровом хижины простой;
С моей подругой молодой
Ни разу мы не разлучались.
Среди пустынь, среди степей,
В кругу резвящихся детей,
На мирном лоне сладострастья,

С козачкой милою моей
Вполне узнал я цену счастья.
Угрюмый гетман нас любил,
Как дед, дарил малюток милых,
И, наконец, из мест унылых
В Батурин нас переманил.

«Все шло обычной чередой.
Я счастлив был; но вдруг покой
И счастие мое сокрылось.
Нагрянул Карл на Русь войной:
Все на Украйне ополчилось,
С весельем все летят на бой;
Лишь только мраком и тоской
Чело Мазепы обложилось.
Из-под бровей нависших стал
Сверкать какой-то пламень дикий.
Угрюмый с нами, он молчал,
И равнодушнее внимал
Полков приветственные клики.

«Вину таинственной тоски
Вотще я разгадать старался;
Мазепа ото всех скрывался,
Молчал — и собирал полки.
Однажды позднею порою
Он в свой дворец меня призвал;
Вхожу — и слышу: «Я желал
Давно беседовать с тобою;
Давно хотел открыться я
И важную поверить тайну;
Но наперед заверь меня,
Что ты, при случае, себя
Не пожалеешь за Украйну».

«— Готов все жертвы я принесть, —
Воскликнул я, — стране родимой;
Отдам детей с женой любимой,

Себе одну оставлю честь». —
Глаза Мазепы засверкали;
Как пред рассветом ночи мгла,
С его угрюмого чела
Сбегало облако печали.
Сжав руку мне, он продолжал:
«Я зрю в тебе Украйны сына;
Давно прямого гражданина
Я в Войнаровском угадал.
Я не люблю сердец холодных:
Они враги родной стране,
Враги священной старине:
Ничто им бремя бед народных;
Им чувств высоких не дано,
В них нет огня душевной силы;
От колыбели до могилы
Им пресмыкаться суждено.
Ты не таков; я это вижу;
Но чувств твоих я не унижу,
Сказав, что родину мою
Я более, чем ты, люблю.
Как должно юному герою,
Любя страну своих отцов,
Женой, детями и собою
Ты ей пожертвовать готов...
Но я, но я, пылая местью,
Ее спасая от оков,
Я жертвовать готов ей честью.
Но к тайне приступить пора:
Я чту Великого Петра;
Но — покоряяся судьбине —
Узнай: я враг ему отныне!..
Шаг этот дерзок, знаю я;
От случая всему решенье,
Успех не верен — и меня
Иль слава ждет, иль поношенье!
Но я решился; пусть судьба

Грозит стране родной злосчастьем;
Уж близок час, близка борьба,
Борьба свободы с самовластьем!..»
«Началом бед моих была
Сия беседа роковая!
С тех пор, о родина святая,
Лишь ты всю душу заняла!
Мазепе предался я слепо,
И друг отчизны, друг добра,
Я поклялся враждой свирепой
Против Великого Петра.
Ах, может, был я в заблужденье,
Кипящей ревностью горя;
Но я в слепом ожесточенье
Тираном почитал царя...
Быть может, увлеченный страстью,
Не мог я цену дать ему,
И относил то к самовластью,
Что свет отнес к его уму.
Судьбе враждующей послушен,
Переношу я жребий свой,
Но, ах, вдали страны родной
Могу ль всегда быть равнодушен?
Рожденный с пылкою душой
Полезным быть родному краю,
С надеждой славиться войной,
Я бесполезно изнываю
В стране пустынной и чужой.
Как тень везде тоска за мною...
Уж гаснет огнь моих очей,
И таю я, как лед весною
От распаляющих лучей.
Душе честолюбивой бремя
Вести с бездействием борьбу;
Но как ужасно знать до время
Свою ужасную судьбу!
Судьбу — всю жизнь влача в кручине,

Тая тоску в душе своей,
Зреть гроб в безбрежной сей пустыне,
Далеко от родных степей...
Почто, почто в битве кровавой,
Летая гордо на коне,
Не встретил смерти под Полтавой?
Почто с бесславием, иль с славой
Я не погиб в родной стране?
Увы, умру в сем царстве ночи!
Мне так судил жестокий рок;
Умру я — и чужой песок
Изгнанника засыплет очи!»

Часть вторая

Уж было ясно и светло;
Мороз стрелял в глуши дубравы,
По небу серому текло
Светило дня, как шар кровавый.
Но в юрту день не проникал:
Скользя сквозь ветви древ густые,
Едва на окна ледяные
Луч одинокой ударял.

Знакомцы новые сидели
Уже давно пред очагом;
Дрова сосновые дотлели,
Лишь угли красные блестели
Порою синим огоньком.
Недвижно добрый странник внемлет
Страдальца горестный рассказ,
И часто гнев его объемлет,
Иль слезы падают из глаз...

«Видал ли ты когда весной,
Освобожденная из плена,
В брегах крутых несется Лена?
Когда, гоня волну волной,

И разрушая все преграды,
Ломает льдистые громады,
Иль, поднимая дикий вой,
Клубится и бугры вздымает,
Утесы с ревом отторгает
И их уносит за собой,
Шумя, в неведомые степи?
И мы, порвав поддàнства цепи,
На глас отчизны и вождей,
Ниспровергая все препоны,
Помчались защищать законы
Среди отеческих степей.

«Летая за гремящей славой,
Я жизни юной не щадил;
Я степи кровью обагрил,
И свой булат в войне кровавой
О кости Русских притупил.

«Мазепа с северным героем
Давал в Украйне бой за боем.
Дымились кровию поля,
Тела разбросанные гнили,
Их псы и волки теребили;
Казалась трупом вся земля!
Но все усилья тщетны были:
Их ум Петров преодолел;
Час битвы роковой приспел —
И мы отчизну погубили!
Полтавский гром загрохотал...
Но в грозной битве Карл свирепой
Против Петра не устоял.
Разбит, впервые он бежал;
Во след ему — и мы с Мазепой.

«Почти без отдыха пять дней
Бежали мы среди степей,
Боясь вражеской погони;

Уже измученные кони
Служить отказывались нам.
Дрожа от стужи по ночам,
Изнемогая в день от зноя,
Едва сидели мы верхом...

«Однажды в полночь под леском
Мы для минутного покоя
Остановились за Днепром.
Вокруг синела степь глухая;
Луну затмили облака,
И, тишину перерывая,
Шумела в берегах река.
На войлоке простом и грубом,
Главою на седло склонен,
Усталый Карл дремал под дубом,
Толпами ратных окружен.
Мазепа под костром сосновым,
Вдали, на почерневшем пне,
Сидел в глубокой тишине,
И с видом мрачным и суровым,
Как другу, открывался мне:

«О, как неверны наши блага!
О, как подвластны мы судьбе!
Вотще в душах кипит отвага:
Уже настал конец борьбе!
Одно мгновенье все решило,
Одно мгновенье погубило
Навек страны моей родной
Свободу, славу и покой!..
Но мне ли духом унижаться,
Не буду рока я рабом;
И мне ли с роком не сражаться,
Когда сражался я с Петром?
Так, Войнаровский, испытаю,
Покуда длится жизнь моя,

Все способы, все средства я,
Чтобы помочь родному краю.
Спокоен я в душе своей;
И Петр и я — мы оба правы:
Как он, и я живу для славы,
Для пользы родины моей!»

«Замолкнул он; глаза сверкали...
Дивился я его уму.
Дрова, треща, уж догорали.
Мазепа лег; но вдруг к нему
Двух пленных козаки примчали.
Облокотяся, вождь седой,
Волнуем тайно мрачной думой,
Спросил, взглянув на них угрюмо:
«Что нового в стране родной?»

«Я из Батурина недавно, —
Один из пленных отвечал: —
Народ Петра благословлял,
И, радуясь победе славной,
На стогнах шумно пировал,
Тебя ж, Мазепа, как Иуду,
Клянут Украинцы повсюду;
Дворец твой, взятый на копье,
Был предан нам на расхищенье,
И имя славное твое
Теперь — и брань, и поношенье!»

«В ответ, склонив на грудь главу,
Мазепа горько улыбнулся;
Прилег, безмолвный, на траву,
И в плащ широкий завернулся.
Мы все с участием живым,
За гетмана пылая местью,
Стояли молча перед ним,
Поражены ужасной вестью.
Он приковал к себе сердца:

Мы в нем главу народа чтили,
Мы обожали в нем отца,
Мы в нем отечество любили.
Не знаю я, хотел ли он
Спасти от бед народ Украйны,
Иль в ней себе воздвигнуть трон —
Мне гетман не открыл сей тайны.
Ко нраву хитрого вождя
Успел я в десять лет привыкнуть;
Но никогда не в силах я
Был замыслов его проникнуть.
Он скрытен был от юных дней,
И, странник, повторю: не знаю,
Что в глубине души своей
Готовил он родному краю.
Но знаю то, что затая
Родство, и дружбу, и природу,
Его сразил бы первый я,
Когда б он стал врагом народу.

«С рассветом дня мы снова в путь
Помчались по степи унылой.
Как тяжко взволновалась грудь,
Как сердце юное заныло,
Когда рубеж страны родной
Узрели мы перед собой!

«В волненьи чувств, тоской томимой,
Я как ребенок зарыдал,
И, взявши горсть земли родимой,
К кресту с молитвой привязал.
«Быть может, — думал я, рыдая, —
Украйны мне уж не видать!
Хоть ты, земля родного края,
Меня в чужбине утешая,
От грусти будешь врачевать,

Отчизну мне напоминая!..
«Увы! предчувствие сбылось:
Судьбы веленьем самовластной,
С тех пор на родине прекрасной
Мне побывать не довелось...

«В стране глухой, в стране безводной,
Где только изредка ковыль
По степи стелется бесплодной,
Мы мчались, поднимая пыль.
Коней мы вовсе изнурили;
Страдал увенчанный беглец,
И с горстью Шведов, наконец,
В Бендеры к Туркам мы вступили.
Тут в страшный недуг гетман впал;
Он беспрестанно трепетал,
И, взгляд кругом бросая быстрой,
Меня и Орлика он звал,
И, задыхаясь, уверял,
Что Кочубея видит с Искрой.

«Вот, вот они!.. При них палач! —
Он говорил, дрожа от страху, —
Вот их взвели уже на плаху,
Кругом стенания и плач...
Готов уж исполнитель муки;
Вот засучил он рукава,
Вот взял уже секиру в руки...
Вот покатилась голова...
И вот другая!.. все трепещут!
Смотри, как страшно очи блещут!..»

«То в ужасе, порой, с одра
Бросался он в мои объятья:
«Я вижу грозного Петра!
Я слышу страшные проклятья!
Смотри: блестит свечами храм,
С кадильниц вьется фимиам...

Митрополит, грозящий взором,
Так возглашает с громким хором:
„Мазепа проклят в род и род:
Он погубить хотел народ!“»

«То, трепеща и цепенея,
Он часто зрел в глухую ночь
Жену страдальца Кочубея
И обольщенную им дочь.
В страданьях сих изнемогая,
Молитву громко он читал,
То горько плакал и рыдал,
То, дикий взгляд на всех бросая,
Он, как безумный, хохотал;
То, в память приходя порою,
Он очи, полные тоскою,
На нас уныло устремлял.

«В девятый день приметно стало
Мазепе под вечер трудней;
Изнеможенный и усталой,
Дышал он реже и слабей;
Томим болезнию своей,
Хотел он скрыть, казалось, муку...
К нему я бросился, взял руку:
Увы, она уже была
И холодна, и тяжела!
Глаза остановясь смотрели,
Пот проступал: он отходил...
Но вдруг, собрав остаток сил,
Он приподнялся на постели,
И бросив пылкий взгляд на нас:
«О, Петр! о, родина!» — воскликнул.
Но с сим в страдальце замер глас;
Он вновь упал, главой поникнул,
В меня недвижный взор вперил,
И вздох последний испустил...

Без слез, без чувств, как мрамор хладной,
Перед умершим я стоял:
Я ум и память потерял,
Убитый грустью безотрадной...

«День грустных похорон настал:
Сам Карл, и мрачный, и унылый,
Вождя Украйны до могилы
С дружиной Шведов провожал.
Козак и Швед равно рыдали;
Я шел, как тень, в кругу друзей.
О странник, все предузнавали,
Что мы с Мазепой погребали
Надежду родины своей.
Увы, последний долг герою
Чрез силу я отдать успел.
В тот самый день внезапно мною
Недуг жестокой овладел.
Я был уж на краю могилы:
Но жизнь во мне зажглась опять,
Мои возобновились силы,
И снова начал я страдать.

«Бендеры мне противны стали,
Я их покинул и летел
От земляков в чужой предел —
Рассеять мрак своей печали.
Но, ах, напрасно! Рок за мной
С неотразимою бедой,
Как дух враждующий, стремился:
Я схвачен был толпой врагов —
И в вечной ссылке очутился
Среди пустынных сих лесов...

«Уж много лет прошло в изгнанье.
В глухой и дикой стороне
Спасение и упованье
Была святая вера мне.

«Я привыкал к несчастной доле;
Лишь об Украйне и родных,
Украдкой от врагов моих,
Грустил я часто поневоле.
Что сталось с родиной моей?
Кого в Петре — врага иль друга
Она нашла в судьбе своей?
Где слезы льет моя подруга?
Увижу ль я своих друзей?
Так я души покой минутной
В своем изгнаньи возмущал
И от тоски и думы смутной,
Покинув город бесприютной,
В леса и дебри убегал.
В моей тоске, в моем несчастье,
Мне был отраден шум лесов,
Отрадно было мне ненастье,
И вой грозы, и плеск валов.
Во время бури заглушала
Борьба стихий борьбу души;
Она мне силы возвращала,
И на мгновение, в глуши,
Душа страдать переставала.

«Раз у якутской юрты я
Стоял под сосной одинокой;
Буран шумел вокруг меня
И свирепел мороз жестокой.
Передо мной скалы и лес
Грядой тянулися безбрежной;
Вдали, как море, с степью снежной
Сливался темный свод небес.
От юрты вдаль тальник кудрявой
Под снегом стлался, между гор
В боку был виден черный бор
И берег Лены величавой.
Вдруг вижу: женщина идет,

Дахой убогою прикрыта,
И связку дров едва несет,
Работой и тоской убита.
Я к ней... и что же? узнаю
В несчастной сей, в мороз и вьюгу,
Козачку юную мою,
Мою прекрасную подругу!..

«Узнав об участи моей,
Она из родины своей
Пошла искать меня в изгнанье.
О, странник! тяжко было ей
Не разделять со мной страданье!
Встречала много на пути
Она страдальцев знаменитых,
Но не могла меня найти:
Увы, я здесь в числе забытых.
Закон велит молчать, кто я;
Начальник сам того не знает,
Об том и спрашивать меня
Никто в Якутске не дерзает.

«И добрая моя жена,
Судьбой гонимая жестокой,
Была блуждать осуждена,
Тая тоску в душе высокой.

«Ах, говорить ли, странник мой,
Тебе о радости печальной
При встрече с доброю женой
В стране глухой, в стране сей дальной?

«Я ожил с нею; но детей
Я не нашел уже при ней!..
Отца и матери страданья
Им не судил узнать творец;
Они, не зрев страны изгнанья,
Вкусили радостный конец.

«С моей подругой возвратилось
Душе спокойствие опять;
Мне будто легче становилось;
Я начал реже тосковать.
Но, ах, не долго счастье длилось;
Оно, как сон, исчезло вдруг.
Давно закравшийся недуг
В младую грудь подруги милой
С весной приметно стал сближать
Ее с безвременной могилой.
Тут мне судил творец узнать
Всю доброту души прекрасной
Моей страдалицы несчастной.
Болезнию изнурена,
С какой заботою она
Свои страданья скрыть старалась:
Она шутила, улыбалась,
О прежних говорила днях,
О падшем дяде, о детях...
К ней жизнь, казалось, возвращалась
С порывом пылких чувств ея;
Но часто, тайно от меня,
Она слезами обливалась.
Ей жизнь и силы возвратить
Я небеса молил напрасно:
Судьбы ничем не отвратить.
Настал для сердца час ужасной!

«Мой друг!—сказала мне она,—
Я умираю, будь покоен;
Нам здесь печаль была дана;
Но, друг, есть лучшая страна!
Ты по душе ее достоин.
О, так! мы свидимся опять!
Там ждет награда за страданья,
Там нет ни казней, ни изгнанья,
Там нас не будут разлучать...»

Она умолкла. Вдруг приметно
Стал угасать огонь очей,
И, наконец, вздохнув сильней,
Она, с улыбкою приветной,
Увяла в цвете юных лет,
Безвременно, в Сибири хладной,
Как на иссохшем стебле цвет
В теплице душной, безотрадной!

«Могильный, грустный холм ея
Близ юрты сей насыпал я.
С закатом солнца я порою
На нем в безмолвии сижу
И чудотворною мечтою
Лета протекшие бужу.
Все воскресает предо мною:
Друзья, Мазепа и война,
И с чистою своей душою
Невозвратимая жена.

«О, странник! память о подруге
Страдальцу бодрость в душу льет;
Он равнодушней смерти ждет
И плачет сладостно о друге.

«Как часто вспоминаю я
Над хладною ее могилой
И свойства добрые ея,
И пылкий ум, и образ милой!
С какою страстию она,
Высоких помыслов полна,
Свое отечество любила!
С какою живостью об нем
В своем изгнаньи роковом
Она со мною говорила!
Неутолимая печаль,
Ее тягча, снедала тайно;
Ее тоски не знал Москаль;

Она ни разу и случайно
Врага страны своей родной
Порадовать не захотела
Ни тихим вздохом, ни слезой.
Она могла, она умела
Гражданкой и супругой быть
И жар к добру души прекрасной,
В укор судьбине самовластной,
В самом страданьи сохранить.

. . . .

«С утратой сей, от бед усталой,
С душой для счастия увялой,
Я веру в счастье потерял;
Я много горя испытал,
Но, тяжкой жизнью недовольной,
Как трус презренный, не искал
Спасенья в смерти самовольной.
Не раз встречал я смерть в боях;
Она кругом меня ходила
И груды трупов громоздила
В родных украинских степях.
Но никогда, ей в очи глядя,
Не содрогнулся я душой;
Не забывал, стремяся в бой,
Что мне Мазепа друг и дядя.
Чтить Брута с детства я привык:
Защитник Рима благородный,
Душою истинно свободный,
Делами истинно велик.
Но он достоин укоризны —
Сограждан сам он погубил:
Он торжество врагов отчизны
Самоубийством утвердил.
Ты видишь сам, как я страдаю,
Как жизнь в изганньи тяжела;
Мне б смерть отрадою была:
Но жизнь и смерть я презираю...

Мне надо жить: еще во мне
Горит любовь к родной стране;
Еще, быть может, друг народа
Спасет несчастных земляков,
И — достояние отцов —
Воскреснет прежняя свобода!..»

Тут Войнаровский замолчал;
С лица исчезнул мрак печали,
Глаза слезами засверкали,
И он молиться тихо стал.
Гость просвещенный угадал,
О чем страдалец сей молился;
Он сам невольно прослезился,
И несчастливцу руку дал,
В душе с тоской и грустью сильной,
В знак дружбы верной, домогильной...

Дни уходили с быстротой.
Зима обратно налетела
И хладною рукой одела
Природу в саван снеговой.

В пустыне странник просвещенной
Страдальца часто навещал,
Тоску и грусть с ним разделял
И об Украйне незабвенной,
Как сын Украйны, он мечтал.

Однажды он в уединенье
С отрадной вестью о прощенье
К страдальцу-другу поспешал.
Мороз трещал. Глухой тропою
Олень пернатою стрелою
Его на быстрой нарте мчал.
Уже он ловит жадным взором
Сквозь ветви древ, в глуши лесной
Кров одинокий и простой
С полуразрушенным забором.

«С каким восторгом сладким я
Скажу: окончены страданья!
Мой друг, покинь страну изгнанья!
Лети в родимые края!
Там ждут тебя, в стране прекрасной,
Благословенья земляков,
И круг друзей с душою ясной,
И мирный дом твоих отцов!»
Так добрый Миллер предавался
Дорогой сладостным мечтам.
Но вот он к низким воротам
Пустынной хижины примчался.
Никто встречать его нейдет...
Он входит в двери. Луч приветной
Сквозь занесенный снегом лед
Украдкой свет угрюмый льет:
Все пусто в юрте безответной;
Лишь мрак и холод в ней живет.
«Все в запустеньи! — мыслит странник, —
Куда ж сокрылся ты, изгнанник?»
И думой мрачной отягчен,
Тревожим тайною тоскою,
Идет на холм могильный он —
И что же видит пред собою?

Под наклонившимся крестом,
С опущенным на грудь челом,
Как грустный памятник могилы,
Изгнанник мрачный и унылый
Сидит на холме гробовом
В оцепененьи роковом:
В глазах недвижных хлад кончины,
Как мрамор лоснится чело,
И от соседственной долины
Уж мертвеца до половины
Пушистым снегом занесло.

1823

57. ВИДЕНИЕ

Ода на день тезоименитства его императорского высочества великого князя Александра Николаевича, 30 августа 1823 года

Какое дивное виденье
Очам представилось моим!
Я вижу в сладком упоенье:
По сводам неба голубым,
Над пробужденным Петроградом
Екатерины тень парит!
Кого-то ищет жадным взглядом;
Чело величием горит.

Но вот от уст царицы мудрой,
Как луч, улыбка сорвалась:
Пред нею отрок златокудрой,
Средь сонма воинов резвясь,
То в длани тяжкий меч приемлет,
То бранный шлем берет у них,
То трепеща в восторгах внемлет
Рассказам ратников седых.

Румянцев, Миних и Суворов,
Волнуют в нем и кровь и ум,
И искрится из юных взоров
Огонь славолюбивых дум.

Проникнут силою рассказа,
Он за Ермоловым во след
Летит на снежный верх Кавказа,
И жаждет славы и побед.

Царица тихо ниспускалась
На легком облаке, как дым,
И, улыбаясь, любовалась
Прелестным правнуком своим;
Но вдруг Минервы светлоокой
Чудесный лик прияв, она
Слетела, мудрости высокой
Огнем божественным полна.

К Прекрасному коснувшись дланью,
Ему Великая рекла:
«Я зрю, твой дух пылает бранью,
Ты любишь громкие дела.
Но для полунощной державы
Довольно лавров и побед;
Довольно громозвучной славы
Протекших, незабвенных лет.

«Военных подвигов година
Грозою шумной протекла:
Твой век иная ждет судьбина,
Иные ждут тебя дела.
Затмится свод небес лазурных
Непроницаемою мглой.
Настанет век борений бурных
Неправды с правдою святой.

«Уже воспрянул дух свободы
Против насильственных властей;
Смотри — в волнении народы,
Смотри — в движеньи сонм царей!
Быть может, отрок мой, корона
Тебе назначена творцом:

Люби народ, чти власть закона;
Учись заране быть царем.

«Твой долг благотворить народу,
Его любви в делах искать;
Не блеск пустой и не породу,
А дарованья возвышать.
Дай просвещенные уставы
Свободу в мыслях и словах,
Науками очисти нравы
И веру утверди в сердцах.

«Люби глас истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства дух неблагородной —
Неправосудье истреби.
Будь блага подданных ревнитель:
Оно есть первый долг царей;
Будь просвещенья покровитель:
Оно надежный друг властей.

«Старайся дух постигнуть века,
Узнать потребность русских стран;
Будь человек для человека,
Будь гражданин для сограждан;
Будь Антонином на престоле,
В чертогах мудрость водвори —
И ты себя прославишь боле,
Чем все герои и цари»,

1824

58. ГРАЖДАНСКОЕ МУЖЕСТВО

ОДА

Кто этот дивный великан, [1]
Одеян светлою бронею,
Чело покойно, стройный стан [2]
И весь сияет красотою?
Кто сей украшенный венком,
С мечом, весами и щитом,
Презрев врагов и горделивость,
Стоит гранитною скалой
И давит сильною пятой
Коварную несправедливость?

Не ты ль, о мужество граждан, [3]
Неколебимых, благородных,
Не ты ли, гений древних стран,
Не ты ли, сила душ свободных,
О доблесть, дар благих небес,
Героев мать, вина чудес,
Не ты ль прославила Катонов,
От Катилины Рим спасла,
И в наши дни всегда была
Опорой твердою законов! [4]

Одушевленные тобой,
Презрев врагов, презрев обиды, [5]

От бед спасали край родной,
Сияя славой, Аристиды;
В изгнании, в чужих краях
Не погасала в их сердцах
Любовь к общественному благу,
Любовь к согражданам своим:
Они благотворили им
И там, на стыд Ареопагу.

Ты, ты, которая везде [6]
Была народных благ порукой;
Которой славны на суде
И Панин наш, и Долгорукой:
Один, как твердый страж добра,
Дерзал оспоривать Петра;
Другой, презревши гнев судьбины
И вопль, и клевету врагов,
Совет опровергал льстецов
И был столпом Екатерины. [7]

Велик, кто честь в боях снискал,
И страхом став для чуждых воев,
К своим знаменам приковал
Победу, спутницу героев!
Отчизны щит, гроза врагов,
Он достояние веков;
Певцов возвышенные звуки
Прославят подвиги вождя,
И, юношам об них твердя,
В восторге затрепещут внуки.

Как полная луна порой,
Покрыта облаками ночи,
Пробьет внезапно мрак густой
И путникам заблещет в очи:
Так будет вождь сквозь мрак времен
Сиять для будущих племен;

Но подвиг воина гигантской
И стыд сраженных им врагов
В суде ума, в суде веков —
Ничто пред доблестью гражданской.

Где славных не было вождей
К вреду законов и свободы?
От древних лет до наших дней
Гордились ими все народы;
Под их убийственным мечем
Везде лилася кровь ручьем.
Увы, Аттил, Наполеонов [8]
Зрел каждый век своей чредой:
Они являлися толпой...
Но много ль было Цицеронов?..

Лишь Рим, вселенной властелин,
Сей край свободы и законов,
Возмог произвести один
И Брутов дух, и дух Катонов,
Но нам ли унывать душой,
Пока еще в стране родной [9]
Один из дивных исполинов
Екатерины славных дней,
Средь сонма избранных мужей [10]
В совете бодрствует Мордвинов?

О, так, сограждане, не вам [11]
В наш век роптать на провиденье;
Благодаренье небесам
За их святое снисхожденье!
От них, для блага русских стран,
Муж добродетельный нам дан;
Уже полвека он Россию
Гражданским мужеством дивит:
Вотще коварство вкруг шипит —
Он наступил ему на выю.
Вотще неправый глас страстей

И с злобой зависть козни строя,
В безумной дерзости своей
Чернят деяния героя.
Он тверд, спокоен, невредим,
С презрением внимая им,
Души возвышенной свободу
Хранит в советах и суде,
И гордым мужеством везде
Подпора власти и народу.

Так в грозной красоте стоит [12]
Седой Эльбрус в тумане мглистом:
Вкруг буря, град и гром гремит,
И ветр в ущельях воет с свистом;
Внизу несутся облака,
Шумят ручьи, ревет река;
Но тщетны дерзкие порывы:
Эльбрус, кавказских гор краса,
Невозмутим, под небеса
Возносит верх свой горделивый.

59. К N. N.

У вас в гостях бывать накладно;
Я то заметил уж не раз:
Проголодавшися изрядно,
Сижу в гостиной целый час
Я без обеда и без вас.
Порой над сердцем и рассудком
С такой жестокостью шутя,
Зачем, не понимаю я,
Еще шутить вам над желудком?

60. В АЛЬБОМ Т. С. К.

Своей любезностью опасной,
Волшебной сладостью речей,

Вы край далекой, край прекрасной
Душе напомнили моей.
Я вспомнил мрачные дубравы,
Я вспомнил добрых земляков,
Гостеприимные их нравы
И радость шумную пиров.
Я вспомнил пламенную младость,
Я вспомнил первую любовь,
Опять воскресла в сердце радость,
Певец для счастья ожил вновь.
Иной подруге обреченный,
Обетам верный навсегда,
Моей Матильды несравненной
Я не забуду никогда.
Она, как вы, была прекрасна,
Она, как вы, была мила,
И так же для сердец опасна
И точно так же весела.

61. ЭЛЕГИЯ

Исполнились мои желанья,
Сбылись давнишние мечты:
Мои жестокие страданья,
Мою любовь узнала ты!

Себя напрасно я тревожил,
За страсть вполне я награжден:
Я вновь для счастья сердцем ожил,
Исчезла грусть, как смутный сон.

Так, окроплен росой отрадной
В тот час, когда горит восток,
Вновь воскресает ночью хладной
Полузавялый василек.

62

Покинь меня, мой юный друг!
Твой взор, твой голос мне опасен:
Я испытал любви недуг
И знаю я, как он ужасен...
Но что, безумный, я сказал?
К чему укоры и упреки?
Уж я — твой узник, друг жестокий,
Твой взор меня очаровал.
Я увлечен своей судьбою,
Я сам к погибели бегу:
Боюся встретиться с тобою,
А не встречаться не могу.

63. К N. N.

Когда душа изнемогала
В борьбе с болезнью роковой,
Ты посетить, мой друг, желала
Уединенный угол мой.

Твой голос нежный, взор волшебный [1]
Хотел страдальца оживить,
Хотела ты покой целебный
В взволнованную душу влить.

Твое отрадное участье, [2]
Твое вниманье, милый друг, [2]
Мне снова возвратили счастье
И исцелили мой недуг.

С одра болезни роковова [3]
Я встал и бодр, и весел вновь —
И в сердце запылала снова
К тебе давнишняя любовь.

Так мотылек, порхая в поле,
И крылья опалив огнем,
Опять стремится поневоле
К костру, в безумии слепом.

64

Я не хочу любви твоей,
Я не могу ее присвоить,
Я отвечать не в силах ей,
Моя душа твоей не стоит.

Полна душа твоя всегда
Одних прекрасных ощущений;
Ты бурных чувств моих чужда,
Чужда моих суровых мнений.

Прощаешь ты врагам своим,
Я не знаком с сим чувством нежным
И оскорбителям моим
Плачу отмщеньем неизбежным.

Лишь временно кажусь я слаб,
Движением души владею,
Не христианин и не раб,
Прощать обид я не умею.

Мне не любовь теперь нужна,
Занятья нужны мне иные,
Отрадна мне одна война,
Одни тревоги боевые.

Любовь никак нейдет на ум.
Увы, моя отчизна страждет;
Душа в волненьи тяжких дум
Теперь одной свободы жаждет.

65

Оставь меня! Я здесь молю,
Да всеблагое провиденье
Отпустит деве преступленье,
Что я тебя еще люблю.

Молю, да ненависть заступит
Преступной страсти пламень злой —
И честь, и стыд, и мой покой
Ценой достойною искупит!

66. ЭПИГРАММА

на болезнь Крылова

Нет одобрения талантам никакого:
    В России глушь и дичь.
О даровании Крылова
    Едва напомнил паралич.

67. НА СМЕРТЬ БАЙРОНА

О чем средь ужасов войны
Тоска и траур погребальной?
Куда бегут на зов печальной
Священной Греции сыны?
Давно от слез и крови взмокла
Эллада средь святой борьбы;[1]
Какою ж вновь бедой судьбы
Грозят отчизне Фемистокла?

Чему на шатком троне рад
Тиран роскошного Востока,[2]
За что благодарить пророка
Спешат в Стамбуле стар и млад?
Зрю: в Миссолонге гроб средь храма
Пред алтарем святым стоит,
Весь катафалк огнем блестит[3]
В прозрачном дыме фимиама.

Рыдая, вкруг его кипит
Толпа шумящего народа,
Как будто в гробе том свобода
Воскресшей Греции лежит;

Как будто цепи вековые
Готовы вновь тягчить ее,[4]
Как будто идут на нее
Султан и грозная Россия...

Царица гордая морей!
Гордись не силою гигантской,
Но прочной славою гражданской,
И доблестью своих детей.
Парящий ум, светило века,
Твой сын, твой друг и твой поэт,
Увянул Байрон в цвете лет
В святой борьбе за вольность Грека.

Из океана своего
Текут лета с чудесной силой:
Нет ничего уже, что было,
Что есть, не будет ничего.
Грядой возлягут на твердыни
Почить усталые века,
Их беспощадная рука
Преобразит поля в пустыни.

Исчезнут порты в тьме времен,
Падут и запустеют грады,
Погибнут страшные Армады,
Возникнет новый Карфаген...
Но сердца подвиг благородной
Пребудет для души младой
К могиле Байрона святой
Всегда звездою путеводной.[5]

Британец дряхлый поздних лет
Придет, могильный холм укажет,
И гордым внукам гордо скажет:
Здесь спит возвышенный поэт!
Он жил для Англии и мира,

Был, к удивленью века, он
Умом Сократ, душой Катон
И победителем Шекспира.

Он все под солнцем разгадал,
К гоненьям рока равнодушен,
Он гению лишь был послушен,
Властей других не признавал. [6]
С коварным смехом обнажила
Судьба пред ним людей сердца,
Но пылкая душа певца
Презрительных не разлюбила. [7]

Когда он кончил юный век
В стране, от родины далекой, —
Убитый грустию жестокой,
О нем сказал Европе Грек:
«Друзья свободы и Эллады [8]
Везде в слезах в укор судьбы;
Одни тираны и рабы
Его внезапной смерти рады.» [9]

68. НА СМЕРТЬ СЫНА

Земли минутный поселенец,
Земли минутная краса,
Зачем так рано, мой младенец,
Ты улетел на небеса?

Зачем в юдоли сей мятежной,
О, Ангел чистой красоты,
Среди печали безнадежной
Отца и мать покинул ты?

1824 — 1825

69. НАЛИВАЙКО

(Отрывки из поэмы)

1. Киев

Едва возникнувший из праха,
С полуразвенчанным челом,
Добычей дерзостного Ляха
Дряхлеет Киев над Днепром.

Как все изменчиво, непрочно!
Когда-то роскошью восточной
В стране богатой он сиял;
Смотрелся в Днепр с брегов высоких
И красотой из стран далеких
Пришельцев чуждых привлекал.
На шумных торжищах звенели
Царьградским золотом купцы,
В садах по улицам блестели
Великолепные дворцы.
Среди Хазар и Печенегов,
Дружиной витязей храним,
Он посмевался, невредим,
Грозе их буйственных набегов.
Народам диво и краса,
Воздвигнуты рукою дерзкой,

Легко вносились в небеса
Главы обители Печерской,
Как души иноков святых
В своих молитвах неземных.

Но уж давно, давно не видно
Богатств и славы прежних дней;
Все Русь утратила постыдно
Междуусобием князей:
Дворцы, сребро, врата златые,
Толпы граждан, толпы детей —
Все стало жертвою Батыя;
Но Гедемин нанес удар:
Прошло владычество Татар!
На миг раздался глас свободы,
На миг воскреснули народы...
Но Киев на степи глухой,
Дивить уж боле неспособный,
Под властью Ляха роковой,
Стоит как памятник надгробный
Над угнетенною страной.

2. Картина Украины. Чувства Наливайки

Блестит весна; ее дыханьем,
Как бы волшебным врачеваньем,
Край утесненный оживлен.
Все отрясает зимний сон:
Пестреет степь, цветет долина,
Оделся лес, стада бегут,
Тяжелый плуг поселянина
Волы послушные влекут;
Кружится жаворонок звонкой:
Лазурней тихий небосклон,
И воздух чистый, воздух тонкой
Благоуханьем напоен.

Все веселятся, все ликуют,
Весне цветущей каждый рад;
Поляк, Еврей и Униат
Беспечно, буйственно пируют.
Все радостью оживлены;
Одни Украинцы тоскуют
И им не в праздник пир весны.
Что за веселье без свободы,
Что за весна — весна рабов!
Им чужды все красы природы,
В душах их вечный мрак гробов.
Печали облако не сходит
С их истомленного лица;
На души их, на их сердца
Все новую тоску наводит.
Лазурь небес, цветы полей
Для угнетенных не отрадны,
Рабы и сумрачны и хладны.
Питая грусть в душе своей,
Глядят уныло на детей,
Все радости для них противны,
И песни дев их заунывны,
Как заунывен звук цепей. [1]

Но Наливайко всех сильней
Томится думою и страждет;
Его душа чего-то жаждет,
Он что-то на сердце таит;
Друзей, родных, семьи бежит,
Один в степи пустынной бродит
Нередко он по целым дням;
Ему отрадно, сладко там,
Там грусть душевную отводит
В беседе он с самим собой,
И из глуши в Чигирин свой
Назад спокойнее приходит. [2]

3. Разговор с Лободой

Ты друг мне с детства, Лобода,
Давно твои я чувства знаю,
Твою любовь к родному краю
Я уважал, я чтил всегда;
Горя исторгнуть из оков
Порабощенных земляков,
Ты ненавидишь как злодеев
И дерзких Ляхов, и Евреев;
Но ты отец, но ты супруг,
А уж давно пора, мой друг,
Быть не мужьями, а мужами.
Всех оковал какой-то страх;
Все пресмыкаются рабами,
И дерзостно надменный Лях
Ругается над козаками...

«Ты прав, мой друг: люблю родных;
Мне тяжко видеть их в неволе,
Всем жертвовать готов для них,
Но родину люблю я боле.
Нет, не одна к жене любовь
Мой ум быть осторожней учит,
Нередко дума сердце мучит:
Не тщетно ли прольется кровь?
Что, если снова неудача?
Вот я чего, мой друг, боюсь:
Тогда, тогда святая Русь
Навек страною будет плача...

. . . .

Забыв вражду великодушно,
Движенью тайному послушной,
Быть может я еще могу
Дать руку личному врагу;
Но вековые оскорбленья
Тиранам родины прощать

Черновой автограф «Молитвы Наливайки».

И стыд обиды оставлять
Без справедливого отмщенья
Не в силах я; один лишь раб
Так может быть и подл, и слаб.
Могу ли равнодушно видеть
Порабощенных земляков;
Нет, нет! Мой жребий: ненавидеть
Равно тиранов и рабов!..»

4. Смерть Чигиринского старосты

С пищалью меткой и копьем,
С булатом острым и с нагайкой,
На аргамаке вороном
По степи мчится Наливайко.
Как вихорь, бурный конь летит,
По ветру хвост и грива вьется,
Густая пыль из-под копыт
Как облако во след несется...
Летит... привстал на стременах,
В туман далекий взоры топит,
Узрел — и с яростью в очах
Коня и нудит, и торопит...

Как точка перед ним вдали
Чернеет что-то в дымном поле;
Вот отделилась от земли,
Вот с каждым мигом боле, боле...
И, наконец, на вышине,
Средь мглы седой, в степи пустынной
Вдруг показался на коне
Красивый всадник с пикой длинной...
Козак коня быстрей погнал;
В его очах веселье злое...
И вот — почти уж доскакал...
Копье направил роковое,

Настиг, ударил — всадник пал,
За стремя зацепясь ногою.
И конь испуганный помчал
Младого Ляха под собою.

Летит как ястреб витязь вслед;
Коня измученного колит
Или в ребро, или в хребет,
И в дальный бег его неволит.
Напрасно ногу бедный Лях
Освободить из стремя рвется —
Летит, глотая черный прах,
И след кровавый остается... [3]

5. Наливайко в Печерской лавре

Протяжный звон колоколов
В Печерской лавре раздавался;
С рассветом из своих домов
Народ к заутрене стекался.
Один, поодаль от других,
Шел Наливайко. Благоговенье [4]
К жилищу мертвецов святых,
И непритворное смиренье
В очах яснели голубых. [5]
Как чтитель ревностный закона,
К вратам ограды подойдя,
Крестом он осенил себя
И сделал три земных поклона.
Вот в церкви он. Идет служенье,
С кадильниц вьется фимиам,
Сребром и златом блещет храм,
И кротко-сладостное пенье
Возносит души к небесам.
В углу, от всех уединенно,
Колена преклоня смиренно,
Он стал. В богатых жемчугах
Пред ним Марии лик сияет,

Об угнетенных земляках
Он к ней молитвы воссылает.
Лицо горит, и как алмаз,
Как драгоценный перл, из глаз
Слеза порою упадает.
Так целый пост его встречали
На каждой службе в церкви сей...[6]

6. Исповедь Наливайки*

Не говори, отец святой,
Что это грех! Слова напрасны:
Пусть грех жестокий, грех ужасный...
Чтоб Малороссии родной,
Чтоб только русскому народу [7]
Вновь возвратить его свободу —
Грехи Татар, грехи Жидов,
Отступничество Униатов,
Все преступления Сарматов
Я на душу принять готов.

Итак, уж не старайся боле
Меня страшить. Не убеждай!
Мне ад — Украйну зреть в неволе,
Ее свободной видеть — рай!..

Еще от самой колыбели
К свободе страсть зажглась во мне;
Мне мать и сестры песни пели
О незабвенной старине.
Тогда объятый низким страхом,

* Буйство и утеснения Поляков на Украйне переполнили меру терпения козацкого. Мститель их Наливайко, убив Чигиринского старосту, решается освободить отечество от Ляхов, поправших святость договоров презрением к правам козаков и чистоту веры мучительным введением унии. Перед исполнением сего важного предприятия он, как благоговейный сын церкви, очищает душу постом и отдает исповедь печерскому схимнику. *К. Р.*

Никто не рабствовал пред Ляхом;
Никто дней жалких не влачил
Под игом тяжким и бесславным:
Козак в союзе с Ляхом был,
Как вольный с вольным, равный с равным.
Но все исчезло, как призрак.
Уже давно узнал козак
В своих союзниках тиранов.
Жид, Униат, Литвин, Поляк —
Как стаи кровожадных вранов,
Терзают беспощадно нас.
Давно закон в Варшаве дремлет,
Вотще народный слышен глас:
Ему никто, никто не внемлет.
К Полякам ненависть с тех пор
Во мне кипит и кровь бушует.
Угрюм, суров и дик мой взор,
Душа без вольности тоскует.
Одна мечта и ночь и день
Меня преследует, как тень;
Она мне не дает покоя
Ни в тишине степей родных,
Ни в таборе, ни в вихре боя,
Ни в час мольбы в церквах святых.
«Пора! — мне шепчет голос тайный, —
Пора губить врагов Украйны!»

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа;
Судьба меня уж обрекла.
Но где скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной, —
Я это чувствую, я знаю,
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю!

7. Поход козаков

Веет, веет, повевает
Тихий ветр с днепровских вод...
Войско храбрых выступает
С шумной радостью в поход.
Полк за полком безбрежной степью
Иль тянутся лесистой цепью,
Или несутся на рысях.
По сторонам на скакунах
Гарцуют удальцы лихие;
То быстро, как орлы степные,
Из глаз умчатся, то порой,
Дразня друг друга, едут тихо,
То вскачь опять, опять стрелой
И вдоль полков несутся лихо.

Вослед за войском идут вьюки;
Свирелей, труб, суремок звуки,
И гарк летящих удальцов,
И шум, и пенье козаков,
Все Наливайку веселило,
Все добрым предвещаньем было.

«Смотри, — он Лободе сказал, —
Как изменилось все. Давно ли
Козак с печали увядал,
Стонал и под ярмом неволи
В себе все чувства подавлял?
Возьмут свое права природы:
Бессмертна к родине любовь, —
Раздастся глас святой свободы,
И раб проснется к жизни вновь».

8. Лагери Поляков и козаков

Глухая ночь. Молчит река.
Луна сокрылась в облака,

И Читирин и оба стана
Обвиты саваном тумана.

Вокруг костров шумят и пьют
Толпами буйные Поляки;
Их души яростные ждут,
Как праздника, кровавой драки.
Одни врагов своих клянут,
Другие спорят, те поют,
Тот, богохульствуя, хохочет,
Тот хвалится лихим конем,
Тот саблю дедовскую точит
И дерзостно над козаком
Победу землякам пророчит.

В кунтуше пышном, на ковре,
Жолкевский спит в своем шатре.
Над ним летает страшный сон:
В Варшаве площадь видит он;
На площади костер высокий,
В средине — столб. Палач жестокий
Кого-то в саване влечет;
Во след ему народ толпами
Из улиц медленно идет
И головы свои несет
Окровавленными руками,
Подняв их страшно над плечами...

Вот неизвестный с палачом
К костру подходит без боязни.
Взошли... Безмолвие кругом...
Вот хладный исполнитель казни
Его к столбу уж привязал,
Зажег костер, костер вспылал,
И над высокими домами
Понесся черный дым клубами.
Вдруг в небесах раздался глас:

«Свершилось все! На вас, на вас
Страдальца кровь и вопль проклятий
Погиб, — но он погиб за братий!»
Народ ужасно застонал,
Кругом костра толпиться стал
И, головы бросая в пламень,
Назад по площади бежал
И упадал на хладный камень...
Все тихо... Только кровь шумит...
Во сне Жолкевский страшно стонет,
Трепещет, молится... Вдруг зрит,
Что он в волнах кровавых тонет...
Душа невольно обмерла;
Сон отлетел; в шатре лишь мгла,
Но он, но он еще не знает,
Что в крупных каплях упадает —
Иль кровь, иль пот с его чела...

Меж тем, потопленный в туманах,
Козацкий табор на курганах
Спокойно дремлет вдоль реки;
Как звезды в небесах пустынных,
Кой-где чуть светят огоньки;
Вкруг них у коневязей длинных
Лежат рядами козаки.[8]
Сны благодатные над ними
Летают резвою толпой:
Тот зрит себя между родными
Под кровом хижины родной;
Сей, по Днепру раскинув сети,
Обратно к берегу плывет;
Вот сотни рыб на став влечет...

Напрасно Тямсин быстры воды,
Шумя, в очеретах струит,
Напрасно, вестник непогоды,
Ветр буйный по степи шумит:

Спят сладко ратники свободы,
Их сна ничто не возмутит...

9. Молитва Наливайки

Ты зришь, о боже всемогущий!
Злодействам Ляхов нет числа;
Как дуб, на теме гор растущий,
Тиранов дерзость возросла.
Я не виновен, боже правый,
Когда здесь хлынет кровь рекой;
Войну воздвиг я не для славы, —
Я поднял меч за край родной.
Ты лицемеров ненавидишь,
Ты грозно обличаешь их;
Ты с высоты небес святых
На дне морском песчинку видишь;
Ты проницаешь, мой творец,
В изгибы тайные сердец...

1825

70. ГАЙДАМАК

(Отрывок из поэмы «Хмельницкий»)

Осенней ночью, близ кургана,
В степи глухой, у огонька,
Сидят одни во мгле тумана
Два Запорожских козака.[1]
Напрасно зоркие их очи[2]
Сквозь черный мрак угрюмой ночи
Чего-то ищут в дальной мгле;
Вотще они к сырой земле
Свое прикладывают ухо;
Кругом все сумрачно и глухо:
Молчит река, безмолвен лес,
Ни звездочки среди небес.
Объята черной пеленою,
Как будто вся природа спит...
Лишь налетая ветр порою
Сухой ковылью шевелит,
Да кони борзые, на воле
Гуляя, травку щиплют в поле...

«Где запоздал он?.. Уж пора
Ему примчаться. От Днепра
Тут недалеко... Конь надежной...
С ним и в такую ночь никак
С дороги сбиться невозможно;

Удал отважный Гайдамак!
Пусть ночь, удвоя черный мрак,
На степь унылую наляжет, —
Козак всегда козак: ему
На Запорожие сквозь тьму
Пустынный ветер путь укажет...

«Не подстерег ли удальца
В глуши Татарин кровожадной?
Ну, что ж! Пусть так: у молодца [3]
Булат с пищалью семипядной.
И в ясный день, и в час ночной
Он сам нередко с самопалом
Стрежет врагов в траве густой,
Иль рыщет по степи шакалом...

«Я хорошо тот помню день,
Когда пришел он в наш курень
И клятву дал быть Гайдамаком,
За Сечь свободную стоять
И вечно ненависть питать
И к хищным Крымцам, и к Полякам. [4]
Непринужденный разговор,
Движенья поступь, гордый взор,
Черты, жупан — все род высокой
Изобличало в пришлеце;
Прекрасен гость был черноокой,
Все нас пленяло в молодце;
Но зрелся след тоски глубокой
На молодом его лице...

«Все, полюбя его, ласкали,
Шутили с ним средь шумных игр,
Но разогнать его печали
Не мог никто... Как юный тигр,
На всех глядел, нахмуря брови;
Был дружбы чужд, был чужд любови,
Летал в пустыне на коне

И, увядая в тишине,
Он рвался в бой, он жаждал крови...

«Сбылось желанье! Саранчей
Мы понеслися под Очаков —
И удальством пришлец младой
В грязь затоптал всех Гайдамаков.
Суров и дик и одинок,
Чуждаясь всех, всегда угрюмой,
И ныне бродит, как порок,
В местах глухих он с тайной думой.
Печаль, как черной ночи мгла,
Его на сердце налегла.
Она, жестокая, тревожит
Его повсюду и всегда;
Ничем, нигде и никогда
Ее рассеять он не может.

«Ему несносна тишина;
Без крови вражеской, без боя,
Он будто чахнет средь покоя;
Его душе нужна война;
Опасность, кровь и шум военный
Одни его животворят,
И в буре битв покой мгновенный
Душе встревоженной дарят.

«Толпой и Крымцы, и Поляки
Не раз гонимы были им;
Как божий гнев ужасны с ним
В набегах буйных Гайдамаки...

«В нем не волнует уже кровь
Младых Украинок любовь
И верной дружбы глас приветный:
Давно он — по всему приметно —
Остыл бесчувственной душой;
В нем веет холод гробовой:

Она, как хладная могила,
Его все блага поглотила...

«Всегда опущены к земле
Его сверкающие очи;
Темнеет на его челе
Какой-то грех, как сумрак ночи.
Еще никто не зрел того,
Что бы, хотя на миг единый,
Улыбкой сгладились морщины
На бронзовом лице его.
Однажды только, уверяли,
В нем очи радостью сверкали:
То было в замке богача,
Убитого им на Волыни;
Где превратил он все в пустыни,
Как — гнев небесный — саранча;
Где кровь ручьями лил он хладно,
Где все погибло беспощадно,
Иль от огня, иль от меча.
Вотще молила дочь младая,
Вотще у ног лежал магнат:
В грудь старца, воплям не внимая,
Вонзил он с хохотом булат...»

Так говорили меж собою —
Про Гайдамака-молодца
Два Запорожских удальца...
Меж тем уж начал за рекою [5]
Мерцать на дальнем небе свет,
А запорожца нет как нет.
Несется ночь... и вот зарею
Занялся сумрачный восток,
Сильней зашевелил травою
Передрассветный ветерок;
Уж погасает огонек
И вьется тонкою струею,
Во мгле редеющий дымок...

Вдруг конский топот раздается,
Как шум глухой, издалека;
Вот громче, ближе... вот несется
Конь вороной, без седока.
Вот за могилою степною [6]
Своих товарищей узнав,
Помчался к ним, летит стрелою,
И, подбежавши, вдруг заржал,
Запрял ушами — и упал,
Почти недвижный, бездыханный...
По шее кровь бежит из раны, [7]
Расколот рыцарский сайдак,
И безобразными клоками,
Обрызган кровью, меж ногами
Висит разорванный чепрак...
Но где же грозный Гайдамак,
Краса и слава вольной Сечи?
Погиб... но где, когда и как, [8]
И при какой враждебной встрече?..
Быть может, дерзкою толпой
В глуши захваченный в неволю, [9]
В темнице душной и сырой
Клянет в цепях свою он долю;
Иль крымским хищником убит;
В степи пустынной он лежит, [10]
И волк уже во мраке ночи
Терзает труп среди травы,
И из козацкой головы
Орел выклевывает очи... [11]

71. ПАЛЕЙ

(Отрывок из новой поэмы)

Не тучи солнце обступали, [1]
Не ветры в поле бушевали;
Палея с горстью козаков [2]

Толпы несметные врагов
В пустынном поле окружали... [3]

Куда укрыться молодцу?
Как избежать неравной драки?
И там, и здесь — везде Поляки...
По смуглому его лицу
Давно уж градом пот катится;
От меткого свинца валится [4]
С коня козак за козаком... [5]
Уже обхвачен он кругом...
Уж плен ему грозит позорной...
Но вдруг, один, с копьем в руке,
Сквозь густоту толпы упорной
Несется он как ветр нагорной. [6]
Вот вправо, влево — и к реке.
Коню проворною рукою
Набросил на глаза башлык,
Сам головой к луке приник,
Ударил плетью и стрелою
Слетел с брегов, отваги полн;
И вот средь брызгов и средь волн
Исчез в клубящейся пучине...
Бушует ветр, река ревет...
Уж он спокойно на средине
Днепра шумящего плывет.
Враги напрасно мечут стрелы,
Свинец напрасно тратят свой —
Разит лишь воздух он пустой.
И невредимо витязь смелый
Выходит на берег крутой. [7]
Конь опененный встрепенулся,
Прочхнулся, радостно заржал;
Палей с насмешкой оглянулся... [8]
Врагам проклятие послал
И в степь глухую ускакал... [9]

72. ПЕСНЯ СТОРОННИКОВ МАЗЕПЫ

С самопалом и булатом,
С пылкой храбростью в сердцах,
Смело, други, брат за братом,
На лихих своих конях!
Смело грянем за свободу,
Оградив себя крестом, —
Возвратим права народу
Иль со славою умрем!
Пусть гремящей, быстрой славой
Разнесет везде молва,
Что мечом в битве кровавой
Приобрел козак права!
Смело, други, в бой свирепой!
Жаждет битвы верный конь...
Смело, дружно за Мазепой,
На мечи и на огонь!

73. ПАРТИЗАНЫ

(Отрывки)

1

В лесу дремучем, на поляне,
Отряд наездников сидит.
Окрестность вся в седом тумане,
Кругом осенний ветр шумит;
На тусклый месяц набегают
Порой густые облака;
Надулась черная река,
И молнии вдали сверкают.

Плащи навешаны шатром
На пиках, вглубь земли вонзенных;
Биваки в сумраке ночном
Вокруг костров воспламененных...

Средь них толпами удальцы:
Ахтырцы, Бугцы и Донцы.

Пируют всадники лихие,
Свершив отчаянный набег.
Заботы трудны боевые,
Но весел шумный их ночлег.
Живой беседой сокращают
Они друг другу час ночной;
Дела вождей страны родной
Воспоминаньем оживляют,
И лес угрюмый и густой
Веселым пеньем пробуждают.

2. Песня партизанская

Вкушает враг беспечный сон;
Но мы не спим, мы надзираем —
И вдруг на стан со всех сторон
Как снег внезапный налетаем.

В одно мгновенье враг разбит,
Врасплох застигнут удальцами,
И вслед за ними страх летит
С неутомимыми Донцами.

Свершив набег, мы в лес густой
С добычей вражеской уходим.
И там за чашей круговой
Минуты отдыха проводим.

С зарей бросаем свой ночлег,
С зарей опять с врагами встреча,
На них нечаянный набег
Иль неожиданная сеча...

Так сонмы ратников простых
Досуг беспечный провождали...

74. СТАНСЫ

А. А. Бестужеву

Не сбылись, мой друг, пророчества
Пылкой юности моей:
Горький жребий одиночества
Мне сужден в кругу людей.

Слишком рано мрак таинственный
Опыт грозный разогнал,
Слишком рано, друг единственный,
Я сердца людей узнал.

Страшно дней не ведать радостных,
Быть чужим среди своих,
Но ужасней — истин тягостных
Быть сосудом с дней младых.

С тяжкой грустью, с черной думою
Я с тех пор один брожу,
И могилою угрюмою
Мир печальный нахожу.

Всюду встречи безотрадные!
Ищешь, суетный, людей,
А встречаешь трупы хладные
Иль бессмысленных детей...

75. К А. А. БЕСТУЖЕВУ

Хоть Пушкин суд мне строгий произнес
И слабый дар как недруг тайный взвесил;
Но от того, Бестужев, еще нос
Я недругам в угоду не повесил.

Моя душа до гроба сохранит
Высоких дум кипящую отвагу;
Мой друг, не даром в юноше горит
Любовь к общественному благу!

В чью грудь порой теснится целый свет,
Кого с земли восторг души уносит,
На зло врагам тот завсегда поэт,
Тот славы *требует*, не просит!

Так и ко мне, храня со мной союз,
С улыбкою и ласковым приветом,
Слетит порой толпа вертлявых Муз,
И я вдруг делаюсь поэтом.

76. ВЕРЕ НИКОЛАЕВНЕ СТОЛЫПИНОЙ

Не отравляй души тоскою,
Не убивай себя: ты мать; [1]
Священный долг перед тобою —
Прекрасных чад образовать.
Пусть их сограждане увидят [2]
Готовых пасть за край родной,
Пускай они возненавидят
Неправду пламенной душой.
Пусть в сонме гордых исполинов
На ужас гордых их узрим,
И смело скажем: «знайте: им
Отец — Столыпин, дед — Мордвинов!»

77. НА СМЕРТЬ ЧЕРНОВА

Клянемся честью и Черновым —
Вражда и брань временщикам,
Царей трепещущим рабам,
Тиранам, нас угнесть готовым.

Нет, не отечества сыны
Питомцы пришлецов презренных!
Мы чужды их семей надменных, —
Они от нас отчуждены.

Я ль буду въ роковое время
Позорить Гражданина санъ,
И подражать тебѣ изнѣженное племя
Переродившихся Славянъ.
Нѣтъ, неспособенъ я въ объятьяхъ сладострастья
Въ постыдной праздности влачить мой вѣкъ младой;
И изнывать кипящею душой
Подъ тяжкимъ игомъ самовластья.
Пусть юноши своей не разгадавъ судьбы
Постигнуть не хотятъ предназначенье вѣка
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человѣка.
Пусть съ хладною душой бросаютъ хладный взоръ
На бѣдствія своей отчизны,
И не читаютъ въ нихъ грядущій свой позоръ
И справедливые потомковъ укоризны.
Они раскаятся,, когда народъ возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной нѣги,
И въ бурномъ мятежѣ ища свободныхъ правъ
Въ нихъ не найдетъ ни Брута, ни Ріеги.

Беловой автограф стихотворения «Я ль буду в роковое время» («Гражданин» декабрь 1825 г.)

Там говорят не русским словом,
Святую ненавидят Русь...
Я ненавижу их, клянусь,
Клянусь и честью, и Черновым!

На наших дев, на наших жен
Дерзнет ли вновь любимец счастья
Взор бросить полный сладострастья, —
Падет, перуном поражен.

И прах твой будет в посмеянье,
И гроб твой будет в стыд и срам!
Клянемся дщерям и сестрам —
Смерть, гибель, кровь за поруганье!

А ты, брат наших ты сердец,
Герой, столь рано охладелый!
Взнесись в небесные пределы!
Завиден, славен твой конец!

Ликуй! ты избран русским богом
Всем нам в священный образец;
Тебе дан праведный венец;
Ты будешь чести нам залогом!

78. ГРАЖДАНИН

Я ль буду в роковое время
Позорить гра́жданина сан,
И подражать тебе, изнеженное племя
Переродившихся Славян?

Нет, не способен я в объятьях сладострастья,
В постыдной праздности влачить свой век младой
И изнывать кипящею душой
Под тяжким игом самовластья!

Пусть юноши, своей не разгадав судьбы, [1]
Постигнуть не хотят предназначенья века
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человека.
Пусть с хладнокровием бросают хладный взор [2]
На бедствия страдающей отчизны
И не читают в них грядущий свой позор
И справедливые потомков укоризны.
Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в объятьях праздной неги,
И в бурном мятеже ища свободных прав,
В них не найдет ни Брута, ни Риеги.

1826

79. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ

Прими, прими, святой Евгений,
Дань благодарную певца,
И слово пламенных хвалений,
И слезы, каплющи с лица.
Отныне день твой до могилы
Пребудет свят в душе моей:
В сей день твой соименник милый
Освобожден был от цепей.

80. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ

Мне тошно здесь, как на чужбине!
Когда я сброшу жизнь мою?
Что даст крыле мне голубине,
Да полечу и почию?
Весь мир как смрадная могила!
Душа из тела рвется вон.
Творец! Ты мне прибежище и сила!
Вонми мой вопль, услышь мой стон!
Приникни на мое моленье,
Вонми смирению души:
Пошли друзьям моим спасенье,
А мне даруй грехов прощенье
И дух от тела разреши!

81. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ

О, милый друг, как внятен голос твой,
Как утешителен и сердцу сладок:[1]
Он возвратил душе моей покой

И мысли смутные привел в порядок.
Ты прав: Христос — спаситель наш один,
И мир, и истина, и благо наше.
Блажен, в ком дух над плотью властелин,
Кто твердо шествует к Христовой чаше.
Прямой мудрец, он жребий свой вознес,
Он предпочел небесное земному,
И как Петра ведет его Христос
По треволнению мирскому.[2]

Для цели мы высокой созданы:
Спасителю, сей Истине верховной,
Мы подчинять от всей души должны
И мир вещественный, и мир духовной.[3]
Для смертного ужасен подвиг сей,
Но он к бессмертию стезя прямая,
И благовествуя, мой друг, речет о ней[4]
Сама нам Истина святая:
«И плоть, и кровь преграды вам поставит,
Вас будут гнать и предавать,
Осмеивать и дерзостно бесславить,
Торжественно вас будут убивать...
Но тщетный страх не должен вас тревожить —
И страшны ль те, кто властен жизнь отнять,
Но этим зла вам причинить не сможет![5]
Счастлив, кого отец мой изберет[6]
Кто истины здесь будет проповедник:
Тому венец, того блаженство ждет,
Тот царствия небесного наследник».

Как радостно, о друг любезный мой,
Внимаю я столь сладкому глаголу,
И как орел на небо рвусь душой,
Но плотью увлекаюсь долу.
Душою чист и сердцем прав,[7]
Перед кончиною подвижник постоянный,
Как Моисей с горы Навав,
Увидит край обетованный.[8]

ПЕСНИ, НАПИСАННЫЕ В СОТРУДНИЧЕСТВЕ с А. А. БЕСТУЖЕВЫМ

82. ПЕСНЯ

Ах, тошно мне
И в родной стороне;[1]
    Все в неволе,
    В тяжкой доле,
Видно, век вековать?[2]

Долго ль русской народ
Будет рухлядью господ,[3]
    И людями,[4]
    Как скотами,
Долго ль будут торговать?

Кто же нас кабалил,
Кто им барство присудил,
    И над нами,
    Бедняками,
Будто с плетью посадил?

По две шкуры с нас дерут;
Мы посеем, они жнут;
    И свобода
    У народа
Силой бар задушена.

А что силой отнято,
Силой выручим мы то.

И в приволье,
На раздолье,
Стариною заживем.
А теперь господа
Грабят нас без стыда,
И обманом,
Их карманом
Стала наша мошна.[5]

Баре с земским судом
И с приходским попом[6]
Нас морочат
И волочат[7]
По дорогам, да судам.[8]

А уж правды нигде
Не ищи мужик в суде.
Без синюхи
Судьи глухи,
Без вины ты виноват.

Чтоб в палату дойти,
Прежде сторожу плати,
За бумагу,
За отвагу,
Ты за все, про все давай.

Там же каждая душа,
Покривится из гроша,
Заседатель,
Председатель
Заодно с секретарем.[9]

Нас поборами царь
Иссушил, как сухарь,
То дороги,
То налоги
Разорили нас в конец.

А под царским орлом,
Ядом потчуют с вином,[10]
И народу
Лишь за воду[11]
Велят вчетверо платить.[12]

Уж так худо на Руси,[13]
Что и боже упаси![14]
Всех затеев
Аракчеев
И всему тому виной.[15]

Он царя подстрекнет,
Царь указ подмахнет,
Ему шутка,
А нам жутко,
Тошно так, что ой, ой, ой![16]

А до бога высоко,
До царя далеко,
Да мы сами
Ведь с усами,
Так мотай себе на ус.[17]

83. ПЕСНЯ

Ах, где те острова,
Где растет трын-трава,
Братцы!
Где читают Pucelle,
И летят под постель
Святцы.
Где Бестужев-драгун
Не дает карачун
Смыслу.
Где наш князь-чудодей
Не бросает людей
В Вислу.

Где с зари до зари
Не играют цари
В фанты.
Где Булгарин Фаддей
Не боится когтей
Танты.
Где Магницкий молчит,
А Мордвинов кричит
Вольно;
Где не думает Греч,
Что его будут сечь
Больно...
Где Сперанский попов
Обдает, как клопов,
Варом.
Где Измайлов-чудак
Ходит в каждый кабак
Даром.

Ты скажи, говори,
Как в России цари
Правят.
Ты скажи поскорей,
Как в России царей
Давят.
Как капралы Петра
Провожали с двора
Тихо.
Как жена пред двором
Разъезжала верхом
Лихо.
Как курносый злодей
Воцарился по ней...
Горе!
Но господь, русский бог,
Бедным людям помог
Вскоре...

ПЕРЕВОДЫ

84. ПУТЬ К СЧАСТИЮ

(Сатира)

Разговор поэта с богачом — старинным его знакомцем

Поэт

Придумать не могу, какой достиг дорогой
В храм изобилия приятель мой убогой?
Давно ли ты бродил пешком по мостовой,
Едва не в рубище, с поникшей головой!
Тогда ты не имел нередко даже пищи,
Был худ, как труженик или последний нищий.
Теперь защеголял в одеждах дорогих;
В карете щегольской, на четверне гнедых
Летишь как вихрь и, пыль взвивая за собою,
Знакомым с важностью киваешь головою!
Сияя роскошью владетельных князей,
Твой дом есть сборище отличнейших людей.
С тобою в дружестве министры, генералы,
Ты часто им даешь и завтраки, и балы;
Что прихоть с поваром лишь изобресть могла,
Все в дань со всех сторон для твоего стола...
Меж тем товарищ твой, служитель верный Феба,
И в прозе, и в стихах бесплодно просит хлеба.
Всю жизнь в учении с дней юных проведя,
Жить с счастием в ладу не научился я...
Как ты достиг сего, скажи мне ради бога?

Богач

Уметь на свете жить — одна к тому дорога!
И тот, любезный друг, бывал уже на ней,
Кто пользу извлекал из глупости людей;
Чьи главны свойства — лесть, уклончивость, терпен
И к добродетели холодное презренье...
Сам скажешь ты со мной, узнав короче свет:
Для смертных к счастию пути другого нет!

Поэт

Хотя, с младенчества внимая гласу чести,
Душ мелких ремесло я видел в низкой лести,
Но угнетаемый жестокою судьбой,
И я к ней прибегал с растерзанной душой;
И я в стихах назвал того Катоном,
Кто пресмыкается как низкий раб пред троном!
И я Невеждину за то, что он богат,
Сказал, не покраснев: ты — русский Меценат!
И если трепетать душа твоя привыкла
В восторге пламенном при имени Перикла,
То подивись! Я так забылся, наконец,
Что просвещенья враг, невежда и глупец
И, словом, жалкий Клит, равно повсюду славной,
Воспет был, как Перикл на лире своенравной!
И всяк, кто только был богат иль знаменит,
У бедного певца был Цесарь, Брут иль Тит!
И что ж? Достиг ли я чрез то желанной цели?
Увы, я и теперь, как видишь, без шинели;
И столь хвалимое тобою ремесло
Одно презрение и стыд мне принесло!
Что ж до терпения... его, скажу неложно,
Так много у меня, что поделиться можно.
Ко благу нашему, любезный друг, оно
В удел писателям от неба суждено.
Ах, кто бы мог без сей всевышнего помоги
Снести цензуры суд привязчивый и строгий,

Холодность публики и колкость эпиграмм,
Злость критик, что дают тревожный толк словам,
И дерзких крикунов недельное сужденье,
И сплетни мелких душ, и зависти шипенье,
И площадную брань помесячных вралей,
И грозный приговор в кругу невежд-судей,
И, наконец, гнев тех, которые готовы
На разум положить протекших лет оковы!
И, словом, всюду я, куда ни посмотрю,
Лишь неприятности и беспокойства зрю;
С терпеньем все сношу, узреть плоды в надежде,
Но остаюсь без них, как и теперь, и прежде.

Богач

По правилам твоим, давая ход делам,
Нельзя успеха ждать и зреть плоды трудам.
Искусно должно льстить, чтобы быть льстецам приятным;
К чему приписывал ты добродетель знатным,
Коль ни ее в них нет, ни побужденья к ней!
Как в зеркале себя мы зрим в душе своей,
И мнимых свойств хвала вельмож не восхищает,
Но чаще их краснеть к досаде заставляет.
Не в дружбе жить с тобой ты сим принудишь их,
Но бегать от тебя и от похвал твоих.
Когда же думаешь опять за лиру взяться,
То помни, что всегда долг первый твой — стараться
Не добродетели в вельможах выхвалять,
Но слабостям уметь искусно потакать.
Грабителю тверди, что наживаться в моде,
Скажи, что все живет добычею в природе;
Красы увядшей вид унынием зови,
Кокетку старую — царицею любви;
Кто ж сластолюбия почти погиб в пучине,
Тому изобрази в прелестнейшей картине
Все ласки нежные прелестниц записных,
И их объятия, и поцелуи их,
И чувства пылкие, и негу сладострастья,

Прибавь, что только в нем искать нам должно счастья
Невеждам повторяй, что просвещенье вред,
Что завсегда оно причиной было бед,
Что наши праотцы хоть книг и не любили,
Но чуть не во сто крат счастливей внуков жили;
Творца галиматьи зови красой певцов,
Дивись высокому в бессмыслице стихов...
Но чтоб без бед пройти по скользкой сей дороге,
Подчас будь глух и нем и забывай о боге;
У знатных бар шути и забавляй собой,
В день другом будь для них, а в сумерки — слугой;
Скрыв самолюбие под маской униженья,
С терпением внимай глас гнева и презренья;
И если вытерпишь и боле что-нибудь,
Смолчи, припомнивши, что это к счастью путь.
Располагаясь так, ты будешь всем приятен
И так богат, как я, и точно так же знатен...

Поэт

Нет, нет! Не уступлю за благо жизни сей
Ни добродетели, ни совести моей!
Не заслужу того, чтобы писатель юный,
Бросающий в порок со струн своих перуны,
Живыми красками, в разительных чертах,
Меня изобразил и выставил в стихах!
Судьбой враждующей невольно увлеченной,
Мог уклониться я от истины священной;
Но шествуя льстецов презренною стезей,
Я мучеником был, гнушаясь сам собой;
С душою пылкою, младой питомец Музы
Влачить позорные недолго может узы...
И я, попрежнему став истины жрецом,
Дал клятву никогда не быть вперед льстецом.
Когда путь к счастию столь низок в жизни сей,
Так пусть останусь я при бедности моей,
Пусть буду целый век скитаться без шинели,
В осенние дожди и в зимние метели;

Мне лютость непогод поможет перенесть
Мое сокровище единственное — честь!

Богач

Так думая, мой друг, ты в нищете, конечно,
При прозе и стихах останешься навечно!
Но било семь... Прощай! Сенатор граф Глупон
Просил меня к себе приехать на бостон!

85. ИЗ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Они под звуком труб повиты,
Концом копья воскормлены;
Луки натянуты, колчаны их открыты,
Путь сведом ко врагам, мечи наточены.
Как волки серые они по пóлю рыщут
И — чести для себя, для князя — славы ищут;
Ничто им ужасы войны!

В душе пылая жаждой славы,
Князь Игорь из далеких стран
К коварным пóловцам спешит на пир кровавый
С дружиной малою отважных северян.
Но, презирая смерть и пламенея боем,
Последний ратник в ней является героем...
. . . .

86. ИЗ БАЛЛАДЫ А. МИЦКЕВИЧА «ЛИЛИИ»

Жена грех тяжкий совершила:
Молодка мужа умертвила
И погребла его в леску,
При ручеечке, на лужку.
Курган цветами засевала
И, засевая, припевала:
«Растите так вы высоко,
Как муж зарыт мой глубоко;

Цветите розы и растите,
Растите долго и цветите...»
Окровавленная потом
Преступница — бегóм, бегóм —
Чрез пни, суки и через кочки...
Чрез горы, долы, ручеечки!..
Порывный в поле ветр свистит,
Темно и хладно средь долины,
Кой-где ворона прокричит
Или раздастся крик совиный.
Окровавленная бежит
Со страхом вдоль лесной опушки;
Спустилась в дол, где старый бук;
Вот в лес, к пустынника избушке —
И в двери ветхие стук-стук!
«Скажи святыми мне устами,
Что делать бедная должна,
И чем спасусь пред небесами?
На муки все готова я,
На тяжкий пост, на бичеванья,
Лишь только б тайна злодеянья
Упала навсегда с меня!..» —
«Жена! — ей отвечает старый: —
Тебя убийство не страшит,
Но мучит страх достойной кары
И сердце ужас бременит.
Иди ж себе, и будь в покое;
Откинь напрасную боязнь;
Пребудет тайной дело злое
И не близка преступной казнь.
Так суждено творцом издавна;
Что жены делают неявно —
Одним мужьям то знать дано,
А муж твой спит в земле давно».
Таким довольная ответом,
Бежит преступница домой;
Бежит чрез лес — и пред рассветом

Узрела пышный терем свой.
Ее детей кружок унылый
Перед воротами сидит:
«А где наш тятя, тятя милый?» —
Навстречу матери кричит.
«Кто? тятя ваш?..» Но замер голос,
На голове стал дыбом волос,
Не знает, что сказать детям!..
«Он едет, дети! едет к нам...
Беги скорее, я в тревоге,
Беги, Демид, я слышу стук...
Там конский топот, крик и гул,
Там пыль клубится по дороге...
Беги за рощу в лес густой...
Не гости ль едут в терем мой?»
Вот пыли облака густые;
Все ближе, ближе... Чрез лесок
Вот едут, скачут вороные,
Вот вправо, влево — на мосток...
Сребром и златом блещут платья,
Мечи булатные блестят
И в золотых ножнах гремят —
То в гости к брату скачут братья...
«Невестка, здравствуй!.. Где же брат?» —
«Где брат? где брат? где муж мой милый?..
Давно уже [он] взят могилой...» —
«Когда и где?» — «В чужой стране
Погиб несчастный на войне»...
Жена от страха побледнела,
И трепетала и замлела —
И вот без чувств упала вдруг.
Тревожно, робко взоры водит:
«Где он? где труп? где мой супруг?..»
Но вот опять в себя приходит
В восторге, будто вне себя:
«Скажите мне, скажите, братья!
Когда дождуся мужа я?

Когда, когда в свои объятья
Я заключу, мой друг, тебя?..»

. . . .

. . . .

Затрясся в основаньи храм,
Ужасно стены затрещали,
И своды, рухнув пополам,
Загрохотавши, в прах упали...
На той земле цвесть розы стали,
И цвесть так стали высоко,
Как муж зарыт был глубоко!..

ПРИМЕЧАНИЯ «К ДУМАМ»,

НАПИСАННЫЕ П. М. СТРОЕВЫМ И АВТОРИЗОВАННЫЕ РЫЛЕЕВЫМ

Стр. 121. Олег Вещий. Рюрик, основатель Российского Государства, умирая (в 879 году), оставил малолетнего сына, Игоря, под опекою своего родственника, Олега. Опекун мало-по-малу сделался самовластным владетелем. Время его правления примечательно походом к Константинополю, в 907 году. Летописцы сказывают, что Олег приплыл к стенам византийской столицы, велел вытащить ладьи на берег, поставил их на колеса и, развернув паруса, подступил к городу. Изумленные Греки заплатили ему дань. Олег умер в 912 году. Его прозвали *Вещим* (мудрым).

Стр. 123. Ольга при могиле Игоря. Игорь, сын основателя Российского Государства, Рюрика, принял правление в 912 году. Первым его подвигом было усмирение возмутившихся Древлян. Сие народное Славянское племя обитало в лесах нынешней Волынской губернии. Игорь наложил дань, которую Древляне платили до 945 года. В сие время ему захотелось умножить сбор. Древляне возмутились снова — и корыстолюбивый Игорь погиб: они привязали его к двум деревьям, нагнули их, и таким образом разорвали надвое. По нем остался малолетный сын, Святослав. Супруга его, Ольга, правила государством около десяти лет: скончалась в 969 году. Церковь причла ее к лику святых жен.

Стр. 126. Святослав — сын русского князя Игоря Рюриковича, принял правление около 955 года. В истории славны походы его в Болгарию Дунайскую и битвы с Греками. Перед одною из сих последних Святослав воспламенил мужество своих воинов следующею речью: «Бегство не спасет нас; волею и неволею должны мы сразиться. Не посрамим отечества, но ляжем на месте битвы: мертвым не стыдно! Станем крепко. Иду пред вами, и когда положу голову, делайте, что хотите!» Возвращаясь в отечество, Святослав (в 972 году) зимовал у Днепровских порогов; на него напали Печенеги — и герой погиб. Враги сделали чашу из его черепа.

Стр. 129. Святополк — сын Ярополка Святославича, усыновленный Владимиром Великим. Сей властолюбивый князь захватил велико-

княжеский престол и умертвил своих братьев: Бориса, Глеба и Святослава (в 1015 году). Ярослав Владимирович, князь Новгородский, после продолжительных междоусобий, разбил его на берегах реки Альты, Святополк бежал из пределов российских, скитался в пустынях Богемии, расслаб душою и телом, и кончил жизнь в припадках ужаса (1019 год): ему мечтались враги, беспрерывно его преследующие. Проклятие современников увековечило память о Святополке. Летописи называют его *Окаянным*.

Стр. 130. Окаянного прозванье. См. Историю Государства Российского, т. II, стр. 18.

— *Рогнеда.* Около 970 года Варяг Рогволод, оставив отечество, поселился в Полоцке, главном городе тогдашней области Кривской. Он имел прекрасную дочь, по имени Рогнеду или Гориславу: ее сговорили за великого князя Ярополка Святославича. Брат его, Владимир Великий, взяв Полоцк (в 980 году), умертвил Рогволода, двух сыновей его и насильно понял Рогнеду. От ней родился сын Изяслав. В последствии Владимир разлюбил жену, выслал ее из дворца и заточил на берегу Лыбеди, в окрестностях Киева. Однажды, гуляя в сих местах, князь заснул крепко; мстительная Рогнеда, приблизившись, хотела нанести ему смертельный удар; но Владимир проснулся. В ярости он захотел казнить несчастную, велел ей надеть брачную одежду и, сидя на богатом ложе, ожидать казни. Входит Владимир; юный Изяслав, наученный Рогнедою, бросается к нему и подает меч. «Родитель, — говорит он, — ты не один; сын твой будет свидетелем твоей ярости». Изумленный Владимир простил Рогнеду и вместе с сыном отправил ее в новопостроенный город, названный им Изяславлем. Сие происшествие описано в некоторых летописях.

Стр. 141. Мстислав Удалый. Мстислав, сын Владимира Великого, был удельный князь Тмутараканский. Столица сего княжества, Тмутаракань (древняя Таматарха), находилась на острове Тамани, который образуют рукава реки Кубани, при впадении ее в Азовское море. В соседстве жили Косоги, племя Горских Черкесов. В 1022 году Мстислав объявил им войну. Князь Косожский, Редедя, крепкотелый великан, по обычаю богатырских времен, предложил ему решить распрю единоборством. Мстислав согласился. Произошел бой: тмутараканский князь поверг врага и умертвил его. Косоги признали себя данниками Мстислава. Он умер около 1036 года. Летописи называют его *Удалым*.

Стр. 143. Михаил Тверской. Несчастный Михаил, сын тверского князя Ярослава Ярославича, по смерти Андрея Александровича (1304 год) должен был вступить на великокняжеский престол; но племянник его, Георгий Данилович, князь московский, начал оспоривать у него сие право. Россия находилась тогда под владычеством Моголов: оба князя отправились в Орду, и хан (Тохта) утвердил Михаила. Более десяти лет протекло мирно; но злоба не угасла в сердце Георгия; он не пропускал случая вредить Михаилу. Между тем, Тохта умер (1312 год); ему наследовал сын его, Узбек. Несогласия князей

возобновились, и Георгия призвали в Орду (1315 год). Целые три года он раболепствовал перед Узбеком, дарами и происками снискал себе милостивое расположение, и, в довершение всего, женился на сестре его, Кончаке (1318 год). Хан наименовал Георгия старейшим из князей русских и дал ему войско. Михаил выступил к нему навстречу, сразился и одержал победу: татарский полководец Кавгадый и супруга Георгия попали в плен; последняя умерла скоропостижно в Твери. Раздраженный Узбек призвал Михаила в Орду, жестоко истязал его и, наконец, велел лишить жизни. Церковь причла сего князя-страдальца к лику святых мучеников.

Стр. 116. Димитрий Донской. Подвиги великого князя Димитрия Иоанновича Донского известны всякому Русскому. Он был сын великого князя Московского Иоанна Иоанновича; родился в 1350 году; великокняжеский престол занял 1362 года. Владычествовавшая над Россиею Золотая или Сарайская орда в его время раздиралась междоусобиями. Один из князей татарских, Мамай, властвовал там, под именем Мамант-Салтана, слабого и ничтожного хана. Недовольный великим князем, Мамай отправил (в 1378 году) мурзу Бегича со множеством татарского войска; ополчение Димитрия встретило их на реке Воже, сразилось мужественно и одержало победу. Раздраженный Мамай, совокупив еще большие толпы иноплеменников, двинулся с ними к пределам России. Димитрий вооружился; противники сошлись на Куликовом поле (при речке Непрядве, впадающей в Дон). Бой был жестокий, и борьба ужасная (8 сентября 1380 года). На пространстве двадцати верст кровь Русских мешалась с татарскою. Наконец Мамай предался бегству, и Димитрий восторжествовал. Сия знаменитая победа доставила ему великую славу и уважение современников. Потомство наименовало его *Донским*. Димитрий умер в 1389 году.

Стр. 118. Выражение летописца.

Стр. 119. Глинский. Князь Михаил Львович Глинский, некогда знатный и богатый литовский вельможа. Род его происходил от Татарского князя, выехавшего из Орды во времена великого князя Витовта. Воспитанный в Германии, Глинский принял тамошние обычаи, долго служил императору и отличался храбростию и умом. Возвратясь в отечество, он снискал милость короля Александра и был его любимцем и другом. Когда (в 1508 году) Сигизмунд сделался королем, завистники обнесли пред ним Глинского. Главный враг его был пан Забржезенский. Князь Глинский, обще с двумя братьями, передался великому князю московскому, Василию Иоанновичу, был принят им с уважением и сделан воеводою. Глинский сражался против своих соотечественников и оказал особенно услуги при взятии Смоленска (1514 год). Великий князь обещал его сделать владетелем сего княжества, но не сдержал слова; Глинский вошел в переписку с Сигизмундом, и намерен был ему передаться; его схватили, привезли в Москву и заключили в темницу. Там он просидел более двенадцати лет. Великий князь женился на его племяннице, княжне Елене, дочери

брата его Василия. Через год царица выпросила своему дяде прощение (1527 год), и князь Глинский пришел еще в большую силу. По кончине великого князя Елена сделалась правительницею государства. Князь Михаил был одним из сильнейших членов Думы. Нескромная слабость племянницы к любимцу ее, князю Телепневу-Оболенскому, возбудила в нем справедливое негодование: он стал делать ей увещания и подпал гневу; снова заключили его в тюрьму, где он и умер (в 1534 году).

Стр. 153. Курбский. Князь Андрей Михайлович Курбский, знаменитый вождь, писатель и друг Иоанна Грозного. В казанском походе, при отражении Крымцев от Тулы (1552 год) и в войне ливонской (1560 год) он оказал чудеса храбрости. В 1564 году Курбский был воеводою в Дерпте. В сие время Грозный преследовал друзей прежнего своего любимца, Адашева, в числе которых был и Курбский: ему делали выговоры, оскорбляли и, наконец, угрожали. Опасаясь погибели, Курбский решился изменить отечеству и бежал в Польшу. Сигизмунд II принял его под свое покровительство и дал ему в поместье княжество Ковельское. Отсюда Курбский вел бранную и язвительную переписку с Иоанном; а потом еще далее простер свое мщение: забыв отечество, предводительствовал Поляками во время их войны с Россиею и возбуждал против нее хана крымского. Он умер в Польше. Пред смертью сердце его несколько умягчилось: он вспомнил о России и называл ее милым отечеством. Спасаясь из Дерпта Курбский оставил там супругу и девятилетнего сына; потом, в Польше, вторично женился, на княгине Дубровицкой, с которой король повелел ему развестися. Курбский известен также литературными своими трудами: он описал жестокости царя Иоанна и перевел некоторые беседы Златоустого на «Деяния святых апостол». В конце XVII века правнуки его выехали в Россию.

Стр. 155. Смерть Ермака. Под словом С и б и р ь разумеется ныне неизмеримое пространство от хребта Уральского до берегов Восточного Океана. Некогда Сибирским царством называлось небольшое татарское владение, коего столица, Искер, находилась на реке Иртыше, впадающей в Обь. В половине XVI века сие царство зависело от России. В 1569 году царь Кучум был *принят под руку* Иоанна Грозного и обязался платить дань. Между тем, сибирские Татары и подвластные им Остяки и Вогуличи вторгались иногда в пермские области. Это заставило российское правительство обратить внимание на обеспечение сих украйн укрепленными местами и умножением в них народонаселения. Богатые в то время купцы Строгоновы получили во владение обширные пустыни на пределах Пермии: им дано было право заселить их и обработать. Сзывая вольницу, сии деятельные помещики обратились к козакам, кои, не признавая над собою никакой верховной власти, грабили на Волге промышленников и купеческие караваны. Летом 1579 года 540 сих удальцов пришли на берега Камы; предводителей у них было пятеро; главный назывался Ермак Тимо-

феев. Строгоновы присоединили к ним 300 человек разных висельников, снабдили их порохом, свинцом и другими припасами и отправили за Уральские горы (в 1581 году). В течение следующего года козаки разбили Татар во многих сражениях, взяли Искер, пленили Кучумова племянника, царевича Маметкула, и около трех лет господствовали в Сибири. Между тем, число их мало-по-малу уменьшалось: много погибло от оплошности. Сверженный Кучум бежал в Киргизские степи и замышлял способы истребить козаков. В одну темную ночь (5 августа 1584 года), при сильном дожде, он учинил неожиданное нападение: козаки защищались мужественно, но не могли стоять долго; они должны были уступить силе и незапности удара. Не имея средств к спасению, кроме бегства, Ермак бросился в Иртыш, в намерении переплыть на другую сторону, и погиб в волнах. Летописцы представляют сего козака-героя крепкотелым, осанистым и широкоплечим; он был роста среднего, имел плоское лицо, быстрые глаза, черную бороду, темные и кудрявые волосы. Несколько лет после сего Сибирь была оставлена Россиянами; потом пришли царские войска и снова завладели ею. В течение XVII века беспрерывные завоевания разных удальцов-предводителей отнесли пределы Российского государства к берегам Восточного Океана.

Стр. 157. Борис Годунов. Борис Федорович Годунов является в истории с 1570 года: тогда он был царским оруженосцем. Возвышаясь постепенно, Годунов сделался бояриным и конюшим: титла важные при прежнем дворе российском. Сын Иоанна Грозного, царь Феодор, сочетался браком с его сестрою, Ириною Феодоровною. Тогда Годунов пришел в неограниченную силу; он имел столь великое влияние на управление государством, что иностранные державы признавали его соправителем сего кроткого, слабодушного монарха. По кончине Феодора Иоанновича (1598 год) духовенство, государственные чины и поверенные народа избрали Годунова царем. Правление его продолжалось около осьми лет. В сие время Годунов старался загладить неприятное впечатление, какое оставили в народе прежние честолюбивые и хитрые его виды; между прочим, ему приписывали отдаление от двора родственников царской фамилии (Нагих, князей Сицких и Романовых) и умерщвление малолетнего царевича Димитрия, брата царя Феодора, в 1591 году погибшего в Угличе. Годунов расточал награды царедворцам, благотворил народу и всеми мерами старался приобрести общественную любовь и доверенность. Между тем явился ложный Димитрий, к нему пристало множество приверженцев, и государству угрожала опасность. В сие время (1605 год) Годунов умер незапно; полагают, что он отравился. Историки не согласны в суждениях о Годунове: одни ставят его на ряду государей великих, хвалят добрые дела и забывают о честолюбивых его происках; другие — многочисленнейшие — называют его преступным, тираном.

Стр. 160. Димитрий Самозванец. Читавшим отечественную историю известен странный Лжедимитрий — Григорий Отрепьев. По-

вествуют, что он происходил из сословия детей боярских; несколько лет находился в Чудове монастыре иеродьяконом и был келейником у патриарха Иова. За беспорядочное поведение Отрепьев заслуживал наказание; он желал избежать сего и предался бегству. Долго скитаясь внутри России и переходя из монастыря в монастырь, наконец выехал в Польшу. Там он замыслил выдать себя царевичем Димитрием, сыном Иоанна Грозного, который умерщвлен был (в 1591 году) в Угличе — как говорили — по проискам властолюбивого Годунова. Он начал разглашать выдуманные им обстоятельства мнимого своего спасения, привлек к себе толпу легковерных, и с помощью сендомирского воеводы Юрия Мнишка вторгся в отечество вооруженною рукою. Странное стечение обстоятельств благоприятствовало Отрепьеву: Годунов умер незапно, и на престоле российском воссел самозванец (1605 год). Но торжество Отрепьева было не долговременно: явная преданность католицизму и терпимость иезуитов сделали его ненавистным в народе, а развратное поведение и дурное правление ускорили его падение. Князь Василий Шуйский (в 1606 году) произвел заговор; возникло народное возмущение — и Лжедимитрия не стало. Явление сего Самозванца, быстрые его успехи и странное стечение обстоятельств того времени составляют важную загадку в нашей истории.

Стр. 163. Иван Сусанин. В исходе 1612 года юный Михаил Феодорович Романов, последняя отрасль Рюриковой династии, скрывался в Костромской области. В то время Москву занимали Поляки: сии пришельцы хотели утвердить на российском престоле царевича Владислава, сына короля их Сигизмунда III. Один отряд проникнул в костромские пределы и искал захватить Михаила. Вблизи от его убежища враги схватили Ивана Сусанина, жителя села Домнина, и требовали, чтобы он тайно провел их к жилищу будущего венценосца России. Как верный сын отечества, Сусанин захотел лучше погибнуть, нежели предательством спасти жизнь. Он повел Поляков в противную сторону и известил Михаила об опасности: бывшие с ним успели увезти его. Раздраженные Поляки убили Сусанина. По восшествии на престол Михаила Феодоровича (в 1613 году) потомству Сусанина дана была жалованная грамота на участок земли при селе Домнине; ее подтверждали и последующие государи.

Стр. 166. Богдан Хмельницкий. Зиновий (Богдан) Хмельницкий, сын чигиринского сотника, воспитывался в Киеве и кончил учение у иезуитов, в польском городе Ярославце. В истории он становится известен с 1620 года. В сражении при Цецоре Турки взяли его в плен и держали в неволе два года. По возвращении своем Хмельницкий служил в войске польском; потом несколько лет жил в селении Субботове, в покое. Чигиринский подстароста Чаплицкий, захватив селение, похитил у него подругу и высек плетьми малолетнего его сына. Хмельницкий поехал в Варшаву жаловаться, но не нашел управы. Тогда он поклялся отомстить всем Полякам.

В 1647 году в Малороссии вспыхнуло возмущение. Хмельницкий принял в нем деятельное участие, поощрял недовольных и умножал толпы их. Дошло до явной войны. Хмельницкий выбран был гетманом. Он вошел в связи с Крымцами, призвал их на помощь и с лишком четыре года противостоял Полякам. Примечательны сражения: на Желтых Водах, под Корсуном и при Берестечке. В 1651 году прекратились раздоры. Поляки заключили с Малороссиянами и Запорожским войском мирный договор под Белою Церковию; но, не смотря на сие, не упускали случая оскорблять их. Сии притеснения заставили Хмельницкого просить российского государя о принятии его с войском в подданство (1654 год). Он умер в Чигирине 15 августа 1657 года. За освобождение отчизны его прозвали *Богданом*, т. е. богом дарованным избавителем.

Стр. 169. Воды Желтые. Под Желтыми Водами одержана в 1648 году Хмельницким первая победа над войсками Республики Польской, бывшими под начальством Степана Потоцкого.

— *Артемон Матвеев.* Артемон Сергеевич Матвеев родился в 1625 году. В правление царя Алексея Михайловича он отличился доблестями на поприще военном и политическом: сражался с Поляками, Шведами и Татарами, заключил договор о сдаче Смоленска (1656 год), убедил Запорожцев к подданству России и уничтожил невыгодный для нее Андрусовский мир (1667 год). Начальствуя над посольским приказом, Матвеев умел вселить в других европейских дворах должное уважение к России. В его доме воспитывалась Наталия Кирилловна Нарышкина, вторая супруга царя Алексея Михайловича, от которой родился Петр Великий. В последствии государь возвел Матвеева в ближние бояре и оказывал ему особенную доверенность и даже дружбу. С кончиною царя Алексея Михайловича (в 1676 году) кончилось блистательное поприще Матвеева: враги оклеветали его и удалили от двора. Матвеев получил назначение в Верхотурье воеводою; на дороге настиг его гонец и отвез в отдаленный Пустозерский острог. Целые семь лет Матвеев пробыл в заточении. Наконец, ему велено было ехать в город Лух (Костромской губернии). В дороге Матвеев узнал о кончине царя Феодора Алексеевича и получил приглашение ко двору воцарившихся соправителей. В столице ожидало его новое бедствие: на четвертый день приезда (15 мая 1682 года) взбунтовались стрельцы, и Матвеев пал жертвою преданности к государям. Любя добродетель, он уважал просвещение и науки; сочинил «Российскую историю»; имел вкус к изящным искусствам: живописи, музыке и драматическим представлениям. При нем впервые стали известны у нас театральные зрелища.

Стр. 172. Сердюки — гвардия атамана.

Стр. 174. Волынский. Волынский начал поприще службы при Петре Великом. Получив чин генерал-майора, он оставил военную службу и сделался дипломатом: ездил в Персию в качестве министра, был вторым послом на Немировском конгрессе и в 1737 году пожалован в статс-секре-

чарп. Манштейн изображает его человеком обширного ума, но крайне искательным, гордым и сварливым. Неосторожность погубила Волынского. Однажды, приметя холодность императрицы Анны к герцогу Бирону, он решился подать ей меморию, в которой обвинял во многом герцога и некоторых сильных при дворе особ: ему хотелось отдалить их. Узнав о сем, жестокий Бирон излил месть на Волынского: его отдали под суд и приговорили к смертной казни (в 1739 году).

Стр. 177. Наталия Долгорукова. Княгиня Наталия Борисовна, дочь фельдмаршала Шереметева, знаменитого сподвижника Петра Великого. Нежная ее любовь к несчастному своему супругу и непоколебимая твердость в страданиях увековечили ее имя.

Стр. 180. Державин. Державин родился 1743 года в Казани. Он был воспитан сперва в доме своих родителей, а после в Казанской гимназии; в 1760 году записан был в Инженерную школу, а в следующем году, за успехи в математике и за описание Болгарских развалин, переведен в гвардию. В чине поручика отличился в корпусе, посланном для усмирения Пугачева. В 1777 году поступил в статскую службу, а в 1802 году пожалован был в министры юстиции. Скончался июля 6 дня 1816 года в поместье своем на берегу Волхова.

«К бессмертным памятникам Екатеринина века принадлежат песнопения Державина. Громкие победы на море и сухом пути, покорение двух царств, унижение гордости Оттоманской Порты, столь страшной для европейских государей, преобразования Империи, законы, гражданская свобода, великолепные торжества просвещения, тонкий вкус — все это было сокровищем для гения Державина. Он был Гораций своей государыни... Державин великий живописец... Державин хвалит, укоряет и учит... Он возвышает дух нации и каждую минуту дает чувствовать благородство своего духа...» — говорит г. *Мерзляков.*

ПРИМЕЧАНИЯ К ПОЭМЕ «ВОЙНАРОВСКИЙ»

НАПИСАННЫЕ П. М. СТРОЕВЫМ И АВТОРИЗОВАННЫЕ РЫЛЕЕВЫМ

Стр. 197. В Вене... В Вене называли его графом.

Стр. 199. Юрта — жилище диких сибирских обывателей. Они бывают летние и зимние, подвижные и постоянные; бывают бревенчатые, берестяные, иногда войлочные и кожаные.

Стр. 200. Ясак — подать мехами, собираемая с сибирских народов.

Стр. 201. Варнак — преступник, публично наказанный и заклейменный.

Байкал — Святое море или озеро, справедливее — Ангарский провал лежит в Иркутской губернии, между 51° и 58° северной широты, между 121° и 127° восточной долготы, считая от острова Ферро. Непостоянные ветры, беспрерывные жестокие бури и непроницаемые туманы, особенно в ноябре и декабре месяце бывающие на сем озере, были

причиною многих бедствий. Часто во время весьма хорошей погоды ветр неожиданно и мгновенно переменяется, начинается буря, и до того спокойные и светлые воды Байкала подымаются горами, чернеют, пенятся, ревут, и все представляет ужасное и вместе величественное зрелище.

Стр. 202. Миллер. Российский историограф, Гергард-Фридрих Миллер, родился 7 октября 1705 года в Вестфалии. Первое воспитание получил он под надзором отца своего, который был ректором Герфордской гимназии. Тогда еще открывалась в юноше склонность к истории. Он любил по вечерам в семейственном кругу рассказывать братьям и сестрам слышанное того утра о Греках и Римлянах, с жадностию читал жизни великих мужей древности; и когда Петр I проезжал в 1717 году через Герфорд, двенадцатилетний Миллер ушел тайным образом босой из отцовского дома, чтобы иметь случай посмотреть на Великого. На 17-м году возраста Миллер отправился в Лейпцигский университет, где довершил свое воспитание под руководством Готшейда, в свое время ученейшего мужа в Германии.

Между тем Петр, окончив войну с Швециею, занялся исключительно водворением просвещения в своем отечестве. Зная, что прежде заведения училищ нужно было образовать учителей, он учредил Академию; и чтоб достигнуть своей цели, дал ей направление, соответственное своим видам. Все европейские заведения сего рода состоят из ученых людей, которые сочинениями своими обязаны способствовать успеху наук и искусств. С.-Петербургская Академия, сверх сей обязанности, имела другую: образование молодых Россиян, которые в свою очередь должны были сообщать приобретенные познания своим соотечественникам. Она была светилом, которого благотворные лучи должны были распространиться во все концы России. Президенту ее Блюментросту поручено было вызвать для сего из Германии ученых, и по его-то приглашению Миллер прибыл в Россию.

Петра I не стало, но намерения его исполнились: Академия открыла свои заседания 16 декабря 1725 года, и Миллер начал свое поприще в России преподаванием латинского языка, географии и истории в верхнем классе академической гимназии. Познания его, рачительность в исполнении возложенной на него обязанности и точное исполнение порученной ему секретарской должности, во время которой он издал три части «Комментариев», заслужили ему всеобщее уважение. В половине 1730 года Миллер произведен был в профессоры истории и назначен действительным членом Академии.

Скорое его возвышение поселило зависть в людях, которые хотя уступали ему в познаниях, но полагали, что имеют равные с ним права на почести. Чтоб удалиться от неприятностей, Миллер, под предлогом домашних обстоятельств, поехал в чужие краи и во время своего путешествия имел случай оказать услугу Академии, приобретши для нее нового члена, ученого ориенталиста Кера, который положил основание нынешнему Азиятскому Минц-Кабинету при Петербургской Академии Наук.

Новое важнейшее поручение ожидало Миллера по возвращении его в Россию. В это время Петербургская Академия Наук предприняла достойный ее труд. Снаряжена была экспедиция для приведения в известность земель, составляющих северную часть Азии. Профессор Делиль-де-ла-Крокер отправлен был для астрономических наблюдений; Гмелин должен был заняться описанием всего, что касалось до естественных наук, а Миллеру поручено было обратить внимание на географию, древности и историю народов, населяющих Сибирь. Путешествие сие, начатое в феврале 1733 года, продолжалось 10 лет. Не будем следовать за ученым исследователем во время его пути, наблюдать с ним вместе обычаи Черемисов и Вотяков и простые нравы Телеутов, Тунгузов и Якутов. Довольно, если скажем, что он вел подробный журнал всему пути, сам заготовлял карты оному, с точным означением местности каждой страны, составлял исторические и географические описания городов, через которые проезжал, разбирал архивы оных и тщательно выписывал все, что находил в них для русской истории, срисовывал везде древности, какие ему попадались, и, кроме того, привез кучу замечаний о нравах, языке и вере народов, которых посещал. Сие множество трудов и суровой климат Сибири расстроили его здоровье. Он не мог ехать далее Якутска, и больной возвратился в Петербург в 1743 году. Здесь к физическим болезням присоединились нравственные. В отсутствии Миллера сделан был президентом Академии Шумахер, человек познаний ограниченных, не прощавший Миллеру его достоинств. Посредственность ненавидит истинное дарование. Шумахер, с завистью смотревший на возвышение Миллера, еще более вознегодовал на него, когда сей возвратился из Сибири, предшествуемый славою, что кончил столь важное для наук поручение. Миллер за десятилетние труды свои получил вместо награды одни неприятности. Он не оспаривал у других права ползать перед сильными, не искал посторонними путями и непозволенными средствами того, чего имел право требовать, не унижал дарований своих, изменяя истине, а потому имел многих неприятелей. Тауберт, Теплов, и даже великий наш Ломоносов, ни в чем не терпевший соперников, были врагами Миллера. На полезные труды его не обращали внимания и даже, поверит ли этому потомство, диссертацию о начале русского народа, которую он напечатал на латинском и русском языках и готовился читать в публичном собрании Академии 5 сентября 1743 года, в день именин императрицы, запретили потому только, что историограф утверждал в ней, будто Рюрик вышел из Скандинавии. Несмотря на сии неприятности, Миллер, любивший науки не из личных видов и движимый любовию к общей пользе, был неусыпен в трудах своих. Казалось, что деятельность его возрастала с препятствиями, какие он встречал на каждом шагу. За работою ученый муж находил утешение от несправедливости людей, которых отзывы не доходили до его кабинета. По званию Российского Историографа, в 1747 году занимался он составлением сибирской, и разными исследованиями по части российской истории и географии, составлял

родословные таблицы российских великих князей, исправлял должность конференц-секретаря при Академии и был самым деятельным сотрудником в издании «Ежемесячных сочинений» с 1757 по 1764 год.

Со вступлением императрицы Екатерины занялась в России новая заря на горизонте наук. Заслуги Миллера были, наконец, уважены. По просьбе Ив. Ив. Бецкого, назначен он был в 1763 году директором Московского Воспитательного Дома, а в 1766 году, по представлению графа Никиты Ивановича Панина и князя Александра Михайловича Голицына, определен в начальники Московского Архива Иностранных Дел. Никто лучше Миллера не мог исполнить обязанностей, сопряженных с сим местом. Он радовался как дитя, когда получил оное, и по целым суткам проводил в сем хранилище отечественных хартий, занимаясь приготовлением материалов для российской истории и объяснением встречающихся в оной темных мест. Государыня, быв еще великою княжною, знала Миллера и во время пребывания его в Москве часто призывала его к себе для советов. Миллер был избран Академиею в 1767 году депутатом в Комиссию Законов, находившуюся в Москве, и здесь предлагал различные планы для водворения наук и распространения просвещения в России. Когда Комиссия переведена была в С.-Петербург, он получил от императрицы позволение остаться в Москве, и, кроме Архива Иностранных Дел, занялся, по приказу государыни, разбором Архивов Разрядного и Сибирского Приказа. Он работал с утра до ночи и жалел только, что ему минуло 63 года и он не будет иметь ни времени, ни силы для исполнения ожиданий монархини и соотечественников. В 1755 году Академия поручила ему написать ее историю от самого ее основания. В том году праздновали 50-тилетнее ее существование. Миллер, единственный из членов, который находился при ее основании, был свидетелем и участником в том, что в ней происходило во все время ее заседаний, и потому лучше всякого другого мог исполнить сие назначение. Окончив сию работу, он занялся попрежнему извлечениями из архивских бумаг и приготовлениями материалов для русской истории. Необъятный труд сей занимал последние годы его жизни. Иногда для поправления своего здоровья отвлекал он себя поездками в города, лежащие по близости Москвы; но и тут, чтоб употребить время с пользою, составлял историческое и географическое описание оных. Миллер скончался в 1783 году, имея 79 лет от роду.

Заслуги Миллера по нашей истории более или менее известны всякому образованному Россиянину. Излишне было бы исчислять его сочинения. Здесь прибавим только, что нравственные его качества не уступали его познаниям. Миллер знал, что человек, готовящийся к исправлению других, должен сам собою подавать пример, что в писателе добросовестная жизнь есть лучшее предисловие к его сочинениям. Избрав Россию своим отечеством, он любил ее как родной ее сын, всегда предпочитал ее пользу частным выгодам, никогда не жаловался на оказанные ему несправедливости и везде, где мог, старался быть ей полезным. Никогда не унижал он достоинства своего лестью, искательством;

никогда не старался выставлять себя: скромность, отличительная черта истинного таланта, и даже некоторая застенчивость составляли главные черты его характера. Многие особы, занимавшие после важнейшие места при дворе Екатерины, обязаны ему своим воспитанием. Он охотно помогал советами молодым людям из Россиян, или иностранным писателям, желавшим иметь сведения по части российской истории. В домашнем быту он служил образцом семейственного счастия, был лучшим супругом, лучшим отцом семейства. Он имел многих врагов, которые, завидуя его славе, старались очернить его в глазах современников; но справедливость восторжествовала: обвинения их, внушенные корыстолюбием, были опровергнуты, и Миллер в конце жизни своей имел утешение видеть, что истинное достоинство найдет всегда защитников и почитателей.

Стр. 203. Даха — шуба вверх шерстью, из шкуры дикой козы.

— *Чебак* — большая теплая шапка с ушами.

Стр. 204. Заимка — вне города место, занятое под частный дом, или крестьянский двор с огородом и с другими принадлежностями; словом, русская дача или малороссийский хутор.

— *Пальма.* Так называются в Сибири длинные, широкие и толстые ножи, укрепленные наиболее в березовых, для крепости прокопченных, ратовищах, обшитых снаружи кожею. С ними Якуты, Юкагиры и другие северные народы ходят на лосей, медведей, волков и проч.

— *Жирник* — ночник с каким-нибудь маслом или жиром, засвечаемый на ночь.

Стр. 208. Палеем... — Хвостовский (Хвостов — местечко в Киевской губернии, Васильковского уезда) полковник С и м е о н П а л е й, отважный предводитель заднепровских наездников, родился в Борзне и стал славен подвигами около 1690 года. Под рукою гетмана своего С а м у с я, он, как владетельный князь, брал дань с земель по Днестр и Случ, запирал Россию и Польшу от татар, нередко вторгался в орды Буджацкую и Белгородскую, и захватил однажды в плен самого султана. Получал от первых награды, брал от других добычи и выкупы. Очаков не раз видал его истребительный пламень вокруг стен своих. Восстав на Поляков за их неправды, он попал в плен, но вырвался из крепкой тюрьмы Магдебургской и сторицею заплатил им за свою неволю, разбив Поляков под Хвостовым, под Бердичевым и покорившись России. В 1694 году, с Мокиевским, набежав на Турок под Очаковым, не вкладывая сабли в ножны, с Черниговским полковником Лизогубом вторгся в орду Буджацкую. Добыча и победа увенчали оба предприятия. Удалые промыслы его над Поляками перемежались только тогда, когда он громил Татар. Он брал и палил польские города и, опустошив край Волыни, овладел Трояновкою. Между тем коварный Мазепа, завистливый к славе, жадный к богатству, недоверчивый к силе Самуся и Палея, своих соперников, старался очернить их в глазах Петра Великого. С наветами представил и доказательства: жалобы Августа, письма Потоцкого и Яблоновского, ко-

торые писали, что «Палей вьет себе разбойничьи гнезды в крепостях Речи Посполитой и кормится хлебом, которого не сеял». Мазепа тайно действовал против Самуся и Палея, а они явно воевали Польшу. Первый занял Богуслав, Корсунь, Бердичев; второй взял Немиров и Белую Церковь; перерезали там шляхтичей и жидов, и всех окружных крестьян подняли на Поляков, обещая им права и вечную свободу. Мазепа жаловался на ослушание, Август просил удовлетворения. Петр повелевал оставить в покое своего союзника; но ожесточенные полководцы делали свое, ничему не внимая. Наконец решился Мазепа известь Палея, как бы то ни было. Окруженный всем своим войском, выступившим тогда на помощь Августу против Шведов, сильный собственною властию и милостию царскою, он не смел однакож захватить Палея силою: позвал к себе в гости в Бердичев и за дружескою чашею заковал доверчивого героя в цепи, как это видно из следующих стихов одной песни:

«Ой пье Палий, ой пье Семен да головоньку клонит,
А Мазепин чура Палию Семену кайданы готовит».

(Чура — слуга).

Вслед за сим он отослал его в Батурин, извещая Головина, что Палей оказался явным изменником государю и передался Карлу XII, в надежде через посредство Любомирских получить гетманство в Малороссии. В следующем году он был отправлен в Москву, а оттоле, по указу государеву, сослан в Енисейск, где целые пять лет томился вдалеке от родины и родных, снедаем тоскою бездействия и неволи. Измена Мазепы открыла глаза Петру — и он посреди забот военных вспомнил об оклеветанном Палее и возвратил ему имущество, чин и свободу. Но как земная власть могла возвратить ему здоровье! Однакож последние дни Палеевой жизни были отрадны для сердца старого воина. Он приехал к войску в день полтавской битвы, сел на коня и, поддерживаемый двумя козаками, явился перед своими. Радостные клики огласили воздух — вид Палея воспламенил всех мужеством. Старик ввел козаков в дело, и хотя сабля его не могла уже разить врагов, но еще однажды указала путь к победе. Весело было умирать после полтавского сражения! — Недолго пережил его и Палей от язв, трудов, лет, несчастий и славы.

В характере сего бесстрашного вождя Украинцев видны все черты дикого рыцарства. Открыт в дружбе и жесток в мести, деятелен и сметлив в войне, которая стала его стихиею, он не менее был искусен и в распорядке дел гетманских, которые велись его головою; ибо Самусь, лишась его, сложил булаву правления. Когда имя Палеево сторожило границу Заднеприя, Татары не нарушали ее покоя и Поляки не смели там умничать. Попеременно вождь и подчиненный, он умел повиноваться своеизбранной власти и строго хранил ему врученную; был любим как брат своими товарищами и как отец — своими козаками. Когда Мазепа захватил его, то насилу мог взять Белую Церковь, и то изменою мещан. «Умрем тут все, — говорили козаки Палеевы, — а не подда-

димся, коли нет здесь нашего батьки». Враг Татар за их грабежи, враг Поляков за их утеснения — он в обоих случаях был полезен России, хотя не вполне исполнял ее требования, как воспитанник необузданной свободы. Сын сего неустрашимого воина, по неотступной просьбе старшин Белоцерковского полка, заступил его место.

Стр. 208. Ватага — малороссийское слово, имеет следующие значения: толпа, шайка, стадо, стая, ватага разбишак, шайка разбойников (Котляревский).

— *Гайдамак* — иногда удалец, иногда разбойник. Слово сие, как видно из его корня, взято с татарского языка, и в собственном смысле значит *бродяга* или беглец; по сему гайдамаки в Малороссии значат то же, что *ускоки* у Славян иллирийских.

— *Толокно* — мука из пересушенного овса. Известно, что в дальних своих походах, как ныне в *чумакованье*, то есть поездках за рыбой и солью, Малороссияне запасались всегда небольшим количеством толокна или гречневых круп для кашицы, которую называют они *кулиш*. Умеренность есть одна из похвальных добродетелей сих простодушных сынов природы. Идучи обозом, они останавливаются в поле, разводят огонь и всем *кошем*, т. е. артелью, садятся за кашицу, которую варит для них так называемый *кашевар*. Кто едет в осеннюю ночь по степным полям Полтавской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерний, тому часто случается видеть несколько таких огней, мелькающих как звездочки в разных расстояниях на гладкой, необозримой равнине.

Стр. 209. Хутор — небольшая деревушка, часто один дом, стоящий среди поля или в лесу, в стороне от жилых мест. Обыкновенно почти таковые хутора строятся при яругах, лесистых оврагах, или под прикрытием *чапыжника* (дробнолеска).

— *Курень* — хижина или землянка, в каковых и поныне еще живут многие черноморские козаки. Несколько таковых куреней состоят под ведением *куренного*, или старшины, назначаемого от начальства.

— *Курганы* — высокие земляные насыпи, видимые и ныне во многих местах Малороссии и Украины. Курганы сии служили иногда общими могилами на местах столь частых сшибок, бывших у Малороссиян с всегдашними их врагами — Татарами, и во время отторжения их от Польши — с Поляками. В таковых курганах и поныне при разрытии оных находят кости и волосы человеческие, недотлевшие лоскутки одежд, отломки орудий, старинные монеты, стклянницы и т. п. Иногда же целый ряд таковых курганов, идущий на далекое пространство по одному направлению, подобно цепи гор, служил как бы ведетами, или подзорными возвышениями для наблюдения за неприятелем. Таковых курганов много можно видеть по древним границам Малороссии и Украины с ордою Крымскою, особливо в губерниях: Слободско-Украинской и Полтавской.

Стр. 220. «Страдал увенчанный беглец»... — Карл XII.

ПРОЗА, КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ, ЗАПИСКИ

87. ЕЩЕ О ХРАБРОМ М. Г. БЕДРАГЕ

После десятимесячного отсутствия возвратившись в здешнюю столицу и прочитывая периодические издания, в продолжение того времени вышедшие, с великим удовольствием нашел я во второй книжке «Отечественных записок» следующую статью:

«Поправка сочинителем «Партизанского дневника» ошибки, найденной им в выписке, помещенной в первой книжке «Отечественных записок».

«...Я никогда не командовал первым эскадроном, а командовал первым батальоном Ахтырского гусарского полка: тогда гусарские полки состояли в десяти эскадронах и разделялись на два батальона; первым же эскадроном командовал ротмистр (что ныне л.-г. конно-егерского полка полковник) Михаил Григорьевич Бедрага, высокой храбрости и дарований офицер, изувеченный на священной Бородинской битве. Пользуясь вкравшейся *опечаткой*, я рад, что имею случай изъявить чувства мои товарищу, столько же достойному уважения на поле брани, как и в мирном уединении», и проч.

Денис Давыдов

Таким образом славный партизан наш, смею сказать, равно оригинальный и на войне, и в стихотворениях своих, отдал перед публикою должную справедливость храброму и отличному товарищу, подававшему о себе великую надежду всем тем, которые знали его... Да позволено будет и мне сказать о нем несколько слов и тем принести ему должную благодарность от лица прежнего моего началь-

ника, известного в артиллерии своею ревностию и усердием к службе, полковника П. А. Сухозанета, а равно и от любезных моих товарищей: капитана Н. А. Костомарова, командовавшего в корпусе графа Витгенштейна, в конце 1812 года, особенным летучим отрядом, поручика барона Унгерн-Штернберга, столь славно отличившегося при Гальберштате в отряде храброго Чернышева и от прочих — за те ласки и приятные беседы, коими пользовались мы в доме господ Бедраг в продолжение двухлетнего пребывания нашего с конно-артиллерийскою ротою № 12 в селе Белогорье, что в Воронежской губернии.

М. Г. Бедрага служил в Ахтырском гусарском полку почти с самого малолетства, вместе с младшими братьями своими Николаем и Сергеем Григорьевичами. И во время мира и во время войны все они почитались за отличнейших офицеров, что может засвидетельствовать Ахтырский полк и прежний начальник оного, командующий ныне гвардейским корпусом генерал-лейтенант Л. В. Васильчиков. М. Г. Бедрага в чине поручика до роковой раны своей командовал лейб-эскадроном и довел его до такой степени совершенства, что многие господа генералы и штаб-офицеры, привлекаемые молвою, из-за нескольких сот верст приезжали смотреть оный. Будучи самых высоких понятий и чести и благороден чувствами и поступками, он умел вдохнуть и в нижних чинов дух свой и любовь к чести. Если кто-нибудь из них изобличен бывал в каком либо постыдном деле, то весь эскадрон, как бы стыдясь иметь такого товарища, чуждался его. Всегда постоянно строгий к себе, он строг был и к подчиненным; но как строгость его никогда не выходила за пределы благоразумия и не обращалась в жестокость, то он не только не заставлял роптать их, но, напротив, вселял к себе глубочайшее почтение и почти детскую привязанность; так что когда он был ранен, эскадрон, как бы приведенный в ужас, замешался, и в продолжение нескольких дней, по уверению некоторых офицеров Ахтырского полка, находился в приметном унынии.

Эскадрон его, не только на кантонир-квартирах, но даже и в быстрых переходах во время отечественной войны *щеголял* чистотою и исправностью. Во время ужасов сражения гусары его, как будто на ученьи, хранили глубокое молчание, строились в примерном порядке, под картечами стояли неподвижно и, как бы *прикованные*, взоры свои не сводили с начальника, на лице коего блистало хладнокровие и грозная храбрость. В Бородинской битве, сраженный пулею близь самого виска, он упал... Несколько гусаров подскочили к нему, дабы подать помощь. От чрезмерной боли быв не в состоянии ни слова сказать, но и в сие роковое мгновение думая единственно о пользе любезного отечества, он отверг услуги их, указывая на неприятеля.

Сия-то жестокая язва, лишив его возможности продолжать службу, для коей он, можно сказать, родился, лишила отечество одного из отличнейших сынов его, армию — храброго и искусного воина, офицеров — редкого умом и способностями товарища, подчиненных — примерного начальника.

Теперь живет он Воронежской губернии в селе Белогорье, в совершенном уединении. Там-то имел я счастливый случай познакомиться с ним и приобресть лестное для меня дружество.

Вот вам, почтеннейший Павел Петрович, некоторые черты храброго воина. Если письма подобного содержания имеют место в «Отечественных записках», то вы одолжите помещением в них сего.

Кондратий Рылеев

С.-Петербург. Ноября 20 дня 1820

88. ОБ ОСТРОГОЖСКЕ

Острогожск, ныне уездный город Воронежской губернии, некогда был главным городом Острогожского слободского полка. Он построен в 1652 году и первоначально населен по указу царя Алексея Михайловича заднепровскими козаками, в числе 1000 человек, пришедшими

с полковником своим Дзеньковским. За верные службы свои противу Ногайцев и Крымцев (от коих впоследствии почти целый век оберегали они границы России), а более еще за оказанные услуги против Виговского и Брюховецкого, получили они от царя похвальные грамоты, право свободного винокурения и некоторые другие привилегии. Сии выгоды и благословенный климат привлекли на обширные земли их множество выходцев. Упомянутые грамоты и права впоследствии были подтверждены почти всеми монархами России, в том числе Петром, Екатериною и благословенным внуком ее. Обитатели края благоденствовали. Года за три перед сим благосостояние страны сей стало приходить в упадок. Неурожай и невозможность с прежнею дешевизною содержать рогатый скот нанесли первый удар цветущему состоянию тамошних жителей. Торговля год от году становится маловажнее. Желательно, чтобы попечительное правительство вникнуло и в другие причины теперешних несчастных обстоятельств края. Я, со своей стороны, смею сказать, что свобода винокурения, которою прежде равно пользовались и богатые и бедные всех сословий, хотя существует и ныне для всех, но по некоторым обстоятельствам перешла в руки одних капиталистов, отчего для многочисленнейшей части дворянства и войсковых жителей или так называемых Черкесов почти единственный источник их благосостояния иссякнул совершенно. Могу ошибаться, но ошибаюсь как гражданин, радеющий о благе отечества.

Не за излишнее считаю сказать, что на землях острогожских не видали крепостных крестьян до конца прошедшего столетия. Полковые земли, доставшиеся впоследствии разным чиновникам Острогожского полка, были обрабатываемы вольными людьми или козаками. Некоторые частные беспорядки от свободного перехода сих людей, побеги на Дон и некоторые другие причины были поводом к разным прошениям Екатерине Великой и императору Павлу, вследствие которых и состоялся указ декабря 12 дня 1796 года. Но прикрепленные к земле малороссияне

по сие время называют себя только подданными, как бы в отличие от крепостных, коих они зовут и дразнят *крепаками*.

1821

89. ПРОВИНЦИАЛ В ПЕТЕРБУРГЕ

1

Первый выезд. Магазины

Приехав с женою в Петербург, которого ни я, ни она родясь еще не видали, захотелось нам побывать в нем *везде* и посмотреть *на все*. В следствие сего намерения, на другой же день нашего приезда предположили мы начать осмотр свой с храма Казанския богоматери: «в котором-де кстати, — примолвила жена моя, — и отслужим по долгу добрых христиан, благодарственный молебен за благополучное совершение нашего пути, а оттуда, душенька, заедем в магазин мадам А...» На первое предложение, как на богоугодное, я согласился с удовольствием, но при втором, признаюсь чистосердечно, от страху я невольно затрепетал, лоб мой покрылся морщинами и брови нахмурились... Жена моя хотя и не читывала Лафатера, но в четыре года замужества так успела всмотреться во все черты лица моего, что по малейшему движению умеет узнавать сокровеннейшие мысли мои. Приметив, вероятно, что я готовлюсь противуречить ей, она подскочила ко мне и так нежно, так сладко поцеловала, что все мои морщины, подобно тучам от дуновения ветра, исчезли, и я приказал Трифону (который, если не хвастает, знает Петербург *и вдоль, и поперек*) надеть свою ливрею и с запяток указывать кучеру дорогу.

Едва проехали мы несколько сажен по Невскому проспекту, как жена моя вскричала: «Ах, друг мой! посмотри какая бесподобная шляпка! Заедем пожалуйста!» — Что́ ты! В уме ли? Разве позабыла, что мы не отслужили еще молебна! «Друг мой! ангел! утешь же меня! Ну, сам посмотри: что за шляпка на мне! Как я буду стоять в Казанской! Я сгорю со стыда!» Она проговорила это с таким

жаром и так громко, что и проезжающие и проходящие оглянулись на нас. Боясь, дабы жена моя не заговорила еще громче, я поскорей приказал поворотить сани и привез ее в магазин.

— Что вам угодно? — спросила нас Француженка, не приподнявшись даже со стула своего. *Она, верно, встретила нас по платью...*

— Вот ету шляпку, — сказал я, указывая на ту, которая соблазнила жену мою.

— Подай! — сказала Француженка одной из сидевших за рукодельем девиц.

Шляпок было множество и одна другой лучше! Прежняя не обращала уже на себя внимания. Ее поставили на свое место — и начался перебор, который продолжался около часа. Сама мадам подошла на помощь — и, наконец, шляпка выбрана. Только я приготовился отсчитать сто двадцать рублей, как был остановлен сими словами:

— Постой, друг мой! я еще хочу взять этот эшарп.

— Не угодно ли, сударыня, — спросила мадам с чрезвычайной вежливостию, — взять еще чего-нибудь? У меня теперь очень много новостей из Парижа.

— Из Парижа? Ах, покажите, пожалуйста!

И услужливая торговка начала выдвигать ящики и выдвигать шкафы. Не более как в две минуты столы были завалены: материи разных сортов, платки, платочки, блонды, кружева лежали в самом соблазнительном беспорядке!

Между тем как на лице жены моей, у которой, как говорится, *разбежались глаза*, было написано удовольствие и радость, сердце мое билось так сильно, так сильно... как стенные часы! Мне весьма было досадно и на жену мою, и на модную торговку. Я предчувствовал, что от прихотей первой и от услужливости другой бумажник мой может истощиться. Рассудок беспрестанно твердил мне: пора для собственного благополучия сделать формальную ретираду; но природная моя застенчивость и боязнь услышать от вежливой и услужливой мадам А. какое-нибудь неприятное приветствие не позволили мне

Счет за «проданных людей» на странице чернового автографа «Провинциала в Петербурге».

воспользоваться добрым советом его. Я безмолвствовал, торговка без умолку лепетала, девушки как угорелые бегали по магазину с модною дрянью, а жена моя с жадностью пересматривала все. Наконец, выбрав себе материи и на капот, и на платья — с длинными и короткими рукавами, два эшарпа, из коих один *тру-тру*, блонд и несколько платочков, жена моя попросила все уложить в кордон. Я заплатил пятьсот семьдесят пять рублей, и мы отправились далее. Мадам А. проводила нас до самых дверей, отворила их и наговорила столько вежливостей, что и самым мелким письмом не упишешь и половины из оных на целом листе. *Она, верно, проводила нас по покупке.*

Только спустились мы с Полицейского моста, как взглянув налево, жена моя опять вскричала: «Ах, друг мой! что мы сделали?.. Стой, Федот!» Кучер остановился. Я перепугался и подумал, не позабыла ли она чего в магазине, или не оставил ли я в нем бумажника своего, в котором было еще четыреста двадцать пять рублей, кроме пятнадцати рублей, особенно отложенных для молебна; я осмотрелся и удостоверился, что последней беды еще не случилось.

— Что ж сделали мы, и куда ты ведешь меня? — спросил я у жены, которая, взяв меня за руку, почти тащила на лестницу.

— Ужасную глупость! — отвечала она.

— Какую же?

— Ту, что купили шляпку не в етом магазине. Я видела в окошко одну такую, какой родясь еще не видывала.

— Сумасшедшая!.. — вскричал я. Но двери были уже отперты, и мы вошли. Жена моя и здесь принялась пересматривать и перебирать модные вещи, *только что привезенные из Парижа*. Мадам Б. услуживала еще ловче, нежели мадам А., и особенно умела прельстить одною шляпкою и модными часами с золотою цепочкою. Я было решился вооружиться всем моим хладнокровием, не слушать никаких просьб и убеждений и тем сохранить бумажник свой от конечного разорения, почему, приняв

решительный вид, сказал твердым голосом: «Теперь у меня нет денег. Заедем *завтра*!» Но жена моя так нежно взглянула на меня, как еще ни разу не взглядывала, — даже и в самый день свадьбы нашей. Я растаял и спросил:

— Что стоют часы сии и шляпка?

— *Ровно* пятьсот рублей.

— Не дорого ли?

— Помилуйте! Мы лишнего никогда не просим: это весь город знает. *Мы никого не грабим.*

При сих словах мадам сделала такой суровой вид, как будто бы я обидел ее ужаснейшим образом. «Что делать? потешу жену и удовлетворю мадам», подумал я и, вынув бумажник, отдал последние из оного четыреста сорок рублей, включая в то число и пятнадцать, взятых на молебен. Потом вынул я и кошелек, в котором как будто нарочно было золота и серебра ровно на шестьдесят рублей. Расплатившись таким образом и простясь с удовлетворенною Француженкою, сели мы в сани.

— Куда же мы теперь поедем? — спросил я у жены.

— Как куда, друг мой! А к Казанской... ты разве позабыл?

— Да зачем? Ведь мы хотели молебен отслужить, а у меня, по милости твоей, не осталось теперь ни копейки! Что делать? Поворачивай, Федот! Поедем домой.

Таким образом возвратились мы к себе в дом, не только не отслужив молебна, но даже не видев Казанского собора. Теперь я вот уже трое суток безвыходно сижу дома. Боюсь выдти. Что мне делать, сам не знаю!.. Первый выезд стоил мне тысячи семидесяти пяти рублей. Что, если и второй, и третий столько же будут стоить? Ехать вместе с женою — беда! Одну ее отпустить — и того опаснее! Сам выехать — боюсь; ибо, судя по неотступным просьбам жены, чтобы опять ехать в *Казанской собор*, я подозреваю, что она снова умышляет навестить или мадам А., или мадам Б., или незнакомую еще мадам В., которую особенно рекомендовала жене моей двоюродная сестрица.

2

Древние и новые

— Что тут удивительного, сестрица? Люди всегда и везде люди! — говорил наш уездный судья.

Не знаю откуда занял он сие короткое изречение, но верно уж не из судейской своей Архивы, ибо я уверен, что подобных справедливых сентенций ни он, ни предшественник его не делывали от самого учреждения Уездных Судов.

— *Люди всегда и везде люди*!.. Как это прекрасно сказано! Сие изречение, конечно, принадлежит какому-нибудь *древнему* мудрецу, который знал свет, как Трифон Петербург — *и вдоль и поперек*. Готов биться об заклад, что *новые* не скажут так коротко и вместе так ясно.

— Как же бы они сказали? — спросила меня двоюродная сестрица, которая не терпит ничего *старого*.

— Они верно бы сказали: «*Люди* и во времена патриархов, и во времена фараонов, и в золотой век Греции, и в славные дни Рима, т. е. *всегда*, и на востоке, и на западе, и на севере, и на юге, т. е. *везде*, были, как и в наше время, — злы, лицемерны, низки, подлы, льстивы, глупы, жестоки, коварны, любопытны, неверны, слабы, несправедливы...»

Но, сударыня, если я стану продолжать, то, верно, и в целый час не кончу, ибо *новые* так плодовиты, так болтливы, что каждую мысль, которую б *древние* выразили в нескольких словах, распространят, разукрасят, распестрят с таким усердием, что едва оная уместится и на двух страницах. Да и я не понимаю, сестрица, как может тебе нравиться долгий период? Он может утомить, замучить.

— Да что ж проку и в слишком коротких? Ах! сестрица, в краткости, мнѐ кажется, и заключается главное достоинство...

— Воля ваша, — сказала сестрица, — думать как вам угодно, а мне *новые* нравятся гораздо более, нежели *древние*.

Кто переспорит женщину, а особливо такую, как моя сестрица? Что однажды возьмет она себе в голову, того уж

ничем не вытеснишь из нее. Так, например, она утверждает и твердо стоит на том, что «Липецкие воды» несравненно превосходнее «Недоросля». Сколько я ни опровергал сие странное мнение, но никак не мог оспорить оного. Я говорил, что характеры в «Липецких водах» не выдержаны; она, напротив, уверяла, что они и выдержаны, и списаны еще с натуры, и именно главное лицо и есть настоящий портрет княгини N., с которою сестрица не ладит. «Когда суждением управляет ненависть или пристрастие, можно ли тогда ожидать справедливости», подумал я, и — замолчал.

Может быть, некоторые читатели полюбопытствуют узнать, к чему сказал я сестрице: *люди всегда и везде люди*.

Вот в чем дело.

Сестрица, которой новости обеих столиц и даже из нашей степной губернии сообщаются посредством ее корреспондентов и корреспонденщиц с непостижимою скоростию, приехала *удивитъ* меня и жену мою вестью, полученною ею из нашего уездного городка.

— Знаете ли вы госпожу Зефирину?

— Боже мой, как не знать! — вскричала жена моя: — она первая красавица в нашем уезде, и хотя, по бедности родителей своих, не имела за собой ничего, но по счастию вышла за одного хотя и *старого*, но богатого и доброго человека, который женитьбою своею составил не только для нее, но и для всех родственников ее счастие, помогая им в нуждах и воспитывая детей их на свой счет.

— Ну, так поздравьте же благодетельного помещика: Зефирина бросила *старика* и бежала с одним *молодым* драгунским офицером.

— Какая ужасная неблагодарность! — вскричала жена моя, и на лице ее изобразилось негодование.

— Вот, братец, какие казусы случаются ныне и у вас в степи!

— Что ж тут удивительного, сестрица? — сказал я: — *люди всегда и везде люди*!

1821

90. ЧУДАК

Угрюмов был странный человек: он ненавидел женщин и, не веря добродетели их, везде поносил прекрасных. За два года пред сим писал он другу своему:

«Представь себе: батюшка было вздумал меня женить и, не сказав мне ни слова, повез к Добронравову. На половине дороги признался он, что едет сватать за меня Лизу, старшую дочь сего старого своего друга, сослуживца и соседа. — Но разве не знаете вы, что сын ваш никогда не намерен жениться? — сказал я ему. — Почему? — спросил он сурово. — Потому что я ненавижу женщин. — Такой вздор и слушать я не хочу. Ты должен непременно жениться, и жениться на Лизе, если не имеешь в виду другой девицы. — Но, батюшка, мне ни Лиза, ни кто не нравится: вы сделаете нас несчастными. — И ето вздор! Женись; я тебе приказываю. — Так решительно батюшка никогда еще не говорил мне; я заключил, что он решил женить меня во что бы то ни стало! Между тем мы подъехали к дому Добронравовых. Входим и застаем все семейство в гостиной. Лиза имеет вид весьма привлекательной. Что, подумал я, если бы и душевные ее качества соответствовали наружным. Я бы мог быть счастливым... Но мечта, мечта! И я, зная, что батюшка никогда не любит шутить, решился открыться ей самой, что я не могу быть ее супругом. Избрав удобный случай, когда старики удалились, я без дальних околичностей объяснился с нею. Она дала слово — отказать мне и исполнила оное. Теперь, слава богу, я спокоен. Батюшка не тревожит меня, и я восхищаюсь, что таким образом избавился от ужасного несчастия — *быть женатым*».

Шутливый друг отвечал чудаку в следующих выражениях:

«С боязнию за тебя читал я последнее письмо твое; оно дышит ненавистью к нежному полу... Или ты забыл, какая участь постигла смельчака Тирезия, дерзнувшего только отдать преимущество мужскому полу пред жен-

ским (что он один только и был в состоянии справедливо сделать, быв и мужчиною, и женщиною). Юнона, мстя ему за сие и, вероятно, с тем, дабы он впредь не видел недостатков пола ее, бесчеловечно лишила его зрения, которого, конечно, не променял бы он на дар пророчества, коим за оказанную справедливость наделил его царь богов и человеков. Ревнуя ко благу друзей моих, поставляю себе за священную обязанность предостречь тебя, дабы ты, говоря впредь о милом поле, был несколько поосторожнее, если только не желаешь на самом себе испытать несчастия Тирезия, тем вернее, что Юноны нашего времени ничуть не снисходительнее и не хуже Юноны лет древних. Красота многих из них ослепительна, и если ты не наделен от Гермеса, подобно Улиссу, чудесною травкою моли, предохраняющею от очарования красоты, то будь уверен, что никакие средства не спасут тебя от сетей какой-нибудь красавицы, следовательно и от ослепления; даже непобедимое хладнокровие того философа, над которым славная Лаиса, тщетно истощив все средства обольстительного искусства хитрых гетер, сказала наконец, что она взялась прельщать *человека*, а не *статую*.

«Так, любезный друг, я боюсь за тебя. Нежный пол, тобою оскорбленный, будет отомщен».

И представьте: боязнь шутливого друга была справедлива! По прошествии года Лиза вышла за Ариста, друга Угрюмова. Посещая их, чудак неприметно влюбился в прежнюю свою невесту и на опыте дознал, что и женщины могут быть добродетельными, ибо Лиза, несмотря на то, что сама пламенно полюбила Угрюмова, осталась верною супругою Ариста, за которого отдана была против желания.

1821

91. [НЕКРОЛОГ Д. Г. ВЫСОЧИНУ]

На сих днях скончался здесь скоропостижно Председатель С[анкт] Петербургской Палаты Гражданского Суда 2-го Департамента Коллежский Советник и Кавалер Дмитрий Гаврилович *Высочин*. С 1794-го года беспрерывно

Титульный лист альманаха «Полярная Звезда», издававшегося К. Ф. Рылеевым и А. А. Бестужевым в 1823—1825 годах.

занимая различные должности в Губерниях, возвращенных и вновь присоединенных от Польши, был он Прокурором в Подольске, а потом в Вильно; в последствии, по Высочайшему повелению, назначен председателем 1-го Департамента Белостокского Главного Суда и наконец переведен председателем же С[анкт] Петербургской Палаты Гражданского Суда во 2-й Департамент. Сей почтенный гражданин, в течение сорокапятилетней службы своей, всегда отмечался справедливостью, усердием и примерным бескорыстием: по смерти его осталось многочисленное семейство в совершенной бедности.

Попечительное Начальство, входя в положение сирот, приняло меры, дабы бренные остатки сего отличного Чиновника преданы были земле приличным образом и чтобы престарелая мать его и пятеро детей не остались без должного призрения.

К. Рылеев

1823

92. ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБ ИЗДАНИИ «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ» НА 1825 ГОД

«Полярная Звезда», которой издание замедлилось некоторыми обстоятельствами, появится не к 1-му января 1825 года, но к святой неделе. Если она была благосклонно принята публикою, как книга, а не как игрушка, то издатели надеются, что перемена срока выхода ее в свет не переменит о ней общего мнения. В этом случае успех «Полярной Звезды» будет гораздо лестнее прежних, по совместничеству ее с новыми альманахами, ибо ее пример возбудил на сем поприще не только соревнование литераторов, но и деятельность книгопродавцев. * Издатели долгом постав-

* «Русская Талия», изданная г. Булгариным, заключает в себе одни драматические произведения, не входившие в состав «Полярной Звезды». «Русская Старина» г. Корниловича посвящена одной истории — и так «Северные Цветы», издание г. книгопродавца Сленина, вступает в непосредственное соперничество с «Полярною Звездою». Предоставляя сему альманаху благоприятное время выхода в свет, желаем ему еще благоприятнейшего успеха. [*Примечание Рылеева и Бестужева*]

ляют уведомить, что «Полярная Звезда» издается в прошлогоднем формате, с картинками, и что все писатели, украсившие два прежние тома, не отказались участвовать и в третьем. Доныне все идет успешно, а время и вкус публики решат ее будущую участь.

Просим покорно всех благосклонных журналистов перепечатать слово в слово сие известие в своих журналах, за что будем чувствительно благодарны.

Издатели «Полярной Звезды»:

Александр Бестужев
Кондратий Рылеев

15 декабря 1824

93. НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ О ПОЭЗИИ

(Отрывок из письма к N. N.)

Спор о романтической и классической поэзиях давно уже занимает всю просвещенную Европу, а недавно начался и у нас. Жар, с которым спор сей продолжается, не только от времени не простывает, но еще более и более увеличивается. Не смотря, однакож, на это, ни романтики, ни классики не могут похвалиться победою. Причины сему, мне кажется, те, что обе стороны спорят, как обыкновенно случается, более о словах, нежели о существе предмета, придают слишком много важности формам, и что на самом деле нет ни классической, ни романтической поэзии, а была, есть и будет одна истинная самобытная поэзия, которой правила всегда были и будут одни и те же.

Приступим к делу.

В средние веки, когда заря просвещения уже начала заниматься в Европе, некоторые ученые люди избранных ими авторов для чтения в классах и образца ученикам назвали классическими, т. е. образцовыми. Таким образом Гомер, Софокл, Виргилий, Гораций и другие древние поэты наименованы поэтами классическими. Учители и ученики от души верили, что только слепо подра-

жая древним и в формах и в духе поэзии их, можно достигнуть до той высоты, до которой они достигли, и сие-то несчастное предубеждение, сделавшееся общим, было причиною ничтожности произведений бóльшей части новейших поэтов. Образцовые творения древних, долженствовавшие служить только поощрением для поэтов нашего времени, заменяли у них самые идеалы поэзии. Подражатели никогда не могли сравниться с образцами и, кроме того, они сами лишали себя сил своих и оригинальности, а если и производили что-либо превосходное, то, так сказать, случайно и всегда почти только тогда, когда предметы творений их взяты были из древней истории и преимущественно из греческой, ибо тут подражание древнему заменяло изучение духа времени, просвещения века, гражданственности и местности страны того события, которое поэт желал представить в своем сочинении. Вот почему «Меропа», «Эсфирь», «Митридат» и некоторые другие творения Расина, Корнеля и Вольтера — превосходны. Вот почему все творения сих же или других писателей, предметы творений которых почерпнуты из новейшей истории, а вылиты в формы древней драмы, почти всегда далеки совершенства.

Наименование классиками без различия многих древних поэтов неодинакового достоинства принесло ощутительный вред новейшей поэзии и поныне служит одной из главнейших причин сбивчивости понятий наших о поэзии вообще, о поэтах в особенности. Мы часто ставим на одну доску поэта оригинального с подражателем: Гомера с Виргилием, Эсхила с Вольтером. Опутав себя веригами чужих мнений и обескрилив подражанием гения поэзии, мы влеклись к той цели, которую указывала нам ферула Аристотеля и бездарных его последователей. Одна только необычайная сила гения изредка прокладывала себе новый путь и, облетая цель, указанную педантами, рвалась к собственному идеалу. Когда же явилось несколько таких поэтов, которые, следуя внушению своего гения, не подражая ни духу, ни формам древней поэзии, подарили

Европу своими оригинальными произведениями, тогда потребовалось классическую поэзию отличить от новейшей, и немцы назвали сию последнюю поэзию романтическою, вместо того, чтобы назвать просто новою поэзиею. Дант, Тасс, Шекспир, Ариост, Кальдерон, Шиллер, Гёте — наименованы романтиками. К сему прибавить должно, что самое название романтический взято из того наречия, на котором явились первые оригинальные произведения трубадуров. Сии певцы не подражали и не могли подражать древним, ибо тогда уже от смешения с разными варварскими языками язык греческий был искажен, латинский разветвился, и литература обоих сделалась мертвою для народов Европы. Таким образом поэзиею романтическою назвали поэзию оригинальную, самобытную, а в этом смысле Гомер, Эсхил, Пиндар, словом, все лучшие греческие поэты-романтики, равно как и превосходнейшие произведения новейших поэтов, написанные по правилам древних, но предметы коих взяты не из древней истории, суть произведения романтические, хотя ни тех, ни других и не признают таковыми. Из всего вышесказанного не выходит ли, что ни романтической, ни классической поэзии не существует? Истинная поэзия в существе своем всегда была одна и та же, равно как и правила оной. Она различается только по существу и формам, которые в разных веках приданы ей духом времени, степенью просвещения и местностию той страны, где она появлялась. Вообще можно разделить поэзию на древнюю и новую. Это будет основательнее. Наша поэзия более содержательная, нежели вещественная: вот почему у нас более мыслей, у древних более картин; у нас более общего, у них частностей. Новая поэзия имеет еще свои подразделения, смотря по понятиям и духу веков, в коих появлялись ее гении. Таковы «Divina Comedia» Данта, чародейство в поэме Тасса, Мильтон, Клопшток с своими высокими религиозными понятиями и наконец в наше время поэмы и трагедии Шиллера, Гёте и особенно Байрона, в коих живописуются страсти людей, их сокровенные побуждения,

вечная борьба страстей с тайным стремлением к чему-то высокому, к чему-то бесконечному.

Я сказал выше, что формам поэзии вообще придают слишком много важности. Это также важная причина сбивчивости понятий нашего времени о поэзии вообще. Те, которые почитают себя классиками, требуют слепого подражания древним и утверждают, что всякое отступление от форм их есть непростительная ошибка. Например, три единства в сочинении драматическом у них есть непременный закон, нарушение коего ничем не может быть оправдано. Романтики, напротив, отвергая сие условие, как стесняющее свободу гения, полагают достаточным для драмы единство цели. Романтики в этом случае имеют некоторое основание. Формы древней драмы, точно как формы древних республик, нам не в пору. Для Афин, для Спарты и других республик древнего мира чистое народоправление было удобно, ибо в оном все граждане без изъятия могли участвовать. И сия форма правления их не нарочно была выдумана, не насильно введена, а проистекла из природы вещей, была необходимостью того положения, в каком находились тогда гражданские общества. Точно таким же образом три единства греческой драмы в тех творениях, где оные встречаются, не изобретены нарочно древними поэтами, а были естественным последствием существа предметов их творений. Все почти деяния происходили тогда в одном городе или в одном месте; это самое определяло и быстроту, и единство действия. Многолюдность и неизмеримость государств новых, степень просвещения народов, дух времени, словом, все физические и нравственные обстоятельства нового мира определяют и в политике, и в поэзии поприще более обширное. В драме три единства уже не должны и не могут быть для нас непременным законом, ибо театром деяний наших служит не один город, а все государство, и по бо́льшей части так, что в одном месте бывает начало деяния, в другом продолжение, а в третьем видят конец его. Я не хочу этим сказать, что мы вовсе должны изгнать

три единства из драм своих. Когда событие, которое поэт хочет представить в своем творении, без всяких усилий вливается в формы древней драмы, то разумеется, что и три единства не только тогда не лишнее, но иногда даже необходимое условие. Нарочно только ненадобно искажать исторического события для соблюдения трех единств, ибо в сем случае всякая вероятность нарушается. В таком быту наших гражданских обществ нам остается полная свобода, смотря по свойству предмета, соблюдать три единства, или довольствоваться одним, т. е. единством происшествия или цели. Это освобождает нас от вериг, наложенных на поэзию Аристотелем. Заметим, однакож, что свобода сия, точно как наша гражданская свобода, налагает на нас обязанности труднейшие тех, которых требовали от древних три единства. Труднее соединить в одно целое разные происшествия так, чтобы они гармонировали в стремлении к цели и составляли совершенную драму, нежели писать драму с соблюдением трех единств, разумеется, с предметами, равномерно благодарными. Много также вредит поэзии суетное желание сделать определение оной, и мне кажется, что те справедливы, которые утверждают, что поэзии вообще не должно определять. По крайней мере, по сю пору никто еще не определил ее удовлетворительным образом: все определения были или частные, относящиеся до поэзии какого-нибудь века, какого-нибудь народа, или поэта, или общие со всеми словесными науками, как Ансильоново.*

* По мнению Ансильона «поэзия есть сила выражать идеи посредством слова, или свободная сила представлять, помощью языка, бесконечное под формами конечными и определенными, которые бы в гармонической деятельности говорили чувствам сообщению и суждению». Но сие определение идет и к философии, идет и ко всем человеческим знаниям, которые выражаются словом. Многие также (см. «Вестник Европы», 1825, № 17, стр. 26), сообразуясь с учением новой философии немецкой, говорят, что сущность *романтической* (по-нашему старинной) поэзии состоит в стремлении души к совершенному, ей самой неизвестному, но для нее необходимому стремлению, которое владеет всяким чувством истинных поэтов сего рода. Но не в этом ли состоит сущность и философия всех изящных наук?

Идеал поэзии, как идеал всех других предметов, которые дух человеческий стремится обнять, бесконечен и недостижим, а потому и определение поэзии невозможно, да мне кажется и бесполезно. Если б было можно определить, что такое поэзия, то можно б было достигнуть и до высочайшего оной, а когда бы в каком-нибудь веке достигли до него, то что̀ бы тогда осталось грядущим поколениям? Куда бы девалось perpetuum mobile? *

Великие труды и превосходные творения некоторых древних и новых поэтов должны внушать в нас уважение к ним, но отнюдь не благоговение, ибо это противно законам чистейшей нравственности, унижает достоинство человека и вместе с тем вселяет в него какой-то страх, препятствующий приблизиться к превозносимому поэту и даже видеть в нем недостатки. Итак будем почитать высоко поэзию, а не жрецов ее, и, оставив бесполезный спор о романтизме и классицизме, будем стараться уничтожить дух рабского подражания и, обратясь к источнику истинной поэзии, употребим все усилия осуществить в своих писаниях идеалы высоких чувств, мыслей и вечных истин, всегда близко к человеку и всегда не довольно ему известных.

1825

94. ЗАПИСКА О ДУЭЛИ НОВОСИЛЬЦЕВА С ЧЕРНОВЫМ

Летом в прошлом 1824 году флигель-адъютант Новосильцев, познакомясь с семейством генерал-майорши Черновой, находившейся тогда в имении своем близ села Рожествена, объяснил ей желание свое жениться на ее дочери и объявил ей и прибывшему туда мужу ее, генерал-майору Чернову, что имеет на то дозволение своих родителей, получив их согласие. Сговор и домашнее обручение сделаны были в августе месяце того года, а вскоре и свадьба назначена; но при наступлении сего времени

* Perpetuum mobile (лат.) — вечный двигатель. — *Ред.*

Новосильцев под предлогом болезни отца своего отправился в Москву, дав слово возвратиться чрез три недели. С дороги писал он своей невесте, но по прибытии в Москву прекратил переписку и не только не возвратился к назначенному времени, но оставил семейство Черновых в течение трех месяцев без всякой вести. В продолжение сего времени Новосильцев приезжал в Петербург, но не только не был у невесты, но даже не уведомил о себе письменно. Лейб-гвардии Семеновского полка подпоручик Чернов, брат невесты, в декабре месяце 1824 года отправился в Москву, желая объясниться в сем деле с подпоручиком Новосильцевым и положить конец оному. В Москве, после объяснения их обоих по сему делу, Новосильцев объявил Чернову в присутствии военного генерал-губернатора и некоторых известных особ с обоих сторон, что никогда не оставлял намерения жениться на Черновой; после чего Чернов, называя его женихом сестры своей, извинился, что сомневался в его честности. Мать Новосильцева тогда же письменно изъявила родителям Чернова согласие на брак своего сына с их дочерью. Новосильцев дал обещание совершить свадьбу в течение шести месяцев, желая отложить оную, как говорил он, для того, чтобы не дать повода думать, что он был к тому вынужден, и Чернов принят был матерью и семейством Новосильцева как родной, пробыл в Москве около месяца и отправился в Петербург, куда поехал также и Новосильцев. Вскоре по прибытии в Петербург, Новосильцев сделал вызов Чернову, за разглашенные будто бы сим последним слухи, что принудил его жениться. Чернов объяснил ему, что не только никогда не распускал таких слухов, но и не имел к сему намерения. Новосильцев удовольствовался сим объяснением и объявил при посредниках, что дело их остается в том положении, в коем оно в Москве находилось, т. е. что он женится в течение уреченного времени.

Хотя, по всем вышепрописанным обстоятельствам, все семейство Черновых не желало более иметь зятем Новосильцева, но подпоручик Чернов по истечении положен-

ного времени, желая дать сему делу приличный конец, требовал, чтобы Новосильцев отправился к отцу его в Могилев и там бы кончил оное; на что Новосильцев и дал письменное обещание. Подпоручик Чернов, не видя еще исполнения сего обещания, узнал, что отец его вынужден был сторонними средствами прислать Новосильцеву письменный отказ, и что по сему случаю имел генерал-майор Чернов сильное огорчение. Подпоручик Чернов, чувствуя, что главною причиной сего был Новосильцев, сделал ему вызов 8 числа сего месяца, а 10 числа в 6 часов утра они стрелялись на пистолетах за Выборгской заставой и оба опасно ранены.

Обстоятельства, в сей записке изложенные, основаны большею частию на письменных доказательствах и известны по изустным объяснениям самого подпоручика Чернова и некоторых других особ, заслуживающих доверия.

1825

ЮНОШЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
(1812–1819)

СТИХОТВОРЕНИЯ

95. КУЛАКИАДА

(Поэма)

Песнь I

Шуми, греми незвучна лира
Еще неопытна певца,
Да возвещу в пределах мира
Кончину пирогов творца.
Да возвещу я плач ужасный
Трех тафелей всех поваров,
Друзья! Уж Кулаков несчастный
Не суетится средь котлов,
Уж глас его не раздается,
В обоих кухнях наших днесь.
От оного уж не мятется
Собор команды его весь.

*

В горохе уж переменился
Доселе вкус приятный нам,
Картофель густоты лишился
И льется с мисок по столам.
Но, ах, наперсника лишенный
Восплакал, возрыдал Бобров...
Такой потерей огорченный —
Он перебил всех поваров.

*

О, Аполлон велеречивый!
И Клио с громкою трубой,
Поведай ты масло-любивый,
Как кончил дни свои герой.
Среди котлов, на очаге,
Возвышен восседал Бобров,
Внизу с чумичкою в руке
Стоял смиренно Кулаков,

*

Стоял — власы его вздымались,
Стоял, вздыхал, не говоря,
Его лишь взоры устремлялись
На кухню славного царя.
Напрасно тщился пес Боброва,
Ласкаяся его развеселить,
Напрасно повара косова
Тулаев притащил смешить.

*

Бобров, Бобров замысловатый
Успеха даже не имел...
И Кулаков в свои палаты
С тоскою мрачною пошел;
Лишь только *с лестницы* спустился,
Как вдруг бездыханно он пал,
Увы, он жизни сей лишился, —
Тут шедший повар закричал.

*

Царя чертог весь взволновался,
Коли достиг к нему звук слов;
Се вопль по воздуху раздался —
И с плачем прибежал Бобров.
Вослед [ему] пес колченогой
Хромая к телу прискакал:
Бобров вопил: о боги! боги!
А пес визжа к нему припал.

*

Почто меня ты оставляешь,
Несчастный продолжал Бобров.
Мою ты жизнь тем отравляешь,
Не буду есть я пирогов.
Восстань, очнись! о, мой любезный,
Восстань, прошу тебя восстань!
По что велишь мне лить ток слезный —
Восстань, я простираю длань.

*

Осталось втуне то моленье,
Труп хладный воплям не внимал,
Скончался тот, — о, провиденье,
Кто хворост маслом поливал.
Скончался тот, кого страшились
Сапожня, кухня, погреба;
Скончался тот, кому дивились
Чаны на кухне вне себя.

*

Пегас! Пегас! Скачи потише
И против воли не неси,
А как взлететь захочешь выше,
То у других ты попроси;
А я устал, да и довольно
Уже бумаги измарал;
Но нет, ты все несешь невольно,
Чтоб погребенье описал.
Быть так, я для тебя склонюся
И погребенье пропою;
Ретивой, только я боюся,
Что сломишь голову свою.

Песнь II

О; Аполлон! подай мне Лиру,
Подай Кастильских кубок вод,
Да воспою достойно миру
К Смоленску погребальный ход —

Впреди предшествовал Тулаев,
За ним шли Зайцов, Савинов,
С рябою харею Миняев,
Потом Затычкин и Смирнов.

*

Гласы их в воздухе сливались,
Тряслись все зданья по странам,
Глубоко в сердце отзывались —
И смех и плач являли нам.
Тулаев с Зайцовым ревели,
Савинов тенором тянул,
Смирнов, Миняев тихо пели,
Затычкин что есть мочи дул;

*

И Силин с ними съединился,
По-козьи, кажется, кричал,
Тут пес его бежал, ласкался
И трели с визгом подпускал,
За ними зрелась колесница,
Везомая двумя коньми,
На них попоны — как тряпица,
Влеклись раздраны по земли.

*

Лакеи же, имея факелы в руках,
Принуждены были из уваженья —
Как можно меньше делать шаг.
За колесницею родные
И тьма знакомых шли —
Вблизи ж соусы, жаркие
Как будто ордена несли,
На гробе же пирог за шпагу
С чумичкою большой лежал —
Что Кулаков имел отвагу, —
На чадной кухне председал.

*

Потом шел Краснопевцев бледный —
С супругой бледною своей,
Неся котел луженый медный,
Как бы усопшего трофей;
Но, Муза, стой! я зрю Боброва:
Власы растрепаны на нем,
Лицо искажено-сурово,
И слезы катятся ручьем;
Он рвется, плачет, замирает —
И жалостный являет вид,
Едва качнется — упадает,
Не может вовсе говорить.

*

Но наконец уста открылись,
И прямо, Кулаков, к тебе
Слова высоко устремились.
Я стану продолжать себе:
Но вот и к кухне подъезжают
В кафтанах новых повара,
В кастрюли громко ударяют,
Провозгласив три-крат ура!

*

В такой процессии прекрасной
К Смоленску тело подвезли
И прах в сырой могиле страшной
Героя кухни погребли.
Прости, священна тень героя,
Долг мудрых — слабому прощать.
Прости, что лиру я настроя,
Мог слабо смерть твою бренчать.
Я знаю то, что не достоин
Вещать о всех делах твоих,
Я не поэт, а просто воин,
В устах моих не складен стих.

*

А ты — о мудрый, знаменитый
Царь кухни — мрачных погребов,
Топленым жиром весь облитый,
Единственный герой — Бобров,
Не озлобися на поэта,
Тебя который воспевал;
Но знай — у каждого кадета
На век я тем бессмертен стал.
Прочтя сии строки — потомки
Воспомнят, мудрый, о тебе,
Дела твои воспомнят громки —
Воспомнят также и о мне.

96. ГУСЬ И ЗМИЯ

Баснь

Гусь, ходя с важностью по берегу пруда
Сюда, туда,
Не мог собой налюбоваться:
«Ну, кто из тварей всех дерзнет со мной сравняться? —
Возвыся глас, он говорил, —
И чем меня творец не наделил?
Плыву, — коль плавать пожелаю.
Устану ль плавать, — я летаю.
Летать не хочется, — иду.
Коль вздумал есть, — я все найду».
Услышав то, змия
Ползет, во кольцы хвост вия;
Подползши к хвастуну, она шипела:
«Эх, полно, полно кум! хотя и нет мне дела:
Но я скажу тебе, и, право не в укор,
Ты мелешь вздор;
Коль быстроты в ногах оленьей не имеешь,
По рыбьи плыть, летать по орли не умеешь».

Знать по немногу от всего,
Все то ж, что мало знать, иль вовсе ничего.

97. ПОСЛАНИЕ К Ф...

«Скажи, любезный друг, как думаешь о том,
Что ныне все сидят, трудяся за столом,
Стараются писать стихи все без разбору?!
Скажи причину мне такого их задору.
Неужель в мысль пришло вскочить всем на Парнас?
Но то не может быть; худой у них Пегас». —
«Худой Пегас! да им-то кажется он годен.
Иной же думает: ведь я собой дороден;
Из сил не выбьюсь коль и побреду туды:
При том же Аполлон заплатит за труды». —
«Да чем?» — «Как чем? Что ты? своим благоволеньем:
Да взлезу на Парнас с преумным сочиненьем». —
«С преумным? вот те на!» — «А как же? я трудился,
Сидел, потел, корпел, над ним недели бился;
Так верно в нем есть ум!» — «Ах жалкой человек!
Но что же делать с ним? такой уж ныне век:
К писателям иметь надлежит снисхожденье,
Творенья их читать, зевать, иметь терпенье».

98. НА ПОГИБЕЛЬ ВРАГОВ

Да ведает о том вселенна,
Как бог преступников казнит;
И как он Росса, сына верна,
От бед ужаснейших хранит;
Да ведают отныне царства,
Сколь мощь России велика;
Да знают люди, что коварства
Всевышний зрит издалека
И гибель злобным устрояет
Его десная завсегда.
Невинных в бедстве бог спасает;
Злодеев, лютых, никогда.
Кто впал в порок хотя однажды,
Того уж трудно поднимать;

Да зная то, страшится каждый,
Неправо с ближним поступать.
Наполеон до царска сана,
Взнесен всевышнего рукой,
Забыл его; и се попранна
Души кичливость, гордой, злой!
Желая овладеть Вселенной,
Он шел Россию покорить. —
О враг кичливой, дерзновенной! —
Булатной меч тебя смирит.
Пришел, и всюду разоряя,
Опустошения творя,
И грады, веси попаляя
Ты мнил тем устрашить царя:
Но о исчадье злобно Ада,
Российский царь велик душой;
А все его полнощны чада
Как бы взлелеяны войной.

99 * * *

Героев тени низлетите!
Оставьте райской свой чертог
И на потомков днесь воззрите,
Ликуйте с нами: «силен бог!»
Смотрите, нет врагов кичливых,
Пришедших Россов покорить;
Подобно стаду зайц строптивых,
Наполеонов полк бежит! —
Подобно бурному потоку,
Страну он нашу наводнил,
Подобно тигру он жестоку,
Невинну кровь Россиян пил.
Здесь слезы льет девица красна,
Своей невинности лишась;
Там рвется, стонет мать злосчастна,
На веки с сыном разлучась.

А там! — а там Москва пылает,
Возженная рукой врага! —
Там пламя древность пожирает;
Москва там лепоты нага! —
Уж слава Росская мрачится,
Уж гибель кажется близка!
Но се перун, Кутузов, мчится!
Блестит герой издалека
И меч булатной изощряет!
Дрожит, немеет Галлов вождь
И думы спасться напрягает;
Но сей герой, как снег, как дождь,
Как вихрь, как молния паляща
Врагов Отечества казнит!
И вот ужасно цепь звеняща
С Москвы раздробленна летит!
Еще перун Героя грянул —
И враг бежит со срамом вспять
За ним — и мраз, и глад воспрянул
И уменьшают его рать!
Россиян силы удвоились
Бог с правыми вступил в союз:
С лица земли враги истнились —
Европа спасена от уз.
Хвала тебе монарх Российский!
Хвала, муж дивный, Михаил!
Днесь вам не нужны обелиски!
Вас бог бессмертьем наградил.
Дела благие век сияют
А неблагие — никогда;
Наполеона проклинают,
Отнынь вам слава навсегда.

100. УМИРАЮЩИЙ РАТНИК

На чистом поле огонек
Струею тонкой дым клубится,

На етом поле одинок
Покрытой язвами томится
Отчизны ратник молодой.
В нем искры жизни угасали,
И кровожадны враны летали
Над утомлённой головой.
Окровавленными руками
Снимает ратник грудной крест;
Его иссохшими устами
Лобзает он; лежа[т] окрест
Его иссеченные латы,
Пустой колчан, избитый щит,
Булатной меч и шлем косматый
И добрый конь у ног стоит,
Повеся голову уныло.
И молвил ратник: «Где друзья—
Они оставили меня,
Лишь ты, друг верный, до могилы
Не разлучае[шь]ся со мной —
Не измени ты славной чести,
Снеси же к матери родной
О[т]дашь от сына чорны вести
О, конь мой, конь родной,
Лети стрелой опять в путь дальний
И молодой жене отдай
Ты от меня поклон прощальной
И по долам и по горам,
Лети к отцовскому селенью,
Моим малюткам сиротам
Снеси мое благословенье.
Скажи жене, товарищ мой,
Что я женился на другой.
Моя невеста молодая
Лиха, угрюма и страшна,
Моя постеля пуховая
На чистом поле постлана.
Вином кровавым угощали

На свадбе радостных гостей.
При блеске копий и мечей
Мы брачный пир распировали.
На месте брачного венца
Служила стрела каленая,
И уложила молодца
В постелю пуля роковая.

101. НЕ ДИВИТЕСЬ, ДРУЗЬЯ

Не дивитесь, друзья,
Что не раз, между вас
На пиру веселом я
Призадумывался.
        Вы во всей еще весне,
        Я ж почти на пути
        К дальней роковой стране
        С ношей старческою.
Вам у жизни пировать,
Для меня свету дня
Скоро вовсе не видать
Жизни сладостныя.
        Вам чрез горы чрез лес
        И светлей и милей
        Светит солнце с небес
        В утро радостное.
Я к брегам бросаю взор,
Что мне все каждой миг
От меня как на позор
В мель скрывается.
        К вам чрез горы, чрез лес
        В челноке налегке
        Одинок в страну плыву
        Неизведанную.
Я плыву и наплыву
Через мглу на скалу
И склоню свою главу
Неоплаканную.

Коль в младых своих летах
По брегам я не гулял,
Не срывал венков, не вил
С скучной молодости.
Ах кому ж над сиротой
Слезы лить и грустить,
Кто ж на жар холодной
Взглянет жалостливо.

102. ПУТЕШЕСТВИЕ НА ПАРНАС

(Подражание Крылову)

Итак, предпринят путь к Парнасу;
Чего же медлить? Ну, смелей,
Начнемте бить челом Пегасу,
Чтоб он домчал нас поскорей!
Боярский! сядь со мной в карету!
Фролов! на козлы поскорей!
И докажи пожалуй свету,
Что ты мастак кричать: правей! —
Смотри ж! Не вдруг! Поудержися;
Четверка бойких разнесет!
А пуще в гору берегися;
Там скалы есть, там терн растет!
Там многих авторов творенья,
В пыли валяся гниют!
Там Лета есть, река забвенья,
В ней также много уж живут!
Я видел в ней, как Львов купался
И обмывал своих детей;
Я зрел — Шихматов в ней остался,
А с ним и тысяча детей,
Я сам свидетель был в то время,
Как несколько прочтя листов,
За нанесенное тем бремя,
Был столкнут с берега Хвостов!

Я был при том, когда Гераков,
Пузатый, лысый, небольшой,
Потомок вздорливый Ираклов,
Был Леты поглощен волной!
Я зрел, как наш Пиит слезливый
Красу лужков, лазурь небес,
И сельску жизнь, и златны нивы
Пел, пел и, наконец, исчез!
Такая ж участь, может статься,
И нам, о други, суждена!
Так лучше в даль нам не спускаться,
Чтоб не измерить Леты дна!
Иль едем хоть, да непроворно,
Где можно рысью, где шажком,
И уж тогда, друзья, бесспорно
Мы будем где творцов Содом!
«Ну, что же трусишь?!» — вдруг воскликнул,
Фролов тут перервав мой глас,
На удалых лошадок крикнул,
И правил прямо на Парнас...
И вот мелькнули перед нами
Рифей и Волга! Все прости!
И мчаты бодрыми конями,
На половине уж пути!
Там зрели мы, как девы красны
Сбирали сочный виноград;
Там расцвели древа прекрасны;
А здесь пушистый снег и хлад!
Но вот! поднялися и в горы!
Парнас! Парнас! какая близь!
Как вдруг толчок! и где рессоры? —
Тю-тю — и мы катимся вниз!
С сим вместе я как раз проснулся,
От страху мраз бродил по мне!
Я окрестился, оглянулся —
И рад, что было то во сне!

103. БОЙ

Краса с умом соединившись,
Пошли войною на меня;
Сраженье дать я им решившись,
Кругом в броню облек себя!
В такой, я размышлял, одежде
Их стрелы не опасны мне;
И погруженный в сей надежде,
Победу представлял себе!..
Как вдруг Емилия явилась!
Исчезла храбрость, задрожал!
Броня в оковы превратилась!
И я — любовью воспылал!

Альткирх, Маия 7-го дня, 1814 года

104. ЛУНА

Вольный перевод с франц[узского]

Луна! любовников чувствительнейший друг!
Пролей свой бледный свет на сей зеленый луг!
Услыши голос мой, исполненный стенанья,
Узри потоки слез и томны воздыханья!

*

Приемля Лиру я незвонкую, печальну,
Хочу воспети песнь унылу, погребальну!
Хочу, чтобы то все, что дышет и живет,
Познало бы о том, что дух мой днесь гнетет!
Что сердце бедное страдать столь заставляет,
Что слезы из очей ручьями извлекает!

*

Близь берега сего, где видны Кипариссы,
Почиет с миром прах любезные Кларисы!
Здесь иволги поют, печальны песни в день,
А в ночь сова кричит, на старый седши пень.

На камне, что сокрыл любви моей предмет,
С репейником, я зрю, крапива уж ростет!

*

Дни кончила она в летах красы цветущей;
Лик с розой сходен был на поле вновь растущей,
Улыбка нежная всех сердце заражала;
Она счастливила словами и пленяла!..
...И дружество ее творя меня блаженным,
Любезным стало мне и самым драгоценным.

*

Но ах! тебя уж нет! и хладная могила
Навеки образ твой дражайший поглотила!..
Навеки!.. а я жив! я жив! я существую!
И в жизни мучуся, и плачу и тоскую!
И только смерть одну отрадой вижу я!
Приди, желанная! с охотой жду тебя!..

*

. . . .
. . . .
Мою любезную теперь я воспевая
И милую душу ее воспоминая,
Чувствительность из глаз слез токи исторгает,
И лира, орошась, нескладный звук пускает!

Дрезден, Сентября 29 дня, 1814

105. НАТАЛЬЕ МИХАЙЛОВНЕ ТЕВЯШОВОЙ

(В день Ангела ее)

В день Ангела всегда чего-нибудь желают;
Чего же мне тебе желать?
Желать ли, чтоб тебя все стали обожать?
Но уж тебя и так давно все обожают.
Желать ли, чтобы ты богатством обладала?
Но ах! богатство нам не щит;
Поверь, тому и Крезовых сокровищ мало,
Тому уж не до них кого Судьба тягчит!

Желать ли, чтобы ты умом своим затмила
И умниц всех, и мудрецов?
Но им тебя и так Природа одарила —
И ты щадишь глупцов.
Желать ли, чтобы ты прельщала красотою,
И нежностью души своей,
И нрава кротостью, и сердца добротою,
И привлекательной невинностью твоей.
Но уж и так тебя, которые лишь знают
(А в том числе — и я),
Плененные тобой, согласно утверждают,
Что есть красивее, но нет милей тебя.
Чего, чего же мне желать тебе? Не знаю;
А старики ведь говорят,
Что по старинному в России обычаю,
В день Ангела, должно чего-нибудь желать.
И так, и так чистосердечно
Тебе желаю я,
Чтоб Добродетель была вечно,
Повсюду верная сопутница твоя.
Пусть, пусть Она, — как Ангел твой хранитель,
Как добрый Гений-утешитель,
Пребудет всюду твой
Вожатый неразлучной,
К утехам в свет большой,
Стезей благополучной.

106. ПЕСНЯ

Je vous assure *, что вы мне милы,
Что вас люблю de tout mon coeur; **
Pourquoi *** же вы теперь унылы;
Чрез то теряю mon bonheur. ****

* Я уверяю вас.
** От всего сердца.
*** Почему.
**** Мое счастье. — *Ред.*

Quand vous * со мною — мне приятно;
Блаженствую quand je vous baise; **
Mais quand *** целуете обратно,
Как от того je suis bien aise! ****
Donez la main [0] мой друг сердечной!
Приди в мои embrassement! [00]
Le tems [000] в сем мире быстротечно;
Лови, лови l'heureux instant. [0000]

107. В АЛЬБОМ ДЕВИЦЕ N.

Когда б вы жили в древни веки,
То верно б Греки,
Курили фимиам,
Вместо Венеры — вам.

108. НАТАША, АМУР И Я

С Наташей я остался,
Намнясь наедине;
Как вдруг Амур к нам вкрался
И стрелил в сердце мне.
Узрев сей язвы муку,
Пришла Наташа в страх, —
«Жестокий! — Зевса внуку
Промолвила в слезах. —
Почто неосторожно
И злобно так шутить?
Почто, когда не можно
Сей язвы исцелить?» —

* Когда вы.
** Когда я вас целую.
*** Но когда.
**** Мне хорошо.
0 Дайте руку.
00 Объятия.
000 Время.
0000 Счастливое мгновение. — *Ред.*

— Напрасно унываешь, —
Сказал плутишко ей, —
Ты действия не знаешь
Еще красы своей.

109. МЕЧТА

Ночною уж порою,
Как шум дневной умолк,
Амуров предо мною
Явился целый полк.
«Нам до тебя есть дело, —
С улыбкой мне рекли, —
Ступай за нами смело,
Куда б ни повели». —
С божками спорить сими
И вздорить я не смел,
И потому за ними
Немедля я пошел.
«Постой! не торопися, —
Один из них сказал,
Встань здесь и наклонися», —
И очи завязал! —
Потом все подхвативши,
Куда-то понесли,
И на земь опустивши,
Повязку с глаз сняли.
Смотрю... Вожатых скрылся
Отважный, шумный рой!
Смотрю... я очутился,
Наташа, пред тобой!

110. МОТЫЛЕК

Что ты вкруг огня порхаешь,
Мотылек мой дорогой?
Или, бедненькой, не знаешь,
Что огонь губитель твой?

Иль тебе то неизвестно,
Сколь обманчив блеск огня,
И что свет его прелестной
Может погубить тебя?
Лети прочь! лети, несчастной!
Вкруг огня ты не порхай!
Бойся, бойся повсечастно,
Не сгореть чтоб невзначай!
Но не внемлет, безрассудный!
Ближе, ближе все летит! —
Его блеск прелестный, чудный,
Несчастливец! тебе льстит.
Но напрасно: все порхает!
И вот прямо в огонек
Он влетел... и в нем сгарает!
Знать, судил ему так рок! —

Так, увы! и я, плененный,
Предаюсь любви своей,
И мечтаю, дерзновенный,
Найти счастье свое в ней!
Но, быть может, заблуждаться
Мне судил жестокий рок,
И так точно, может статься,
Я сгорю — как мотылек!

111. К ФРАЛОВУ

Печали враг, забав любитель,
Остряк, поэт и баснослов,
Поборник правды и ревнитель,
Товарищ юности, Фралов!
Прошу, прерви свое молчанье
И хоть одной своей строкой,
Утишь душевное страданье
И сердце друга успокой.
Увы! кто знает, друг мой милый,

Что ожидает завтра нас!
Быть может, хлад и мрак могилы, —
Ничтожности ужасный час!
Быть может, ярою Судьбою,
Уж над моей теперь главой
Смерть хладною своей рукою
Махает острою косой!
Почто ж, мой друг, нам тратить время
И чуждыми для Дружбы жить,
Почто печалей вьючить бремя,
И чашу зол в днях юных пить!
Почто, — когда имеем средства
Свое мы горе услаждать
И из печалей, и из бедства,
С уроком пользу извлекать?

Взгляну ль; мой друг, на мир сей бедной;
И что ж, коль стану примечать?
Меж тысячью едва приметно
Счастливцов двух, а много — пять!
Кто ж винен в сем? — Увы! мы сами;
О точно так; никто иной;
С закрытыми идя очами,
Не трудно в яму пасть ногой.

. . . .

И в самом деле, друг бесценный,
Все в нашей воле состоит;
Пусть лютый рок и разъяренный
Мне скорой гибелью грозит...
Но я коль тверд, коль презираю
Ударов тяжесть всю его,
Коль в оборону поставляю
Терпение против всего,
Тогда меня и рок устанет
Все с прежней ненавистью гнать
И скоро час и мой настанет,
Мой друг! от горя отдыхать.

Пойдем, Фралов, мы сей стезею;
Вожатый Дружба наш, пойдем!
Но вместе чур! рука с рукою!
Авось до счастья добредем!
Авось, авось все съединимся —
Боярский, Норов, я и ты;
Авось отрадой насладимся,
Забыв все мира суеты.

112. Н[АТАЛЬЕ] М[ИХАЙЛОВНЕ] Т[ЕВЯШО]ВОЙ

На предложение ее, дабы я написал стихи на Надежду

Ты желаешь, друг прелестной,
Чтобы я Надежду пел;
Можно ль петь, что неизвестно,
Что мне не дано в удел!
Можно ль петь, что я лишь знаю
По наслышке от людей,
Чего в мире не встречаю,
Чего нет в душе моей?
Естлиж хочешь непременно,
Чтоб Надежду славил я;
Так почто ж, о друг бесценной!
Не вольешь ее в меня?

113. К ПОРТРЕТУ N.

Она невинностью блистает,
Как роза прелестью цветет,
Любезным нравом восхищает
И всех сердца к себе влечет.

114. ПЕСНЯ

(Ответ на известную арию из Русалки: «Вы к нам верность никогда» и проч.)

Нет, неправда, что мужчины
Верность к милым не хранят,

И дав клятву без причины
Могут хладно забывать.

*

Разве только развращенный,
Или ветренник какой
Недоволен — награжденный
Поцелуем дорогой.

*

Кто без чувств, с душой холодной,
Тот притворным может быть,
И тому лишь только сродно
Страстью нежною шутить.

*

Но в чьем сердце добродетель
С любовью пламенной горит,
Может ли тот, быв свидетель
Слезам милой — слез не лить?

115. ДРУЗЬЯМ

(В Ротово)

Нельзя ль на новоселье,
О други, прикатить,
И в пунше, и в веселье
Все горе потопить?
Друзья! прошу, спешите;
Я ожидаю вас!
Мрак хаты осветите
Весельем в добрый час!
В сей хате вы при входе
Узрите, стол стоит,
За коим на свободе
Ваш бедный друг сидит
В своем светло-кофейном,
Для смеха сотворенном
И странном сертуке,

В мечтах, с пером в руке!
Там кипа книжек рядом
Любимейших лежит;
Их переплет не златом,
А внутрь добром блестит.
Заступа от неволи
Любезные пистоли;
Шинелишка; сертук,
Уздечка и муштук;
Ружье — подарок друга,
Две сабли — как стекло,
Надежная подпруга
И косовско седло:
Вот все, что прикрывает
Стенную черноту;
Вот все, что украшает
Сей хаты простоту.
Друзья! коль посетите
Меня вы под часок,
Яств пышных не просите:
Под вечер — пунш, чайок;
На полдень — щи с сметанкой,
Хлеб черный, да баранки,
Да мяса фунта с два,
А на дессерт от брата,
Хозяина-солдата —
Приветные слова.
Когда такой потравы,
Друзья! хотя для славы
Желает кто из вас,
Тогда, тогда от службы
Ко мне в свободный час
В Вежайцы, ради дружбы,
Прошу я завернуть,
И в скромный кров поэта
Под сень анахорета
От скуки заглянуть.

116. ПОСОЛ

Раз в холодной вечер, длинный,
С чашей пуншевой в руке,
В тулуп скутавшись овчинный,
Я сидел при камельке; —
И тогда, как раздраженный,
Я на счастие пенял,
И все блага жизни бренной,
Суетою называл, — —
Слышу, кто-то отворяет
Двери в комнате моей,
И вдруг Машинька вбегает,
Как Посол от жизни сей!
В миг со мной в переговоры...
И трактат уж заключен!
Все решили нежны взоры,
И я в счастьи убежден!

117. СОН

(Из Анакреона)

Недавно, Вакхом упоенный,
Заснул на тирских я коврах,
И зрел — что к девушкам, плененный,
Я крался тихо на перстах.
Вдруг слышу громкий смех за мною;
Я оглянулся — зрю собор
Красавиц юных надо мною,
Смеющихся наперекор.

118. УТЕС

Свидетель мук моих безгласный,
Поросший мхом седым — утес!
Услышь еще мой голос страстный,
Узри потоки горьких слез!

. . . .

— — Давноль с Емилией прелестной,
Предавшись сладостным мечтам,
С любовью пламенной, небесной,
Сидели здесь по вечерам?
Давноль в приятных разговорах,
При нежных, милых птичьих хорах,
Забывши грозную напасть,
Благословляли нашу часть?
Давноль окрестности безмолвны,
Взирав на счастливу чету,
Любви обетов наших полны,
Благословляли красоту?

....

Давно ли ты, утес мой мшистый,
Цветами полн, благоухал?
Давноль ручей кристальный, чистый,
В низу с приятностью журчал?
Давноль, давноль? и нет недели,
Как я с Емилией своей
На мягкой мураве твоей,
Блаженства полные, сидели?..
Давно ли соловей над нами
То трелил звонко, то щелкал,
То перливался, то свистал,
И нас, сидящих меж кустами,
Своей гармонией пленял?
— — Давноль я счастлив был? — А ныне! —
Давноль, утес, меня ты зрел,
Как я блажен к тебе летел,
А днесь иду к тебе в кручине!
Иду к тебе в кручине злой,
Иду сказать, что мой покой
И счастье, коим наслаждался,
Надежда, коею питался,
На век похищены судьбой!
Похищены — и невозвратно
Блаженство юных, красных дней.

Блаженство всей души моей! —
И я, утес! и невозвратно
Иду на родину обратно!
Иль нет, иль нет, я возвращуся
И буду вновь блаженство пить,
В объятья милой погружуся,
Чтоб слезы радостны пролить —

. . . .

— — Но рок велит, — Утес зеленый!..
Навеки простимся скорей,
И я, разлукою сраженный,
Увяну в цвете юных дней!

119. ПЕСНЯ

(На голос: «Винят меня в народе» и проч.)

Кто сколько не хлопочет,
Чтоб сердце защитить,
Хоть хочет, иль не хочет,
Но должен полюбить.
Таков закон Природы,
Всегда и был, и есть,
И в юношески годы,
Всяк должен цепи несть.

*

Всяк должен силу страсти
Любовной испытать;
Утехи и напасти,
В свою чреду узнать.
Я сам не верил прежде
Могуществу любви,
И долго был в надежде
Утишить жар в крови,

*

Я прежде надсмехался,
Любовь химерой звал,
И если кто влюблялся,
Я слабым называл.
Мечтал я — как возможно
Страстьми необладать,
И красотой ничтожной
Рассудок ослеплять!

*

Но ах! с тех пор уж много
Дон в море струй умчал,
И о любви так строго
Я думать перестал.
Узнал, что заблуждался,
Обманывал себя,
И слишком полагался
На свой рассудок я.

*

Увы! за то жестоко
Мне Купидон отмстил:
Он сердце мне глубоко
Стрелой любви пронзил!
С тех пор, с тех пор страдаю,
День целый слезы лью,
Крушуся и вздыхаю,
Мучения терплю.

*

А та — кем сердце бьется,
Жестокая! с другим,
И шутит, и смеется
Страданиям моим!
Ах! знать уж Небесами
Мне суждено страдать,
И горькими слезами
Свою судьбу смягчать.

120. ЕПИГРАММА

Надутов для Прелесты
Недавно сочинил прекрасный мадригал,
В котором он сравнял
Свою красавицу *с Невинной Жрицей Весты;*
Но — как то на сравненьи
Он заикнулся в чтеньи
И сделал через то на даму
Из *Мадригала — Епиграмму*.

121. ЗВЕЗДА-ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Пылкой юности с страстями,
И надежды сладкой полн,
Я направил за мечтами
В море бурное свой чолн.
Скоро там... за синей далью
Скрылся берег, как туман,
И я с трепетом, с печалью,
Вдруг увидел — океан!

*

И вдруг свод небесный, мглою
Весь покрывшись, засверкал,
Дождь полил с небес рекою,
Поднялся за валом вал!
Каждый миг мой чолн в пучину
Погрузиться был готов...
«Ах! пошлите мне кончину!» —
Умолял я так богов.

*

Но напрасно! не внимали
Небеса мольбам моим;
Смерти мне не посылали,
Ни конца страданьям злым!
Часто в бурю, в небе мрачном,
Зрел я, некий свет мерцал,

И с надеждой в сердце страстном,
К нему чолн свой направлял.

*

Но ах! тучи вновь скрывали
Свет отрадный от меня;
Смерть и ужас вновь зияли,
Вновь был без отрады я!
Долго, долго так ужасна
Свод небес скрывала мгла!
Наконец Звезда прекрасна,
Я увидел, там взошла!

*

Вот Звезда-путеводитель! —
Глас мне внутренний сказал, —
Вот твой Гений утешитель!
Бед твоих конец настал!
Смело, смело в след за нею,
Направляй свой утлый чолн;
Только сей одной стезею
Ты спасешь себя от волн.
Я послушал, что так лестно
Глас мне внутренний твердил,
И во след звезде прелестной
Я с отважностью поплыл!
Вот с тех пор исчезло горе,
И Надежда вновь со мной;
И хоть чолн мой еще в море,
Но уж пристань предо мной!

*

О Звезда-путеводитель!
В пристань, в пристань поскорей!
К милой, в тихую обитель
И в объятия друзей!
Там, там счастье ожидает
Бедных странников под кров;
Там с Надеждой обитает
Вера, Дружба и Любовь!

122. К ЛАЧИНОВУ

(В Москву)

Изящного любитель,
Питомец муз младой,
Прямой всего ценитель,
Певец мой дорогой!
К тебе я обращаю,
Нестройной Лиры глас;
С тобой, с тобой желаю
Беседовать в сей час.
С тобой, о обитатель,
Столицы пышных стен,
Дев красных обожатель
Не знающий бремен
Епикурейцов чтитель!
Веселый посетитель
Театров и садов,
Собраний, булеваров,
Кофейниц, тротуаров
И радостей домов, —
Где шумный рой лукавых
Прелестниц молодых
Сулят из глаз своих
Утехи и забавы;
Где ветренность и младость
Прелестных Дев Любви
И слов коварных сладость
Льют нежный огнь в крови;
Где ты под час пленившись
Одною из Цирцей,
С ней взором согласившись,
Издалека за ней
Идешь с смиренным видом,
Как скромник, иль монах;
Пришел — и одним мигом
Забыл все на грудях!

В объятьях красоты
Забыл беды, напасти,
Забыл в восторгах страсти
И друга, может, ты!...
Меж тем, как в отдаленной
Здесь Жмуди жизнь влачу;
И ах! душе стесненной
Отрады не сыщу! — —
Здесь в дымной, чадной хате,
В пустынной стороне,
В безмолвной тишине,
Я мыслю о утрате
Прелестных, милых дней:
Дней юных, драгоценных,
Беспечно проведенных
В кругу своих друзей.

Ах! где Боярский милый,
Мечтатель наш драгой?
Увы! в стране чужой
И с Лирою унылой!
Ах! там же и Фралов,
Наш друг замысловатый,
Сатирик тароватый
И острый баснослов!
Счастливцы! Они вместе!
Завиден жребий их!
А мне, а мне и вести
Давно уж нет от них!
Нет сердцу утешенья,
Нет радостей *без вас!*
Ах! скоро ль съединенья
Наступит сладкий час?
Ах! скоро ли в объятья
Друг друга заключим?
Прижмем, вздохнем, о братья!
И — души съединим!

123. В АЛЬБОМ

Ее Превосходительству К[атерине] И[вановне] М[алюти]ной

Ты желаеш непременно,
Написал чтобы я стих?
Как могу я, дерзновенной,
Быть певцом доброт твоих!
Мне ль представить то достойно,
Что в себе вмещаешь ты?
Мне ль изобразить пристойно
Милой образ красоты?
Кудри волнами, небрежно,
Из глаз черных быстрый взор,
Колебанье груди снежной,
И всех прелестей собор?
Сам Державин, дивный, чудный,
Вряд бы то изобразил;
Мне же слишком, слишком трудно
И — превыше моих сил!

124. ЕПИГРАММА

Пегас Надутова, весьма, весьма упрям,
И часто с Барином несчастным своеволит;
Седлать никак не даст, коль не захочет сам,
И сверх того в езде всегда сшибать изволит!

125. ЧЕТЫРЕ СТЕПЕНИ ЛЮБВИ

Любви Тирсиса в угожденье,
Уж сжалясь, Лила наконец
За поцелуй *один* с бедняжки в награжденье
Содрала *пять овец*.

*

На завтра, ставши понежнее,
Не так уже скупа была:
За поцелуй *один*, с Тирсисом быв вольнее,
Одну овцу взяла.

*

На завтра же в промене с Милой
Тирсис еще счастливей был:
За поцелуй *один* все *шесть овец* он с милой
Обратно получил.

*

На завтра же была бы рада,
За поцелуй *один* отдать
Собачку, посошек, свирель и даже стадо,
Но тщетно! Тирсис стал *другую* целовать.

126. ИЗВИНЕНИЕ ПЕРЕД Н[АТАЛИЕЙ] М[ИХАЙЛОВНОЙ] Т[ЕВЯШО]ВОЙ

Прости, что воин дерзновенный,
Желая чувствия свои к тебе излить,
Вожатого не взяв, на Геликон священный
Без дарования осмелился ступить.

. . . .

Ах! сколько надобно иметь тому искусства,
Оттенки нежные страстей изображать!
Когда желает кто свои сердечны чувства
Другому в сердце излиять!
Но ах! сей дар мне не дан Аполлоном;
Я выражаться не могу;
Не лира мне дана в удел угрюмым Кроном,
А острый меч, чтобы ужасным быть врагу!

127. ПЕСНЯ

Прости, за славою летящий,
Прости, с тобой душа моя;
Стремись в бессмертье храм блестящий;
Но ах! не позабудь меня!

Любовь и долг имев в предмете,
Стремись, но береги себя,
И в сем за честию полете,
Мой друг! не позабудь меня.

Что делать в муках мне ужасных?
Страшусь войны и мира я.
Узришь ты множество прекрасных,
Но ах! не позабудь меня.
Ты их узришь; они пленяться,
Пленится и душа твоя;
Успехом будешь наслаждаться,
Но ах! не позабудь меня.

128. К НЕЙ

Ах! Когда то совершится
То, чем льстит надежды глас?
Долго ль сердце будет биться,
В ожиданьи каждый час?
Скороль, скороль перестанет
Оно рваться из меня?
Скороль время то настанет,
Когда будешь ты моя?

129. ПЕСНЯ

Тише, тише ветерочик,
В сей зеленой роще вей;
Маша, милый мой дружочик,
Сладкий сон вкушает в ней.

*

Тише резвый, своевольный,
Кудри так нераздувай;
Тише дерзкий, недовольный,
Нежну грудь необнажай!

*

Спи, — и всюду благодатной,
Вкруг пусть льется аромат,
Птички песнями приятно
Пусть все чувства усладят.

*

Спи, о Ангел мой прелестной,
На узорчатых коврах,
Спи под сению древесной,
В милых, сладостных мечтах.

*

Спи, о Маша, друг сердечной,
Спи с невинностью своей;
Но страшись быть столь беспечной —
Бойся хитрости людей!

130. ЭКСПРОМТ

Как капли свежие росы
Весною, в утренни часы,
Животворительны бывают для левкоя,
Который блекнуть стал от солнечного зноя.
Так точно взгляд твоих очей
Отраден для души моей,
В мучительные те и тягостны минуты.
Когда страдания претерпеваю люты.

131. ТОСКА

К нам возвратился Май веселый;
Природа оживилась вновь:
Зазеленели холмы, долы
И распестрились от цветов.
Все сладкой всюду негой дышет;
Ручей с приятностью журчит;
Едва листы Зефир колышет,
И Филомелы глас звучит.
В полях и рощах слышно пенье —
Все радостью оживлены;
И все как будто в восхищенье
От возвращения Весны!
Один лишь я брожу унылый;
Во мне одном веселья нет!

И ах! не будет до могилы,
Пока сей не покину свет...
        Увы! все то, в чем я, несчастный,
Свое блаженство находил —
Все то, все то, что я столь страстно
И с восхищением любил,
Уже не существует боле!..
О Делия! тебя уж нет!
На век увяла ты, как в поле
Безвременно вдруг вянет цвет!
        В летах, когда лишь начинают
Всю цену жизни познавать;
Когда с весельем засыпают,
С весельем день встают встречать;
Когда беспечность отдаляет
Заботы мрачные с тоской;
Когда все душу восхищает
И сердце веселит мечтой —
Узнал я Делию впервые!
О незабвенные лета!
О дни любовию святые,
И вы, прелестные места, —
Где я, любовью восхищенный,
Промолвил в первый раз — *люблю;*
И где она взаимно то же
Сказала, очи потупив!
О как, о как тогда, о боже!
Ничтожный смертный был счастлив!
Какое в сердце восхищенье,
Какой восторг я ощущал!
Клянусь! в то самое мгновенье
И в рай бы я не пожелал! —
        «Весной, мой друг, когда раздастся —
Здесь Филомелы первой глас,
Перед олтарем тебе отдастся
Моя рука в тот самый час», —
Уже мне Делия сказала.

Весны я с нетерпеньем ждал,
Как вдруг она приметно стала
Все вянуть, вянуть... час настал —
И наконец — «О друг сердечной!
Прости!— сказала мне она;—
Прости, но верь, что не навечно;
Другая есть еще страна, —
Где ни страданья нет, ни муки,
Где мы соединимся вновь,
И где не будет уж разлуки,
Где вечно царствует любовь».

. . . .

Уж возвратился Май веселый,
И в роще раздается глас
Весну поющей Филомелы, —
Увы! настал урочный час,
В который Делия мечтала
Меня блаженством подарить,
Тот час, в которой завещала
Себя со мной соединить!

О боги! милой прорицанье
Спешите совершить скорей!
Мне без нее сей мир — изгнанье;
Мне только жизнь мила при ней.

. . . .

Все восхищается Весною;
Природа все животворит!
Один, один лишь я с тоскою!
Один лишь я от всех забыт!
Увы! когда ж я перестану
Крушиться так, как я крушусь?
Ах! скоро ль, скоро ль я увяну
И с Делией соединюсь?
Когда в тот край, о боги хладны!
Меня переселите к ней,
Где обретет приют отрадный
Усталый странник жизни сей?!

132. ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД ИЗ САФО

Блажен, как бог, кто слух вперяет
В приятный, нежный голос твой,
Улыбку нежну замечает
И восхищается тобой.

*

По жилам смертный хлад струится,
Когда увижу я сие,
Уста немеют, взор мрачится
И бьется сердце вдруг мое.

*

То мраз во мне, то пламенею,
Не помню вовсе сам себя,
В смятении горю, бледнею...
Дрожу... и замираю я.

133. К. Н. А — ВУ

(В ответ на письмо)

Напрасно думаешь, что там
Светильник Дружбы угасает,
Где жертвенник Любви пылает;
Напротив, друг мой! фимиам,
Тем сердцем Дружбе приносимый,
В котором огнь неугасимый
Любви горит уж навсегда, —
Не перестанет никогда
С сугубой ревностью куриться,
Любовью все животвориться.
И из чего, скажи, ты взял,
Что твой сопутник с колыбели
Любить друзей уж перестал?
Иль в нем все чувства онемели
И он как лед холоден стал?
Мой друг! так думаешь напрасно;

Все тот же я, как прежде был
И ничему не изменил;
Люблю невольно, что прекрасно;
И естли раз уж заключил
С кем Дружества союз я вечной,
Кого люблю чистосердечно,
К тому, к тому уж сохраню
Любовь и Дружество конечно
И никогда не изменю.
А, потому, и будь покоен,
Коль дорожишь ты мною так;
Тебя, мой друг, полюбит всяк,
Ты Дружбы каждого достоин.
Что ж я молчал — тому виной
Не Дружбы нежной охлажденье,
Как уличаем я тобой;
Но так сказать, себя забвенье
Любви в счастливом упоенье.
. . . .
Так, друг мой, так, и я стал жрец
У олтаря Киприды милой;
И что бы ни было... счастливой,
Или несчастной мне конец,
Я не престану, неизменно,
Отныне жертву приносить
Своей богине повседневно. —
Ах! можно ль, друг, и не любить?
Любовь есть цель всего созданья!
Но пусть по-твоему — мечтанье,
Мгновенный призрак, легкий сон;
Пусть сон... я буду им доволен,
Я буду счастлив, хоть неволен,
Лишь только б продолжился он!
. . . .
Да и когда же предаваться
Мечтам, мой друг, как не теперь,
Лишь только в юности, поверь,

Мы ими можем наслаждаться; —
А Юность, друг, стрелы быстрей
За каждым в след летит мгновеньем!
Летит — и мчатся вместе с ней
Мечты, утехи с наслажденьем.
За ними старость прибредет,
А вместе с нею и кручины,
Чело покроют все морщины,
Унынье дряхлость наведет,
Настанут, друг мой, дни угрюмы,
Встревожат сердце мрачны думы,
Любовь и места не найдет.
И так, доколь еще есть время,
Живи в весельи и люби;
Не почитай любви за бремя,
И даром время не губи.

134. ПРИЯТЕЛЮ

На брак Н[астасии] М[ихайловны] Т[евяшо]вой

Наконец, мой друг любезной!
Купидонова стрела
К сердцу милой и прелестной,
К сердцу Насти путь нашла!

*

Тщетно Настя щитом крепким
Мнила к сердцу путь закрыть;
Злой божок всегда был метким;
Он успел его сразить.

*

Гименей свой факел ясной
Возжжет скоро для нее
И гирляндою прекрасной
С милым спутает ее.

135. БОГАТСТВО

(Из Анакреона)

Естлибы возможно было
Нам богатством жизнь продлить,
Я бы стал тогда всей силой
Злато и сребро копить;
И по общему закону,
Когда б смерть ко мне пришла,
Не жалея милиону,
Чтоб еще пожить дала,
Я старался б откупиться;
Но когда сего нельзя,
Так почто ж и суетиться
И тревожить так себя?
К чему злато за замками
Накопивши сохранять?
Не приятнее ль с друзьями
В пирах время провождать?
Иль прелестницы прекрасной,
Прильнув к розовым устам,
Тая в неге сладострастной,
В счастьи равным быть богам?

136. ЕПИГРАММА

«Вчера Комедию мою играли;
Что какова она?» —
«Должна быть страх дурна!» —
«Того не может быть; ведь вовсе не свистали!» —
«Да потому, что все дремали».

137. ЕПИГРАММА

Узрев, что Слабоум, сын сельского попа,
Как будто дельный вдруг столь важным стал лицом,
Кто будет столько прост, чтобы сказать потом,
Что своенравная Фортуна не слепа!

138. РЕЗВОЙ НАТАШЕ

Наташа, Наташа! полно резвиться
И всюду бабочкой легкой порхать,
С роем любезных подружек кружиться
И беспрестанно прыгать, играть.

*

Всему есть, мой Ангел, час свой! кто хочет
С счастием в мире и дружестве жить,
Тот во время шутит, пляшет, хохочет,
Во время трудится, во время спит.

*

Естли ты *разнообразить* не будешь
Вечное то же наскучит тебе;
Ах! тогда прыгать, резвиться забудешь
И позавидуешь многим в судьбе!

*

Естлиж желаешь иметь ты веселье
Спутником вечным, — то вот мой совет:
Искусно мешай между делом безделье,
Но не порхай лишь на поле сует!

139

Надежда! Наконец
С тобой на век расстаться
Определил творец!
Прости ж, прости ж навечно,
И знай, о друг сердечной,
Звенит уж колокольчик! прости! всему конец.

Коль пред тобою стою,
В восторге утопаю,
Твое дыханье пью;
В разлуке же вздыхаю,
Томлюсь, грущу [то]скую
И в скорби утешенья нигде не нахожу.

140.

В сей долине *вечных слез*
Незабудочки лазурны
И кусточки вешних роз
Вкруг печальной вьются урны,
И унылый кипарис,
Как сиротка одинокой,
На сей памятник плачевной
Шумной ветвию повис...
С ранним утром ежедневно
Я сюда с тоской хожу
И в душе своей угрюмой
Счастье прошлое бужу
О прошедших благах думой.
Но оно уж не проснется,
Мертвый сон его сковал,
И друг сердца моего
На призыв не отзовется.

141. ВЕСНА

Приветствую тебя, зеленый луг широкий!
И с гор резвящийся, гремящий ручеек,
И тень роскошная душистых лип высоких
И первенца весны приветный голосок!
Холмы, покрытые муравкой молодою,
Юнеют красотой цветочков голубых,
И резвы мотыльки, собравшися толпою,
Порхают в воздухе на крыльях золотых,
Уж нежная свирель приятно раздается
В кустах бродящего со стадом пастушка;
Порою аромат с прохладою несется
От белых ландышей на крыльях ветерка,
Все дышет негою, все торжеством блистает
Все обновляется для жизни молодой,
И сердце как бы вновь для счастья расцветает,
Любуяся весны улыбкой золотой!

Душа волнуема восторгом удивленья!
Природа пышная младой красе твоей
Спешит восторженна!.. и ищет разделенья,
Спешит излить восторг в сердца своих друзей!
  Как сладко с милыми от сердца поделяться
  Улыбкой тихою и томною слезой,
  И с ними вечерком природой любоваться,
  Гуляя по лугам роскошною весной!!!

142. АКРОСТИХ

Нет тебя милей на свете,
ангел несравненный мой!
ты милее в юном цвете
алой розы весненой.
легче с жизнью разлучиться
и все в свете позабыть,
я клянусь в том, чем решиться
Тебя, друг мой, не любить.
есть на свете милых много,
верь, что нет тебя милей;
я давно прошу у бога,
шутки в сторону, ей! ей!
одного лишь в утешенье:
вечно, вечно быть с тобой!
ах свершится ли моленье;
  скоро ли я буду твой?

Подгорное, 17 ок[тября] 1818

143. ЛЮДМИЛА

Баллада

«Нет, не мне владеть тобой,
  Ангел сердца милый;
Ты должна вкушать покой,
  А я век унылый,

Лия токи слез, влачить,
И страдая вечно,
Яд и горести испить
Муки злой, сердечной.

*

Тебе мил не я, иной;
Страсть — да истребится;
И в душе моей покой
Впредь — да водворится;
Пусть из памяти моей
Образ твой прелестный,
Красота души твоей,
Сердцу глас известный, —

*

Истребится навсегда,
И изгладит время; —
Нет, не буду никогда
Я для милой бремя.
Там далеко, за Днепром,
В Литве, на чужбине,
Кончу в бое я с врагом
Дни свои в кручине».

*

Так несчастный Миловид,
Молвил пред Людмилой;
Дева робкая дрожит,
И свой взор унылой
В землю потýпив, речет
Юноше с слезами:
«Ах останься; все пройдет;
Будешь счастлив с нами.

*

Не могу тебя любить,
Чтоб иметь супругом;
Но клянуся вечно быть
Тебе верным другом». —

«Ах! что в дружбе — коль любовь
В сердце уж пылает,
И волнуя пылку кровь,
Страсти возмущает?
Нет, Людмила, нет, не мне,

*

Счастьем наслаждаться;
Мой удел в чужой стране,
Мучиться, терзаться».
И еще унылый взгляд
Бросив на Людмилу,
Он покинул отчий град,
Чтоб обресть могилу.

144. ВОСПОМИНАНИЯ

Элегия

(Посвящается Н. М. Р[ылеев]ой)

Еще ли в памяти рисуется твоей
С такою быстротой промчавшаяся младость,
Когда, Дорида, мы, забыв иных людей,
Вкушали с жаждою любви и жизни сладость?..
Еще ли мил тебе излучистый ручей
И струй его невнятный лепет,
Зеленый лес и шум младых ветвей,
И листьев говорящий трепет, —
Где мы одни с любовию своей
Под ивою ветвистою сидели:
Распростирала ночь туманный свой покров,
Терялся вдалеке чуть слышный звук свирели,
И рог луны глядел из облаков,
И струйки ручейка журчащие блестели...
Луны сребристые лучи
На нас, Дорида, упадали,
И что-то прелестям твоим в ночи
Небесное земному придавали:

Перерывался разговор,
Сердца в восторгах пылких млели,
К устам уста, тонул во взоре взор,
И вздохи сладкие за вздохами летели.
Не знаю милая, как ты,
Но я не позабуду про былое:
Мне утешительны, мне сладостны мечты,
Безумство юных дней, тоска и суеты,
И наслаждение сие немое
Так мило мне, как запах от левкоя,
Как первый поцелуй невинной красоты.

145. К С.

Наш хлебосол-мудрец
В своем уединеньи,
Прими благодаренье,
Которое певец
Тебе в стихах слагает
За ласковый прием,
И в них же предлагает
Благой совет тишком:
В своей укромной сени
Живи, как жил всегда,
Страшися вредной Лени
И другом будь Труда.
Люби, как любишь ныне,
И угощай гостей
В немой своей пустыне
Бердяевкой своей *
Она печали гонит,
Любовь к себе манит,
К чистосердечью клонит
И сердце веселит.
Что б *ни было* с тобою,

* Так прозвал он прекрасную свою наливку, сделанную им по наставлению Маиора Бердяева, славного Гастронома. [*Примечание Рылеева*]

Ее не забывай,
Разгорячись порою,
*Но дома не сжигай!..**

146

Минуты счастия промчались
И вечно, вечно не придут
Печали, горести остались
И вечно, вечно не пройдут.
Недолго сердце биться станет,
Недолго буду я грустить,
В весенний день цветок увянет,
Его коль с веткой разлучить.
Я мнил счастливым быть тобою
В тебе зря душу красоты
Теперь прегорькою слезою,
Плачу за лестные мечты.
Томлюсь, мучение ужасно!
Своей я жизни не прерву;
Ты смерть! отрада для несчастных
А я — для горести живу.

147

Завеса с глаз моих сорвалась,
И ты, о Лила, не моя!
Не умирают знать с печали
Когда живу на свете я.

*

Несносно жить всегда страдая,
С утра до вечера всегда;
И с просыпленьем ожидая,
Что вновь готовится беда.

* Один великий и беспокойный сутяга, лишив многих наследств достояния, угрожал и С — ву отнять у него дом... Если он это сделает, сказал мой гостеприимный сосед, то поверь мне, что я сожгу дом свой, пусть и ему не достается!.. (*Р.*)

Сердце в выборе невольно;
Льзя ль сердцу повелеть
Видеть Машиньку довольно,
Чтоб любовью к ней гореть.

*

Как Душенька прелестна
В шестнадцать только лет,
Застенчива, любезна,
Отраду в сердце льет.

*

Не знает, что карета,
Шаль, лино, кисея,
В белом платьице одета,
Как прелесть майска дня.

*

Кадрилек не танцует
И арий не поет,
Но взглянет — очарует,
Сердце, душу, мысль влечет.

*

Пусть свет весь обвиняет,
Что я к Машиньке горю,
Но я прощаю, он не знает
Милу Машиньку мою.

*

Кто любит, тот и знает,
Льзя ль сердцу повелеть,
Машу с Ангелом сравняет,
Так можно ль не любить!

ПРОЗАИЧЕСКИЕ И ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

149. ПРИЧИНА ПАДЕНИЯ ВЛАСТИ ПАП

Европа среди XVI столетия была дикое позорище беспрерывных браней. Тысящи сил, до сего времени дремавших, пробудились и сделались чрезвычайно деятельными. Шлемы и мечи лежали на кровавом месте битв. Человечество в первый еще раз почувствовало зыблемость священного скипетра Пап, власть коих до селе была удивительна. От Императора до крестьянина все принадлежали им. Не редко владетельные особы были лишаемы земель своих, а иногда и жизни. Духовенство, тесно соединенное с Папою, также строгая Инквизиция, вместо того чтобы просвещать народ, заводили оный еще в глубочайшие суеверия, безумства и закоснелые предрассудки, составив тем твердой оплот свободе и разуму, зная, что на сем только основывалась их власть.

Испания и Италия более всех прочих государств были подвержены жестокому скипетру Пап. — Там просвещение скрывалось в непроницаемом мраке; легковерие ужасно затмевало его. Монашество в странах сих производило невероятные изуверства, дабы удержать народ в почтении и страхе к себе; и для способнейшего удовлетворения ненавистным страстям своим угнетало его неимоверно. Сношение с другими народами было прервано. Таковая ужасная сила Пап была причиною многих несчастий. Государи для поддержания себя на троне,

или, лучше сказать, страшась придти в немилость у Наместника Христова, ежегодно отправляли к нему великие суммы денег.

Не смотря на тогдашнее невежество и непросвещение, многие, видя наглое и постыдное поведение Римского престола, восставали против него; но скоро были жертвою своей дерзости. Из множества таковых знаменитейшие были Виклеф и Иоанн-Гусс. Первый хотя и умер не от меча Папы, но чрез 40 лет не позабыли его, и, по приказанию Мартыня V, прах его был сожжен. Второй — живой был предан огню, и хотя последователи его под именем Гусситов подняли знамя бунта, однако, не могли еще потрясти твердого основания папского престола. Наконец разум, томившийся доселе под законом принуждения, мало по малу начал открываться и проясняться. Наместники Петровы страшились его просвещения. Лев X с ужасом смотрел на то с трона своего. Духовенство усугубляло свои старания вводить народ в глубочайшие суеверия и невежество, чему противное делал Мартын Лютер и его последователи, которые учением своим весьма много подействовали на умы тогдашнего времени. Папа и его Вассалы старались цепи, ими наложенные, украшать розами; не смотря на то, с ужасом видели, что быстро приближалась та минута, которая должна открыть глаза заблужденным и показать свету их обманы. Они видели, что число поклонников их ежедневно уменьшалось.

Причина восстания Лютерова противу папской власти была следующая: Папа, недовольствуясь чрезвычайными поборами с католических земель, стал продавать Индульгенции, т. е. грамоты, заключающие отпущение грехов. Мартын Лютер вознегодовал на сие и публично в проповедях своих возгремел противу Папы. Сей, узнав то, отлучает его от церкви, и вот Лютер с отчаяния, пылая гневом, вооружился противу папской власти, Индульгенций и даже Догматов веры!.. Будучи позван на суд, собранный Вормским Сеймом, он является туда, имея

охранительную грамату, и совершенно себя защищает. — С сего-то времени народы Северной Германии мало по малу начали отпадать от римской веры; чему конечно главным поводом был посмеяния достойный торг Индульгенциями.

150. ПОБЕДНАЯ ПЕСНЬ ГЕРОЯМ

Низойдите, тени Героев! низлетите к нам на крылиях из Виталища доблести! низлетите разделить радость нашу!.. Мы прогнали сильного с полей отечественных; истребили неисчетные полчища его, пришедшие расхищать сокровища храмов божиих; лишать невинности жен, сестер и дщерей наших; ругатся остатками святых, угодивших господу. — Низлетите, тени Героев, тени Владимира, Святослава, Пожарского!.. Оставьте на время райские обители! — Зрите, и дивитесь славе нашей!.. Сломлен рог Гордого; силы его ослаблены; могущество зыблется, и слава исчезла, яко дым, яко мгла утренняя. Скоро, скоро с шумом падет он с той высоты, на которую рука слепого счастия вознесла его!

Смерть летала над полями нашими; опустошения и пожары свирепствовали в градах и весях наших; ежедневно слышны были стоны и вопли дряхлых старцев и пола нежного. Сердца наши обливались кровию; нам зрелась близкая гибель; внезапу является Кутузов во стане воев наших, и явление сего дряхлого старца оживляет мужей и юношей. Приход его был подобен восходу солнца после страшной непогоды. Надежда, что враги будут низложены, одушевляет воинов русских, и они, подобно бурным потокам, разрушающим твердые плотины, вторгаются в ряды противные и истребляют нечестивых.

Кутузов, ты спаситель наш! ты истребитель врагов Вселенныя! Какая хвала может быть тебя достойна? Кроткий Монарх, краса Владык земных! ты лучший пример им; ты покорил сердца людей не оружием, а Ангельской душою своею! ты друг народа своего; ты созиждешь блаженство Вселенной; ты караешь врагов всеобщих! — Всевышний творец Чудного мира сего давно уготовал тебе место среди Петра и Екатерины.

Подобно робким еленям, преследуемым от звероловов утекали враги наши из Москвы златоглавой; подобно искуснейшим охотникам вои наши воспретили им уйти в земли отечественные. — Мраз и Глад, съединившись с храбростию сынов Севера, ежедневно умалял число хищных. И се! ...силы тьмочисленные истреблены, подобно легкому праху, развеваемому сильным ветром. — Было время, в которое враги сии славились своею храбростию; но время сие пролетело и исчезло, подобно как пролетает звезда по синему небу и исчезает со мраком ночи.

Возвысьте гласы свои, Барды. Воспойте неимоверную храбрость воев Русских! Девы красные, стройте сладкозвучные арфы свои; да живут герои в песнях ваших. Ликуйте в виталищах своих, Герои времен протекших. Переходи из рук в руки, чаша с вином пенистым, в день освобождения Москвы из когтей хищного. Да, воспоминая о доблестях предков своих, потомки наши возгорят жаром велиим любви к Отечеству; и да всегда разят врагов имени Российского.

151. [РЕЙНСКИЙ ВОДОПАД]

Шафхаузен. Марта 25 дня 1814

Возвращаясь в свое Отечество через Шафхаузен и оставляя за собой виноградные берега быстротекущего Рейна, я спешил посетить место, в которое толпами сте-

каются странствующие, — дабы удивиться чудесному низвержению славной реки. Утро было прекрасное; — Солнце светило во всем своем величестве; — Силу падения воды не возможно ни с чем сравнить! Пенящиеся волны, с порывом рвутся между скал, и, низвергаясь с крутизны утеса — дробятся, образуя над поверхностию воды густое и блестящее облако пыли, соединяются, делятся вновь, вновь совокупляются и воспринимают дальнейшее свое течение. Шум и рев волн, с необычайною силою ударяющихся о кремнистые скалы, оглушает и изумляет зрителя; — —

Два вековые утеса, гордо, при подножии падения, поднявшие чело свое, увенчанное мхом, и с презрением отражающие все усилия порывистого стремления, еще более усугубляют удивление странника, поселяя в душе его величественные мысли; — — — сердце трепещет, душа млеет в восторгах, слабый ум стремится понять *творца природы* и — утопает в *его* величии!

152

[ПИСЬМА ИЗ ПАРИЖА]

...же Музыкант, приведут в необычайное изумление каждого, не знающего силы Механизма.

После сего пошли мы в самый Спектакль. Робертсон сказав несколько слов о Магии древних, хлопнул в ладоши; — свечка потухла вспыхнувши — и мы остались в темноте; — мертвая тишина воцарилась между нами, можно было заключать, что каждый с нетерпением ожидал начала; — — чрез несколько минут, блеснула молния, раздался гром, огненные нетопыри полетели над нами; вдали видны были огненные тени, медленно приближающиеся к нам в длинных саванах. — Вот, они приблизились, но раздался гром — и все исчезли в дымном облаке!...

Является гроб, гром прокатился снова — — гроб вскрылся и мы увидели восстающего Скелета, — сей также исчез, за ним последовало явление Дьявола, ход Монахинь,

Могильщик, и другие не менее мрачные сцены. Представление кончилось и я пошел в Palais Royale, в Кондиторскую Foý, а от туда к себе. —

ПИСЬМО ТРЕТИЕ

Г. Париж. С[ен]т[я]б[р]я 1815 года

Сегодня я осматривал Пале-Рояль; фасы оного составляют параллелограмм. Войди во внутренность, ты увидешь сад; он длиною 117, а ширина его 30 тоазов — служит довольно приятным гуляньем. Сто восемьдесят портиков составляют нижнее его строение; оно занято лавками и кофейницами. Зрелище великолепное, особенно при освещении вечером. Средний этаж также полон магазинами, ресторациями или живущими в нем купцами и ремесленниками, а верхние по большой части есть обиталище тех презренных жертв ее распутства, кои в толиком множестве толпятся в Пале-Рояль! Без ужаса не могу вспомнить об них! Красота некоторых чрезвычайна! В ином месте не смел бы и подумать об них худо, когда б твари сии своим нахальством себя не изобличали. Не которые из них до того дерзки, что, не в силах будучи убедить следовать за собою словами своими и красотой, хотят принудить к тому насильно, хватая за руки. Ты знаешь мою Стоическую твердость против искушений сего рода и, следственно, не можешь сомневаться, что друг твой и в Пале-Рояль избег сетей соблазна.

Приди в Пале-Рояль в какой бы то ни было час — и ты верно едва продерешься чрез толпы посетителей! Что тебе угодно? Ступай в Пале-Рояль, и не сомневайся, чтобы ты с деньгами чего не нашел; — приди туда голый, но с деньгами, тебя назовут Маркизом — и ты в минуту одет по самой последней моде. Смело можно сказать, что Пале-Рояль есть душа Парижа; здесь стекаются все его сословия, здесь бывают все их сборища, здесь в какой-нибудь из кофейниц решалась судьба многих и, может быть, производились и составлялись важнейшие заговоры,

ПИСЬМО ТРЕТИЕ (продолжение)

Г. Париж. 18 С[ен]т[я]б[р]я 815 года

Сегодни день моего рождения; — прошлого года провел я оный в Дрездене — и мог ли воображать тогда через год праздновать его в Париже! Вот, друг мой, каковы нынешны обстоятельства! Сегодни здесь, а завтра — бог весть! Помнишь ли, как мы читали Исторические описания славных деяний Рима и древней Греции! Это Басни! — восклицал ты часто. Сообрази теперешние случаи с тогдашними, и ты увидишь, что происсшествия наших времен более достойны удивления, более невероятны, нежели все до оных в мире случившиеся — и ежели мы не верим чрезвычайным событиям лет протекших, то не знаю, как поверят потомки наши происсшествиям, которые происходили при глазах наших. И как поверить, что один ничтожный смертный был причиною столь ужаснейших политических переворотов! как поверить, что в продолжение не более как десяти лет возрождалось и упадало до десяти Государств, восстановлялось и низвергалось несколько Монархов — и все по прихотям одного человека! Как наконец поверить, что сей самый человек, неоднократно повелевавший Судьбе, сам подпал под острее косы сей владычицы Мира!..

В 9-ть часов пришел ко мне Знакомец наш Е***, дабы вместе идти в Панораму, представляющую гор. Кале (Pas de Calais). Нельзя довольно надивиться совершенству искусства!.. Зрение обманывается—думаешь, что находишься над самым городом, которого не только собственные, но даже и окрестные строения в дали на три часа, представляются взорам в том самом виде, как они есть в Натуре: Город, валы, ров, пристань, море и все вообще предметы, самые отдаленные, изображены с чрезвычайною точностью. Е*** протирал глаза, смотрел в зрительную трубу, оборачивался туда, сюда и с каждой минутой

более и более удивлялся. Я также не менее его был поражен. Наконец мы вышли.

Как уже было время завтрака, то я и пригласил на оный своего товарища в Пале-Рояль. Мы достали там аглицкий бифстекс, форель, хороших Устриц, две бутылки портеру, одну Шато-Марго, а в заключение роспили и Шампанского. Французы удивлялись доброму апетиту и здоровому русскому желудку.

Прогулявшись по Булевару, мы пошли каждый к себе, уговорившись вечером сойтиться в театре.

В Париже ежедневно открыто по крайней мере шесть театров; по сему можно судить и [о] многолюдстве и образе жизни обитателей оного. В это же самое время зайди в Пале-Рояль, пройдись по любому из булеваров — и везде с трудом протеснишься чрез толпы народа.

Во Французском Театре (Theatre Français) играли Кокетку, от великого стечения посетителей было даже душно; я не мог дождаться окончания третьего действия; мне сделалось дурно — и я принужден был оставить пиэсу.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Г. Париж. Сент[ября] 19 дня 815

Вчера просидел я за Журналом до двух часов, после таковой усталости проспал до один[над]цати, и вспомнивши, что сегодни открыт Музеум Наполеона в Лувре, я спешил одеться и поскакал в оный. Здесь я удивлялся искусству древних и новых художников, произведениями коих наполнены Залы сего огромного строения. Кому не известны Аполлон Пифийский, славный под названием Бельведерского? * — Он здесь. Трупа Лаокаонова (Laocaon), Венера Медицейская (Venus, dite la Venus de Medicis), Боец (Héros combattant, dit le Gladiateur Borghéze), Юнона Капитолийская (Junon du Capitole) и дру-

* Apollon Pythién, dit l'Apollon du Belvédère.

гие не менее прекрасные статуи также украшают сей Музеум.

Все сии великие остатки от древних служат полным доказательством, сколь мы еще далеко отстоим от них в искусстве сего рода.

Долго удивлялся я сыну Латоны, победителю Змия Пифийского! Вид его полон божественного величия, всюду сияет вечная юность и красота, сила необоримая и мужество. — Все показывает опасителя обитателей Дельфских! — Все сии статуи из Ватикана, Виллы Боргезы, Виллы Албани и других мест Италии. Каких сокровищ, каких высоких памятников лишилась страна сия от алчности Наполеона.

Картинная галлерея также полна произведениями Рафаеля, Мишѐль Анжа и других великих артистов из школ Итальянской, Фламанской и Голанской; — но лучшие из оных взяты Австрийцами и Прусаками, говорят, что превосходнейшие из статуй должны ожидать подобной же участи. —

Самое строение Лувр не менее достойно примечания как и находящиеся внутри его редкости: Оно начато в царствование Филипа Августа; Емануель, Император Греции, Сигизмунд, Император Германский, и другие, в разные времена жили в оном. Фасада его бесподобна; огромностию подобного строения я нигде не видел; вот, уже несколько веков как оно строится, и еще не кончено! — Оно примыкает к Тюльери, в коем обыкновенно жительствует король. Триумфальные ворота, выстроенные по приказанию Наполеона, достойны служить памятником всяких побед! На верху оных стоит колесница, с четырьмя коньми, а по бокам крайних по Архангелу из свинца, работы чрезвычайной. Лошади сии, вывезенные из Венеции, как триумфы побед Наполеона в Италии, при мне сняты Австрийцами. Я ходил на высоту Арки, в намерении лучше рассмотреть сии достойные памятники славы — и получил от одного солдата Цесарского кусок от вензеля Наполеонова. Не одобряю поступок нашего союзника

Франца II-го. Зачем раздражать народ действительно славный; зачем затрогивать честолюбие и гордость народную, двадцатилетними победами в сердцах утвердившуюся. Не значит ли это вождать в них к себе вечную ненависть? Мы, Русские, совсем иначе обходимся. Наши союзники надменностию и жестокостию своею скоро выведут из терпения народ, в сердцах которого еще с прежнею горячностию кипит любовь к независимости и к Славе. Я сам был свидетелем одному происшествию:

Прусаки поставили в саду Пале-Рояль караул. Солдаты стали обижать проходящих, обиженный закричал — и в минуту сбежалось до 200 французов. Пруский офицер велел примкнуть штыки и пошел разгонять стекшийся народ; безоруженная толпа сия разбежалась, но через минуту собралась еще в большем количестве; — офицер не переставал храбриться, но над ним смеялись, народ скоплялся, лавки запирали. Пришел Патруль Парижской Национальной Гвардии — и немного спустя отряд Англичан; тогда уже их выгнали из саду.

В ето время произошел у меня с Французским офицером следующий разговор: «Мы покойны, сколько можем, сказал он, но Союзники ваши скоро нас выведут из терпения. — Мы французы, мы с чувствами!»

— Я Русской, и вы напрасно говорите мне.

— Затем-то я и говорю, что вы Русской. Я говорю другу, ибо ваши Офицеры, ваши солдаты так обходятся с нами. Ваш Александр покровитель нам, он наш благодетель — но Союзники его — кровопийцы! Чего они хотят от нас?! Разве еще они не довольны бедствиями Франции, что ругаются над священнейшим сокровищем нашим — честию! — Кто мы? Рабы что ли ваши?.. По жребию оружия — мы побеждены, но были некогда и мы победителями, и раздражали ли народ подобными обидами?... — —

— — — Полно, полно, прошу вас; мы не виноваты;—мы, Русские — друзья ваши. — Я был совершенно расстроган; он хотел говорить, но слова замирали от сердечной боли, слезы блистали на глазах его. Я посмотрел на

Патриота — и увидел воина, лет тридцати, украшенного легионом чести и Орденом св. Лудовика и... на деревяшке! Я поцеловался с ним. Сей сцене были свидетелями многие Французы. Чувства их были одинаковы. Они громко проклинали Прусаков. Я спешил удалиться.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Г. Париж. Сентября 20-го дня 815 года

Сегодни был я в большой Опере, где пленялся приятностью пения лучших Театра сего актеров и актрис. В балете шестидесятилетний Вестрис удивлял меня своею легкостию. Невозможно дать совершенного понятия о превосходстве игры, танцев и пения; всякое описание будет недостаточно, скажу только, что я редко был так очарован, хотя часто бывал на прекраснейших балетах в С.-Петербурге. Сосед мой, пожилой француз, поминутно спрашивал меня: Доволен ли я игрою?

— «О, чрезвычайно! — отвечал я; — мне редко удавалось видеть подобную».

— «Вы конечно были в С. Петербурге?»

— «Я там воспитывался».

— «Часто ли посещали Театр; у вас также много хороших актеров, и я слышал, что балетная трупа из первейших в Европе».

— «Ето правда; — мы имеем Дюпора, который не уступит вашему Вестрису; у нас есть Колосова, которая на каждом театре и в балете пантоминном заслужит первенство; но жаль, что нет у нас теперь столь огромного театра, где бы удобно было разыгрывать большие пиэсы.

— «Да; — ведь ваш каменной большой Театр сгорел. Ето большая и чувствительная утрата для публики С. Петербурга; он был побольше нашего».

— «В полтора раза».

— «Sacréstie!» — сказал он. Вдруг музыка заиграла известную национальную песню: Vive Henri IV! В ложах, в партере, везде захлопали в ладоши. Ентузиазм некоторых

разительно отличался от принужденного веселия многих. Боже! избави Францию от третьего посещения! Но кажется оно неминуемо: здешние умы расположены к мятежам, сердца к мести. Почти каждодневно обнаруживается враждебный дух Парижан, склонный к беспокойствам! Я боюсь за остающихся здесь Прусаков и Австрийцев! Это верные жертвы, статься может, уже составленного заговора. Чего не было в наши времена? Надлежит всего ожидать — и смотри, естли Варфоломеевская Ночь и ужасы Варшавского кровопролития не повторятся. Но время, время!.. — — Быть может, я заблуждаюсь; быть может, кровожадность человечества уже пресыщена; желание покою заступило место оной!.. О, когда б это было так! — — ...

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

Г. Париж. Сентября 21 дня 815

Сегодня прогуливался я по берегу Сены, т. е. по ее набережной, которая вся из камня. Река сия разделяет Париж на две части; пятнадцать мостов соединяют оные; из коих примечательнейшие: Мост Аустерлицкий (Pont d'Austerlitz) пред самими воротами сада кабинета Натуральной истории. Оный сооружен из железа на каменных арках, в 806 году по приказанию *Наполеона*. Мост, соединяющий гроб св. Жерменя с Лувром, также прекрасен; * а Нюльи (Pont de Neuilly) есть первейший в Париже и, как говорят, лучший во всей Франции. Действительно нельзя не удивиться оному — его одна из чрезвычайнейших архитектур. Камни, образующие его парапет, величины необычайной, и, при всем том, он весьма легок. Он начат в 1768, а кончен в 1772 году. —

Идя по набережной пред Тюльери, ты увидишь множество колясок, готовых к отъезду в окрестные места Парижа, в Версаль, С. Клуд, Жермень и т[ак] далее. Мне это весьма

* Мост сей примечателен также по множеству соседственных оному Кофейниц, в коих можно найти всякого роду прохладительное.

понравилось; здесь путешествующему нет затруднения. Жаль, что мне недостаточно времени побывать в сих местах, — ибо я намерен дни через два оставить сию столицу веселостей.

За Тюльери, на самом берегу Сены, простираются необозримые аллеи со множеством Кофейниц и Ресторации; — это поля Элисейские (Champs Elisées). Говорят, что они служат весьма приятным[1] для публики Парижской; — но только не теперь. Бивуаки Англичан занимают в оных великое пространство, почему и не думаю, чтобы они были посещаемы при столь неприятной Картине.

С одним из своих приятелей был я при игре в Рулетку — мне она нравится. В ней все зависит от фортуны, и кажется никакого обмана быть не может; вот краткое описание оной:

В средине стола круг неподвижный, на который пускают шарик; в середине же сего круга другой с Номерами, числом до 36-ти, разделяющимися на красные и черные; сей круг вертится посредством медной рукоятки с четырьмя кончами — и в ето-то самое время Банкер пускает шарик в противную сторону. Играющие ставят деньги. Шарик сбегает с неподвижного круга на вертящийся и попадает, положим, на один из красных номеров, на 3-й; кто ставил на оный, тот выигрывает — черная сторона проиграла, и т[ак] далее.

Здесь есть общество, которое содержит игры: Банк, Рулетку, Rouge et Noire и в кости — оно покровительствуется правительством, платя за то ежегодно важную сумму. Недавно один молодой человек проигрался до последнего Су, и тут же в Пале-Рояль застрелился. Редко случится кому здесь выиграть; из тысячи разве одному удастся — но при всем том охотников пробовать счастие всегда великое множество. Один из наших Офицеров, воспитывавшийся вместе со мною в Корпусе, вы-

играл 30,000 франк, и не более как через час опять спустил их. Французы думали, что он застрелится, однако ошиблись; он хладнокровно пошел в Кофейницу, спросил несколько бутылок Шампанского — и распил оное с нами. Сим кончилась вся его Панахида о 30,000 франках.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

Г. Париж. Сент[ября] 22 дня 815

Можно утвердительно сказать, что ни один Король из фамилии Бурбонов не украсил столько Парижа, как Наполеон. В его царствование, несмотря на беспрестанные войны, выстроены многие прекрасные здания, воздвигнуты великие памятники и великолепные обелиски, долженствующие предать в позднее потомство славу двадцатилетнего правления Наполеона и сохранить имена созидавших оные.

На площади Вандома (Place Vendôme) возвышается столп Аустерлицкий, высота его — — окружность — — —*. Сей памятник сооружен из камня, во всю высоту свою обложен кругом медными листами в полтора пальца толщины и украшен Барельефами. Подобно столпу Траянову, он составлен из трофеев всякого роду, приобретенных в компании 805 года.

Один из Барельефов представляет французов на Батареи; офицер бросается на орудие и с отчаянием упорствует в отдаче оного. — Это наш Артилерист Д*** в Аустерлицком сражении; — враги пощадили храброго и, обезоружив, раненого взяли в плен. — Прошлого года сей достойный офицер вместе с хозяином своим осматривали сей славный монумен и между прочим видели и сие изображение храбрости русской! Какое чувствование было тогда в душе Д*** ! Какое изумление было на лице хозяина-француза, узнавшего в постояльце своем одного из Героев Севера!

* **Так в рукописи.** ***Ред.***

Сие признание во враге своем достоинств, сей памятник славному неприятелю, вернее, нежели все прочие, сохранит имя Наполеона в потомстве.

Вот слова, написанные на пьедестале:

NAPOLIO, IMP. AUG. MONUMENTUM. BELLI GERMANICI ANNO M. D. CCCV (1805) TRISMESTRI SPATIO. DUCTO, SUO PROTIGATI EX CERE CAPTO GLORIAE EXERCITUS. MAXIMI, DICAVIT.

На высоте сего монумента стояла прежде статуя Наполеона — но оная снята еще в прошлом годе. Теперь на месте оной развевается знамя Лудовика XVIII-го.

Сей памятник, сделанный по плану Г-на Лепера (Lepere), есть одно из образцовых произведений сего рода архитектуры.

Памятник Генералу Дезе (Dessaix) еще не поставлен; оный назначен стоять на Place Victoire. Четырехсторонняя пьедесталь оного давно на своем месте; она сделана из белого мрамора, весьма хорошо выполированного.

Генерал Дезе родился в Департаменте Пюй-де-Доме, августа 17 дня 1768 года, а умер на поле чести в сражении при Маренго, будучи причиною победы; последние слова его Лебрюню, сыну третьего Консула были следующие: «Ступай, скажи первому Консулу, что я умираю с соболезнованием, сделав столь мало для потомства».

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ

Г. Париж. Сентября, 23 дня 815

Наконец, я оставляю Париж, сию шумную столицу забав и веселостей, сие обиталище разврата и пороков;— я оставляю сей Лавиринф, в коем тысячи Минотавров, облеченных в приманчивую одежду сладострастия и неисчерпаемых наслаждений, ежеминутно ожидают жертв, для утоления жажды своей; но, ах! оная никогда не утоляется! — Горе неопытному Юноше, блуждающему в

оном без доброго наставника — гибель неизбежная ожидает его на каждом шагу: Здесь цветет Роза; прелесть ее ослепляет взоры твои, обоняние прельщается приятностию запаха; — ты стремишься сорвать приманчивый цветок — — Стой! это расставленные тебе сети; страшись запутаться в оных или ты погибнешь!.. Ты удивляешься,— не доверяешь, но посмотри на цветок сей не пылким взором разгоряченного Юноши, но взором проницательности хладнокровного старца, коего зрение на сей раз превосходнее твоего; посмотри, говорю я — и ты увидишь, что Роза сия ненатуральна, что благоухание оной несходственно с благоуханием свежего цветка, разливающего оное в поле.

Парижанин встает с постели в десять часов, завтракает в двенадцать и обедает в пять. Ужина здесь не знают.

Дороговизна в Париже вообще не так ужасна, как натолковали об ней. Каждый Гражданин с посредственным достатком кушает весьма хорошо. Обед его всегда почти составляет пять, шесть и более блюд, кроме десерта, который по большей части состоит из плодов разного рода, а после оного чашка доброго Кофе.

В шесть часов спешат в Театры, другие в Пале-Рояль, на Булевары, в Тюльери и другие публичные места; так что куда ты ни зайдешь, всюду увидишь посетителей праздных, гуляющих.

Париж имеет прекрасные сады: Тиволи, Ваксаль, Сад Гебы, Турецкой и другие часто посещаемы. Первый славится великолепными праздниками, которые он дает; каждый из прочих имеет также свои игры и занятия.

Париж богат также и богоугодными заведениями, где содержатся бедные и пользуются больные без всякой за то платы. —

Более всего, что понравилось мне в Париже — ето есть Дом Инвалидов (Hotel des Invalides, ou Temple de Mars). Учреждение сие приносит великую честь Лудовику XIV-му, основателю оного. Сие обширное и великолепное строение служит прибежищем изувеченным на войне воинам или за дряхлостью более уже неспособным к продолжению долголетней службы своей. Правительство усердно печется об них: они имеют хороший стол, на день бутылку доброго вина и двести франков ежегодной пенсии. Великолепная и чрезвычайной архитектуры церковь сего славного заведения вмещает в себе Мавзолею Маршалов Тюреня, Вобана и Лана, Герцога Монтебельского. Какую пользу приносит сие учреждение! — Воин бестрепетнее идет на поле битвы; он надеется, что в случае смерти незабвен будет от бога, — а в случае увечья верное имеет прибежище для успокоения своего.

Суд над Маршалом Неем продолжают, говорят, что члены оного третий раз переменяются. Первыми двумя нарядами, оправдавшими Маршала, Король весьма недоволен, но, несмотря на то, можно думать, что его и теперь оправдают; ибо во всех частях правления он имеет великое множество друзей, которые сильно держат его сторону.

Никакая на свете Полиция не может сравниться с французскою; говорят, что она со времени падения Наполеона стала приходить в упадок; но при всем том и теперь ей нельзя не удивиться. Верность ее к Правительству чрезвычайна, старания непомерны. О всяком намерении какого-нибудь скопища она знает при начале составления оного. Фуше, нынешний Министр Полиции, бывший оным и при Наполеоне, имеет чрезвычайные способности для исполнения долга своего.

По дороге в Версаль находится машина Г[осподи]на Марли. Путешествующие стекаются удивляться чудесной ее архитектуре и Механизму. Машина сия доставляет воду в Версаль и в безводные ее окрестности. Господ[ин] Марли трудился над оной во время революции и, разогорченный Правительством, которое не умело его за то наградить, сказал в сердцах, что он поедет в Лондон, и сделает там машину еще превосходнее. Революционное правление приговорило, дабы не допустить его до исполнения слов своих, *выколоть глаза!* Какая ужасная награда за столь полезное дело!....

153

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПИСЬМО К ДРУГУ МОЕМУ, ФИЛИПУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ГОЛУБЕВУ.

Емилия! Флорина! Кумиры, боготворимые нами! Где вы? Какое ужасное пространство разделяет пламенеющие сердца наши! и какая искра надежды может тлеться еще в душах наших? — Никакая! — —

Так, вы умерли для нас, божественные, любезные девицы! Мы уже не услышим вашего восхищающего душу голоса; мы уже не узрим ваших прелестных улыбок, которые разразили сердца наши; не узрим той неоцененной красоты, которая блистает на лицах ваших; тех прелестных улыбок, которыми вы счастливили нас!.. Так, любезный друг, мы разлучились с любезнейшими, драгоценнейшими предметами любви нашей, и разлучились! — навсегда! — Что осталось нам теперь в скучной жизни сей? Что? Единое токмо воспоминание о блаженнейших минутах, пролетевших с быстротою молнии! — — —

Вспомни милую резвость твоей Флорины; ее остроту, ее побеждающие всех взоры; вспомни звуки бесподобного голоса ее, когда он, смешавшись с унылыми тонами оживотворенной ею арфы, достигал в твою комнату! Твое внимание все было обращено туда, откуда легкое веяние Зефира несло к тебе очаровательные отголоски любви!

Вспомни... Но к чему исчислять тебе то, что ты и сам каждый день исчисляешь! Довольно напомнить тебе последний день отъезда нашего! Вспомни его, мой друг, вспомни смущение твоей Флорины; ее неверие; вспомни все — и ты, человек чувствительный, смешавши горькую слезу разлуки с слезою приятного воспоминания, воспомнишь и меня, мой друг, а вместе и мою Емилию...... Емилию, в присутствии которой я блаженствовал, истаевая любовию, истлевая от пламени, возженного ею в юном сердце моем!

...Друг мой! Неужели ты забыл всю ее красоту, все пленительные качества!? Вспомни, с какою приятностию добродетель начертана на лице ее! вспомни ее милую застенчивость; вспомни превосходящий всякое описание голос ее, вспомни любовь ее ко мне, которой ты сам был свидетель; вспомни минуту разлуки, вспомни блеснувшие на глазах ее слезы!..

...Но почто вспоминать о протекшем? Почто приводить себе на память сладостное, но вместе и горестное воспоминание, всегда оставляющее после себя печаль и уныние? Пре[да]дим забвению прошедшее, займемся настоящим и приготовим себя к будущему. Но что ска... *

154.

КОМЕДИЯ В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ, БЕЗ ЗАГЛАВИЯ

ЯВЛЕНИЕ 1-Е

Шарлота одна

Не понимаю, от чего сердце мое так трепещет, так сильно, так приятно трепещет, когда я увижу Карла? И от чего опять оно так беспокойно, так пусто и в каком-то нетерпеливом ожидании, естли его нет со мною? — Года за два пред сим, я была всегда весела, — сердце мое никогда не билось, и я иногда до того резвилась, что покойница матушка часто говаривала мне: Шарлота, ты еще те-

* Рукопись не закончена. *Ред.*

перь дитя, но придет время, — ты перестанешь резвиться, начнешь задумываться — и дай бог, чтобы приятно и счастливо! — Уж не пришло ли ето время? Я в самом деле стала с некоторого времени задумываться — и довольно приятно, но совершенно бываю весела только тогда, когда приходит к нам милый Карл! — Ах! матушка, когда бы ты была теперь жива? — Но кто-то стучится... *(подходит к ок[ну])*. Ах! — ето он! Ето он! а батюшки нет дома!.. Что мне делать? Боже мой, что мне делать?.. Он ведь рассердится, естли его застанет здесь... Ах! да ведь и Карл рассердится, естли я не отопру ему; он будет печалиться! — Так и быть! *(Бежит к дверям и отпирает)*.

ЯВЛЕНИЕ 2-Е

Та же и Карл

Карл

Здравствуй, милая Шарлота. Как я тебя давно не видел! Ах! естли бы ты знала, как я беспокоился, как я грустил!

Шарлота

Ах! и я беспокоилась, и я грустила, любезный Карл! — Но долго ли ето продолжится? Зачем не сказать нам своим родителям, что мы любим друг друга; что мы не можем жить, естли они нас не благословят.

Карл

Ах! милая Шарлота? возможноль, чтобы твой родитель согласился! Господин Маиор — богат, знатной фамилии; а мой батюшка беден, и притом еще и должен ему. — Нет, нет, Шарлота, твой родитель никогда не согласится; — а естли бы и не было с его стороны препятствия, то мой ни за что в свете того не захочет. Он часто говорит мне: Карл! береги сердце твое; страшись полюбить богатую; ибо я не хочу, чтобы сын мой питался от жены своей. Полюби равную себе состоянием — и я с радостию благословлю такой брак.

Ш а р л о т а

И мне батюшка недавно сказал: Шарлота! пора уже выбрать тебе жениха; потерпи только немножко; а я уж постараюсь! — Ах! естли бы он знал, что сердце мое давно, давно уже выбрало!

К а р л

О, милая, несравненная Шарлота! *(Становится на колени)*. Клянусь, клянусь вечно любить тебя одну!

(Стук в дверях)

Ш а р л о т а

Ах! Боже мой! Кто-то стучится *(бежит к окну)*. — Ах! ето батюшка! Что мне делать? уж он на лестнице! — Спрячься, Карл, в ету комнату.

(Уходят)

ЯВЛЕНИЕ 3-Е

М а и о р

Уф! Как я уморился! Ей! Шарлота! Шарлота! Пойди сюда!

Ш а р л о т а *(из другой комнаты)*

Сей час, батюшка.

М а и о р

Ну, уж жара! — Фу! — Шарлота! Шарлота! Тфу! пропасть! да тебя не дождешься.

Ш а р л о т а

Сей час, батюшка, сию минуту.

М а и о р

Да кой чорт тебя держит там *(идет к дверям и хочет войти)*.

Ш а р л о т а *(не пуская)*

Постойте, батюшка, не ходите.

Маиор

Да кто у тебя?

Шарлота

Уборщица.

Маиор

Уборщица! хо, хо, ха! Что ж такое, я люблю Уборщиц, а особливо молодых.

Шарлота

Да она стыдится, батюшка, не ходите. Вот она сей час идет.

ЯВЛЕНИЕ 4-Е

(Выходит с Карлом, который в салопе и чепчике приседает Майору и хочет идти)

Маиор *(останавливая его)*

Куда ж бежишь так; дай полюбоваться на тебя: — да какая ж миленькая! да какая ж рослинькая! О, я люблю таких миловидных Уборщиц!.. Позволь, душенька, взять тебя за подбородок. *(Берет ее за подбородок)*... Кой чорт!.. Да ты бреишься! — — Постой-ка, постой-ка! Что то ты, г-жа Уборщица, для меня очень подозрительна! *(Срывает с нее салоп и узнав Карла)*. Э, э! так ты-то попал в Уборщицы?! Ах ты негодяй! — Как смел ты забраться сюда без моего ведома? Постой же, молодец, я проучу тебя!

Карл

Г-н Маиор! Простите, простите, ето только несчастный случай; но, клянусь вам, что без всякого худого умысла.

Маиор

О, о, о! забраться в комнату молодой невинной девушки в такое время, когда отца ее нет дома, без всякого дурного умысла! — Но разве хороший умысел навлечь бесславие доброму имени честного, старого человека. Нет, нет, Г-н Вертопрах, твои увертки никуды ни годятся. —

Поди-ка сюда. *(Берет его за руки и ведет в комнату, в которой и запирает)*. А ты! ты, мерзкая! Как осмелилась пустить его в дом, в такое время, когда меня не было?!

Шарлота

Батюшка! простите!..

Маиор

Молчи... пошла на Кухню — пеки пироги! я с тобой после разделаюсь. *(Берет за руку и ошибкою запирает в одну комнату с Карлом)*.

Шарлота

О, мне не будет там скучно!

ЯВЛЕНИЕ 5-Е

Маиор

Без всякого Умыслу!.. Экой пострел! Счастлив он, что его отец мне искренний приятель, а то — беда бы ему! — Без всякого Умыслу! Да! я было и позабыл! Сегодни, кажется, срок платежа денег, которые мне должен Г-н Капитан Храбров. Но что ето значит, что он по сию пору нейдет. Он, кажется, сколько я его знаю, человек честный и акуратный! Верно, какие-нибудь важные обстоятельства задерживают его! — Пойду я сам к нему! — *(Уходит)*.

ЯВЛЕНИЕ 6-Е

Капитан

Ну, уж жара!... Насилу дотащился до Дому... *(Скидывает с себя мундир и надевает шлафрок маиорской)*. А, вот и газеты! Куда же как проворен Карл! он всюду успел слетать. *(Надевает очки, и берет газеты)*. Что сделалось с моими очками? — Я ни зги не вижу? *(Скидает их и рассматривает)*. Э, е! да ето, как кажется, очки Г-на Маиора! Видно, в рассеянии взял мои вместо своих. *(Читает газеты)*: «Наполеон, с армиею в числе 500,000 переправился через Неман в Олито, Ковне и Мериче — и идет

прямо к Москве!» — Фу, чертовщина! никак ему сам дьявол помогает! Да как же так скоро, он успел убраться с Острова св. Елены, свергнуть Бурбонов, набрать столь многочисленную армию — и опять пожаловать к нам в гости! — Эй, Карл, Карл! Сбирайся-ка брат с отцом на службу! — Чорт побери — как закипела во мне старая кровь!.. Но посмотрим, что еще пишут в газетах! *(Читает).* «Государь Император в письме своем на имя Председателя Государственного Совета, графа Ник. Ив. Салтыкова, поместил следующие слова: Дотоле не вложу в ножны меча своего, доколе ни единого врага не останется в пределах Моего Царства». — Так, так, я и не вложу меча своего дотоле, доколе ни единого врага не останется в любезном нашем Отечестве! — Постой-ка, посмотреть, кого назначили Главнокомандующим. *(Ищет в газетах).*

ЯВЛЕНИЕ 7-Е

Маиор *(не видя Капитана)*

Возможности нет ходить! Такая жара! *(Скидает мундир, ищет глазами шлафрока, и увидев капитана).* Ба, ба! Г-н Капитан; каково вы поживаете?

Капитан

А, Г-н Маиор! Добро пожаловать! прошу садиться.

Маиор

Но, господин Капитан. Вы, кажется, ошибкою зашли ко мне в дом, приняв его за свой?

Капитан

Помилуйте, г. Маиор! или вы не помните, сколько раз бывали вы у меня на етой квартере?

Маиор

Виноват, Г-н Капитан. Прошу прощения. *(Надевает ошибкою мундир капитана).* Фу, какой же мерзкий случай! еще раз прошу извинения.

Капитан

Ничего, ничего Г-н Маиор, это маленькое разсеяние. Прошу садиться. Г-н Маиор. Посмотрите пожалуста, что пишут в газетах. *(Читает выше приведенное)*.

Маиор

Кой чорт!... Вот те на! А уж мы думали, что етот проказник кончил свою политическую роль! То-то как неверны все наши предположения! Как ничтожны все наши расчеты! Как обманчивы все надежды! — Итак опять война!

Капитан

Да, да, Г-н Маиор! опять Война! — но нам ли тратить время в бесполезных восклицаниях. *(Бежит, надевает мундир маиора и шпагу)*. Г-н Маиор! я готов! Готов разить врагов бога, отечества и государя! Не угодно ли вам последовать моему примеру?

Маиор *(обнажая шпагу)*

Так, так! разить врагов бога, отечества и государя! — О, я еще не отвык работать сим смертоносным оружием. *(Машет шпагой)*. Коли, руби, стреляй! Вот так! Вот етак! *(Нападая на Капитана)*. Умри, злодей! Умри, враг бога, отечества и государя.

Капитан *(защищаясь)*

Господин Маиор! Г-н Маиор! Перестаньте, ради бога перестаньте. Я не француз! Я не враг бога, отечества и государя! Я Русской! Я Капитан Храбров — ваш истинный друг.

Маиор

Ах! извините, Г-н капитан! Представьте себе: я принял вас за Наполеона! и хотел — заколоть! Счастье ваше и мое, что вы меня вывели из сего заблуждения. Прошу извинения, Г-н Капитан.

Капитан

Ничего, ничего, Г-н Маиор; я знаю, что вы бываете иногда слишком рассеянны!

Маиор

Да бишь; я и позабыл было спросить вас, кто назначен Главнокомандующим?

Капитан

Я и сам то хотел узнать; но в етом Номере газет сего не видно.

Маиор

О, дай боже! Чтобы государь выбрал Русского!

Капитан

Вот нет ли в другом Номере? *(Пересматривает и находит)*. Слава богу! Слава богу! — Русской, Русской!

Маиор

Кто же, кто же такой? Багратион! Милорадович! Каменской?

Капитан

Нет, нет, Г-н Маиор! Кутузов.

Маиор

Слава и благодарение богу и государю! Теперь мы победим!

Капитан

Теперь уж напляшется Г-н Наполеон.

Маиор

Но... Г-н Капитан!.. Кажется мне, что Кутузов скончался?

Капитан

Точно скончался! — Что за чорт! Как же его назначают главнокомандующим? Неужто он воскрес!

Маиор

Нет, Капитан! етаких чудес в наши грешные времена не случается.

Капитан

Так видно ето ошибка.

Маиор

Да кажется, больше и быть нечему, как ошибка со стороны Издателя Газеты! или, может быть, какая-нибудь аллегория, скрывающая в себе какую ни есть тайну... Позвольте-ка. *(Берет газеты)*.

Капитан

И ето может быть, г. Маиор.

Маиор

Ха! ха! ха! Г-н Капитан! да ведь ето газеты 1812 года! — Да и как они попались к вам!

Капитан

Фу, к чорту!.. Верно, сын мой их как-нибудь забросил сюда.

Маиор *(осматриваясь)*

Г[осподин] К[апитан]! Да чуть ли ето не моя квартира. Или позабыли, что вы сошли с ней за месяц до сего, и я нанял!

Капитан

Тьфу, Пропасть! Так, так Г-н Маиор. Виноват пред вами кругом. Прошу извиненья. — Проклятое разсеяние! —

Маиор

Ничего, ничего, Г-н Капитан! Я знаю, что вы бываете иногда слишком рассеяны.

Капитан

Виноват, виноват, Г. Маиор; еще раз прошу извинения.

Маиор

Ничего, ничего, Г-н Капитан. Что за важное преступление ошибкою принять чужую квартиру за свою?! с кем етого не случается, прошу садиться. Г-н Капитан. Ба! что я вижу? — Поздравляю вас с получением монаршей [милости], с орденом!

Капитан

Что вы, Г. Маиор? С каким орденом?

Маиор

А с тем, который на вас.

Капитан *(осмотревши)*

В самом деле!!! — Да как он сюда попал! — Фу, боже мой. *(Вынимает из кармана чепец, при чем падает ключ)*. Ето [Как] ко мне залезло?!

Маиор

Г. Капитан! Да мы, кажется, в рассеянии поменялись мундирами!

Капитан

Точно! Никак сегодня с нами сам чорт шутит!

(Переменяются мундирами)

То-то я был в нем как в тисках сжат!

Маиор

А я как в мешке! — *(Поднимая ключ)*. Этот проклятый ключ. Что бишь я имел вам сказать про вашего Карла?

Капитан

Про моего Карла! — Уж верно какие-нибудь проказы!

Маиор

Да, да, проказы, и славные проказы!.. Наконец я вспомнил! Знаете ли, г-н Капитан, что ваш сын обесчестил дом мой, обесславил меня.

Капитан

Как ето, Г-н Маиор!?

Маиор

Этот ключ, этот проклятый ключ важнее для меня, нежели ключи от Парижа.

Капитан

А, А! Ключи от Парижа! Помните ли, как Депутаты [Времен.] сената поднесли их государю императору! О, они нам довольно стоют крови! Французы дрались как

бешеные, а особливо Национальная Гвардия. Но наши Гренадеры дали же им чосу!

Маиор

А помните ли вы, как работала там наша артилерия, то-то молодецки!

Капитан

Как не помнить, Г. Маиор. Вы за ето, кажется, получили Орден. Ведь ваша баттарея стояла у Мельницы, не правда ли? А наши Гренадеры вправо от нее.

Маиор

Как, Г. Капитан! моя баттарея была перед Мельницей; а ваши Гренадеры левее меня.

Капитан

Нет, Г. Маиор; наши Гренадеры стояли на правой стороне. Я как теперь ето помню. Вот естли бы был клочок бумаги, я бы сей[час] вам доказал.

Маиор *(вынимая и раздирая вексель)*

Не правда ли? Мельница стояла так; моя баттарея здесь; вы, тут.

Капитан

Извините Г. Маиор; мы стояли здесь.

Маиор

Неправда; тут.

Капитан

Ах, Г. Маиор; я только сей час приметил, что вы для своих доказательств употребили мой вексель — и разодрали его.

Маиор

Фу! Дьявольщина! Никак сам чорт шутит со мной сегодня.

Капитан

Ничего, Г. Маиор; я не отопрусь; и сей час же бегу достать вам денег. *(Берет чепчик вместо шляпы и хочет идти)*.

Маиор

Что я вижу? — — — Проклятый чепчик!.. Г-н Капитан! Г. Капитан! Воротитесь! Я имею нечто сказать вам.

Капитан

Что прикажете, Г. Маиор?

Маиор

Вы вместо своей шляпы взяли чепчик, проклятый чепчик, который напоминает мне...

Капитан

Как ето случилось?.. Но что сей чепчик может вам напоминать?

Маиор

Ваш сын, милостивый государь... под видом Уборщицы изволил забраться в комнату моей дочери.

Капитан

Ах он негодяй! Что же вы, Г. Маиор, сделали с ним?

Маиор

О, я его арестовал; он теперь сидит вот в етой комнате. *(Идет и отпирает, и увидя Карла и Шарлоту вместе)*. Ба! да вы опять вместе! Какой чорт помог вам?

ЯВЛЕНИЕ 8-Е

Шарлота

Да вы сами, батюшка, нас заключили сюда.

Маиор

О, проклятое рассеяние!

Капитан

Г. Маиор! Не лучше ли будет заключить их вместе на всю жизнь? Такой беды, кажется, иначе и не поправишь?

Карл и Шарлота *(бросаются на колена)*

Батюшка! батюшка! благословите нас. Осчастливьте детей своих.

Маиор

Ну, так и быть! Благословляю вас. Встаньте и обоймите меня. *(Берет за руку Капитана)*. Поди сюда, дочь моя.

Капитан *(берет за руку Шарлоту)*

Поди сюда, сын мой!

Маиор *(соединяя руки Капитана и Шарлоты)*

Будьте муж и жена и живите благополучно.

Капитан

Что вы, Г. Маиор! *(Берет за руку Карла)*. Поди сюда, сын мой. *(Соединяя руки Карла и Маиора)*. Будьте муж и жена!

Карл

Что вы, Батюшка! *(Берет руку Шарлоты)*. Разве так!

Маиор

Ну, ин пусть будет так. Живите, дети мои, благополучно. Любите друг друга; а я на первый случай дарю вас етим изорванным векселем. *(Шарлоте)*. Он пригодится тебе в день Свадьбы на папильотки.

Капитан

А я дарю вас добрым советом: более всего остерегайтесь в супружестве — рассеяния.

155. ЖЕНСКАЯ ИГРУШКА

(Из Провинциала в Петербурге)

— «Неужели вы никогда не видели Калейдоскопа?» — с удивлением спросила жену мою двоюродная сестрица.

— Нет, никогда, — отвечала она.

— «Неужели и вы не видели его?»

— Где же нам, матушка, видеть: живем в глуши; далеко от столицы. Редкостей к нам никаких не привозят, и мы не только не видели кале...... как вы назвали-то?

— «Калейдоскоп».

— Не только не видели, но даже и не слышали его названия.

— «Жаль, очень жаль. Эта игрушка так мила, так занимательна, что я вам сказать не могу... Года с полтора назад все лучшие женщины почти не выпускали ее из рук».

— Что ж бы ето такое? Скажи, пожалуста, сестрица.

— «Чудо, милая, чудо!.. Но я теперь не скажу тебе ни слова. Приезжай ко мне; я покажу».

Немного спустя двоюродная сестрица уехала, и жена моя приступила ко мне, чтобы я сей час же отправился искать Калейдоскопа. Желая удовлетворить просьбе моей жены и подстрекаемый собственным любопытством, я велел подать сани и поскакал в магазин уже знакомой Мадам Б. Приезжаю; услужливая Француженка принимает меня так мило, так ласково, как будто мы знакомы уже лет двадцать. Чего не делают деньги!..

— Опять изволили пожаловать.

«Здравствуйте. Естли у вас Ка... Ка... Тфу, пропасть! никак не могу вспомнить».

— Что бы такой, Monsieur? Не материи ли какой для вашей супруги?

«Нет, нет»......

— Эшарп?

«Нет! Ах, боже мой!»...

— Новомодные платки тру-тру? —

«Нет, madame, не из нарядов. Мне нужно игрушку».

— Какую, сударь? —

«Которую любят женщины и которую, когда она появилась, они не выпускали из рук»... — Проговорив сие, я улыбнулся; мне самому казалось странно и смешно, что я приехал покупать вещь, которой хорошо и названия не знаю.

Француженка пристально посмотрела на меня, улыбнулась сама и сказала:

«Теперь я понимаю; вам, конечно, нужен Калейдоскоп; для кого[1] вам нужна сия игрушка?»

— Для жены.

«Для вашей супруги! И вы позволяете ей иметь такую игрушку?»

— Почему ж не так? Когда прочие мужья покупают ее женам своим, или знают, что они сами покупают, то я не хочу своей отказывать в том.

«Так извольте, сударь, я принесу; только скажите, какого сорта нужно вашей супруге: русского, французского или аглицкого?»

— А какой лучший? —

«Теперь в моде аглицкий. И у меня, я вам за тайну скажу, осталось одна только дюжина из десяти, выписанных мною месяца два назад прямо из Лондона. Это совершенство в своем роде! Сей сорт изобретен в Англии нарочно, как сказывают, для королевы, когда она разлучилась с Бергами. Устройство и механизм вещи сей точно как у натуральной!»

Любопытство мое с каждым словом возрастало. — «Пожалуста, покажите, madame». — Madame вынула [2] ящик, открыла его и подала мне; а сама отошла к окошку. Я взглянул и остолбенел от изумления!.. Я увидел такую игрушку, о существовании которой никогда и не воображал!.. Неужели, думал я, сестрица говорила об етой игрушке!.. О tempora! О mores! *

«Что, нравится ли вам ета женская игрушка?»

— А что стоит она? — спросил я вместо ответа.

«Сто рублей».

— Как не купить! но не для жены: сохрани боже! *Сия искусственная вещь* ей вовсе не нужна; но она может послужить украшением Кабинета редкостей, который достался мне от одного Натуралиста. — О tempora, о mores!..

* О времена! о нравы! *Ред.*

ОТРЫВКИ НЕОКОНЧЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

401

СТИХОТВОРЕНИЯ

ДУМЫ

156. ВАДИМ

Над кипящею пучиною,
Подпершись, сидит Вадим,[1]
И на Новгород с кручиною
Смотрит нем и недвижим.

Страсти пылкие рисуются
На челе его младом;
Перси юные волнуются
И глаза блестят огнем.

Гром гремит; змией огнистою
Сумрак молния сечет;[2]
Волхов пеной серебристою
В берег хлещет и ревет.[3]

Вот уж небо в звезды рядится,
Как в узорчатый венец,[4]
И луна сквозь тучи крадется,
Будто в саване мертвец.

Как утес средь моря каменный,
Как полночи вечный лед,
Хладен, крепок витязь пламенный
В грозных битвах за народ!

Не смотря на хлад убийственный
Сограждан к правам своим,

Их от бед спасти насильственно
Хочет пламенный Вадим.

«До какого нас бесславия
Довели вражды граждан:
Насылает Скандинавия
Властелинов для славян!..

Грозен князь самовластительный!
Но наступит мрак ночной,[5]
И настанет час решительный,
Час для граждан роковой!..»[6]

157. МАРФА ПОСАДНИЦА

Была уж полночь. Бранный шум
Затих на стогнах Новограда,
И Марфы беспокойный ум —
Свободы тщетная ограда —
Вкушал покой от мрачных дум.

В полях сверкали огоньки;
Расположась обширным станом,
Близ озера и вдоль реки,
Вдали чернели за туманом
Царя отважные полки.

Все было в непробудном сне;
Лишь ратники сторожевые
Перекликались на стене,
И Волхов в берега крутые
Плескал волною в тишине...

Покой и мрак среди домов...
Вдруг с Ярославова Дворища
Звон Вечевых Колоколов —
И грянул, бросив пепелища,
Народ со всех пяти Концов.

Черновой набросок думы Рылеева «Вадим».

158. МИНИХ

Сидел лишь Миних одинок
И, тайною тревожим думой,
С презрением, как на порок,
Глядел на деспота угрюмо.

159. МЕНШИКОВ

В стране угрюмой и глухой,
Где Сосва с бурей часто воет
И берег дикой и крутой
Шумящею волною роет,
Между кудрявым тальником,
Близ церкви, осененной бором,
Чернеет обветшалый дом
С полуразрушенным забором.
«Будь ласков, дедушка, ко мне:
Скажи, над чьей простой могилой
Стоит под елью, в стороне,
К земле склонившись, крест унылой?[1]
Сугробы снега занесли
Пустынный холм и все кладбище...
Там церковь новая вдали,
Там обветшалое жилище.[2]
С могилки две стези бегут:[3]
Одна бежит по косогору
В убогий нищеты приют,[4]
Другая змейкой вьется в гору...[5]
Не в сих местах мне край родной:
Я на чужбине здесь, я — в ссылке...
Скажи мне, дедушка седой,[6]
Чей прах почиет в той могилке?»
«Как ты, из дальней стороны
В сей край изгнанные судьбою,
Под той могилою простою
Отец и дочь схоронены...

. . . .

Отец, как здесь болтали тайно,
Был другом мудрого Петра...

. . . .

Любил уединенье он:
Склоняся на руку главой,
Угрюмый, мрачный и безмолвный,
Он часто позднею порой
Сидел на паперти церковной...

. . . .

Тут познакомился я с ним.
Он подал мне на дружбу руку...»[8]

. . . .

ОТРЫВКИ ЛИРИЧЕСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ

160

Дарами щедрыя Природы оживленна
Приветствую тебя страна благословенна,
Точащая из недр млеко и [сладкий] чистый мед!
Ты для оратая даешь сторичный плод;
Луга цветущие, дыша благоуханьем,
Всегда оглашены коней ретивых ржаньем;
На тучных пажитях дебелый бродит вол,
И овцы, прядая, пестрят зеленый дол!
[Но кровью тучная земля твоя упилась,
Но плодородная земля Украйны милой,
Промокла кровию, могилой].
Необозримые, златящиеся нивы
Волнует ветерок прохладный и игривый.
[Но плодородные бразды земли прекрасной
Напоминают нам про жребий твой нещастной].
О сколько раз тебя свирепая волна
Но трупами . . . .
И кровью . . . . . земля твоя упилась
Прелестный край! К тебе душа уже с
. . . . . . к тебе душа летит

Земля прекрасная
Досель [оратая] сохой [поселянина]
[Ее земля]
[. . . . .]
Земля свободных козаков
Вдруг выкажет . . . . . .
Иль зубы белые слонов...

161.

[Приветствую тебя, отечество Вадима,
С младенчества певцу любезная страна,]
[Приветствую тебя, о славная страна!
Свободы колыбель, отечество Вадима.]

162

Повсюду вопли, стоны, крики
Над белокаменной Москвой;
Лишь временем Иван Великий
Сквозь огнь, сквозь дым и мрак ночной

Столпом огромным прорезался,
И, в небесах блестя челом,
Во всем величии своем,
Великой жертвой любовался.

163

Вы снисходительны, я знаю,
Порука мне ваш милый взор;
Я с вами от души болтаю,
Простите вы сердечный вздор...

164

Так за мечтою легкокрылой
От шумных невских берегов
Перелетал певец унылой
В страну пустынную снегов...

165

Лишь от пурпурной денницы
Загорелся небосклон...

166

Что имениннице прелестной
Я пожелаю в этот день?..

167

Тогда как рой друзей младых
Душою вашей очарован...

168

Меня с тобою познакомил
Неоцененный твой альбом.

169

Дивишься вкусу твоему,
Люблю любовь твою к искусствам,
Дивлюсь прекрасному уму
И благородным сердца чувствам.

170

Кипит к неправде он враждой,
Ярмо граждан его тревожит;
Свободный славянин душой
Он раболепствовать не может.
Греметь грозою против зла
Он чтит святым себе законом,
С спокойной важностью чела
На эшафоте и пред троном,

171

На гордой крутизне брегов
Стоит во мраке холм Олегов;
Под Киевом вокруг костров
Пируют шайки печенегов...
Отрада им — гроза набегов,
Им наслаждение война,
На лицах варваров видна
Печаль свирепых, диких нравов.
Среди вождей, перед костром
Их князь сидит на пне седом,
И буйную толпу кругом
Обходит череп Святославов
С заморским пенистым вином...

172

Заплатимте тому презрением холодным,
Кто хладен может быть к страданиям народным.
Старайтесь разгадать цель жизни человека,
Постичь дух времени и назначенье человека.

173

Утомленные враждой,
Вся Украина ждет покою,
Жаждут мира всей душой.

174

Идут и в каменные груди
Громят две тысячи орудий.

175

Я помню вас, мои друзья,
Я помню вас, друзья свободы,
И дикой родины суровые края,
Жилище бурь и непогоды...

176

Свободой, правдой вдохновенный,
От знатных сохранил я честь,
И не выменивал за лесть
Их благосклонности надменной.

177

Но черный призрак мнимой чести,
Борьба души, волненье дум
И жажда кровожадной мести
Затмили юношеский ум...

178

Ах! если б возвратить я мог
Порабощенному народу
Блаженства общего залог,
Былую праотцев свободу.

179

Нет, нет; невольники не в силах
Пылать огнем высоких дум;
Не кровь, вода течет в их жилах;
Их чувства спят, их дремлет ум.

180

Как лучезарное светило
На небе северном зимой...

181

Седой Кавказ, краса природы
Небес касается челом
[Скрываясь в облаках густых],
Блестит в хитонах снеговых,

Два наброска на полях черновой рукописи
поэмы «Наливайко».

182

Вражда к тиранам неприметна,
Спокойны гордые умы;
Но так порой спокойна Етна
Под хладным черепом зимы.

183

Враждою тайною [себя я] не унижу,
Пусть тайный совершен Союз,
Любимец и любитель Муз
Предназначенью не изменит.

184

Не говори о людях мне;
Их испытал я,
Они презрительны вполне,
И я давно их презираю.

185

Благий отец! Се час приходит мой,
Прославь меня; И сын тебя прославит:
Ему дана святая власть тобой,
Да в плоти он жизнь вечную восставит.

186

Как человек пред богом был прекрасен
Во дни невинности своей!
Как был умом и прост и ясен,
Душою чист, свободен от страстей,

ПЛАНЫ И ПРОГРАММЫ

187. ДУХ ВРЕМЕНИ ИЛИ СУДЬБА РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

I. Человек от дикой свободы стремится к деспотизму невежество причиною тому.

1. Первобытное состояние людей. Дикая свобода.

2. Покушения деспотизма. Разделение политики, нравственности и религии.

3. Греция. Свобода гражданская. Философы. Цари.

4. Рим. Его владычество. Свобода в нем. Цезарь. Дух времени.

5. Рим порабощенный.

6. Христос.

II. Человек от деспотизма стремится к свободе; причиною тому просвещение.

1. Гонения на христиан распространяют христианство Распри их.

2. Феодальная система и крестовые походы. Дух времени.

3. Лютер. Свободомыслие в религии. Дух времени.

4. Французская революция. Свободомыслие в политике.

5. Наполеон. Свержение его. Дух времени.

6. Борьба народов с Царями. Начало соединения религии, нравственности и политики.

188 [МАЗЕПА]

Мазепа. Гетман Малороссии. Угрюмый семидесятилетний старец. Человек властолюбивый и хитрый; великий лицемер, скрывающий свои злые намерения под желанием блага к родине.

Галаган. Полковник. Человек обыкновенный.

Зеленский. Иезуит. Друг Мазепы.

Орлик. Генеральный Писарь. Хитрый честолюбец.

Кочубей. Мстительный человек.

Любовь. Жена его. Твердая и благородная женщина.

Матрена. Дочь их. Любовница Мазепы. Пылкая девушка.

Искра. Полтав[ский] полковник, свояк Кочубея.

Святайло. Духовник Кочубея.
Глуховец. Писарь Кочубея.
Яковлев. Перекрест.
Чуйкевич. Свояк Кочубея.
} Друзья Кочубея

Чечень. Полков[ник], преданный Мазепе. Отчаянная голова.

Войнаровский. Племянник Мазепы. Пылкий, благородный молодой человек.

Скоропадский. Преданный Петру.

Апостол.
Чаривник.
} Полковники.

Полуботко. Молодой человек, пылающий любовью к родине и благу соотечественников, решительный казак. Гордый и благородный человек.

Вельяминов-Зернов.
Ломиковский, генер[альный]-обозный.
Ант. Гамилев. Генер[альный] Асаул.
} Судьи, друзья Мазепы.

Кенигсек. Асаул начальник Артов...

Козаки. Сердюки. Русские солдаты.

Орлик — хитрец, представляющий при [случае?] Мазепу преданным России.

[Разговор Кочубея с Искрой]

Действие I. (Мазепа начинает приводить в движение все пружины для окончания своего предприятия).

189. [ПРОМЕТЕЙ]

1. Юпитер. Свержение Сатурна. Прометей обманут.
2. Прометей возмущает Титанов. Они побеждены.
3. Прометей, прикованный к Кавказу. Смерть его.

Или еще:

Промысл. Дух времени. Гений Греции. Гений Рима. Гений России. Гений Франции. Гений Британии. Гений Америки. Гений Азии. Гений Африки. Гений Европы. Враг человеческий. Дух зла.

190. СУДЬБА РОССИИ

1. Распри в Новгороде. Рюрик.
2. Владимир. Введение христианства. Уделы.
3. Нашествие Батыя.
4. Иоанн III. Уничтожение уделов.
5. Петр Великий.
6. Век Александра.

191. [ДВОР ЕКАТЕРИНЫ]

Двор Екатерины. Потемкин, Зубов, Орловы, Ланской и между [ними?] Суворов, Румянцов, Дидерот, Панин, Державин, Павел с причетом гатчинским. Лагарп. Александр. Екатер[ина] наставница его. Сегюр. Кобенцль. Делиль. Иосиф. Таврида. Петербург. Москва. Царское Село. Гатчина. Революция во Франции. Покушение шведов. Польша. Праздник Потемкина. Запорожцы. Головатой и проч[ие].

192 ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КОЗАКОВ

Первое переселение козаков в Рыбинск (Лободские полки) случилось при Богд[ане] Хмельницком из Киевского, Белоцерковского, Переяславского полков; по неудовольствию на Гетмана. Второе — при нем же из пограничных с Польшею мест, из живших околицами и куренями около рек Стыри, Слуни, Припети и Сожи. Они сели у Донца и составили Изюмский Гребл [*нрзб.*].

Третье — при нем же разоренные жители разных мест Малороссии при нашествии Четвертинского; они поселились по р. Суле, Псиолу и Ворскле; из [них] составились Сумский, Ахтырский и Харьковский полки, [они] впоследствии умножились и другими малороссийскими выходцами.

Четвертое — во время нашествия Турок на Заднепровье многие и Дорошенко.

193. [НАБРОСКИ ПОЭМЫ ИЗ КАВКАЗСКОГО ВОЕННОГО БЫТА]

Фроловы. Старик Фролов.

Порой на скачках меня обгоняли. Но никто еще в перерезаньи не помещал мне дороги.

1

Смерть Лизгинца на груди Козака.

Рассказ Козака Злодея: его скорбь, коварство, плен любовницы. Его мучения, сон. Убийство. Ужас. Взятие Круглолеска. Пленная Асиата.

Нравы козаков; храбрость награждается красотою, трусость наказывается. Возвращение из похода.

Он влюбляется в Асиату. Кто она; он возвращает ее к брату. Обряды; клятва и речи его о Асиате; мужу ее угрозы. Смерть ее.

2

Он любил Асиату, но старается преодолеть в себе страсть; он предназначал себе славное дело, в котором он должен погибнуть непременно и все цели свои приносит в жертву; он радуется до восхищения чужою храбростью, добродетелью и каждым великодушным поступком трогается до слез, а сам и совершает чудные дела, вовсе того незамечая. Мир для него пуст; друг убит, он отомстил за его смерть, жизнь для него бремя, он алчет истребиться и живет только для цели своей; он ненавидит людей, но любит все человечество, обожает Россию и всем готов жертвовать ей; он презрел людей, но не разлюбил их. Никто более его не имеет врагов и друзей в горах.

ОТРЫВКИ И ЗАМЕТКИ

194. ШУВАЛОВ (Граф Андр[ей] Петр[ович] Ш[увалов])

Сей знаменитый Вельможа, во время своего пребывания во Франции, свел тесную связь с Лагарпом; занимательная переписка сего ученого мужа с государем Павлом I-м и графом известна свету. Французские же сочинения графа Шувалова, особенно прекрасное послание его к славной Ниноне де-Ланкло, достойно уважаемы самими Французами (*смотри: Послан[ие] к Шувал[ову] Соч[инения] Лагарпа).*

195

[Любопытно следить хитрость]. Для Мазепы, кажется, ничего не было священным, кроме цели, к которой стремился [хитрость даже самое коварство] ни [дружество], ни уважение [близким] оказываемое ему Петром, ни самые благодеяния, излитые на него сим великим монархом, ничто не могло отвратить его от измены. Хитрость в высочайшей степени, даже самое коварство почитал он средствами, дозволенными на пути к оной.

196

Прежде нравственность была опорою свободы, теперь должно ею быть просвещение, которое вместе с тем род человеческий снова должно привести к нравственности. Прежде она была врожденна, человек был добр по при-

касается неба — извержение вершины
~~Царь [illegible]~~
Тебе ~~[illegible]~~ доставило вы-
власти и пробудило народы. Цари [illegible]
[illegible] новые вулканы и [illegible]
народы [illegible] себя. [illegible]
но самовластие [illegible] начало.
Он стал еще [illegible] потому
что [illegible] будет многим.
Народы [illegible] — Запад
и Юг Европы [illegible]
свергнут иго деспотизма. Цари
соединились и силою [illegible]
задушили [illegible] свободы. Они
торжествуют и теперь, а Европа [illegible] ти-
шина [illegible] Везувий.

Неопубликованные строки отрывка Рылеева о Наполеоне.

роде; с просвещением он будет добр и добродетелен по знанию, по уверенности, что быть таковым для его блага необходимо.

197. [О НАПОЛЕОНЕ]

Тебе все средства были равны,—лишь бы они вели прямо к цели; каковогo бы цвета волны ни были, все равно, лишь поток достигал было цели. Добродетели и пороки, добро и зло в твоих глазах не имели другого различия, какое имеют между собой цвета, каждый хорош, когда в меру. Ты старался быть превыше добродетелей и пороков: они [это] для тебя были разноцветные тучи, носящиеся около Кавказа, который, недосягаемым челом своим прорезывая их, касается неба девственными вершинами.

[Цари встали против тебя]

Твое могущество захватило все власти и пробудило народы. Цари, уничиженные тобою, восстали и при помощи народов низвергли тебя. Ты пал — но самовластие с тобою не пало. Оно стало еще тягостнее, потому что досталось в удел *многим*. Народы его приметили, и уже Запад и Юг Европы делал попытки свергнуть иго деспотизма. Цари соединились и силою старались задушить стремление свободы. Они торжествуют, и теперь в Европе мертвая тишина, но так затихает Везувий.

198. [О ПРОМЫСЛЕ]

Человек свят, когда [поступает по законам,] соглашает поступки свои с делами промысла.

Человечество не имеет свободы воли.

Усовершение есть цель, к которой стремится [человечество] оно по предназначению промысла; история всех народов служит тому неопровержимым доказательством. Никакие усилия Омаров не в состоянии остановить его на сем пути; высокие истинны, обнаруженные однажды мудрецами, бессмертны. Это такие монеты, штемпель которых

от времени не изглаживается, но, напротив, еще делается явственнее. Вот почему ни одна истина древних мудрецов не пропала для нас.

Человек в частности одарен свободою воли, он властен делать или не делать то, что внушают ему страсти или рассудок; но его деяния худы или хороши только в отношении к нему; [тут также кажется ненужно доказательство] на судьбу же всего человечества они не имеют никакого влияния, особенно когда они не согласовались с видами промысла. Противоречия намерений с последствиями деяний человеческих ясным служат тому доказательством. Брут, желая спасти мир от деспотизма, убил Цезаря. Деяние хорошее, но оно не имело влияния на судьбу человечества, ибо не было согласно с видами промысла. Таким образом, приняв за основную истину, что человек в частности свободен, а человечество нет, можно и должно будет поставить нравственным законом для наших деяний: поступай так, чтобы твои поступки не противоречили воле промысла. Но спросят: каким образом распознать волю сию? — Воля промысла изъявляется в духе времени.

ОТРЫВКИ ПИСАННЫЕ В КРЕПОСТИ

199.

Слово божие: рече и бысть. Сила Слова: физическая жизнь Духовная любовь. Явление слова: физический мир: Дух: Христос: Духовный мир. Сила физ[ического] мира: жизнь, все связующая. Сила Христа любовь, все оживляющая: Знамения: человек малый мир.

Высочайшая степень жизни Христос во плоти. Высочайшая степень любви Христос по духу. Самоотвержение: он распят. Тайна жизни: его рождение, возобновление сей тайны крещение; тайна любви его воскресение; возобновление сей тайны причащение. Тайна любви о м[ой] д[руг] свята и ненарушима. Печать жизни ложь грех; печать любви истинна. Явление истинны по Слову Евангелие; по духу свобода. Вот наш новый мир. Сила истинны по духу: Вера; по плоти победа. Наш новый мир состоит из слов, как идей творческих; вечное основание их связь, сущность и источник нетленный в груди нашей; сила их истинна; из сего единого источника должны проистекать все наши помышления, мысли и деяния; в творениях ума: идеи творческие, вечные, ибо единый источник сей носит печать истинны. Грех духовного нашего мира есть переход из мира идей в мир слов. Слово тогда только носит печать истинны, когда слово и идея суть едино. Но си[е] суть: идея идей. Нетленный в груди нашей; от его присутствия и из него проистекают идеи вечные кротость смирение и проч[ее].

В физ[ическом] нашем мире идея идей: любовь к самому себе: из нее идеи гордости, мщения и проч[ее]. Идеи си[и] временные; погружением нашего я в Иисуса Христа они исчезают. Послание наше есть являть идеи вечные в физ[ическом] мире деяниями; в нравственном творениями ума. Наша жизнь состоит из внутренней и внешней. Внутренняя есть Христос и потому единая истинная, вечная: настоящее внешняя есть ложная, временная; она состоит из прошедшего и будущего; прошедшее состоит из ряда явлений временных, и потому неистинных, и из добрых наших дел и злых; первые, проистекая из внутр[енней] нашей жизни Христа, возвращаются к нему, составляют настоящее и потому не терпят воспоминаний; злые наши дела раскаянием извлекаются из прошедшего, силою истины возводятся в настоящее и тайною покаяния погребаются вместе с Христом в физич[еский] наш мир, плоть нашу, плоть скорбит и плачет: дух покоен; тайна причащения воскрешает в нас вновь умершего за грехи наши Христа и любовию вновь связует прерванную грехами нашими нить жизни вечной, узы любви; будущее есть нить жизни, связующее прошедшее с настоящим; настоящее есть внутренняя жизнь наша: Христос. *Слово:* Явления физического мира; *идеи:* сторона духовная.

Правило жизни: не позволять себе даже и мыслить о будущем часе жизни; ни единого слова не представлять себе в воображении картинного и сим уничтожить сего врага истины. Вот м[ой] д[руг] мое богатство оно твое да будем мы душа едина. Вспомни о д[орогой] д[руг] м[ой]... тобою... Слово внутренней жизни нашей есть глубокое смирение души, любящей спасителя своего паче самого себя.

Любовь и жизнь в нас борются; первая долженствует победить.

Во внешней жизни отвлеченная жизнь от всякой сущности есть воображение всюду проникающее. Во внутренней жизни отвлеченный дух от идей и слов есть дух все

испытующий. Глубокое молчание духа при каждой мысли нас поражающей: терпеливое ожидание внушений истины святой. Вот единый способ восторжествовать над своеволием воображения, и я покоен.

Окропиши мя иссопом, и очищуся: омыеши мя и паче снега убелюся. Пс[алом] 50, ст[их] 9.

Отврати лице твое от грех моих, и вся беззакония моя очисти. Сердце чисто созижди во мне боже, и дух прав обнови во утробе моей. Не отвержи мене от лица твоего, и духа твоего святого не отыми от мене. П[салом] 50, [стих] 11, 12, 13.

Жертва богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно бог не уничижит. П[салом] 50, [стих] 19.

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ ПРИПИСЫВАЕМЫХ РЫЛЕЕВУ

200. АЛЕКСАНДРУ I

Ужасен времени полет
И для самих любимцев славы!
Еще, о царь, в пучину лет
Умчался год твоей державы;
Но не прошла еще пора,
На перекор судьбы и року,
Как прежде, быть творцом добра
И грозным одному пороку.

Обетом связанный святым
Итти во след Екатерине,
Ты будешь подданным своим
Послом небес, как был до ныне.
Ты понял долг святой царя,
Ты знаешь цену человека
И, к благу общему горя,
Ты разгадал потребность века.

Благотворить — героев цель.
Для сердца твоего не чужды
Права народов и земель
И их существенные нужды.

О царь! весь мир глядит на нас
И ждет иль рабства, иль свободы!
Лишь Александров может глас
От бурь и бед спасать народы...

Смотри — священная война!
Земля потомков Фемистокла
Костьми сынов удобрена
И кровью греческой промокла.
Быть может, яростью дыша,
Еллады жен не внемля стону,
Афины взяв, Курдиш-Паша
Крушит последнюю колонну.

Взгляни на Запад! — там в борьбе
Власть незаконная с законной,
И брошен собственной судьбе
С царем испанец непреклонной.
Везде брожение умов,
Везде иль жалобы, иль стоны,
Оружий гром, иль звук оков,
Иль упадающие троны.

Равно ужасны для людей
И мятежи, и самовластье.
Гроза народов и царей —
Не им доставить миру счастье!
Опасны для венчанных глав
Не частных лиц вражды и страсти,
А дерзкое презренье прав,
Чрезмерность, иль дремота власти.

Спеши ж, монарх, на подвиг свой,
Как витязь правды и свободы,
На подвиг славный и святой —
С царями примирять народы!

Не верь внушениям чужим,
Страшись коварных душ искусства:
Судьями подвигам твоим
И мир и собственные чувства.

201. А. А. БЕСТУЖЕВУ

По чувствам, братья мы с тобой, —
Мы в искупленье верим оба;
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной.
Когда ж ударит грозный час
И встанут спящие народы, —
Святое воинство свободы
В своих рядах увидит нас.
Любовью к истине святой
В тебе, я знаю, сердце бьется;
И, верно, отзыв в нем найдется
На неподкупный голос мой.

ПИСЬМА

1. ОТЦУ

Санктпетербург. [Петербург 1811 год?]

Милостивой государь? батюшка? Федор Андреевич? Я ваше письмо получил от того генерала которой с вами приходил в корпус в казацком платьи, и благодарю вас за присланное ко мне от вас письмо. Я все славу богу здаров; здоровы ли вы, любезный батюшка, я после вашего уезда был переведен в 3-й средний класс из 5-го среднего, через два класса выше. Любезный батюшка, сделайте милость, пришлите мне на покупку вещей и бумаги, то сделайте милость не позабудьте мне прислать денег также и на книги, потому что я, любезной батюшка, весьма великой охотник до книг. Кланяется вам матушка и сестрица. Любезной батюшка, вы не печальтесь об сестрице, она отдана в пансион генерала Ренбота, в котором уже говорит по французски и по немецки. Она и я целуем ваши ручки и ночки. Сделайте милость, не позабудьте мою просьбу, и если хотите прислать, то сделайте милость, и Анне Федоровне, она вас очень просила, пришлите в письме мне и Анне Федоровне, любезной сестрице.

Остаюсь ваш сын
Кондратий Рылеев

Прибавление: Поздравляю вас с праздником, любезной батюшка, пришлите мне также и на праздник деньги, ибо меня один кадет учит геометрии; мне ему надобно подарить, того кадета зовут Бурков.

2. ОТЦУ

[Петербург] 7 декабря 1812

Дражайший родитель! Вот уже почти три года, как не имею я об вас никаких известий. Много писал писем, но не получал на оные ни одного ответа. Конечно, болезнь или какое нибудь другое злосчастное обстоятельство, думал я, вам то воспрещает; старался осведомиться об вас; был у генерала Сергеева, который принял меня как родного сына и успокоил в рассуждении вас. Я восхищался, что нашел такого человека, который будет уведомлять меня о моем родителе — но недолго. Скоро принужден был я лишиться и его! — Он уехал в Казань. После его отбытия, спешу к вам писать, но тщетно; ответа нет! Я решился не писать до тех пор, пока точно не узнаю, где вы находитесь; не писал более года, но нужда снова меня принудила взяться за перо. — Та минута, которую достичь жаждал я, не менее как и райской обители священного Эдема, но которую ум мой, устрашенный философами, желал бы отдалить еще на время, быстро приближается. Эта минута — есть переход мой в волнуемый страстями мир. Шаг бесспорно важный, но верно не столь опасный, каким представили его моему воображению мудрецы, беспрестанно вопиющие против разврата, обуревающего мир сей. — Так, любезный родитель, я знаю свет только по одним *книгам*, и он представляется уму моему страшным чудовищем, но сердце видит в нем тысячи питательных для себя надежд. Там рассудку моему представляется бедность во всей ее наготе, во всей ее обширности и горестном ее состоянии; но сердце показывает эту же самую бедность *в златых цепях вольности и дружбы*, и она кажется мне не в бедной хижине и не на соломенном одре, но в позлащенных чертогах, возлежащею на мягких пуховиках, в неге и удовольствии. Там, в свете, ум мой видит ряд непрерывных бедствий — и ужасается. Несчастия занимают первое место, за ними следуют обманы, грабительства, вероломства, разврат и так далее. Устра-

Милостивой Государь!

Батюшка!
Федоръ Андреевичь!

Я ваше писмо получилъ отъ того
генерала которой к вамъ приходилъ въ
корпусъ въ Казацкомъ платье и благо-
дарю васъ за присланное ко мне отъ
васъ писмо. я все слава богу здаровъ.
здоровы ли вы Любезной Батюшка, я
[illegible] вашего [illegible] былъ переве-
денъ въ 3-й средний классъ изъ 5-го
средняго черезъ 2 класа вы ли Любезной
Батюшка сделайте милость при-
шлите мне на покупку вещей и бума-
ги то сделайте милость не позабудте
мне прислать денегъ также и на книги
потому что я Любезной Батюшка весьма
великой охотникъ до книгъ Кланеетца
вамъ Матушка и сестрица Любезной
Батюшка вы не печальтесь объ сестру
она отдана въ пенсионъ генера-
[illegible] въ которомъ уже говоритъ
по французски и немецки. она

Первое письмо Рылеева отцу из Кадетского корпуса.

щенное мое воображение и рассудок мой с трепетом гласят мне: «Заблужденный молодой человек! разве ты не видишь, чего желаешь с таким безмерием. Ты стремишься в свет — но посмотри, там гибель ожидает тебя. Посмотри, там бездны изрыты на каждом шагу твоем, берегись низринуться в них. — Безрассудный! в свете каждая минута твоя будет отравляема горьким страхом, и ты не насладишься жизнию. Хотя бы ты проходил свет ощупью, но не избегнешь несчастия — скрытные сети вовлекут тебя в оные, и ты погибнешь». Так говорит мне ум, но сердце, вечно с ним соперничествующее, учит меня противному: «Иди смело, презирай все несчастья, все бедствия и если оные постигнут тебя, то переноси их с истинною твердостью, и ты будешь героем, получишь мученический венец и вознесешься превыше человеков». — Тут я восклицаю: «Быть героем, вознестись превыше человечества! Какие сладостные мечты! О! я повинуюсь сердцу». Разберем теперь, кому истинно должно повиноваться, уму или сердцу? — Первый бывает всегда важен, разборчив, строг, осудителен, все почти человеческие страсти и предприятия осуждает безжалостно; свет для него есть обиталище разврата и пустыня необозримая, где не находит он ни единого человека, между тем как он с избытком наполнен ими. — Сердце же, напротив того, видит в нем одни радости и всегда готово ими наслаждаться, не утомляя себя скучными разбирательствами; строгость его непричастна; оно снисходительно ко всем, много хвалит и никого не осуждает; для него свет — прелесть, в коем везде видна добродетель, и порок изредка показывается в нем так, как туманное облако в ясный день. И люди кажутся сердцу любезными существами. — Вот как судит о свете сердце и как судит о нем ум. Или лучше сказать, что так судят о нем мудрец и светский человек. Следовать первому — есть быть человеко-ненавидцем, людей не считать людьми и искать их, при свете ясного дня, с фонарем. Но поступай так, и ты будешь счастлив: бедствие никогда, никогда не постигнет тебя. — Но сораз-

мерно ли силам человеческим принять методу мудрецов? не лучше ли любить своего ближнего с нежною дружбою, не раздражать его самолюбия, не хулить чужих поступков, и злоба их никогда не коснется тебя, ты будешь также счастлив, хотя счастие будет и зыблемо, хотя ты падешь в бедствии, но друг утешит тебя в твоей горести, ты найдешь отраду в его сострадании, и возвращение твое к счастию будет неизъяснимо-приятно и с рукоплесканиями твоих друзей. Мы должны все умереть, но опять восстанем для блаженства, пред коим прежнее было — ничто.

Вот, любезный родитель, мои мысли, вот мои правила, плоды наставлений и размышлений собственного разума, коим и следовать я намерен. — Отечество наше потерпело от врага вселенной, нуждалось в воинах, кои и были собраны. Из нашего корпуса были нынешний год три выпуска, в кои выбыло кадет до 200; да ныне выходит человек 160. Слышно, что будет выпуск в Мае месяце будущего 1813 года. Мои лета и некоторый успех в науках дают мне право требовать чин офицера артиллерии, чин, пленяющий молодых людей до безумия, и который мне также лестен, но ни чем другим, как только тем, что буду иметь я счастие приобщиться к числу защитников своего отечества, царя и алтарей земли нашей, приобщиться и возблагодарить монарха кроткого, любезного, чадолюбивого, за те попечения, которые были восприняты обо мне, во все время долголетнего пребывания моего в корпусе. — Так, любезный родитель, любезны для меня виновники благ, коими наслаждался я во младенчестве, мила для меня страна, где родились моя мать и отец и в коей я сам родился; несказанно приятна для меня вера, которую исповедуют мои родители, в коей и я воспитывался. Обожаю я монарха нашего, потому что печется об подданных своих, как отец, обожающий чад своих, и как царя, над нами богом поставленного! — Хочу возблагодарить его; но чем же и где мне возблагодарить? Чем, как не мужеством и храбростию на поле славы. Я буду проситься в конную артиллерию, ибо вообще конная служба мне нравится.

В мае из первых чисел верно будет выпуск. Вот почему — опять велено набирать рекрутов с 500 по 8; почему можно безошибочно заключить, что и нас потребуют, более же потому, что в армии недостает офицеров покрайней мере до двух тысяч, несмотря на то, что много было выпущено. Почему, любезный родитель, прошу вашего родительского благословения, так и денег, нужных для обмундировки. Вам небезъизвестно, что ужасная ныне дороговизна на все вообще вещи, почему нужны и деньги сообразные нынешним обстоятельствам. Два мундира, сюртук, трое панталон, жилетки три, рейтузы, хорошенькая шинель, шарф серебряный, кивер с серебряными кишкетами, шпага или сабля, шляпа или шишак, конфедератка, тулуп и прочее требуют покрайней мере тысячи полторы; да с собою взять рублей до пятисот, а не то придется ехать ни с чем. Надеюсь, что виновник бытия моего не заставит долго дожидаться ответа и пришлет нужные мне деньги к Маю месяцу; также прошу вас прислать мне при первом письме рублей 50, дабы нанять мне учителя биться на саблях. — Кланяются вам и кланялись во всяком письме матушка, Петр Федорович, Катерина Ивановна его супруга, сестрицы и другие, между прочими генерал Дашкевич и господин кавалер Нейман и его супруга. В заключение, поздравляя вас с наступающим новым годом и желая вам всяких благ, остаюсь покорнейшим вашим сыном

К. Рылеев

P. S. Вот уже два года как я нахожусь в гренадерской роте. Следственно, надписывайте: в 1-й корпус гренадерской роты его высочества кадету N. N. R.

3. ОТЦУ

Петербург. [Июль или август 1813]

Дражайший родитель!

Письмо ваше, от 25 июня, получено мною; я не мог оное читать без пролития слез, и сокрушался сердцем;

что вы, не разобрав все в совершенстве, меня вините. Вы пишите, что письма мои наполнены противоречиями; я не мало сему удивляюсь! Копии с оных и теперь еще лежат передо мной, и я в них ничего такого не нахожу, кроме разного назначения времени выпуска; вот тому причина: после прошлогоднего выпуска ожидали вдруг другого: оной не случился, а время назначения было Февраль, Март, Апрель, Май или Июнь, ссылаясь на то, что рекрутам в сии месяцы будто бы было назначено притти в Петербург, где обучив их, отправят на границы; но ничего сего не состоялось. — Вот почему и я назначал различное время моего выпуска; но теперь уже подходит то время, в которое обыкновенно бывают годовые выпуски; а именно, сентябрские. — Мог бы я и далее оправдываться, представя вам в подробности все причины, все обстоятельства, которые препятствуют мне поступить в сходственность ваших желаний касательно моего выпуска; (смотрите письмо мое от 22 числа в рассуждении о выпуске) но зная, сколь неприлично мне оспаривать мнение отца, хотя и несправедливое, оставляю то. Будьте уверены, что желание ваше, дабы я приехал к вам, есть и мое собственное; оно, во что бы то ни стало, свято будет исполнено. Но с чем я поеду к вам? Как проживу две трети года в полку без жалованья? — Вот два вопроса, которые прошу вас разрешить. Просил я у вас 50 р., дабы нанять учителя биться на саблях, ибо я выйду в конную артиллерию; но, не получа на тот никакого ответа, осмеливаюсь повторить свою просьбу. Засим свидетельствуя сыновнюю мою к вам любовь и почтение, остаюсь покорнейший сын ваш

Кондратий Рылеев

P. S. Письмо к матушке в тот же день послано. Она в деревне. Анне Федоровне, слава богу, легче.

4. МАТЕРИ

Город Дрезден, февраль 28 число 1814

Дражайшая Матушка!

Здесь нашел Дядюшку: Михайла Николаевича, который при сем как вам, так и Петру Федоровичу, Катерине Ивановне, г[оспо]дам Прево и своей сестрице кланяется. Очень, очень, очень добрый и редкий!! Все еще страдает раною; он мне довольно подробно объяснил дело Батюшки и очень сожалел, что я не поехал чрез Киев, ибо тамошней Полицеймейстер его приятель, выдал мне лучшие вещи. Что же делать? Мы этого не знали.

На что высокий чин, *богатства*,
На что и множество крестов,
В них вовсе, вовсе нет приятства,
Когда *душевно нездоров*.
Богат будь добрыми делами,
И будешь счастлив завсегда;
Не лезь за суетой — чинами —
И не споткнешься никогда! —

Ваш покорнейший сын

Кондратий Рылеев

При сем вложенное письмо в Корпус.

5. МАТЕРИ

Дрезден. 21 сентября 1814

Дражайшая Матушка!

Ради бога не беспокойтесь обо мне; читая письмо ваше к Дядюшке, я увидел из него, сколь много вы отягчаете себя печалию; сделайте милость поберегите себя! Я, благодаря бога, здоров, чего и вам всем живущим в Петербурге желаю. Дядюшка находится теперь в Дрездене комендантом, место прекрасное, по 300 р. серебром жалованья в месяц! — Почтеннейшая супруга его, Марья

Ивановна с ним — и он в полном удовольствии! Слава богу и благодарение! Такого дяди, каков он, больше другим не найти! Добр, обходителен, помогает, когда в силах: ну, словом, он заменил мне умершего родителя! — Князь Репнин его любит и все, что ни скажет, исполняет! — Недавно выхлопотал мне дядюшка место в Дрездене, при Артиллерийском Магазине. В день моего рождения подарил он мне на мундир лучшего сукна! Вы, читая письмо сие, благодарите и благословляйте душевно благодетельного дядю! Так, он достоин того. Почтеннейшая его супруга, заменяющая у меня здесь ваше место, — своею материнскою нежностью, своею заботливостью и попечением превосходит всякое описание! И мы, не могущие заплатить им в сей жизни ничем, как только благодарением, предоставим то Всевышнему!..

Не получая столь долгое время от вас писем, с самого моего отъезда, я беспокоюсь в рассуждении вашего здоровья; почему и прошу, поспешите присланием; две строчки, писанные вашею рукою, утешут меня.

Засвидетельствуйте мое почтение Катерине Ивановне, Елизавете Никитишне, его Превосходительству г-ну Прево, Алене Петровне, Крестьян Ивановичу, Евгении Петровне, Анне Федоровне, и словом, всем, всем, кто знает меня!

Засим, с глубочайшим почтением и искреннею любовью остаюсь покорнейший сын ваш

Кондратий Рылеев

6. МАТЕРИ

Несвиж. Марта 6 дня 1815

Дражайшая Матушка!

Наконец, после годовой разлуки получил я от вас 5-го числа сего месяца письмо! Сколько неоцененного утешения, сколько неизъяснимого удовольствия принесло оно мне! — О дражайшая матушка! я молю только создателя. да продлит он дни ваши и да утешит он вас в скорбях ваших! Впрочем об деньгах теперь не забочусь — и,

слава богу, я кой-что уже исправил, чему много помогло сукно, купленное мною заграницей и проданное здесь весьма выгодно. Теперь недостает у меня только Вальтрапа и лошади; первый постараюсь вскорости сделать, а без второй обойдусь до время. Теперь я нахожусь в Минской губернии в городе *Несвиже*, с командою для обучения верьховой езде; надеюсь сам скоро быть ездоком. Пред отъездом моим занял я у капитана 200 рублей ассигнациями, но уже и выплатил оные, как из жалованья за сентябрьскую треть, так и за деньги, добытые при продаже сукна. Седло и весь прибор для лошади купил я весьма дешево; лошадь имею я из казенных и без своей покаместь обойдусь. Когда же невошедший в опись дом в Киеве продасться, то можно будет и ее купить. Один офицер из нашей роты, человек очень хороший и надежный, имеющий сам умеренный достаток, поехал пред сим в Киев, где будет служить взялся справиться обо всем в Киеве; хотя это будет и лишнее, однако я хочу написать письмо к княгине Варваре Васильевне! О Вельможи! О Богачи! Неужели сердца ваши нечеловеческие? Неужели они ничего не чувствуют, отнимая последнее у страждущего! Но, удивляясь бесчувственности человечества к страданиям себе подобных, я утешаю себя сладостною надеждою на спасителя, который, в противность варварства людей, гонимым ими всегда бывает последним и лучшим прибежищем и защитой!

Вы пишите, что Петр Федорович болен; но, драж[айшая] матушка, неужели творец благости отнимет у бедных, страждущих сирот последнюю подпору? Удались, исчезни мысль ужасная, мысль пагубная! Нет, нет! Он не умрет, он будет жить — он будет жить для блага, для счастия невинных детей своих, для оживления нас бедных! О дражайшая матушка! Неужели бог не слышит те ежедневные, пламенные моления, сопровождаемые током слез, которые я ежедневно воссылаю к *нему!* Вы пишите, дражайшая матушка, что не имеется у вас денег, дабы выкупить последнюю фамильную драгоценность, сыновнее

сокровище — ваш портрет! Не присылайте лучше ко мне ни копейки, я право не нуждаюсь в деньгах, ей-богу не нуждаюсь, постарайтесь только выручить портрет! — Вы желаете знать, потерял ли я вместе с своими и бывшие посылки в роту? — Нет, они отданы Капитану Сухозанету, по письму, которое писал к нему хозяин оных г[осподи]н Маркевич.

Радуюсь сердечно, что Бреклин вышел; дай бог ему счастья службу начать счастливее моего, хотя я, слава и благодарение богу, не могу теперь пенять на оную, ибо я очень доволен нынешним Командиром моим; впрочем, неподумайте, что я не желаю от того быть Адьютантом при Генерале Бениксене! не желать сего — я почел бы себе за величайший проступок. Всегда удивляясь отличным достоинством сего военачальника, я надеюсь, находясь при нем, не только составить себе счастие, но и почерпнуть много полезного для рода службы, в который себя посвятил — и я уже, будучи столь много облагодетельствован Петром Федоровичем, осмеливаюсь просить его об сем, но только надобно поспешить, ибо теперь время дорого. Жене Федора Павлова скажите от него, чтобы она не печалилась, что он все, слава богу, здоров и при первой оказии приедет. Я никак не могу нахвалиться сим добрым стариком — и желал бы, дражайшая матушка, дабы вы его, когда он приедет, отправили в деревню на покой за его труды и добродетель.

Впрочем, благодаря творца, я здоров; беспокоился только в рассуждении вас, но полученное мною от вас письмо не только меня утешило, но вознесло наверх неописанного удовольствия. Желая, чтобы и мое письмо вам то же принесло, и в ожидании от вас ответа остаюсь с искреннею любовью и глубочайшим почтением

Сын всепокорнейший

Кондратий Рылеев

P. S. От дядюшки Михайла Николаевича, при пропаже денег, получил я 200 р. ассигнац[иями], да в другие раза до 150 рублей.

Сделайте милость, пришлите поскорее Федьку, и еще одного мальчика понятного; первый будет за лошадьми смотреть как охотник до них, а второй будет в горнице. Также покорнейше прошу купить в Петербурге золотые на черном сукне конно-артиллерийские петлицы, также для вальтрапа золотой прибор.

7. МАТЕРИ

[1815]

Дражайшая матушка! Настасья Матвеевна!

Ровно почти через год я вновь переправляюсь чрез Рейн. Какая величественная река! Какое чудесное зрелище! При приближении к ней, я ощутил некоторый род благоговения — множество различных чувств волновали душу мою!.. Года за четыре пред сим, кто предполагал, что войска чуждых стран так легко будут переправляться через реку сию? Этого мало, кто мог предполагать столь быстрые действия союзников и столь слабое сопротивление противников!? Но, — обстоятельства переменились — что было за четыре года, что могло быть тогда — то не будет и не может быть теперь. Великая нация теперь слабая, войско ее — шайка разбойников, начальник — странствующий Дон-Кишот. Но куда завлекли меня мрачные размышления? Как могу я определять случаи будущности? Время, время! лети скорее, удвой полет свой — любопытство знать будущее снедает меня.

С глубочайшим почтением и таковою же преданностью ваш всепокорный сын *Кондратий Рылеев.*

P. S. Всем родным и знакомым свидетельствую нижайшее почтение; желаю того здоровья и удовольствия, которым я наслаждаюсь. Теперь я с самой польской границы еду квартирмейстером; довольно забот, прежде немного трудноватых, но теперь приятных, ибо начальник мой подполковник Сухозанет очень доволен мной.

Кондратий Рылеев

Право, некогда, еду вперед.

8. МАТЕРИ

Сл. Белогорье. Августа 10 дня 1817

Любезная Матушка! Настасья Матвеевна!

Долго, долго беспокоился я, и не знал к чему отнести столь продолжительное ваше молчание; самые мучительные мысли тревожили меня непрестанно; — наконец, получаю я письмо; узнаю на конверте руку Аннушки; узнаю печать вашу; спешу разломать оную — и вынимаю ваше письмо. Сердце мое затрепетало от восхищения. О, любезная матушка! Какую неоцененную минуту блаженства доставили вы мне! Ни на какие в мире сокровища не променял бы ее!

В письме своем вы хвалитесь г-ми офицерами, расположенной в Рожествене 2-й батарейной роты и любуетесь братским согласием и дружеством, между ними существующим; не удивляйтесь сему: в артиллерии ведется то издавна — и с сей стороны я также считаю себя счастливым, и если бы необстоятельства, об которых я неоднократно уже изустно и письменно с вами изъяснялся, то, конечно, никогда б не подумал об оставлении службы, которая доставляет молодому человеку такое общество, в коем, кроме образцов истинного благородства, дружеского согласия и бескорыстной друг к другу любви, он ничего не видит. В следующем письме я изъяснюсь о сем поподробнее, а равно изложу вам свои намерения в рассуждении службы.

Вы желаете знать каковы наши квартиры; — такие, каких мы еще никогда не имели! — Мы расположены на лето в слоб[оде] Белогорье, в полуверсте от Дона. Время проводим весьма приятно: в будни свободные часы посвящаем или чтению, или приятельским беседам, или прогулке; ездим по горам — и любуемся восхитительными местоположениями, которыми страна сия богата; под вечер бродим по берегу Дона и при тихом шуме воды и приятном шелесте лесочка, на противоположном береге растущего, погружаемся мы в мечтания, строим планы для будущей

жизни, и чрез минуту уничтожаем оные; рассуждаем, спорим, умствуем, — и наконец, посмеявшись всему, возвращаемся каждый к себе и в объятиях сна ищем успокоения. Иногда посещаем живущую в слободе вдову, генерал-маиоршу Анну Ивановну Бедрягу; у нее лечится теперь сын ее, подполковник гвард[ии] Конно-Егерского полка, раненный при Бородине. Дом весьма почтенный и гостеприимный; и мы в оном приняты, как нельзя лучше. В праздничные дни ездим к другим помещикам, а я чаще на зимние свои квартиры в сл[ободу] Подгорное, где также живет добрый гостеприимный и любезный помещик, г[осподи]н Тевяшов; в семействе его мы также приняты как свои — и проводим время весьма, весьма приятно. — Сделайте милость, пишите чаще. Петру Федоровичу и Катерине Ивановне, а ровно Аграфене Григорьевне и Марье Григорьевне засвидетельствуйте всенижайшее мое почтение. В Июне месяце был в Петербурге один из наших офицеров, и, имея от меня к вам письмо, заходил в дом, но, как он сказывает, никого не застал, ибо все, не исключая Петра Федоровича, были в то время в деревне. Он же говорил мне, что в Выре на почте сказывали ему, что Петр Федорович не все деревни продал; я было утешился сею мыслию, но письмо ваше лишило меня сего. Жаль, весьма жаль. Сделайте милость, уведомьте меня поподробнее обо всех детях и перецалуйте всех их за меня.

Я весьма нуждаюсь теперь в платье; сделайте милость, пришлите из С.-Петербурга сукон: черного мне нужно на мундир панталоны и сюртук, всего восемь аршин; из них четире аршина купите лучшего; серого сукна нужно четире аршина; сверх того необходимо нужны мне одна пара аполет с 11 нумером и шарф, который у меня все еще тот же, который куплен мне при моем выпуске. Сделайте милость, поспешите присылкою сих вещей: нас в октябре будет смотреть, как говорят, сам государь. Служащий у нас Федор Петрович Миллер, сын бывшего нашего исправника, кланяется вам; он был у вас с Бреклиным. Кстати ни имеете ли вы какого сведения о нем?

— Письма свои надписывайте: Воронежской губернии, в г. Павловск, Конно-Артиллерийской № 11-й роте.

Кланяйтесь от меня Всеволоду Петровичу и попросите его, дабы он написал мне об *корпусных новостях*. Уведомьте меня также об Видищеве, и когда увидите его, то сделайте милость припудьте его написать ко мне.

Евгении Петровне и Ивану Андреевичу засвидетельствуйте мое почтение и пожелайте счастия. Густав Андреевич уже переведен от нас. — Скажите Евгении Петровне, что естли угодно будет ей переписываться со мной о разных местах, в коих мы были, то я с величайшем удовольствием, первой начну.

Ф. П. Миллер кланяется также и Всеволоду Петровичу; уведомьте меня, не сделали ли вы чего в рассуждении киевского дела, по письму Зубковского.

На днях приехал в нашу дивизию служивший в елисаветградском гусарском полку — генерал-маиор Рылеев; он у нас будет бригадным генералом. На будущей недели я надеюсь быть у него. Генеральша Барчукова давно желает меня видеть, но обстоятельства службы препятствовали мне до сего побывать у нее. Прощайте.

С истинным почтением и с сыновней привязанностью честь имею пребыть ваш сын

К. Рылеев

9. МАТЕРИ

С. Белогорье, Сентября 17 дня 1817

Дражайшая матушка! Настасья Матвеевна!

Давно уже приметил я, что с самого того времени, как я только в состоянии стал рассуждать, ни вы, ни я совершенным счастием еще не наслаждались; долго изыскивал я сему причину; наконец приметил, что расстроенные домашние обстоятельства главною и настоящею тому виною. — Ах! сколько раз, увлекаемый порывом какой-нибудь страсти, виновный сын ваш предавался удовольствиям и мог забывать тогда о горестях и заботах своей

матери! Но, благодаря ангелу хранителю, — это заблуждение не долго продолжалось. Первый предмет, напоминавший мне вас, извлекал меня из оного; мнимое мое счастие исчезало, а место оного заступало мучительное беспокойство в рассуждении вас. Неоднажды, среди самого веселого общества, взирая на прочих товарищей, на лицах коих светлели беспечность и удовольствие, ничем не отравляемые, задумывался и говорил сам себе: «Почему подобно им и я не могу быть счастливым?» — Так протекло около четырех лет; в продолжение оных я непрестанно придумывал средства, кои бы, поправив домашние обстоятельства, могли спокойствие ваше сделать прочным; но по сие время, минутные, но частые восторги пылкой и неопытной юности препятствовали рассудку моему найти их. Наконец, теперь, случай открыл и, может быть, решил все.

Но не распространяясь далее, скажу короче: посещая довольно часто живущего от Белогорья в 30 верстах, доброго и почтенного помещика Михаила Андреевича Тевяшова, и быв принят в доме почти как за родного, я имел приятные случаи видеть двух дочерей его, видеть — и узнать милые и добродетельнейшие их качества, а особливо младшей. Не будучи романистом, не стану описывать ее милую наружность, а изобразить же душевные ее качества почитаю себя весьма слабым; скажу только вам, что милая Наталия, воспитанная в доме своих родителей, под собственным их присмотром, и не видевшая никогда большого света, имеет только тот порок, что не говорит по французски. Ее невинность, доброта сердца, пленительная застенчивость, и ум, обработанный самою природою и чтением нескольких отборных книг, — в состоянии соделать счастие каждого, в коем только искра хоть добродетели осталась. Я люблю ее, любезнейшая матушка, и надеюсь, что любовь моя продолжится вечно; ибо я предался оной не вдруг, как сродно пылкому юноше; нет, я, напротив, в первый раз видел ее весьма равнодушно, но уже по прошествии нескольких посещений, узнав некото-

рые достоинства милой Наталии, а особенно доброту души ее, я полюбил ее, и теперь время от времени любовь моя более и более увеличивается; но я, однако, имел твердость — еще не открыться, хотя твердо надеюсь, что и она меня любит взаимно, а почтенные родители ее, любя ее особенно от прочих детей своих и будучи ко мне весьма отлично расположены, не захотели бы лишить нас нашего счастия. И так, любезнейшая матушка, от вас зависит благословить сына вашего и, позволив ему выдти в отставку, заняться единственно вашим и милой Наталии счастием.

Знаю, что неприлично в такой молодости оставить службу, и что четырехлетние беспокойства недостаточная еще жертва с моей стороны отечеству и государю за те благодеяния, коими я от них осыпан... Но разве не могу и *не в военной службе* доплатить им то, чего не додал *в военной?* а равно и расстроенное имение, год от году более и более уменьшающееся, не есть ли самый справедливый предлог, на котором основываясь, я могу оправдаться и в глазах своих родственников и всех благоразумных людей.

Облагодетельствованный Петром Федоровичем на всю жизнь свою, и зная, сколь живое участие принимает он во всем, что касается до нашей фамилии, я почитаю за непростительный проступок и неблагодарность приступить столь к важному делу, не спросся у него совета и благословения; почему и прошу у вас покорнейше, любезнейшая матушка, показать ему сие письмо. Каков бы ответ ни был, я клянусь следовать оному, хотя бы то было с утратою моего спокойствия; но только поспешите ответом, дабы я мог принять надлежащие меры. —

Письмо сие посылаю страховым; ради бога, отвечайте поскорее.

С истинным почтением ваш
послушнейший сын

Кондратий Рылеев

10. МАТЕРИ

Слобода Подгорная [Конец 1817]

Любезная матушка! Настасья Матвеевна!

В прошедшем письме я уведомлял вас о моем намерении выдти в отставку, дабы только жить для вас и для милой Наталии, и просил вашего на то позволения; не получая по сие время никакого на сие ответа, я уже теряю надежду, чтобы желание мое могло в нынешнем году совершиться, ибо уже приближается то время, когда более не будут принимать просьб об отставках; а как теперь произошла у нас перемена в форме мундиров: прежние отменены, а положено теперь иметь однобортной колет и виц-мундир по образцу драгунских, только с петлицами и красною выпушкою кругом, сверх того велено иметь ледунку с золотою перевязью на манер гвардейской конной артиллерии, с тою только разницею, что у нас на ледунке, вместо орла, должны быть крестообразно пушки; еполеты золотые, такие же точно как в Гвардии, но с прибавкою номеров; у нас они должны быть с 11-м номером; протупея к сабле также золотая, все прочее остается по прежнему. Вся обмундировка, по приказу Корпусного Командира, должна непременно кончиться до Февраля месяца будущего года, ибо около того времени мы выступим на смотр к государю. На всю сию необходимую обмундировку нужно: 1) темнозеленого *(но не черного)* сукна на колет, виц-мундир и двое панталон $6^1/_2$ *аршин*; 2) сукна серого для шинели 6 *аршин*, сукна серого получше для рейтус 2 аршина, и $^1/_2$ аршина лучшего красного; 3) ледунку с золотою перевязью; 4) к сабле золотую протупею; 5) две пары еполет золотых с серебряными нумерами; 6) петлиц две же пары золотых на черном сукне и 7) два темляка. Не имея никакой возможности все сие сам исправить, осмеливаюсь я беспокоить вас, любезнейшая матушка! Знаю, сколь сие вас опечалить, но делать нечего: обстоятельства и судьба расположили так. Прибегните с просьбою к Петру Федоровичу, если сами не в состоянии; он сам увидит нашу

необходимость и поможет, а мы, с помощию божиею, современем отблагодарим его. Сделайте милость только любезнейшая матушка поспешите присылкою упомянутых вещей до Февраля месяца, дабы я мог быть исправен к смотру государя, который непременно будет в Марте месяце. Вы не поверите любезнейшая матушка, как больно мне, что сие письмо обеспокоит вас! Один бог свидетель, что у меня теперь на сердце!

Про Наталию и ее родителях напишу в следующем письме обстоятельнее; а теперь некогда — спешу отправить сие письмо.

С истинным почтением и такою же преданностию

Ваш покорный сын

Кондратий Рылеев

11. МАТЕРИ

Сл[обода] Подгорная, Генваря 31 дня 1818

Больно, очень больно мне, что я умножаю ваши печали; но видно богу так угодно. В етом мире ничего нет вечного и потому несчастия наши должны когда-нибудь кончиться. Я уже писал вам, каким образом я сие намерен сделать, и просил вашего благословения. Вы ничего в ответ не пишете; не знаю, чему приписать ваше молчание! Естли оно есть знак вашего несогласия; то почему вы не изъявите оного прямо, дабы я мог изложить яснее свои мнения. Когда вы полагаете меня слишком молодым, дабы сделать столь важный шаг, — то я бы мог на сие представить тысячи опровержений, к моему оправданию, Естли почитаете за неприличное в таких молодых летах оставить службы, но я уже на сей конец писал к вам, что служить можно не в одной военной службе. Впрочем все мечта! Человек родится не [для] других только, он должен заботиться и о себе — и потому, кажется довольно для государя пяти лет: пора подумать и о своих! —

Между тем, любезная матушка, естли бог поможет вам прислать мне вещи, об которых я писал к вам, то я поста-

раюсь их хорошо сберечь до Сентября, дабы с позволения вашего подавши в отставку, мог бы оные, хотя с некоторою уступкой, продать. Об переводе же я более не думаю; все равно год где бы ни было дослужить. Впрочем, скажу вам откровенно, что я не без сожаления расстанусь с своими товарищами.

С истинным почтением ваш покорный сын

Кондратий Рылеев

P. S. Естли бы вы знали, чего мне стоило написать письмо к Петру Федоровичу; естли бы я не знал его, то никогда бы на то не решился.

12. МАТЕРИ

[Сл. Подгорная] Апреля 7 дня 1818

Любезнейшая матушка!

Письмо ваше, которым вы уведомляете меня вторично о тесных обстоятельствах, в которых находитесь вы теперь, по случаю предстоящего срока ко взносу денег в Ломбард, я получил на сих днях. Из оного также вижу я, что вы не менее беспокоитесь и в рассуждении меня, касательно обмундировки; почему и спешу уведомить вас, любезнейшая матушка, дабы вы в рассуждении сего были покойны; ибо я уверен, что Подполковник наш, зная, что я уже писал к вам и просил позволения оставить службу, не станет принуждать меня сделать новую обмундировку. — Из того же письма вижу я, что вы писали ко мне в рассуждении моей женитьбы, но как я сего письма не получал, то и прошу вас покорнейше, любезнейшая матушка, уведомить меня вторично. При сем скажу вам откровенно, что от вашего решения зависит моя участь; ваш отказ погубит меня; не подумайте, что любовь ослепляет меня. Я все рассмотрел прежде, нежели решился просить вашего благословления — и нашел, что тогда только буду счастлив, когда вы согласитесь на мою просьбу. Полагаю, что и ваше собственное спокойствие от сего же зависит.

Вам известно лучше, чем мне, как расстроено ваше имение! Кто же другой должен заняться устройством оного, как не я? И так уже много прошло времени в службе, которая никакой не принесла мне пользы, да и вперед не предвидеться, и с моим характером я вовсе для нее не способен. Для нынешней службы нужны подлецы, а я к счастию не могу им быть и по тому самому ничего не выиграю. Прошу также уведомить меня, какого о сем мнения Петр Федоровичь.

На всякий случай прилагаю сдесь адрес, по которому вы можете, естли заблагорассудится, писать к Матрене Михайловне, супруге Михаила Андреевича Тевяшова.

Любезнейшая матушка, пришлите, сделайте милость, книжку с узорами, для вышивания по канве; а также и разноцветного бисеру. Наталья Михайловна старалась сама достать в Воронеже, но не [на]шла. Сделайте милость, пришлите.

Ваш послушнейший сын

Кондратий Рылеев

13. МАТЕРИ

[Сл. Подгорная?] Июня 18 дня 1818

Любезнейшая матушка! Настасья Матвеевна!

Слезы текли из глас моих, когда я читал письмо ваше; чувствовал всю цену советов ваших, рассуждал, испытывал себя, и наконец, чувствуя, что я буду несчастнейший человек, естли не соединюсь с Наташей, — показал родителям ее ваше письмо. Кажется, они были довольны сим поступком. Спрашивали Наташу, и на другой день объявили мне ее и собственное свое согласие, с тем однакож условием, чтобы я вышел в отставку. Скажите, любезнейшая матушка, как было мне не согласиться для Наташи оставить службу? Мог ли я отказаться от нее? А ето было бы все равно. —

Так как нам в Октябре м[еся]це поход опять в Орловскую губернию, об чем я известил и почтенного Михаила

Андреевича, то он и положил было так; дабы я, получив отставку, съездил к вам получить благословение, но когда я изъяснил ему, что поездка в такую даль будет сопряжена с значительными издержками, и что я письмом могу исходайствовать ваше благословение, — то он согласился на то, дабы я вдруг по получении отставки приехал к нему. Так как у Наташи есть здесь 25 душ крестьян, то он меня и спрашивал, где я, здесь или в вашей деревне намерен жить? Я отвечал на сие, что это будет в воле Натальи Михайловны, но что нам непременно надобно будет ехать в Петербург к вам, на что тогда же все согласились и положили во всем отдаться на вашу волю. Вот, любезнейшая матушка! что произошло после получения вашего письма. Об свойствах Наташи я повторять не стану; я уже писал к вам, что они ангельские, и вы это сами скажете, когда узнаете ее.

В прошедшем письме я просил вас, дабы вы писали к Матрене Михайловне, супруге Михаила Андреевича. Сделайте милость, любезнейшая матушка, пишите, а равно и пришлите мне благословление, а также исходатайствуйте оное и от Петра Федоровича. —

Любезнейшая матушка, я уже писал к вам, что я имею крайнюю надобность в деньгах — и действительно, я так обносился, что даже стыдно. Белье скоро совсем нельзя будет носить, а в платье не знаю как и поправиться, потому что нет денег и сверх того еще, как я еще из Мценска писал к вам, должен товарищам. Это-то самое и было причиною, что я почти ничего не мог сделать себе на свое жалованье, ибо я оным уплачивал им данные ими мне деньги, когда меня обокрали под Мценском. Теперь я остался должен 300 р. — Сделайте милость, пришлите мне хотя 500 р., а равно и сукон, дабы я мог одеться по цивильному, ибо я уже не намерен обмундироваться по военному.

Должен я еще уведомить вас, что у нас было случилась в роте весьма неприятная история: Сухозанет, дабы перессорить между собой офицеров, представил младших

к повышению чинов. Эти догадались, и все пошли к нему. Те, которых он представил, сказали ему, что они не чувствуют, дабы они сделали для службы что-либо отличное противу своих товарищей, а те, которых он хотел было обойти, сначала довольно учтиво, а наконец, видя, что он не унимается, с неудовольствием доказывали ему, — как он не справедлив. Видя же, что и ето его не трогает, все офицеры, и представленные и обойденные, подали к переводу в Кирасиры; меня же тогда при штабе не случилось. Федор же Петрович Миллер, находясь в числе обиженных, будучи им весьма дерзко оскорблен, вынужден был поступить с ним как с подлецом. Но, слава богу — все обошлось хорошо. Корпусной Начальник Артиллерии приезжал нарочно в Белогорье, дабы успокоить Г[оспо]д офицеров и уверить Сухозанета, что он кругом виноват. После сего, хотя он и примирил офицеров с ним; но етот мир не продолжится долго. Ибо все решилися разными дорогами выбраться из роты. Федор Петрович выходит в отставку. Кажется, что и Сухозанет после полученного от него подарка должен оставить службу.

Впрочем будьте спокойны, я теперь совершенно уволен от штабных занятий и стою особенно в Подгорном с командою, — следственно со мною ничего случиться не может. А равно и то, что я подаю в Сентябре в отставку, Сухозанет не может причесть к последствиям случившихся в роте неудовольствий, ибо намерение мое ему давно было известно...

При сем покорнейше прошу засвидетельствовать мое нижайшее почтение Петру Федоровичу, Катерине Ивановне, и всем родным и знакомым.

Наша рота переименована 12-ою. Адрес все старой.

С истинным почтением и таковою же преданностию честь имею быть ваш покорный сын

К. Рылеев

P. S. Естли будете писать к Матрене Михайловне, то вложите мое письмо.

14. МАТЕРИ

С. Подгорная. Октября 13 дня 1818

Дражайшая Родительница!

С вашего позволения и с согласия почтенных родителей милой Натальи Михайловны и ее самой, скоро буду должен приступить к браку; — и потому прошу вас, дражайшая родительница, по долгу христианскому, прислать мне образ с своим благословением. Надеюсь так же, что благодетель наш, Петр Федорович, не откажет в сем случае заступить место родителя, которого и прежде я всегда имел в нем. Ласкаю себя приятною надеждою, что и он не оставит меня своим благословением. Вот последняя милость, которую еще я осмеливаюсь просить у него. Без его благословения я не осмеливаюсь приступить к браку. С дня на день ожидая отставки, я прошу вас, любезнейшая матушка, поспешить присылкою образа и благословения письменного, которое я должен буду показать родителям Натальи Михайловны.

Так же, любезнейшая матушка, не могу и здесь не пожаловаться на свое жалости подобное положение в рассуждении долга и окапировки. Не знаю, что мне придется делать, если вы не пришлете мне денег или во время зачетной квитанции. Я так обносился, что даже стыдно показаться.

Прощайте, любезнейшая матушка.

Ваш покорнейший и послушнейший сын

Кондрат Рылеев

15. Н. М. ТЕВЯШОВОЙ

г. Воронеж, Генваря 14 дня 1819

Милая, несравненная сестрица!

Настасья Михайловна!

Вы желаете знать, милая сестрица, об новостях и веселостях воронежских? — Что я скажу вам об них, когда я почти ни у кого и нигде не бываю? Мне здесь так грустно,

так грустно, что я и выразить того не в состоянии. Будучи разлучен с вами и с милою, несравненною вашею сестрицею, какие могу я вкушать радости? Одно, одно только удовольствие осталось мне: оно состоит в воспоминании о прошедшем и выжидании блаженства в будущем — вот единственное мое утешение, которым я еще наслаждаюсь. — Странно; чем ближе я к цели своих желаний, чем ближе в своему блаженству, тем более опасений и боязни для моего сердца! Представьте себе, милая сестрица, несколько дней напрасно ожидая приезда Ивана Михайловича, я вообразил уже, не заболел ли кто в вашем доме! Мне стало еще грустнее. Нетерпение мое увеличилось: я раз по два в день посылал к Николаю Ивановичу, дабы узнать — не приехал ли кто. Одно и то же — нет, еще в большие повергло меня сомнения и страхи, и вообразите, что я вздумал... но не скажу, что было хотел я сделать, дабы вы не посмеялись надо мною; как приеду, тогда, может быть, скажу. Меж тем вдруг узнаю я, что Ив[ан] Михайлович приехал. Я скорее к Ник[олаю] Ивановичу, но там не застаю его. Любимец братцын Тереха, изволил уверить меня, что Иван Михайлович у Кураца в Ямской; я туда, но, не нашед дома, возвращаюсь к себе довольно уже поздно, и узнаю, что Ив[ан] [Михайлович] был у меня два раза. Представьте, сестрица, мое нетерпение! В то время был уже час десятой, и потому я принужден был, несмотря на чрезвычайное мое любопытство, отложить удовлетворение оного до утра... Наконец, узнаю я, что *все* вы здоровы и веселы. Это обрадовало меня и вместе опечалило. Можно ли быть тому веселым, кто в разлуке с тем, кого любит! Ах! я по собственному опыту знаю, что невозможно! К тому ж сестрица ваша еще и насмешница! Желают мне ***проводить в Воронеже в радости и в удовольствии все время!*** Не значит ли ето думать, что я в состоянии без них радоваться и быть счастливым? Не значит ли ето не доверять чувствам моего сердца? Бог с ними; пусть теперь сомневаются во мне; время оправдает меня и, может быть, — наградит такою же точно любовию ко

мне Натальи Михайловны, какую я теперь и всегда питаю к ним и буду питать в душе своей. Могут ли они сомневаться во мне?.. Я в Воронеже, но мысли мои, но сердце мое, но душа моя у вас в Подгорном. А здесь...

Ах! нет ее со мной! Бесценная далеко!
И я в разлуке с ней стал точно сиротой!
Брожу в унынии, в печали одинокой,
И все мне говорит: *Ах! нет ее со мной!*

Но пройдет две с половиною недели, и может быть, я в силах буду сказать:

Как сладко вместе быть!.. Как те часы отрады,
Когда прелестной я могу сто раз твердить:
Люблю, люблю тебя, мой Ангел ненаглядный!
Как мило близ тебя! *Как сладко вместе быть!*

Извините, милая сестрица, если я своим болтаньем утомил вас; но уповая на ваше снисхождение, я надеюсь, что вы простите мне в вине моей. —

В рассуждении же новостей, я ничего более не могу вам сказать, как только то, что Губернатор завтра, т. е. в четверг, уезжает в С.-Петербург, где займет по Министерству Финансов место Директора по части Государственного Хозяйства. Место важное, означающее к нему доверие государя, который также прислал ему на проезд 20000 р., — да за губернию 5000 десятин земли! Носятся слухи, что вся Россия будет разделена на Генерал-Губернаторства, как при Екатерине — на наместничества, и что в Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерниях, будет Генерал-Губернатором князь Голицын.—

Да, позабыл рассказать вам довольно забавный анекдот, недавно здесь случившийся, про который довольно долго здесь шумели: известно, что почти все находящиеся здесь кабаки сняты Мариным, Чарыковым и, под чужим именем, и самим Виц-Губернатором. Крепостные их люди, продающие в кабаках вино, надеясь, одни на родство, а другие на дружбу их господ с Солнцовым, без

всякой совести обмеривали покупщиков; ето разнеслось повсюду. Петр Александрович, желая на опыте испытать то, в партикулярном платье ночью поехал по кабакам. Пришед в один из них, он действительно застает Сидельца, который обмеривал... «Что ты делаешь братец? Зачем обмериваешь?» — спросил Солнцов. Сиделец, не узнав Виц-Губернатора, отвечал: «И, барин, кому ж и обмеривать, как не нам? Наш вить барин-то родня Петру Александровичу» (человек сей был Марина). Сей Анекдот, который конечно бы должно было скрыть, сам Солнцов по неосторожности рассказал за столом у своего тестя при многочисленной публике. — Но вот новость, которая верно будет весьма приятна Михаилу Андреевичу и Матрене Михайловне: — мне вышла в приказах отставка. В 306 номере Инвалида увидел я, что приказом государя, отданным от 26-го Декабря, в С.-Петербурге, Конно-Артиллерийской № 12 роты прапорщик Рылеев увольняется от службы Подпоручиком, по домашним обстоятельствам.

(Михайла Андреевич!
За что можно выпить рюмку водки.)

И так теперь я свободен, или по крайней мере очень скоро буду таким. Признаться, — когда я прочел этот приказ в Комиссии, то так обрадовался, что даже на минуту позабыл, что я не в *Подгорном!..*

Сейчас принесли ко мне от М. В. Севастьянова письмо, которое просят, чтобы доставить молод[ому?] отцу Василию, почему и прилагаю при сем. —

Прилагаю также при сем два узора; рад если понравятся вам; но извините, что так худо срисовал; спешил. Надеюсь, что и Ангел Херувимовна простит мне то. —

Братец Иван Михайлович берет с собою Ваську; когда будет сего последнего отправлять обратно, то прошу, милая сестрица, не забыть бедного, разлученного с милейшими для него существами воронежского труженика, который от 6-ти часов утра, до 3-х часов вечера беспрестанно мерзнет в Комиссариатских лабазах, стараясь

поскорей отделаться от *последних* хлопот службы. Попросите также и милую сестрицу вашу, чтобы и они написали ко мне, да чуть побольше: как они проводят время, помнят ли меня? и проч. — скажите им, что я с нетерпением буду ждать возвращения Васьки, надеясь получить от них письмо, которое много, очень много принесет мне здесь отрады. Прошу засвидетельствовать мое почтение Михаилу Андреичу и Матрене Михайловне; а равно и всем добрым приятелям вашего дома. Прощайте, любезнейшая и бесценная сестрица и не сердитесь, что я осмеливаюсь называть вас так. Пеняйте на мое сердце: оно вас так называет. Оно, оно в том виновно.

Поручая себя прежнему вашему расположению, остаюсь навсегда с непременяемыми чувствами, ваш друг и ваш брат

Кондратий Рылеев

P. S. Попеняйте братцу за гребень и башмаки; он обещал ко мне вчера заехать, но не сдержал слова. И ето письмо, может быть, не успею отдать ему; он уже совсем собрался и теперь у Кузнеца. Сей час еду туда. Может, успею сделать и покупку; — если застану братца.

16. МАТЕРИ

Сл. Подгорная
Июня 2 дня 1819

Милостивая Государыня!
Дражайшая Родительница!
Настасья Матвеевна!

После последнего письма вашего при 800 р. по сие время, я неполучил от вас ни строчки. Столь долговременное молчание заставляет меня беспокоится в рассуждении вашего здоровья. Не менее меня тревожатся Родители Натальи Михайловны и она сама, что не получают от вас ответа на письма свои, из коих одно послано с Федором Петровичем Миллером. Незнаю, получили ли вы оное. Сделайте милость, напишите к ним, дабы вывести их из

сомнения. Мы хотели выехать первого сего м[есяц]а, но удержаны до половины Июня по причине Свадьбы сестрицы Натальи Михайловны; которая сосватана довольно богатым здешним помещиком Кореневым. В дороге мы надеемся пробыть не более пяти недель; следственно к Сентябрю непременно будем в вашу деревню, где надеемся застать и вас. Покорнейше прошу засвидетельствовать наше почтение всем родным. Засим свидетельствуя вам мое сыновнее почтение честь имею быть ваш покорнейший сын

Кондратий Рылеев

P.S. Сделайте милость, вдруг по получении сего письма,— отвечайте.

17. МАТЕРИ

Августа 29 дня 1819 г.

Любезнейшая матушка!

Уведомляю вас, что мы 23 сего месяца выехали из Подгорного и теперь находимся в Воронеже, откуда теперь отправляемся далее. До сих пор, слава богу, здоровы и Наташенька, и я. Но не прежде надеемся быть к вам в Батово, как около 20 сентября, ибо едем на своих лошадях. Прощайте, любезнейшая матушка. В нетерпеливом ожидании скорее вас увидеть, остаюсь ваш послушный сын

К. Рылеев

18. М. Г. БЕДРАГЕ

Петербург. 23 ноября 1820 года

... Государя еще нет и не ожидают прежде половины декабря. В Л[ейб-гв[ардии] Конно-Егерском полку была также неприятность против Потапова; офицеры еще в октябре было подали почти все в отставку; но теперь все кончилось благополучно.— Любовь к воинским занятиям в крови царей наших столь сильна, что даже и Александр Николаевич по приказанию Михаила Павловича вытягивает уже руки по шву.

Моя сатира к временщику уже печатается в 10 книге Невского Зрителя. Многие удивляются, как пропустили ее...

19. ЖЕНЕ

С.-Петербург. 25 ноября 1820

Милый друг Натанинька! Уведомляю, что просьба матушкина получена в сенате, но как полагают возвращена будет с надписью, ибо таковых в общем собрании нерассматривают. Так говорил мне один секретарь сенатский: но я думаю, что это в переводе значит: *дай!* Я писал уже об этом к Алексею Михайловичу. Я буду стараться, сколько моей силы станет. Обер-прокурор Маврин знаком нам весьма хорошо; но все [же] без денег ничего нельзя будет сделать. Деньги лучшие стряпчие, а потому и скажи матушке и Ивану Михайловичу, чтоб поспешили выслать к январю рублей тысячу. Разумеется, я употребляю их в таком случае, когда делу можно будет дать чрез то хороший оборот. Завтра же еду к обер-секретарю Ушакову просить, дабы просьба была принята. Из прилагаемой записки из сената от секретаря в ответ на мою выправку чрез Крестьяна Ивановича увидите, что уже пора подмазывать.

20. ЖЕНЕ

С.-Петербург. Декабря 2 дня 1820

Что с вами сделалось в Подгорном? никто ни строчки!— Уж не заболел ли кто, милая Натанинька?.. Я право теряюсь в размышлениях и весьма беспокоюсь. Ты прежде не была так ленива. Сестрица также. Чему же приписать столь долгое ваше молчание, как не болезни чьей нибудь. Хотя Шарлота Васильевна и уверяет по картам, что все вы здоровы, но что болен в вашей окружности *какой-то толстый и злой человек*, который смертию не опечалит нас, но напротив обрадует. Уж не Александр ли Данилович ето?.. Бог с ним! Но только я не думаю, чтобы

кончине его обрадовалась наша добринькая сестрица. Она так жалостлива, так чувствительна, что и об чужих плачет, и об своем милом, прелестном, страстном пастушке наверное уж с тоски и горя сляжет в постель... Я об заклад бьюсь, что сестрица, прочтя сии строки, уж рассердилась на меня; но ето грешно ей. Она знает мою к себе дружескую привязанность и следственно должна быть уверена, что я не пожелаю ей зла... Ты знаешь, что матушка страшная неприятельница всем злым свекровьям и можешь себе представить, как она расположена к Е. Г.

Прощай, друг мой! Засвидетельствуй мое глубочайшее почтение матушке и поцелуй ручку. Сестрицу поцелуй в самые губки: и пожелай ей веселия. Ивану Михайловичу кланяйся в пояс и попеняй за леность. Нашу крошечку поцелуй и скажи, чтобы росла. У нас скоро начнутся выборы: мне предлагали быть в Софийском Уезде Исправником, и даже настаивали, но я на отрез отказался от етой подлой должности, которою у вас так дорожат и тщеславятся. — Будь здорова, мой ангел. Твой друг

К. Рылеев

P. S. Я и забыл было уведомить тебя, что с нового года я буду издавать журнал в Петербурге под названием *Невский Зритель*. Цена в год 35 р. Скажи об етом Николаю Федоровичу, также В. А. Труфанову. Естли захотят выписать, то пусть пишут и присылают деньги в С. Петерб[ургский] Почтамт.

К. Р—в

Катенька и Любушка также пеняют тебе, что ты их позабыла. Это и правда; особливо виновата ты пред Катинькой; она писала к тебе, а ты не отвечала. — Твой верный друг

К. Рылеев

21. Ф. В. БУЛГАРИНУ

Острогожск, июня 20 дня 1821

Вот уже три недели, как я пирую на Украйне: пью донские вина и обжираюсь стерлядями; а ты по сие время не поздравил меня с таким благополучием! Ты, будучи сам одним из главнейших петербургских гастрономов, для возбуждения в своем приятеле еще большего аппетита, не хочешь из одной лености порадовать меня здесь хотя тремя строчками... Но добро ж, Сармат неверный, я отплачу тебе, и ты не получишь ни сухой стерляди, ни балыка, по возвращении моем в Питер, если не пришлешь ко мне по крайней мере *двух* грамоток — сюда, в мое счастливое уединение, где я так доволен, так блаженствую, что право не хочется и вспоминать о шумной Пальмире Севера...

Давно мне сердце говорило:
Пора, младой певец, пора,
Оставив шумный град Петра,
Лететь к своей подруге милой,
Чтоб оживить и дух унылой,
И смутный сон младой души,
На лоне неги и свободы
И расцветающей природы
Прогнать с заботами в тиши.
Настал желанный час — и с тройкой
Извощик ухарской предстал;
Залился колокольчик звонкой —
И юный друг твой поскакал...
Едва заставу Петрограда
Певец унылый миновал,
Как разлилась в душе отрада,
И я дышать свободней стал,
Как будто вырвался из ада...

Теперь я на ярмарке в городе Острогожске, в котором городничим Григорий Николаевич Глинка, брат почтеннейшего Федора Николаевича. Я познакомился с ним еще

года за два пред сим. Тогда он был вдов, но недавно женился в Москве на одной любезной девице, которая весьма любит литературу — и я с большим удовольствием провожу у них время.

В своем уединении прочел я девятый том Русской Истории... Ну, Грозный! Ну, Карамзин! — Не знаю, чему больше удивляться, тиранству ли Иоанна, или дарованию нашего Тацита. Вот безделка моя — плод чтения девятого тома. *

Если безделка сия будет одобрена почтенным Николаем Ивановичем Гнедичем, то прошу тебя отдать ее Александру Федоровичу в «Сын отечества». Прощай. Свидетельствуй мое почтение всем добрым людям, сиречь: Н. И. Гнедичу, Н. И. Гречу, Барону, также Александру Федоровичу и проч... Пиши ко мне на Павловск. — Твой друг

К. Рылеев

22. Ф. В. БУЛГАРИНУ

С. Подгорная. Августа 8-го 1821

Скоро должен я буду оставить мое тихое, безмятежное уединение, дабы опять явиться в Северную Пальмиру. Холод обдает меня, когда я вспомню, что кроме множества разных забот, меня ожидают в оной мучительные крючкотворства неугомонного и ненасытного *рода приказных*...

Когда от русского меча
Легли Моголы в прах, стеная,
Россию бог карать не преставая,
Столь многочисленный, как саранча,
Приказных род, в странах ее обширных,
Повсюду расселил,
Чтобы сердца сограждан мирных
Он завсегда как червь точил...

* Ниже следует дума «Курбский». *Ред.*

Ты, любезный друг, на себе испытал бессовестную алчность их в Петербурге; но в столицах приказные некоторым образом еще сносны... Если бы ты видел их в русских провинциях — сто настоящие кровопийцы, и я уверен, что ни хищные татарские орды во время своих нашествий, ни твои *давно просвещенные* соотечественники в страшную годину междуцарствия не принесли России столько зла, как сие лютое отродие... В столицах берут только с того, кто *имеет дело*, здесь со всех... Предводители, судьи, заседатели, секретари и даже копиисты имеют постоянные доходы от своего грабежа; а исправники...

Кто не слыхал из нас о хищных Печенегах,
О лютых Половцах, иль о Татарах злых,
  О их неистовых набегах,
      И о хищеньях их?
Давно ль сей край, где Дон и Сосна протекают.
Средь тучных пажитей и бархатных лугов
И их холодными струями напояют,
  Был достояньем сих врагов?
Давно ли крымские наездники толпами
      Из отческой земли
И старцев, и детей, и жен, тягча цепями,
  В Тавриду дальнюю влекли?
Благодаря творцу, Россия покорила
      Врагов надменных всех,
И лет за несколько со славой отразила
  Разбойника славнейшего набег...
  Теперь лишь только *при наездах*
Свирепствуют одни исправники в уездах.

Но полно об этой дряни...

При сем посылаю *несколько* моих безделок. Потрудись показать их почтенному Николаю Ивановичу Гнедичу, и если *годятся*, отдай их Александру Федоровичу для «Сына отечества».

Прощай, я в половине сего месяца выезжаю, но буду в

Петербург не прежде половины сентября, ибо еду на своих.

Поручая себя дружеской твоей памяти и прося засвидетельствовать мое почтение *всем*, остаюсь твой друг

К. Рылеев

23. МАТЕРИ

15 октября 1821. С.-П[етер]Бург

Любезнейшая матушка!

Спешу уведомить вас, что я нанял тот самый дом, где стоял прежде Петр Петрович, за 750 р. в год. Квартера выгодная, 4 комнаты довольно большие, из коих одна перегороженная. Людская с кухней особенная; конюшня на два стойла, может стать и третья лошадь. Сарай, и ледник, в который можно будет складывать дрова. Печей и с тою, которая на кухне, четыре, и как Петр Петрович говорит— то очень хорошо. Только та беда, что деньги за каждую треть вперед; но я как-нибудь изворочусь, на ету треть будет. Сделайте милость, любезная матушка, отправляя Наташиньку, пришлите на первый случай посуды какой-нибудь, хлеба и что вы сами придумаете нужное для дома, дабы не за все платить деньги.

Пусть Наташинька скорей едет, а то, чтоб после Нева не задержала.

С истинным почтением имею честь быть вашим покорнейшим сыном

К. Рылеев

24. МАТЕРИ

[Петербург] Марта 26 дня 1822

Любезнейшая маменька! Настасья Матвеевна!

Поздравляю вас с наступающим праздником и желаю провести оный в веселии и здоровии; мы, слава богу, здоровы; печалились было, не получая писем, но сегодня получили две повестки на два страховых письма. Еще не знаем, что пишут. Денег на праздник достал я и также сделал себе летний сюртук; он стал 95 р. — лошадь не

спешите продавать, ибо я слышал, что ваш Рыжко очень худ: падет, так не на чем будет ездить. Засвидетельствуйте мое почтение Катерине Ивановне и Наталье Никитишне. Нам весьма хотелось бы быть у вас на праздниках, но не знаем, как попасть. Будьте покойны, любезнейшая маменька, и здоровье свое берегите хотя [для] крошки Настеньки.

С истинным почтением имею честь быть ваш послушный сын

Кондратий Рылеев

Ради бога, любезная маменька, пришлите воз сена для коровы, если можно, мы уже покупаем.

25. МАТЕРИ

[Петербург] апрель 1822 г.

Любезнейшая матушка! Настасья Матвеевна!

Покорнейше благодарю вас, любезнейшая маминька, за присылку гостинцев на праздник, с которым имею честь поздравить, и желаю провести оный в радости и удовольствии. — От Настасьи Михайловны и от Матрены Михайловны мы получили на днях письма; Настинька, слава богу, здорова и почти все говорит; так по крайней мере пишут; но там случилось другое несчастие — Настасья Михайловна лишилась мужа. Александр Данилович скончался на второй недели поста, 23 февраля, в доме Матрены Михайловны. Он приехал проводить Алексея Михайловича, который приезжал из полка в отпуск; пошел в баню; вышедши выпил 4 стакана холодного квасу и получил горячку; ее однако успели перервать; мать его приехала; приехали еще два лекаря; но мокроты, скопившись в груди, кончили жизнь его; он погребен в Сагунах, где жил. Старуха мать, как убитая; лишилась последнего сына. Теперь просит Настасью Михайловну, чтобы не покинула ее на старости и жила бы с нею. — Я писал к Настасье Михайловне, и как умел, старался утешить ее;

а равно писал я и к Старухе. С наступающим праздником прошу вас покорнейше поздравить Катерину Ивановну, Наталью Никитишну и детей.

Вот *Надгробная Рыжку:*

Когда ты одарен чувствительной душою,
Взгляни, Прохожий, глубоко:
Под сею насыпью простою,
Увы, лежит Рыжко!
Его завидовали доле
Все лошади окрестных деревень
И не дождаться им во век подобной холи!
Бывало, кучеру нет воли
Рыжка кнутом стегнуть за лень;
Ему особенное стойло,
И сена вдоволь, и овса,
И в Оредиже было роскошное пойло
Работы ж в месяц — *три часа.*

Ваш покорнейший сын

К. Рылеев

26. ЖЕНЕ

Харьков. Июня 28 дня 1822 года

Милый друг мой! Натанинька! Мы приехали в Хар[ь]ков вчера, то есть в воскресенье, поутру; Накануне почевали от Харькова в 6-ти только верстах на постоялом дворе; ибо хотя и было еще рано, но погрязной дороге лошади, которых удружил нам Иван Михайлович, едва волочили бричку. Вороная, на которую так много надеялся Иван Михайлович, вышла самая негодная, и Иванька принужден был на половине дороги запречь в корень уже печеного. Буланая также не везла нисколько, так, как и вороная, и следственно мы ехали только на паре и две последние станции почти шаг за шагом! Скажи же, как не поблагодарить Ивана Михайловича! — отсюда еду завтра на почтовых на Ахтырку, Ромен и Прилуки. Следовательно

могу надеяться быть у Алексея Михайловича. Подорожную я получил уже от Губернатора. Прекраснейший человек! Меня принял весьма ласково, расспрашивал зачем я в Харькове, и когда я ему сказал, то он весьма хвалил Го[сподин]а Роберти. Косовского не застал, его теперь нет в городе. Васька сегодни был у меня и хвалил Пансион; говорит, что Мишинько после меня стал скучать и просился на время ко мне, но Г[осподи]н Роберти не отпустил его. Он хоть и не сечет, но строго содержит учеников: они его любят, но вместе и боятся. Вчера вечером давали чай по одной большой чашке с белым хлебом. За ужином же было три блюда: окрошка, холодное и жаркое; хлеб же черный. Сам Роберти с женою и с детьми кушает всегда вместе с учениками. По русски почти не говорят, а все по французски или по немецки. Конечно, сначала Мишиньке должно показаться трудно, но когда привыкнет, то все пойдет хорошо. Васька сказывал мне, что Мишинька говорил ему, что он пробудет только в Пансионе до Рождества, а там, поехав домой, останется у маминьки! — Это добрый знак! видно он приметил, что тут не в Воронеже и надобно будет приниматься за дело без шуток, а ето-то ему верно немножно и не правится.

Скажи Маминьке, что Васька просит дабы прислали ему новые сапоги, да еще шаровары, ибо без них теперь ему нельзя будет убирать в комнатах; у его хоть и есть, но надобно на перемену. — Чрез час пойду в Пансион проститься с Мишинькой. Прощай! друг мой! поцелуй за меня сестрицу, Ивану Михайловичу засвидетельствуй мое почтение и искреннюю благодарность за вороную и буланую. Пиши ко мне в Киев с первою же почтою; ибо я буду в нем с божиею помощию дни через четыре, и верно прежде, нежели воротится Иванька.

Твой друг *К. Рылеев*

P. S. Сей час я возвратился из Пансиона вместе с Мишинькою. Он, кажется, уже начал привыкать и очень хвалит Пансион и Адольфа Ивановича. Посоветуй с сестри-

цею Маминьке, дабы позволила Мишиньке учиться играть на фортопьяно. Это, право, для него очень хорошо, и притом разницы всего в 200 р. К тому же ему самому хочется.—

Прощай!

Мой друг! Хранитель ангел мой!
О ты, с которой нет сравненья!
Люблю тебя, дышу тобой!
Но где для страсти выраженья!

Твой навсегда *К. Рылеев*

27. К ЖЕНЕ

Киев. Июля 7 дня 1823 г

Милый друг мой! Наташинька!

Я был у братца Алексея Михайловича в эскадроне, но к сожалению не застал его и, пробыв полторы сутки, принужден был поспешить в Киев, поручив Капитану Балабину объявить ему о смерти почтеннейшего батюшки. Мне говорили, что Алексей Михайлович скоро по возвращении своем хотел ехать в Киев, где и надеялся увидаться с ним, но по сие время его еще не было, а потому и полагаю, что он, узнав о смерти М[ихаила] А[ндреевича], поскакал прямо к вам. —

Ты, я думаю, весьма удивилась, что я в письме из Харькова не послал даже и поклона Настиньке, мне хотелось немножко рассердить тебя. Уведомляю тебя, милый мой друг, что я не пробуду здесь и месяца, все идет хорошо. Не знаю, как будет далее. Новостей здесь я не слышал. Только недель шесть назад случилось здесь весьма трагическое происшествие. Один гвард[ейский] офицер нашел в Выборге, что в Финляндии, портрет одной прекрасной дамы и влюбился в него. Долго искал он оригинала в Петербурге и других городах, наконец приезжает в Киев и находит то, к чему стремился всею душою. Это была дочь Генерала Рейхеля. Представь, какое для него восхищение! Он старается познакомиться в доме. Его полюбили, и дали слово выдти за него. Он пишет к родителям своим. Между

тем неверная Лиза вдруг переменяется и отказывает ему. Несчастный просит, умоляет ее возвратить ему прежнюю любовь. Но уже поздно. Ветренница уже полюбила другого и назначила день свадьбы.

Бедняк, получив письмо от отца, который позволял ему жениться, бежит с оным в дом неверной; но жестокая принимает его так холодно, так холодно, что несчастный выхватывает пистолет, чтобы застрелиться, отец невесты вырывает у него оный, но он, выбежав на улицу и вскричав еще раз Лиза, Лиза! пред ее окошками стреляет себе в самое сердце! В оставленном письме он просил, дабы портрет неверной положили с ним. Он похоронен недалеко от города в дубовой роще, без всякого обряда, как самоубийца! — Жестокая Лиза через неделю обвенчалаеь с другим! Вот каковы женщины! — Города я еще не осматривал и потому ничего не пишу о нем. Был только у Варвары великомученицы и взял крестик золотой для Настеньки и несколько серебряных колец. Поцелуй малютку за меня и уведоми, здорова ли она, а равно матушка, сестрица, ты и Иван Михайлович! — Засвидетельствуй матушке мое глубочайшее почтение. Будь здорова, а сестрице скажи, чтобы не печалилась и следовала моим добрым советам. Я ей от души желаю добра! Прощай, ангел! —

Твой навсегда верный друг *К. Рылеев*

P. S. *Побывай у генеральши.*

28. Е. А. БАРАТЫНСКОМУ

С.-Петербург. 6 сентября 1822

Милый Парни! Сатиры твоей не пропускает Бируков. На днях я пришлю ее к тебе с замечаниями, которые, впрочем, легко выправить. Жаль только, что мы не успеем ее поместить в Звезде, в которую взяли мы Рим, К Хлое и Признание; в сей последней не пропущено слово небесного огня. Дельвиг поставил прекрасного. Нет ли чего новенького? Ради бога присылай. Трех новых пьес Пушкина

не пропустили. В следующем письме пришлю к тебе списки с них. В одном послании он говорит:

Прошел веселой жизни праздник!
Как мой задумчивый проказник,
Как Баратынский, я твержу:
Нельзя ль найти подругу нежной,
Нельзя ль найти любви надежной, —
И ничего не нахожу.

Усердный твой читатель и почитатель *К. Рылеев*

29. Ю. У. НЕМЦЕВИЧУ

Jaśnie Wielmozny Panie!

Zamilowanie prawdy i wszystkiego, co jest ojczystem, natchnęto mi zamiar podania, uwadze ziomków moich wielkie bohaterów rosyjskich czyny i przyjacioł całego rodu człowieka. «Spiewy historiczne» J. W. Pana były dla mnie wybornym wzorem dla któregom się nauczył języka, ozdobionego imi onami Kochanowskich, Krasickich, Trembeckich i Niemcewiczow. Pozwól mi zatem J. W. Pan poświę cie sobie jednę z dum moich, przełozoną z Wytwornego Jego zbiorn. Płody genjuszow są spólną wszystkich własnojcią: ja zas s'miem urę czaç czanownego Nestora polskiej literatury, ze i ha brzegach Neuy, młodociane w Krolestwie nauk pokolenie z rozkoszą się ha pawa jłodkim sarmackiej lutni dz'więkiem i umie cenić przyjacioł wielkiego Washingtona. Sam czuję, ile mój przekład dalekim j est od, przedmiotu i wdzićkow oryginału, lecz śmiem podchlebiać sobie, iz dobra chęć wynagrodzi w oczack czlachetnego patrjoty nieu dolność rymotwórczą. Przylączając tu pozdro wienie od wszystkich rosyjskich miłosników polskiej literatury, mam saczczytz wysokiem upoważaniem i szacnukiem zostawał Jasnie Wielmoznego Pana.

Najnizszym sługa *Konrad Rylejew*

Peterburg, 11 września 1822

Deputat od statu rycerskiego, zasiadajacy w słądzie głomnym krymi, hałnym. Czł. Tow. Miłosników Ros. lit.

Перевод:

Ясновельможный пан!

Любовь к правде и ко всему родному вдохновила меня представить вниманию моих соотечественников великие деяния русских героев и друзей всего человечества и ваши «Исторические песни» были для меня отличным образцом, ради которого я выучился языку, украшенному именами Кохановских, Красицких, Трембецких и Немцевичем. Позвольте мне поэтому поднести вам одну из дум моих, переведенную с великолепного вашего собрания. Плоды гениев — это объединяющая всех собственность, я же смею уверить уважаемого Нестора польской литературы, что и на берегах Невы молодое в царстве наук поколение с восторгом наслаждается сладкими звуками сарматской лиры и умеет ценить друзей великого Вашингтона. Сам чувствую, что мой перевод далек от предмета и достоинств подлинника, но смею надеяться, что доброе желание вознаградит в глазах честного патриота поэтическую неспособность. Присоединяя здесь поздравление от всех ревнителей польской литературы, прошу и т. д.

Конрад Рылеев

Петербург, 11 сентября 1822

Депутат от дворянского сословия Главного уголовного суда. Член Общества любителей российской словесности.

30. П. П. СВИНЬИНУ

[Петербург] Декабрь 24 1822

Милостивый Государь

Павел Петрович!

Зная любовь вашу ко *всему Русскому*, посылаем вам при сем *Русской Альманах* и просим замолвить за него доброе словечко на Русском Парнасе. С истинною преданностию имею честь быть ваш покорнейший слуга.

К. Рылеев

P. S. Мы желали было украсить нашу звезду виньетками; но к сожалению не успели.

31. Ю. У. НЕМЦЕВИЧУ

С.-Петербург. Января 1823

Прекрасные чувства, которыми исполнено письмо ваше, живо меня тронули... Так, отечество ваше несчастно: оно в наши времена имело и недостойных сынов, но бесславие их не могло помрачить чести великодушного народа, и из среды оного явились мужи, которые славою дел своих несравненно более возвысили славу Польши, нежели первые предательством своим оную омрачили. Так, — и вы не одними воспоминаниями славных деяний, совершенных в веках минувших, можете утешать себя. К счастию всего человечества, добрая слава дел наших зависит не от одного успешного окончания, но также от источника их и побуждения, — и славные имена Костюшки, Колонтая, Малаховского, Понятовского, Потоцкого, Немцевича и других знаменитых патриотов, несмотря на то, что успех не увенчал их благородные усилия, никогда не перестанут повторяться с благоговением, а деяния мужей сих будут всегда служить для юношества достойными образцами. Семена добра и света уже посеяны в отечестве вашем. Скоро созреют прекрасные плоды их. Вы были одним из ревностнейших сеятелей; вы во все продолжение жизни своей, как Тиртей, высокими песнями возбуждали в сердцах сограждан любовь к отечеству, усердие к общественному благу, ревность к чести народной и другие благородные чувства. Итак, муж почтенный, утешьтесь и, сняв лиру свою с печальной вербы, подобно лебеди на водах Леандра, воспойте на закате дней своих высокие гимны, удвойте, если возможно, завидную славу вашу и порадуйте достойное ваше отечество...

Прошу милостиво принять уверение в высоком уважении и почитании, с которым имею честь оставаться ваш, милостивый государь, нижайший слуга.

P. S. Отсутствие мое из Петербурга причиной тому, что я так долго был лишен счастья получить ваше письмо (от 30-го октября) и отвечать на него.

32. А. Ф. ВОЕЙКОВУ

[Петербург. 1 июля 1823]

Милостивый Государь,

Александр Федорович!

Душевно благодарю вас, почтеннейший поэт, что вспомнили обо мне. Желание Жуковского, Вяземского и ваше для меня закон, а в этом случае закон лестный и самый приятный — и я во вторник в 8 часов ваш. Думу постараюсь обделать к этому же времени.

Искренно преданный и уважающий вас
покорнейший слуга *К. Рылеев*

33. Ф. В. БУЛГАРИНУ

Петербург. 7 сентября 1823

Я был тебе другом, Булгарин; не знаю, что чувствовал ты ко мне; по крайней мере ты также уверял меня в своей дружбе — и я от души верил. Как друг, отдаю на твой собственный суд, исполнил ли я обязанности свои. Исследуй все мои поступки, взвесь все мои слова, разбери каждую мысль мою и скажи потом, по совести, заслуживал ли я такого оскорбления, какое ты сделал мне сегодня, сказав, что ты, «если бы и вздумал просить от кого-нибудь в Петербурге советов, то я был бы последний...» Что побудило тебя, гордец, к этому, я не знаю. Знаю только то, что я истинно любил тебя и если когда противоречил тебе, то не с тоном холодного наставника, но с горячностью нежной дружбы. Так и вчера, упрекая тебя за то, что ты скрыл от меня черное свое предприятие против Воейкова, я говорил, зачем ты не сказал; я на коленях уговорил бы тебя оставить это дело. Скажи же, похоже ли это на совет; можно ли тем было оскорбиться, и оскорбиться до того, чтоб наговорить мне дерзостей самых обидных?.. Еще повторяю и прошу тебя вспомнить все мои поступки, слова и мысли — разобрать их со всею строгостью. Рано ли, поздно ли, но

ты или самые последствия докажут тебе справедливость мнений моих и правоту.

В пылу своего неблагородного мщения, ты не видишь или не хочешь видеть всей черноты своего поступка; но рано ли, но поздно ли... Извини моего пророчества и прими его за остаток прежней моей дружбы и привязанности, которые одни удерживают меня требовать от тебя должного удовлетворения за обиду, мне сделанную... Ты гордишься теперь своим поступком и рад, что нашел людей, оправдывающих его, не вникнувших в обстоятельства дела, других ослепленных, как ныне и ты, мщением и враждою, и думаешь, что и все, кроме меня, разделяют твое мнение. Но узнай, как жестоко ты обманываешься. Не говоря о множестве других, которых ты в душе своей уважаешь, В. А. Жуковский, этот столь высокой нравственности человек, которого ты любишь до обожаний — в негодовании от твоего поступка. Он поручил мне сказать тебе, что ты оскорбляешь не одного Воейкова, но целое семейство, в котором ты был принят, как родной; что он употребит все возможные средства воспрепятствовать исполнению твоего желания, и что, если ты и успеешь, то не иначе, как с утратою чести! Вот, Булгарин, какого ты человека тронул. Скажи же теперь, справедливы ли мои опасения? Удаляя от себя людей, в которых, по собственному сознанию твоему, ты более всех был уверен, — скажи, на кого ты надеешься, в чью дружбу уверовал? Что иное, как не дружба к тебе, побуждало меня говорить Н. И. Гречу резкие и верно неприятные для него истины; что заставляло меня говорить их тебе самому, как не желание тебе добра? И ты смел сказать, что мы закормлены обедами Воейкова, тогда как я у него в продолжение года был только два раза. После всего этого, ты сам видишь, что нам должно расстаться. Благодарю тебя за преподанный урок; я молод — но сие может послужить мне на предыдущее время в пользу, и я прошу тебя забыть о моем существовании, как я забываю о твоем: по разному образу чувствования и мыслей нам скорее можно быть врагами, нежели приятелями.

34. М. М. ТЕВЯШОВОЙ

Петербург, 20 сентября 1823

Милостивая Государыня
почтеннейшая матушка Матрена Михайловна.

Почтеннейшее письмо ваше мы получили и приносим за оное душевную благодарность. Наташинька слава богу здорова, а равно и малютка Александр. Что бог даст далее. Восприемниками были Федор Николаевич Глинка с теткою моею Верою Сергеевною Готовцевою и матушка с Николаем Григорьевичем. Матушка теперь в деревне; насилу могла расстаться с Александром.

Приехали ли Сестрица? — я много хохотал их поезду — представляя себе, как тянутся экипажи.

Будьте здоровы и благополучны, любезнейшая матушка, и поцелуйте крошку Настиньку. Я вижу, что она и добра и умна, по письмам Ивана Михайловича, и всем етим она обязана вам.

С истинным почтением, честь имею быть
Милостивая Государыня любезнейшая матушка
ваш покорный сын

К. Рылеев

35. МАТЕРИ

[Петербург. Октябрь 1823]

Почтеннейшая и любезнейшая маменька!

Ваш Александр слава богу здоров и. кажется, пополнел. Сестра его прислала ему 5 рублей и хочет быть у него нянькой. Проказница.

Ревижскую сказку посылаю. Все хорошо пошло. Посылаю вам свою оду. Будьте здоровы и веселы. Спешу отправить Федьку. С истинным почтением и преданностью остаюсь ваш

Покорнейший сын

К. Рылеев

36. И. М. ТЕВЯШОВУ

[Октябрь 1823]

Любезнейший братец Иван Михайлович!

Душевно благодарю вас за приятные ваши письма и за уведомления о крошке; особливо последним известием вы много нас порадовали. Пожалуйста продолжайте писать к нам — и попеняйте Сестрице, что она не написала к нам из Киева. Ето, право, непростительно; милая богомолочка совершенно забыла нас.

Поручая себя вашей памяти и дружеству, остаюсь вашим покорнейшим слугою и братом

К. Рылеев

P. S. Посылаю один экземпляр моей новой «Оды» и прошу один отдать *сестрице*.

37. В. И. ТУМАНСКОМУ

[Петербург] 3 Окт[ября] 1823

Из письма твоего к Ред еди, милый Туманской, вижу, что прелестными пиэсами нашего Парнаского Чудотворца Полярная Звезда обязана тебе. Да не угасает же в тебе за то никогда чистой пламень Поезии, возженный твоею прелестною Музою, которую ты так мило славишь под именем милой Девы. Пусть пламень сей на зло ничтожной и мелкой собратии Федорова чаще и чаще рождает в тебе истинное вдохновение и дразнит самолюбивое безвкусие Старообрядцов нашей Словестности. Твоя последняя Элегия очень мила, как и другие две пиэсы. Жаль только, что Манценил переведен не пятистопными стихами. Все сии стихотворения вместе с пиэсами Консула нашей Литературной Республики отданы Бирукову. Боюсь за Послание к А. и именно за то место, где исступленный любовник

Клянет ревнивого супруга
Или докучливую мать.

Бируков Цензор-деспот и *ревнивый муж*. Страшусь также за стихи к *Иностранке*, где есть слово *боготво-*

рить: оно верно не будет пропущено. Попроси Пушкина, чтобы он пожертвовал им для Полярной Звезды. Письмо твое к Алек[сандру] Бестужеву с приложением другого от Пушкина получено мною и за отсутствием Бестужева по праву дружбы распечатано. Желания Пушкина все исполнены, а в отношении посланий к Кривцову и к В. Л. П[ушки]ну при помощи самой Цензуры, не пропустившей их. Вакхическая песнь, непропущенная прошлого года под именем стихов к Друзьям, проскользнула сквозь тесную калитку Цензуры и с торжеством вошла в широкие ворота Полярной Звезды. Просим позволения у Пушкина напечатать Турецкую песню и маленькую пиэску к малютке, которые здесь ходят по рукам.

Стихотворений наслано к нам куча. Между прочим будет может быть и Иванов вечер. Алек[сандр] путешествует с Герцогом и надиях возвратится. Пиэсы его еще не готовы. Пожури его из Одессы, как ветреника.

Исполняя твое желание, уведомляю, что Войнаровский приметно подвинулся вперед. Когда же кончится и как кончится не знаю сам. Прощай милый, не ленись и пользуйся вдохновением. Славь свою миленькую милую деву. Обними и поцелуй Пушкина. Прилагаю к нему письма от Пущина и Дельвига. Проси об ответе.

Твой *Рылеев*

P. S. Сей час получил пиэсы от Вяземского, Родзянки и В. Измайлова. От А. Измайлова имеем сказку *Лгун* на Свиньина, которой ты от души похохочешь.

[*Рукою неизвестного лица:*] Дельвиг бьет тебе челом и проч. Попавши случайно сегодня к первому номеру Редеди, приписываю здесь тебе мой поклон по праву Редеди. Что-то давно от тебя нет ничего?

[*Рукою Рылеева:*] Сей час от Бирукова. Варвар непропустил ни одной из пиэс Пушкина, за самые те места, об которых писал я выше; в пиэске же к приятелю находит он ненравственную цель; говорит: *двое за одной волочатся.* — Твою элегию к милой деве также не про-

пустил за ночлег в шалаше: ето слишком сладострастно. Манценила тоже не пропущена: ета пиэса слишком либеральна по мнению Бирукова. Ради бога присылай других и проси Пушкина, что[бы] он нас не оставил. Без него Звезда не будет сиять.

Рылеев

38. ЖЕНЕ

Москва. 1824 года декабря 9

Я сей час еду в Петербург. Москвою, друг мой, я чрезвычайно доволен: я был принят, как нельзя лучше, где только ни был. Представь себе: я встретил здесь Черновых—Константина и Сергея Пахомовичей; они приехали сюда ***стреляться*** с Новосильцевым и уже чуть не было дуели; наконец все кончилось миром. Отец и мать Новосильцева позволили ему жениться наконец, и скоро будет свадьба. Слава богу, что так благополучно кончилось. Сдесь только и говорят об етом. Наводнение в Петербурге было ужасное, а равно и в Кронштадте. Корабли ходили по улицам. Не описываю подробностей до приезда в Петербург. Поцелуй у матушки ручку и поблагодари за ласки и одолжения, которые у меня глубоко врезаны в сердце; сестрицу поцелуй, братцев, так и Настиньку. Будьте все здоровы, веселы и благополучны. Я же очень здоров: все еще действует подгоренский воздух. Прощай, милый друг мой

твой друг *К. Рылеев*

P. S. Из Петербурга напишу об своем пребывании в Москве, подробно, как к тебе, так и к Бедрагам. Теперь скажи им, что Денис Давыдов кланяется им.

39. В С-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

[10 декабря 1823]

Имею честь предложить в члены сего Общества предложить служащего в Департаменте Государственного Казначейства Губернского секретаря василия Василия (sic)

Никифоровича Григорьева, которого стихотворения помещены были в последних 3-х книжках Соревнователя 1823 года.

Действительный член

Рылеев

Сомов

40. В ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛОВЕСНОСТИ НАУК И ХУДОЖЕСТВ

Ноября 1 дня 1824

От Действительного Члена

Рылеева

Имею честь предложить сему Обществу к принятию в Действительные члены оного Г-на Штабс-Капитана Александра Осиповича Корниловича, известного своими познаниями в отечественной истории и древностях.

Кондратий Рылеев

41. ЖЕНЕ

С. Петербург. Декабря 14 дня 1824

Наконец, мой милый друг Натанинька, я добрался до Петербурга. Ты, я думаю, уже слышала о бывшем здесь наводнении и об ужасах, которые оно произвело. Представь же себе мое удивление, когда я, въехав в город, едва мог заметить следы оного. Не смотря на то, многие однакож пострадали, и если б не пособия правительства и людей частных — голод и нищета довершили бы зло, причиненное водою. Теперь почти всем потерпевшим сделано возможное вспоможение. Мы же с тобой должны благодарить Алек[сандра] Алек[сандровича] Бестужева: наши люди совершенно потерялись, и если б не было его, то мы лишились бы всей мебели и всего, что было в комодах. Бестужев прежде стал законопачивать двери, когда же вода начала пробираться в щели и сквозь пол, он приказал мебели ставить одни на другие и выбирать из комодов все и, находясь почти по пояс в воде, до тех пор не оставил квартеры, покуда все не при-

брал. Таким образом он спас все почти и твой мех; попортилось только мое бюро, письменный стол, твой рабочий столик, половина моей библиотеки и еще кое-что. Прочее все спасено; да потонула корова. В комнатах воды было выше полтора аршина. Катерина Ивановна также пострадала; она с детьми провела около суток на чердаке и лишилась довольно мебели; а что всего хуже—потеряла Верочку: крошечка умерла от простуды, точно тою же болезнию, как и наш Саша. Теперь слава богу ей помогли, и есть надежда, что царь назначит ей пансион. Вебер ужасно пострадал, потери много, Прасковья Алексеевна больна и живут в одной гостиной и в ужасной сырости. Наша прежняя квартира стоит теперь без окон; в ней жил Нелидов и все потерял. Слава и благодарение богу, что мы выехали. По 16 линии, где ни взглянешь, везде опустошение. Перед Вебера домом лежало несколько утопших. Представь себе ужас его. Множество домов совершенно снесено. Кронштат также весьма пострадал. Но будь покойна: скоро не останется и следов ужасного бедствия. Все, что можно было сделать людям, люди все сделали.

Об себе скажу тебе, что я до Москвы от Воронежа ехал уже на санях. В Москве пробыл неделю и никогда не забуду етого времени. Гостеприимная старушка Москва очень мила. Меня приняли и знакомые и незнакомые как нельзя лучше, и я едва мог выбраться: затаскали по обедам, завтракам и ужинам. Супруга Владимира Ивановича Барона Штейнгеля просит, чтобы ты, во время проезда своего чрез Москву, остановилась в их доме; она обещает показать тебе все любопытное. Я у них был принят как родной, и ето врезалось в сердце моем. В Воронеже я прожил сутки у Петра Демидовича: он мне показался большим чудаком; но при всем том он человек добрый.

Я думаю, что братец Алексей Михайлович уже приехал; обними его за меня, поцелуй и скажи, что мне весьма жаль, что обстоятельства не позволили мне дождаться его. Пожелай ему лучшего здоровья и попроси, чтобы он уведомил меня о своих мыслях касательно Мишеньки. Я уже спра-

влялся — нет ничего легче, как определить его в Измайловский полк. А это, право, не худо. Почтеннейшей Матушке Матрене Михайловне мое истинное, глубочайшее почтение и душевное благодарение за ласки и одолжения. Сестрицу миленькую, добренькую и вместе сердитинькую поцелуй, братцу Ивану Михайловичу мое усердное почтение, Настиньке благословение и поцелуй. Будь здорова и пиши. Твой друг

К. Рылеев

P. S. Николаю Федоровичу буду писать скоро.

Бестужевы кланяются тебе; они уже приехали. Напиши несколько строк к старшей сестре.

42. В. И. ТУМАНСКОМУ

[Середина января 1825, Петербург]

Милый Туманский.

Полюби Мицкевича и друзей его Малевского и Ежовского: добрые и славные ребята. Впрочем и писать лишнее: по чувствам и образу мыслей они уже друзья, а Мицкевич к тому же и поэт-любимец нации своей. Ты ленишься, мы также. Вот времячко: не сберегает ли сам бог деятельность нашу на что-либо лучшее?.. Но как бы то ни было, а стыдно. Посмотри, как шагает Пушкин! мы пигмеи перед ним. — Будь здоров, отжени лень, пиши, но пиши дело — у тебя прекрасный талант: ты сам не дорожишь им.

Твой *Рылеев*

43. ЖЕНЕ

С. Петерб[ург]. Генв[аря] 27 дня 1825

Письмо твое, мой милый ангел Наташинька, в котором уведомляеш меня о приезде братца Алексея Михайловича, я получил вчера. Очень сожалею, что не мог его дождаться, и более еще сожалею о его нездоровье; попросите его все совокупно, чтобы поберегал себя.

Об себе скажу, что я, благодаря бога, здоров, но только часто страдаю припадками скуки и всегдашнего моего петербургского сотоварища Геморроя. Как я был здоров в Подгорном! Сам удивляюсь и не знаю, чему ето чудо приписать: подгоренскому климату или подгоренскому добродушию. Сколько раз сожалел я, что непреодолимые обстоятельства приковывают меня к Петербургу тогда, как слабость здоровья, расположение душевное, желание, Поэзия, и чувства влекут меня на Украйну.

Сей час была у меня Татьяна Николавна; она кланяется тебе; долго сидела и много расспрашивала и об тебе и об нашей малютке. Добрая женщина! По сию пору плачет об Маминьке.

Антропов был здесь очень короткое время; спешил в полк, был у Катерины Ивановны, без ума от К. и хотел в сентябре опять приехать.

Дома все благополучно. За комодом смотрит Петрушка; Аксинья в деревне, Машка отпущена еще до меня по пашпорту. Якова и Марину хочу также отослать в деревню: совершенно лишние в доме. В гостиной перекладывали печь; наводнение совершенно ее испортило. В спальне нашей велю также переклать, но не прежде Весны; тогда же будут и красить комнаты: у нас в комнате воды было выше аршина. Впрочем большого вреда не было. Вера Сергеевна получила по случаю наводнения 2500 р.

В деревне продолжают возить лес: уже привезено до 200 бревен. Весною съезжу в деревню на неделю и займусь поправкою дома и флигеля к твоему приезду. —

Не знаю, получила ли ты письмо от Катерины Ивановны. Я послал его чрез Белогорье. Засвидетельствуй мое глубочайшие почтение матушке и поцелуй ручку. Сестрицу и братьев обойми. Настичку поцелуй и благослови. К братцу Алексею Михайловичу буду писать со следующею почтою. Прощай, будь здорова и не ленись писать к другу своему.

Рылеев

Могилка Саши цела.

44. А. С. ПУШКИНУ

[Петербург. Январь, 1825]

Рылеев обнимает Пушкина и поздравляет с Цыганами. Они совершенно оправдали наше мнение о твоем таланте. Ты идешь шагами великана и радуешь истинно Русские сердца. Я пишу к тебе: *ты*, потому что холодное *вы* не ложится под перо; надеюсь, что имею на ето право и по душе и по мыслям. Пущин познакомит нас короче. Прощай, будь здоров и не ленись: ты около Пскова: там задушены последние вспышки Русской свободы; настоящий край вдохновения — и неужели Пушкин оставит ету землю без Поэмы.

45. П. М. СТРОЕВУ

[Петербург. Конец января 1825]

Милостивый Государь

Павел Михайлович,

Весьма сожалею, что П. А. Муханов вас растревожил; поступки его действительно заслуживают порицания, и вы в праве на него негодовать, тем более, что хорошо не знаете его; но по праву приязни с Мухановым и по личному моему уважению к вам, должен вам с откровенностью сказать, что оскорбительные личности на счет Муханова, которыми наполнено письмо ваше, обидны и мне. По той короткости, которую вы не могли не заметить между мною и им, вам вовсе не следовало бы так поспешно объявлять мне, и еще письменно, своего мнения на счет его поступков. Муханов истинно добрый и благородный человек — и вероятное, какое-нибудь обоюдное недоразумение было всему причиною. Вот мое мнение: уверен, что имею дело с благородным человеком, и для того пишу откровенно, что бы ничего не осталось на сердце. — Я был бы мерзавец, если б мог хладнокровно прочитать письмо ваше. Я думаю, что вы уже виделись с Князем Евгением Петровичем Оболенским: я поручил ему, по случаю отъезда Муханова, принять на себя издание *Дум* и *Войнаров-*

ского. В нем вы найдете человека с отличными свойствами души и с прекрасными правилами: он вас и без меня удовлетворил вероятно, если вы обращались к нему. Теперь я также пишу и к Князю. Некоторые примечания ваши я уже имею здесь и душевно благодарю вас за них. Вы совершенно оправдали выбор наш. Прошу вас покорнейше сделать и ко вновь присланным мною *Думам* такие же примечания, если цензура была милостива ко мне. Прошу сказать мое истинное почтение г. Селивановскому. Он у меня из головы не выходит. Истинно почтенный человек! С душевной преданностию и истинным почтением имею честь быть Милостивый Государь

вашим покорным слугою

Кондр. Рылеев

P. S. За откровенность прошу не гневаться. Это мой порок.

46. ЖЕНЕ

Петербург. [Конец января начало февраля 1825 г.]

Милый друг мой, Наташинька!

Вот я уже пишу к тебе третье письмо из Петербурга, а ты еще только одним порадовала меня. Ето, дружочик мой, стыдно и грешно. Пожалуйста пиши хоть два раза в месяц; мне очень скучно без твоих писем. Хочется знать обо всех вас, ждешь почты, она приходит, и вдруг ничего; даже досадно.

Я по большей части сижу дома; принялся за Полярную Звезду; надеюсь выдать к святой. Теперь же еще скопилось много дел по Компании, которые все в етом месяце надобно будет окончить; хлопот пропасть. При тебе все бы шло веселее. Вперед и на месяц не разлучусь с тобой.

Пиши ко мне, что вы делаете, бываете ли где, что Бедряги? — Все ли вы здоровы; что Настинька? У тебя столько предметов, об которых можешь писать ко мне, что на каждый день мало места, а ты ленишься.

Здешние все здоровы: Катерина Ивановна, Вера Сергеевна, Софья Николаевна, Татьяна Николаевна, — Алексан-

дра Антоновна уезжает из Петербурга, чтобы в Киеве обвенчаться с усачом Книппером. Бедный Миллер в полуотчаянии; но при всем том поздоровел. Он ожидает отставки. Бестужев Николай произведен в следующий чин и уже щеголяет в больших еполетах. Антропов скоро сюда прибудет: он в каждом письме пишет об Катерине Петровне: видно шутка не на шутку.

Поцелуй ручку у матушки, сестрицу и Настичку в губки, братцу поклон, а равно и всем прочим и знакомым. Уведоми меня об Настичке подробнее.

Твой друг *К. Рылеев*

P. S. Локоны получишь перед масляницей.

47. ЖЕНЕ

Февраля 10 дня 1825. С.-П[етер]Бург

Письмо твое милое, мой Ангел Наташинька, я получил на самой масляницe. Оно тем более было мне приятно, что утешило в скуке. Нынешняя масляница была мне не в масляницу; я почти все дни просидел дома и поверишь ли? не только ни одного блина несъел, нигде, но даже невидел. Желаю, что б ты провела ее лучше; да иначе быть немогло: находишься в кругу добрых родных, с которыми все мило. С тобою маминька, сестрица, братцы и крошечка Настинька, а я был в совершенном почти одиночестве — настоящий сирота. Один только Бестужев мог рассеять грусть мою, но на ту пору и у него было свое горе — и мы вдвоем довольно мрачно проводили вечера. К етому еще захворал нервическою горячкою бедный Яков и несколько дней находился в опасности. Теперь, благодаря бога, начал он поправляться мало по малу.

Теперь собралось много дел в Компании, сверх того начато печатание Полярной Звезды — ето все вместе заняло меня и несколько рассеяло скуку и пустоту душевную наполнило. Письмо твое хотя прежде несколько утешило, за то после меня много опечалило. Прежде прочел я известие

о болезни доброго и почтенного братца Алексея Михайловича, как известие о болезни обыкновенной. Но подумав стал за него бояться. Дай бог поправиться ему с весною. Впрочем я не думаю, что бы у него была чахотка, как ты пишеш. В его лета она так сильно не действует. Не знаю застанет ли письмо ето его и потому не пишу лично к нему; буду я следующею почтою писать прямо в Ромны. На щет Мишиньки мнение мое не переменилось. Науки он может еще лучше кончать здесь в Петербурге, под моим надзором и при знакомстве моем с лучшими профессорами. К тому ж расходы будут те же; быть может, еще умереннее, жительствуя с нами. Что же касается до больших будто бы издержек для содержания его в Гвардии, я более ничего не могу сделать, как только указать на Мих[аила] Петр[овича] Малютина и сотню друг[их] гвард[ейских] офицеров, служащих здесь при самом ничтожном вспомоществовании со стороны родных. При том же лучше две-три тысячи издержать лишние, но видеть за то молодого человека в хорошем обществе и быть покойным на счет его нравственности и образования, теперь для каждого необходимых. Знакомство мое будет и для него знакомством; а тебе известно, что я оным счастлив. Поцелуй ручку у матушки, милую сестрицу обойми, а равно и братцев, и крошечку поцалуй. Прощай, будь здорова.

Твой друг *Рылеев*

К М. Г. Бедраге буду писать с следующею почтою. Н. Ф. Матвеев верно не получил первого моего письма, что пишет упреки ко мне.

48. А. С. ПУШКИНУ

С.-Петербург. 12 февраля 1825

Благодарю тебя, милый Поэт, за отрывок из Цыган и за письмо: первый прелестен, второе мило. Разделяю твое мнение, что картины светской жизни входят в область Поэзии.

Да если б и не входили, ты с своим чертовским дарованием втолкнул бы их насильно туда. Когда Бестужев писал к тебе последнее письмо, я еще не читал вполне первой песни Онегина. Теперь я слышал всю: она прекрасна; ты схватил все, что только подобный предмет представляет. Но Онегин, сужу по первой песне, ниже и Бахчисарайского Фонтана и Кавказского Пленника. Не совсем прав ты и во мнении о Жуковском. Неоспоримо, что Жук[овский] принес важные пользы языку нашему; он имел решительное влияние на стихотворный слог наш — и мы за ето навсегда должны остаться ему благодарными, но отнюдь не *за влияние его на дух нашей словесности*, как пишешь ты. К несчастию, влияние ето было с лишком пагубно: мистицизм, которым проникнута большая часть его стихотворений, мечтательность, неопределенность и какая-то туманность, которые в нем иногда даже прелестны, растлили многих и много зла наделали. Зачем не продолжает он дарить нас прекрасными переводами из Байрона, Шиллера и других великанов чужеземных. Ето более может упрочить славу его. С твоими мыслями о Батюшкове я совершенно согласен: он точно заслуживает уважения и по таланту и по несчастию. Очень рад, что Войнаровский понравился тебе. В этом же роде я начал Наливайку и составляю план для Хмельницкого. Последнего хочу сделать в 6 песнях: иначе не все выскажеш. Сейчас получено Бестужевым последнее письмо твое. Хорошо делаешь, что хочешь поспешить изданием Цыган: все шумят об ней и все ее ждут с нетерпением. Прощай Чародей.

Рылеев

[*Приписка рукою А. А. Бестужева:*] Письмо твое сердечно получил, но отвечать теперь нет время. Буду писать с требуемым номером журнала, и тогда потолкуем о комедии. Замечания твои во многом правы. До свиданья на письме. Прощай мой поэт, будь самим собою и помни друзей, которые желают тебе счастья и славы. *Твой Александр*.

49. ЖЕНЕ

20 февраля 1825. С. П[етер]Бург

Я здоров, в квартире все благополучно. Яков совершенно выздоровел. Но я ужасно занят делами Компании; сей час отправляют почту, и я, не писав тебе более недели, спешу хотя несколько строчек написать к тебе. Я попрежнему сижу все дома вместе с Бестужевым и работаем для Полярной Звезды. Напечатано более половины. Мое душевное почтение почтеннейшей матушке, сестрицу и Настиньку целую по 100 раз, тебя также.

Твой друг *К. Рылеев*

50. ЖЕНЕ

С.-П[етер]бург. Февраля 26 дня 1825

Письмо твое, милый друг Наташинька, от 2-го числа февраля, получил. Вижу, что ты тоскуешь очень, не получив от меня около двух недель письма. Непонимаю, от чего письма мои не доходят к тебе: я пишу постоянно чрез две недели и часто каждую. Только пред последним письмом не писал недели три: был в хлопотах как по службе, так и по изданию Полярной Звезды. Сверх того сам грустил и при всем етом боялся за Якова, который был при смерти. А ты, мой друг, могла написать, что я, может быть, тебя забыл. Мне ето очень больно и обидно. Будто в столько лет ты не могла увериться в моей к тебе любви и привязанности. Чем сомневаться в чувствах моих, ты взяла бы подорожную, села в сани и приехала бы сюда. Ето было б лучше. В другом месте письма твоего ты думаеш, что сержусь на тебя. Но за что? Как тебе не стыдно такой вздор думать, а еще более писать. Видно, что ты стала слишком грустить; я и сам грущу без тебя мой милый Ангел, но чтоже делать! мы сами виноваты: ты в том, что осталась на такое долгое время в Подгорном; а я, что позволил тебе остаться. Вперед етой милости от меня неожидай. — Об Алексее Михайловиче очень, очень жалею. Зачем матушка отпустила его в таком положении.

Я пишу к нему с етою же почтою. Мишиньку непременно надобно привести сюда, а то он много потеряет время, да и для тебя лучше ехать с братом. Денег на дорогу я вышлю тебе чрез недели три. Если же почему-либо ты не получишь оных в половине Майя, то достань сама и выезжай с подорожною по почте. Лошадей я раздумал покупать в ваших краях. Впрочем об етом я еще буду писать к тебе. Во всяком случае я более тысячи рублей не в состоянии буду послать тебе; — не позабудь одеть Настиньку потеплее, да дорогой не давай ей воды без вина. — Удивляюсь, что ты не получала письма от Катерины Ивановны и барышень. Они писали к тебе, и письмо отправлено на почту мною. Барышни каждое воскресенье у Крикуновских танцуют. Они еще выросли. Крикуновская кланяется тебе, Вера Сергеевна, Алена Петровна с дочерьми также. У зятя их умер отец — и они в трауре.

Бестужевы кланяются тебе и все упрекают меня, что я решился расстаться с тобою на восемь месяцов. Тебе также достается — и по делам. Я попрежнему сижу почти все дни дома; в Маие месяце начну приготовляться к твоему приезду: стены надобно будет перекрасить, а равно и пол. Мебель уже вся исправлена. Мех твой здравствует; но книги мои в самом жалком положении от наводнения. Новостей здесь нету, кроме того, что Николай Павлович с супругою приехал сюда, а Елена Павловна вчера разрешилась от бремени дочерью Мариею Михайловною. Скоро ожидают разрешения и Александры Федоровны. Засвидетельствуй мое глубочайшее почтение матушке и поцелуй ручку. Сестрицу милую поблагодари за приписку и уведомление о новостях ваших; они потешили меня. Братцу мой поклон. Настиньку благослови и поцелуй. Ты мне мало пишешь об ней, а сама и давно знаеш как в разлуке приятно получать письма о детях милых. Что она делает, каково ее здоровье теперь? — Прощай, друг мой, будь здорова, покойна и не печалься.

Твой верный друг

К. Рылеев

51. ЖЕНЕ

[Петербург] 3 марта 1825

Письма твои ко мне и к Катерине Ивановне я получил вчера мой милый дружок Наташинька. Очень рад, что ты успокоилась моими письмами. Благодарю тебя и сестрицу за уведомление об Настиньке. Поцелуй ее и благослови за меня. На счет раздела твое дело, а я на все буду согласен, на что ты будешь согласна, особливо чтобы сделать угодное братцу Алексею Михайловичу. Не знаю, почему сестрице не выдти за Раевского: долго ли ей перебирать женихами; какого она надеется и как будет жить век свой. Если Раевский хороший душою человек, то с богом по моему. Нечего и откладывать в долгий ящик. Скажите ей, что пора уже ей жить своим, а не чужим умом. В ее положении муж необходим.

Антропов был здесь и ему очень Катинька понравилась. Что будет дальше бог весть; он хотел в Сентябре сего года опять приехать. Вчера здесь был пожар: сгорел до тла новый деревянный театр, который был построен у Чернышева моста. В нем и двадцати пяти раз не успели сыграть. Пожар был в 12 часу ночи; я ездил с Бестужевым смотреть: ужасная картина!

Дома у нас все благополучно. Перины и подушки давно высушены. Все в целости, только не выкрашены стены; ето сделаю я в конце Апреля. Готовься к дороге, я скоро пришлю деньги; уговори матушку послать перед святою неделею за Мишею, чтобы он не задержал тебя. Все вы вместе с братцом Алексеем Михайловичем затеяли вздор, вздумав определить его по Министерству. Ему необходимо служить в Гвардии, расходов лишних не будет; ето я беру на себя. Только ради бога привези его с собою, я писал об етом к Алексею Михайловичу. Поцелуй у матушки ручку и уверь ее, что Мише будет хорошо и полезно здесь быть. Сестрицу и тебя целую по сто раз. Братцу мой поклон. Тебе с собою брать чужих нельзя, ибо ты поедешь по почте. Впрочем при посылке денег уведомлю подробнее обо всем. Прощай, будь здорова и не печалься.

Твой друг *К. Рылеев*

52. ЖЕНЕ

С.-П[етер]Бург. Марта 12 дня 1825

Посылаю к тебе письмо от Катерины Ивановны; я из любопытства распечатал. Слава богу, что она весела теперь, а то была буря на всех, а особенно на Михаила Петровича: она точно ненавидит его. Проклинала его при мне, досталось и барышням бедным; все за то, что Крикуновские и Боровковы очень полюбили их и ласкают. Вы все хлопочете о наводнении: здесь уже забыли о нем, да почти и следу не осталось. Вас провинциалов по старому занимают старые новости. К Алексею Михайловичу я опять писал. Каково то он доехал и получили ли вы от него известие. Ты очень напугала меня своим письмом на его счет. Дай бог ему здоровья и благого помышления выдти скорее в отставку. Ето лучшее для его болезни лекарство. Я теперь хлопочу о Звезде своей, о Думах и Войнаровском. Думы и Войнаровский уже вышли из печати и продаются: уже тысячи две заработал. Что бог даст дальше. Звезда на будущей недели выйдет непременно. Тогда пришлю все вместе как Михаилу Григорьевичу, так и тебе для раздачи добрым людям. Тогда и письмо к нему напишу с отчетом об делах его и брата его Николая Григорьевича. Когда увидишь их, скажи им об етом и извини меня: я право ужасно был занят. Теперь начинает отлегать.

Я говорил Степ[ану] Тихон[овичу] Лисиневичу о свадьбе брата его: он верить не хочет. Что делает Настинька: здорова ли она? Пожалуйста вывози ее, чтобы она мало по малу привыкала расставаться с бабушкой. Здорова ли почтеннейшая матушка. Что сестрица, что новый жених ее? Пожалуста пиши. Прощай, будь здорова, мой ангел, и не горюй.

Твой друг *Рылеев*

Поцелуй у матушки ручку. Сестрицу в губки розовые, братца также. Настиньку в глазки.

53. Ф. В. БУЛГАРИНУ

[Петербург. (Между 14 и 26 марта 1825)]

Любезный Фаддей Венедиктович. Читал твое суждение о Войнаровском с чувством. Вижу, что ты попрежнему любишь меня; ничто другое не могло заставить тебя так лестно отозваться о поэме и это обязывает меня благодарить тебя и сказать, что и я не переставал и верно не перестану любить тебя. Прошу верить этому. Знаю и уверен, что ты сам убежден, что нам сойтиться невозможно и даже бесчестно: мы слишком много наговорили друг другу грубостей и глупостей, но по крайней мере я не могу, не хочу и не должен остаться в долгу: я должен благодарить тебя. Прилично или неприлично делаю, отсылая к тебе письмо это — не знаю еще :следую первому движению сердца. Во всяком случае надеюсь, что поступок мой припишешь человеку, а не поэту. Прошу тебя так же, любезный Булгарин, вперед самому не писать обо мне в похвалу ничего; ты можешь увлечься, как увлекся, говоря о Войнаровском, а я человек: могу на десятый раз и поверить; это повредит мне: я хочу прочной славы, не даром, но за дело.

Рылеев

Слышу, что суждение о «Думах» тобою уже написано и что ты ими не совсем доволен, особенно предисловием. В таком случае с богом: печатай и ради бога ничего не переменяй, если не хочешь оскорбить меня.

[*Вверху письма написано рукой Булгарина:*] Письмо сие расцеловано и орошено слезами. Возвращаю назад, ибо подлый мир недостоин быть свидетелем таких чувств и мог бы перетолковать — а я понимаю истинно — *Булгарин.*

[*Ответ на том же Рылеева:*] Напрасно отослал письмо: я никогда не раскаиваюсь в чувствах, а мнением подлого мира всегда пренебрегал. Письмо — твое и должно остаться у тебя.

Рылеев

Прежде, нежели увидишь меня, поговори с Александром Бестужевым: он, может быть, сегодня будет у тебя,

54. А. С. ПУШКИНУ

[Петербург. Марта 10 дня 1825]

Не знаю, что будет Онегин далее: быть может, в следующих песнях он будет одного достоинства с Дон-Жуаном: чем дальше в лес, тем больше дров; но теперь он ниже Бахчисарайского Фонтана и Кавказского Пленника. Я готов спорить об етом до второго пришествия.

Мнение Байрона, тобою приведенное, несправедливо. Поэт, описавший колоду карт лучше, нежели другой деревья, невсегда выше своего соперника. У каждого свой дар, своя Муза. Майкова Елисей прекрасен; но был ли бы он таким у Державина — не думаю, несмотря на превосходство таланта его перед талантом Майкова. Державина Мариамна никуда не годится. Следует ли из того, что он ниже Озерова?

Не согласен и на то, что Онегин выше Бахчисар[айского] Фонтана и Кавк[азского] Пленника, как творение искусства. Сделай милость, не оправдывай софизмов Воейковых: им только дозволительно ставить искусство выше вдохновения. Ты на себя клеплешь и взводишь бог знает что.

Думаю, что ты получил уже из Москвы Войнаровского. По некоторым местам ты догадаешься, что он несколько ощипан. Делать нечего. Суди, но не кляни. Знаю, что ты не жалуешь мои Думы; не смотря на то, я просил Пущина и их переслать тебе. Чувствую сам, что некоторые так слабы, что не следовало бы их и печатать в полном собрании. Но за то убежден душевно, что Ермак, Матвеев, Волынской, Годунов и им подобное — хороши и могут быть полезны не для одних детей. Полярная Звезда выйдет на будущей неделе. Кажется, она будет лучше двух первых. Уверен заранее, что тебе понравится первая половина взгляда Бестужева на словесность нашу. Он в первый раз судит так основательно и так глубокомысленно. Скоро ли ты начнешь печатать Цыган—

Рылеев

Чуть не забыл о конце твоего письма. Ты великой льстец — вот все, что могу сказать тебе на твое мнение о

моих поэмах. Ты завсегда останешся моим учителем в языке стихотворном. Что Дельвиг? Не у тебя ли он? Здесь говорят, что он опасно заболел.

55. А. С. ПУШКИНУ

Петербург. Марта 25 дня 1825

Спешим доставить тебе Звезду. Уверены, что она понравится Пушкину, и заранее радуемся етому. Она здесь всем пришла по сердцу. Ето хоть не совсем хороший знак; но уверены, что в ней есть довольно и таких пиэс, которых похвалить не откажутся и истинные ценители произведений нашего Парнаса. Мы много одолжены нашим добрым Поэтам и прозаикам за доставленные пиэсы, но как благодарить тебя, милый Поэт, за твои бесценные подарки нашей Звезде? От Цыган все без ума, Разбойникам, хотя и давнишним знакомцам, также чрезвычайно обрадовались. Теперь для *Звездочки* стыдимся и просить у тебя что-нибудь; так ты наделил нас. На последнее письмо я еще не получал от тебя ответа. Уж не сердишься ли за откровенность мою? Ето кажется тебе не в пору; ты выше етого. Что Дельвиг? По слухам он должен быть у тебя. Радуюсь его выздоровлению, и свиданию вашему. С нетерпением жду его, чтобы выслушать его мнение об остальных песнях твоего Онегина. Не пишешь ли ты еще чего? что твои записки? чем ты занимаешься в праздное время? Мы с Бестужевым намереваемся летом проведать тебя; будет ли ето кстати? Вот тебе несколько вопросов, на которые буду ожидать ответа.

Твой *Рылеев*

56. БАР. В. И. ШТЕЙНГЕЛЬ

[С.-Петербург. Март 1825]

Исполняя твое желание, спешу уведомить, что общее собрание было 18-го марта, и по обыкновению, весьма шумное и не совсем разумное. Голосистее прочих горланили братья Лобановы, исподтишка — Политковский. Дело шло о ба-

лансе, который по сие время не подписан еще, потому что Крамер не захотел явиться для рассмотрения оного. Ето решено тем, что упрямца вызвать посредством правительства. Потом читали извлечения из депеш Муравьевских; положено изъявить ему от лица общего собрания благодарность и вместе с тем просить его чтобы он остался в колониях еще года хоть на два. Третье дело было о долге Болтона и компании; — определено остальную сумму 6,000 р. и процент 20,000 взыскать с Крамера, как с директора, выдавшего сии деньги в отсутствие одного и без согласия другого директора. Мордвинов при первом деле о Крамере сказал: «Когда он к нам не вежлив, так нечего и нам щадить его». Засим предложено было о избрании члена совета, и все единогласно избрали В. М. Головнина. Етому выбору я очень рад. Знаю, что он упрям, любит умничать; зато он стоек перед правительством, а в теперешнем положении компании ето нужно. Говорят, что он за что-то меня не жалует; да я не слишком етим занимаюсь: так, хорошо; не так, так мать твою так — я и без Компании молодец: лишь бы она цвела. Последнее дело было о прибавке тысячи рублей к пенсиону Зеленского. Большинство голосов определило сию прибавку сделать ему. Хоть он по истинне и не заслуживает етого, но я хлопотал за него у некоторых Акционеров. Заняв место етого старца, у меня что-то лежало на совести, особливо, когда он жаловался. Теперь я покоен. Вот тебе возможно подробный отчет. Спасибо за письма. Спасибо, что полюбил Пущина; я еще от етого ближе к тебе. Кто любит Пущина, тот уже непременно сам редкий человек. Селивановский пишет ко мне то же, что он говорил тебе. Морской офицер привез к Смердину экземпляры, с ним посланные, позже полученных им с почтою. Но тоска; пора об етих дрязгах забыть. Селиван[ов]скому буду писать с первою почтою. Проси его, чтобы он прислал ко мне окончательный щет. Зачем он отправил остальные экземпляры в контору компании, кто его просил об етом.

Во первых, я удаляюсь от всяких расчетов денежных с компанией; во вторых, я по сие время не получил экзем-

пляров и, вероятно, еще дней десять не получу, между тем я теряю... Опять математика! К чорту ее.

Твой друг *К. Рылеев*

У Пущина твой экземпляр «Звезды». Уведоми, будет ли довольна Москва.

57. ЖЕНЕ

[Петербург]. Апреля 3 дня 1825

Письмо твое, милой, неоцененный друг мой, Натанинька я имел удовольствие получить. — Благодарю и целую тебя за него. Одно мне только досадно и на тебя и, признаться, на всех вас, даже и на почтеннейшую матушку Матрену Михайловну. Ето за вашу общую нерешительность на счет Мишиньки. Не понимаю, как можно думать, что лучше и дешевле кончить Науки в Харькове. Я, кажется, писал об этом довольно обстоятельно. А я вижу: тут замешалась слабость маминьки, которую поддерживает слабость сестрицы и слова братцов, что в Гвардии содержание дорого, так для етого надо служить по Министерству... Кто же вам сказал, что по Министерству служба дешевле? Та же, если не дороже. Я повторяю, что если можно служить Малютину, то можно и Тевяшову. Да если и желаете вы, чтобы он выгоднее начал службу, то все-таки лучше в Гвардии. Прослужив года четире, он может вступить в службу Гражданскую прямо Титулярным советником, а пять, так Коллежским Асессором или Надворным Советником. Ради бога, уговори маминьку отправить его с тобой. Иначе Миша пропадет. Пусть хоть последнее время не пропадет у него даром. На первый год более тысячи, а может и более 800 р. небудет нужно. А в Харькове все дороже. Прощай, будь здорова. На следующей почте вышлю к тебе деньги. Засвидетельствуй мое почтение матушке. Поцелуй сестрицу и братца. Настиньку также. Ради бога начинай ее вывозить и катать, чтоб она привыкала, да оденьте ее в дорогу потеплее. Душевно твой

К. Рылеев

58. ЖЕНЕ

[Петербург] Апреля 3 дня 1825

Милый ангел мой, Натанинька!

Не знаю, застанет ли мое письмо тебя в Острогожске, но на всякий случай пишу. На обороте найдешь расписание станций от Воронежа и сколько на каждой должно будет платить за 4 лошади. Сверху того давай везде копеек по 20 на водку, если хорошо и бережно будут везти. Расчет пускай ведет Войтех, если он едит с тобой. Подорожную возьми на три лошади, а плати везде за четыре — лучше везти будут. Береги себя и Настиньку; останавливайся ночевать, когда устанете. В Воронеже купи хорошего вина, чтоб дорогою подкреплять и себя и Настиньку. Прощай, мой друг, будь здорова и поспешай к другу, который стосковался по тебе. У матушки поцелуй ручку, сестрицу также поцелуй, равно и братца Ивана Михайловича и поблагодари их за Настиньку. Матушке скажи, чтобы не тосковала, бог даст, как возьмусь за ум, то все продам в Петербурге да навсегда перееду в Воронежскую губернию поближе к Подгорному. Прощай, да благословит тебя бог.

Твой друг *К. Рылеев*

59. А. С. ПУШКИНУ

[Петербург. Апрель 1825]

Письмо твое Бестужев получил, но не успел отвечать: его услали в Москву провожать принца Оранского. Может быть, он напишет тебе от туда. — Здесь слышно, что Дельвиг уже у тебя: правда ли? в субботу был я у Плетнева с Кюхельбекером и с братом твоим. Лев прочитал нам несколько новых твоих стихотворений, Они прелестны; особенно отрывки из Алкорана. Страшный суд ужасен! Стихи

И брат от брата побежит,
И сын от матери отпрянет —

превосходны. После прочитаны были твои Цыгане. Можешь себе представить, что делалось с Кюхельбекером.

Что за прелестный человек этот Кюхельбекер. Как он любит тебя! *Как он молод и свеж!* — Цыган слышал я четвертый раз, и всегда с новым, с живейшим наслаждением. Я подъискивался, чтоб привязаться к чему-нибудь и [вот что] нашел, что характер Алеко несколько унижен. Зачем водит он медведя и сбирает вольную дань? Не лучше ли б было сделать его кузнецом? Ты видишь, что я придираюсь, а знаеш почему и зачем? Потому, что сужу поэму Александра Пушкина; *за тем*, что желаю от него совершенства. На счет слога, кроме небрежного начала, мне не нравится слово *рек*. Кажется, оно несвойственно поэме; оно принадлежит исключительно лирическому слогу. Вот все, что я *придумал*. Ах, если бы ты ко мне был так же строг; как бы я был благодарен тебе.

Прощай обни... *
а ты обними Дельвига...
не пишешь ни слова о П[олярной] Звезде...
ли Наливайко? Прощай — милая Сирена...

Твой *Рылеев*

60. А. С. ПУШКИНУ.

[Петербург] Мая 12 дня 1825

Дельвиг пересказал мне замечания твои о Думах и Войнаровском. Хочется поспорить, особливо о последнем, но удерживаюсь до поры: жду мнения твоего на письме и жду с нетерпением. Ты ни слова не говоришь о Исповеди Наливайки, а я ею гораздо более доволен, нежели смертью Чигиринского старосты, которая так тебе поправилась. В Исповеди — мысли, чувства, истина, словом, гораздо более дельного, чем в описании удальства Наливайки, хотя наоборот в удальстве более дела. Ты прав, опасаясь, что Звездочка отнимет у меня много времени. Петербург тошен для меня; он студит вдохновение: душа рвется в степи; там ей просторнее, там только могу я сделать что-либо достойное века нашего; но, как бы на зло, железные обстоя-

* В оригинале оторван край письма. *Ред.*

тельства приковывают меня к Петербургу. Ты обещаеш также поспорить с Бестужевым за обозрение, обещал прислать свое опровержение на Байрона и Бовля — и верно все это отложишь в длинный ящик. Слышал от Дельвига и о следующих песнях Онегина, но по изустным рассказам судить не могу. Как велик Байрон в следующих песнях Дон-Жуана! Сколько поразительных идей, какие чувства, какие краски. Тут Байрон вознесся до невероятной степени: он стал тут и выше пороков и выше добродетелей. Пушкин, ты приобрел уже в России пальму первенства: один Державин только еще борется с тобою, но еще два, много три года усилий, и ты опередишь его: тебя ждет завидное поприще: ты можешь быть нашим Байроном, но ради бога, ради Христа, ради твоего любезного Магомета, не подражай ему. Твое огромное дарование, твоя пылкая душа могут вознести тебя до Байрона, оставив Пушкиным. Если б ты знал как я люблю, как я ценю твое дарование!

Прощай чудотворец. —

Рылеев

Бестужев еще в Москве.

61. А. С. ПУШКИНУ

[Петербург. Первая половина июня 1825 года]

Благодарю тебя, милый чародей, за твои прямодушные замечания на Войнаровского. Ты во многом прав совершенно; особенно говоря о Миллере. Он точно истукан. Это важная ошибка; она вовлекла меня и в другие. Вложив в него верноподданнические филиппики за нашего Великого Петра, я бы не имел надобности прибегать к хитростям и говорить за Войнаровского для Бирукова. Впрочем поправлять не намерен; это ужасно несносно для такого лентяя, как я; лучше написать что-нибудь новое. О Думах я уже сказал тебе свое мнение. Бестужев собирается отвечать тебе — и, правда, ему есть о чем поспорить с тобой касательно мнений твоих об его обозрении. Главная ошибка твоя состоит в том, что ты и ободрение и покровительство принимаешь

за одно и то же. Что ободрение необходимо не только для таланта, но даже для гения, я твердил Бестужеву еще до получения твоего письма; но какое ободрение? Полагаю, что характер и обстоятельства гения определяют его. Может быть Гомер сочинял свои рапсодии из куска хлеба; Байрона подстрекало гонение и вражда с родиной, Тасса — любовь, Петрарка также; иначе быть не может, и покровительство в состоянии оперить, но думаю, что оно скорее может действовать отрицательно. Сила душевная слабеет при дворах и гений чахнет; все дело добрых правительств состоит в том, чтобы не стеснять гения. Пусть он производит свободно все, что внушает ему вдохновение. Тогда не надобно ни пенсий, ни орденов, ни ключей камергерских; тогда он не будет без денег, следовательно без пропитания; он тогда будет обеспечен. Гений же немного и требует в жизни. Тогда потерпят, быть может, только одни самозванцы-гении. Прощай гений. —

Твой *Рылеев*

Еще обнимаю тебя за твои примечания. Войнаровского вышлю с следующею почтою.

Ты сделался аристократом; это меня рассмешило. Тебе ли чваниться пятисотлетним дворянством? и тут вижу маленькое подражание Байрону. Будь, ради бога, Пушкиным! Ты сам по себе молодец.

62. А. А. ДЕЛЬВИГУ

[Петербург] 5 октября 1825

Потомку тевтонов, сладостно поющему на русский лад и мило на лад древних греков, не поэт, а гражданин желает здоровия, благоденствия и силы духа, лень побороющей! Вместе с сим уведомляет он о получении 500 р. етой прозаической потребности, которая и поэта и гражданина мучит только тогда, когда нечего есть. Сего со мною не было, и потому гражданин Рылеев не помнил о долге поэта Баратынского.

63. А. С. ПУШКИНУ

[Петербург. Ноябрь 1825]

Извини, милый Пушкин, что долго не отвечал тебе; разные неприятные обстоятельства, то свои, то чужие, были тому причиною. Ты мастерски оправдываеш свое чванство шестисотлетним дворянством; но несправедливо. Справедливость должна быть основанием и действий и самых желаний наших. Преимуществ гражданских не должно существовать, да они для поэта Пушкина ни чему и неслужат ни в зале невежды, ни в зале знатного подлеца неумеющего ценить твоего таланта. Глупая фраза журналиста Булгарина также неоправдывает тебя, точно так, как она не в состоянии уронить достоинства Литтератора и поставить его на одну доску с камердинером знатного барина. Чванство дворянством непростительно, особенно тебе. На тебя устремлены глаза России; тебя любят тебе верят, тебе подражают. Будь Поэт и гражданин. — Мы опять собираемся с Полярною. Она будет последняя; так по крайней мере мы решились. Желаем распроститься с публикою хорошо, и потому просим тебя подарить нас чем нибудь подобным твоему последнему нам подарку. — Тут об тебе бог весть какие слухи: успокой друзей твоих хотя несколькими строчками. Прощай, будь здрав и благоденствуй.

Твой *Рылеев*

На днях будет напечатана в С[ыне] О[течества] моя статья о Поэзии, желаю узнать об ней твои мысли.

64. НИКОЛАЮ I

Декабря 16 дня 1825

Ваше Императорское Величество,

государь всемилостивейший.

Я был принять в общество тому назад около двух лет Иваном Ивановичем Пущиным, который в то время служил вместе со мною в Санктпетербургской Уголовной

Палате. Правилом общества запрещено было принятому вновь открывать других членов кроме себя; вот почему я только в последствии узнал Трубецкого, Никиту Муравьева и Оболенского. Будучи связан с Александром Бестужевым дружбою я тогда же объявил ему и старшему брату его Николаю о существовании Общества и о цели оного ввести в России при удобном случае Конституционное правление. Они согласились вступить в общество. Каховского узнал я в начале нынешнего года и испытав его образ мыслей чрез месяц принял его. Он после принял Сутгова, Жеребцова, Панова и Кожевникова; Александр Бестужев принял князя Одоевского и брата своего Михаила, служащего в Московском полку, а сей в свою очередь за несколько дней открылся Князю Щепину-Ростовскому. Николай Бестужев принял Арбузова, служащего в Гвардейском экипаже. Дней пять назад я принял Вильгельма Кюхельбекера, жившего на квартире Князя Одоевского.

Когда я был принят в общество мне сказали, что оно управляется Думою. Кто же были Членами оной я узнал о том непрежде отъезда от сюда в Киев Князя Трубецкого. Пущин объявил мне тогда, что я избран в Думу на место Трубецкого и что в оной кроме меня Членами еще Оболенский и Никита Муравьев. Тогда узнал я, что существует общество и на Юге России; об чем в прочем я слышал еще и прежде. Кто же оное составляет я не знал и незнаю теперь. Знаю только, что до моего вступления в Думу при Трубецком приезжал в Петербург Полковник Пестель с разными предложениями, но они все были отвергнуты, ибо правила принятые здесь несходствовали с теми, кои служили основанием предложений Пестеля; он был совершенно против Конституции, написанной Никитою Муравьевым. Я виделся с Пестелем один раз; он говорил о необходимости соединения здешнего общества с южным и о недостатках Конституции Никиты Муравьева. Заметив в нем хитрого честолюбца я уже более не хотел с ним видеться. Переговоры же его

с Муравьевым и Трубецким кончились ни чем, как сказано выше. С кем же еще он виделся тут мне неизвестно; меня же познакомил с ним, как помниться Оболенский. По моим догадкам Пестель должен быть начальником южного общества. Трубецкой по возвращении своем из Киева говорил, что общество южное сильно; но кто имянно составляет оное несказывал. Из слов его можно было заметить, что он и там играет важную ролю. Ето самое заставляет меня снова просить принять все возможные предосторожности и как можно скорее; в противном случае опять прольется кровь и погибнут люди достойные, может быть, лучшей участи.

При известии о кончине государя императора Александра Павловича и о преднамеренном отречении от престола государя цесаревича Трубецкой был избран здесь главным и полновластным начальником, которому положено было повиноваться безпрекословно. Я в ето время был болен, у меня была жаба и я около двух недель никуда немог выезжать. В продолжении болезни моей меня часто навещали Трубецкой, Оболенский, Пущин по приезде из Москвы, Бестужевы, Арбузов, Сутгоф, Каховской, Одоевский, потом два раза Щепин-Ростовский. Когда достоверно узнали, что государь цесаревич отказался от престола положено было неприсягать вашему императорскому величеству, офицерам подать пример солдатам и если они увлекутся, то каждому кто сколько может привести их на Сенатскую площадь, где Князь Трубецкой должен будет принять начальство и действовать смотря пообстоятельствам. Причем однакож решено стрельбы неначинать, а выждать выстрелов с противной стороны. Во всяком случае непредполагали, что бы солдаты стали стрелять против солдат, и потому надеялись более, что дело кончиться без кровопролития, что другие полки пристанут к нам и что мы в состоянии будем посредством Сената предложить вашему величеству или государю цесаревичу о собрании Великого Собора, на который должны были съехаться выборные из каждой

губернии, с каждого сословия по два. Они должны были решить кому царствовать и на каких условиях. Приговору Великого Собора положено было безпрекословно повиноваться, стараясь только, что бы народным Уставом был введен представительный образ Правления, свобода книгопечатания, открытое судопроизводство и личная безопасность. Проэкт Конституции, составленный Муравьевым должно было представить Народному Собору как проект.

Вот, всемилостивейший государь, самое чистосердечное показание; что повелевала совесть, я сказал все. Прошу об одной милости: будь милосерд к моим товарищам: они все люди с отличными дарованиями и с прекрасными чувствами. Твое милосердие соделает из них самых ревностных верноподданных твоих и обезоружит тех, кои пожелают идти по следам нашим. Государь, ты начал царствование свое великодушным подвигом: ты отрекся от престола в пользу старшего брата своего. Совокупив же с великодушием милосердие кого, государь, не привлечеш к себе ты на всегда? — Свою судьбу вручаю тебе государь: я отец семейства.

Кондратий Рылеев

65. ЖЕНЕ *

19 декабря 1825

Уведомляю тебя, друг мой, что я здоров. Ради бога, будь покойна. Государь милостив. Положись на бога и молись. Настиньку благословляю. Уведомь меня о своем и ее здоровье.

Твой друг *К. Рылеев*

66. ЖЕНЕ

23 декабря 1825

Милосердие государя и поступок его с тобою потрясли душу мою. Ты просиш, что бы я наставил тебя, как бла-

*** Письма №№ 65 — 85 посланы из Алексеевского равелина Петропавловской крепости в Петербурге.** ***Ред.***

Уведомляю тебя, друг мой, что я здоров. Ради Бога будь покойна. Государь милостив. Положись на Бога и молись. Настеньку благословляю. Желаю тебе и маменьке и ей здоровья. Твой друг

К. Рылеев

19 Декабря.
1825.

Первая записка Рылеева к жене из Алексеевского равелина Петропавловской крепости.

годарить его. Молись, мой друг, да будет он иметь в своих приближенных друзей нашего любезного отечества и да осчастливит он Россию своим царствованием. Ты пишешь, что ты не так здорова. Ради бога береги себя. Положись на всевышнего и на милосердие государя и укрепи себя. Настиньку поцалуй и благослови за меня. Сего дни день ее именин: поздравь ее. За белье благодарю тебя; чрез неделю пришли опять. Я, благодаря бога, здоров. Беспокоюсь о тебе. Ради самого создателя, береги себя. Уведомляй меня о себе и о Настиньке; также о родных наших. Успокой матушку свою и сестрицу, и засвидетельствуй им мое почтение. Вере Сергеевне мое душевное почтение. Попроси ее, что бы она тебя навещала чаще. В твоем горе ее советы могут быть для тебя полезны; тебя же, мой друг, прошу простить меня, чувствую как ужасно я огорчил тебя.

Твой друг *К. Рылеев*

С бельем не забудь прислать фуфайку.

67. ЖЕНЕ

Декабря 28 дня, 1825

Ради бога, не унывай, мой добрый друг; без воли всемогущего ничего неделается; я здоров; береги свое здоровье — оно нужно для нашей малютки. Молись богу за императорский дом. Я мог заблуждаться, могу и вперед, но быть неблагодарным немогу. Милости, оказанные нам государем и императрицею, глубоко врезались в сердце мое. Что бы со мной нибыло: буду жить и умру для них. Быть может, скоро позволят мне увидеться с тобою; тогда привези и Настиньку. Впрочем если она думает, что я в Москве, то не лучше ли будет оставить ее в сих мыслях. Сделай, как найдеш лучше. Благодари за меня почтеннейшую Прасковью Васильевну, зато, что она тебя неоставляет. Истинные друзья узнаются в несчастии. Скажи ей, что моя благодарность к ней вечна.

Бог видит сердце мое. Здорова ли Катерина Ивановна и ее семейство. Засвидетельствуй ей мое почтение. Сестрицу благодари и кланяйся. Настиньку обойми; тебе должно беречь себя. От твоего спокойствия зависит мое. Положись на всемогущего: он благ, государь милосерд.

Твой друг *К. Рылеев*

68. ЖЕНЕ

Генваря 4 дня 1826

Из письма твоего вижу, мой милый друг, как ты страдаеш. Прошу тебя, ради создателя, неизнуряй себя горестью. Вспомни, что у тебя дочь. Покорись воле всемогущего и уповай на благость его святую. Старайся устроить хозяйственные дела наши; все бумаги и документы лежат в бюро. Счеты по опекунству над детьми Катерины Ивановны там же. Их надо сохранить для отчета. Марье Федоровне и Николаю Ивановичу мое душевное почтение и благодарность. Я прошу их навещать тебя. Катерине Ивановне и всему семейству пожелай всякого благополучия и здоровья. Почтеннейшей Прасковье Васильевне мое почтение. Увидеться с тобою надеюсь скоро. Государь обещал. На счет мой будь покойна. Повторяю: от твоего спокойствия зависит мое. Обнимаю тебя и Настиньку; поцелуй ее за меня. Я здоров.

Твой друг *К. Рылеев*

Ради бога уведоми меня откровенно о своем здоровии; необманывай меня; я немогу поверить, чтобы ты была здорова. О Настиньке также. Если Настинька захворает, то пожалуйста возьми опять Зеланда; а если ты — Сальмона. Повторяю, что твоя обязанность беречь себя — и молиться богу. Матушку свою старайся приготовить к горестному известию обо мне. Прежде напиши, что я нездоров.

69. ЖЕНЕ

14 Генваря 1826

Очень рад, мой друг, что ты подкрепляешь себя верою. Ты всегда была добрая христианка: бог тебя неоставит в горе твоем. Жди решительной минуты с надеждою на благость всемогущего и милосердие государя. Думаю, что минута сия недалека. Ты беспокоишься о моем здоровье; напрасно. Уверяю тебя, что я совершенно здоров, хотя правда несколько дней и был немного болен, но ето было следствием прежней простуды. Я ненахожу слов для изъявления душевной моей благодарности почтеннейшей Прасковьи Васильевны: вижу, что она у тебя беспрестанно. Бог воздаст ей за то. Почтеннейшей Авдотье Петровне мое почтение. Равно Ивану Васильевичу. Чувствую, как он и прочие г.г. Директоры в праве негодовать на меня. Виноват. Бог видит душу мою. Настиньку поцелуй и благослови. Скажи, что бы она у Прасковьи Васильевны и у Авдотьи Петровны поцеловала ручки за то, что не оставляют ее и маминьку. Белья пришли мне полную перемену, да сверх того два белых шейных платка, да два колпака. Прощай, мой друг.

Твой *Кондратий Рылеев*

70. ЖЕНЕ

21 Генваря 1826

Ты напрасно беспокоишся, мой милый друг, о моем здоровье. Я истинно здоров, и не стану обманывать тебя. Я уже писал тебе, что я был несколько болен прежде, но ето было следствие прежней простуды; теперь же — я совершенно оправился. Беспокоюсь только о тебе; боюсь, что бы ты в своем горе не впала в какую нибудь болезнь; ты и без того так часто страдала грудью. Ради бога, береги себя, друг мой. Я ето пишу к тебе во всяком письме и все боюсь, что ты просьбы моей неисполняешь. Пожалуйста уведом меня подробно о состоянии своего здо-

ровья и кто тебя лечит. Также о Настиньке. Белья больше мне ненужно, а пришли мне пожалуйста все 11 томов Карамзина Истории; но не те, которые испорчены наводнением, а лучшие: они кажется стоят в большом шкапу; да прикажи также приискать в книжных лавках книгу: *О подражании Христу, переводу М. М. Сперанского.* —

Из того, что я неписал к тебе в последнем письме о нашем свидании, которое мне обещано, ты заключила, что я должен быть болен. Я и теперь больше ничего не могу тебе написать касательно сего, как только то, что я надеюсь скоро увидеться с тобой; тогда ты увидиш, что я точно здоров; а до того пиши ко мне и пришли книги. Всем родным и знакомым, и особенно Прасковье Васильевне мое почтение. Настиньку обнимаю.

Твой друг *К. Рылеев*

71. ЖЕНЕ

Февр[аля] 5. 1826

Последнее письмо твое меня много успокоило на счет твоего здоровья; ради бога, нерасстроивай его скорбью: мать нужнее дочери нежели отец. Положись на создателя; Он знает, что делает. Благодарю тебя за твои письма, мой милый друг. Можеш представить себе какое удовольствие доставляют они мне. Пожалуста уведомляй меня подробнее о Настиньке. Благодарю тебя также за присланную книгу: она питает меня теперь. Советую тебе снова прочесть ее: в час скорби она научает внятнее и высокие истинны ее тогда доступнее. Родным и знакомым нашим мое почтение скажи. Я, благодаря бога, здоров. Настиньку поцелуй и благослови.

Твой *Кондратий Рылеев*

Я просил тебя прислать Карамзина Историю; ты верно позабыла. Пожалуста пришли.

72. ЖЕНЕ

Февраля 15. 1826

Ты пишеш мне, мой милый друг, что ты мучилась, долго неполучая от меня ответа на последнее твое письмо. Верю, друг мой: но надобно иметь более твердости и надежды на создателя. Если сердце твое с надеждою обращается к нему, как пишеш ты, то не унывай и будь уверена, что он ни тебя, ни малютки нашей не оставит и все устроит к лучшему. Я совершенно предался его святой воле и с тех пор совершенно успокоился, как в рассуждении тебя с Настинькой, так и на счет участи, какую предназначит мне милосердие государя. Тебе то же надо сделать. Я, благодаря бога, здоров. Поцелуй Настиньку и скажи, что бы она училась прилежнее. Родным и знакомым засвидетельствуй мое почтение, особенно же Прасковье Васильевне. Что бедная Прасковья Михайловна и дочери ее? Как переносят они горе свое? —

Твой *Кондратий Рылеев*

73. ЖЕНЕ

Марта 13 дня 1826

Ты я думаю, мой друг, чрезвычайно беспокоилась, так долго неполучая от меня известия, но напрасно: я здоров и с дня на день более и более успокоиваюсь, возлагая всю мою надежду на создателя. Поверь, мой друг, что самое несчастие мое принесли мне уже важные пользы. Пробыв три месяца один с самим собою я узнал себя лучше, я рассмотрел всю жизнь свою — и ясно увидел, что я во многом заблуждался. Раскаиваюсь и благодарю всевышнего, что он открыл мне глаза. Что бы со мной ни было, я столько не утрачу, сколько приобрел от моего злополучия, жалею только, что уже более не могу быть полезным моему отечеству и государю столь милосердному. Ради бога, и ты имей, мой милый друг, более твердости и надежды на благость творца. Я знаю твою душу и совершенно уверен, что он ни тебя, ни малютки нашей

неоставит без своего покровительства. Надейся также и на милосердие государя, и молись богу не за одного меня, но за всех, кто пострадал вместе со мною.

Скажи мое истинное почтение Прасковье Васильевне. Благодарю ее душевно, что она тебя в твоем горе неоставляет. Да воздаст ей за то бог. Дай бог, чтобы это письмо застало уже Веру Сергеевну здоровою. Здорова ли Катерина Ивановна с семейством, а также Николай Иванович и Марья Федоровна. Уведомь меня о себе и о Настиньке. Прощай, мой милый друг; да ниспошлет тебе господь спокойствие и твердость.

Твой *К. Рылеев*

74. ЖЕНЕ

[Между 17 и 20 марта]

Прости меня великодушно, мой милый друг, я иногда бог знает что пишу к тебе, что бы только тебя успокоить: могули быть покоен, когда ты и несчастная наша малютка беспрестанно пред моими глазами. Мой милый друг, я жестоко виноват пред тобой и ею: простите меня, ради спасителя, которому я каждый день вас поручаю: — признаюсь тебе откровенно только во время молитвы и бываю я покоен за вас. Бог правосуден и милосерд, он вас не оставит, наказывая меня. Тебе должно беречь себя: ты мать. К тому ж, повторяю, что писал к тебе прежде: от твоего спокойствия зависит и мое. О свидании нашем опять не могу тебе более ничего сказать как только: надейся и моли бога. Ежели же эту милость нам окажут, то обдумай хорошенько, брать ли с собой Настиньку. Лучше откажусь от сладкого утешения видеть ее, если она от свидания со мною расстроит свое здоровье; она так слаба. Матушке твоей и сестрице мое душевное почтение; также всем здешним родным и знакомым, и особенно Прасковье Васильевне. Прощай мой друг: да будет над тобой и нашей малюткою божие благословение.

Твой друг *К. Рылеев*

Тот образ, которым благословила нас матушка на смертном одре пришли пожалуста ко мне. Те же пять живописных образов, которые обещаны мною в Подгоренскую церковь, вели привезти бережно из деревни и отошли к матушке своей. В таком случае их надо будет снять с рамок и накатать на палку. Ты посоветуйся об етом. Образа не нужно ли будет поновить, — спроси Ивана Васильевича.

75. ЖЕНЕ

Марта 27 дня 1826

Ты знаеш, мой друг, что для уплаты долгов покойной матушки я должен был заложить деревню. Я надеялся, что при хорошем жалованье, которое получал я, и при трудах уплата каждогоднего взноса в Ломбард не будет нам тягостна. В теперишних же обстоятельствах боюсь, что бы долг сей тебя необременил. К тому же за деревней нужен личный присмотр, а тебе и родство и собственное хозяйство непозволят остаться в Петербурге, а потому и полагаю я необходимостью деревню продать и уплатив долги, остальную сумму положить в банк, дабы процентами с оной ты могла воспитать нашу малютку и помогать себе. Марья Федотовна Данаурова давно имеет желание купить деревню нашу: она для нее и необходима, находясь в средине ее имений. Дядя Пелагеи Моисеевны Посников также хотел купить ее и, как мне сказывали еще при матушке предлагал за оную 50000 р, но я полагаю, мой друг, что деревни с подобными удобностями и так близкой от Столицы за сию цену отдать нельзя. Если же Данаурова или Посников согласятся дать 60000 р, то отдай. Когда ж примут они на себя Ломбардный долг, то придется получить 52000 р. Дай им об этом знать, а я между тем буду просить позволения выдать тебе полную доверенность. Ты мать — и верно лучше каждого будеш заботиться о судьбе своей дочери. Между тем не позабудь, что 2-го июля должно будет внести в Ломбард

около 700 р. Об етом отнесись в Ломбарде к чиновнику Уткину: он всегда мне услуживал. В деревне прикажи овес и сено продать. Серебро, отобрав, которое найдешь нужным, также можно будет продать. Долг мой Компании проси Ивана Васильевича и прочих гг. Директоров простить мне: когда не позаслугам, так хоть по теперишним моим обстоятельствам; взыскание оного не так мне, как семейству моему, будет тягостно. Михаилу Матвеевичу Булдакову можно будет возвратить купленные мною у него Акции; но об етом посоветуйся с Иваном Васильевичем; теперь цена на Акции повысилась; при том скоро и прибыли будут раздаваться. О других делах напишу в следующем письме. До того да будет с тобою и крошкою нашею благословение создателя и да подкрепит он тебя. Прощай.

Твой друг *К. Рылеев*

Я благодаря бога здоров. Мой поклон всем.

76. ЖЕНЕ

Апреля 13 дня 1826

Мне позволили, мой друг, выдать тебе доверенность и ты скоро ее получишь, если уже неполучила; я тебя уполномочил во всем: дай бог, что бы ты все устроила благополучно. Анне Федоровне я отдаю дом Киевский и вексель на иностранца Книппе, по которому теперь считается за ним 2000 р. Вексель сей находиться в Киевском Главном суде по делу с Князем Александром Сергеевичем Голицыным, которого надо будет Анне Федоровне просить, что[б] он выдал ей на мое имя акт (на 3-х рублевом листе), что он от иску на покойного родителя моего отказывается за себя и за наследников своих. Он в етом не откажет, ибо все другие братья его подобные акты мне выдали; его же я сам неуспел просить. Что б однажды на всегда кончить с А. Ф., ты покажи ей это письмо и ей ли самой или кому она доверит, выдай доверенность как на ходатайство по делу с князем Голицыным, так и на про-

дажу дома, если она рассудит его продать, и пусть она делается сама, как хочет; тебе же не следует в ето мешаться. Крепость на дом и план потеряны Ф. П. Миллером, но это непомешает, ибо дом написан на имя Орловского, который заявил об етом в суде. Я советую Анне Федоровне поговорить об етом с Александром Яковлевичем Перреном; может быть он имеет в Киеве знакомых, которым может поручить продажу дома. Также пусть она напишет в Киев к Статскому Советнику Матвею Васильевичу Могилянскому и Надворному Советнику Ивану Семеновичу Зубковскому и посоветуется с ними. Более я ничего не могу сделать для нее: я сам получил вместо 10,000 только 5,000 р. по милости Муханова. О долге моем Катерине Ивановне теперь я не могу ничего сказать, и потому пришли мне записку мою из бумаг поопеке, в которой я отмечал, кому сколько мною заплачено было долгов покойного Петра Федоровича. Скажи Катерине Ивановне, что бы она небеспокоилась; что ей все будет отдано с процентами. Портному Яуцхе отдай теперь же 571 р., а 295 тогда когда узнаешь, что Каховской не в состоянии заплатить, ибо я поручился за него. При отдаче возьми росписку. Деревню поручи Якову и вели ему все принять от Кондратия, а то он наделает пакостей без меня. Сено продай за то, что дают. Уведоми, был [ли] ответ от Данауровой и уведомила ли ты Посникова о деревне. Попроси Петра Петровича Миллера, что бы он сказал о продаже ее своим соседам. Я, благодаря бога здоров, и напрошедшей неделе удостоился приобщиться св[ятых] тайн. Ето много меня успокоило; прости меня и ты, как простил меня создатель; я много виноват пред семейством своим. Поцелуй Настиньку и засвидетельствуй мое истинное почтение Прасковье Васильевне; также родным и знакомым. Да поможет тебе создатель и да подкрепит тебя.

Твой друг *К. Рылеев*

О человеке Ивана Васильевича посоветуйся с ним. Также и поверенном.

77. ЖЕНЕ

Апреля 20 д[ня] 1826

Христос Воскрес!

Поздравляю тебя, мой милый друг, с наступившим праздником. Молю создателя да ниспошлет он тебе твердость и силы к перенесению тех бедствий, которые я причинил моему семейству. Я, благодаря бога здоров; что-то ты и наша малютка. Поздравь ее от меня с праздником и поцелуй. Также всех родных и знакомых. О деревне припечатай в газетах: попроси об этом Крестьяна Ивановича. Да незабудь упомянуть, что кроме 700 десятин земли, показанных на плане, при деревне 200 д[есятин] строевого лесу особняком, на который плана невзято из Сенату. Ты пишешь, что Дирин дает 40 000 р, но неуведомляешь, всеголи дает столько, или сверх того берет на себя и уплату ломбардного долга. Я долго обдумывал и полагаю, что в этом положении деревню непременно надобно будет продать, хотя с убытком; и потому думаю, что в крайности надобно будет решиться отдать ее за 50 000 или с переводом долга в Ломбард за 42 000. В газетах цены ненадо выставлять. Акции мои лежат в бюро в верхнем ящике с левой стороны; там же крепость на деревню и другие разные документы. Узнай когда будут раздаваться прибыли на Акции и по скольку; тогда можно будет сообразить, чего они стоят. Думы и Войнаровского отдай Ивану Васильевичу Сленину на комиссию; у него еще прежних 100 экземпляров Дум.

Пущин (Иван Ивановичь) остался мне должен около полуторы тысячи рублей, о чем и отец его извещен. Имей это в виду, но сама непосылай за долгом. Пришлют, хорошо; нет, — что делать? К тому ж я давал Пущину, как другу, и не напоминал о том и прежде, а теперь напомнить грешно. Другие долги не большие за Генеральшей Палицыной и за Миллером тебе известны. При случае напомниш. Попроси Катерину Ивановну, что бы она дала тебе записку, сколько и когда она и дети ее от меня

получали, равно кому сколько заплатил я кредиторам ее. Матушку свою, сестрицу и братьев поздравь с праздником от меня. Прощай, мой друг. Да будет с тобою бог.

Твой друг *К. Рылеев*

78. ЖЕНЕ

Мая 6 дня 1826

В бумагах опекунских находиться, мой друг, несколько щетов, по которым я платил долги покойного Петра Федоровича. Потрудись пожалуста и сделай из них краткую выписку. Многова я не могу припомнить, и потому очень бы хотел увидеться с тобою. Уведоми меня, припечатала ли ты в газетах о продаже деревни и есть ли кроме Дирина другие покупщики, а также и об Акциях, если узнала когда будут выдавать на них прибыли и поскольку. Неприсылала ли также опять Данаурова. С А[нной] Ф[едоровной] постарайся поскорей кончить, что бы и меня и себя успокоить. Уведомь меня знает ли твоя матушка о нашем положении. Если знает от части, то предупреди ее лучше заране и напиши обо всем, что сделал для нас государь; чтоб она неотчаявалась. Как я пред всеми вами виноват. Здорова ли ты с Настинькою. Я благодаря бога здоров. Скажи мое почтение всем нашим родным и знакомым, и особенно почтеннейшей Прасковье Васильевне.

Твой друг *К. Рылеев*

79. ЖЕНЕ

13 мая 1826

Акции мой друг, отдай в Компанию на тех условиях как предложили Господа Директоры, и скажи им, что я принимаю ето за благодеяние и душевно благодарю их. Проси их, чтобы они простили меня: я виноват пред ними много. К М. М. Булдакову напиши о долге моем и о том, что оный взялись уплатить гг. Директоры. Благодари и его от меня за его одалжение и ласки. Деревню

продать уполномочиваю тебя совершенно за какую цену хочешь; но советую немного еще повременить. Ненайдутся ли покупщики более совесные я уверен, что и Данаурова тысяч пять прибавит еще. Впрочем, мой друг как ты найдешь лутчшим так и распоряжайся. Мне ничего не нужно. От А[нны] Ф[едоровны] неожидал я таких поступков как дурно недумал о ней. Но бог с нею. Спроси ее последний раз писменно: берет ли она то что я назначил ей и на тех условиях, какие предложил если нет, то проси, чтобы она тебя уведомила, чтобы сообщить мне. При чем поясни ей, что мне хлопотать уже нельзя для нее, а тебе и со своими делами дай бог управится, да и я не желаю, чтобы ты вмешивалась в ее дела. Напомни ей от меня, что я ничем необязан устраивать участь ее что она не имеет никакого права делать какие либо требования, а что если я назначаю ей дом и проч[ее] из имения покойного батюшки, то делаю ето по собственной моей воле. Ее же воля: принять или нет. Из имения же матушки я не вправе ей дать и копейки, потому, что у меня есть дочь. Присем прилагаю расход денег по опеке в 1823 году. Тут выставил я настоящие суммы мною выданные и заплачиные разным лицам по актам, справедливость которых и Катерина Ивановна и я признали. Сюда невместил я только 200 ру[блей] по счету за разные вещи, ибо непомню всюли сумму заплатил и потому показал половину я или часть только засим остается за мною около четирех тисячь рублей; считая и проценты тут же. Расход покажи Катерине Ивановне и М[ихаилу] Петровичу и проси подписать. Пусть также подает она от себя в Надворной Суд просьбу о снятии запрещения с моего имения и что она всю ответственность берет на себя. После чего и отдай ей упомянутые четире тысячи рублей при продаже имения. В противном же случае деньги нада будет припродаже имения внести в суд, и расход денег совсеми счетами по коим мы платим представить в *опеку* за ее и моею подписми. Прилагаемою записку о расходе денег вели переписать и отвези Катерине Ивановне,

а настоящую моей руки совсеми щетами сохрани у себя до окончания дела с опекою. Смердину вели сказать, что бы дал записку какие книги требует он, и пришли ее ко мне, много у Петрова, пошли взять. Настинку за приписку целую. Скажи ей умница обойми ее. Прощай, мой друг, будь здорова и уповай на всевишнего мое почтение всем рданим и знакомим.

Твой друг *К. Рылеев*

Еще не внес я щет в 599 р. купца Дюкло которого также непомню 4000 р. показал за долгу щитая по 10 процентов чтобы не жаловались. Мы облагодетельствованы покойником.

Щеты позвращаю.

80. ЖЕНЕ

Мая 24 дня 1826

Хорошо сделала, мой милый друг, что побывала в деревне, но Кондратия напрасно оставила старостою. Теперь особенно надо за ним присматривать. Юнихе кроме 250 р. мы ничего не должны. В противном случае матушка не забыла бы записать, да и сама она вдруг бы по смерти матушки о том меня уведомила. Ето должны быть плутни сына ее и Кондратия, как это уже и было раз. С нетерпением жду уведомления о деревни и чем кончила ты с Веселковым. Авось — либо хотя в нем пошлет бог покупщика совестного. Посылала ли ты к П. П. Миллеру? Он может найти покупщиков. Попроси его. Лошадей продай. Я прежде полагал, что бы отправить на них некоторые вещи в Подгорную при отъезде твоем туда, но ето можно будет сделать и на наёмных. Несердись на меня за то, что я сказал: мне ничего ненужно. Я пишу тебе то, что мне внушают чувства и ты никогда недумай, чтобы я согласился и допустил тебя разделять сомною участь мою. Ты недолжна забывать, что ты мать. Впрочем, мой друг, надейся на благость божию и милосердие государя. Как

ни велико преступление мое, но по сию пору обращаются сомною не как с преступником, а как с несчастным, и потому непредавайся отчаянию. У бога все возможно, и все, что ни творит он, все творит к лучшему. Молись ему вместе с малюткою нашею, и что бы ни постигло меня, прими все с твердостию и покорностью его святой воле.

Настиньку целую за приписку. Вчера ей минуло шесть лет. Мне ни разу не довелось дня етого провести с нею. Молю бога да устроит он ее судьбу и здесь и там. Засвидетельствуй мое почтение Прасковье Васильевне. Благодарю ее душевно, что непокидает тебя и была с тобою в деревне. Воображаю, как она плакала над гробом друга своего.

Мне бы желалось, мой друг, что бы ты устроившись, положила в банк рублей сто и билет отдала в Рожественскую церковь с тем, чтобы за проценты на него тамошний священник каждогодно отслуживал 2-го июня панихиду на гробе матушки, когда и нас не будет. Здорова ли Катерина Ивановна и ее семейство, а также Прасковья Михайловна с дочерми. Давно ли ты была у них? Всем и родным и знакомым мое почтение. Да будет над тобою благословение божие.

Твой друг *К. Рылеев*

От Смердина потребуй записку какие книги считает он на мне, и скажи ему, что эту записку ты послешь ко мне.

81. ЖЕНЕ

Мая 27 1826

Я писал тебе, что в крайности можно деревню уступить и за *сорок пять тысячъ;* разумеется, в таком случае расходы покупщика. Впрочем, мой друг, делай, как найдешь лучшим, или как заставят обстоятельства. Делать нечего. Одного меня должно винить во всем. Надо однакож подождать решительного ответу от Веселкова. Очень рад и благодарю бога, что А[нна] Ф[едоровна] одумалась, и что ты скоро кончишь с нею. Книги к Смер-

дину, на которых были номера его лавки, ты напрасно отослала. Многие у него *куплены* с нумерами. Уведомь меня, сколько книг и на какую сумму ты отослала ему. Боюсь, что б ты не отослала лучшие книги, которые могли бы пригодиться и Настиньке современем. Книг Смердина, кроме бывших у Петрова, у меня немного было.

Сколько расходов будет при совершении купчей не знаю, но также полагаю, что не менее 2500 р. В таком случае, и если Данаурова, кроме расходов возьмет на себя и ломбардный долг, то можно будет отдать деревню за 36 000 р. Но ето только мнение мое. Ты себя несвязывай им, а делай, как почтешь полезнейшим. Незабудь, что по 2 июля надо внести в ломбард около 700 р. Пошли об етом справиться в ломбарде к чиновнику Уткину. Он недоставил еще и квитанции за прошлогодний взнос.— Что ты неуведомишь меня: довольна ли Катерина Ивановна моим распоряжением. За крестьянами 400 р. Сколько кому и когда дано, ты найдешь в записной книге. Половину долга прости им, а другую половину пусть Кондратий соберет с них, и отдай их ему же в награду. Ему же отдай и все вещи в деревне, которые оставишь. Всем родным и знакомым скажи мое почтение. Я, благодаря бога, здоров, и молю бога, да ниспошлет он на тебя и Настиньку свое благословение. Матушку и сестрицу душевно благодарю. Давно ли писал к тебе Алексей Михайловичь и каково его здоровье?

Твой друг *К. Рылеев*

Прасковья Михайловна здорова ли с семейством? Благодарю тебя, друг мой, за памятник Сашиньке.

82. ЖЕНЕ

Июня 21 дня 1826

После свидания нашего я не мог к тебе писать скоро; я был сильно расстроен и свиданием и милосердием великодушного государя; но теперь, успокоившись, спешу отвечать на последнее письмо твое.

Я предугадывал, что с нею необойдется без неприятностей и что наше несчастие подаст ей случай свою ненависть к нам обнаружить явно. Но ты, мой милый друг, ради бога етим не тревожься. Бог видит все и не даст тебя в обиду. Скажи своему поверенному, что два билета принадлежащие детям покойного П[етра] Ф[едоровича] находились в Надворном Суде в обеспечение иска Лемке на покойном, и как дело сие завязалось на долго, то упомянутые билеты по желанию К[атерины] И[вановны] выданы, один ей, а другой мне с наложением запрещения на ее и мое имение. Деньги по моему билету употреблены на уплату долгов покойника, признанных и ею и мною за справедливые; при чем кредиторы по моему настоянию и стараниями сделали важные уступки. Остальная сумма, *в 4 тысячах* состоящая, включая в то число и проценты, должна быть представлена обратно в Надв[орный] Суд при совершении купчей. Щеты долговые и мою записку о расходе денег ты уже имеешь у себя. Другой билет находится у К. И., проценты с суммы сей, как и с той, которая находится в ведомстве Опеки, она употребляла на домашний расход. Оброк с людей получала сама, а следовательно сама и должна подать во всем етом отчет. Если бы даже она истратила и все 6000 р. с процентами по билету ей отданному, то и то не беда. За это отвечает дом ее. А потому и недумаю, дабы что либо могло препятствовать совершению купчей. Да если бы и случились какие препятствия, то ты можешь отвратить их сделав при совершении купчей денежное обеспечение, какие опека или Надвор[ный] Суд признает нужным, и потом весть дело с нею судебным порядком.

Дней через десять пошли к Данауровой сказать решительно, что ты деревню уступаешь за 36 000, с тем чтобы она взяла на себя ломбардный долг и расходы при совершении купчей. Незабудь, что 3 июля надо внести проценты за деревню. Олимпиаде и Мишке дай отпускные и по 50 р. и скажи крестной их матери, чтобы приискала им место в ученье. .

13 Іюля 1826

Богъ и Государь решили участь мою: Я должен умереть и
умереть смертiю позорною. Да будетъ Его святая воля!
Мой милый другъ, предайся и ты воле Всемогущаго,
и Онъ утешитъ тебя. За душу мою молись Богу! Онъ
услышитъ твои молитвы. Неропщи ни на Него, ни
на Государя: это будетъ и безразсудно и грешно. Намъ
ли постигнуть неисповедимые суды Непостижимаго?
Я ни разу невозроптал во все время моего заключе-
нiя, и за то Духъ Святый дивно утешалъ меня.
Подивись, мой другъ, и в сiю самую минуту, когда
я занятъ только тобою и нашею малюткою, я
нахожусь в таком утешительном спокойствiи,
что немогу выразить тебе. О милый другъ, какъ
спасительно быть Христiаниномъ. Благодарю
моего Создателя, что онъ меня просветилъ и что я
умираю во Христе. Это дивное спокойствiе
порукою, что Творецъ неоставитъ ни тебя, ни
нашей малютки. Ради Бога непредавайся отчая-
нiю, ищи утешенiя в Религiи. Я просилъ нашего
Священника посещать тебя. Слушай советовъ
его и поручи ему молиться о душе моей. От-
дай ему одну изъ золотыхъ табакерокъ в знакъ
признательности моей, или лучше сказать на
память, потому что возблагодарить его
может только одинъ Богъ за то благодеянiе,
которое онъ оказалъ мне своими беседами.

Письмо, написанное Рылеевым жене в ночь перед казнью.

Не оставайся здѣсь долго, а старайся кончить скорѣе
дѣла свои и отправься къ почтеннѣйшей матушкѣ.
Проси ее, что бы она простила меня; равно всѣхъ
родныхъ своихъ проси о томъ же. Катеринѣ Ива-
новнѣ и дѣтямъ ея кланяйся и скажи, что бы они не
роптали на меня за М. П. — не я его вовлекъ въ
Общество. Онъ самъ это подтвердитъ. Я
хотѣлъ было просить свиданія съ тобою, но раз-
думалъ, что бы не разстроить себя. Молю за тебя и
Настиньку и за бѣдную сестру Бога, и буду всю ночь
молиться. Съ разсвѣтомъ будетъ у меня Священникъ,
мой другъ и благодѣтель, и опять причаститъ. На-
стиньку благословляю мысленно нерукотворенным
Образомъ Спасителя и поручаю всѣхъ васъ свя-
тому покровительству Живаго Бога. Прошу тебя
болѣе всего заботиться о воспитаніи ея. Я желалъ
бы, что бы она была воспитана при тебѣ. Ста-
райся перелить въ нее свои Христіанскія чувства
— и она будетъ счастлива несмотря на все, на
превратности въ жизни, и когда будетъ имѣть му-
жа, то осчастливитъ и его, какъ ты, мой ми-
лый, мой добрый и неоцѣненный другъ, осчастли-
вила меня въ продолженіи восьми лѣтъ. Могу ли,
мой другъ, благодарить тебя словами: они не могутъ
выразить чувствъ моихъ. Богъ тебя наградитъ за все.

ве. Почтеннейшей Прасковьи Васильевны моя душевная,
искренная, признательная благодарность. Прощай! Ве-
лит одновестить. Да будет Его Святая воля.

Твой неизменный друг К. [illegible]

У меня ест[illegible] здесь с 30. Августа Всё[illegible]
отдадуть тебя[illegible]

Натальѣ Михайловнѣ Рылѣевой.

Поцалуй Настиньку. Как она у теб« худа. Ради бога, береги ее! Прошу тебя, постарайся кончить дела свои через месяц и уезжай к матушке. Ето необходимо и для тебя и для малютки.

Почтеннейшую Прасковью Васильевну душевно, сердечно благодарю за ее к тебе дружбу. Ф. В. мой дружеский поклон. Здоров ли почтенный дядя его, и что его процес. Каково здоровье Веры Сергеевны. Прощай мой друг, будь здорова и уповай на бога и милосердие государя.

Твой друг *К. Рылеев*

О каких *10 тысячах* говорила ты мне по щетам К. Ив.?

83. ЧЕРНОВАЯ ПИСЬМА К НИКОЛАЮ I

[Около 21 июня 1826]

Святым даром спасителя мира я примирился с творцом моим. Чем же возблагодарю я его за ето благодеяние, как не отречением от моих заблуждений и политических правил? Так, государь! отрекаюсь от них чистосердечно и торжественно, но что бы запечатлеть искренность сего отречения и совершенно успокоить совесть мою, дерзаю просить тебя государь будь милосерд к товарищам моего преступления (прости их). Я виновнее их всех; я, с самого вступления моего в Думу Северного Общества, упрекал их в недеятельности; я преступною ревностью своею был для них самым гибельным примером, словом, я погубил их; чрез меня пролилась невинная кровь. Они, по дружбе своей ко мне и по благородству не скажут сего, но собственная совесть меня в том уверяет. Прошу тебя, государь, прости их: ты приобретешь в них достойных себе верноподданных и истинных сынов Отечеству. Твое великодушие и милосердие обяжет их вечною благодарностью. Казни меня одного: я благословлю десницу меня карающую, и твое милосердие и пред самою казнью непрестану молить всевышнего: да отречение мое и казнь навсегда отвратят юных сограждан моих от преступных предприятий противу власти.

84. Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ

[Июнь 1826]

Любезный друг! Какой бесценный дар прислал ты мне! Сей дар чрез тебя, как чрез ближайшего моего друга, прислал мне сам спаситель, которого давно уже душа моя исповедует. Я ему вчера молился со слезами. О, какая это была молитва, какие это были слезы и благодарности, и обетов, и сокрушения, и желаний — за тебя, за моих друзей, за моих врагов, за государя, за мою добрую жену, за мою бедную малютку; словом за весь мир! Давно ли ты, любезный друг, так мыслишь, скажи мне: чужое ли это или твое? Ежели эта река жизни излилась из твоей души, то чаще ею животвори твоего друга. Чужое оно или твое, но оно уже мое, так как и твое, если и чужое. Вспомни брожение ума около двойственности, моего духа и вещества.

85. ЖЕНЕ

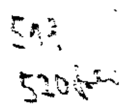
[13 июля 1826]

Бог и государь решили участь мою: я должен умереть и умереть смертию позорною. Да будет его святая воля! Мой милый друг, предайся и ты воле всемогущего, и он утешит тебя. За душу мою молись богу. Он услышит твои молитвы. Не ропщи ни на него, ни на государя: ето будет и безрассудно и грешно. Нам ли постигнуть неисповедимые суды непостижимого? Я ни разу не возроптал во все время моего заключения, и за то дух святый дивно утешал меня. Подивись, мой друг, и в сию самую минуту, когда я занят только тобою и нашею малюткою, я нахожусь в таком утешительном спокойствии, что не могу выразить тебе. О, милый друг, как спасительно быть христианином. Благодарю моего создателя, что он меня просветил и что я умираю во Христе. Ето дивное спокойствие порукою, что творец не оставит ни тебя, ни нашей малютки. Ради бога не предавайся отчаянию: ищи утешения в религии. Я просил нашего священника посещать тебя. Слушай советов его и поручи ему молиться

о душе моей. Отдай ему одну из золотых табакерок в знак признательности моей, или лучше сказать на память, потому что возблагодарить его может только один бог за то благодеяние, которое он оказал мне своими беседами. Ты неоставайся здесь долго, а старайся кончить скорее дела свои и отправься к почтеннейшей матушке. Проси ее, что бы она простила меня; равно всех родных своих проси о том же. Катерине Ивановне и детям ее кланяйся и скажи, чтобы они не роптали на меня за М[ихаила] П[етровича]: не я его вовлек в общую беду: он сам ето засвидетельствует. Я хотел было просить свидания с тобою; но раздумал, что б не расстроить себя. Молю за тебя и Настиньку и за бедную сестру бога, и буду всю ночь молиться. С рассветом будет у меня священник, мой друг и благодетель, и опять причастить. Настиньку благословляю мысленно нерукотворным образом спасителя и поручаю всех вас святому покровительству живого бога. Прошу тебя более всего заботься о воспитании ее. Я желал бы, чтобы она была воспитана при тебе. Старайся перелить в нее свои христианские чувства — и она будет щастлива, несмотря ни на какие превратности в жизни, и когда будет иметь мужа, то ощастливит и его, как ты, мой милый, мой добрый и неоцененный друг, ощастливила меня в продолжение восьми лет. Могу ли, мой друг, благодарить тебя словами: они не могут выразить чувств моих. Бог тебя наградит за все. Почтеннейшей Прасковье Васильевне моя душевная, искренняя, предсмертная благодарность. Прощай! Велят одеваться. Да будет его святая воля.

Твой истинный друг *К. Рылеев*

У меня осталось здесь 530 р. Может быть, отдадут тебе.

КОММЕНТАРИИ

ГЛАВНЕЙШИЕ СОКРАЩЕНИЯ

Брокгауз — Полное собрание сочинений К. Ф. Рылеева, Лейпциг, F. A. Brockhaus, 1861 — лучшее из зарубежных изданий.

Ефр. [1], Ефр. [2] — Сочинения и переписка К. Ф. Рылеева, изд. под ред. П. А. Ефремова. Спб. 1872 и 1874.

Мазаев — Сочинения К. Ф. Рылеева под ред. М. Н. Мазаева. Спб. 1893 и 1895 (наши цитаты — по изданию 1893 года).

Маслов — В. И. Маслов, «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева». Киев 1912.

Приложения — последняя часть книги В. И. Маслова, с особой пагинацией, в которой опубликованы юношеские стихотворения Рылеева и ряд документов.

«В. Д.» — Восстание декабристов. Материалы. Госуд. изд-во. М. — Л. 1925, т. I — VIII. Следственные дела декабристов; в т. I — дело К. Ф. Рылеева.

ПРИМЕЧАНИЯ *

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. *К временщику* (стр. 89)

Первое «гражданское» произведение Рылеева, появившееся в печати и обеспечившее ему широкую популярность. Первоначально напечатано в журнале «Невский зритель» 1820, т. IV, кн. X, Стихотворения, стр. 26—28; подписано: *Рылеев*. Автограф не сохранился.

Сатира эта испытала на себе сильное влияние сатиры «К Рубеллию» М. В. Милонова (1792—1821), довольно популярного поэта начала века (о нем см., например, у Маслова, «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева»,

* Предлагаемый вниманию читателей комментарий включает в себя прежде всего примечания к каждому из произведений Рылеева, имеющие целью: дать краткую историю текста произведения (рукописные варианты, разночтения изданий, история создания произведения); поставить произведение в связь с литературой и политическим движением той поры; объяснить иностранные и вышедшие из употребления слова, мифологические выражения и дать биографические сведения о встречающихся исторических лицах, в связях и отношениях последних к Рылееву. Цитаты из исторических документов (например, из показаний декабристов на следствии) приводятся по новой орфографии, но с соблюдением особенностей их правописания. Слова, объясненные в том или ином примечании, в дальнейшем не поясняются. (См. помимо отсылок алфавитный указатель в конце книги). Объясняемые слова в пределах каждого примечания даются в алфавитном порядке. Помимо примечаний к каждому из произведений и писем Рылеева, комментарий включает в себя указатель литературы о Рылееве, хронологическую канву его жизни и краткую заметку о принципах печатания в этом издании рылеевских текстов. — *Ред.*

К. 1912, стр. 154). Сатира римского поэта Персия переведена была Милоновым в 1810 году и напечатана в сборнике его «Сатиры, послания и другие мелкие стихотворения» (Спб. 1819, стр 10—13).

Царя коварный льстец, вельможа напыщенный,
В сердечной глубине таящий злобы яд,
Не доблестьми души, *пронырством вознесенный*,
Ты мещешь на меня с презрением твой взгляд!
Почту ль внимание твое ко мне хвалою?
Унижуся ли тем, что унижен тобою?
Одно достоинство и счастье для меня,
Что чувствами души с тобой не равен я!
Что твой минутный блеск, что *сан твой горделивой?*
Стыд смертным — и укор судьбе несправедливой!
Стать лучше на ряду последних Плебеян,
Чем выситься на смех, позор своих граждан;
...Когда величием прямым не одарен,
Что́ *пользы*, что судьбой я буду вознесен?
...Рубеллий! Титла лишь с *достоинством почтенны*,
...Ты думаешь сокрыть дела свои от мира:
В мрак гроба? Но и там потомство их найдет,
Пусть целый мир к стопам твоим падет,
Рубеллий! *Трепещи:* есть Персий и сатира!

Произведя сравнение этого перевода Милонова с произведением Рылеева, исследователь справедливо отмечает в них «много общего: размер стиха, отдельные выраженья, наконец, общее негодующее настроение...» (Маслов, стр. 154—155). Набранные курсивом выражения представляют собой буквальные совпадения с сатирой Рылеева.

Временщик, против которого направлена рылеевская сатира, — Аракчеев Алексей Александрович (1769—1834), граф. Всесильный фаворит Александра I. Получил военное воспитание, сделавшее его, по его собственному выражению, «истинно русским неученым дворянином». Служил при цесаревиче Павле, который очень ценил Аракчеева за преданность и умение муштровать солдат. После воцарения Павла на Аракчеева дождем посыпались милости нового самодержца — в 1797 году он сделан бароном, в 1799 назначен инспектором кавалерии и графом. По вступлении на престол Александра I Арак-

чеев находился в отставке, но в 1803 был призван к государственным делам. В 1808 назначен военным министром. Аракчеев известен как автор проекта военных поселений солдат, который он, следуя директивам Александра I, проводил в жизнь с 1815 года, «во что бы то ни стало, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чудова». По этой системе коренное население части Новгородской (в которой находилось имение Аракчеева) и Черниговской губерний было преобразовано на военный лад. Солдаты-пахари и их семьи были связаны мертвящей военной регламентацией, доходившей до курьезов. Всякая баба должна была ежегодно рожать ребенка «и лучше сына, чем дочь», за выкидыш взимался штраф. Крестьян женили по усмотрению Аракчеева, детей в известном возрасте отбирали в учение и зачисляли в кантонисты. Военные поселения были своеобразной крепостной каторгой, и население к ним относилось со жгучей ненавистью. К 1825 году в корпусе военных поселений состояли уже 130 батальонов пехоты и 249 эскадронов кавалерии — около трети русской армии. С сентября 1825 года, когда крестьяне, доведенные до возмущения фавориткой Аракчеева, Настасьей Минкиной, убили последнюю, Аракчеев удалился от дел. С воцарением Николая I к государственному управлению больше не привлекался.

Личность всевластного фаворита, «без лести преданного» самодержцу, и особенно его политическая деятельность получили себе выразительную оценку в мемуарах и литературе той поры. С одной стороны, до нас дошли восторженные отзывы о военных поселениях и их авторе, проникнутые рептильным преклонением перед временщиком (такова между огромным числом других «Поездка в Грузино» П. П. Свиньина). Но то были отзывы людей, связанных с полицейско-крепостническим режимом; в либеральных же и демократических слоях общества имя Аракчеева произносилось с презрением и ненавистью. Молодой Пушкин написал на Аракчеева две эпиграммы (1820):

«Всей России притеснитель, Губернаторов мучитель, И совета он учитель, А царю он — друг и брат. Полон злобы, полон мести, Без ума, без чувств, без чести — Кто ж он, «преданный без лести»? Просто фрунтовой солдат». И в другой эпиграмме: «Холоп венчанного солдата! Благодари свою судьбу: Ты стоишь лавров Герострата, Иль смерти немца Коцебу, А впрочем мать его...» О военных поселениях слагались народные песни, ярко характеризовавшие условия, в которых приходилось работать. «Ты Рахчеев осподин за столом сидишь един, перед ним графин, пропиваешь, проедаешь наше жалованье, что другое — трудовое, третье — денежное» («Аракчеевщина», рассказы, стихи и песни его времени, «Русская старина» 1872, кн. XI, стр. 594—595). «Жизнь в военном поселении— настоящее мученье» (там же, стр. 592; см. также «Глас вопиющего в военных поселениях», перепечатанный в сб. «Красный декабрь» 1925, стр. 13).

Декабристы отразили это всеобщее возмущение в своих литературных произведениях, судебных показаниях и позднейших мемуарах. «Все уже, даже самые преданные государю, люди возмущались и не таили своего негодования, видя унижение и раболепство перед временщиком, доходившие до крайности, и слыша, как важные даже лица не только пресмыкались перед самим Аракчеевым, но и льстили грубой его наложнице» («Записки Д. И. Завалишина», т. I, Мюнхен 1904, стр. 194). «Из всех действий императора Александра, после изменения его образа мыслей, учреждение военных поселений было самое деспотическое и ненавистное. Введение этой тиранической меры в губерниях: Новгородской, Псковской, Смоленской, Харьковской, Екатеринославской, Херсонской, уничтожая благосостояние поступивших в военные поселения государственных крестьян, встретило упорное сопротивление со стороны их: волости, даже целые уезды, обращаемые насильственно в военных поселян, возмутились. Противодействие их было подавляемо войсками как бунт; военных поселян усмиряли картечью и ружейными вы-

стрелами. Кровь лилась как в сражениях и после усмирения военные суды приговаривали многие тысячи несчастных жертв к наказанию сквозь строй и к ссылке в Сибирь, в каторжную работу и на поселение» (М. А. Фонвизин, «Обозрение проявлений политической жизни в России», в сб. «Общественные движения в России в первую половину XIX века», т. I, Спб. 1905, стр. 185). «Всей России сделались известны сцены, которых никто не мог полагать возможными в царствование государя, толико кроткого, человеколюбивого! Общее недоумение разрешалось одним лицом графа Аракчеева. Оно во всех подобных действиях служило экраном для особы монарха» (из письма бар. В. И. Штейнгеля к Николаю I, там же, стр. 482—483). «Я полагал, что образование военных поселений будет также со временем причиною переворота» (из показания кн. С. Трубецкого, «В. Д.», I, стр. 9). По конституции Никиты Муравьева военные поселения немедленно уничтожались после введения народного правления (там же, стр. 114). «В случае неудачи предприятия 14-го числа, — показывал Рылеев 19 декабря 1825 года, — положено было ретироваться на поселения» (там же, стр. 155).

В поэзии декабристов Аракчеев изображался, помимо Рылеева, еще и подпоручиком Путятой: «Ты враг отчизны, льстец царей, ты бич столь славного народа, ты самый ядовитый змей, не человек. а чародей. Тобой гнушается природа: она известна, что коварный сего ты времени подлец... Взгляни на пользу твоих дел: чьи разорил селенья ты, лишил того, что кто имел, и сделал жертвой нищеты?..» (цит. по кн. М. В. Довнар-Запольского «Идеалы декабристов», М. 1907, стр. 112). Вполне правдоподобно предположение В. И. Маслова, допускающего на основании совпадений фразеологического и идеологического порядка возможность непосредственного влияния сатиры Рылеева на «Дни моего отчаяния» Путяты (Маслов, стр. 158).

Политический успех сатиры Рылеева был чрезвычайным. «Все государство трепетало под железною рукой любимца-

правителя. Никто не смел жаловаться: едва возникал малейший ропот — и навечно исчезал в пустынях Сибири или в смрадных склепах крепостей. В таком положении была Россия, когда Рылеев громко и всенародно вызвал временщика на суд истины, когда назвал его деяния, определил им цену и смело предал проклятию потомства слепую или умышленную покорность вельможи для подавления отечества. Нельзя представить изумления, ужаса, даже можно сказать оцепенения, каким поражены были жители столицы при сих неслыханных звуках правды и укоризны, при сей борьбе младенца с великаном. Все думали, что кары грянут, истребят и дерзновенного поэта, и тех, которые внимали ему; но изображение было слишком верно, очень близко, чтобы обиженному вельможе осмелиться узнать себя в сатире. Он постыдился признаться явно, туча пронеслась мимо; оковы оцепенения пали, мало-по-малу расторглись и глухой шопот одобрения был наградою юного, правдивого поэта. Это был первый удар, нанесенный Рылеевым самовластью» («Воспоминания Бестужевых», М. 1931, стр. 68).

Почему это первое «гражданское» выступление Рылеева не навлекло на него преследования властей? Конечно, случилось это не потому, что «изображение было слишком верно», как наивно утверждает Н. Бестужев. Гораздо ближе к истине указание Н. А. Котляревского, отметившего «эзоповский» стиль рылеевской сатиры: «Тому, против кого она была направлена, оставалось действительно либо не заметить ее, либо обрушиться на автора всей своей карательной силой, а этого нельзя было сделать, так как она была все-таки сатирой слишком общего характера, и единственные довольно прозрачные слова о «селениях лишенных красоты», могли быть истолкованы как простая метафора из сельской жизни, хотя они, конечно, метили в военные поселения, которые тогда ставились в вину Аракчееву» (Н. Котляревский, «Рылеев», Спб. 1908, стр. 42).

Сатира «К временщику» стилизована в *античном* духе. Русская витийственная поэзия XVIII и начала XIX века в лице Ломоносова, Петрова, Державина широко культивировала образы античной мифологии и истории. (См., например, образы Марса и Паллады в торжественной «оде на случай»). Легкая поэзия от Державина и Батюшкова до молодого Пушкина столь же широко пользовалась образами древне-греческой и римской мифологии — Венерой, Вакхом и др., подражала Феокриту, Горацию, Сафо, Анакреону и мн. др. Рылеев не избежал влияния этой антикизирующей традиции, особенно сильного в ранних его стихотворениях. Но несравненно чаще он обращается к античности как к источнику гражданской истории, пользуясь ее образами как оружием в пропаганде своих политических идей. Общеизвестны классические замечания Маркса об использовании античных образов буржуазными революциями. «Как раз тогда, когда люди, повидимому, только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее, создают совершенно небывалое, — как раз в такие эпохи революционных кризисов они заботливо вызывают к себе на помощь духов прошедшего, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюм и в освященном древностью наряде, на чуждом языке разыгрывают новый акт всемирной истории» (К. Маркс и Ф. Энгельс, «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», Сочинения, т. VIII, М.—Л. 1931, стр. 323). В этом использовании античности буржуазией была своя диалектика. «Едва новая общественная формация успела сложиться, как исчезли допотопные гиганты и все римское, воскресшее из мертвых, — Бруты, Гракхи, Публиколы, трибуны, сенаторы и сам Цезарь... Уйдя с головой в накопление богатств и в мирную борьбу в области конкуренции, буржуазия забыла, что ее колыбель охраняли древне-римские призраки. Однако, как ни мало героично буржуазное общество, для его появления на свет понадобились героизм, самопожертвование, террор, междоусобная война и битвы народов. В классически строгих преданиях римской республики борцы за

буржуазное общество нашли идеалы и искусственные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии» (там же, стр. 324). Эти блестящие строки полностью могут быть применены и к буржуазным революционерам из дворян, к декабристам. Трудно судить о том, насколько быстро выветрились бы эти античные образы из их фразеологии, в случае если бы движение тайных обществ одержало победу. Но на том начальном и подъемном этапе, на котором оно находилось до 1825 года, античность бесспорно сыграла свою положительную, организующую роль.

Воспитывающее значение античной истории охотно признавали сами декабристы: «...разговор попал на древних историков. В это время мы страстно любили древних: Плутарх, Тит Ливий, Цицерон, Тацит и другие — были у каждого из нас почти настольными книгами» («Записки И. Д. Якушкина», Спб. 1905, стр. 19). Свидетельство Якушкина целиком подтверждается показаниями декабристов на следствии. «Чтение греческой и римской истории и жизнеописания великих мужей Плутарха и Корнелия Непода поселили во мне с детства любов к вольности и народодержавию...» (из показания подпоручика Борисова 2-го; «В. Д.», V, стр. 22). «С детства изучая историю греков и римлян, — показывал поручик Каховский, — я был воспламенен героями древности» (там же, I, стр. 343). У майора Свиридова вместе с сочинениями Стерна и рассуждениями о воле и вольности человека находились «Саллюстия речи: Мария при отправлении его на войну против Жугурты и Цезаря по открытии заговора Катилины» (там же, V, стр. 136). На античности не только воспитываются — ею и руководятся в политической практике, ею пользуются в построении политических теорий. «Новиков, — писал Пестель, — говорил мне о своей республиканской конституции для России, но я еще спорил тогда в пользу монархической, а потом стал его су-

ждения себе припоминать и с ними соглашаться. Я вспоминал блаженные времена Греции, когда она состояла из республик, и жалостное ее положение потом. Я сравнивал величественную славу Рима во дни республики с плачевным ее уделом под правлением императоров...» и т. д. («В. Д.», IV, стр. 91). Подпоручик Андреевич 2-й начал «изыскивать средства выйти из бедного и незначущего своего положения и, наконец, по примеру римлян и афинян древних, кои любовию к своему отечеству возлагали на себя венцы славы» («В. Д.», V, стр. 372).

Галлерея античных образов у Рылеева чрезвычайно широка и каждый из них находит себе аналогию в высказываниях и писаниях декабристов. Начнем с *тирана*, исключительно частого и популярного у Рылеева образа. «Ты, ты, тиран, его сразил» («Рогнеда»), «Доколь нам, други, пред тираном склонять покорную главу...» («Димитрий Донской»), «Меня неистовый тиран бежать отечества заставил» («Курбский»), «Для тирана нет спасенья; друг ему — один кинжал» («Димитрий-самозванец»), «А ты, пришлец иноплеменный, тиран родной страны моей» («Богдан Хмельницкий)», «Вражда к тиранству закипит» («Волынский»), «Как дуб на теме гор растущий, тиранов дерзость возросла» («Наливайко»), «Неистовый тиран родной страны своей... тиран, вострепещи...» («К временщику»), «Одни тираны и рабы его внезапной смерти рады» («На смерть Байрона»), «Тиранам, нас угнесть готовым» («На смерть Чернова») и т. д. Образ тирана, идущий из римской практики через фразеологию Великой французской революции, попадает (не без посредства автора оды «Вольность», Радищева) в фразеологию декабристов. «Клятвенный лист» соединенных славян начинается с указания на цель общества — избавления себя от тиранства и возвращения свободы, столь драгоценной роду человеческому». Народные веча,—учит катехизис Муравьева,—прекратились потому, что нашествие татар выучило «наших предков безусловно покорствовать тиранской их власти». В фразеологии Каховского и Рылеева образ тирана был

привычным сигналом убийства Александра I: «Какой бы урок царям. Тиран пал среди тысячи своих опричников. — Что ж такое, что пал (якобы отвечал Рылееву Каховский), завтра будет другой. Хорошо, если можно поразить тиранство, а уроков — разверни историю и найдешь их много» («В. Д.», I, стр. 373).

В числе античных тиранов первое место принадлежало Каю Юлию Цезарю, республиканскому полководцу, провозгласившему себя императором. Отношение к нему декабристов было безусловно отрицательным. Подпоручик Борисов 2-й задает вопрос Бестужеву-Рюмину: «Какие меры приняты обществом для удержания временного правительства в пределах законности и для обуздания его властолюбия и честолюбивых видов, могущих быть весьма пагубными для новорожденной республики?» А когда Бестужев-Рюмин стыдит его, напоминает сквозь зубы, что «победитель Галлов и несчастного Помпея пал под ударами заговорщиков в присутствии всего Сената, а робкий 18-летний Октавий сделался властелином гордого Рима» («В. Д.», V, стр. 63). Рылеев обращается к временщику (Аракчееву): «Тиран, встрепещи! родиться может он: иль Кассий, иль Брут, иль враг царей Катон», тем самым недвусмысленно напоминая ему о судьбе Цезаря, убитого республиканцами. И наконец в разговоре с матерью (приводимом Н. Бестужевым) Рылеев говорит ей: «История запишет имя мое вместе с именами великих людей, погибших за человечество. В ней имя Брута стоит выше Цезарева, — итак, благословите меня» («Воспоминания Бестужевых», стр. 67).

В числе римских «граждан», противодействовавших тиранам, декабристами особенно чтились Брут, Цицерон, Катон. Петр Бестужев констатирует у Грибоедова «правила чести, коими б гордились оба Катона...» «Грибоедов — один из тех людей, на кого бестрепетно указал бы я, ежели б из урны жребия народов какое-нибудь благодетельное существо выдернуло билет, не увенчанный короною для начертания необходимых преобразований»

(«Воспоминания Бестужевых», стр. 402). У Рылеева этот образ найдем в сатире «К Временщику» («Иль Кассий, иль Брут, иль враг царей Катон»), дважды в оде «Гражданское мужество» («О доблесть... не ты ль прославила Катонов, от Катилины Рим спасла», «Лишь Рим... возмог произвести один и Брутов двух и двух Катонов»). Последний образ настолько вошел в специфическом гражданском своем содержании в сознание современников, что когда Катенину не понравилась трактовка Рылеевым Мазепы, он написал Н. И. Бахтину: «Всего чуднее для меня мысль представить подлеца и плута Мазепу каким-то Катоном» («Русская старина» 1911, т. 146, стр. 594).

Такова фразеология сатиры «К временщику», сгущенно выражающая ту оппозиционную идеологию Рылеева, которая несколькими годами спустя привела его в лагерь декабристов. Сатира на Аракчеева была написана им в эпоху резкого политического возбуждения: 1820 год — год «бунта» Семеновского полка — несомненно наложил свой отпечаток на идейную направленность сатиры, усилив ее звучание...

На очень долгие годы произведение Рылеева осталось запретным для русской литературы. Когда в 1861 году «Библиографические записки» публиковали некоторые его лирические стихотворения, они лишь обиняком могли напомнить читателю, «что автор этих элегий был неизмеримо выше в стихотворениях иного рода. Доказательством этого может служить стихотворение его, напечатанное в «Невском зрителе» 1820 года» (1861, IV, стр. 28). Но оставаясь в течение полувека под запретом, сатира Рылеева в изобилии распространялась во множестве списков.

Кассий — один из главных заговорщиков, убивших Юлия Цезаря.

Катилина (108—62 до нашей эры) — вождь демократического заговора против римской республики, разоблаченный Цицероном.

Катон Младший (95—46 до нашей эры) — римский республиканец. Народный трибун. Горячий против-

ник Катилины, против которого он выступал в своих речах. Эпитет Рылеева («враг царей, Катон») имеет в виду его борьбу против Цезаря, царя Птоломея и монархических претензий Помпея. О специфическом значении образа Катона см. выше.

Кимвал — музыкальный инструмент, употреблявшийся древними иудеями при богослужении.

Мзда — награда, плата; в переносном смысле — оплата, кара.

Почто (слав.) — почему, зачем.

Сеян (I век нашей эры) — префект преторианской гвардии, составивший заговор против императора Тиберия и задушенный по приказу последнего.

Цицерон (Марк Туллий) (106—43 до нашей эры) — знаменитый римский оратор и государственный деятель. Известен своей непримиримой борьбой против Катилины.

2. *К другу* (стр. 90)

Первоначально напечатано в «Невском зрителе», ч. IV, 1820, ноябрь, кн. 3, Литература, Стихотворения, стр. 141—142; подпись: *К. Р—в*.

Это стихотворение, как и целый ряд других ранних произведений Рылеева («К Делии», «Счастливая перемена», «Заблуждение» и пр.), написано в духе легкой классической поэзии Батюшкова, молодого Пушкина, Вяземского и др. Упоминания о юных «прелестницах», о «прекрасной Дориде», совет не чуждаться «земных утех и радостей» — типичны для всей этой эпикуреистической поэзии дворянской молодежи. Стихотворение едва ли имеет специальное биографическое прикрепление: «обращения к другу» также чрезвычайно традиционны в эту пору.

Огнь (слав.) — огонь.

Химера — призрак, пустота.

3. *К Делии* (стр. 91)

«Невский зритель», ч. IV, 1820, декабрь, кн. 1, Стихотворения, стр. 207—208; подпись: *К. Р—в*.

Стихотворение это, возможно, навеяно разлукою Рылеева, уехавшего в Петербург, с женою, оставшейся в Подгорном, воронежском имении своих родителей. Однако биографические источники «К Делии» отступают на задний план перед чисто литературными: «Воспевание любви, дружбы, вина и веселья, легкомысленный взгляд на жизнь, как на неиссякаемый источник наслаждений, эротизм, а иногда легкий скептицизм некоторых произведений — все это объясняется не столько действительными переживаниями Рылеева, сколько влиянием современной литературной моды» (В. И. Маслов, «Литературная деятельность Рылеева», К. 1912, стр. 129; см. об этом также в нашей вступительной статье).

Пальмира Севера — условно-поэтическое название Петербурга по имени главного города древней Сирии.

4. *Триолет Наташе* (стр. 92)

Автографы стихотворения — в Архиве Рылеева, тетр. 2, л. 2; тетр. 3, л. 7, и тетр. 5, л. 7 (два первых — записи в сборниках ранних стихотворений, последний — перебеленный текст). Напечатано в «Невском зрителе», ч. IV, 1820, декабрь, кн. 1, стр. 212; подпись: «*К. Р—в*». «Однажды, — рассказывал Д. И. Кропотов, — попросил его (Рылеева.—*А. Ц.*) написать что-нибудь на память в Альбом. Рылеев присел к столу и, подумав с минуту, написал следующий триолет к Наташе (имя его жены). Стихотворения подобного рода, ныне уже не встречаемые, в то время были еще в большой моде» («Несколько сведений о Рылееве», «Русский вестник» 1869, кн. III, стр. 238). «Триолет Наташе» был однако написан Рылеевым еще до свадьбы.

Триолет — «сочинение, принадлежащее к новейшей поэзии; состоит из осьми стихов, в которых два первые должны быть употреблены таким образом, чтобы четвертый стих был повторением первого, а седьмой и осьмой — повторением обоих» («Словарь древней и новой поэзии» Н. Остолопова, Спб. 1821, ч. III, стр. 432; там же примеры триолетов Карамзина и кн. Шаликова).

5. *Завет богов* (стр. 93)

Автографа не сохранилось. Первоначально напечатано в «Невском зрителе» ч. IV, 1820, кн. XI (ноябрь). Стихотворения, стр. 41, подпись: —*ъ*—. Адресат неизвестен.

6. *Надпись к портрету* (стр. 93)

Автографа не сохранилось. Первоначально напечатано в «Благонамеренном», ч. IX, 1820, № V, март, Мелкие стихотворения, стр. 335. Прототип неизвестен.

7—8. *Эпиграммы* («Известно всем давно» и «Не диво, что Вралев» (стр. 93)

Первоначально напечатаны в «Невском зрителе», ч. IX, 1820, № 5, март, стр. 334. Имена «бездарных стихотворцев», упомянутых в этих эпиграммах, общеприняты в 10—20-х годах (см., например, у А. С. Пушкина «Арист нам обещал трагедию такую»): образ Бавия в «Послании к моему рассудку» М. В. Милонова, Фирса — в эпиграмме П. Вяземского «Презревши совести угрозу» и др. (см., например, сб. «Эпиграмма и сатира», т. I, под ред. Н. Орлова, изд. «Academia», стр. 31, 32, 37, 79, 100, 122, 128, 566 и др.).

Плутарх — знаменитый писатель древности, автор жизнеописаний великих людей.

9—10. *Эпиграммы* («Ты знаешь Фирса чудака» и «Безделок несколько») (стр. 93)

Первоначально напечатаны в «Благонамеренном», ч. IX, 1820, № VI, март, стр. 415—416, и ч. XI, 1820, № XIII, июль, стр. 54. На второй эпиграмме пометка: «Острогожск». Подписи под обоими: *К. Р—в*. Автограф эпиграммы «Ты видел Фирса чудака» см. в тетради 3 ранних стихотворений Рылеева (Архив его, № 3, л. 14). Ее можно поэтому датировать 1819—1820 годом.

Зефир — юго-западный ветер.

Державин — знаменитый поэт конца XVIII и начала XIX века *(подробно — см. стр. 604)*.

11. Шарада (стр. 94)

Первоначально напечатано: «Благонамеренный», ч. XII, 1820, №№ XXIII и XXIV, декабрь, стр. 372—373 (отдел «Смесь» с подписью: *К. Р—в.* Шарады на ряду с загадкой, буриме, логогрифом и пр. — один из мелких жанров — публиковались в отделах «Смесь» журналов 1810-х годов). Ее несложную теорию вместе с примерами некоторых иностранных и русских шарад см. у Н. Остолопова, «Словарь древней и новой поэзии», Спб. 1821, ч. III, стр. 479, 482. См. по этому поводу также в «Русской старине» 1870, VII, стр. 96, где эта шарада была перепечатана П. А. Ефремовым.

Разгадка шарады.: Б о р-О д а.

С в и с т о в — ироническая кличка, которую арзамасцы дали кн. Д. И. Хвостову, бездарному сочинителю той поры *(см. о нем на стр. 542).*

П р е к р а с н а я Л ю д м и л а — героиня волшебной поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила», вышедшей в свет в конце июля или в начале августа 1820 года. Это позволяет нам датировать рылеевскую шараду сентябрем— октябрем 1820 года.

12. Романс (стр. 94)

«Благонамеренный», ч. IX, 1820, № 6, март, Мелкие стихотворения, стр. 415—416; подпись: *К. Р—в.*

Стихотворение, любопытное своею мелодической композицией, по сравнению с другими стихотворениями молодого Рылеева гораздо более сложной (см. анализ его в нашей статье «Творческий путь Рылеева» в сб. «Бунт декабристов» под редакцией Ю. Г. Оксмана и П. Е. Щеголева, Л. 1926, стр. 227—228).

13. К Делии («П о ч т о, о Д е л и я») (стр. 95)

Первоначально напечатано в «Благонамеренном», ч. XI. 1820, № XIII, июль, Стихотворения, стр. 50—52. Подпись: *К. Рылеев.* Пометка: «Острогожск».

Стихотворение это представляет собою подражание элегии, приписываемой римскому поэту Тибуллу (3-й элегии 3-й книги).

Тибулл Альбий (I век до нашей эры) — римский поэт, автор замечательных элегических стихотворений (две книги элегий принадлежат Тибуллу, две других — ему приписываются). Тибулла много переводили в начале XIX столетия русские поэты, между ними Батюшков («Тибуллова элегия III», 1809; «Тибуллова элегия X», из первой книги, 1810; «Элегия из Тибулла», 1814). Влиянием Тибулла отмечена и лирика молодого Пушкина.

На перевод Рылеева сильно повлиял перевод аналогичной элегии Батюшковым («Тибуллова элегия III») 1809 года. Отметим наиболее явные совпадения:

Батюшков:

Напрасно фимиам курил пред алтарями...
О бедности молил с собою разделенной!
Молил, чтоб смерть меня застала при тебе...
О, дочь Сатурнова, услышь мое моленье!
И ты любови мать! когда же Парк сужденья..

Рылеев:

Почто на алтарях им фимиам курил...
Об скромной бедности лишь им скучал мольбами,
Которую б делил всегда с тобою я,
Молил чтоб при тебе застала смерть меня...
О, дщерь Сатурнова! И ты любови мать!
Дерзаю к вам мольбы усердны воссылать...
и т. д.

Кроме перевода, сделанного К. Н. Батюшковым, на Рылеева оказал некоторое, впрочем гораздо меньшее, воздействие перевод М. В. Милонова (сопоставление их см. в книге Маслова, стр. 137).

Зреть (церк.-слав.) — видеть, созерцать, смотреть («Димитрий самозванец»—«Зрю, сверкнул в руке кинжал»).

Крез — лидийский царь, баснословные богатства которого вошли в легенду.

М е г е р а — в греческой мифологии — одна из фурий, ведьм.

О л и м п — гора в Греции, на которой по повериям древних обитали боги.

П а р к и — три богини судьбы в древне-греческой мифологии. Первая пряла нить жизни, вторая определяла ее длину, третья обрезала нить.

С а т у р н — в древне-римской мифологии — бог земли и посевов (ср. «Жестокой»).

Ф и м и а м — благовония, воскурявшиеся древними богам.

Ц е р е р а — богиня плодородия у древних римлян.

14. К К — му (стр. 96)

Архив, тетр. 1, л. 15. При жизни Рылеева не печаталось. В отрывке (от начала до стиха «И родственной любви») опубликовано было П. А. Ефремовым в «Собрании сочинений Рылеева», изд. 1-е, стр. 182—183; изд. 2-е, Спб. 1874, стр. 163. В полном виде опубликовано им же в «Русской старине» 1872, кн. I, стр. 65—66. В обоих случаях подзаголовок расшифрован Ефремовым «К Каховскому». В издании «Библиотеки русских авторов» (Лейпциг 1861, стр. 315—316) напечатано также в сокращении, как и в изданиях П. А. Ефремова, но без расшифровки адресата.

Утверждение П. А. Ефремова вошло во все последующие издания сочинений Рылеева (см., например, изд. ред. Мазаева, Спб. 1893, стр. 82—83) и в исследования о Рылееве и Каховском. В. И. Маслов, не возражая, принял эту расшифровку («Литературная деятельность К. Ф. Рылеева», Киев 1912, стр. 31, и в указателе произведений Рылеева, Приложения, стр. 120), сделав это не без влияния П. Е. Щеголева, категорически заявившего: «... С Рылеевым Каховский был знаком уже давно. Еще в 1820 году между ними происходили разговоры об общественном служении. Сохранились датированные 1820 годом стихи Рылеева, посвященные Каховскому и написан-

ные в ответ на стихи последнего, в которых он советовал ему навсегда остаться на Украине. Рылеев отвечал «Чтоб я младые годы» и т. д.» (П. Е. Щеголев, «Былое» 1906, цит. по последнему изданию статьи его в сб. «Декабристы», М.—Л. 1926, стр. 176). Выставленная видным историком литературы и не менее видным биографом Каховского, гипотеза эта привилась и в популярных работах о поэте-декабристе (см., например, брошюру Г. Карасика «К. Ф. Рылеев — певец борьбы и свободы», Спб. 1906, стр. 21).

Между тем расшифровка П. А. Ефремова не только абсолютно ни на чем не основана, но и противоречит тем данным о знакомстве Рылеева с Каховским, которые у нас имеются. В своем показании от 24 апреля 1826 года Рылеев писал следственному комитету: «Каховский приехал в Петербург с намерением отправиться отсюда в Грецию и совершенно случайно познакомился со мною» («В. Д.», I, стр. 186). Приехал в Петербург Каховский после поездки за границу для лечения в конце 1824 года. Показание Каховского было совершенно категоричным: «В Петербурге, — писал он в первом своем показании, отобранном генерал-адъютантом Левашовым, — я нахожусь с 1824 года, с декабря месяца. По приезде моем сюда сделал я знакомство с Г-м Рылеевым, коего встретил у Ф. Н. Глике» («В. Д.», I, стр. 338; орфография подлинника). П. Е. Щеголев против этого показания возражал: «В первых своих показаниях Каховский отрицался от продолжительного знакомства с Рылеевым, настаивая на том, что он познакомился с ним в последний приезд в Петербург в доме Глинки; но в последнем признании он заявил решительно: «Я не познакомился с Рылеевым у Глинки». Завязанные несколько лет тому назад отношения упрочились на почве политических разговоров и предприятий» (П. Е. Щеголев, «Декабристы», М.—Л. 1926, стр. 176). Почтенный историк сделался, однако, жертвою стилистической небрежности Каховского. Начав писать «Я не укажу», Каховский вычеркнул «укажу», но забыл вычеркнуть отри-

цание «не» и продолжал далее: «познакомился с Рылеевым у Глинки; скоро с ним сошелся довольно коротко» и т. д. (см. разъяснение по поводу этого места редактора I тома «Восстания декабристов», стр. 372, примечание второе). Читать показания Каховского так, как это сделал П. Е. Щеголев, значит обрывать фразу на половине; читать же ее целиком, не учитывая ненужности отрицания («Я не познакомился с Рылеевым у Глинки; скоро с ним сошелся довольно коротко»), значит обессмысливать показание. Таким образом и Каховский, и Рылеев отрицают факт их взаимного знакомства в 1820—1821 году (стихотворение «К К—ому» помещено в тетради ранних стихотворений Рылеева; *см. ниже, стр.* 702). Не верить их показаниям у нас нет в данном случае никаких оснований. Наконец невероятным является предположение, что Каховский, даже будучи знаком с Рылеевым в ту пору, мог советовать своему другу «навсегда остаться в Украине». Совет этот мог исходить не от беспокойного и оппозиционно настроенного офицера Каховского, а от какого-нибудь благодушного острогожского помещика или обывателя. Таким адресатом Рылеева мог быть, например, Косовский или Косовской, очевидно знакомый Тевяшовых, о котором Рылеев писал жене 28 июня 1822 года из Харькова: «Косовского не застал, его теперь нет в городе». Но эта гипотеза не может быть доказана, для этого у нас нет достаточных данных. Во всяком случае, имя Каховского в этом стихотворении должно быть решительно отвергнуто. *(Биографические сведения о Каховском — см. ниже, на стр. 809—811).*

15. *Счастливая перемена* (стр. 98)

Автограф — Архив Рылеева, № 5, л. 1, об.; подпись: —*в*. При жизни поэта напечатано не было. Опубликовано Ефремовым в «Русской старине» 1872, кн. V. По своей тематике, вполне традиционной для молодого Рылеева (образы «младой Лилы», «Лиды», история перехода

от «отчаянья» к «пламенной страсти», описание любовных восторгов и пр.), может быть датировано 1819 — 1820 гг.

16. *Заблуждение* (стр. 99)

Первоначально напечатано в «Невском зрителе», ч. V, 1821, январь, кн. 1, Стихотворения, стр. 37; подпись: *К. Рылеев.*

Стихотворение, сохраняющее на себе, в отличие от ряда других, отпечаток стилизации под античность: «но было все коварств плодом и записных гетер искусством», «богов лишь равными себе в блаженстве мнил».

Гетеры — публичные женщины в древней Греции и Риме.

Ланиты — щеки.

Перси — архаическое название женской груди в классической поэзии.

17. *Жестокой* (стр. 99)

Впервые напечатано в «Невском зрителе», ч. V, 1821, кн. 1, февраль, Стихотворения, стр. 147—148; подпись: *К. Рылеев.*

Аквилон — холодный северо-восточный ветер.

Крон — древне-греческий бог, отец Зевса.

Сатурн — древне-греческий бог посевов.

18. *Переводчику Андромахи* (стр. 100)

Первоначально напечатано в журнале «Невский зритель», ч. V, 1821, кн. 3, март, стр. 259, без подписи. В архиве Рылеева сохранился автограф этого стихотворения, написанного на обложке книги из библиотеки К. Ф. Рылеева: «Андромаха, трагедия в пяти действиях, в стихах, сочинение Расина, перевод графа Д. Хвостова, изд. 5-е, Спб. 1821».

Граф Дмитрий Иванович Хвостов (1757—1835), к которому адресовано рылеевское послание, — бездарный, но чрезвычайно плодовитый стихотворец той поры, автор множества од, басен, посланий и переводов. Несмотря

на то что произведения Хвостова жестоко осмеивались критикой и игнорировались читателями, он четыре раза успел издать собрание своих сочинений; первоначально в 1817 году в четырех томах, вторично выпущены в 1821—1824 годах. «На его книгах всегда стояла фамилия какого-нибудь издателя-книгопродавца (чаще всего И. В. Слёнина), но ни для кого не было секретом, что Хвостов печатает свои сочинения на собственный счет. Мало того, в заботах о распространении своих книг, остававшихся лежать мертвым грузом в книжных лавках, Хвостов принимал и в этом направлении «чрезвычайные» меры: через подставных лиц сам покупал свои книги и, если верить молве, предавал их сожжению, чтобы немедленно приступить к следующему изданию, на том бесспорном основании, что на рынке его сочинений не встречается; Пушкин справедливо заметил, что в Европе «стихами живут, а у нас граф Хвостов прожился на них» (современники утверждали, что Хвостов действительно расстроил свое немалое состояние бесконечными издательскими операциями). Хвостов распространял свою брошюры и книги очень усердно, рассылая их по учреждениям, учебным заведениям и даже казармам, заказывал их переводы на иностранные языки, дарил буквально первому встречному полный комплект своих изданий, дарил их даже станционным смотрителям по пути в свое имение» (Н. Орлов, очерк «Граф Хвостов» в сб. «Эпиграмма и сатира. Из истории литературной борьбы XIX века», т. I, 1800—1840, стр. 156—157; сатирические стихи по адресу Хвостова собраны на стр. 163—174). Входивший в архаическое общество «Беседа», объединявшее сторонников деградирующего классицизма, Хвостов был предметом многочисленных насмешек боровшегося с «Беседой» общества «Арзамас». Сатира Рылеева может быть поставлена в связь с рядом других произведений этих литературных противников Хвостова — см. «Несчастье Андромахи» А. Измайлова, анонимную эпиграмму на перевод Андромахи («Не все породисты собаки, Не всяк в отца боярский сын, И переводчик «Андромахи» Еще

далеко не Расин») и особенно язвительную эпиграмму князя П. А. Вяземского:

Как Андромахи перевод
Известен стал у Стикских вод.
Так наших дней Прадон прославился и в аде;
Зачем писать ему? — сказал Расин в досаде:
Пускай бы он меня в покое оставлял,
Творения с женой другие б издавал.
Жена же, та всегда, когда он к ней подходит,
Жалеет каждый раз, что он не переводит.

Сам Хвостов отнесся к сатире Рылеева крайне незлобиво, не поняв его иронии. Стихотворение Рылеева было перепечатано в «Сыне отечества», где после первых четырех строк был прибавлен еще один куплет:

Не верь зоилам сим: они шипят из праха,
Ни дарование, ни вкус им не даны,
Коль Гермиона, Пирр, Орест твой, Андромаха
Им кажутся смешны.

Хвостов на это заметил: «Прекрасно, но ополчение зоилов и даже невнимание современников не есть гонение. *Гонимы* были Тасс, Галилей и др. *Г. Рылеев* напечатал сии стихи с переменами (см. «Сын отечества» того времени), что лица мои смешны. Я примечание о сем поместил в примечаниях к одному из моих посланий. Рылеев был тогда еще не на воздухе и сказал, прочтя мое замечание: «Я пошутил, а ваше замечание пойдет в потомство». В ответ ему отвечать надобно было:

Потомства не страшись — его ты не увидишь!»

(Цитируем по статье П. О. Морозова: «Граф Дмитрий Иванович Хвостов», 1757—1835, «Очерки по истории русской литературы первой четверти XIX в.», «Русская старина» 1892, т. 75, стр. 412). Примечание, о котором говорит граф Хвостов, находится в первом томе его сочинений, изд. 1821 года, стр. LIII: «Нескромные хвалители найдут везде место к приветствию; иные даже превозносили автора за то, что лица в «Андромахе» его перевода иным *казалися*

смешны и что многие его не читают». П. Морозов отмечал, что на издевку Рылеева над Хвостовым указывает «и самое помещение стихов Рылеева в журнале Греча и Воейкова, наиболее потешавшихся над графом Хвостовым и нередко сочинявших ему иронические панегирики. Стихи Рылеева просто пародируют отзывы самого Хвостова о своих произведениях» (там же, стр. 413). Сам Хвостов относился к Рылееву положительно и считал, например, что стихотворения Пушкина «К морю» и «Наполеон на Эльбе» написаны во вкусе рылеевских «Дум».

«Твой славный перевод Расина, Буало». — Хвостову принадлежит перевод «Поэтического искусства» Буало («Перевод науки стихотворства Буало», изд. 1-е, 1804).

Зоил — несправедливый и придирчивый критик.

19. М. Г. Бедраге (стр. 101)

Написано до 1820, опубликовано в 1872 в издании Ефремова, стр. 381. Автограф см. в архиве Рылеева, I, л. 7.

Михаил Григорьевич Бедрага (1779—1833) — полковник лейб-гвардии конно-егерского полка, ветеран «Отечественной войны» 1812 года, в доме которого, в Белогорье Воронежской губернии, Рылеев «пользовался ласками и пріятными беседами» (см. выше статью «Еще о храбром М. Г. Бедраге»). Ему посвящена «Пустыня» Рылеева (1821). См. о Бедраге — «Русский архив» 1877, кн. II, стр. 437. Ср. также ниже, на стр. 695 и 769.

20. На рождение Якова Николаевича Бедраги (стр. 101)

Стихотворение датировано 13 июля 1821. Впервые опубликовано в «Русской старине» 1871, № 7, стр. 80. (сообщено М. А. Веневитиновым).

Я. Н. Бедрага — сын Н. Г. Бедраги (1776—1856), острогожского знакомого Рылеева (см. предыдущее примечание).

21. *Надгробная надпись* (стр. 102)

Первоначально напечатано в «Соревнователе просвещения», ч. XVI, 1821, кн. XII, Стихотворения, стр. 86; подпись: *К. Рылеев.*

Биографическим поводом для написания этого стихотворения послужила смерть знакомой Рылеева «Пр. Тих. Чир—иной». Ср. в стихотворении Рылеева «М. Г. Бедраге»: «На смерть Полины молодой, твое желанье исполняя, в смущеньи трепетной рукой, я написал стихи, вздыхая». Стихотворение Рылеева выдержано в характерном для легкой поэзии той поры элегическом духе и представляет собою образец распространенного тогда жанра надгробных стихотворений (ср., например, у Батюшкова «Надпись для гробницы дочери г-жи Малышевой»).

Гименей — бог брака.

Эрот — бог любви у римлян.

22. *Пустыня* (стр. 102)

Впервые напечатана, кончая стихом: «Увы, надену я», в «Соревнователе просвещения» 1821, ч. XVI, кн. XII, стр. 337—347. Целиком — в Полном собрании сочинений К. Ф. Рылеева, Лейпциг 1861, стр. 305 — 315.

«Пустыня» Рылеева принадлежит к числу тех легкоклассических посланий, которые были чрезвычайно популярны в 1810-х годах в среде аристократического дворянства. К этому жанру принадлежат и «Мои Пенаты» Батюшкова (1811), и «Городок» А. Пушкина (1814), «Послание к Дашкову» В. Л. Пушкина (1813) и множество других произведений. «Одинокая жизнь в убогой хижине (хате), ветхий стол, за которым трудится поэт, простое ложе, сочинения любимых авторов взамен живого общества — все эти подробности жизни анахорета часто встречались в посланиях иных писателей» (В. И. Маслов, «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева», К. 1912; сопоставление «Пустыни» с названными выше произведениями см. на стр. 128—129).

Принадлежность к одной и той же поэтической традиции выливается у Рылеева в форме сильнейшей зависимости от Батюшкова и Пушкина. Автор «Пустыни» воспроизводит целый ряд образов, тем, вплоть до текстуального совпадения выражений. В «Городке»: «И в тишине святой Философом ленивым *От шума вдалеке Живу я в городке*, Безвестностью счастливом». В «Пустыне»: «*И жизнь веду в пустыне.* В душе моей младой Нет боле жажды славы И шумные забавы Сменил я на покой». Описание любимых пустынниками поэтов порою совершенно идентично. В «Моих Пенатах» Батюшкова:

Что вижу? Ты пред ними,
Парнасский исполин...

(О Ломоносове)

Певец героев, славы
В след вихрям и громам,
Наш лебедь величавый,
Плывешь по небесам!
В толпе и муз, и граций
То с лирой, то с трубой
Наш Пиндар, наш Гораций
Сливает голос свой...

(О Державине)

В «Городке»:

Здесь Озеров с Расином,
Руссо и Карамзин
С Мольером-исполином,
Фонвизин и Княжнин...
На полке за Вольтером
Виргилий, Тасс с Гомером...
Питомцы южных граций,
С Державиным потом
Чувствительный Гораций...

В «Пустыне»:

Как диво-исполин
Парящий Ломоносов,
Иль Озеров, Княжнин,
Иль Тацит — Карамзин!..
Со стариком Гомером...
С проказником Вольтером...

Любимец муз и граций,
Поэтов образец,
Иль важный наш Гораций...

Однако, на ряду с этими пунктами сходства в «Пустыне» Рылеева несомненны попытки преодолеть традиции элегического послания. Особенно ярко сказываются они в отсутствии фривольных описаний любовных восторгов и в гражданских выпадах против «надутого вельможи». (Подробнее об этом см. в третьей главе вступительной статьи).

Приводим разночтения некоторых стихов по рукописи стихотворения (бывший архив Рылеева в Академии Наук, теперь — в Институте новой литературы в Ленинграде).

[1] Изволь... младой пиит,
Простясь с коварным светом
И став анахоретом,
Дух юный веселит
Цевницей семиствольной
И с Музой своевольной
К друзьям в мечтах летит
Он из Украины дольной;
Где дни свои ведет,
Судьбу благословляя,
Он с ложа здесь встает... и т. д.

[2] От сочных явств куриться,
И апетит певца
Мгновенно возбудиться —
Он ест и пот с лица,
Как крупный град, катиться...
Потом на одр простой... и т. д.

[3] Приятелей певцов,
Которых в Петрополе,
На берегах Невы
Оставил он (увы!)
В моей счастливой доле... и т. д.

Батюшков Константин Николаевич (1787—1855) — один из виднейших поэтов 1810—1820-х годов. Род. в дворянской семье. Принимал участие в войне против Наполеона. Пользовался огромной популярностью как ис-

ключительный мастер легкой эпикуреистической поэзии, воспевающей жизненные наслаждения («Мои пенаты», «Вакханка»). Позднее в творчестве Батюшкова все сильнее начинают звучать мотивы пессимизма, навеянные на него как общеклассовыми процессами дворянского распада, так и личными обстоятельствами (потеря друга, неудачная любовь, болезнь, приведшая Батюшкова к безумию). На Рылеева особенно сильно влияла жизнерадостная, гедонистическая сторона творчества Батюшкова. Под знаком Батюшкова стоят уже ранние произведения Рылеева как на литературно-сатирические («Путешествие на Парнас», написанное под воздействием «Видения на брегах Леты»), так, в особенности, и на любовные темы. В «Пустыне» (1821) среди других любимых авторов поэта фигурирует и Батюшков: «резвун, мечтатель легкокрылый». Стихотворение Рылеева «К Делии» («Почто, о Делия, с коленопреклоненьем»), представляющее собою подражание одной из элегий Тибулла, испытало на себе сильное влияние соответствующего батюшковского подражания (*см. стр. 538*). Стихотворение Батюшкова «К Карамзину» помещено Рылеевым и Бестужевым в альманах «Полярная звезда» на 1824 год. Влияние Батюшкова на Рылеева не было продолжительным — оно сошло на-нет по мере роста в Рылееве гражданских мотивов, глубоко несвойственных поэзии «русского Тибулла». «Думы» и «Поэмы» Рылеева находятся вне каких-либо соприкосновений с батюшковской традицией (обмен Рылеева мнениями о Батюшкове с Пушкиным в январе 1825 года см. на стр. 798).

Богданович Ипполит Федорович (1743—1803) — писатель, автор классической поэмы «Душенька», выдержанной в волшебно-авантюрном духе и представлявшей собою русское переложение мифа об Амуре и Психее.

Вакх — в древне-греческой мифологии — бог плодородия, веселья и вина.

Вежды (церк.-слав.) — очи, глаза (ср. в думах. «Борис Годунов»: сон «осенил страдальца вежды»; «Димитрий

самозванец»: «Лег на пышный одр, и вежды оковал тревожный сон»).

В о е й к о в - Б у а л о — *см. стр. 789.*

В о л ь т е р (псевдоним Франсуа Мари Аруэ; 1694—1778) — знаменитый французский писатель XVIII века. Рылеев называет его «проказником», имея в виду его фривольную антицерковную поэму «Орлеанская девственница» («Pucelle») (ср. песню «Ах, где те острова»).

Г о м е р — легендарный древне-греческий поэт, которому приписывались «Илиада» и «Одиссея». Авторство Гомера наукой оспаривается.

Г о р а ц и й Квинт (65—8 до нашей эры) — знаменитый римский поэт, автор множества эпикурейских од.

Д м и т р и е в Иван Иванович (1760—1837) — популярный писатель-сентименталист, автор сатиры на одописцев «Чужой толк», многочисленных басен и песен («Пустыня»).

Д у ш е н ь к и т в о р е ц — Богданович *(см.)*.

Ж у к о в с к и й — *см. стр. 793.*

К а б а р д и н е ц, л е з г и н и др..— племена, упорное сопротивление которых русским войскам приходилось преодолевать при завоевании Кавказа.

К о с т р о в Ермил Иванович (1750—1796) — поэт и переводчик «Илиады» и поэм Оссиана (Макферсона).

К н я ж н и н Яков Борисович (1742—1791) — драматург Екатерининской поры, автор трагедии «Вадим Новогородский», сожженной по приказу Екатерины II. (Подробнее см. в примечании к думе Рылеева «Вадим», *стр. 729*).

К р ы л о в Иван Андреевич (1769—1844) — знаменитый буржуазный сатирик, автор басен, пользовавшийся в начале прошлого века огромной популярностью. Рылеевым написана на его болезнь специальная эпиграмма *(см. стр. 240)*.

Л е т а — в античной мифологии — река забвения.

Л о м о н о с о в Михаил Васильевич (1711—1765) — знаменитый русский ученый и поэт, виднейший теоретик русского классицизма, течения, отражавшего идеологию

высшей аристократической прослойки русского дворянства. Ломоносову принадлежит теория «трех штилей», им произведено отделение русского литературного языка от церковно-славянского. Специально на Рылеева Ломоносов не влиял, но Рылеев бесспорно опирался на всю ту традицию классической оды, в формировании которой Ломоносов сыграл такую видную роль.

Милонов Михаил Васильевич (1792—1821) — поэт-сентименталист. Оказал влияние на Рылеева своим переводом сатиры Персия «К Рубеллию» *(подробнее — см. стр. 524)*.

Мом — в древне-греческой мифологии — бог насмешки и порицания.

Морея — южная часть Греции, в 1821 году бывшая центром революционного национально-демократического движения, направленного против турецкого владычества.

Морфей — в древне-греческой мифологии — бог сна.

Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович (1752—1828) — дворянский поэт, автор многих стилизаций под народные песни.

Одр — жесткое ложе, постель.

Озеров Владислав Александрович (1769—1816) — драматург начала века, автор трагедий «Эдип в Афинах», «Фингал», «Дмитрий Донской» и других, написанных в сентиментально-классической манере.

Оттоман — турок.

Панаев Владимир Иванович (1792—1859) — автор многочисленных идиллий в сентиментальном духе.

Парнас — гора в Греции; по поверьям древних греков — обиталище муз (см. у Рылеева стихотворение «Путешествие на Парнас») *(стр. 330)*.

Пенаты — у древних римлян так назывались боги домашнего очага.

Петрополь — бытовавшее в русской поэзии начала века название Петербурга.

Пиит — уничижительное (с начала XIX века) название поэта.

Порта Оттоманская — принятое в дипломатических кругах название дореволюционной Турции.

Прелестница — жрица любви, куртизанка, проститутка (ср. «Лаиса»).

Ретирада — от французского retirer — отступление, отставка.

Руссо Жан Жак (1712—1778) — знаменитый французский писатель, автор «Новой Элоизы», один из основателей буржуазного французского сентиментализма.

Сечь Запорожская — казацкая община, основанная в XVI веке на Днепровских островах. Казаки делились на курени, избирали кошевого атамана. В Сечи введено было безбрачие (романтическое описание быта Сечи см. в «Тарасе Бульбе» Гоголя). Запорожские казаки примкнули к восстаниям Наливайки и Богдана Хмельницкого. Сечь уничтожена была регулярными русскими войсками под начальством Потемкина в 1775 году.

Сумароков Александр Петрович (1718—1777) — драматург и поэт, один из виднейших теоретиков аристократического классицизма XVIII века.

Тацит (60—115 нашей эры) — знаменитый римский историк.

Филомела — в древне-греческой мифологии так называлась царевна, превращенная богами в соловья. Отсюда поэтическое названье соловья.

Фимиам — дым от воскурений богам благовонного вещества. В переносном смысле — лесть.

23. Послание к Н. И. Гнедичу (стр. 111)

Впервые напечатано в «Сыне отечества», ч. 74, 1821, № 50, от 10 декабря, отд. III, Стихотворения, стр. 175—178, за подписью: *К. Рылеев*. Выдержано в форме широко популярного в начале XIX века послания на литературную тему. Сравним, например, послания П. А. Вяземского к М. Т. Каченовскому (1821), В. А. Жуковскому, И. И. Дмитриеву и др. (Сочинения, III, стр. 276, 294 и др.), в

которых фигурируют сходные образы (например, Заикиной — завистливой старухи) и которые, как и рылеевское послание, представляют собою подражание сатирам Депрео (у Вяземского — третьей, у Рылеева седьмой «Epître à Racine», 1677), довольно, впрочем, свободное, — из сатиры Буало-Депрео Рылеев заимствует только образ Корнеля и общую форму ретроспективного обозрения судьбы воспеваемого литературного деятеля.

Гнедич Николай Иванович (1784—1833) — поэт. Род. в Полтаве в старинной дворянской семье. В детстве ослеп на один глаз от оспы. Учился в Московском университете, служил в Департаменте Министерства народного просвещения, в 1811 — перешел на службу в Публичную библиотеку. Гнедич много работал над переводом «Илиады» Гомера, — труд всей его жизни. В 1809 году появилась в свет 7-я песнь, в 1812 — 8-я песнь; весь перевод был закончен им в 1829 году. В 1817 году Гнедич написал лирическую поэму «Рождение Гомера». Лирика Гнедича характеризует его как усадебника-сентименталиста.

Рылеев познакомился с Гнедичем около 1820 года. Они часто встречались на литературных собраниях у Н. И. Греча. Рылеев дважды свидетельствует ему через посредство Булгарина свое почтение, беря Гнедича в судьи «нескольких своих безделок» *(см. выше, стр. 458).*

Гнедич фигурировал среди любимых авторов Рылеева в «Пустыне»: «Иль Гнедич и Костров со стариком Гомером». Он участвовал в «Полярной звезде» на 1823 год (напечатав в ней несколько мелких стихотворений) и на 1825 год (отрывок из двенадцатой песни «Илиады»). Кроме специального послания 1821 года, Рылеев посвятил Гнедичу в отдельном издании думу «Державин».

Агамемнон — один из героев древне-греческой поэмы «Илиада», главный из греческих царей, осаждавших Трою.

Азбукин — традиционная кличка хулящего и невежественного читателя.

Аполлон — в греческой мифологии — сын Зевса, бог солнца и света, покровитель искусств. Культ его очень

рано был заимствован римлянами, называвшими его Фебом.

Ахеяне (в «Илиаде») — греческие племена, осаждающие малоазиатский город Трою.

Вралев — в поэзии 20-х годов презрительная кличка невежественного сочинителя.

Гектор — герой «Илиады», сын троянского царя Приама. Убит в поединке одним из эллинских вождей, Ахиллесом.

Гомер — *см. стр. 550.*

Дамон, Клит — ходовые клички невежественных и пристрастных читателей и критиков той поры.

Деспот Кардинал — Ришелье.

Жуковский — *см. стр. 793.*

Зоил — завистливый и язвительный критик.

Илион — название Трои (*см.* ниже — «Трояне»).

Корнель Пьер (1606—1684) — знаменитый французский драматург, автор классических трагедий «Цинна», «Сид» и др.

Ливия — древнее название Африки. Рылеев имеет в виду Ливийскую пустыню, на севере Африки, к западу от Египта.

Мельпомена — в древне-греческой мифологии — муза трагедии.

Мзда (слав.) — плата, награда.

Пелид — сын Пелея, Ахиллес, греческий вождь, сражавшийся с троянцами.

Пергам — так назывался кремль в осажденной Трое. «Смерть пергамского героя» — Гектора, убитого в поединке греческим вождем Ахиллом.

Простакова — невежественная и жестокая помещица. Главное действующее лицо комедии Фонвизина «Недоросль» (1782).

Сид — главный герой одноименной трагедии Пьера Корнеля.

Творца Дмитрия, Фингала, Поликсены — А. П. Сумарокова (1718—1777), знаменитого

драматурга XVIII века, одного из вождей русского аристократического классицизма.

Трояне — обитатели малоазиатского города Трои (Илиона), находившегося недалеко от теперешних Дарданелл, завоеванного греческими войсками после продолжительной осады, воспетой в поэме «Илиада».

Феб — римское название Аполлона, греческого бога, покровителя искусств.

Фонвизин Денис Иванович (1745—1792) — знаменитый русский драматург конца XVIII века, автор комедий «Бригадир» (1766) и «Недоросль» (1782), осмеивавших дворянское невежество и подражательность.

Цинна Корнелий — римский патриций I века до нашей эры, боровшийся с временщиком Суллой. Корнель посвятил ему специальную трагедию.

Эдем (в Библии) — земной рай.

24. Нечаянное счастье (стр. 115)

При жизни Рылеева не публиковалось. Напечатано в 1872 году П. А. Ефремовым по рукописи, принадлежавшей Чертковской библиотеке. По своему стилю примыкает к эротическим стихотворениям 1820—1821 годов — «К Делии», «Счастливая перемена», «Поверь, я знаю уж, Дорида» и др. Подзаголовок «подражание древним» имеет в виду Анакреона, Тибулла и других представителей античного эпикуреизма, влияние которых преломлено через стилистическую манеру легкоклассической поэзии Батюшкова и Пушкина.

Власы (церк.-слав.) — волосы.

Перси — женские груди.

Столпы — колонны.

25. Поверь, я знаю уж, Дорида (стр. 115)

Черновой автограф — в архиве Рылеева, шифр 29. 5. 18, л. 2. Беловой — на одном листе с отрывком из «Провинциала в Петербурге», озаглавленным «Женская игрушка» (Ефр. [2], стр. 334). При жизни напечатано не было. Условно

датируется 1820—1821 годом по тематике и другим стихотворениям. Опубликовано П. А. Ефремовым: «Библиографические записки» 1861, № 19, стр. 585. Вольное подражание стихотворению Парни.

Стихотворение Рылеева по своей теме и сюжету сходно с «Платонизмом» Пушкина (1819): «Я знаю, Лиденька, мой друг, Кому в задумчивости сладкой Ты посвящаешь свой досуг». В черновой рукописи Рылеева первоначально вместо «Дориды» также фигурировала Лиденька: «Поверь, о Лиденька, я знаю». Общий источник, которому подражали оба поэта, — «Coup d'oeil sur Cythère», — содержит отдельные стихи, которые были, очевидно, заимствованы Пушкиным. Но эта пьеса Парни все-таки не объясняет нам всей близости стихотворений Пушкина и Рылеева (Сочинения Пушкина, изд. Академии Наук, т. II, ред. В. Е. Якушкина, Спб. 1905, стр. 68 и 172); общность мотивов, образов и выражений могла быть, помимо возможного влияния Пушкина, обусловлена той единой традицией легкой классической лирики, в русле которой творили в эту пору оба поэта.

Парни (1753—1814) — французский поэт XVIII века, оказавший влияние на русскую поэзию как своими эротическими элегиями в мифологическом духе, так и антирелигиозными сатирами, в которых он был продолжателем Вольтера («Война богов»). Парни сильно повлиял на «Гаврилиаду» Пушкина. Влияние его пришлось очень кстати общему эпикурейскому содержанию дворянской поэзии 1810-х годов. Популярность Парни была в ту пору огромной — его произведения переводили И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский, В. И. Туманский, В. Л. Пушкин, М. В. Милонов и многие другие; из поэтов-декабристов — А. А. Бестужев (Библиографию этих переводов см. у Маслова, стр. 131—132); самые переводы частично собраны в сб. «Французские лирики XVIII века», под редакцией В. Я. Брюсова, стр. 75—130. Подражания Парни писались в ту пору во множестве А. Пушкиным (мифологические картины «Фавн и пастушка»), Н. А. Маркевичем,

Батюшковым (за общую родственность его поэзии творчеству Парни он был прозван «наш Парни Российский»), Баратынским и др. Рылеев подражал Парни только в первый период своего творчества. К 1824 году относится письмо А. А. Бестужева в Париж к Я. Н. Толстому, в котором он писал: «Много одолжите, если пришлете издание Парни; это желаніе Рылеева, который здесь не мог достать его ни за какие деньги» («Русская старина» 1889, т. 64, стр. 377).

26. Эпиграмма на Франца, императора австрийского (стр. 116)

Опубликовано П. А. Ефремовым в «Русской старине» 1871, т. III, кн. I, стр. 101.

Франц I в старости стал кретином и занимался битьем мух особо изобретенными хлопушками. Этот факт и лег в основу рылеевского каламбура.

27. А. А. Бестужеву (Ты разленился уж некстати) (стр. 117)

Опубликовано М. А. Бестужевым, с примечаниями М. Семевского, в «Русской старине» 1870, кн. VII, стр. 88—90. Датировано в рукописи 26 апреля 1822 года.

Бестужев Александр Александрович (1797 — 1837) — декабрист. Учился в Горном корпусе. В 1816 году поступил юнкером в лейб-гвардии Драгунский полк. В 1817 — прапорщик, в 1820 — поручик, в 1822 — адъютант главнокомандующего путями сообщения генерал-лейтенанта Бетанкура, в 1823 — адъютант герцога Александра Виртембергского. В январе 1825 произведен в чин штабс-капитана. До декабрьского восстания им был напечатан ряд повестей и очерков, в том числе: «Роман и Ольга», древняя повесть 1396—1398 годов «Гедеон», «Листок из дневника гвардейского офицера» («Полярная звезда» на 1823 год), «Замок Нейгаузен», «Роман в семи письмах» («Полярная звезда» на 1824 год), «Ревельский турнир»,

«Изменник» («Полярная звезда» на 1825 год), «Поездка в Ревель» (1821) и др. Знакомство А. Бестужева с Рылеевым относится к началу 1822 года. «...В 22-м году, когда был назначен я Адъютантом к Генералу Бетанкуру, свел знакомство с г. Рылеевым, и как мы иногда возвращались вместе из общества Соревнователей Просвещ. и Благо[творения] то и мечтали вместе, и он пылким своим воображением увлекал меня еще более» («В. Д.», I, стр. 433). Между ними быстро образовалась творческая близость. Летом 1822 года в ответе к А. Бестужеву Пушкин благодарит Рылеева за приписку к письму своего друга (до нас не дошедшую). Вместе они в течение трех лет издавали альманах «Полярная звезда», пользовавшийся чрезвычайной популярностью. Постоянные дружеские отзывы об А. Бестужеве находим в письмах Рылеева к жене; те же упоминания встретим в письмах Бестужева к родным (см., например, в сб. «Памяти декабристов», Л. 1926, т. I). К Александру Бестужеву Рылеевым адресовано два послания («Беглец Парнаса молодой», 1822, и «Хоть Пушкин суд мне строгий произнес», 1825), ему посвящены «Стансы» («Не сбылись, мой друг, пророчества», 1824), и самое крупное произведение Рылеева — поэма «Войнаровский» со специальным посвящением. Наконец в сотрудничестве с Бестужевым Рылеевым были написаны обе его песни: «Ах, где те острова» и «Ах, тошно мне». Сильным воздействием критических идей Бестужева отмечена критическая статья Рылеева «Несколько мыслей о поэзии», равно как и его полемика с Пушкиным о пользе «ободрения» для писателей. Несмотря на довольно раннее знакомство, Рылеев принял Бестужева в Северное общество только в 1824 году: «Так грезы эти оставались грезами до 1824 года, в который он (Рылеев. — *А. Ц.*) сказал мне, что есть тайное общество, в которое он уже принят и принимает меня» («В. Д.», I, стр. 433). В 1825 году Бестужев сделан был директором Северной думы. Политические взгляды Бестужева отличались умеренным конституционализмом. Психология блестящего гвардейского офицера положила явственный отпечаток

на его позицию в Обществе: «Рылеев и Оболенский не раз ссорились со мной, что я шутил и делал каламбуры, как они говорили, из важных вещей. Они называли меня фанфороном и не раз говорили, что за флигельадъютантской эксельбант я готов отдать был все конституции» («В. Д.», I, стр. 435). Бестужев принимал довольно деятельное участие в подготовке восстания. 14 декабря «пришел вместе с Московским полком на площадь, где построив каре отвращали все зделанные нам начальством предложения, я же удерживал людей от стрельбы, и находился с оными доколе картечию опые были разогнаны. Тогда сам я побежал чрез Галерную, взошел в сквозной двор, вышел на Неву, перешел через лед, и скитался часов до 12 вечера, потом ходил еще целую ночь и целое утро по церквам, наконец решился пасть к стопам всемилостивейшего господа и просить помилования» («В. Д.», I, стр. 428). Явившийся с повинной в Зимний дворец был по повелению Николая I посажен в Алексеевский равелин, «под строжайший арест». «Изъявляет совершенно раскаяние и в ответах весьма чистосердечен». По приговору Верховного уголовного суда был осужден к лишению чинов и дворянства и к ссылке в каторжные работы сначала на 20, а затем (после «смягчения» Николаем) на 15 лет. С августа 1826 года содержался в форте «Слава» в Финляндии, в 1827 по особому повелению обращен был на поселение в Якутск. Здесь встретился с немецким ученым Эрманом, которому много рассказывал о декабристах. Следствием этого была немецкая поэма Шамиссо «Die Verbannten» («Изгнанники»). В 1829 подал начальнику Главного штаба Дибичу просьбу направить его на Кавказ: «Высокой душе, воспитанной в битвах, понятны страдания военного, осужденного быть в праздности, когда слава русского оружия гремит над колыбелью древнего мира и над гробом Магометовым. Но, испрашивая сию милость, ищу только случая пролить кровь за славу государя и с честью кончить жизнь, им дарованную, чтобы на прахе моем не тяготело имя преступника». В сентябре 1829 года был опре-

делен рядовым на Кавказ в 41-й Егерский полк. В жизни Бестужева начался последний, самый мучительный и изобилующий приключениями период. Постоянные экспедиции, стычки с горцами, бешеная отвага Бестужева не избавляют его от притеснений и издевательств начальства. Лишь в 1833 году он производится в унтер-офицеры, в 1835 — в прапорщики. 7 июня 1837 года был убит при занятии русскими мыса Адлер. Бестужев-Марлинский пользовался как беллетрист огромной популярностью у читателей и критики 30-х годов, будучи одним из самых видных представителей дворянского романтизма, мастером прозы, непосредственным предшественником Лермонтова.

Аониды — музы.

Ливан — плоскогорие в Малой Азии.

Фемида — древне-греческая богиня правосудия. (Рылеев служил в пору написания этого послания в Петербургской судебной палате).

28. А. П. Ермолову (стр. 118)

Напечатано П. А. Ефремовым в «Русской старине» 1877, кн. II, стр. 359—362. Автограф неизвестен.

В основе этого стихотворения лежат два политических события 1821—1822 годов: греческое восстание и вызов генерала А. П. Ермолова в Петербург для командования русской армией, которая должна была подавлять восстание в Пьемонте. Оба эти факта сохраняют чрезвычайное значение как для Рылеева, так и для декабризма. Остановимся на них последовательно.

Греческое восстание — подготовлялось с 1814 года на юге России обществом греческих заговорщиков. Так, в Одессе был образован «союз друзей», руководимый Скуфасом и Ксантосом, в 1816 перенесенный в Москву. В 1820 руководителем союза сделался Александр Ипсиланти, который в феврале 1821 поднял в дунайских княжествах восстание против турок. В марте образовано было временное правительство. Борьба за греческую независимость быстро перекинулась в Морею (южный полу-

бстров Греции). Александр I, заинтересованный в ослаблении Турции, занял, однако, в завязавшейся борьбе позицию нейтралитета — восстание было революцией против «законного» монарха, и основатель «Священного Союза» не мог его одобрить. Генерал Ипсиланти был демонстративно исключен из русской службы. Война закончилась победою греков лишь в 1830 году, когда было провозглашено независимое греческое королевство.

Всегда сочувствовавшие национально-освободительным движениям, декабристы исключительно горячо приветствовали и греческое восстание 1821 года. Современное состояние изнемогающей под «тиранией» турок страны, кричаще дисгармонировало с былым могуществом и блеском Эллинских республик. «Прекрасная Греция! — восклицал Байрон во II-й песне «Чайльд Гарольда». — Печальный остаток драгоценного прошлого, бессмертная, хотя уже несуществующая, великая, хотя и павшая! Кто объединит твоих рассеянных детей и уничтожит издавна привычное рабство. Не таковы были те твои сыны, которые некогда стояли без надежды, добровольно осужденные воителями, в мрачном гробовом ущельи Фермопил. О, кто возродит этот доблестный дух и воззовет тебя из могилы?..» Тот же контраст волновал и сознание Пестеля: «Я воспоминал блаженные времена Греции, когда она состояла из Республик, и жалостное ее положение потом» («В. Д.», IV, стр. 91). Эти воспоминания вождя Южного общества легли в основу его внешне-политической программы. «Вы сказали... — спрашивал Пестеля Следственный комитет, — что можно будет обратить общее внимание на какую-нибудь внешнюю меру, как то: объявить войну туркам и восстановить восточную республику в пользу греков и таким образом на поприще политическом явимся с самыми благонадежнейшими видами для прочих народов Европы» («В. Д.», IV, стр. 144). В ответ на поставленный ему вопрос, Пестель признал, что «сие предположение справедливо» (там же, стр. 160). Стремление к построению Федеративного союза славянских

поколений, подобного «греческому, но гораздо его совершеннее», было популярным в декабристском обществе Соединенных Славян (показание подпоручика Борисова 2-го; там же, V, стр. 53). Ряд декабристов хотел лично принять участие в борьбе за свободу греческого народа; таков И. Д. Якушкин, оставивший это намерение и, повидимому, отвлеченный делом помощи голодающим крестьянам Смоленской губернии (В. И. Семевский, «Политические и общественные идеи декабристов», Спб. 1909, стр. 254). Мечтал итти сражаться за Грецию, правда, больше затем, чтобы приобрести известность, и Д. И. Завалишин («В. Д.», III, стр. 365). «Каховский, — показывал Рылеев, — приехал в Петербург с намерением отправиться отсюда в Грецию...» (там же, I, стр. 186). Волна сочувствия греческим инсургентам захлестнула собою и Пушкина, находившегося в начале восстания на юге. «Греция восстала и провозгласила свою свободу, — читаем мы в черновой его письма к А. Н. Раевскому в марте 1821 года из Кишинева. — Восторг умов дошел до высочайшей степени; все мысли устремлены к одному предмету — на независимость древнего отечества. В Одессах я уже не застал любопытного зрелища: в лавках, на улицах, в трактирах везде собирались толпы Греков; все продавали за ничто свое имущество, покупали сабли, ружья, пистолеты, все говорили о Леониде и Фемистокле, все шли в войско счастливца Ипсиланти» («Переписка Пушкина», под ред. В. И. Саитова, т. I, Спб. 1906, стр. 224—225). После этих отзывов понятно, почему в августе 1821 года в Москве распространяется слух о бегстве Пушкина к грекам. К 1823 году относится его пламенное обращение к «стране героев и богов»: «Восстань, о Греция, восстань! недаром напрягаешь силы, недаром потрясает брань Олимп и Пинд и Фермопилы... Страна героев и богов, расторгни рабские вериги при пеньи пламенных стихов Тиртея, Байрона и Риги!..» Не менее восторженно приветствовали восстание и поэты-декабристы. В послании друзьям, написанном В. Ф. Раевским в тюремном заключе-

ний, читаем: «...там для вас, друзья, горит денница на Востоке и отразилася заря в шумящем кровию потоке. Под сень священную знамен на поле славы боевое зовет вас долг, добро святое; спешите, там валкальный звон поколебал подземны своды, пробудит он народный сон и гидру дремлющей свободы».

Но наиболее широко декабристское сочувствие греческому восстанию отразилось в творчестве Рылеева. Уже в «Пустыне» один из друзей поэта, отставной майор, печалится о том, что он дряхл и не может принять участия в борьбе с турками. «Война, война кипит! В Морее пышет пламя! Подняв свободы знамя, грек оттоману мстит! А я, а я не в силах лететь туда стрелой, куда стремлюсь душой!..» Рылеев призывает Ермолова итти на помощь грекам во главе русских войск («А. П. Ермолову»), называет восстание «священной войной» (приписываемая ему ода «Александру I»), оплакивает Байрона, отдавшего свою жизнь за греческую независимость («На смерть Байрона»). В его творчестве чрезвычайно рельефны попытки подчеркнуть значение греческого восстания и обеспечить ему поддержку правительства, которые были так характерны для декабристского движения в целом.

Ермолов Алексей Петрович (1772—1861) — русский боевой генерал. В 1794 году отличился при взятии Варшавы. В 1812 году был начальником штаба у Барклая де Толли и принимал деятельное участие в Бородинском сражении. В 1817 году был назначен главноуправляющим в Грузии. Ермоловым осуществлено завоевание Абхазии. Его кровавая деятельность нашла себе отражение в эпилоге «Кавказского пленника» Пушкина (1821): «Поникни снежною главой, смирись, Кавказ: идет Ермолов. И смолкнул ярый крик войны: Все русскому мечу подвластно...»

Ермолову присуща была характерная в условиях той поры неприязнь к «иноземцам» и известная оппозиция правительственным мероприятиям, никогда не выходившая, впрочем, за границы довольно беспредметной фронды.

Декабристы считали его либералом и стремились установить с популярным в те годы генералом тесный контакт. А. А. Бестужев и Рылеев послали ему в Тифлис изданный ими альманах «Полярная звезда» на 1825 год; в ответном письме от 7 июня 1825 года Ермолов благодарил Бестужева и просил «покорнейше сообщить оную (благодарность) достойному сотруднику вашему, господину Рылееву» («Русская старина» 1888, декабрь, стр. 593). Имя Ермолова неоднократно фигурировало в стихотворениях Рылеева — в оде «Видение» «златокудрый отрок», великий князь Александр Николаевич, «Проникнут силою рассказа, Он за Ермоловым во след Летит на снежный верх Кавказа И жаждет славы и побед». Но всего шире роль Ермолова в специальном послании Ермолову (1821), написанном Рылеевым в связи со слухами, что Ермолову поручается командование русскими войсками, выступающими против турок на защиту восставших греков. Последним Рылеев и декабристы сочувствовали вдвойне — как «христианам» и как угнетенному «тиранами» народу.

Имя Ермолова фигурировало в процессе декабристов. В вопросных пунктах, заданных П. Г. Каховскому 3 января 1826 года, имеется ссылка на поручика Сутгофа, слышавшего «от вас, что генерал Ермолов знает о существовании общества, о намерениях оного и действиях» («В. Д.», I, стр. 344). Каховский на этот вопрос ответил ссылкой на Рылеева, якобы сказавшего: «Ермолов и Сперанский — наши», следствием чего было предъявление того же вопроса Рылееву. Последний отрицал это и на допросе 15 мая 1826 (там же, стр. 201), и в специальной очной ставке на следующий день (там же, стр. 203). Больше сведений на этот счет сообщил Н. М. Муравьев, показавший: «К. Волхонской в последний его приезд сюда сказывал мне, что он, будучи на Кавказе, открыл там общество, членом которого Якубовичь. Что сколько он узнал — у них пять директоров, что он полагает, что общество сие находится под покровительством Г. Ермолова. Что все

меры строгости Г. Ермолов производит сам, а все меры благотворительные поручены сему Обществу» («В. Д.», I, стр. 303). И далее: «Я говорил Рылееву, что Г. Ермолов, будучи в Москве, призывал к себе г. Фонвизина и советовал ему оставить Общество, что мне сказывал сам г. Фонвизин. В действиях нашего Общества генерал Ермолов участия никакого не принимал, ибо он ни с кем из составлявших Думу или других мне известных членов не имел сношений, а если имел, то оные сношения вовсе неизвестны» (там же, стр. 304). Наоборот, Пестель высказывал со слов других самые крайние предположения: «Мне так же сказывали, что общество сие (речь идет об Обществе в корпусе Ермолова. — *А. Ц.*) хотело край вверенный Г. Ермолову от России отделить и начать новую династию Г. Ермоловым; но сие токмо в случае неудачи общей революции» («В. Д.», IV, стр. 82). Эти показания, при всей неопределенности их ссылок на слухи, все же не могли не волновать Николая I, чрезвычайно подозрительно относившегося к генералитету предшествовавшего царствования. В корпусе Ермолова ему многое могло внушать подозрения. По обвинению в участии в мятеже и в принадлежности к Кавказскому тайному обществу арестован был штабс-капитан П. Воейков, адъютант Ермолова, и «коллежский асессор Грибоедов», «служащий при генерале Ермолове». Следствие над ними не подтвердило однако опасений, и оба были освобождены «с аттестатом». Не подлежит сомнению, что Ермолов знал о существовании Тайного общества, но никаких связей с ним не имел. Характерна в этом смысле фраза, сказанная им Граббе, бывшему его адъютанту: «Оставь вздор, государь знает о вашем обществе». То же приблизительно он сказал и Фонвизину. Но правительство Николая I тем не менее было настроено крайне подозрительно. «В январе 1826 года один из агентов доносил: все питаются надеждой, что Ермолов с корпусом не примет присяги». Другой сообщал: «Слух носился, что корпус под начальством Ермолова не присягал, как равно и вся Грузия — бе-

лее, — что будто сам Ермолов объявил себя независимым: сии рассказы основываются на том, что якобы курьеры и фельдъегеря, посланные навстречу к нему, все им задержаны, и что якобы ни один оттуда назад не возвратился». Уже 12 декабря 1825 года, в самый день своего воцарения, Николай Павлович писал Дибичу, что он не будет спокоен, пока не получит известий о присяге Ермолова и его корпуса. «Я виноват, — писал государь, — ему менее всех верю» (П. Е. Щеголев, «Грибоедов и декабристы», в сб. его статей «Декабристы», Гиз, 1926, стр. 116—117). Несмотря на то что тщательное следствие об Ермолове не дало никаких результатов, Ермолова держали вдали от государственных дел. В 1827 году он был уволен и из «проконсула Кавказа» превратился в частного человека. Во время крымской войны Ермолов был избран начальником московского ополчения — номинальная почесть человеку, которому в то время было более 80 лет. О том, насколько живучими оказались, однако, представления о тесной связи Ермолова с декабристами, свидетельствует революционное воззвание 1831 года, адресованное к доблестным сынам России за подложной подписью Ермолова. «Во бранях поседелый воин, — говорилось там, — в продолжение четырех царствований узнавший народ и престол, говорит к вам, Россияне! Сердцем и душою предан благу отечества, желает он излить в души ваши благородное чувство свободы, желает умереть свободным...» О Николае I и «первых героях свободы нашей» Ермолов якобы писал здесь: «Они вздумали сделать его законным царем своим — царем свободного народа. Но он, обольщен гнусными советниками, предпочел царствовать беззаконно, обагрив площади и стогны Петровой столицы кровию ее жителей и, украсив Петропавловскую крепость виселицами!!» («Былое» 1917, № 2 (24), стр. 183—184).

«Ермолов, — размышлял впоследствии декабрист Цебриков, — мог предупредить арестование стольких лиц и казнь пяти мучеников; мог бы дать России конституцию, взяв с Кавказа дивизию пехоты, две батареи артиллерии и

две тысячи казаков, пойдя прямо на Петербург... Помещики-дворяне не смели бы пикнуть и все до одного присоединились бы к грозной армии, ведомой любимым полководцем. Это было бы торжественное шествие здравого ума, добра и будущего благополучия России... Но Ермолов, еще раз повторяю, имея настольною книгою Тацита и комментарии на Цесаря, ничего в них не вычитал, был всегда только интригант и никогда не был патриотом...» (Из воспоминаний Н. Р. Цебрикова. Цит. по сборнику «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов». М. 1931, стр. 264).

Марс — древне-римский бог войны.

Паллада — римское название Афины, богини мудрости.

Фемистокл — знаменитый древне-греческий полководец.

Феникс — мифологическая птица, по повериям древних живущая 300 лет и возрождающаяся из пепла.

29. Ф. Н. Глинке (стр. 119)

Опубликовано П. А. Ефремовым без двух последних стихов отрывка в «Русской старине» 1871, № 1, стр. 95. Время написания отрывка неизвестно. Возможно, что он относится к годам начала знакомства Рылеева с Глинкой (1821—1822), возможно, написан позднее. П. А. Ефремов справедливо ставит его в параллель с стихотворениями «А. А. Бестужеву» («Хоть Пушкин суд мне строгий произнес») и посвящением «Войнаровского».

Варианты рукописи:

[1] Зачеркнуто: юных.

[2] Зачеркнуто: давно увял.

[3] Зачеркнуто: душою я прикован.

12 и 13 стихи не разобраны Ефремовым, за исключением одного последнего слова 12-го стиха: «лет». Тот же исследователь сообщает, что «страницу, на которой набросано это стихотворение, Рылеев начал словами: «Благодарю тебя, поэт», но зачеркнул их и снова начал «Горжусь»

и далее четыре строки, но потом продолжал, повидимому, одну из «Дум» и, если не ошибаемся, именно *Миних*»:

Кипит к неправде он враждой,
Ярмо граждан его тревожит;
Свободный славянин душой,
Он раболепствовать не может...»

Конечно, эта строфа не имеет никакого отношения к думе «Миних» хотя бы по одному тому, что немец Миних никогда не был «славянином». Приходится удивляться тому, как публикатор множества рылеевских рукописей не обратил внимания на то, что приведенные им строфы вошли впоследствии в думу Рылеева «Державин». Но если Ефремов верно воспроизвел рукопись, то послание к Ф. Н. Глинке нужно датировать 1822 годом: «Державин» напечатан в «Сыне отечества» 1822, № 82 (27 ноября).

Глинка Федор Николаевич (1786—1880) — поэт и публицист. Учился в I Кадетском корпусе в Петербурге (куда в 1801 году отдан был и Рылеев). Окончив его около 1803 года, Глинка поступил на военную службу. Участвовал в войнах с французами 1805 года. Плодом его впечатлений были «Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях и Венгрии» (1808). Выйдя в 1806 году в отставку, Глинка вновь участвует в «Отечественной» войне. В 1819—1822 годах был адъютантом петербургского генерал-губернатора М. А. Милорадовича, и как таковой служил для Тайного общества осведомителем о правительственных мероприятиях. Член Союза благоденствия, Глинка стоял за монархический строй и был одним из сторонников возведения на престол императрицы Елизаветы. Уже в начале 20-х годов он отстал от Общества. «О готовящемся восстании заговорщиками точно осведомлен не был, но догадывался и уговаривал членов Северного общества не делать никаких насилий» («Алфавит декабристов»). Все это послужило поводом к сильному смягчению приговора над Глинкой. Автора вполне благонамеренных «Духовных стихотворений» было «высочайше повелено выпустить, перевесть в гражданскую

службу с чином коллежского советника и во уважение прежней его службы и недостаточного состояния, употребить его в Петрозаводске по гражданской части, где и жить ему безвыездно под бдительным тайным надзором полиции». В 1835 году Глинка вышел в отставку и посвятил себя литературе. Знакомство его с Рылеевым относится к 1820 или к началу 1821 года и, вероятно, связано с участием Рылеева в Вольном обществе любителей российской словесности, в котором Ф. Н. Глинка был в те годы председателем. К литературным связям примешивались и семейно-бытовые: Рылеев был кумом Глинки. «Я...— писал Глинка на склоне своих лет, — всегда был почитателем прекрасного (по моему мнению) таланта моего кума, — таланта всегда энергичного, всегда подтепленного огнем... Он был человек с сердцем, но голова не была довольно холодна. Да надобно ведь знать и то время! Если рыбу, разгулявшуюся в раздольных морях, засадят в садок, и та всплескивает, чтоб вздохнуть вольным божьим воздухом — душно ей! И душно было тогда в Петербурге людям, только что расставшимся с полями побед, с трофеями, с Парижем и прошедшими, на возвратном пути, через сто триумфальных ворот почти в каждом городке, на которых на лицевой стороне написано: «Храброму Российскому воинству», а на обратной: «Награда в отечестве!» — И эти разгулявшиеся рыцари попали в тесную рамку обыденности, в застой совершенный, в монотонно томительную дисциплину Шварца и пр. Ну вот и пошли мечты и помыслы...» («К. Ф. Рылеев», «Русская старина» 1871, кн. II, стр. 245; о Глинке как поэте см. в книге И. Н. Розанова «Русская лирика», М. 1912).

Стихотворение «Ф. Н. Глинке» пропитано отвлеченно-свободолюбивой фразеологией, может быть не без влияния Союза Благоденствия.

30. Думы (стр. 120)

«Думы» Рылеева печатались с 1821 по 1823 год. В 1821 году были напечатаны две думы — «Курбский» и «Свя-

тополк». В 1822 году — «Смерть Ермака», «Артемон Матвеев», «Богдан Хмельницкий», «Боян», «Святослав», «Белинский», «Димитрий Донской», «Державин», «Димитрий Самозванец», «Олег Вещий», «Ольга при могиле Игоря», «Волынский», «Михаил Тверской» и «Наталья Долгорукова». В 1823 году — «Мстислав Удалый», «Рогнеда», «Борис Годунов», «Иван Сусанин» и «Петр Великий в Острогожске». Остальные законченные Рылеевым думы были опубликованы только в 70-х и 80-х годах (П. Бартеневым и В. Е. Якушкиным).

Время возникновения замысла «Дум» различными исследователями устанавливается по-разному. А. И. Сиротинин предполагает, что Рылеев прочел впервые «Spiewy» в 1816 году во время пребывания в Несвиже, где он имел случай не раз бывать в польском обществе и познакомиться в его среде с популярным в то время сборником Немцевича («Рылеев и Немцевич», «Русский архив» 1898, кн. I, стр. 68). Знакомство с «Spiéwy Historysczne» могло произойти и позже, когда Рылеев переселился в Петербург (1820). Этому могли содействовать статьи о Немцевиче, появившиеся тогда в русской печати (см. «Сын отечества» 1820, ч. LXIII, стр. 254 и сл.; «Вестник Европы» 1821, ч. CXX, стр. 225 и сл.) и вообще тот круг знакомых Рылееву писателей, который очень интересовался Польшей и ее литературой (Н. Греч, Ф. Булгарин, князь П. Вяземский, А. Бестужев); среди них А. Бестужев переводил сказки Сенковского («Соревнователь просвещения» 1822, № 78) и в 1821 году писал Булгарину о своих успехах в изучении польского языка, «о том, что он читает Нарушевича, Немцевича, Красицкого...» В литературе о Рылееве завязалась полемика о том, насколько сильно повлиял Немцевич на «Думы» Рылеева. Мы примыкаем здесь к В. И. Маслову, в результате подробного сравнительного анализа пришедшего к выводу, что «от Немцевича Рылеев заимствовал только общую тенденцию и форму дум; что же касается выбора сюжетов и их разработки, здесь Рылеев был самостоятелен и не зависел от своего образца» (Маслов,

стр. 180). «Думам» присуща большая широта тематики, не только воинской, но и гражданственной, наличие художественной отделки образов, картинности (например, динамичность пейзажей) в противовес сухой хроникальности «Spiew'ов» и пр. Это, разумеется, не лишает характерности обращение Рылеева за поддержкой к польскому поэту.

О Немцевиче подробнее см. на стр. 774—778.

Важный вопрос о творческой *хронологии* «Дум» в настоящее время с трудом поддается разрешению. Мы знаем, когда и где была напечатана каждая из дум Рылеева, но у нас отсутствуют сведения о том, в каком порядке они создавались. Напечатаны они были в 1825 году вне какой-либо хронологической последовательности, по исторической последовательности сюжетов от X до начала XIX века. В бумагах Рылеева на обороте белового текста думы «Артемон Матвеев» сохранился список, заключающий двадцать одну думу, затем вошедших в издание 1825 года:

1. «Курбский» (в печатном издании 1825 года 11-я по счету).
2. «Боян» (6).
3. «Богдан Хмельницкий» (16).
4. «Смерть Ермака» (12).
5. «Святополк» (4).
6. «Святослав» (3).
7. «Артемон Матвеев» (17).
8. «Петр Великий в Острогожске» (18).
9. «Глинский» (10).
10. «Димитрий Самозванец» (14).
11. «Борис Годунов» (13).
12. «Наталья Долгорукова» (20).
13. «Олег Вещий» (1).
14. «Ольга при могиле Игоря» (2).
15. «Волынский» (19).
16. «Державин» (21).
17. «Димитрий Донской» (9).

18. «Сусанин» (15).
19. «Рогнеда» (5).
20. «Михаил Тверской» (8).
21. «Мстислав Удалый» (7).

«Мы, — писал П. А. Ефремов, — приводим этот список в том соображении, что не... составлен ли он Рылеевым в хронологическом порядке сочинения, — что без сомнения важно для характеристики развития таланта» («Русская старина» 1871, т. III, стр. 73). Мы сочли возможным принять эту гипотезу Ефремова и в своей статье «Творческий путь Рылеева» сделали на основании этого списка целый ряд ошибочных выводов об эволюции рылеевского стиля (см. «Бунт декабристов», сб. статей под ред. Ю. Г. Оксмана и П. Е Щеголева, Л. 1926, стр. 258). Совершенно невероятно, чтобы «Борис Годунов», напечатанный в той же «Полярной звезде» на 1823 год, был разделен от нее семью думами, из коих «Державин» написан был позднее «Рогнеды». Точно так же совершенно невероятно, чтобы дума «Мстислав Удалый», напечатанная в «Новостях литературы» в ноябре 1822 года, могла считаться последней: 16 мая 1823 года Рылеев читал на заседании Общества думы «Наталья Долгорукова» и «Петр Великий в Острогожске». Предположение П. А. Ефремова нуждается поэтому в тщательной проверке.

За редкими исключениями (в роде «Курбского», помеченного 20 июня 1821 года), думы Рылеева не датированы в рукописи. Помимо времени напечатания их в журналах, важным показателем является прочтение их (тотчас по написании) в Вольном обществе любителей российской словесности. Извлечения из протоколов Общества, приведенные В. И. Масловым («Литературная деятельность К. Ф. Рылеева», Киев 1912, стр. 80), позволяют установить сроки, до которых эти думы, во всяком случае, уже были написаны. Рылеев прочел в заседаниях от:

28 ноября 1821 года — «Смерть Ермака»,

5 декабря 1821 года — «Богдана Хмельницкого» и «Бояна»,

17 апреля 1822 года — «Артемона Матвеева»,
15 мая 1822 года — «Святослава» и «Мстислава Удалого»,
7 августа 1822 года — «Глинского»,
4 сентября 1822 года — «Волынского»,
2 октября 1822 года — «Димитрия Донского»,
16 октября 1822 года — «Видение императрицы Анны»,
6 ноября 1822 года — «Державина»,
16 мая 1823 года — «Первое свидание Петра Великого с Мазепой» и «Наталью Долгорукую».

Эти сведения дают нам опорную базу для датирования четырнадцати дум Рылеева из общего числа двадцати одной (считая «Курбского» и исключая «Видение императрицы Анны»). Для остальных семи дум полезно припомнить даты их напечатания:

«Святополк» — 19 ноября 1821 года («Сын отечества», № XVII).

«Димитрий Самозванец» — июнь 1822 года («Новости литературы», № II).

«Михаил Тверской» — ноябрь 1822 года («Новости литературы», № XIX).

«Борис Годунов», «Рогнеда» и «Иван Сусанин» — ноябрь 1822 года (цензурное разрешение — 30 ноября 1822 года).

«Наталья Долгорукова» — август 1823 года («Новости литературы», кн. V, № XXX).

Сводя воедино оба списка, получаем следующую условную последовательность рылеевских дум по времени их написания:

1. «Курбский».
2. «Смерть Ермака».
3. «Святополк».
4. «Богдан Хмельницкий».
5. «Боян».
6. «Артемон Матвеев».
7. «Мстислав Удалый».
8. «Святослав».
9. «Димитрий Самозванец».
10. «Глинский».

11. «Олег Вещий».
12. «Ольга на могиле Игоря».
13. «Волынский».
14. «Димитрий Донской».
15. «Рогнеда».
16. «Борис Годунов».
17. «Иван Сусанин».
18. «Михаил Тверской».
19. «Державин».
20. «Наталья Долгорукова».
21. «Петр Великий в Острогожске».

Сравним добытые нами результаты со списком дум, опубликованных П. А. Ефремовым. В первых десяти думах нашего списка восемь находят себе полную аналогию в списке Ефремова, иначе говоря, в первой своей половине список Рылеева является очень близким к хронологическому. Что касается второй его половины, то здесь имеются сильные расхождения. Возможно, что Рылеев писал его по памяти, хотя непонятно, почему по отношению к думам, более близким по времени написания, память ему изменила сильнее, чем по отношению к думам более раннего периода.

Приведенный список открывает нам широкий путь к изучению дум Рылеева в их отношении к литературной традиции классицизма, в недрах которой они возникли. Одновременно они отражают весь процесс роста Рылеева как поэта. Между ранними и более поздними думами существуют несомненные отличия. В ранних думах («Курбском», «Глинском», «Святославе», «Бояне») обильны церковно-славянизмы («длань», «бразды», «выя», «рекла», «глас» и т. д.), архаический синтаксис («Сколь жалок, рок кому судил», «Беги сего края» и т. д.). В поздних думах («Димитрии Донском», «Иване Сусанине», «Петре Великом в Острогожске») архаизмов становится меньше, синтаксис утрачивает свою былую тяжеловесность, совершенствуется метр и т. д. Картина этой эволюции жанра прослежена нами в вышеупомянутой статье в сб. «Бунт

декабристов» (стр. 253—258), к которой мы и отсылаем читателя.

В свете новых данных должна быть пересмотрена и наша гипотеза о том, что Рылеев начал с лирических дум и кончил тем, что можно было бы назвать «исторической песней». Эти выводы не отражают реальной работы Рылеева, который писал исторические песни *параллельно* лирическим думам; в этом легко убедиться, приняв во внимание установленную выше хронологию дум. Кроме того, резко отделить песни от дум вообще невозможно: такие произведения как «Димитрий Донской», «Сусанин», «Рогнеда» совмещают в себе эпический сюжет с гражданским пафосом.

«Думы» Рылеева пользовались значительным успехом уже тогда, когда они печатались поодиночке. В 1825 году отзывы о них умножились в связи с выходом в свет отдельного издания «Дум» (в Москве, в типографии С. Селивановского, с примечаниями П. М. Строева). За единичными исключениями (в числе их был А. С. Пушкин, находивший, что «думы дрянь» — письмо его Вяземскому), оценки «Дум» были безусловно положительными. «Рылеев избрал для себя прекрасное поприще», писал П. А. Плетнев («Северные цветы» на 1825 год). «Думы» Рылеева, — вспоминал впоследствии Ф. Н. Глинка, — вышли с большим блеском и наделали много шума» («Русская старина» 1871, т. III, стр. 246). А. А. Бестужев в своем критическом обзоре «Взгляд на старую и новую словесность в России» («Полярная звезда» на 1823 год) отметил, что «Рылеев, сочинитель дум и гимнов исторических, пробил новую тропу в русском стихотворстве». Пространно хвалил «Думы» и Ф. В. Булгарин («Северная пчела» 1825, № 37). Подробный свод критических отзывов и полемики вокруг определения «Дум» как жанра, см. в книге Маслова, стр. 237 — 250.

Автографы «Дум» в 60, 70, 80-х годах публиковались П. В. Бартеневым, П. А. Ефремовым и В. Е. Якушкиным. В настоящее время местонахождение большинства их

неизвестно. «Думы» печатаются по изданию 1825 года (с некоторыми исключениями, например, по отношению к «Державину», который публикуется по первопечатному тексту), с учетом всех ранее сделанных исследователями Рылеева публикаций.

31. Олег Вещий (стр. 121)

Первоначально напечатано в «Новостях литературы», кн. I, 1822, № 11, Стихотворения, стр. 171—173; в издании 1825 года, стр. 1—6; подписано: *К. Рылеев*.

Приводим соответствующий пассаж «Истории государства Российского» (слова, повторенные в думе «Олег Вещий», подчеркнуты):

«Олег, наскучив тишиною, или завидуя богатству Цареграда, решился воевать с Империею... Днепр покрылся двумя тысячами легких судов... Олег приблизился, наконец, к греческой столице, где суеверный император Леон думал о вычетах Астрологии более, нежели о безопасности Государства... Греки, которые все еще именовались согражданами Сципионов и Брутов, сидели в стенах Константинополя... В знак победы Герой повесил щит свой на вратах Константинополя и возвратился в Киев, где народ... единогласно назвал Олега «вещим». От Карамзина заимствовано Рылеевым и описание военной хитрости Олега (движение на парусах сухим путем).

Стихи пятой строфы своей «Песни о вещем Олеге» (1822):

Победой прославлено имя твое;
Твой щит на вратах Цареграда

Пушкин сопроводил выноской: «Но не с гербом России, как некто сказал (для рифмы) к Византии, во-первых, потому, что во времена Олега Россия не имела еще герба. Наш двуглавый орел есть герб Римской Империи и знаменует разделение ее на Западную и Восточную. У нас же он ничего не значит». Необходимо учесть, что в «Северных

цветах» 1826 года, где появился «Вещий Олег», имени Рылеева произнести было невозможно, и Пушкин ограничился намеком — «некто» сказал. Не лишено вероятия, что «Олег Вещий» Рылеева явился поводом для работы Пушкина над этим сюжетом.

Астрология — «наука» средневековья, пытавшаяся предсказывать будущее путем наблюдений над небесными светилами.

Брег (церк.-слав.) — берег.

Брут — *см. стр. 533 и 659.*

Византия — название восточно-римского царства, просуществовавшего до взятия Константинополя турками (XVI век).

Евксин — Эвксинский понт — древне-греческое название Черного моря.

Камилл — государственный деятель древнего Рима.

Леон — византийский император, с которым вел борьбу русский князь Олег.

Лиман. — Рылеев имеет в виду один из южно-русских лиманов между Херсоном и Одессой.

Царьград — русское название Константинополя.

32. Ольга при могиле Игоря (стр. 123)

Первоначально напечатано в «Новостях литературы», ч. I, 1822, № XII, сентябрь, Стихотворения, стр. 187—190, с подписью: *Рылеев*. Перепечатано в издании «Дум» 1825 года, стр. 7—13.

В думе «Ольга при могиле Игоря» под влиянием Карамзина сложилось у Рылеева представление о корыстолюбии Игоря; любимый мотив поэта — восстание угнетенного племени, а также описание гибели русского князя в земле древлян были подсказаны ему Карамзиным:

«Князь... отправился в землю Древлян и, забыв, что умеренность есть добродетель власти, обременил их тягостным налогом... Дружина его... грабила несчастных данников, усмиренных только победоносным оружием. Уже Игорь вышел из области их; но судьба определила

ему погибнуть от своего неблагоразумия. Еще недовольный взятою им данию, он вздумал с частью своей дружины... возвратиться к Древлянам, чтобы требовать новой дани. Послы их встретили его на пути и сказали ему: «Князь, мы все заплатили тебе: для чего же опять идешь к нам?» Ослепленный корыстолюбием, Игорь шел далее. Тогда отчаянные Древляне, видя... что «надобно умертвити волка, или все стадо будет его жертвою», вооружились под начальством князя своего... вышли из Коростеля, убили Игоря и погребли недалеко оттуда» («История Государства Российского», т. I, изд. 2-е, Спб. 1818, стр. 156—157).

Образ Ольги, в половине X века внушающей своему сыну необходимость мудрого и мирного управления, конечно, отделен пропастью от своего реального прототипа. Он однако чрезвычайно характерен для Рылеева и далеко не одинок в его творчестве. Через год Рылеев напишет оду «Видение», в которой вложит в уста Екатерины II в общем те же речи, что и в уста Ольги, только более развернув их. Княгиня X века наставляет сына: «Отец будь подданным своим, и боле князь, чем воин», Екатерина речет правнуку: «Военных подвигов година грозою шумной протекла: твой век иная ждет судьбина, иные ждут тебя дела». Мирная программа Екатерины из «Видения» содержится в своем зародыше уже в думе «Ольга при могиле Игоря». Эта программа характерна для Рылеева, еще не вступившего в Тайное общество, но уже испытывающего характерное для будущего декабриста пресыщение военной политикой самодержавия и в легальной форме думы и оды борющегося за гражданские преобразования.

А л ч б а (церк.-слав.) — жажда, страсть.

Д р е в л я н е — воинственное славянское племя, жившее по реке Припяти и Случи. С древлянами, между прочим, воевал Игорь.

О г н ь (слав.) — огонь.

П е р у н — древне-славянское божество, бог грома и молнии. У Рылеева употребляется в смысле грома (см.

в стихотворении «На смерть Чернова»: соблазнитель «падет перуном поражен»).

33. Святослав (стр. 126)

Напечатано в первый раз в «Соревнователе просвещения», ч. XIX, 1822, № VII, Стихотворения, стр. 79—83, за подписью: *К. Р—в.* Перепечатано: «Новости литературы» 1822, ч. I, № 4, июль, стр. 61—64. В издании «Дум» 1825 года напечатано на стр. 15—21.

В думе «Святослав» характеристика князя сделана в образах и выражениях Карамзина. Ср.: «...*суровою жизнью* он укрепил себя для трудов воинских, не имея ни станов, ни обоза; *питался кониною*... презирал хлад и ненастье северного климата, не знал шатра и спал *под сводом неба:* войлок подседельный служил ему вместо мягкого ложа, седло — изголовьем.

«*Бегство нас не спасет* (говорил великодушный Святослав своей дружине), *волею или неволею должны мы сразиться. Не посрамим отечества*, но ляжем здесь костями, мертвым не стыдно!»

До самого *вечера* счастье ласкало ту и другую сторону; *двенадцать* раз то и другое войско думало торжествовать *победу*».

34. Святополк (стр. 129)

Первоначально напечатано в «Сыне отечества», ч. 74, 1821, № 17, от 19 ноября, Стихотворения, стр. 33—35; подписано: «*К. Рылеев*». В «Думах» 1825 года напечатано на стр. 23—26.

[1] Вместо последних четырех стихов последней строфы в первопечатном тексте было:

Вот в мире до чего людей
Доводят гибельные страсти!
Наверно будет тот злодей,
Кто не содержит их во власти!

Богемия — Чехия.

Вепрь — кабан.

Мнилось — казалось.

35. Рогнеда (стр. 130)

Напечатано в «Полярной звезде» на 1823 год, стр. 45—56, с подзаголовком «Повесть». Посвящено А. А. Воейковой. Подписано: *Рылеев*. В издании «Дум» 1825 года перепечатано на стр. 27—44.

Сюжет о Рогнеде бытовал в русской литературе до Рылеева, но без того особого колорита, в котором он разработан Рылеевым. Так, в трагедии Хераскова «Идолопоклонники» или «Горислава» образ Гориславы (Рогнеды) (при ряде почти текстуальных совпадений, например, в финале) развернут не в гражданском, а в любовном плане (см. об этом у В. И. Маслова, «Дополнения к книге «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева», К. 1916, стр. 37—38). «В думе Рылеева Рогнеда действует под влиянием других (нежели в целом ряде драм и стихотворений на ту же тему. — *А. Ц*.). Здесь она прежде всего гражданка и в поступках своих руководится главным образом гражданскими чувствами» (Маслов, стр. 205). По летописям (изложенным в примечании П. М. Строева) Рогнеда научила своего сына броситься к Владимиру и подать ему тот меч, которым он хочет казнить Рогнеду. Чтобы усилить эффект финала и подчеркнуть чудовищность преступления, Рылеев делает Изяслава невинным, узнающим о готовящейся казни от приближенных.

«Рогнеда» сравнительно слабо характеризуется теми архаизмами языка, которые так присущи ранним думам. За это автор «Рогнеды» подвергся упрекам со стороны известного ревнителя старого слога, адмирала Шишкова: «Повесть сия написана прекрасными стихами, но по местам платится дань нынешнему *новописанию*... Как жаль, что блистание природных дарований часто помрачается сим худым навыком, худой переимчивостью».

Образ «Рогнеды» заставляет нас вспомнить об общем типе рылеевских женщин. Поэт любил рисовать образы женщин, сумевших разорвать связи с окружающей их средой, пойти за любимым человеком и отдать себя на слу-

жение его делу. Такова в «Богдане Хмельницком» жена Чаплицкого, не только освободившая пленника от оков, но и ушедшая с ним: «Я полюбила и пылала из сих оков тебя извлечь. Я связь с тираном разорвала». Такова и казачка в «Войнаровском», которая, узнав об участи мужа, «из родины своей пошла искать его изгнанье». «О странник! тяжко было ей не разделять со мной страданье». Образ Рогнеды еще ригористичнее этих обеих героинь Рылеева: у нее нет любимого человека, она является единоличной мстительницей «тирану» за все его преступления перед родным краем. Летописное предание (см. о нем подробно у Маслова, стр. 204—208) Рылеев насыщает мотивами национальной освободительной мести «тирану». В образе женщины X века им рисуется та новая женщина, которая сумеет бороться с «самовластием», — мотив, глубоко характерный для декабристского поэта.

Альбион — древнее название Англии.

Боян — древне-русское название певца.

Варяги — скандинавское войско, пришедшее в IX веке править Русью. Первым варяжским князем на Руси был Рюрик.

Вепрь — кабан, дикая свинья.

Град (слав.) — город.

Кривичи — древне-славянское племя, обитавшее там, где позднее основаны были города Полоцк и Смоленск.

Одрина — древне-русское название спальни, комнаты, где стоит одр.

Перуны — молнии (от имени бога молнии и грома, главного божества древних славян).

Полоцк — б. уездный город Витебской губернии (сейчас БССР). В XII веке главный город самостоятельного княжества.

Рюрик — полулегендарный скандинавский князь, призванный в IX веке русскими княжить над ними.

Святослав — см. примечания П. М. Строева к одноименной думе Рылеева.

С к а н и я — Скандинавия.

Т е р е м — часть древне-русского дома, в котором помещались женщины.

Т р и з н а — так называлось в древности у русских поминальное пиршество по павшему войну.

Ф а т а — женское покрывало на лице в древней Руси.

Х л а д (слав.) — холод.

Ц и м и с к и й — византийский император, побежденный русским князем Святославом.

Ч е р н о б о г — название злого божества в древнеславянской мифологии.

36. Боян (стр. 139)

Первоначально напечатано в «Соревнователе просвещения», ч. XVII, 1822, № III, Стихотворения, стр. 330—333; перепечатано в издании 1825 года, стр. 45—49. Подписано: *К. Рылеев.*

В отличие от других дум примечание к этой сделано самим Рылеевым. В издании 1825 года текст примечаний несколько изменен. Например: «Но мне показалось вероятнее представить Бояна певцом подвигов» и т. д., или... «...старого времени. Время Владимирово (980—1015) в отношении ко времени сочинителя «Слова о полку Игореве» (1185) может почитаться старым».

Первая строфа в рукописи имеет следующий первоначальный вариант:

> 1 В высокой гриднице, в кругу бояр, князей,
> Владимир-Солнце веселился;
> Со звоном гуслей звук речей,
> Мешаясь, в шум невнятный слился...

Г р и д н и ц а — палата.

П е р с т ы — пальцы.

37. Мстислав Удалый (стр. 141)

Первоначально напечатано в «Полярной звезде» на 1823 год, стр. 282 — 284, с надписью: «Посвящается

Ф. Булгарину». Подписано: *Рылеев*. Перепечатано в издании «Дум» 1825 года, стр. 51 — 56.

«Позаимствовав из истории Карамзина фактические сведения, Рылеев внес в разработку своего сюжета значительно больше живости и разнообразия; описание единоборства передано у него быстрой отрывистой речью. Слова Карамзина — «Силы князя Российского начали изнемогать — он призвал в помощь богородицу — низвергнул врага и зарезал его ножом» — превратились у Рылеева в целую картину...» (Маслов, стр. 187).

Голиаф — библейский богатырь, побежденный юным Давидом.

Вервь — веревка.

Длань — рука.

38. Михаил Тверской (стр. 143)

В первый раз напечатано за подписью *Рылеев* в «Новостях литературы», ч. II, 1822, № XIX, ноябрь, Стихотворения, стр. 93—96; перепечатано в издании «Дум» 1825 года, стр. 57—63.

История пленения и казни Михаила заимствована Рылеевым из «Истории Государства Российского» Карамзина. «Прозаический рассказ последнего о смерти русского князя в орде он передал стихами и только в одном месте дополнил свой источник, вводя в думу гражданские мотивы» (Маслов, стр. 188). По Карамзину передано сиденье в цепях изнуренного слабого Михаила на площади и толки окружающих, отказ Михаила от постыдного бегства, зверская расправа с ним злодеев и причисление его церковью к лику святых. Не стоит ни в какой связи с «Историей Государства Российского» гражданская скорбь Михаила («Наших бед вина прямая — распри злобные князей)».

Сюжет о Михаиле Тверском несомненно привлек Рылеева своим жертвенным содержанием. Пленный русский выступает в думе как страдалец за свою страну. «Ворвалися

и напали... Как гроза в глухой ночи, над упавшим засверкали ятаганы и мечи...» Такого рода расправы часты в думах: напомним финал «Ивана Сусанина», «Смерти Ермака» и др.

39. Димитрий Донской (стр. 146)

Первоначально напечатано в «Сыне отечества», ч. 80, 1822, № XL, 27 ноября, Стихотворения, стр. 315—318, за подписью: *К. Рылеев.* Перепечатано в издании «Дум» 1825 года, стр. 65—71.

В основу думы с несомненностью положен рассказ о Куликовской битве в «Истории Государства Российского» Карамзина. Произведенное В. И. Масловым сравнение этих текстов (стр. 190 его исследования) устанавливает заимствование Рылеевым некоторых исторических подробностей и наиболее характерных выражений.

«Братья! *Умрем* за отечество... и громогласно читая псалом: *«Бог нам прибежище и сила», первый* ударил на *врагов*... На пространстве десяти верст лилась *кровь* христиан и неверных. Ряды смешались: инде Россияне теснили *Моголов*, инде Моголы Россиян.

Владимир спрашивал: «где брат мой и *первоначальник* нашей *славы?»* Владимир, князья, чиновники, *преклонив* колена, воскликнули, единогласно: «Государь! Ты *победил* врагов!» Димитрий *встал»*.

В думе «Димитрий Донской» особенно заметен гражданственный национализм Рылеева. Он изображает древнюю Русь как страну, где царила «святая праотцев свобода», он называет Мамая тираном и вкладывает в уста русских лозунги борьбы «за вольность, правду и закон». Битва на Куликовом поле привлекает его внимание как торжество национальной независимости («Расторгнул русский рабства цепи...») — характерный для поэта декабриста подход к национальным движениям, связывающий эту думу с восторженным воспеванием борьбы греков за независимость («К А. П. Ермолову», «На смерть Байрона» и др.).

40. Глинский (стр. 149)

Первоначально напечатано в «Соревнователе просвещения», ч. XIX, 1822, № XVII, Стихотворения, стр. 314—321, за подписью: *Рылеев.* Перепечатано в изд. 1825 года, стр. 73—84.

Оттиснута и отдельною брошюрою: «Глинский», Дума. Перевод с польского К. Рылеева. Спб. 1822, 8 стр. При этом находилось примечание автора, не вошедшее в издание 1825 года: «Более неудачное подражание, нежели перевод прекрасной думы Юлиана Немцевича. Глинский по влиянию своему на дела России и Польши равно принадлежит истории обоих государств. Измена его отечеству и гибельный конец весьма поучительны. Это побудило меня сию пьесу Немцевича присовокупить к собранию «Дум», которое делаю я, избирая предметы из отечественной истории. *Р.*».

Как и Курбский (см. ниже), Глинский — изменник своей стране, но если там Рылеев смягчил свое осуждение — Курбского сделал изменником сам Иоанн, то к Глинскому он относится более сурово, навлекая на него «сограждан проклятья».

Б р а з д ы — морщины.

В ы я (слав.) — шея.

Д л а н ь (слав.) — рука.

Ж е л е з ы — оковы.

Л о н о — грудь.

Р е к л а — сказала.

С т е з я — путь, дорога.

41. Курбский (стр. 153)

Первая из дум Рылеева, появившаяся в печати. В письме к Ф. В. Булгарину от 20 июня 1821 года Рылеев сообщил своему другу текст «Курбского»: «В своем уединении прочел я девятый том Русской истории... Ну, Грозный! Ну, Карамзин! — Не знаю чему больше удивляться: тиранству ли Иоанна или дарованию нашего Тацита. Вот

безделка моя — плод чтения девятого тома...» (следовал текст «Курбского»). «Если безделка сия будет одобрена почтенным Николаем Ивановичем Гнедичем, то прошу тебя отдать ее Александру Феодоровичу в «Сын отечества». Булгарин исполнил просьбу Рылеева, и «Курбский» был напечатан в «Сыне отечества» (ч. 71, 1821, № XXIX, 16 июля, стр. 129—131, отдел: Стихотворения), с подзаголовком «Элегия» и датой: «Острогожск, июня 20 1821». В этом же виде дума эта была перепечатана в собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах (ч. IV, изд. 2-е, Спб. 1822, стр. 312—333). В издании «Дум» 1825 года перепечатана на стр. 85—89. Опубликовано П. А. Ефремовым по автографу письма к Булгарину («Русская старина» 1871, т. III, стр. 66 — 67), с одним разночтением против текста «Сына отечества»: 5-й стих 2-й строфы в рукописи было: «далеко родины драгой».

Первоначальный текст совпадает с изданием 1825 года, за исключением четырех последних стихов заключительной строфы, которая в письме к Булгарину и в «Сыне отечества» читалась:

Увы, всего меня лишил
Тиран отечества драгова!
Сколь жалок, рок кому судил
Искать в стране чужой покрова!

4-я строфа в первопечатном тексте отсутствовала вовсе.

«Бегство не всегда измена; гражданские законы не могут быть сильнее естественного: *спасаться от мучителя;* но горе гражданину, который за тирана мстит отечеству. Юный, бодрый Воевода, в нежном цвете лет ознаменованный славными ранами, муж битвы и совета, участник всех блестящих завоеваний Иоанновых, Герой под Тулою, под Казанью, в степях Башкирских и на полях Ливонии, некогда любимец-друг царя, возложил на себя печать стыда и долг на историка вписать гражданина столь знаменитого в число государственных преступников» («История Государства Российского», т. IX, Спб. 1821, стр. 58—59). Отношение Рылеева к личности

Курбского как бы определено этой оценкой Карамзина. Он сочувствует судьбе изгнанника, но не осуждает Курбского, а жалеет его как жертву тирана, заставившего его покинуть родину. Мотивы обличения тиранства сочетаются здесь с гражданской скорбью — герой рылеевской думы более не сумеет «обнажить меч» за свою родину — мотив, вообще характерный для автора «Дум» (ср. «Глинский», «Артемон Матвеев» и др.).

42. Смерть Ермака (стр. 155)

Первоначально напечатано в «Русском инвалиде» 1822, № 14, 17 января, Стихотворения, стр. 55—56, с примечанием редактора А. Ф. Воейкова: «Сочинение молодого поэта, еще мало известного, но который скоро станет рядом с старыми и славными». Перепечатана в «Соревнователе просвещения», ч. XVIII, 1822, № 4, Стихотворения, стр. 100—103; в «Северных цветах» 1825, стр. 56—59, с примечанием П. А. Плетнева: «Рылеев избрал для себя прекрасное поприще. Он представляет нам поэтические явления из отечественной истории. Его так называемые «Думы» содержат лирический рассказ какого-либо события. Не восходя до оды, которая больше требует восторга, чувствований и быстроты изложения, они отличаются благородною простотою истины и поэзиею самого происшествия. Чистый и легкий язык, наставительные истины, прекрасные чувствования, картины природы — вот что удовлетворяет любопытному вкусу». В издании «Дум» 1825 года перепечатана на стр. 91—99. После смерти Рылеева перепечатано в альманахе «Венера» 1831, ч. II; стр. 117—122.

Патриотический сюжет, с рядом авантюрных эпизодов, и размеренная композиция думы способствовали широкой популярности ее у читателей — она переложена была на музыку и дожила до наших дней.

Исторический материал для смерти «Ермака», как и для ряда других дум Рылеева, дал все тот же девятый том «Истории Государства Российского». «Живой рассказ

Карамзина о гибели этого героя имеет много общего с думой Рылеева; однако в разработке своего сюжета поэт остался верен обычным своим приемам: с одной стороны, он ввел в думу оссиановские мотивы (описание бурной осенней ночи), с другой — представил своего героя не только отважным покорителем Сибири, но и горячим патриотом, который готов не щадить жизни своей, «за Русь святую погибая» (Маслов, стр. 193).

43. Борис Годунов (стр. 157)

Впервые напечатано в «Полярной звезде» на 1823 год, стр. 176—180. В издании 1825 года перепечатано на стр. 101—107. В обоих изданиях посвящено Ф. В. Булгарину.

«Рылеев рисует нам Бориса Годунова в симпатичных чертах; подобный образ мы видим и в XI томе «Истории Государства Российского», но в этом случае Карамзин не мог быть источником для думы, так как названный том в его истории появился в печати уже после того, как Рылеев написал свое произведение. В обрисовке Бориса Годунова поэт мог разделить взгляд своего близкого друга А. А. Бестужева, который видел в этом государе «мудрого и несчастного» правителя, ревностно покровительствовавшего наукам и искусствам, сеявшего много полезного на Руси, что, впрочем, уничтожено было «ужасами междуцарствия и злодеяниями самозванцев» (А. Бестужев, «Взгляд на старую и новую словесность в России» и «Полярная звезда» на 1823 год). С другой стороны, он мог находиться под влиянием той характеристики Годунова, которая напечатана была П. Железниковым в его «Сокращенной библиотеке в пользу господам воспитанникам 1-го кадетского корпуса». Эта хрестоматия знакома была Рылееву; Н. И. Греч отмечает, что она оказала даже гибельное влияние на поэта, родействуя развитию его либерального образа мыслей.

Образ страдающего Бориса очень напоминает изображение этого же героя в драме Пушкина «Борис Годунов». Особенно интересен тот монолог, где Борис раскрывает

перед нами свое тоскующее сердце. Несомненно, он был навеян думой Рылеева...» (Маслов, стр. 207, 209).

Центральное высказывание Бориса тематически выходит из рылеевской думы. В самом деле, герой Рылеева говорит:

Я мнил: взойду на трон — и реки благ
Пролью с высот его к народу.
Лишь одному злодейству буду враг;
Всем дам законную свободу.
Начнут торговлею везде цвести
И грады пышные, и села;
Полезному открою все пути
И возвеличу блеск престола.
Я мнил: народ меня благословит,
Зря благоденствие отчизны,
И общая любовь мне будет щит
От тайной сердца укоризны.
Добро творю, но ропота души
Оно остановить не может:
Глас совести в чертогах и в глуши
Везде равно меня тревожит.

Эта тема тщетных надежд царя-убийцы и мук его совести воспроизводится Пушкиным:

Я думал свой народ
В довольствии, во славе успокоить,
Щедротами любовь его снискать, —
Но отложил пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна...
Ах, чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина разве совесть!
Так здравая, она восторжествует
Над злобою, над темной клеветою,
Но если в ней единое пятно,
Единое случайно завелося,
Тогда беда...

44. *Димитрий Самозванец* (стр. 160)

Первоначально напечатано в «Новостях литературы», ч. I, 1822, № 2, июль, Стихотворения, стр. 28—31, за подписью: *Рылеев*. В выноске помещено примечание: «Многие

неблагонамеренные иностранные писатели усиливались доказать, что Самозванец был истинный Димитрий, сын царя Иоанна Васильевича Грозного; но знаменитый историограф наш блистательно опровергнул их умышленное сомнение. Г. Карамзин ясно доказывает (в X томе Истории Государства Российского, который, к славе отечества, вероятно выйдет в конце нынешнего года), из летописей, современных деловых бумаг и переписок, что Самозванец был Самозванец и что истинный Димитрий царевич убиен в Угличе». Тон этого примечания совершенно несвойственен Рылееву. В издание 1825 года оно не введено, но в примечании, данном Строевым, самозванство Димитрия сомнению не подвергается. Редактор «Новостей литературы» А. Ф. Воейков решил лишний раз опровергнуть «неблагонамеренных иностранных писателей» ссылкой на огромный в ту пору авторитет Карамзина.

В. И. Маслов отмечает в думе Рылеева наличие влияния «Димитрия Самозванца» Сумарокова как в образе героя (тиран, мучимый раскаянием за свои преступления и погибающий в конце концов нераскаявшимся злодеем), так и в его сюжеторазвертывании (тревожный сон, являющееся минутами сознание своих преступлений, безграничная злоба, бой набата и пр. (Маслов, стр. 214; см. там же о западно-европейских и русских произведениях на тот же сюжет, стр. 209—215).

Чертог — палата, парадный пышный зал.

Шуйский Василий Иванович — политический деятель, принимавший деятельное участие в борьбе с Годуновым и Димитрием Самозванцем как защитник интересов боярской партии. После низвержения самозванца царствовал в течение четырех лет.

45. Иван Сусанин (стр. 163)

Первоначально напечатано в «Полярной звезде» на 1823 год, стр. 370—374, за подписью: *Рылеев.* Перепечатано в «Новостях литературы», кн. V, 1823, стр. 172—176; в издании «Дум» 1825 года, стр. 117—125.

Признавая «Думы» Рылеева слабыми и составленными из общих мест и лишенными национального колорита, Пушкин оговаривался: «Исключаю Ивана Сусанина, первую думу, по коей начал я подозревать в тебе истинный талант» (письмо к Рылееву в конце мая 1825 года).

Оценка Пушкина имеет под собой бесспорные основания: и по сюжетной разработке, и по живости бытовых и пейзажных зарисовок, и по языку, свободному от архаизмов, «Иван Сусанин» принадлежит к числу удачнейших образцов этого жанра. Тема о крестьянине, спасающем царя, не случайно должна была заинтересовать Рылеева. Помимо типических для Рылеева мотивов «жертвенного» служения своей стране, здесь могли быть особые причины: Михаил Федорович был *«всенародно избранным»* царем, и декабристы, не знавшие, какой фикцией являлось это избрание, могли особенно тепло отнестись к его спасителю. Эта возможная трактовка сюжета была однако чисто субъективной. Она не помешала думе пользоваться значительным успехом в официальных кругах — ее спрашивали, например, на экзаменах у учеников-пансионеров на ряду с произведениями Озерова и Жуковского (Маслов, стр. 217).

46. Богдан Хмельницкий (стр. 166)

Представлена была в Спб. общество любителей российской словесности 5 октября 1821 года. Первоначально напечатана в «Русском инвалиде» 1822, № 54, 1 марта, Стихотворения, стр. 215—216, с массой искажений. Перепечатана в «Соревнователе просвещения», ч. XVIII, 1822, кн. III, Стихотворения, стр. 342—345, и в «Сыне отечества», ч. 78, 1822, № XXIII, 10 июня, Стихотворения, стр. 130—134, всюду за подписью: *К. Рылеев.* Перепечатано в издании «Дум» 1825 года, стр. 127 — 134. В «Сыне отечества» текст думы был исправлен сравнительно с предыдущими изданиями; здесь, между прочим, Рылеев изменил (в начале первой строфы) выражение «куда лишь в полдень проникал, скользя по сводам, луч денницы», над которым

так смеялся Пушкин в письме к брату от 4 сентября 1822 года: «Милый мой, у вас пишут, что луч денницы проникал в полдень в темницу Хмельницкого. Это не Хвостов написал — вот что меня огорчило. Что делает Дельвиг? Чего смотрит?» («Соревнователь просвещения» выходил под редакцией А. А. Дельвига). Как указал Ю. Н. Тынянов, Пушкин несомненно пародировал эти стихи Рылеева в элегии Ленского: «Блеснет заутра *луч денницы* и заиграет яркий *день*» (Пушкинский сборник памяти С. А. Венгерова. М. — Л. 1923, стр. 86).

Варианты первопечатного текста думы в «Русском инвалиде»:

[1] Куда лишь в полдень проникал,

[2] В нем мрачные рождались думы

[3] И отражались на челе.

[4] Стихов 28 — 31 включительно в «Русском инвалиде» напечатано не было, равно как и стихов 32—35. Таким образом в тексте 1825 года появилась лишняя строфа.

[5] Усугубился с думой сей

[6] Дверь отворилась, заскрипев,

[7] Жена младая, оробев

[8] Стихов 52—59 не было, и предыдущие и последующие стихи образовывали одну строфу.

[9] «Беги отселе» — произносит:

[10] Вся строфа — стихи 65—72 — в первоначальном тексте отсутствовала.

[11] «Вот меч!» «Мой меч!» — он восклицает
Жив бог! — страшится враг злодей.

[12] Луна долину серебрила

[13] У рощи опенив удила.

[14] За то, что край отчизны спас

[15] Народа прозвал общий глас

Обилие изменений и вариантов объяснялось тем, что «Русский инвалид» напечатал «Богдана Хмельницкого» без ведома автора и с неверного списка, как об этом были уведомлены читатели «Сына отечества», перепечатавшего думу.

В издании 1825 года примечание первопечатного текста: «В мае 1648 одержана Хмельницким при Желтых водах первая победа над войсками республики Польской, бывшими под начальством Степана Потоцкого» было выпущено.

47. Артемон Матвеев (стр. 169)

Первоначально напечатано в «Русском инвалиде» 1822, № 35, 7 февраля, Стихотворения, стр. 140, за подписью: *К. Р—в.* Перепечатано в издании «Дум» 1825 года, стр. 135—142.

Варианты (чернового текста по рукописи из архива Ф. В. Булгарина):

[1] Семь лет сносил позор изгнанья

[2] Без слез, без скорби, без роптанья.

[3] Знать были для граждан моих
Мои усилия нетщетны

[4] За стихом 20-м в рукописи следовали следующие четыре стиха:

Когда с родительских могил
Народ мне в дар привез каменья,
И тем всю нежность изъявил,
Ко мне любви и уваженья;

[5] Стихов 33—36 в рукописи не было.

[6] Которою лишь одарен

[7] О, Феодор!

[8] Деяньям их судей — потомство.

(П. А. Ефремов, «К. Ф. Рылеев», «Русская старина» 1871, т. III, стр. 86—87).

Источником для думы «Артемон Матвеев» послужила, как предполагает В. И. Маслов, «История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергиевича Матвеева, изданная Н. Новиковым», — труд, легший в основу нескольких исторических статей, посвященных Матвееву. Новиков, издавая «Историю», имел в виду прославить «дела и подвиги собратий своих, заслугами государю и отече-

ству знаменитых». К числу последних он относил и Матвеева. «Сей муж, — читаем мы в предисловии, — неутомимый услугами, верностию и преданностию к государю, беспредельною любовью к народу и правосудию в делах воинских и ученостию своею, снискал себе славное название царского друга и благодетеля народа» (Маслов, стр. 221).

Обилие сведений и статей о Матвееве в 10—20-х годах показывает, насколько личность этого боярина популярна была у нас в начале XIX века, и объясняет, почему Рылеев, искавший в историческом прошлом примеров гражданской доблести, не прошел мимо Матвеева, возбуждавшего к себе такое уважение в кругу современников поэта (Маслов, «Добавления», стр. 42).

48. Петр Великий в Острогожске (стр. 172)

Первоначально напечатано в «Соревнователе просвещения», ч. XXI, 1823, № 3, стр. 287—290, без подписи. Перепечатано в «Новостях литературы», ч. VII, 1824, № 15, стр. 46—48, и в издании 1825 года, стр. 143—148.

Примечание к этой думе принадлежит Рылееву. В рукописи это примечание было заключительной частью заметки «Об Острогожске» *(см. стр. 692)*.

Дума эта могла сложиться под влиянием тех рассказов, которые несомненно сохранились ко времени Рылеева среди жителей Острогожска: в кругу острогожских помещиков Рылеев не раз, вероятно, слыхал воспоминания о посещении Петром I города после взятия Азова. Фактический материал для думы мог дать Рылееву Бантыш-Каменский, у которого встреча Петра с Мазепой передана в следующих словах: «По взятии Азова государь имел свидание с Мазепой в Рыбном или Острогожске и получил от него турецкую саблю в золотой оправе с дорогими каменьями и щит с таким же украшением на золотой цепи. Петр I удостоил его потом своим посещением, изъявя ему особенное благоволение, отпустил в Украину» («История Малой России», ч. III, М. 1822; эта книга была в би-

блиотеке Рылеева. О щите и сабле, поднесенных Мазепой «покорителю Азова», есть упоминание и у Рылеева: «...к стопам Петровым щит и саблю положил»).

«В думе «Петр Великий в Острогожске» (1823) Рылеев относится к Мазепе подозрительно, называет «свирепым вождем» и упрекает, как этот гетман «смел клясться в искренности» Петру I... Но постепенно под влиянием близкого общения с украинской интеллигенцией эта точка зрения на Мазепу стала сменяться, и последний из хитрого и властолюбивого лицемера превратился в глазах Рылеева в искреннего патриота и защитника свободы своей родины» (Маслов, стр. 305). См. поэму «Войнаровский» и примечания к ней.

49. Волынский (стр. 174)

Первоначально напечатано за подписью *Рылеев* в «Новостях литературы», ч. II, 1822, № XVI, октябрь, Стихотворения, стр. 42—46. Перепечатано в издании «Дум» 1825 года, стр. 149—156. Рукопись опубликована Ефремовым в «Русской старине» 1872, № 1, стр. 62—65.

Примечание к думе в «Новостях литературы» существенно разнилось от составленного затем Строевым:

«Обер-егермейстер и кабинетный министр, Артемий Петрович Волынский, служил государям Петру I, Екатерине I, Петру II и Анне. В последние годы царствования императора Петра I был он астраханским губернатором и участвовал в 1723 году в усмирении калмыков. При императрице Анне, вскоре по составлении кабинета, был он назначен кабинетным министром и находился в сем высоком звании до 1736 года, в которое время отправлен был вместе с д. т. с. бароном Шафировым и т. с. Неплюевым на Немировский конгресс, для переговоров с турками. Возвратившись ко двору, он оставался в кабинете до 1740 года. Тут, движимый патриотизмом и разделяя всеобщую ненависть к Бирону, воспользовался он однажды удобным случаем, чтобы подать императрице челобитную, в коей представлял о необходимости удалить Бирона.

Мстительный любимец узнал о сем и решил погубить мужа-патриота. Фельдмаршал Миних упоминает, что сам видел, как императрица Анна обливалась слезами, подписывая смертный приговор Волынского. Предание говорит, что происшествие сие имело сильное влияние на добрую, но слишком доверчивую государыню, и ускорило ее кончину. О характере Волынского кн. Шаховской в Записках своих говорит, что он, разговорами своими, поселял высокое мнение о любви своей к отечеству, о ревности ко славе монаршей и усердии к пользе общественной. Казнь Волынского последовала 8 июля 1740 года. Он похоронен на кладбище церкви Самсония, что на Выборгской стороне, вместе с друзьями своими Хрущовым и Еропкиным. (Волынский был неосторожен в словах. Бирон сим воспользовался; наряжена была комиссия, составленная из его врагов, чтобы судить Волынского. Муж сей погиб на плахе; друзья его были частию казнены, частию сосланы. См. записки Манштейна)».

Варианты первопечатного текста («Новости литературы»):

[1] Но тот, кто с сильными в борьбе,
За край родной иль за свободу
Забывши вовсе о себе
Готов всем жертвовать народу.

[2] И пусть падет! Но будет жив!

[3] В тексте 1825 года было: «вражда к неправде закипит». Мы следуем здесь, в виде исключения, тексту «Новостей литературы», так как эта поправка очевидно цензурного происхождения.

[4] Неправосудие в обломках!

(Также значительное смягчение цензурного порядка).

[5] Вместо стихов 74 — 84 было:

Сказал он: «за тебя свобода!»
И к месту казни с торжеством
Шел бодро верный друг народа.

Как мы видим, текст 1825 года значительно более развернут и гражданская патетика образа в нем подчеркнута.

Очевидная идеализация Волынского, в первую очередь, объяснялась национализмом Рылеева. Как справедливо отмечает Маслов, Рылеев... был большим патриотом, «в жизни своей на все стремился налагать печать руссицизма». В стихотворении «На смерть Чернова» поэт осуждает «пришлецов чужих», которые «говорят не русским словом, святую ненавидят Русь!» «Я ненавижу их, клянусь!» — восклицает поэт с негодованием. При таком патриотическом настроении для Рылеева особенно дорог был Волынский, как человек, отстаивавший русское начало при дворе императрицы Анны; смерть Волынского Рылеев окружил ореолом мученичества за русскую национальную идею... («Литературная деятельность К. Ф. Рылеева», стр. 227).

Однако развертывание образа Волынского производится Рылеевым не столько за его национализм убеждений, сколько по линии подчеркивания в нем «вольнолюбия». Нет сомнений в том, что, вкладывая в уста своего героя пламенные тирады о «вражде к тиранству» и любви к «общественному благу», Рылеев грешил против исторической действительности. Но это последнее лишь подчеркивает воинствующую тенденциозность рылеевских дум, насыщенных революционной, «гражданственной» фразеологией.

В русской литературе образ Волынского разрабатывался после Рылеева еще Лажечниковым (роман «Ледяной дом», М. 1833).

50. Наталия Долгорукова (стр. 177)

Первоначально напечатано в «Новостях литературы». ч. V, 1823, № XXX, Стихотворения, стр. 61—64; перепечатано в издании «Дум» 1825 года, стр. 157—163. Подписано: *Рылеев.*

Варианты рукописи из архива Булгарина:

[1] После 28-го стиха следует:

Ему я спутницей была
В стране угрюмой и пустынной

И в дар с рукою принесла
Любовь души своей невинной.

[2] Стихи 29 — 36 в рукописи отсутствовали.

[3] Вместо стихов 41—56 в рукописи было:

Ему я спутницей была
В стране угрюмой и пустынной,
И в дар с рукою принесла
Любовь души своей невинной.
Он жертвой мести лютой пал,
Кровь друга плаху оросила;
Но я, бродя меж снежных скал,
Ему в душе не изменила.
Свершится завтра жребий мой;
Раздастся колокол церковной
И я навек с своей тоской
Сокроюсь в келии безмолвной.

[4] В слезах вздохнула и сказала.

[5] О перстень, перстень обручальный

[6] Не вспоминай любви печальной

[7] Вся строфа в рукописи отсутствовала.

[8] В посте все дни свои влача

[9] Снедаясь грустью безотрадной,
Она погасла как свеча.

В конце рукописного текста прибавлен вариант (к стихам 69—72):

[10] Вруча навек творцу себя,
Отрекшись жизни сей мятежной,
Не вправе завтра буду я
Воспоминать о страсти нежной!..

Пометка Рылеева: «Около Павлограда, близ с. Дмитриевки на Самаре» (П. А. Ефремов, «Рылеев. Материалы для истории русской литературы», «Русская старина» 1871, т. III, стр. 88—90; Ефремов опубликовал эту раннюю редакцию думы).

«Источником для этой думы послужили «Записки княгини Н. Б. Долгоруковой», которые первоначально в отрывках изданы были в «Друге юношества» (1816, № 1),

а затем в более полном виде появились в «Плутархе прекрасного пола» (Москва 1819, ч. VI—VII, стр. 95—128). Кроме того, «Записки» известны были во многих рукописях. Княгиня Н. Б. Долгорукова (1714—1771), дочь графа Б. П. Шереметева, отдана была замуж за любимца Петра II, князя И. А. Долгорукова; через три дня после свадьбы новобрачных постигло несчастие: благодаря придворным интригам они сосланы были в Касимовские деревни, а затем в Березов; спустя несколько лет князя Долгорукова увезли обратно из Сибири и казнили в Новгороде (в 1739 году); жене его разрешено было вернуться в Москву, где она и отдалась воспитанию своих детей. В 1758 году Наталия Борисовна уехала в Киев и постриглась там под именем Нектарии во Фроловском женском монастыре; здесь в тиши монастырской келии написала она свои «Записки»...» (Маслов, стр. 231).

«Рылеев переносит в свою думу и эпизод с бросанием в воду обручального кольца и изображение тоски изгнанницы, гонимой «жезлом судьбины самовластной» (подробное сопоставление см. у Маслова, стр. 231—236).

Сюжет о несчастной судьбе княгини Долгоруковой после Рылеева живо заинтересовал И. И. Козлова; он посвятил ей поэму под именем «Наталья Долгорукова». Дума Рылеева оказала на поэму Козлова (1828) несомненное влияние (см. подробный разбор в книге Маслова, стр. 234—236).

51. Державин (стр. 180)

Первоначально напечатано в «Сыне отечества», ч. 82, 1822, № XLVII, 27 ноября, Стихотворения, стр. 31—35, подпись: *Рылеев*. В издании «Дум» 1825 года перепечатано на стр. 165—172. Рукописи опубликованы: П. А. Ефремовым, «Русская старина» 1871, кн. I и XI, стр. 565—567, и В. Е. Якушкиным: «Вестник Европы» 1888, кн. XI.

Текст думы «Державин» имел обширную и очень любопытную историю. Первоначальная редакция его, сохра-

нившаяся в бумагах поэта и опубликованная В. Е. Якушкиным, была такова:

По небу голубому
    Плыл месяц молодой;
По валу крепостному
    Вдоль ходит часовой.

Вокруг мгновенный трепет
    И шелест парусов,
Невы невнятный лепет
    И крики рыбаков.

Кипят в нем и роятся
    Высокие мечты
И вылететь стремятся
    Как будто из тюрьмы.

Луч месяца играет
    На трепетных струях;
Огонь души пылает
    У воина в очах.

С волненьем обычайным
    Отрадою дыша,
Томится чем-то тайным
    Высокая душа.

Безмолвие в природе:
    Но в нем волнует кровь
И к правде, и к свободе
    Священная любовь.

. . . .
Свое предназначенье
    Узнав в тиши ночной,
«Настало вдохновенье!»
    Рек воин молодой.

. . . .
Кто ж был сей несравненный,
    Сей дивный часовой?
Певец наш вдохновенный,
    Державин молодой!

Редакция эта черновая и имеет много пропусков. Рылеев захотел изобразить здесь поэта от лица самого автора, но

вероятно его не удовлетворила эта манера характеристики. Кроме того, изображая Державина молодым, пришлось бы лишить его образ ряда тех черт, которые свойственны были зрелому Державину и которые в глазах Рылеева были наиболее ценными («витийственность», «гражданский» пафос и т. д.). Вот почему эта ранняя редакция Рылеевым отбрасывается, и дума пишется им заново, с введением «певца» (автора), бродящего у могилы Державина и подводящего восторженный итог его поэтической деятельности.

Но второй редакцией, напечатанной Рылеевым в «Сыне Отечества», не окончились переделки думы. В издании 1825 года напечатана ее новая, третья по счету редакция, существенно изменяющая первоначальный текст.

Приводим разночтения думы в издании 1825 года по сравнению с первопечатным текстом:

[1] С дерев валится желтый лист,

[2] И плещут волны в берег с шумом

[3] Вместо стихов 13—16 было:

Что вижу я? На сих брегах,
Он рек, — для Севера священной,
Державина ль почиет прах
В обители уединенной? —

Вместо стихов 25—27 было:

Но вдруг восторженный вещал:
«Что я напрасно здесь тоскую?
Наш дивный бард не умирал:

[5] Вместо строфы 5-й было:

Он долг певца постиг вполне,
Он свить горел венок нетленной,
И был в родной своей стране
Органом истины священной.
Везде певец народных благ,
Везде гонимых оборона
И зла непримиримый враг,
Он так твердил любимцам трона:
«Вельможу должны составлять
Ум здравый, сердце просвещенно!

Собой пример он должен дать,
Что звание его священно;
Что он орудье власти есть,
Всех царственных подпора зданий;
Должна быть польза, слава, честь,
Вся мысль, его цель слов, деяний».

[6] Служитель избранный творца,

[7] После 6-й строфы в тексте 1825 года было:

Ему неведом низкий страх;
На смерть с презрением взирает,
И доблесть в молодых сердцах
Стихом правдивым зажигает.
Над ним кто будет властелин?
Он добродетель света ценит,
И ей нигде, как верный сын,
И в думах тайных не изменит.
Таков наш бард Державин был.
Всю жизнь он вел борьбу с пороком;
Судьям ли правду говорил —
Он так гремел с святым пророком:
«Ваш долг на сильных не взирать;
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять
И свято сохранять законы.
Ваш долг несчастным дать покров,
Всегда спасать от бед невинных,
Исторгнуть бедных из оков,
От сильных защищать бессильных.
Певцу ли ожидать стыда... и т. д.

Вследствие этого изменения строфы дальнейшего текста не совпадают.

[8] Вместо стихов 78—84 в рукописи было:

Творцу ли гимн святой звучит
Его восторженная лира —
Словами он, как гром гремит,
И вторят гимн народы мира.
О, как удел певца высок!
Кто в мире с ним судьбою равен?
Откажет ли и самый рок
Тебе в бессмертии, Державин?

Ты прав, певец: ты будешь жить;
Ты памятник воздвигнул вечный.

Его не могут сокрушить
Ни гром, ни вихорь быстротечный.

[9] Как наш Державин, дивен, громок;

Отдельные места этой второй по счету редакции представляют собою чрезвычайно близкий парафраз подлинных стихов Державина, иногда прямо цитату из них. Так, строфа, начинающаяся со слов «Вельможу должны составлять», взята почти целиком из оды «Вельможа» (1794), строки «Ваш долг несчастным дать покров» — из оды «Властителям и судьям» (1780), строки «Его не могут сокрушить ни гром, ни вихорь быстротечный» — из оды «Памятник» (1796) (см. Сочинения Державина, издание Академии Наук, под редакцией Я. К. Грота, т. I, М. 1864, стр. 622, 710 и 786).

Какая из этих двух редакций должна быть признана основной для думы? Вопрос этот решается различно редакторами собраний сочинений: в «Библиотеке русских авторов» (Полное собрание сочинений К. Ф. Рылеева, Лейпциг 1861, стр. 192 — 197) напечатана редакция 1825 года, в собрании сочинений под редакцией П. А. Ефремова — ранняя редакция «Сына отечества». Если откинуть здесь общее эдиционное правило — печатать последнюю редакцию, — далеко не всегда верное, то нужно будет признать, что каждая из редакций имеет свои преимущества. В отдельном издании «Дум» гораздо отчетливее выступает отношение Державина к «любимцам трона», в редакции «Сына отечества» — гражданский протест Державина как «вольного славянина душой» (исконный мотив «Дум» — ср. «Димитрия Донского», «Рогнеду», «Волынского», «Вадима» и др.). Редакция 1825 года больше размером на две строфы, но это прибавление приходится на почти дословные цитаты из Державина. Ставя себе целью воспроизвести «Думы» как особый жанр 1821 — 1823 годов, мы печатаем раннюю редакцию, отводя позднейшую в примечания.

Сравнение трех редакций этой думы дает богатые возможности для изучения эволюции стиха Рылеева и его

образов. Развернутое изучение этого вопроса выходит, однако, за пределы задач нашего комментария.

Державин Гавриил Романович (1743 — 1816) — знаменитый русский поэт. Родом из мелкопоместных дворян. Принимал деятельное участие в подавлении пугачевщины. Попав при помощи Потемкина ко двору, служил олонецким губернатором, статс-секретарем, при Александре I — министром юстиции. Поэзия Державина — замечательнейший памятник русского аристократического классицизма на последней стадии его истории, характеризующейся гротескным смешением различных жанров, «демократизацией» поэтического стиля, обильным введением в него элементов гражданской патетики. Вместе с огромным большинством русских поэтов начала века Рылеев относился к Державину как к непревзойденному мастеру поэзии. Уже в юношеском стихотворении «В альбом Малютиной» Державин именуется «дивным» и «чудным». Влияние Державина на творчество Рылеева сказывается в этих ранних опытах главным образом в гротескном плане (таков перевод Рылеевым оды «Богатство»). Однако параллельно с этим Державин воздействует на него высокой витийственной стороной своего стиля (и «гимн лиро-эпический по признанию французов» и стихотворение «На смерть фельдмаршала князя Смоленского» несомненно повлияли на патриотические опыты Рылеева-кадета). В стихотворении «Пустыня» Державин фигурирует в списке любимых авторов Рылеева: «Иль важный наш Гораций, поэтов образец» — стихи, которые могут относиться по контексту только к Державину. Но особенно близок Рылееву Державин был своей витийственной учительской лирикой. «На рождение на севере порфирородного отрока», «Вельможа» и другие оды Державина не случайно близки «Видению» и «Гражданскому мужеству». То, что у автора «Фелицы» было лишь явлением внутридворянской самокритики, Рылеевым трактовалось в плане «вольнолюбия» и имя Державина включалось им в фалангу наиболее «просвещенных» деятелей русской государственности. Особенно широко и

полно эта трактовка образа Державина отразилась в думе Рылеева «Державин». Восторженная оценка гражданских заслуг Державина (защита «общественного блага», бесстрашие перед лицом смерти, неутомимая борьба против зла и т. д.), конечно, не отвечала реальному историческому облику певца Екатерины, но она глубоко характерна как показатель той поэтической базы, на которую пытался опереться в создании нового стиля вольнолюбивой поэзии Рылеев.

(Об отношении Рылеева к творчеству Державина см. у Маслова, стр. 236 — 237, Сиротинина, «Русский архив» 1890, № 6, стр. 200, в моей статье в сб. «Бунт декабристов», Л., стр. 235 — 236, и особенно подробно в статье П. Филипповича «Рілэєв і Державін» в сб. «Декабрісті на Україні», Киев 1926).

52. *Владимир Святой* (стр. 183)

При жизни Рылеева эта дума не печаталась и была опубликована лишь в «Русской старине» 1871 года (№ 1, т. III) П. А. Ефремовым. «Дума эта, — пишет П. А. Ефремов, — повидимому, предназначалась для печати, потому что под нею находится полная подпись поэта» («Русская старина» 1871, т. III, стр. 77).

Варианты рукописного текста, опубликованные П. А. Ефремовым:

[1] И важное (потом: «гордое») чело.

[2] На шумных пиршествах

[3] И думой тайной омраченный
(Затем: «И тайной думою смущенный»).

[4] После 12-го стиха зачеркнуто:

При свете дня и в мраке ночи,
И в пышном тереме, и в хижине простой
Его сверкающие очи
Тень Ярополкову все зрели пред собой.

[5] На вновь поставленный Перунов лик глядел

[6] Ты, избранный мной
(Потом: «Ты мною чтимый бог»).

[7] Зачеркнуты четыре стиха, полностью не восстановимые.

[8] Вдруг старца зрит перед собою

[9] В очах горел огонь священный

[10] И в душу грешника смятенье проливал...

[11] Посол творца... притек с смиреньем!..
Как шепчущий ручей святой проговорил:

[12] Но что, о князь, ее терзанья?

[13] Тебя, отверженный, ужаснейшие ждут!

[14] Настанет час — ценить деянья!

[15] Воскреснут смертные. Настанет страшный суд!

[16] И тихий кроткий огнь в очах его сиял;

53. Царевич Алексей в Рожествене (стр. 186)

При жизни поэта не появлялась в печати, сохранилась среди его автографов в коллекции Ф. В. Булгарина и была впервые издана П. Бартеневым в историческом сборнике «Девятнадцатый век» (Москва 1872, кн. I, стр. 370).

Село Рожествено, упоминаемое в думе, хорошо известно было Рылееву, так как родовая деревня его Ботово находилась по соседству с этим селом... На сюжет об Алексее мог натолкнуть Рылеева близко знакомый ему А. О. Корнилович, который также интересовался личностью царевича, разыскивая для этого материалы в Петербургских архивах, и в конце 1821 года представил в Сибирское общество любителей российской словесности статью под заглавием «О жизни царевича Алексея Петровича» (Маслов, стр. 225).

В конце было написано еще шесть стихов, которые потом зачеркнуты:

Взвыл страшнее лес дремучий.
Месяц спрятался за тучи,
Ветр сильней забушевал,
И за ближнею могилой
И ужасно и уныло
Вран зловещий прокричал...

(Ефр.[2], стр. 324)

54. *Яков Долгорукий* (стр. 187)

Эта дума Рылеевым была закончена, но напечатана лишь в «Русской старине» 1871, кн. I, стр. 82, П. А. Ефремовым по рукописи, принадлежащей Ф. В. Булгарину, со следующим примечанием Ефремова, вошедшим затем в собрания сочинений Рылеева: «Взятый в плен в битве под Нарвой князь Я. Ф. Долгорукий десять лет провел в Стокгольме под крепким караулом. В 1711 году по случаю недостатка в хлебе несколько пленных отправлены морем в Умео. В числе 44 русских пленников, посаженных на одномачтовое небольшое судно, был и Я. Ф. Долгорукий. Семидесятилетний воин составил заговор и овладел судном, обезоружив после схватки своих стражей шведов. Корабль был направлен к русским берегам, и пленники спаслись».

Главное действующее лицо этой думы — князь Долгорукий — приближенный Петра I. Имя его сделалось популярным, благодаря его прямодушию и неподкупности. Таким он выступает в двух других произведениях Рылеева: «Стоять за правду и закон, как Долгорукий, без боязни» («Волынский»), «Долгорукий, как твердый страж добра, дерзал оспаривать Петра» (ода «Гражданское мужество»).

В основу рассказа о воинском подвиге Долгорукого легла вышедшая в 1807 году его биография, написанная Е. Тыртовым. «Правительство шведское рассудило часть пленных россиян, содержащихся в Стокгольме, перевезти морем в Готтенбург; в числе сих был и князь сей (Я. Долгорукий). А как на фрегате том находилось россиян больше, нежели шведов, то сего и довольно было вложить ему мысль овладеть фрегатом и уехать на оном в Россию. Он сообщает намерение сотоварищам своим, и они охотно соглашаются следовать во всем мужеству и примеру его. Князь определяет на исполнение предприятия своего вечер субботы, то есть: когда в вечернюю службу запоют всемирную славу и допоют до сих слов: «дерзайте

убо, дерзайте, людие божии», в миг броситься всем на шведов, обезоружить их и овладеть фрегатом. Все сие исполнено в точности; они, как львы, при последнем слове бросились на не воображавших того шведов, обезоружили их и противящихся одних покололи, других постолкали в море, третьих повязали и положили под палубу, оставили свободным одного только шипора, и князь Яков Федорович, приставя к груди его шпагу, сказал: «Ежели хочешь ты быть жив, то вези нас к Кроншлоту или к Ревелю, но берегись изменить». Не оставалось иного ему, как или умереть, или повиноваться. Он избирает последнее, приводит фрегат в Ревель и входит в гавань с пушечной пальбою». «История о князе Я. Ф. Долгорукове», ч. I, М. 1807, стр. 9, 10). Рылеев несомненно знал этот эпизод; если он не имел под руками издания Голикова («Дополнение к деяниям Петра Великого»), или Тыртова, то, во всяком случае, читал описание освобождения Долгорукого в его биографии, изданной в 1819 г. В. Перевощиковым, где этот рассказ передан почти в тех же словах» (Маслов, стр. 225).

Варианты (рукописный текст из архива Ф. В. Булгарина):

[1] После второй строфы сбоку приписаны были четыре стиха и сообразно с ними изменены отнесенные к ним четыре заключительные стиха третьей строфы:

Об чем ты думаешь, герой?
Об чем в унынии мечтаешь?
Знать, мыслишь о стране родной,
И плен постыдный проклинаешь.
В печальном плене дни влача,
Вотще пылаешь славой дедов;
Уже не притупить меча
Тебе об кости грозных шведов.

Кроме того, эти заключительные стихи, вошедшие потом с изменением в окончание третьей строфы, первоначально были написаны так:

В печальном плене дни влача,
В своей темнице безотрадной,

Я буду таять как свеча,
Как пред иконой огнь лампадной.

С унылой жизнью догоря,
Потухнет к славе жар природной,
И ревность к подвигам царя
Замрет в душе моей свободной.
Напрасно ужас битв люблю,
Вотще пылаю славой дедов;
Увы! меча не притуплю
Об кости я враждебных шведов.

[2] «И так! он пел: «родной земли»

[3] Чем жизнь без чести и свободы;

[4] Так пел герой. Меж тем вдали

[5] Мелькают башни на скалах;

[6] И к небу устремляя длани

[7] Пятая и шестая строфы думы первоначально читались:

Прости ж навек мой край родной;
Тебя я не увижу боле,
И кончу дни в земле чужой,
Томясь бездействием в неволе.
Ах лучше смерть в седых валах,
Чем жизнь без чести и свободы.
Не русскому стенать в цепях,
И изживать без цели годы,

Не русскому влачить ярем,
И тяжкий сердцу и постыдной;
Я — завладею кораблем,
Иль смертию умру завидной!» —
Так пел герой... и т. д.

Для начала пятой строфы был еще вариант:

Умру в бездействии, в цепях!
Потухнет с жизнью к славе пламень;
И на враждебных берегах
(Умру на чуждых берегах)
Воздвигнут мой надгробный камень.

Вздохнул герой при мысли сей,
Невольно проступили слезы...

[8] Последняя строфа сохранилась в нескольких вариантах:

1

«За мной, друзья!» вдруг загремел
Отважный князь, сверкая шпагой,
И с горстью русских полетел,
На экипаж, горя отвагой.

2

«За мной, друзья!» вдруг загремел,
Мечом сверкая, Долгорукий. [1]
И с горстью русских полетел
И раздались оружья звуки.
Мгновенно кончен дерзкий бой [2]
Пред русской силой шведы пали, [3]
И в Ревель их корабль стрелой
Валы покорные помчали.

3

«За мной, друзья!» вдруг загремел,
Подобно буре, Долгорукий.
«Ура!» Помчался! Бой вскипел
И раздались оружья звуки.
Лилась недолго кровь ручьем,
Враги пред горстью русских пали.
И в Ревель храбрых с торжеством
Валы покорные помчали.

4

Услыша глас, зовущий в бой,
Помчались русские грозою!
. . . .

55. *Видение императрицы Анны* (стр. 189)

Первоначально напечатано в «Полярной звезде» 1859, кн. V, стр. 6—8; перепечатано в Полном собрании сочинений К. Ф. Рылеева, Лейпциг 1861, стр. 184—187.

[1] Сверкая взором, Долгорукий,

[2] Бой с врагом, потом: «славный бой»

[3] Враги пред русской силой пали.

При жизни Рылеева дума эта в печати не появлялась, будучи запрещена, повидимому, цензурой. Время ее написания — осень 1822 года: 16 декабря 1822 года Рылеев читал ее в заседании Вольного общества любителей российской словесности, где дума эта была единогласно одобрена для напечатания в журнале общества «Соревнователь просвещения». В России была опубликована в одном из первоначальных набросков П. Бартеневым («Девятнадцатый век», т. I, Спб. 1872, стр. 372—375) и по рукописи, принадлежавшей Ф. В. Булгарину, — П. А. Ефремовым («Русская старина» 1870, кн. XI, стр. 524—526). В рукописи эта дума называлась «Голова Волынского». Отличия черновой рукописи, опубликованной Бартеневым, от текста булгаринского архива, наиболее исправного и отделанного, заключались в следующем: 1) первая строфа вся была зачеркнута и нумерация шла со второй строфы, 2) в последней строфе первый стих читался: «Музыки гром звучал еще», 3) после стиха «из залы сумрачный выходит» следовали зачеркнутые стихи:

Засуетился весь дворец,
В тревоге робко Бирон бродит,
И вдруг он, бледен как мертвец,
Ее в беспамятстве находит.

«Последние стихи, — сообщал П. Бартенев, — несколько раз переменены и перечеркнуты» («Девятнадцатый век», т. I, Спб. 1872, стр. 375).

Варианты текста, опубликованного в «Полярной звезде», против дефинитивного текста:

1 Венец чистейший и нетленный
2 Он гордость важного лица
3 С тех пор у ней веселье прочь!
И стала сна она бояться
4 Бледна, печальна и угрюма...
5 Увы! и резвость не могла
6 Вместо четверостишия «Лик смертный»

и т. д. до конца строфы было:

Как огнь бесплодный в ночь горит,
Так очи смерти страшно блещут...
. . . .
. . . .

7 Вокруг главы во тьме ночной
Какой то чудный свет пылает,
И колыхаясь кровь порой
Полы чертога обагряет.
Рисует каждая черта
Страдальца дивного отчизны.
Вдруг потемневшие уста
Залепетали укоризны.

8 Равны там раб и царь презренный
9 Шум музыки гремел еще

Весельем наслаждались лица,
10 Все ждали Анны, но вотще!

Рыдала в ужасе царица;
Исчезла радость, шум утих;
На царедворцах мрак угрюмый;
И каждый, глядя на других,
Идет домой с печальной думой.

Пропуски в тексте и меньшая выразительность эпитетов с неоспоримостью свидетельствуют о том, что в «Полярной звезде» дума печаталась с неверного и неполного списка. В основу этой думы легло предание о том, что императрица Анна Иоанновна, послав Волынского на казнь, терзалась угрызениями совести. См. выше думу «Волынский» и примечания к ней.

56. *Войнаровский* (стр. 192)

Поэма Рылеева «Войнаровский» — бесспорно значительнейшее его художественное произведение — задумана была поэтом еще в первой половине 1823 года. «22 мая 1823 года в собрании Вольного общества любителей словесности читан был Рылеева «Ссыльный». «Ссыльный», полный благородных чувств и возвышенных мыслей, принят был с душевным ободрением» (из письма А. А. Бесту-

жева к П. А. Вяземскому от 23 мая 1823 года; «Старина и новизна» 1904, кн. VIII). — «Ссыльный» — таково было первоначальное название поэмы (см. рукопись в архиве П. Я. Дашкова, ИРЛИ в Ленинграде), которое в печати автору пришлось изменить на «Войнаровский», несомненно, по цензурным соображениям.

В заседании Общества «читана была», однако, не вся поэма, законченная годом позднее, а отрывки из нее. До выхода в свет отдельным изданием «Войнаровский» частично был напечатан в отрывках.

1. Начало поэмы, кончая стихом: «Чело злодея прояснит», напечатано под заголовком «Якутск» (из поэмы «Войнаровский») в «Сыне отечества», ч. 91, 1824, № III, Стихотворения, стр. 130—132.

2. Отрывок первой части от стиха «Враг хищных крымцев», кончая стихом «Чело злодея прояснит», под заголовком «Юность Войнаровского» (отрывок из поэмы «Войнаровский») — в «Полярной звезде» на 1824 год, Спб. 1824, стр. 82—86.

3. Отрывок второй части, начиная от стиха «Полтавский гром загрохотал» и кончая стихом «И в плащ широкий завернулся», напечатан под заголовком «Бегство Мазепы» (отрывок из поэмы «Войнаровский») в «Полярной звезде» на 1824 год, стр. 230—233.

4. Конец поэмы, начиная от стиха «Страдальца странник просвещенной», напечатан под заголовком «Смерть Войнаровского» (отрывок из поэмы) в «Соревнователе просвещения», ч. XXV, 1824, № III, стр. 255—257. Под первым отрывком подпись: *К. Рылеев*, под остальными: *Рылеев*.

В отдельном издании поэма вышла в середине марта 1825 года: «Войнаровский», сочинение К. Рылеева. М. В тип. С. Селивановского. Цензурное разрешение подписано Н. Бекетовым 8 января, но выход в свет поэмы задержался по типографским условиям.

Все прижизненные издания «Войнаровского» были несвободны от погрешностей, вызывавшихся как цензур-

ным давлением, так и причинами типографского порядка. К первым относится, например, замена в «Полярной звезде» стиха «Свободу, славу и покой» (стр. 217) более благонамеренным «Надежду, славу и покой» или пропуск стихов «борьба свободы с самовластьем», вместо которого в «Полярной звезде» была строка точек. В «Соревнователе просвещения» вместо «чтить Брута с детства я привык» (см. стр. 227) напечатано: «чтить славных с детства я привык», но в следующих стихах подразумевается Брут и получается невязка. К ошибкам второго порядка относится, например, очевидное искажение стиха: «настал день грустных похорон» (стр. 222) вместо «день грустных похорон настал».

В отдельном издании «Войнаровский» был снабжен обильным комментаторским аппаратом; но о небрежности издания, печатавшегося московским издателем Селивановским, без непосредственного наблюдения автора, дают представление, например, примечания. Примечания к 1-й части, начиная с 6-го, перепутаны; после 5-го назначено 7-е, но с 12-го, за пропуском 11-го, сравниваются; часть стихов отмечена, но примечаний нет: 19) Могила уныло с ветром говорила, 20) Над мною хищный враг летал, 21) И зрю: покрытая серпяном, 22) пропущено, 23) Уж близок час, близка борьба. Ко второй части примечания вовсе не напечатаны, несмотря на одиннадцать ссылок при стихах: 1) Мороз стрелял в глуши дубравы, 2) Едва на окна ледяные, 3) Для пользы родины моей, 4) Теперь и брань и поношенье, 5) Когда он стал врагом народу, 6) Отчизну мне напоминая, 7) Тут в страшный недуг гетман впал, 8) Он погубить хотел народ, 9) пропущено, 10) Не разделять со мной страданье, 11) Его на быстрой нарте мчал. Подробнее об этом см. заметку об изданиях «Войнаровского» П. А. Ефремова в «Русской старине» 1871, № 1, стр. 519—524. Им же опубликованы (стр. 513—519) черновые наброски поэмы по рукописям из архива Булгарина, имевшимся в распоряжении П. А. Ефремова.

Первое, что останавливает внимание читателя и исследователя в «Войнаровском», — это глубокая новизна положенной в основу поэмы исторической концепции. Отношение Рылеева к восстанию Мазепы против Петра I было двойственным: он винил его за измену, но идеализировал за служение своим гражданским идеалам. В прозаическом отрывке о Мазепе Рылеев писал: «Для Мазепы кажется ничего не было священным кроме цели, к которой стремился: ни уважение, оказываемое ему Петром, ни самые благодения, излитые на него сим великим монархом, ничто не могло отвратить его от измены. Хитрость в высочайшей степени, даже самое коварство почитал он средствами дозволенными на пути к оной». Аналогичным образом характеризует Мазепу в своем «Жизнеописании Мазепы» и А. Корнилович. В предисловии к поэме было напечатано: «Может быть читатели удивятся противоположности характера Мазепы, выведенного поэтом и изображенного историком. Считаем за нужное напомнить, что в поэме сам Мазепа описывает свое состояние и представляет оное, может быть, в лучших красках; но неумолимое потомство и справедливые историки являют его в настоящем виде. И могло ли быть иначе? Для исполнения своих самолюбивых видов он употреблял все средства убеждения. Желая преклонить Войнаровского, своего племянника, он прельщал его красноречивыми рассказами и завлек его, по неопытности, в войну против великого государя; но истина восторжествовала — и провидение наказало изменника». У нас нет никаких оснований к тому, чтобы отдавать предпочтение этому «разъяснению» (сделанному, повидимому, при прямом участии попечительной цензуры) перед самим текстом поэмы, в котором гражданское мужество Мазепы ничем не опорочено. Образ Мазепы в «Войнаровском» — образ пламенного борца за родную землю: «Пусть судьба грозит стране родной злосчастьем, уж близок час, близка борьба, борьба свободы с самовластьем» (строки, в первом издании выпущенные цензурой). Подобная трактовка образа шла в разрез с обычными во времена Рылеева воз

зрениями на Мазепу, как на бесчестного изменника Петру; однако она органически увязывалась со всеми симпатиями Рылеева к борьбе за национальную свободу. Читателей, не разделявших этой симпатии, такая «вольная» интерпретация истории должна была шокировать и даже возмущать. «Все это копии с разных байроновских вещей, в стихах по новому образцу, — писал Катенин Бахтину по поводу «Войнаровского». — Всего чуднее для меня мысль представить подлеца и плута Мазепу каким-то Катоном. Диво и то, что цензура пропустила, но зато какими замечаниями изукрасила!» (цит. по книге В. И. Маслова, «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева», К. 1912, стр. 317).

Цензурных примечаний, которые имел в виду Катенин, всего пять: 1) к стиху «За дело чести и отчизны» (стр. 207) сделана сноска — «Так извиняет свое преступление справедливо и милосердно наказанный Войнаровский»; 2) к стиху «Не пожалеешь за Украйну» (стр. 212) — «Напрасная забота! О благе Украины пекся великий преобразователь России»; 3) к стиху «Иль слава ждет, иль поношенье» (стр. 213) — «Какая слава озарила бы Мазепу, если бы он содействовал Петру в незабвенную битву полтавскую! Какое бесславие омрачает его за вероломное оставление победоносных рядов Петра!»; 4) к стиху «И Петр и я — мы оба правы» (стр. 218) — «Это голос безрассудного отчаяния Мазепы, разбитого под Полтавою. — Удивительна дерзость сравнивать себя с Петром»; 5) стих «Врага страны своей родной» (стр. 227) — «Татары и поляки». К сказанному следует добавить, что четыре последних стиха речи Войнаровского были в первом издании пропущены, а некоторые другие стихи поэмы подверглись более или менее существенным изменениям. Примечания, введенные Рылеевым по требованию цензуры (персонально их предъявлял цензор Н. Бекетов, подписавший 8 января 1825 года разрешение печатать поэму), не устранили, однако, гражданской патетики, которой был проникнут «Войнаровский», и Ни-

колай I со своей точки зрения был прав, считая, что Пушкин гораздо лучше понял Мазепу и Карла XII и что Войнаровский «был только авантюрист» («Записки А. Смирновой»). По сравнению с «Войнаровским» «Полтава» Пушкина отличалась неизмеримо большей «благонамеренностью», и должна была вполне удовлетворять тех, кто требовал от поэта идейного и морального развенчания движения Мазепы и его сторонников за независимость *(см.* нашу вступительную статью, *стр. 38—39)*.

Исторические сведения о жизни главного героя поэмы, Андрея Войнаровского, Рылеев почерпнул из «Истории Малой России» Д. Бантыш-Каменского, появившейся в 1822 году, непосредственно перед созданием поэмы (1823—1824). Вероятно Бантыш-Каменский и натолкнул Рылеева на мысль дать литературную обработку сюжета о Войнаровском: поэт имел под руками его «историю», в которой не раз упоминается имя Войнаровского и сообщаются сведения об его отношениях к Мазепе, об аресте, ссылке в Сибирь и встрече там с русским историографом Миллером (В. И. Маслов, «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева», К. 1912, стр. 295). Что касается до сибирского колорита, то Рылеев пользовался устными консультациями бывавшего в Сибири барона В. И. Штейнгеля *(см. в нашем издании стр. 798)* и некоторыми материалами по сибирской этнографии, напечатанными в современных ему журналах. См. сопоставление отрывка из поэмы «Войнаровский» — «Якутск», напечатанного в «Сыне отечества» 1824, XCI, с очерковым «Письмом из Якутска» в «Благонамеренном» 1823, ч. XXIII.

Из произведений западно-европейской литературы на поэму Рылеева более всего повлияли поэмы Байрона «Гяур» (рассказ героя о своей прошлой жизни), «Паризина» (историческое происшествие из Байрона, перевод А. Бестужева в «Соревнователе просвещения» 1822, ч. XVII — сцена казни Кочубея), «Мазепа» (явление юной казачки умирающему в степи). (Подробнее об этих заимствованиях в книге Маслова, стр. 274, 279, 284, 285, 288).

Из произведений русской литературы на «Войнаровского» сильно воздействовали «южные поэмы» Пушкина, особенно «Кавказский пленник» и «Братья разбойники». Приводим некоторые наиболее интересные параллели этих поэм.

Местный пейзаж, зачинающий поэму:

Вдали шумит дремучий бор,
Белеют снежные р а в н и н ы,
И т я н у т с я кремнистых гор
Р а з н о о б р а з н ы е в е р ш и н ы.

(«Войнаровский»)

Пред ним пустынные р а в н и н ы
Лежат зеленой пеленой,
Там холмов т я н у т с я грядой
Однообразные вершины.

(«Братья-Разбойники»)

«Этнографический каталог» народов, населяющих эту страну: *

Меж ними зрится и беглец
С брегов воинственного Дона,
И в черных локонах еврей,
И дикие сыны степей,
Калмык, башкирец безобразный,
И рыжий финн, и с ленью праздной
Везде кочующий цыган.

(«Братья-Разбойники»)

На миг в то время оживится
Якутск унылый и глухой,
Все зашумит, засуетится,
Народы разные толпой —
Якут и юкагир пустынный, —
Неся богатый свой ясак,
Лесной тунгус и с пикой длинной
Сибирский строевой казак.

(«Войнаровский»)

* В обоих случаях сходно перечисление «народов» и метрический перебой перед последним стихом.

И Пушкин и Рылеев знакомят нас далее с их героями внезапным риторическим переходом от пейзажа к экспозиции. Сравним далее общую характеристику загадочного и молчаливого героя, наблюденье им туземных «нравов», любовную интригу поэмы, любовь «пленника» к черкешенке-казачке:

Очнулся русский. Перед ним
С приветом нежным и немым
Стоит черкешенка младая...

(«Кавк. Пленник»)

Казачка юная стоит
Склоняясь робко надо мною
И на меня с немой тоскою
И нежной жалостью глядит.

(«Войнаровский»)

перипетии их любви:

Впервые девственной душой
Она любила, знала счастье;
Но русский жизни молодой
Давно утратил сладострастье.

(«Кавк. Пленник»)

В своей невинности сначала
Она меня не понимала...
На мирном ложе сладострастья...
Вполне узнал я цену счастья.

(«Войнаровский»)

Минуты их духовной близости:

На нем покоит нежный взор,
С неясной речию сливает
Очей и знаков разговор.

(«Кавк. Пленник»)

Я помню сладость первой встречи,
Я помню ласковые речи
И полный состраданья взор.

(«Войнаровский»)

Стих «Погасло дневное светило» (стр. 204) представляет собою дословное повторение известного стиха пушкинской элегии.

Сочетавший в себе традиции байроновско-пушкинской «романтической» поэмы с рылеевским гражданским пафосом, «Войнаровский» имел огромный успех у критиков и читателей. Баратынский восхищался поэмой. «Войнаровский твой отлично хорош, — писал Рылееву П. А. Муханов (сохранивший для нас любопытные оценки поэмы современниками).— Я читал его М. Орлову, который им любовался; Пушкин тоже» (цит. по изд. под ред. П. А. Ефремова, Спб. 1874, стр. 305). «Жду Полярной Звезды с нетерпением, знаешь для чего? Для Войнаровского. Эта поэма нужна была для нашей словесности» (письмо Пушкина к Рылееву от 25 января 1825 года). «Жду с нетерпением Войнаровского и перешлю ему (Рылееву. — *А. Д.*) все свои замечания. Ради Христа! чтоб он писал — да более, более!» (А. А. Бестужеву, 24 марта 1825 года). Еще более хвалебными были отзывы критиков. «Скромность, — писал А. А. Бестужев в «Полярной звезде», — заграждает мне уста на похвалу высоких чувств и разительных картин украинской и сибирской природы». «Рылеев в резких чертах представил характер изгнанника, борющегося с долговременным несчастием. Картины природы описаны превосходно в сих отрывках; глубокое познание сердца человеческого и точное направление страстей, сообразно обстоятельствам жизни, показывают, что автор наблюдал природу в ее святилище, то есть в самом сердце... Мы не смеем определять г. Рылееву места на Парнасе, опасаясь раздражить самолюбие других поэтов, но должны откровенно сказать, что развивающийся талант г. Рылеева обещает отечеству писателя, который в потомстве будет стоять гораздо выше, нежели полагают некоторые из наших современных критиков» («Литературные листки» 1824, кн. I). «Предоставляем строгим судьям поэзии находить недостатки в этой поэме; они, конечно, отыщут некоторые повторения, некоторые неровности в стихах, может быть излишнее пристрастие автора к описанию картин природы, которые, впрочем, живы и прелестны. Но эта поэма доставила нам удовольствие даже при неодно-

кратном чтении. Это чистая струя, в которой отсвечивается душа благородная, возвышенная, исполненная любви к родине и человечеству. Воображение никогда не заносило поэта за пределы рассудка, в мечты, в туманы; он смотрел на природу, наблюдал сердце человеческое, чувствовал, мыслил и писал. Творение достойно хвалы, поэт— уважения и благодарности» (Ф. Б[улгарин], «Войнаровский», Поэма. Сочинение К. Рылеева. «Северная пчела» 1825, № 32).

Поэма Рылеева разошлась после декабрьских событий в исключительно большом количестве рукописных списков.

Батурин — город на Украине, с 1669 года — резиденция гетманов. В 1708 году был разрушен.

Бендеры — город и крепость в Бессарабии.

Искра — казацкий полковник (см. стр. 413).

Карл XII (1682 — 1718) — шведский король, на сторону которого перешел Мазепа.

Орлик — войсковой писарь (см. стр. 413).

57. *Видение* (стр. 230)

Напечатано в «Литературных листках» 1823, № III, Стихотворения, стр. 39—40, за подписью: *Рылеев.*

Одна из легальных попыток Рылеева провести характерные для него идеи гражданского дидактизма. Написана ко дню тезоименитства великого князя Александра Николаевича, будущего императора Александра II. По своей композиции «Видение» целиком продолжает традицию хвалебной оды XVIII века: картина волшебного полета тени Екатерины, восхваление ее мудрости, длинное поучение ею своего правнука, воспоминания, описание отдаленных частей России — все это находит себе аналогию в торжественных одах Ломоносова, Николева, Петрова, Державина, Хераскова; см., например, статью Грешищевой «Хвалебная ода в русской литературе XVIII века» в сборнике «М. В. Ломоносов», под редакцией В. В. Сиповского, Спб. 1911, и особенно статью П. Филипповича «Рілеев

і Державін» в сборнике «Декабристі на Україні», Киев 1926, убедительно доказывающую факт учебы Рылеева у этого виднейшего представителя русского классицизма). Однако, строя свою оду по образцам XVIII века, Рылеев значительно усложняет ее тематику. Взамен абстрактных указаний на мудрость и заботы монарха о счастьи подданных, Рылеев развертывает планы широких реформ.

Ю. Г. Оксман, недавно опубликовавший 7-ю и 8-ю строфы оды «Видение» в первоначальном виде, отмечает, что тематически и конструктивно ода Рылеева связана с традициями од Державина — «На рождение на севере порфирородного отрока» (1776) и Карамзина — «На восшествие на престол Александра I» (1801). «...Общие политические установки «Видения»... отражали иллюзии, характерные для всего правого крыла дворянской оппозиционной общественности начала 20-х годов. В эту пору Рылеев еще не отказался от надежд на просвещенного монарха, полностью реализующего под давлением идеологов Северного общества ту программу социально-политических реформ, которая отвечала классовым интересам умеренно-либеральных слоев поместного дворянства и городской буржуазии. Не случайно связывается «Видение» с именем пятилетнего царевича Александра, возможность возведения которого на престол очень занимала членов декабристских тайных организаций и совершенно конкретно обсуждалась даже в дни междуцарствия 1826 (1825? — *А. Ц.*) года» (Ю. Г. Оксман, «К. Ф. Рылеев», «Звезда» 1933, № 7, стр. 149 — 156).

Эту «крамольность» как нельзя лучше почувствовал Ф. В. Булгарин, который, печатая ее в «Литературных листках» 1823 (№ 3), пытался ослабить тенденцию «Видения» следующими «благонамеренными» примечаниями:

1) К стихам «Настанет век борений бурных Неправды с правдою святой» сделана сноска: «Под именем святой правды здесь подразумевается Священный Союз, установленный для блага народов».

2) К стихам: «Смотри — в волнении народы, Смотри — в движеньи сонм царей», явно намекающим на политические волнения в Греции, Пьемонте, Испании, сделано такое примечание: «Сие относится к Западной Европе, где дерзостные осмелились восстать против законной, богом установленной власти, и пали на веки — и Европа спасена от ужасов безначалия».

3) К стиху «Будь Антонином на престоле»: «История не любит именовать живых — Карамзин, История Государства Российского, т. IX, стр. 427, строка 24».

Антонин (86 — 161 нашей эры) — римский император, правление которого было исключительно мирным.

Ермолов — *см. стр. 563.*

Миних, Румянцев и Суворов — русские полководцы XVIII века.

Минерва — в римской мифологии — богиня мудрости.

58. Гражданское мужество (стр. 233)

Ода эта датируется 1823 или началом 1824 года. Запрещенная к печати Спб. цензурным комитетом, она была напечатана в первый раз в «Полярной звезде» Герцена, 1856, кн. II, стр. 27—29. В «Русской старине» 1871, кн. I, стр. 98 — 100, печаталась по неточному списку; напечатана с подлинной рукописи В. И. Якушкиным в «Русской старине» 1871, кн. XI, стр. 562—565.

Разночтения рукописей:

[1] Кто, кто сей дивный великан
[2] Чело покойно, строен стан
[3] Не ты ли, мужество граждан,
[4] Надежною опорой тронов! (Характерный вариант, введенный несомненно по цензурным соображениям).
[5] Презрев вражду, презрев обиды,
[6] О ты, которая везде
[7] И перлом был Екатерины.
[8] Аттил, и Цезарей и Бреннов
[9] Пока еще в стране родной

10 Екатерининских времен —
Для блага северных племен
11 Итак, сограждане, не нам
12 Так в дикой красоте стоит

Мордвинов Николай Семенович, граф (1754—1845)—адмирал, председатель департамента гражданских и духовных дел Государственного совета, член финансового комитета и комитета министров. Веротерпимость Мордвинова и его борьба с лихоимством администрации снискали ему широкую популярность в либерально-дворянских кругах.

Сияя доблестью, и славой, и наукой,
В советах, недвижим у места своего,
Стоишь ты, новый Долгорукой!

...Один, на рамена подъявши мощный труд,
Ты зорко бодрствуешь над царскою казною;
Вдовицы бедный лепт и дань сибирских руд
Равно священны пред тобою...

(Пушкин, «Н. С. Мордвинову», 1825)

В 1823 году Мордвинов был председателем Вольно-экономического общества. Его считали либералом, но эпитет этот к Мордвинову следует применять с осторожностью. Мордвинов ратовал за раздачу казенных имений в кредит крестьянам, откупающимся от зависимости, и в этом — прогрессивная сторона его взглядов. Однако он устанавливал высокие выкупные платежи для отпускаемых на волю крестьян и настаивал на незыблемости крепостного права. Политической целью Мордвинова было создание крепкого крупнопоместного землевладения — аристократии, при одновременной капитализации ее; иначе говоря, он ратовал за развитие капитализма по английскому образцу. Искавшее поддержки цензовых элементов, Северное общество относилось к Мордвинову как к одному из наиболее «левых» сановников. Вместе со Сперанским имя Мордвинова исключительно часто встречается в показаниях декабристов. «На бывший мне вопрос, в ком я и не-

счастные товарищи бедственных подвигов моих надеялись снискать помощь из особ, занимающих высшие в Правительстве места, я отвечал истинну, что мы не имели никаких поводов ни на кого из таких особ надеяться... Но вашему высокопревосходительству я обязан сказать по истинне на кого я хотя и без всяких причин метил в записке находящейся при делах Комитета; я обязан вам сказать, хотя бы сие и к вящему вреду мне служило, что я метил на Михаила Михайловича Сперанского и Александра (описка, следует: Николая.—*А. Ц.*) Семеновича Мордвинова, единственно потому, что первого почитал не врагом новостей, как он многих вводил будучи Государственным секретарем, а на второго потому что он из известнейших особ в Государстве» (показание кн. С. Трубецкого от 26 декабря 1825, «В. Д.», I, стр. 45). Николай Бестужев показывал, что «Г. Рылеев, с которым я был знаком по тесной его связи с моим братом Александром, не переставал мне выхваливать качества Николая Семеновича Мордвинова, в чем и я принимал участие, видя, что сей человек часто один останавливает многие ко вреду Государства предложения в Государственном совете. Образ мыслей его, изложенный и во многих его мнениях, которые ходили по городу как образцы государственного красноречия и любви к отечеству, по словам Рылеева, был тот, что Государству Российскому необходимо потребны коренные постановления и устройство по всем частям» («В. Д.», II, стр. 68). Лейтенант Арбузов показывал даже, что 13 декабря у отца Львовых был «член Государственного совета Мордвинов, который, уезжая во дворец для принятия присяги, говорил: «Может быть я уже более не возвращусь, ибо решился до конца жизни противиться сему избранию», и обращаясь к детям Львова, сказал: «теперь вы должны действовать» (там же, II, стр. 31). Нужно сказать, однако, что это свидетельство маловероятно: сам Арбузов показывает это со слов поручика Гудимова, который передавал слышанное им от Львовых, то есть из третьих рук. Как бы то ни было, эти частые упоминания

имени Мордвинова, число которых легко можно было бы умножить, не могли не возбудить подозрительности Николая I. Но если по отношению к Сперанскому применены были жестокие методы проверки его благонадежности, — на него была возложена работа по суду над декабристами, — то 72-летнего Мордвинова опасаться не приходилось. Кроме того, умеренные политические взгляды Мордвинова делали невозможной смычку Мордвинова с восставшими — политическая критика его режима не выходила за границу дворянских интересов, и такой умеренный декабрист как Никита Муравьев не без основания квалифицировал программу Мордвинова как попытку «соединить хартию с рабством крестьян». Эта идеологическая отчужденность от декабристов не мешала Мордвинову остаться гуманным в своем личном поведении во время расправы с ними — в Верховном уголовном суде он был единственным, кто подал голос против смертной казни.

Рылеев познакомился с Мордвиновым в бытность свою правителем дел Российско-американской компании, одним из акционеров и деятельным попечителем которой был и Мордвинов, то есть не ранее конца 1824 года, раза два был у Мордвинова («Воспоминания об адмирале, графе Н. С. Мордвинове, написанные дочерью его, графиней Н. Н. Мордвиновой», Спб. 1873, стр. 85). Почти одновременно имя Мордвинова входит в творчество Рылеева — ему посвящены вышедшие в начале 1825 года отдельным изданием «Думы», он упоминается в стихотворении «Вере Николаевне Столыпиной» («Северная пчела» 1825, январь); наконец прославлению гражданских заслуг Мордвинова посвящена ода «Гражданское мужество», написанная до их знакомства. Рылеев не скрывал на следствии о надеждах, которые он возлагал на него: «Г-на Мордвинова, — показывал он 19 декабря 1825 года, — узнал я по собственному его желанию и был у него с Ф. Н. Глинкою. Поводом сего была ода, мною написанная, в коей я об нем упоминал. Через несколько времени он предложил мне место в Американской компании, правителя кан-

целярии, которое я получил в начале прошлого года. После того имел я с ним сношение по делам компании и виделся у него по утрам, когда было нужно» («В. Д.», I, стр. 155). Мордвинову вместе со Сперанским после переворота должна была быть передана исполнительная власть как верховным правителям (показание Рылеева от 24 апреля 1826 года, «В. Д.», I, стр. 188).

Ареопаг — холм, на котором заседали верховные судьи Афин. Ареопагом называлось и само их собрание, и в этом последнем смысле его употребляет Рылеев.

Аристид (530—467 до н. э.) — афинский государственный деятель, славившийся своею справедливостью.

Аттила — вождь гуннов, прошедший с огнем и мечом по Западной Европе. Образ этот Рылеевым употреблен как синоним кровожадного полководца.

Вотще — тщетно, напрасно.

Выя — шея («Презренного злодея меч сверкнул над выей патриота», — «Видение императрицы Анны»).

Долгорукий (Долгоруков) Яков Феодорович (1659—1720) — сенатор, один из приближенных и советников Петра I (ср. думу «Яков Долгорукий»).

Катон (234—149 до н. э.) — римский государственный деятель *(см. стр. 532)*.

Наполеон — французский император *(см. стр. 740)*.

Панин Никита Иванович (1718—1783) — дипломат, руководитель внешней политики правления Екатерины.

Цицерон — *см. стр. 530, 532*.

Эльбрус — высочайшая гора Кавказа.

59. К N. N. («У вас в гостяхъ бывать накладно») (стр. 236)

Напечатано в журнале «Северный Меркурий» 1830, № 11, 24 января, стр. 44; за подписью: *Р*. Адресат неизвестен.

60. В альбом Т. С. К. (стр. 236)

Первоначально напечатано в журнале «Северный Меркурий», т. I, 1830, № 11, 17 января, стр. 44, за подписью: *Р.*

Имя поэта в эту пору было уже запретным. Его авторство удостоверяется черновым наброском в Архиве Рылеева в ИРЛИ на обороте плана о Наполеоне (шифр 9286. 7, III, б. 49, лист 5). Адресат послания неизвестен, но по инициалам и по упоминанию «иной подруги» (т. е. жены Рылеева) можно предполагать, что им является «госпожа К.» *(см. следующее примечание)*.

61—62. Элегии: «Исполнились мои желанья» и «Покинь меня, мой милый друг!» (стр. 237—238)

Оба эти стихотворения опубликованы в «Русском слове» 1861, № 4, стр. 42 и 50. Рукопись — в Архиве Рылеева, 2 листка, шифр: 29. 5. 6, л. 1 (беловой автограф, подпись под первой: *К—в* (зачеркнута). Написаны Рылеевым в 1824 году, когда эротическая и любовная лирика была для него уже пройденным этапом творчества. Написание обеих элегий обусловлено было особыми причинами биографического порядка — сближением Рылеева с таинственной «г-жей К».

Н. А. Бестужев рассказал в своих воспоминаниях о пламенном увлечении Рылеева некоей г-жей К., приехавшей в Петербург «по важному уголовному делу о ее муже·« «Несколько человек моих знакомых, — говорил Бестужеву Рылеев, — многие важные люди просили меня заняться этим делом, уговаривали познакомиться с нею. За первое я взялся по обязанности, второго старался всячески избегать, потому что не люблю знакомиться с теми, чьи дела на моих руках, и по свойственной мне неловкости и застенчивости с женщинами». Рылеев познакомился с г-жей К. и, увидя женщину «во всем блеске молодости и красоты, ловкую, умную, со всеми очарованиями слез и пламенного красноречия, вдыхаемого ее несчастным положением», увлекся ею, она же влюбила его в себя. Г-жа К. оказалась шпионом правительства. «Для меня объяснилась вся загадка. Давно уже Рылеева подозревали как вольнодумца... Надо было проникнуть глубже в его душу и сердце. Можно себе представить всю силу негодования

пылкого Рылеева, когда вероломство женщины, которую считал он образцом своего пола, представилось ему в настоящем виде. Он хотел в ту же минуту ехать к ней, высказать все презрение к той роли, которую она приняла с ним; осыпать ее упреками, представить всю подлость ее положения и оставить ее навсегда. Мы с братом Александром успокоили его, и после согласился он с нами, что такой поступок всего скорее обнаружит то, что всего менее ему надобно было показывать. Такая ссора обнаружила бы и слабость его сердца, и негодование подозреваемого человека. Мы положили, чтобы он никак не показывал того, что ему было известно, а напротив старался дать более свободы своему обращению, чтобы радость, происходившая прежде от внутренней борьбы с собой, не могла быть принята за боязнь человека, скрывающего тайну.

Рылеев сказал и сделал. Данный урок излечил его от слабости и, когда возвращенное спокойствие позволило ему хладнокровнее наблюдать за этой женщиной, он ясно увидел ее намерения. По мере той, как он делался свободнее и показывал ей более внимания, она более и более устремлялась к своей цели. Томность ее чувствований заменялась выражением пламенной любви к отечеству; все ее разговоры клонились к одному предмету: к несчастиям России, к деспотизму правительства, к злоупотреблениям доверенных лиц, к надеждам свободы народов и т. п. Рылеев мог бы обмануться сими поступками: его открытое сердце и жаркая душа только и искали сих ощущений. Но он был предосторожен, и уже никакие очарования, никакие обольщения не выманили бы из груди тайны, сокровища, которые он становил дороже всего на свете, и обманщица в свою очередь осталась обманутой» («Воспоминания Бестужевых», М. 1931, стр. 75).

У исследователей Рылеева этот эпизод его биографии нашел себе различную оценку. Н. А. Котляревский подвергал рассказ Н. А. Бестужева сильному подозрению: «Рассказ Бестужева нельзя принимать всецело на веру: он сочинен значительно позже, и в нем вымысла гораздо

больше, чем правды» («Рылеев», Спб. 1908, стр. 44, примечание). Интересно, однако, отметить, что декабристы не оспаривали ни факта существования г-жи К. ни ее двусмысленных отношений к Рылееву. Так М. И. Муравьев-Апостол подтвердил рассказ Н. А. Бестужева: «Полька К. была действительно подослана к Рылееву Аракчеевым» (цит. по статье М. К. Азадовского в сб. «Воспоминания Бестужевых», М. 1931, стр. 48). В бумагах Семевского сохранилось несколько замечаний В. И. Штейнгеля по поводу воспоминаний Н. А. Бестужева; они сделаны на полях составленной Семевским биографии Н. А. Бестужева, в которой автор подробно цитировал тогда еще запретный рассказ о Рылееве. Эпизод с г-жей К. он ввел почти полностью в свое изложение. Против этого места Штейнгель записал: «Весь этот эпизод помещать мне кажется не совсем обдуманным со стороны Н. А. Б., особливо выдавать в печать. И какое право да и к чему это?» Таким образом Штейнгель не оспаривает факта, но только протестует против его опубликования (Азадовский, там же, стр. 48). Полное отсутствие в опубликованных доселе архивных материалах каких-либо сведений о г-же К. как шпионке делает, разумеется, рассказ Н. А. Бестужева сомнительным. Вполне возможно, что декабристы только подозревали в ней правительственного агента. Но самое существование г-жи К., повидимому, бесспорно и оно находит себе подтверждение в ряде элегий, написанных Рылеевым в течение 1824 года: «Исполнились мои желания», в которой поэт радуется наступившей страсти, элегии «Покинь меня, мой юный друг», в которой он уже предчувствует «гибель», «Я не хочу любви твоей» и особенно «Оставь меня», стихотворении, которое Рылеев легко мог написать после разрыва с г-жей К. Биографическая подоснова этих стихотворений бесспорна. В 1824 году интимная лирика бесповоротно уже уступила место гражданской и не могла возродиться без специальных, чисто личных поводов к тому. Все эти стихотворения не могли быть адресованы ни к жене — тон их совершенно иной, — ни к Е. И. Малютиной, с ко-

торой, как это недавно установлено новоопубликованными письмами Малютиной к Рылееву, он находился в связи в 1825 году (подробнее об этом см. в примечании на стр. 817). Эти четыре или пять стихотворений создают некоторое отраженное представление об этом запретном чувстве Рылеева, которое его очень мучило и которое, повидимому, осталось неизвестным его жене.

Нами уже отмечалось (в статье «Творческий путь Рылеева» в сб. «Бунт декабристов», Л. 1926) то несомненное влияние, которое оказало на первую элегию Рылеева стихотворение Пушкина «Я пережил свои желанья». Приводим первую и последнюю строфы обоих стихотворений:

Пушкин:

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты,
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты...
. . . .
Так поздним хладом пораженный,
Как бури слышен зимний свист,
Один на ветке обнаженной
Трепещет запоздалый лист.

Рылеев:

Исполнились мои желанья,
Сбылись давнишние мечты,
Мои жестокие страданья,
Мою любовь узнала ты
. . . .
Так окроплен росой отрадной
В тот час, когда горит восток,
Вновь воскресает ночью хладной
Полузавялый василек.

«Элегия» Пушкина напечатана в «Новостях литературы» 1823, № 48, и не могла остаться неизвестной Рылееву, сотруднику этого журнала и поклоннику и другу Пушкина. Стихотворение Рылеева долгое время приписывалось малоизвестному лирику Ротчеву (см. «Искру» 1861, № 49, стр. 734, и возражения «Библиографических записок» 1861, т. III, стр. 582).

63. К N. N. «Когда душа изнемогала» (стр. 238)

Напечатано П. А. Ефремовым в «Библиографических записках» 1861, № 18, стр. 582. В исправленном тексте по рукописи напечатано им же («Русская старина» 1872, № 1, стр. 66—67). Рукопись — в Архиве Рылеева в ИРЛИ, в тетр. № 1, л. 8, без заглавия (черновик) и на отдельном листке; шифр 29. 5. 6. л. 2 об. Н. Котляревский предполагает, что стихотворение это полно покаянья перед женой после романа с «госпожей К.» (см. выше) («Рылеев», Спб. 1908, стр. 45).

64. Я не хочу любви твоей (стр. 239)

Опубликовано В. Е. Якушкиным по черновой рукописи Рылеева в «Вестнике Европы» 1888, кн. 12, стр. 590—591, как 4-я, 5-я, 6-я, 7-я, 8-я, 9-я строфы стихотворения к «N. N.» («Когда душа изнемогала»). Мы считаем это стихотворение самостоятельным и независимым от вышеназванного по следующим основаниям:

1) Стихотворение «К. N. N.», в том виде, в каком оно напечатано в «Библиографических записках» 1861 (пять строф), совершенно закончено по своей внутренней структуре (болезнь и исцеление в поэтическом образе опалившего себе крылья, но вновь порхающего мотылька). Устранение последних двух строф лишает его конца.

2) Стихотворение «Я не хочу любви твоей» также в своей основе имеет определенную идею — отрицание любви, отказ от нее теперь, «когда страждет отчизна».

Все шесть строф представляют собой развитие этой основной темы.

3) Контаминация обоих стихотворений приводит к ряду смысловых невязок: в четвертой строфе провозглашается отказ от любви, о которой в первых трех строфах не было и речи; не мотивирован переход к декларации отказа от благодарности за внимание и т. д.

4) Свидетельство чернового списка само по себе говорит только о попытке такой контаминации, но не о законности ее, — характерно, что дефинитивный текст первого

стихотворения заключает в себе пять строф. Соображения смыслового характера играют здесь решающую роль.

65. *«Оставь меня! я здесь молю»* (стр. 239)

Один из отрывков, опубликованных П. А. Ефремовым в «Русской старине» 1871, кн. I, стр. 98. Тематика его не оставляет сомнения в том, что в основе его лежит «преступное» чувство поэта к г-же К., оказавшейся шпионкой правительства (см. комментарий к элегиям: «Исполнились мои желанья» и «Покинь меня, мой юный друг»). Тем самым отрывок датируется 1824 годом.

66. *Эпиграмма на болезнь Крылова* (стр. 240)

Эпиграмма написана в начале 1824 года, напечатана в «Русском архиве» 1871, № 7—8, в приложении к письмам А. Е. Измайлова к И. И. Дмитриеву, «Русский архив» 1871, кн. VII—VIII, стр. 1012.

Баснописец И. А. Крылов в конце 1823 года был поражен параличным припадком (см. по этому поводу в письмах Пушкина, под ред. Б. Л. Модзалевского, стр. 454). По докладу статс-секретаря Оленина Александр I пожаловал Крылову 10 000 рублей. Эпиграмма Рылеева не вполне мотивирована: в официальных сферах Крылов пользовался весьма широкой популярностью, что, без сомненья, объясняется благонамеренной и патриотической тенденцией его басен.

67. *На смерть Байрона* (стр. 240)

Байрон Джордж Ноэль Гордон, лорд (1788—1824)— знаменитый английский поэт, принимавший деятельное участие в заговоре итальянских карбонариев и особенно в греческих делах. Им был снаряжен на собственные деньги отряд добровольцев, который Байрон лично повел на борьбу за освобождение Греции от турецкого владычества. В лагере под Миссолонгами Байрон заболел гнилой лихорадкой и скончался 24 апреля 1824 года. Турки приветствовали его смерть пушечным салютом.

Влияние Байрона на русскую литературу 20-х годов было огромным. Пушкин, познакомившись с Байроном, по собственному его признанию, «сходил от него с ума». «Много читал Байрона, — записал 31 января 1819 года в свой дневник Козлов. — Ничто не может сравниться с ним... Что за душа, какой поэт, какой восхитительный гений. Это просто волшебство». А. И. Тургенев в письме к князю П. А. Вяземскому пишет: «Ты проповедуешь нам всем Байрона, которого мы все лето читали. Жуковский им бредит и им питается...» (цит. по книге В. И. Маслова: «Начальный период байронизма в России», Киев 1915, стр. 5). Влияние Байрона отразилось на творчестве Пушкина (южные поэмы), Баратынского, Полежаева, Подолинского и множества более мелких поэтов 20-х годов (см. специальное исследование В. М. Жирмунского — «Байрон и Пушкин. Из истории романтической поэмы», Л. 1924).

Столь значительное влияние Байрона объяснялось в этой среде как исключительной новизной поэтического стиля, так и глубокой родственностью некоторых его идейных тенденций тенденциям либерально-дворянской русской литературы. Поэзия Байрона, полная пессимизма и бурного индивидуализма, превосходно соответствовала идеологии дворянской интеллигенции, томившейся в обстановке аракчеевской реакции. У Байрона эта интеллигенция находила весь тот строй чувств, который помогал ей оформить своеобразную форму ухода от этой действительности — разочарование, разрыв со светом, безудержный пессимизм, уход в экзотику, любование пряным и красочным Востоком и т. д. Переводится Байрон на русский язык очень рано: в 1820 году в «Вестнике Европы» печатается «Осада Коринфа», в 1821 там же «Мазепа», «Гяур», «Абидосская невеста», но. конечно, еще раньше дворянские поэты знакомятся с его поэмами по подлиннику и по французским переводам.

Рылеев очень рано мог познакомиться с Байроном; в Обществе Соревнователей Просвещения О. М. Сомов прочитал свой перевод из «Морского разбойника» («Корсара»);

переводы из Байрона появились на страницах «Соревнователя просвещения», в котором Рылеев усердно сотрудничал, в 1820 (ч. XII) — «Прощание», в 1822 (ч. XVII) — «Паризина», переведенная П. Бестужевым, «Тьма», переведенная Ф. Глинкой, и т. д. Байроновские мотивы отразились уже в «Думах» Рылеева, написанных в классическом стиле: в «Курбском», в «Богдане Хмельницком» (разговор героя с женой Хмельницкого напоминает разговор Гюльнары с Конрадом в «Корсаре», — см. Маслов, стр. 219). И. И. Замотин («Предание о Вадиме Новгородском в русской литературе», «Филологические записки» 1899, вып. VI) отмечал влияние Байрона на думу «Вадим». Но особенно сильным влияние Байрона было в романтических поэмах Рылеева. Явление казачки раненому Войнаровскому, например, почти буквально взято Рылеевым из «Мазепы» Байрона. Влияние Байрона сильно и в «Наливайке», первый отрывок которого («Киев») сходен с «Гяуром», и т. д. (детальные сопоставления см. в книге В. И. Маслова, стр. 279, 284, 286, 288, 289 и др.). Из лирических произведений Рылеева байронизмом полны его «Стансы» («Не сбылись, мой друг, пророчества пылкой юности моей»). Влияние Байрона на Рылеева подчеркивалось уже современниками: прочитавший «Войнаровского» П. А. Катенин писал Н. И. Бахтину 26 апреля 1825 года: «Все это копии с разных байроновских вещей в стихах по новому образцу...» («Русская старина» 1911, т. 146, стр. 594). «Войнаровский, — писал Н. Н. Раевский Пушкину, — est un ouvrage en mosaïque composé de fragmens Byron et de Пушкин, rapportes ensemble sans beaucoup de réflexion. Je lui fais grâce pour la couleur locale. C'est un garçon d'esprit, mais ce n'est point un poète...» (Сочинения Пушкина, Переписка, т. I, Спб. 1906, стр. 212—213).

Литературное воздействие Байрона на Рылеева было бесспорно чрезвычайно значительным — свидетельством тому служат его «Стансы» и «Войнаровский». Однако симпатии Рылеева к Байрону явно не ограничивались

областью литературы. В противоположность Пушкину, Веневитинову и Вяземскому, Рылеев ценил в Байроне *политическую* насыщенность его поэзии, освободительный ее пафос, и это было понятно и естественно для декабриста. Об этом свидетельствует освободительно-романтическая фразеология («друзья свободы», «борьба за вольность», «тираны и рабы» и пр.) и основная идея оды, славящей не столько «поэта», сколько борца.

Ю. Н. Тынянов успешно доказал, что «Ода его сиятельству графу Хвостову» Пушкина была «полемическим ответом воскресителям оды, причем пародия на *старинных* одописцев явилась лишь рамкою для политической пародии на *современных* воскресителей высокой оды, к которым принадлежали Кюхельбекер и отчасти Рылеев («Пушкинский сборник», М.—Л. 1923, стр. 92, и сборник статей Тынянова «Архаисты и новаторы», Л. 1928). Если мы припомним, что архаизм был характерным методом творчества ряда декабристских поэтов (Рылеев, Кюхельбекер, Одоевский и др.), то факт пародии, формалистски рассматриваемый Тыняновым в *узко-литературном* плане, осмыслится как акт *политической борьбы*.

Внешняя история оды «На смерть Байрона» чрезвычайно любопытна. Написанная в 1824 или 1825 году, она уже не могла быть напечатана при жизни Рылеева. В 1828 году А. Ивановский, один из чиновников следственной по делу декабристов комиссии, издал альманах «Альбом северных муз» с этим стихотворением (стр. 244—247), однако без подписи автора и со значительными смягчениями подлинника. Как замечает В. Якушкин («Вестник Европы» 1888, кн. XII, стр. 591), Ивановский вначале считал возможным ограничиться некоторыми пояснениями к тексту в виде выносок (к стиху «властей не признавал» сделана выноска: «в поэзии»; к стиху «тираны и рабы» пояснено: «турки»). Но вместе с тем он изменил и самый текст. Приводим искажения текста Рылеева, сделанные Ивановским:

[1] Эллада в дни святой борьбы;
[2] Султан роскошного Востока
[3] И катафалк огнем блестит
[4] Влачить опять она должна,
И вновь ярмом отягчена
Возникнувшей Эллады воля...
[5] Не истребится никогда!
К могиле Байрона всегда
Звездой он будет путеводной

[6] И дара муз не унижали
Другой вариант: «Священный огнь в груди питал»
[7] Карандашом сделано примечание: «его оскорбителей»; чернилами подчеркнуто слово «презрительных» и приписано: «людей не вовсе разлюбила...»
[8] Друзья терзаемой Эллады
[9] Карандашом написано: «Турки», а внизу приписано: «Султана гордые рабы Одни его кончине рады». В «Альбоме северных муз»: «Лишь Магометовы рабы».

68. *На смерть сына* (стр. 242)

Напечатано П. А. Ефремовым в «Русской старине» 1871, № 11, стр. 568. Сын К. Ф. Рылеева, Александр, умер 6 сентября 1824 г. «Мой друг, — писала Рылеева мужу в крепость 26 мая 1826 г., — я заказала Сашеньке памятник и кругом решетку. Стишки твои нашла, которые ты ему написал, будут надписаны ему» (Ефр. [1], 288).

69. *Наливайко* (стр. 243)

По окончании «Войнаровского» Рылеев принялся за написание нескольких поэм («Наливайко», «Хмельницкий», «Партизаны»). Ни одна из них не получила окончательного завершения. В более полном виде был осуществлен Рылеевым замысел «Наливайки».

В бумагах его сохранилась следующая программа, по которой В. Е. Якушкин восстановил последовательность

глав поэмы (курсивом напечатаны исполненные части программы):

«Сельская картина. Нравы малороссиян. *Киев. Чувства Наливайки. Картина Украйны.* Униаты. Евреи. Поляки. Притеснения и жестокость поляков. Смерть Косиненко. *Смерть старосты.* Восстание народа. Наливайко — гетман. Новые жестокости поляков. *Поход.* Сражение. Тризна. Мир. Лобода и Наливайко в Варшаве. Казнь их. Епилог». [Здесь же приписано: «Церковь. Пещеры. *Поход казаков. Молитва Наливайки.* Он может и не хочет бежать. Епилог. Наливайко в темнице»].

Как явствует из этой программы, поэма «Наливайко» была написана Рылеевым не более чем на одну треть.

Три отрывка из этой поэмы — «Киев», «Смерть Чигиринского старосты» и «Исповедь Наливайки» — были напечатаны в «Полярной звезде» на 1825 год (стр. 30—31, 115—116, 185—186). Остальные оставались неопубликованными до 1888 года (см. статью В. Е. Якушкина в «Вестнике Европы» 1888, № 12, стр. 583—590).

«Наливайко» явился в результате той же ориентации Рылеева на украинскую тематику, что и «Войнаровский». Поэта должна была привлечь к себе эпоха казацких войн против польской шляхты, борьба, которую было удобно насытить патриотическим и гражданским содержанием. Интерес к Украине, ее истории и поэзии был вообще характерен для 10—12-х годов прошлого века. У Рылеева этот интерес углублялся его обильными знакомствами с украинцами — Н. А. Маркевичем и др. Исторические сведения для этой поэмы, как справедливо предполагает В. И. Маслов, Рылеев заимствовал из «Истории Руссов», которую как раз в это время пересылал ему в отрывках А. Ф. де Бриген («Литературная деятельность К. Ф. Рылеева», 1912, стр. 243—245, 258—261 и 306).

В историко-литературном отношении поэма «Наливайко» представляет собой характерную для Рылеева попытку

насыщения каркаса байронической поэмы (разочарованность героя, который «был дружбе чужд, был чужд любви») пафосом героического борца за веру и вольность украинского казачества. В отличие от «Войнаровского», «Наливайко» — гораздо более динамическая поэма, изобилующая действием и большим разнообразием сюжета. Вместе с тем она представляет собою шаг вперед в стилистическом отношении — язык ее образнее, в нем почти совершенно отсутствуют архаизмы, обильно присутствует «местный колорит» и пр.

Критика не имела возможности оценить «Наливайку» в целом, но отзывы ее о появившихся в «Полярной звезде» отрывках из поэмы были чрезвычайно сочувственными. «В описании «Смерти Чигиринского старосты» находятся такие подробности единоборства, такая быстрота в рассказе, такая пылкость в движении, что это место бесспорно могло бы украсить лучшую из эпических поэм» — писал критик «Сына отечества» (1825, ч. 101). «...Могу ли я хладнокровно читать «Войнаровского» и «Наливайку»?—писал Рылееву Н. А. Маркевич. — Примите мою и всех знакомых мне моих соотечественников благодарность. Будьте уверены, что благодарность наша искренняя, что мы от души чувствуем цену трудов ваших, которые вас и предков наших прославляют. Мы не потеряли еще из виду деяний великих мужей малороссиян, во многих сердцах не уменьшилась еще прежняя сила чувств и преданность к отчизне. Вы еще найдете живым у нас дух Полуботка. Примите нашу общую благодарность: вы много сделали, очень много. Вы возвышаете целый народ, — горе тому, кто идет на усмирение целых стран, кто покушается покрыть презрением целые народы, и они ему платят презрением. Но слава тому, кто прославляет величие души человеческой и кому народы целые должны воздавать благодарность. «Исповедь Наливайки» врезана в сердцах наших и моем также» (письмо Н. А. Маркевича к Рылееву, опубликованное В. Е. Якушкиным в «Русской старине» 1888, кн. XII, стр. 599).

Из весьма многочисленных рукописных вариантов поэмы отметим лишь наиболее значительные:

2. Картина Украины. Чувства Наливайки (стр. 244)

[1] После этого стиха в одной черновой следует:

О как несносно, как ужасно
Под иго чуждое подпасть
И после вольности прекрасной
Врагов насильственную власть...

[2] После этого стиха:

В степи душе его простор,
В степи свободнее он дышит,
Там ляхов не встречает взор
И воплей земляков не слышит...

Кроме того, при описании скитаний Наливайко есть еще следующее четверостишие, написанное на полях, вне текста:

Вражда к тиранам неприметна;
Спокойны гордые умы;
Но так порой спокойна Этна
Под хладным черепом зимы.

Ю. Г. Оксман недавно опубликовал беловой автограф этой части поэмы, озаглавленный «Весна» и сохранившийся в бумагах Булгарина. «Исключительно четкий текст рукописи, заголовок... и наконец ряд характерных цензурных отчеркиваний и вопросительных знаков на полях — не оставляют никаких сомнений в том, что именно этот текст наброска предназначался для печати... но остается неопубликованным в силу препятствий цензурно-политического порядка» («Звезда» 1933, № 7, стр. 150). В этой публикации новыми являются стихи:

Для угнетенных не отрадны,
Рабы и сумрачны и хладны.
Питая грусть в душе своей,

вместо которых в прежних изданиях («Вестник Европы» 1888, кн. XII, стр. 583) был смягченный стих:

Им не отрадны, им не дивны;

В публикации Ю. Г. Оксмана в «Звезде» имеется одна погрешность: стих «Все радостию оживлены» пропущен.

3. Разговор с Лободой (стр. 246)

К этому отрывку имеются два варианта, не вошедшие в окончательный текст. Первый вариант:

Нет примиренья, нет условий
Между тираном и рабом;
Тут надо не чернил, а крови,
Нам должно действовать мечом.

Второй вариант:

Нет, нет, невольники не в силах
Пылать огнем высоких дум,
Не кровь — вода течет в их жилах,
Их чувства спят, их дремлет ум.

На рукописи «Наливайко» рядом с приведенными стихами на стр. 22-й два стиха, очевидно, отрывок из другого стихотворения:

Идут и в каменные груды
Громят две тысячи орудий.

4. Смерть Чигиринского старосты (стр. 247)

Последний стих отрывка в рукописи:

[3] Лишь следом кровь по степи льется.

5. Наливайко в Печерской лавре (стр. 248)

[4] В рукописи в 6-м стихе имеется слово «Благоговение», в печатных текстах Якушкина, Мазаева и других изданий отсутствующее.

[5] Глагол 10-го стиха — единственного числа: «яснело». Мы следуем в данном случае рукописи.

[6] В другой рукописи вместо последних двух стихов отрывка имеется следующий вариант:

Так для него прошло семь дней.
Часы молитв не пропуская,
Постится он и вот — Страстная.

6. Исповедь Наливайки (стр. 249)

[7] После четвертого стиха в рукописи вариант:

Ах, если б возвратить я мог
Порабощенному народу
Блаженства общего залог —
Былую праотцев свободу!

8. Лагери поляков и казаков (стр. 251)

[8] 59-й и 60-й стихи отрывка:

Кой где чуть брежжут огоньки,
Вкруг них у коновязей длинных

Описание сна сохранилось в нескольких редакциях, незначительно отличающихся друг от друга.

«Наливайко» имел свою цензурную историю. «Непостижимо, — писал барон В. И. Штейнгель, — каким образом в то самое время, как строжайшая цензура внимательно привязывалась к словам ничего незначащим, как то: ангельская красота, рок и пр., пропускались статьи, подобные «Волынскому», «Исповеди Наливайки», «Разбойникам Братьям» (sic!) и пр.» (из письма его Николаю I из Петропавловской крепости 11 января 1826 года, цит. по сб. «Общественные движения в России в первую половину XIX века», т. I, Спб. 1905, стр. 488). Штейнгель мог бы сыграть роль невольного доносчика на своего друга, если бы за две недели до того от А. С. Шишкова не поступило к цензору А. С. Бирукову предписание: «По высочайшей государя императора воле предлагается вам, милостивый государь мой, представить мне в непродолжительном времени объяснение: какими причинами руководствовались вы в пропуске к печатанию в «Полярной звезде» на 1825 год статьи Рылеева под заглавием

«Исповедь Наливайки», в которой усматриваются неуместные выражения о преступлениях и свободе». В своем ответе А. С. Бирюков пробовал оправдываться тем, что «Наливайко» не представляется в оном сочинении возмутителем народа против законной власти, но защитником ее прав и общего блага, попираемого чужестранною державою».

«... Есть ли же ныне в вышеупомянутой статье Рылеева и обнаруживаются под восклицаниями пламенеющей ревности к освобождению отечественной страны от чуждого ига, дикие вопли буйной свободы безначалия, то оные были не только для меня, но и для всей публики непостижимы; ибо экземпляры означенной книги в самое короткое время раскуплены; между тем как до нынешнего общественного случая не слышно было никаких замечаний на оную». «Несмотря на явную несостоятельность доводов А. С. Бирукова, — замечает опубликовавший его записку Ю. Г. Оксман, — дело было потушено, а давнее отсутствие в продаже экземпляров «Полярной Звезды» исключало возможность конфискации издания или хотя бы вырезки из него «возмутительных» текстов» (см. статью Ю. Г. Оксмана, «Юбил. Збірнік на пошану Дм. Богалия», Киев 1927, стр. 875 — 877, и перепечатку записки Бирукова в «Звезде» 1933, № 7, стр. 151 — 153; наши цитаты берутся из этой вторичной публикации).

Свое революционизирующее действие «Исповедь Наливайки» сохранила в течение очень долгого времени. «Я, — писала в своих воспоминаниях В. И. Засулич, — могла мечтать о деле, о подвигах, о великой борьбе «в стане погибающих за великое дело любви». Я жадно ловила все подобные слова в стихах, в старинных песнях: «скорей дадим друг другу руки и будем мы питать до гроба вражду к бичам земли родной», — в стихах, иногда и там быть может, где в мыслях автора было другое, находила у своего любимого Лермонтова и конечно у Некрасова. Откуда-то попалась мне «Исповедь Наливайки» Рылеева и стала одной из главных моих святынь: «известно мне, погибель

ждет того, кто» и т. д. И судьба Рылеева была мне известна. И всюду всегда все героическое, вся эта борьба, восстание было связано с гибелью, страданьем» («Былое» 1919, кн. 14, стр. 94).

Б а т ы й — татарский хан, в XIII столетии совершивший свой завоевательный поход по южной Руси и взявший Киев.

Г е д е м и н — великий князь литовский, совершивший в XIV веке поход на Киев.

Н а л и в а й к о — казак. Восстапие, которым он руководил против польских панов, приняло огромные размеры, но было разгромлено войсками гетмана Жолкевского, а сам Наливайко был казнен в Варшаве.

У н и а т а м и называлась та часть православного населения западной Украины, которая признала в конце XVI века над собою, под давлением католического польского духовенства, верховную власть папы. Православная церковь всячески разжигала в широких массах украинцев ненависть к униатам как к «отступникам от родной веры».

Ч и г и р и н — город близ Киева, игравший большую роль в истории Украины. При Богдане Хмельницком был столицей гетманства.

70. *Гайдамак* (стр. 255)

Этот отрывок из задуманной Рылеевым поэмы «Хмельницкий» был напечатан в «Соревнователе просвещения» 1825, XXX, № 4. В булгаринском архиве сохранилось *семь* редакций этого отрывка, подробно воспроизведенных П. А. Ефремовым в «Русской старине» 1871, № 1. Приводим здесь наиболее характерное и важное.

[1] В первоначальных набросках было:

Не вихрь шумит среди степей,
Не ястребов орел гоняет:
На вороном коне летает
За крымцами седой Палей.
Осенней ночью близ кургана...

и т. д.

[2] И далее:

Их лица смуглые слегка
Багровый пламень освещает,
Угрюмый вид их выражает
И беспокойство и печаль.
Угрюмо, дико все в природе:
Ни звездочки на мрачном своде
Уныло дремлющих небес;
Река молчит, безмолвен лес;
Лишь налетая ветр порою
Ковылью шевелит сухою
Да кони борзые, на воле
Гуляя, травку щиплют в поле.
Сквозь черный мрак сгущенной ночи
Напрасно зоркие их очи...

и т. д.

[3] Ну что ж? Пусть так, у молодца
Булат с пищалью семипядной.
Бежали робко перед ним
Не раз и крымцы и поляки.
Как божий гнев он страшен им,
Как страшный вихорь он средь драки.
Не раз конями вместе с ним
Топтали мы враждебный Крым
И нивы Польши плодородной...
Так запорожцы в тишине
Порой друг другу говорили

. . . .

[4] Противу крымцев и поляков.
Тогда весьма он молод был,
Красив, высок, осанист, строен;
Он строго наш закон хранил,
И как прямой и пылкий воин
Тревоги бурные любил,
Но в сердце что-то он таил
И был душевно неспокоен.

[5] Меж тем румяною зарею
Уж занимается восток.
Уж чаще шевелит травою
Передрассветный ветерок:

[6] Вот за могилою степною
Между высокою травою

[7] Первый вариант:

По шее кровь бежит из раны,
Расколот рыцарский сайдак,

И безобразными клочками
Обрызган кровью меж ногами
Чепрак разорванный висит.

Второй вариант:

Струится кровь из черной раны,
На шее сделанной свинцом,.
И безобразными кусками
В крови висит между ногами
Чепрак исколотый кругом.

[8] Погиб? Но где, за что, и как
[9] В степи захваченный в неволю
[10] В глуши пустынной он лежит
[11] И уже волк средь мрака ночи
В колючем терне тело рвет
И в голове казацки очи
Орел безжалостно клюет.

Магнат — польский вельможа.

Сайдак — лук.

Чепрак — покрывало под седлом лошади.

71. Палей (стр. 259)

На тех же листках, где был написан «Гайдамак», Рылеев набросал стихи другого отрывка «Палей, отрывок из новой поэмы», напечатанного в «Северной пчеле» 1825 № 2, 3 января, стр. 4, и перепечатанного без подписи в альманахе «Северная звезда» 1829 (изд. М. А. Бестужевым-Рюминым), Спб. 1829, стр. 25—27. Основываясь на том, что образ запорожского атамана Палея фигурирует и в отрывке «Гайдамак» («На вороном коне летает за крымцами седой Палей»), можно считать «Гайдамака» вторым отрывком поэмы «Хмельницкий».

П. А. Ефремов приводит в «Русской старине» 1871, том III, стр. 110—111, следующие разночтения черновой рукописи:

[1] Не тучи солнце затмевали,
[2] Палея с горстью удальцов

[3] В степи пустынной окружали *

[4] От верного свинца валится

[5] Кругом казак за казаком...

[6] Понесся он, как ветр нагорной

[7] Было: «выходит на берег другой»; прежде написано: «прыгнул из волн на брег крутой»

[8] Казак с насмешкой оглянулся,

[9] И в Запорожье поскакал.

Сцена переправы Палея через реку весьма напоминает собою аналогичную финальную сцену «Кавказского Пленника»:

Рылеев:

Слетел с брегов, отваги полн.
И вот средь брызгов и средь волн,
Исчез в клубящейся пучине...
Бушует ветр, река ревет,
Уж он спокойно на средине
Днепра шумящего плывет...
И невредимо витязь смелый...
Выходит на берег крутой...
Палей с насмешкой оглянулся...

Пушкин:

Рука с рукой унынья полны,
Сошли ко брегу в тишине,
И русский в шумной глубине,
Уже плывет и пенит волны,
Уже противных скал достиг,
Уже хватается за них...
Вдруг волны глухо зашумели,
И слышен отдаленный стон...
На дикий брег выходит он...
Глядит назад...

О личности Палея см. выше, стр. 292.

* Другая редакция:

Горсть запорожских казаков
Толпы несметные врагов
С их атаманом окружали.

72. Песня сторонников Мазепы (стр. 261)

Опубликована в «Вестнике Европы» 1888, кн. XII, стр. 581—582. Предположение Г. Балицкого, что это отрывок из думы о Мазепе, которую собирался написать Рылеев, неосновательно: думами Рылеев перестает заниматься уже в 1823 году. Структура стиха, песенность отрывка, абсолютное отсутствие архаизмов сближают его с поэтическими опытами 1825 года. Повидимому, «Песня» должна была войти, как составная часть, в более широкое эпическое полотно, посвященное Мазепе.

«Песня сторонников Мазепы» написана была под влиянием стихотворения Мазепы, изданного Д. Бантыш-Каменским в приложениях к «Истории Малой России». «Одно настроение — призыв к битве — проникает думу Мазепы и стихи Рылеева; кроме того, и в том и в другом произведении высказывается желание, чтобы молва широко разнесла по свету весть, что через «шаблю» («меч» у Рылеева) казак приобрел себе права» (В. И. Маслов, «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева», К. 1912, стр. 305). Это однако не дает нам прав отожествлять песню о Мазепе с думой.

О Мазепе в бумагах Рылеева сохранилось еще двустишие:

Что ты задумал, хитрый Мазепа,
Что ты замыслил, гетман седой...

73. Партизаны (стр. 261)

Отрывок, опубликованный в «Северных цветах» на 1828 год, стр. 55—57, без подписи. Примыкая к неоконченным поэмам 1825 года, «Партизаны» выделяются среди них отсутствием специально гражданских мотивов. Трудно судить, конечно, как была бы Рылеевым разработана тема войны с Наполеоном, но этот отрывок характеризуется преобладанием батального колорита, эпического описания «удальцов», но не гражданского пафоса, столь характерного для «Войнаровского» и «Наливайки».

А х т ы р ц ы, б у г ц ы и д о н ц ы — казачьи полки.

74. *Стансы* (стр. 263)

Напечатано в «Полярной звезде» на 1825 год, стр. 115—116, с подзаголовком «К А. Б—ву». В. И. Маслов, видящий в «Стансах» подражание байроновским элегиям (Маслов, стр. 278), отмечает, вместе с тем, что основные мотивы этого стихотворения подсказаны были Рылееву... теми тяжелыми минутами сомнений и разочарований, которые он испытывал, видя равнодушие окружающих к вопросам дорогой для него гражданской свободы (там же, стр. 331). Установить конкретные причины этой депрессии трудно — биография Рылеева, вообще чрезвычайно неясная, особенно туманна в части, относящейся к 1824 году.

Об. А. А. Бестужеве, которому посвящено это стихотворение, *см. выше, стр. 557*.

75. *К А. А. Бестужеву* (стр. 263)

«Строгий суд», произнесенный Пушкиным, относится к думам Рылеева: «Милый мой, у вас пишут, что луч денницы проникал в полдень в темницу Хмельницкого. Это не Хвостов написал — вот что меня огорчило» (Письмо Л. С. Пушкину от 4 сентября 1822). «Плетнев и Рылеев отучат меня от поэзии» (Вяземскому, в январе 1823). «Ради бога, люби две звездочки: они обещают достойного соперника знаменитому Панаеву, знаменитому Рылееву и прочим знаменитым нашим поэтам» (Л. С. Пушкину, 30 января 1823). «Все они (думы) на один покрой. Составлены из *общих мест* (loci topici) — описание места действия, речь героя и — нравоучение. Национального, русского нет в них ничего, кроме имен» (письмо Пушкина Рылееву в мае 1825 года).

Время написания этого послания точно неизвестно. П. А. Ефремов, опубликовавший его в «Русской старине» 1871, № 1, стр. 94, полагает, что Рылеев набросал его «во время пребывания в Острогожске, то есть в июне 1821 года». Это предположение мы категорически отвергаем — отзывы Пушкина о думах относятся к концу 1822 и началу 1823

годов, а оценка их «loci topici» (на которую и ссылается Ефремов) — к маю 1825 года. В бытность свою в Острогожске Рылеев не напечатал еще ни одной думы — первую из них — «Курбского» — он послал в письме от 20 июня 1821 года Булгарину. Наконец, у нас отсутствуют данные о какой-либо дружбе Рылеева с А. А. Бестужевым в половине 1821 года. Необходимо это стихотворение датировать гораздо более поздним сроком — 1825 годом.

76. *Вере Николаевне Столыпиной* (стр. 264)

Напечатано в «Северной пчеле» 1825, № 57, 12 мая, стр. 4. Подпись: *Р.* —.

Вера Николаевна Столыпина — дочь графа Н. С. Мордвинова (см. оду «Гражданское мужество» и комментарии к ней). Написано по случаю смерти ее мужа, А. А. Столыпина, в начале 1825 года. Подобно стихотворениям «На смерть Чернова» и «Гражданин», политическая проповедь здесь обнажена и подчеркнута.

Разночтения рукописи:

[1] Покорна будь судьбе всемощной
Оставил мир сей твой супруг.

(зачеркнуто: «примерный нежный твой супруг»)

Но не умрет в стране полнощной
Как правды неизменный друг!
Не убивай себя тоскою
Перед тобою долг священный

[2] Пусть юноши возненавидят

76а. *На смерть Чернова* (стр. 264)

Первоначально напечатано в «Полярной звезде» на 1858 год. Как произведение В. К. Кюхельбекера перепечатано в брокгаузовском издании сочинений декабристов, Лейпциг 1861, стр. 172—173, с таким примечанием: «Хотя стихотворение это и было перепечатано в «Полярной звезде» на 1858 год, но мы нашли не лишним поместить его в

нашем издании в числе новых, еще неизвестных публике, произведений Кюхельбекера, так как оно появилось в печати недавно и притом в заграничном издании» (стр. 224). См. также «Избранные стихотворения Вильгельма Карловича Кюхельбекера», Веймар 1880, стр. 80—81. Авторство Кюхельбекера решительно отрицалось уже П. А. Ефремовым, отметившим, что в бумагах Ф. Булгарина, находящихся ныне у г. Сосновского, сохранился листок с этими стихами, писанный рукою Рылеева. Перемарки и поправки указывают, что сам Рылеев был автором, а не переписчиком этого стихотворения (Ефр.[2], стр. 315). О принадлежности произведения Рылееву свидетельствуют стилистические параллели (образы «перунов», «временщика», мало свойственные Кюхельбекеру и чрезвычайно частые у Рылеева) и особенно факты тематического порядка: мотив «изобличения надменных пришлецов», доминирующий в стихотворении «На смерть Чернова», — исконный мотив рылеевской поэзии (ср., например, оду «Волынский»). Наконец необходимо учесть и последнее обстоятельство, говорящее в вопросе об авторстве в пользу Рылеева: Чернов был ему близок и как политический деятель и как друг. Естественно, что в результате трагической кончины Чернова экспансивный Рылеев написал стихотворение, в котором выразил характерную для его политических взглядов осени 1825 года заостренность.

Константин Пахомович Чернов — поручик лейб-гвардии Семеновского полка, родился около 1803 года в семье генерал-майора генерал-аудитора I армии, Пахома Кондратьевича Чернова. Он приходился двоюродным братом Рылееву, матери их были родными сестрами («Алфавит декабристов», стр. 419). Имя Чернова фигурирует (правда редко) в показаниях декабристов. М. А. Бестужев, показав на первом допросе его, что он «был принят в Тайное общество несколько месяцев тому назад покойным Черновым» («В. Д.», I, стр. 480), в показании от 6 января 1826 года заявил, что упомянул Чернова «единственно

потому, чтобы не погубить Торсона», в действительности принявшего его в Общество («В. Д.», I, стр. 482). Как отметил И. М. Троцкий, этот наговор на мертвого был одним из первых в русской революционной практике (см. «Воспоминания Бестужевых», М.—Л. 1931, стр. 191). «Когда Чернов умер, — показывал Д. И. Завалишин, — Рылеев сказал мне, что он был член и что он его принял — и говорит: — Вон и этот бы был через десять лет полковником и командовал бы полком. — Также не бездельная опора. Причем еще прибавил, что нашел у него между бумагами множество выписок, замечаний и пр.» («В. Д.», III, стр. 373).

История дуэли Чернова достаточно выяснена мемуаристами. Чернов, как и офицер лейб-гвардии гусарского полка флигель-адъютант Владимир Дмитриевич Новосильцев, «оба были юноши с небольшим 20 лет, но каждый из них был поставлен на двух почти противоположных ступенях общества. Новосильцев, потомок Орловых, по богатству, родству и связям принадлежал к высшей аристократии. Чернов, сын бедной помещицы, Аграфены Ивановны Черновой, жившей вблизи села Рожествена в маленькой принадлежавшей ей деревушке, принадлежал к разряду тех офицеров, которые, получив образование в кадетском корпусе, выходят в армию. Переводом своим в гвардию он был обязан новому составу лейб-гвардии Семеновского полка, в который вошли по целому батальону из полков: императора австрийского, короля прусского и графа Аракчеева. Между тем у Аграфены Ивановны была дочь замечательной красоты. Не помню по какому случаю, Новосильцев познакомился с Аграфеной Ивановной, был поражен красотой ее дочери и, после нескольких недель знакомства, решился просить ее руки. Согласие матери и дочери было полное. Новосильцев, и по личным достоинствам, и по наружности, мог и должен был произвести сильное впечатление на девицу, жившую вдали от высшего блестящего света. Получив согласие матери, Новосильцев обращался с девицей Черновой, как с наречен-

ной невестой, ездил с ней один в кабриолете по ближайшим окрестностям и в обращении с нею находился в той степени сближения, которое допускается только жениху и невесте. В порыве первых дней любви и очарования, он забыл, что у него есть мать, строгая Екатерина Владимировна, кавалерственная дама, без согласия которой он не мог думать о женитьбе. Скоро, однакож, он опомнился, написал к матери, и, как можно было ожидать, получил решительный отказ и строгое приказание прекратить немедленно все сношения с невестой и ее семейством. Разочарование ли в любви, или боязнь гнева матери, или другая скрытая причина, но только Новосильцев, по получении письма, недолго думал, простился с невестой, с обещанием возвратиться скоро, и с того времени прекратил с нею все сношения. Кондратий Федорович был связан узами родства с семейством Черновых. Через брата невесты он знал все отношения Новосильцева к его сестре. После долгих ожиданий, в надежде, что Новосильцев обратится к нареченной своей невесте, видя, наконец, что он ее совершенно забыл и видимо ею пренебрегает, Чернов, после соглашения с Кондратием Федоровичем, обратился к нему сначала письменно, а потом лично с требованием, чтобы Новосильцев объяснил причины своего поведения в отношении его сестры. Ответ был сначала уклончивый, затем с обеих сторон было сказано несколько оскорбительных слов и, наконец, назначена была дуэль, по вызову Чернова, переданному Новосильцеву Кондратием Федоровичем. День назначен, противники сошлись, шаги размерены, сигнал подан, оба обратились лицом друг к другу, оба спустили курки и оба пали смертельно раненные. Обоих отвезли приближенные в их квартиры: Чернова — в скромную офицерскую квартиру Семеновского полка, Новосильцева — в дом родственников. Кондратий Федорович отвез Чернова и не отходил от его страдальческого ложа. Близкая смерть положила конец вражде противников; каждый из них горячо заботился о состоянии другого. Врачи не давали надежды ни тому, ни другому: еще день,

много два — и неизбежная смерть должна была кончить юную жизнь каждого из них. По близкой дружбе с Кондратием Федоровичем, я и многие другие приходили к Чернову, чтобы выразить ему сочувствие к поступку благородному, через который он, вступясь за честь сестры, пал жертвой того грустного предрассудка, который велит смыть кровью запятнанную честь».

Как явствует уже из приведенной пространной цитаты из воспоминаний Е. П. Оболенского («Девятнадцатый век», ч. I, Спб. 1872, стр. 317—318), Рылеев принял близко к сердцу семейные осложнения своего друга, родственника и — в последние месяцы перед смертью — товарища по Тайному обществу. «Представь себе, — писал он жене из Москвы 9 декабря 1824 года, — я встретил здесь Черновых — Константина и Сергея Пахомовичей; они приехали сюда стреляться с Новосильцевым и уже чуть не было дуэли, наконец, все кончилось миром. Отец и мать Новосильцева позволили ему жениться, наконец, и скоро будет свадьба. Слава богу, что так благополучно кончилось. Здесь только и говорят об этом» *(см. стр. 474)*. Здесь Рылеев выступает еще как зритель, не принимающий непосредственного участия в столкновении. Позднее он станет секундантом Чернова, подготовившим вместе с тремя другими офицерами дуэль.

Об этом говорят

Условия дуэли флигель-адъютанта Новосильцева с поручиком Черновым

Мы секунданты нижеподписавшиеся условились:

1) Стреляться на барьер, дистанция восемь шагов, с расходом по пяти.

2) Дуэль кончается первою раною при четном выстреле, в противном случае, если раненый сохранил заряд, то имеет право стрелять хотя лежащий; если же того сделать будет не в силах, то поединок полагается вовсе и навсегда прекращенным.

3) Вспышка не в счет, равно осечка. Секунданты обязаны в таком случае оправить кремень и подсыпать пороху.

4) Тот, кто сохранил последний выстрел, имеет право подойти сам и подозвать своего противника к назначенному барьеру.

Полковник *Герман*
Подпоручик *Рылеев*
Ротмистр *Реад*
Подпоручик *Шипов* *

После дуэли Рылеевым была составлена специальная записка о поединке, которую он, как предполагают некоторые, написал для графа М. А. Милорадовича, петербургского генерал-губернатора (см. выше стр. 313). Нет сомнения, что отношение Рылеева к этому инциденту диктовалось его антиаристократическими антипатиями. Незадолго до того дравшийся на дуэли с князем Шаховским, волочившимся за его сводной сестрой Анной Федоровной, Рылеев и здесь несомненно стоял за крайние меры ликвидации конфликта. «Рылеев, заклятый враг аристократов, начал раздувать пламя, — и кончилось тем, что Чернов вызвал Новосильцева» (Н. И. Шениг, «Воспоминания», «Русский архив» 1880, кн. III, стр. 320). Приведенная нами цитата из письма Рылеева ясно свидетельствует, что *инициатором* этого конфликта его считать невозможно. Тем не менее факт идеологического давления на Чернова вполне вероятен и подтверждается характернейшим документом, оставленным последним, — его предсмертной запиской, писанной рукою А. А. Бестужева. Решительно отрицая, что вызовом на дуэль он хотел принудить Новосильцева к женитьбе, Чернов особенно подчеркивал социальную сторону конфликта: «Стреляюсь на три шага как за дело семейственное, ибо, зная

* «Девятнадцатый век», кн. I, М. 1872, стр. 335; ср. Ефр.[2], стр. 312—313.

братьев моих, хочу кончить собою на нем, на этом оскорбителе моего семейства, который для пустых толков еще пустейших людей преступил все законы чести, общества и человечества. *Пусть паду я, но пусть падет и он, в пример жалким гордецам, и чтобы золото и знатный род не насмехались над невинностью и благородством души*» (курсив наш.— *А. Ц.* «Девятнадцатый век», кн. I, Спб. 1872, стр. 334).

Дуэль Чернова и смерть его, происшедшие 8 и 10 сентября 1825 года, послужили поводом к большой демонстрации, характеризующей общественное возбуждение в столице перед декабрьскими событиями. Чернова сопровождало на кладбище множество народа, пришедшего поклониться праху покойного и тем подчеркнуть сочувствие его поступку. «Ты, я думаю, слышал уже о великолепных похоронах Чернова, — писал В. И. Штейнгель Загоскину. — Они были в каком-то новом, доселе небывалом духе общественности. Более 200 карет провожало, по этому суди о числе провожавших пешком» («Общественные движения в России в первую половину XIX века», Спб. 1905, стр. 410). «Многие и многие, — вспоминает Е. П. Оболенский, — собрались утром назначенного для похорон дня ко гробу безмолвного уже Чернова, и товарищи вынесли его и понесли в церковь: длинной вереницей тянулись и знакомые и незнакомые отдать последний долг умершему юноше. Трудно сказать, какое множество провожало гроб до Смоленского кладбища; все что мыслило, чувствовало, соединилось здесь в безмолвной процессии и безмолвно выражало сочувствие тому, кто собою выразил идею общую, которую всякий сознавал и сознательно и бессознательно: защиту слабого против сильного, скромного против гордого» («Девятнадцатый век», кн. I, Спб. 1872, стр. 319)

Возбуждение массы народа, среди которой было не мало декабристов, превосходно отразилось в стихотворении Рылеева «На смерть Чернова», написанном в манере зажигательной прокламации, сатирическое острие которой на-

Женѣ отставнаго Артиллеріи
подпоручика Рылѣевой, утруждав-
шей Государя Императора всепо-
даннѣйшимъ прошеніемъ о пове-
лѣніи Начальству объявить ей
гдѣ находится мужъ ея, впавшій
въ преступленіе, и дозволеніи допу-
скать ее къ нему — симъ объявляется,
что Высочайшаго соизволенія
на сіе прошеніе не послѣдовало.

Статсъ-Секретарь Кикинъ

№ 2218.

„23. Декабря 1825.

20

Уведомление об отказе Николая I объявить Н. М. Рылеевой, где находится ее муж, «впавший в преступление».

правлено против «питомцев пришлецов презренных», представителей высшей придворной аристократии.

О поединке Чернова с Новосильцевым см. «Девятнадцатый век», ч. I, Спб. 1872, стр. 333—337 (Бумаги, изданные П. Бартеневым) и в статьях: С. Шубинского, «Дуэль Новосильцева с Черновым», «Исторический вестник» 1901, кн. V, стр. 596—600; Шенига Н. И., «Воспоминания», «Русский архив» 1880, кн. III, стр. 319—321; «Биографический очерк» графа В. Г. Орлова, т. II, Спб. 1878, стр. 295—298; Шоломытова Н. В., «К биографии А. С. Грибоедова», «Исторический вестник» 1909, IV; «История дуэли члена Северного тайного общества Чернова с флигель-адъютантом Новосильцевым», Л. 1925. П. Каратыгиным написан был специальный исторический роман «Дела давно минувших дней», Спб. 1888, в котором дуэли Новосильцева и Чернова было посвящено несколько страниц.

77. *Гражданин* (стр. 265)

Напечатано в первый раз в «Полярной звезде» 1856, кн. II, стр. 26. Перепечатано в «Собрании стихотворений Пушкина, Рылеева, Лермонтова и других лучших авторов», Лейпциг 1858, т. I, стр. 15. Автограф принадлежал И. И. Пущину и находится в настоящее время в музее ИРЛИ в Ленинграде. Приводим варианты текста «Полярной звезды»;

[1] Пусть юноши, не разгадав судьбы,
[2] Пусть с хладною душой бросают хладный взор

Вместо эпитета «постыдной» в 6-м стихе первоначально было «беспечной».

Датированный И. И. Пущиным началом декабря 1825 года «Гражданин» является, таким образом, последним стихотворением, написанным Рылеевым на свободе. По мнению Н. А. Бестужева, он направлен «для юношества высшего сословия русского», то есть дворянства («Воспоминания Бестужевых», М. 1931, стр. 79). Оно имеет и более специальное прикрепление, будучи вероятно адресовано

тем «отстающим» от декабристского движения дворянам, которых было так много в пору обозначившегося расхождения тенденций движения с интересами крепостнического массива помещиков» (об «отставших» см., например, в показаниях князя С. Трубецкого, «В. Д.», I, стр. 30 и 70).

Стихотворение «Гражданин» представляет собою характерное для декабристской поэзии использование самых разнородных исторических фразеологий, сплав которых дан в гражданском аспекте. Таков прежде всего *древнерусский* план. Мотив «переродившихся славян» заставляет нас прежде вспомнить о тех эпитетах, которыми Рылеев наделял патриотов: «в сердцах убийством хладным дышат варяг и славянин» («Олег Вещий»), «И горсть славян на тьмы врагов текла» («Святослав»), «Как гордый славянин душой он раболепствовать не может» и т. д. «Славянским» является и самый образ «Гражданина», акклиматизировавшийся у Радищева, Пнина и декабристов под воздействием французского революционного «citoyen». Военно-судная комиссия при литовском корпусе спрашивала В. Ф. Раевского: «Кого вы подразумевали под словом гражданин?» Подсудимый отвечал: «Слово гражданин, как в латинском, так и в русском языке происходит от города, но под сим названием разумеется класс людей вольных, как в Риме, так принято и в России». Вместо ответа Раевский предложил суду иронически-уклончивую экскурсию в этимологию и ссылку на общепринятое значение его «в Риме» и «в России». О специфических признаках лексемы В. Раевский по понятным причинам должен был молчать (В. Гофман, «Рылеев-поэт» в сб. «Русская поэзия XIX века», под редакцией Б. М. Эйхенбаума и Ю. Н. Тынянова, стр. 41—42). Конституция Никиты Муравьева определяла гражданство как «право участвовать в общественном управлении». Применительно к современности оно означало патриота, болеющего душой за родину и борющегося за справедливый общественный уклад. В этом своем значении образ проходит через все творчество Рылеева, особенно широко

развертываясь в «Думах» («Димитрий Донской», «Глинский», «Волынский», «Державин», «Вадим», ода «Гражданское мужество» и др.).

Второй — *древне-римский* — план связан с именем Брута. Брут, Марк Юний (85—42 до нашей эры) — римский республиканец, происходивший из плебейского рода. Друг Цезаря; после того как тот стал императором, Брут принял вместе с Кассием деятельное участие в заговоре против Цезаря. Цезарь был убит в зале заседаний сената. Брут нанес ему один из ударов (по преданию Цезарь был потрясен тем, что его друг находился в составе заговорщиков). Республиканские заговорщики со смерти Цезаря, однако, не сумели взять власть в свои руки. Брут и Кассий бежали. Собрав войско, они двинулись на триумвиров, но в битве с последними при Филиппах (в Македонии) были разбиты наголову. Брут вместе с Кассием после поражения покончили жизнь самоубийством. Образ Брута, широко распространенный в вольнолюбивой поэзии Запада, был одним из самых любимых образов декабристской фразеологии. В него они вкладывали одно из заветнейших положений своей идеологической системы — о праве на восстание против «тирана». Пример римского республиканца воодушевлял не одного члена тайных обществ 20-х годов. В воспоминаниях И. Д. Якушкина содержится любопытнейший пассаж о том, как он познакомился с адъютантом генерала Ермолова, Граббе, который должен был от Якушкина явиться к графу Аракчееву. «На столе у меня лежала книга, из которой я прочел Граббе несколько писем Брута к Цицерону, в которых первый, решившийся действовать против Октавия, упрекает последнего в малодушии. При этом чтении Граббе видимо воспламенился и сказал своему человеку, что он не поедет со двора, и мы с ним обедали вместе; потом он уже никогда не бывал у Аракчеева... Вскоре после этого Фонвизин принял Граббе в члены Тайного общества» («Записки И. Д. Якушкина», изд. 3-е, Спб. 1905, стр. 19). Но ошибочно было бы думать, что образ Брута навевался

литературными ассоциациями. Полковник Булатов, человек без образования, мало сведущий в политических вопросах, в самый день восстания, мечтательно сравнивает себя с Риего и Брутом... Младший брат его, «начитавшийся вольных стихов (уже после сцены на Сенатской площади), твердил: «и не будет у нас ни Брута, ни Риего» (Д. К. Петров, «Россия и Николай I в стихотворениях Эспронседы и Россетти», Спб. 1909, стр. 65—66).

Рылеев горячо увлекался примером Брута и славил его образ и в своей политической агитации, и в поэтической деятельности. «Рылеев, — показывал на следствии П. Г. Каховский, — видя во мне страстную любовь к родине и свободе, пылкость и решительность характера, стал действовать так, чтобы приготовить меня быть кинжалом в руках его. Я не буду говорить, как он представлял мне в пример Брута, Занта...» («В. Д.», I, стр. 373). В воспоминаниях Н. Бестужева рассказывается, как перед самым восстанием Рылеев говорил своей матери, что в истории «имя Брута стоит выше Цезарева» и просил поэтому благословить его («Воспоминания Бестужевых», М. 1931, стр. 67). Последнее свидетельство маловероятно: мать Рылеева скончалась за полтора года до восстания и едва ли знала об участии ее сына в Тайном обществе, но это не меняет дела. Образ Брута встречается (если не считать беглого упоминания о «потомках Брута и Камилла» в думе «Олег Вещий») в четырех политически насыщенных произведениях Рылеева, каждый раз в особой функции. В сатире «К Временщику» он используется как угроза по адресу Аракчеева: «Тиран, вострепещи! Родиться может он! Иль Кассий, *или Брут*, иль враг царей, Катон!» В «Войнаровском» дана наиболее развернутая идеологическая характеристика римского заговорщика, любопытная некоторым аспектом критики: «Чтить Брута с детства я привык: Защитник Рима благородный, Душою истинно свободный, Делами истинно велик. Но он достоин укоризны — Сограждан сам он погубил: Он торжество вра-

гов отчизны Самоубийством утвердил». В заметке о промысле *(стр. 418)*: «Брут, желая спасти мир от деспотизма, убил Цезаря. Деяние это хорошее, но оно не имело влияния на судьбу человечества...» И наконец в «Гражданине», написанном незадолго до декабрьского восстания, Рылеев угрожает «переродившимся славянам», отошедшим от освободительного движения, местью народа, который, «в бурном мятеже ища свободных прав, в них не найдет ни Брута, ни Риеги». Отметим, что эта формулировка была повторена младшим Булатовым, который, «начитавшийся вольных стихов (уже после сцены на Сенатской площади), твердил: «И не будет у нас ни Брута, ни Риего» (Петров, цит. соч., стр. 66). Между этими «вольными стихами» несомненно почетное место принадлежало рылеевскому «Гражданину».

Третий план «Гражданина» — *испанский* — представлен именем революционера Риего. Чтобы понять, какое политическое содержание вкладывал Рылеев в этот образ, полезно остановиться здесь на вопросе о событиях в Испании и отношении к ним членов тайных обществ.

Испанские дела чрезвычайно интересовали декабристов и во многом отразились на их политической идеологии. Испания начала XIX века была феодальной страной со слабо развитой и маловлиятельной в политическом отношении буржуазией. Режим ее был абсолютистским, дворянство настроено было крепостнически, сильную роль в стране играло реакционное католическое духовенство. В борьбе против Наполеона, носителя идей буржуазной Франции, Испания пользовалась поддержкой всей европейской реакции. Наполеон был побежден и низвергнут, борьба с буржуазными веяниями стала особенно яростной. При распыленности в стране буржуазии, при консервативности невежественного испанского крестьянства носителем идей буржуазной революции стала армия. После того как восставшие 1 января 1820 года захватили штаб главнокомандующего испанской армии, правительство Фер-

динанда VII пошло на уступки, восстановив либеральную конституцию 1812 года. Но пришедшие к власти радикалы оставили в неприкосновенности королевскую власть и разнообразные тяжести феодального строя. Приход к власти радикалов обеспокоил Священный Союз, постановивший на Веронском конгрессе подавить испанскую революцию. В апреле 1823 года действовавшая по поручению Священного Союза французская армия вернула власть абсолютистскому лагерю (апрель 1823). Вожди буржуазного движения, в том числе Риего, были расстреляны. Неудача испанского pronunciamento остро печалила декабристов. Между ними и испанскими заговорщиками имелось не мало сходств: подобно тем они опирались преимущественно на армию, подобно тем они не имели глубоких связей в крестьянстве и не решались на беспощадную борьбу против феодализма. Пропагандистское течение испанских событий было огромно — они сигнализировали растущий пожар на юго-западе Европы, будировали декабристов, напоминали им о необходимости действовать... Наконец немалую роль сыграла здесь и потребность использовать испанский опыт для русской революции «наподобие испанской».

О пристальном интересе декабристов к испанским делам см. в книгах Д. К. Петрова «Россия и Николай I в стихотворениях Эспронседы и Россетти», Спб. 1909; В. И. Семевского, «Общественные и политические идеи декабристов» и др. Любопытнейший материал на этот счет доставляют нам показания декабристов на следствии. «Происшествия в Неаполе, Испании и Португалии, — показывал П. И. Пестель, — имели тогда большое на меня влияние. Я в них находил по моим понятиям неоспоримые доказательства в непрочности монархических конституций и полные достаточные причины к недоверчивости к истинному согласию монархов на Конституции ими принимаемые» («В. Д.», IV, стр. 91). «На означенных совещаниях в Каменке было действительно говорено о Испании, но не в подтверждение необходимости введения конституционного по-

рядка в России посредством временного Правления, ибо рассуждаемо было, что Испанцы не в том сделали ошибку, что сохранили жизнь королю и всей королевской фамилии, а в том лишь, что они королю вверили введение опровергнутой им однажды конституции» (из показаний Муравьева-Апостола, там же, IV, стр. 350). Столь же часто обсуждались испанские дела и в Северном обществе. Мичман Дивов показывал, что Завалишин (и последний на очной ставке с ним это признал) «приводил в пример Испанию, что сколь легко сделать переворот, что там несколько человек принудили короля дать конституцию народу; но после Испанцы сделали глупо, что понадеясь на слова, выпустили из рук короля (там же, III, стр. 340). Ту же ссылку на испанский опыт делал и Александр Бестужев: «Наконец представился вопрос, что если государь не захочет согласиться на конституцию, — *и притом как Испания доказала, что вынужденное согласие не прочно*, то и сказал мне Рылеев, что южные отвергают монархию...» и т. д. (там же, I, стр. 433). Приведем, наконец, еще совершенно недвусмысленное признание Каховского: «Нарушение конституции во Франции, совершенное ее уничтожение в Гишпании, были причины, понудившие меня согласиться на истребление императорской фамилии» (там же, стр. 364).

Испанские дела оказали могущественное воздействие не только на тактику декабристов, но и на их теорию. Далеко не случайно катехизис Никиты Муравьева сделан был наподобие испанского катехизиса и сопровождался примечаниями из Испанской конституции.

Опыт испанской революции учитывал и Рылеев. Он «мне очень часто выговаривал, что я не стараюсь о приобретении в члены общества морских офицеров и особенно в Кронштадте, который будучи крепким и отдельным местом, мог бы служить в случае неудачи для русских тем же, чем был остров Леон для Гишпанцев» (из показания Н. А. Бестужева на вопросы, заданные ему 25 января

1826 года («В. Д.», II, стр. 73). Остров Леон расположен перед Кадиксом; оттуда Квирога пытался в 1820 году овладеть этим городом.

Риего — офицер, поднявший в 1820 году восстание против реакционного правительства Фердинанда VII, побежденный и казненный в апреле 1823 года. Смерть Риего получила широкий общественный резонанс и в России, вследствие исключительно душной атмосферы политической реакции, в которой изнывала тогдашняя интеллигенция, и вследствие ее сочувствия всяким освободительным движениям Западной и Южной Европы. Особенно широкий резонанс деятельность Риего и трагическая кончина возымели в среде декабристов, остро интересовавшихся испанскими делами. Интерес к Риего был особенно сильным у декабристов-моряков, во время заграничных походов, имевших случай в той или иной мере стать свидетелями политической деятельности испанского офицера. Член Северного общества Беляев вспоминает, как русские офицеры в 1824 году в Испании поднимали бокалы в память Риего («Русская старина» 1881, т. 30, стр. 23). «В 1821 году ходил он, — рассказывал Н. И. Греч о Н. А. Бестужеве, — на эскадре в Средиземное море и несколько дней пробыл в Гибралтаре. Там видел он с высоты утеса, как испанцы королевские расстреливали на перешейке взятых ими безоружных либералов, сообщников Риего, расстреливали как татей и разбойников сзади. Это зрелище заронило в душу его ненависть к деспотическому испанскому правительству, да русское-то чем было виновато» («Записки» Н. И. Греча, Спб. 1886). Сам Н. А. Бестужев на вопрос о причинах возникновения у него свободолюбивого образа мыслей упоминает про двукратное посещение Франции и «вояж в Англию и Испанию» («В. Д.», II, стр. 64). Казнь Риего горячо обсуждалась в кружках декабристов; практика вооруженного восстания против «тирании» остро интересовала русских заговорщиков и из случившегося немедленно извлекали для себя нужные уроки. Братья Беляевы показывали, что когда они

возражали против истребления императорской фамилии, то Завалишин всегда говорил: «Вот вы говорите, что вы любите свое отечество, а не желаете ему истинного блага; разве лучше, чтобы после была междоусобная война и чтобы все хорошие учреждения были напрасным трудом; да еще к тому, чтобы несколько человек истинных патриотов погибли бы подобно Риего. Сии самые разговоры и были причиной, что впоследствии мы от него удалились» («В. Д.», III, стр. 337).

Но может быть самую острую и развернутую характеристику Риего дал в своем письме к Николаю I Каховский: «Мужественный, твердый народ Испании, отстоявший кровью своей независимость и свободу отечества, спас королю и трон и честь, им потерянную; всем самому себе обязанный принял на престол свой Фердинанда. Король присягнул хранить права народные. Император Александр I еще в 1812 году признал конституцию Испании; впоследствии она была утверждена всеми монархами Европы. Фердинанд скоро забыл благодеяния народные, нарушил клятву, нарушил права граждан, своих благодетелей. Восстал народ на клятвопреступника; и Священный Союз забыл, что Испания первая стала против насилий Наполеона, и император Александр презрел признанное им правление, сказал, что в 1812 году обстоятельства требовали, чтоб он признал конституцию Испании. И Союз содействовал, что войска Франции обесславили себя вторжением в Испанию. Арестованный Фердинанд в Кадиксе был приговорен к смерти. Он призывает Риего, клянется вновь быть верным конституции, выслать войска Франции из пределов отечества и просит о сохранении себе жизни. Честные люди бывают доверчивы. Риего ручается кортесам за короля; его освобождают. И что же? Какой первый шаг Фердинанда? Риего приказанием его схвачен, арестован, отравлен и, полумертвый, святой мученик, герой, отрекшийся от престола, ему предлагаемого, друг народа, спаситель жизни короля, по его приказанию, на позорной телеге, ослом запряженной, везен был через Мадрид

и повешен как преступник. Какой поступок Фердинанда. Чье сердце от него не содрогнется?»

Так сгущенно отразилась в одной строке «Гражданина» одна из интереснейших сторон декабристского движения — глубокое сочувствие к буржуазно-национальной революции в Испании.

«Гражданин» пользовался широкой популярностью у революционных деятелей половины прошлого века; в 1861 году это стихотворение поставлено было эпиграфом к написанной Н. В. Шелгуновым прокламации «К молодому поколению».

78—80. Е. П. Оболенскому (стр. 267)

Три стихотворения Рылеева, написанные в крепости, адресованы к князю Е. П. Оболенскому, другу Рылеева, вместе с ним заключенному в Петропавловской крепости после разгрома 14 декабря.

Оболенский Евгений Петрович, князь (1796—1865) — поручик лейб-гвардии Финляндского полка. Старший адъютант командующего гвардейского пехотой. Член Союза благоденствия и один из самых деятельных (вместе с Рылеевым) членов Северного общества, с 1824 года — член его Верховной думы. «Участвовал в переговорах Северного общества с Южным, которого цель — введение республики с истреблением императора — ему была сообщена... В 1825 году составил в Москве Управу из бывших там старых членов. Он не только участвовал в совещаниях, происходивших у Рылеева, но в последние дни пред возмущением 14-го декабря соединял у себя на квартире всех военных людей и возбуждал к началию действий для достижения цели, предположенной Обществом...» («Алфавит Декабристов», «В. Д.», VIII, стр. 139). Содержался в Алексеевском равелине под строжайшим арестом, в течение полутора месяцев был закован в ручные железа. По приговору Верховного уголовного суда осужден был на пожизненную каторгу. Указом Николая повелено было оставить его в работе на 20 лет. Работал в Нерчинской ка-

торге до 1832 года, когда был обращен на поселение. После амнистии в 1856 году вернулся в Россию. Умер в Калуге.

«Когда Рылеев был принят в Северное общество,— пишет Оболенский в своих показаниях от 27 декабря 1825 года, — мы вскоре с ним сблизились и теснейшими узами дружбы запечатлели соединение наше в Обществе» («В. Д.», I, стр. 230). Оболенский оставил «Воспоминания о Рылееве», занимающие в мемуарной литературе о поэте-декабристе, вместе с воспоминаниями Н. Бестужева, одно из первых мест по правдивости и живости рассказа. Написанные Е. П. Оболенским в 1856 году в Ялуторовске, они были напечатаны в журнале «L'Avenir» («Будущность»), редактировавшемся князем П. Долгоруковым в Париже (1861). В России они были напечатаны частично в сб. «Девятнадцатый век», кн. I, М. 1872, стр. 312—331, и переизданы в сб. «Общественные движения в России в первой половине XIX века».

В своих воспоминаниях Оболенский рассказывает о том, как протекала их тайная переписка: «15 декабря я был уже в Алексеевском равелине. После долгого томительного дня наконец я остался один. Это первое отрадное чувство, которое я испытал в этот долгий мучительный день. Рылеев был там же, но я этого не знал. Моя комната была отделена от всех прочих номеров; ее называли офицерскою. Особый часовой стоял на страже у моих дверей. Немая прислуга, немые приставники, все покрылось мраком неизвестности. Но из вопросов комиссии я должен был убедиться, что Рылеев разделяет общую участь. Первая весть мною от него получена была 21 января [в сб. «Девятнадцатый век», где печатались «Воспоминания», здесь приводилось стихотворение «Прими, прими, святой Евгений...»]. При чтении этих немногих строк радость моя была неизъяснима. Теплая душа Рылеева не переставала любить горячо, искренно; много отрады было в этом чувстве. Я не мог ему отвечать; я не имел искусства уберечь перо, чернила и бумагу; последняя всегда была номерована; перо-чернильница — в одном экземпляре;

ни посудки для чернил, ни места, куда бы спрятать...

Однажды добрый наш сторож приносит два кленовых листа и осторожно кладет их в глубину комнаты, в дальний угол, куда не проникал глаз часового. Он уходит — я спешу к заветному углу, поднимаю листы и читаю [цитируется стихотворение: «Мне тошно здесь, как на чужбине»]. Кто поймет сочувствие душ, то невидимое соприкосновение, которое внезапно объемлет душу, когда нечто родное, близкое коснется ее, тот поймет и то, что я почувствовал при чтении этих строк Рылеева! То, что мыслил, чувствовал Рылеев, сделалось моим; его болезнь сделалась моею, его уныние усвоилось мне, его вопиющий голос вполне отразился в моей душе! К кому же мог я обратиться с новою моею скорбью, как не к тому, к которому давно уже обращались все мои чувства; все тайные помыслы моей души?.. Кончилась молитва. У меня была толстая игла и несколько клочков серой оберточной бумаги. Я накалывал долго, в возможно сжатой речи все то, что просилось под непокорное орудие моего письма, и, потрудившись около двух дней, успокоился душой и передал свою записку тому же доброму сторожу. Ответ не замедлил. Вот он [цитируется письмо Рылеева к Оболенскому: «Любезный друг! Какой бесценный дар прислал ты мне»]. Радость моя была велика при получении этих драгоценных строк; но она была не полная, до получения следующих строф, написанных также на кленовых листах [цитируется стихотворение: «О, милый друг, как внятен голос твой...»]. Это была последняя лебединая песнь Рылеева. С того времени он замолк, и кленовые листы не являлись уже в заветном углу моей комнаты» (Е. П. Оболенский, «Воспоминание о Рылееве», «Общественные движения в России в первую половину XIX века», т. I, под редакцией В. Богучарского и В. И. Семевского, Спб. 1905, стр. 250—253).

Все три стихотворения Рылеева насыщены религиозностью. Последняя вообще была присуща ему (вспомним

участие его в масонской ложе в 1821 году). Крах восстания с неизбежностью должен был вызвать в Рылееве и острую депрессию, разочарование в общественных тенденциях движения и усилить тягу к «Высшему промыслу».

В полном соответствии этим тенденциям находится и жанровая форма произведений, представляющих собою переложения текстов священного писания и псалмов (см., например, любопытное сличение стихотворения «Мне тошно здесь» с Псалтырем IV, с Евангелиями от Иоанна XVI, Матфея V и X и Иоанна XVII, произведенное В. И. Масловым, — «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева», стр. 345).

Все эти стихотворения первоначально были напечатаны в «Библиографических записках» 1861, № 15 и 19, по спискам Басаргина и Ефремова и перепечатаны в «Воспоминаниях» Оболенского в сб. «Девятнадцатый век», под редакцией П. Бартенева, Спб. 1872. По подлинной рукописи стихотворение «О милый друг» напечатано в «Русской старине» 1871, кн. XI, стр. 569 — 570.

Приводим разночтения третьего стихотворения («О, милый друг, как внятен голос твой»), объясняющиеся или неточным воспроизведением Оболенским его текста — он записывал на память, — или, что менее вероятно, поправками, сделанными Рылеевым после отсылки стихотворе́ния.

[1] Как утешителен и сладок!

[2] Стихи 5 — 12 включительно у Оболенского отсутствуют.

[3] Мы всецело подчинить должны
От полноты своей души

[4] И благоветствуя речет о ней

[5] Стихи 21 — 27 — отсутствуют.

[6] Блажен, кого отец наш изберет,

[7] Вместо стихов 32 — 35 в воспоминаниях Оболенского:

Блажен, кто ведает, что бог един,
И мир, и истина, и благо наше;
Блажен, чей дух над плотью властелин,
Кто твердо шествует к Христовой чаше.

Прямой мудрец: он жребий свой вознес,
Он предпочел небесное земному,
И как Петра ведет его Христос
По треволнению мирскому!
Душою чист... и т. д.

[8] Узрит он край обетованный.

Стихотворение «О, милый друг» набросано было Рылеевым на оборотном листе писем к нему жены от 24 мая и 4 июля 1826 года.

Моисей — пророк и законодатель древних евреев.

ПЕСНИ, НАПИСАННЫЕ РЫЛЕЕВЫМ В СОТРУДНИЧЕСТВЕ С А. А. БЕСТУЖЕВЫМ

81. *Песня: «Ах, тошно мне и в родной стороне»* (стр. 269)

В отличие от предшествующей песни авторство Рылеева здесь сомнений не возбуждает (признание его и А. А. Бестужева о сочинении этого произведения см. выше). В показаниях декабристов и самого Бестужева («В. Д.», I, стр. 457) она озаглавлена «Ах, скучно мне», повидимому, вследствие того, что текст ее был сбивчив и часто варьировался. В следственном деле Рылеева эта песня не уцелела, но в делах государственного архива она сохранилась: ее напечатал, например, А. К. Бороздин, текст которого мы и воспроизводим здесь. Песня «Ах, тошно мне» первоначально была напечатана в «Полярной звезде» 1859, кн. V, стр. 11, и затем перепечатана в полном собрании сочинений К. Ф. Рылеева, Лейпциг, 1861, стр. 333—334. Этот текст «Полярной звезды» сильно отличается от текста, опубликованного Бороздиным, как своей полнотой, так и отдельными выражениями. Приводим ниже варианты:

[1] Ай, и скучно же мне
Во своей стороне!

[2] Видно век там вековать?

[3] Будет рухлядь господ,

[4] И людьми,

[5] Четыре куплета, начиная от стиха «Кто же нас кабалил» и кончая стихом «Стала наша мошна» в тексте «Полярной звезды» отсутствуют.

[6] Да с приходским попом

[7] Да волочат,

[8] По дорогам да судам.

[9] Три куплета от стиха «А уж правды нигде» до «Заодно с секретарем» в тексте «Полярной звезды» отсутствуют.

[10] Ядом поят с вином,

[11] Лишь народу
Для заводу

[12] После стиха «Велят вчетверо платить» в лейпцигском издании шла строфа: «Нас наборами царь» и т. д.

[13] Ай, как худо в Руси

[14] Что и бог упаси

[15] Аракчеев
Всех затеев
И всех бед тому виной

[16] Тошно так, что ой, ой, ой!

[17] Этот куплет в «Полярной звезде» отсутствовал.

Как явствует из этих вариантов, текст государственного архива гораздо полнее: в «Полярной звезде» не было напечатано восемь куплетов — четыре в начале песни, три в середине и один финальный, т. е. всего сорок стихов. Текст «Полярной звезды» отличается и меньшей осмысленностью: в строфе «Лишь народу для заводу велят вчетверо платить» переписчик, повидимому, механически соединил в одно слово правильные «за воду». Мало удовлетворителен он и в композиционном отношении — строфа о поборах по смыслу должна была следовать за описанием взяточничества и т. п.

Песня «Ах, тошно мне и в родной стороне» представляет собою исключительно яркое отображение общественно-политических взглядов декабристов, тех оценок, которые они давали тем или иным явлениям современной социаль-

ной действительности. В ней дается прежде всего исключительное по своей силе изображение ужасов *крепостного права.* Почти все декабристы стояли за ликвидацию крепостного состояния крестьян и всячески подчеркивали предельную тяжесть условий, в которых находились крепостные. В записке «О состоянии крепостных крестьян в России» Н. И. Тургенев подчеркивал в качестве самых явных и вопиющих на небо деяний помещиков — изнурение крестьян тяжкой работой, продажу их поодиночке, жестокое обращение. В манифесте, который должен был быть издан после низвержения самодержавия, одним из первых пунктов значилось уничтожение права собственности, распространяющейся на людей. Рылеев с огромной силой заклеймил превращение крестьян в господскую «рухлядь», в «скотов», которыми «торгуют».

Несколько строф *(А уж правды нигде не ищи мужик в суде...)* посвящено земскому суду — явлению, глубоко возмущавшему декабристов. «М. Н. Муравьев в записке, представленной Кочубею в 1827 году, находит земский суд, несший обязанности следственные, исполнительные и полицейские, до такой степени неудовлетворительным, что для характеристики его деятельности употребляет следующие выражения: «злоупотребления», «уловки промышленности земского суда», «его торговые обороты» и т. д. (цитируется по книге В. И. Семевского: «Политические и общественные идеи декабристов», Спб. 1909, стр. 90). По выражению декабриста Якубовича в письме к Николаю I «не правосудие, а лихоимство заседает в судилище, где не защищается жизнь, честь и состояние гражданина, но продают за золото или другие выгоды пристрастное решение». «Одни судебные места блаженствуют, ибо только для них Россия была обетованной землей, — писал А. А. Бестужев Николаю I. — Лихоимство их зашло до неслыханной степени бесстыдства. Писаря заводили лошадей, повытчики покупали деревни и только возвышение цены взяток отличало вышние места, так что в столице под глазами блюстителей производился явный торг правосудием».

«Баре с земским судом, и с приходским попом» — за одной этой строкой стоит оценка декабристами духовенства. Гангеблов необразованность белого духовенства и «поступки несообразные с высоким его предназначением» считал «одной из главнейших причин безнравственности поселян и небрежности домашнего хозяйства». Крестьяне видели в священнике пособника помещику и недаром в песне «Уж как шел кузнец, да из кузницы» первый нож направлялся на бояр и на вельмож, а второй — «на попов, на святош».

«А под царским орлом, ядом потчуют с вином» — эта строфа говорит о винной монополии правительства, факте, встречавшем резкое осуждение декабристов. «В 1819 году казенная продажа заменила винный откуп в 29 губерниях Великороссии...» По этому поводу Батенков писал: «Система винной продажи по обширности ее влияния есть одна из бедственнейших мер казенной монополии... Она умножила разврат и корыстолюбие в чиновниках. Сие тем более подавало соблазн и заражало других, что не только не влекло за собой презрения, а напротив встречало одобрение и награды». «Прежде, — писал декабрист Булатов, — полиция удерживала народ от пьянства, а теперь должна побуждать для пользы государственной, и народ портит свою нравственность. Правда, хотя продавцы для сбережения здоровья и берут... предосторожности тем, что разводят вино водой, но в этом убыток народа: они пьют до пьяна и следовательно, платя и за воду то же, что и за вино, теряют вдвойне свои деньги» (Семевский, цит. соч., стр. 94). Отметим, что последняя формулировка почти совпадает с рылеевской: «И народу лишь за воду велят вчетверо платить».

«То дороги, то налоги, разорили нас в конец». На содержание дорог уходили и силы и деньги крестьян. «Дорожная повинность, — писал Каховский, — превышает все прочие земские повинности... ни от одной столь много не терпит народ». «Беспрестанные выгоны крестьян для делания дорог, — отмечал Штейнгель, — часто в страд-

ную пору, довершили их разорение». «Устройство больших дорог, по которым не было проезда, было повсеместно разорительно для крестьян» — писал Якушкин (Семевский, стр. 103). Но особенно резким было осуждение декабристами *налоговой* политики Александра I. Каховский отмечал в своем письме к Левашову совершенное несогласие выгоды казны с выгодами народа: «Казна все отнимает у граждан, не оставляя им ничего кроме тяжести нищеты... Налоги умножаются, способы для приобретения умалились... Мы совершенно обнищали и не можем нести тяжелых повинностей. Если до сих пор уплачивали их, то какими изнурительными средствами!» (Семевский, стр. 96).

Так, в отдельных своих куплетах песня «Ах, тошно мне и в родной стороне» выражает недовольство декабристов режимом крепостничества и самодержавия. Оценка Рылеева продиктована его капитализирующейся идеологией. Декабристы — сторонники свободы, уравнения государственных тяжестей и общественных реформ в управлении, в суде и т. п. Их высказывания несомненно *выражают* интересы определенных, наиболее передовых групп дворянства 10—20-х годов прошлого века. Но вместе с тем они *отражают* в себе то катастрофическое состояние, в котором оказалось уже в ту пору крепостное крестьянство. Начало 20-х годов ознаменовалось широким крестьянским движением. «Многочисленные возмущения барщин, — отмечал А. А. Бестужев, — ознаменовали три последние года царствования Александра». Это возбуждение крепостных ясно чувствуется и в песне «Ах, тошно мне и в родной стороне».

Ряд общественных и политических иллюстраций к песне см. также в статье А. Шебунина «Из истории дворянских настроений 20-х годов XIX века» в сб. «Борьба классов» 1924, № 1, 2, стр. 72—73.

Сила песни, затрагивающей самые важнейшие язвы государственного строя, испугала самих ее авторов. «Сначала, — показывал Александр Бестужев, — мы было

имели намерение распустить их в народе, но после одумались. Мы более всего боялись народной революции; ибо оная не может быть не кровопролитна и не долговременна; а подобные песни могли бы оную приблизить. В следствии сего, дурачась, мы их певали только между собою. Впрочем переходя по рукам многое к ним прибавлено, и каждый на свой лад перевертывал. В народ и между солдатами никогда их не пускали; это бы кроме нравственного вреда нашей цели могло скоро нас обнаружить, а осторожность была нашим девизом» («В. Д.», I, стр. 457). Виктор Гофман напрасно считает, что это признание было у А. А. Бестужева неискренним и что ему приходилось здесь «вывертываться» (сб. «Русская поэзия XIX века», Л. 1929, стр. 45): признания декабристов в боязни народной революции легко могут быть умножены и несомненно обусловливались половинчатостью их политической тактики. Тем не менее, несмотря на старания авторов ограничить распространение этих песен кругом участников тайных обществ, они несомненно попадали и в более демократическую среду. «Хотя правительство, — писал, например, Н. А. Бестужев в своих воспоминаниях о Рылееве, — всеми мерами старалось истребить сии песни, где только могли находить их, но они были сделаны в простонародном духе, были сделаны слишком близки к его состоянию, чтобы можно было вытеснить их из памяти простолюдинов, которые видели в них верное изображение своего настоящего положения и возможность улучшения в будущем... Рабство народа, тяжесть притеснения, несчастная солдатская жизнь изображались в них простыми словами, но верными красками. Удаленным от света нельзя положительно сказать, что они теперь в ходу, но зная людей, зная, что однажды приобретенные ими понятия, подобно дереву, которому садовник, как ни сгибает сучья, как ни обстригает ветви, но оно следует природному порядку и пускает вверх свои отрасли, кажется, трудно поверить, чтобы этот катехизис простого народа не распространялся все более и более. В са-

мый тот день, когда исполнена была над ними сентенция, и нас, морских офицеров, возили для того в Кронштадт, бывший с нами унтер-офицер морской артиллерии сказывал нам наизусть все запрещенные стихи и песни Рылеева, прибавя, что у них нет канонира, который, умея грамоте, не имел бы переписанных этого рода сочинений и особенно песен Рылеева» («Воспоминания Бестужевых», М. 1931, стр. 78). Это свидетельство довольно сильно отличается от показаний А. А. Бестужева. Возможно, что здесь Николай Бестужев не удержался от преувеличения, хотя он говорил здесь только о грамотных канонирах. С другой стороны возможно, что Н. Бестужев сам содействовал распространению этих песен во флотской среде.

У реакционного по своим убеждениям исследователя Рылеева — А. Н. Сиротинина — песни Рылеева встретили чрезвычайно суровую и несправедливую оценку (см. А. Н. Сиротинин, «К. Ф. Рылеев», «Русский архив» 1890, кн. 6, стр. 167).

82. Песня: «Ах, где те острова...» (стр. 271)

Вольные песни 20-х годов, в частности песни Рылеева, возникли в непосредственной связи с давлением цензуры, тщательно вытравлявшей из легальной литературы всякую «неблагонамеренность». В этих песнях выразилось резкое недовольство режимом передовой части капитализировавшегося дворянства той поры и — что̀ для нас особенно важно и ценно — более глухое и идеологически неоформленное, но глубокое чувство ненависти, которое испытывали к этому режиму крестьянские массы.

Имея о вольных песнях, распевавшихся в тайных обществах, детальную информацию от своих агентов, правительство предъявило Рылееву обвинение в их сочинении, и устами следственного комитета 24 апреля 1826 года ему было предложено сказать, «в чем заключались сочинения... Оболенского и особенно ваши: Катехизис, песни и пародии, и представить комитету сии сочинения ваши в том же виде, как оные были написаны, показав, с каким именно

намерением вы писали их и кому оные сообщены были» («В. Д.», I, стр. 169). Рылеев решительно отрицал в своем ответе вменявшееся ему в вину распространение песен «Вдоль Фонтанки реки квартируют полки, слава» и «Подгуляла я, нужды нет, друзья», отрицал и свое участие в написании катехизиса вольного человека, что же касается пародий и песен, то заявил: «Из сочинений в сем роде, написанных мною, я дал Матвею Муравьеву песню «Ах, тошно мне и в родимой стороне», которую при сем представляю под № А да стихи под № В; более я сочинений сих никому не давал из опасения» («В. Д.», I, стр. 176). В следственных делах Рылеева и других декабристов этих песен не сохранилось: 29 мая «следственному комитету пришлось выслушать и привести в исполнение... высочайшее повеление: «из дел вынуть и сжечь все возмутительные стихи» («В. Д.», I, стр. XVIII, предисловие редактора А. Покровского). Путем исключения песен довольно точно устанавливаются «стихи под № В» — то была вторая песня Рылеева, начинающаяся стихами: «Ах, где те острова, где растет трын-трава, братцы...» И то и другое произведение написано было Рылеевым в сотрудничестве с А. А. Бестужевым, который не отрицал этого при предъявлении ему комитетом аналогичных вопросов. «Я не знаю, по научению ли общества сделал сие Рылеев, только однажды в 1822 году в конце, в забавном расположении духа, пригласил он меня написать что-нибудь народным языком либеральное, и песню «Ах, скучно мне» написали мы вместе, а некоторые *подблюдные* я один» («В. Д.», I, стр. 457). В этом показании есть целый ряд неясностей. Если верно, что Рылеев предложил Бестужеву написать эти песни в результате его ссылок «на одном из совещаний общества на необходимость действовать на умы народа», то, разумеется, абсолютно невозможно датировать их концом 1822 года, когда ни сам Рылеев, ни тем более А. А. Бестужев не были еще членами Общества; гораздо правильнее относить их к 1824 и даже к 1825 году. Вторая неясность — это степень авторства Рылеева и Бестужева

в «песне № В», то есть в стихах «Ах, где те острова». В показаниях князя Е. П. Оболенского имеется интересное указание: «Пародии на русские народные песни были действительно предлагаемы, как средство к раскрытию ума простого народа: — о помянутых комитетом песней я слышал; но не знаю оные наизусть; и потому написать оных не могу: — сочинением же оных никто не занимался особенно: (сколько мне известно) но каждый куплет имел своего Автора; и вообще они были плоды веселых часов досуга Поэтов и Литераторов наших, членов и не членов Общества — во время свиданий их между собой» («В. Д.», I, стр. 267). Все эти свидетельства[1] говорят о том, что песня «Ах, где те острова» была написана Рылеевым при участии ряда лиц и, прежде всего, при деятельном участии самого А. А. Бестужева.

Песня «Ах, где те острова» была впервые напечатана в «Полярной звезде» 1859, кн. V, стр. 9—10, без шести заключительных строк, и позднее перепечатана в полном собрании сочинений К. Ф. Рылеева, Лейпциг 1861, стр. 331—333. В России по цензурным обстоятельствам ее удалось напечатать лишь в 1906 году (Собрание сочинений К. Ф. Рылеева, изд. «Библиотека декабристов», т. II, М. 1906, стр. 169—170). М. Л. Гофман (в статье «Пушкин и Рылеев», сб. «Недра», кн. VI, стр. 208) приводит вариант этой песни по списку графини Е. С. Растопчиной, довольно существенно отличающийся от текста «Полярной звезды» (отличающееся набрано курсивом).

Ах, где те острова,
Где растет трынь-трава
Братцы!
Где читают Pucelle,
А летят под постель
Святцы...

[1] «Две народные песни, — показывал в феврале 1826 года М. Муравьев-Апостол, — одна: относящаяся к состоянию Крестьян на Голос: скучно мне на чужой [первоначально было: родной] стороне, другая возмутительная на Голос подблюдных... были присланы ко мне братом, получившим их в Петербурге... наверно не знаю, чьего они сочинения, а слыхал, кажется, что они сочинения Рылеева».

Где Магницкий молчит
Аракчеев кричит
Вольно?
Где не думает Греч
Что его будут сечь
Больно
Где *гусары* попов
Обдают как клопов
Варом.
Где Измайлов-чудак
Ходит в каждый кабак
Даром.
К островам! К островам,
Братцы,
Кинем в рожу попам
Святцы!

II

Говори, говори
И всю правду скажи
Бабка.
Кто сердит пусть кричит
А на воре горит
Шапка.
Говори, говори,
Как в России цари
Правят.
Говори поскорей
Как в России царей
Давят.
Как капралы Петра
Провожали с двора
Тихо;
А жена пред дворцом
Разъезжала верхом
Лихо.
Как курносый злодей
Сел на троне за ней
Вскоре
И немецкий мундир
Он надел на весь мир
Горе!
Где ни свет ни заря
Для потехи царя
Рьяно,

У Фонтанки реки
Собирались полки
Piano.

Несмотря на то что М. Л. Гофман считает этот список «одним из самых авторитетных и исправных», мы отказываемся положить его в основу текста песни. В «Полярной звезде» «Ах, где те острова» характеризуется правильной строфической и ритмической структурой (песня разбивается на куплеты, в которых два первых стиха — двухстопный анапест, а третий — припев — одностопный хорей), и это соблюдается на протяжении всей песни; в списке же Растопчиной трехстишие в одном случае уступает место двухстишию. Но еще важнее тематические соображения. В противоположность четкому развитию темы в тексте «Полярной звезды» в списке мы имеем ненужное повторение темы «попов», отягощающее трехстишие: «кто сердит, пусть кричит» и — что всего важнее — две строфы окончания, явным образом взятые из другой песни «У Фонтанки реки» и никак со всем предыдущим не связанные. Нужно однако заметить, что один стих этого списка кажется нам здесь более осмысленным, чем в тексте «Полярной звезды»: Как курносый злодей *сел на трон вслед за ней* вскоре (вместо: «как курносый злодей *воцарился по ней*» (?) вскоре). В целом однако заграничный текст гораздо более исправен.

Остановимся еще на вопросе о двенадцати стихах, механически присоединенных в ряде изданий («Полярной звезды», лейпцигском, Балицкого и многих других) к тексту песни после слов: «Но господь русский бог, бедным людям помог вскоре» шли следующие четыре куплета:

Как в ненастные дни
Собирались они
Часто;
Гнули — бог их прости! —
От пятидесяти
На сто,

И выигрывали,
И отписывали
Мелом.
Так в ненастные дни
Занимались они
Делом.

То обстоятельство, что стихи эти поставлены эпиграфом к первой главе повести Пушкина «Пиковая дама» и что они цитировались поэтом в одном из его писем как его собственные, привело В. И. Маслова к отрицанию авторства Рылеева за всей песней: «Песня-пародия «Ах, где те острова»,—писал он,—долгое время приписывалась Рылееву и печаталась не только в заграничных, но и в русских изданиях его сочинений; в действительности же автором ее является А. С. Пушкин; это видно из письма его к князю Вяземскому от 1-го сентября 1828 года: «Я продолжал образ жизни, воспетый мною таким образом: А в ненастные дни» (Сочинения Пушкина, изд. Академии Наук, Переписка, т. II, Спб. 1908, стр. 74). Ср. еще письмо Пушкина к брату (1824, январь): «Мне bene там, где растет трын-трава, братцы» (В. И. Маслов, «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева», Киев 1912, стр. 19). Вывод этот совершенно ошибочен: первое свидетельство Пушкина говорит о принадлежности ему только этих четырех куплетов, но не всей песни, с которой у них нет ни малейшей тематической связи (песня представляет собою сатиру на деятелей александровской поры, четыре куплета Пушкина — застольную песню игроков).* В. И. Маслова и других исследователей смущал факт одинакового ритмического узора того и другого, не решающий, понятно, дела: оба произведения могли писаться одним размером и распеваться на один мотив, оставаясь в то же самое время глубоко различными. Оговоримся, что в «Дополнениях»

* В пушкинском письме к брату очень любопытна цитата из этой песни, датируемая январем 1824 года: это говорит о том, что к указанному времени «Ах, где те острова» были уже составлены Рылеевым и др. Пушкину они были сообщены, вероятно, его братом Л. С. Пушкиным, знакомым с Рылеевым и Бестужевым и вхожим в их кружок.

к своей книге (Киев 1916) В. И. Маслов отказался от своего утверждения.

В 7-й книге журнала «Звезда» за 1933 год Ю. Г. Оксман выступил с интересной гипотезой о том, что известный до сих пор текст песни «Ах, где те острова» представляет собою механическую контаминацию двух друг от друга не зависящих произведений. Стихи «Ты скажи, говори» и пр., представляя собою совершенно законченное целое, не вяжутся с песней «Ах, где те острова» ни тематически, ни идеологически, ни конструктивно. В самом деле, в то время как в песне «Ах, где те острова» дается злободневная сатирическая характеристика действующих на общественно-политической авансцене государственных людей и литераторов — в строфах «Ты скажи, говори» исторически очерчены дворцовые перевороты 1762 года (свержение Петра III) и 1801 года (убийство Павла I). В первой вещи автор в своих шутках ничем не нарушает традиций умеренно-либеральной лойяльности и политически совершенно не агрессивен; во второй — элементы политической агитки выступают на первый план, исторические справки подкрепляют прямой вызов к цареубийству. Песня «Ах, где те острова» имеет в виду замкнутую литературную аудиторию, вне которой целые строфы (например о Бестужеве, Булгарине, Измайлове) и непонятны и неинтересны. Наоборот, песня «Ты скажи, говори» рассчитана на массовое распространение, ее тематика и словарь отличаются предельной простотой и четкостью. Все строфы в «Ах, где те острова» синтаксически унифицированы (десятикратное «Где, где, где...»); строфы «Ты скажи, говори» в этом отношении более свободны и вовсе не имеют зачина «где». При отсутствии автографа и более ранних списков с песен, самый факт их объединения при публикации в «Полярной звезде» на 1859 год может быть объяснен или простой ошибкой составителя копии, которой располагали А. И. Герцен и Н. П. Огарев, или, что более вероятно, условиями конспиративной пересылки текста запретных стихов из России в Лондон, при которой, для экономии места, пришлось на небольшом

клочке бумаги, без надлежащего интервала, переписать одну за другой две совершенно несходные между собой вещи.

Песня «Ах, где те острова» изобилует массой намеков и указаний исторического и литературного характера.

«Pucelle d'Orleans» — «Орлеанская девственница» — антицерковная поэма Вольтера.

Бестужев-драгун — А. А. Бестужев, служивший в драгунском полку *(см. стр. 557)*.

Греч Николай Иванович (1787—1867) — журналист, педагог и критик. Родился в семье онемеченного чеха. Учился в Кадетском корпусе и Педагогическом институте. Ему принадлежат «Учебная книга по русской словесности», «Русская грамматика», вошедшие в обиход русской школы и переведенные на западно-европейские языки. В 1830 году Греч написал роман «Черная женщина» (1834), путевые очерки «Поездка по Германии» и др. Он был соиздателем журнала «Сын отечества» (1812—1825) (в этом журнале напечатаны «Святополк», «Донской», «Державин» и др.) и газеты «Северная пчела» (1825—1839). Отличаясь от своего соредактора Ф. В. Булгарина большей академичностью своих воззрений, Греч в общем проделал ту же эволюцию от умеренного, легкого как пух, либерализма к трусливому заискиванию перед николаевским правительством и предельной реакционности политических воззрений.

Рылеев познакомился с Гречем, как и с Булгариным, в 1820—1821 годах в Вольном обществе любителей российской словесности. В ту пору Греч находился в подозрении в связи с восстанием в Семеновском полку, где Греч заведывал солдатской школой. Александр I,—с горечью вспоминал впоследствии Греч,—«стал доискиваться причин и находил их в заражении войска (а не офицеров) либеральными идеями и тут действительно в числе подозрительных называл и меня» («Записки о моей жизни» Н. И. Греча, 1886). Однако этот «либерализм» уже тогда граничил с неприкрытым консерватизмом, ярким свидетельством

чему может служить одна из его политических бесед с Рылеевым. «Разговоры, — сказал Греч, — составляются не для блага государства, а для удовлетворения тщеславия или корыстолюбия частных лиц. Да что же вас так привязывает к царям? — спросил он с какою-то досадою.— Положим, — отвечал я, — что вы ни во что ставите присягу, но между царем и мною есть взаимное условие: он оберегает меня от внешних врагов и от внутренних разбойников, от пожара, от наводнения, велит мостить и чистить улицы, зажигать фонари, а с меня требует только: сиди тихо, — вот я и сижу». Рылеев не продолжал разговора, обратил речь к чему-то другому и, напившись чаю, уехал». В этом диалоге, как солнце в малой капле вод, вырисовывается реакционность Греча, отражающая раболепие зажиточных слоев русской буржуазии перед самодержавным режимом. Греч оставил после себя записки («Русский вестник» 1868, № 6, отд. издание — 1886, новейшее изд. — «Academia» 1927), в которых отзывался о Рылееве с резкой недоброжелательностью. «Сам не знал чего хотел. Поэтического дарования он не имел и писал стихи негладкие, но замечательные своею желчью и дерзостью. Какая была цель Рылеева? Он сам ее не знал. Учреждение ли конституционного правления, водворение ли республики? Только б пошуметь, подраться, пролить крови и заслужить статью в газетах, а потом в истории. Нечего сказать! завидная слава». Сквозь все эти отзывы просвечивает классовая ненависть ко всяким крамольнымы идеям, которые испытывает буржуазный обыватель, преуспевающий под эгидой полицейско-крепостнической монархии.

Измайлов Александр Ефимович (1779—1831) — баснописец, издатель журнала «Благонамеренный» (1818—1827), славившийся пристрастием к вину.

Как в России царей давят — очевидный намек на Петра III, задушенного Алексеем Орловым, и особенно на императора Павла I, задушенного в Михайловском дворце 11 марта 1801 года.

Как капралы Петра провожали с двора — Петр III после своего отречения от престола прощался с голштинскими полками.

Жена пред двором — Екатерина II, жена Петра III, вступившая на престол в 1762 году, после низвержения ее мужа.

Князь-чудодей — великий князь Константин Павлович, русский наместник в Польше.

Курносый злодей — император Павел I (1754—1801).

Магницкий Михаил Леонтьевич (1778—1855) — известный реакционный деятель 20-х годов. В начале своей служебной карьеры в министерстве иностранных дел сотрудничал со Сперанским, но после его ссылки перешел в лагерь наиболее реакционно настроенных кругов бюрократии. В 1819 году был назначен попечителем Казанского университета, который в результате его попечительства был совершенно разгромлен. Магницкий уволил одиннадцать профессоров, ввел в качестве обязательного предмета богословие, подчинил студентов жесточайшей дисциплине и т. д.; речь шла даже о разрушении самого здания университета, на это однако правительственного согласия не последовало. Исключительная «благонамеренность» Магницкого не спасла его однако от катастрофы: в 1826 году в его делах была обнаружена огромная растрата, его имущество было секвестровано и сам Магницкий был уволен в отставку. Конец жизни он провел в писании душеспасительных религиозных сочинений.

Мордвинов — см. примечание к оде «Гражданское мужество».

Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839) — государственный деятель. В первый период царствования Александра I — между Тильзитским миром и войной 1812 года — деятельный сотрудник императора на пути государственных преобразований. Сперанский своей деятельностью защищал интересы промышленной буржуазии,

стоявшей за капитализацию России и за реформу государственного устройства; отсюда его симпатии к французским государственным уставам, перенятие ряда черт западно-европейских конституций. Вспыхнувшая война 1812 года была ударом для Сперанского. По настояниям ненавидевшей его дворянской партии Сперанский был уволен и сослан. После окончания борьбы с Наполеоном его возвратили, но прежней власти он уже не получил. Декабристы сильно рассчитывали на Сперанского; зная его относительный либерализм, они прочили его во временное правительство. «На бывший мне вопрос, в ком я и несчастные товарищи бедственных подвигов моих надеялись сыскать помощь из особ, занимающих высшие в правительстве места, я отвечал истину, что мы не имели никаких поводов ни на кого из таких особ надеяться... Но... я обязан вам сказать, хотя бы сие и к вящему вреду мне служило, что я метил на Михаила Михайловича Сперанского и Александра [ошибка, следует — Николая] Семеновича Мордвинова, единственно потому, что первого почитал не врагом новостей, как он многие вводил, будучи государственным секретарем, а на втором, потому что он из известнейших особ в Государстве» (из показания князя С. Трубецкого 26 декабря 1825 года, «В. Д.», I, стр. 45). Никита Муравьев показывал, что слышал от Рылеева, что «некоторые члены Государственного Совета желают представительного правления, а именно Мордвинов и Сперанский» («В. Д.», I, стр. 292). Со Сперанским декабристы рассчитывали вести дело через члена Северного общества Г. С. Батенкова, служившего, как и Рылеев, в Российско-американской компании: «Рылеев, — показывал Каховский, — очень часто себе противоречил и потому я не даю много веры словам его: но один раз сказал мне, что Г. Сперанский «наш». На другой же день говорит: «он будет наш, мы на него действуем через Батенкова» (там же, стр. 344). Рылеев не отрицал в своих показаниях ставки на Сперанского, но отрицал его соучастие в заговоре; в Манифесте должны были фигурировать, как временные пра-

вители, облеченные исполнительной властью, адмирал Мордвинов и тайный советник Сперанский («В. Д.», I, стр. 188). Но вышеприведенное показание Каховского о воздействии на него через Батенкова Рылеев на очной ставке с Каховским 16 мая 1826 года отрицал (там же, стр. 203). В действительности Сперанский едва ли имел связь с декабристами; как и у Мордвинова, у него были отличные от них воззрения и, разумеется, итти в заговор у него не было ни малейших оснований. Но Сперанский мог знать о готовящемся и, учитывая возможность декабристской победы, держаться нейтралитета в завязывающейся борьбе. Многочисленные показания о Сперанском несомненно должны были усилить подозрительность Николая I. То обстоятельство, что Сперанский был приглашен Николаем I к ближайшему участию в суде над декабристами, объясняется не столько тем, что у Николая I было немного людей, которые могли бы справиться с таким сложным делом, сколько своеобразным стремлением отомстить Сперанскому за его либерализм. «Не без злорадного чувства, надо полагать, Николай поручал Сперанскому судить и распределять наказание — от ссылки до казни — декабристов, среди которых у Сперанского были и личные знакомые...» (П. Е. Щеголев, «Декабристы», М.—Л. 1926, стр. 224—225, примечание). «Искупивший» свою «вину» М. М. Сперанский позднее привлекался Николаем I для составления полного собрания законов и свода законов Российской империи (30-е годы). О близости Сперанского к декабристам см. у Довнар-Запольского, «Декабрьская революция 1825 года», «Голос минувшего» 1917, № 7—8, стр. 27—28, и в книге В. И. Семевского: «Политические и общественные идеи декабристов», Спб. 1909, стр. 492—494.

Танта — тетка жены Булгарина, известная своим сварливым характером.

Фаддей — Булгарин *(см. стр. 765)*.

Песня «Ах, где те острова» по обилию литературных и исторических намеков явным образом была рассчитана

на квалифицированного слушателя. Она содержала ряд язвительных выпадов по адресу отдельных деятелей самодержавия — Константина, Павла, Екатерины, но особо оформленных выпадов против режима в целом не заключала. Этим объясняется то, почему среди лиц, одобрявших эту песню, могли быть не только члены Тайного общества, но и люди либеральных взглядов и даже люди, лишь игравшие до поры до времени в либерализм. В записках Н. И. Греча сохранилось колоритное описание обстановки, в которой эта и подобные ей песни распевались в 1820-х годах: «...Вольные разговоры, пение *не революционных, а сатирических песен* (курсив наш. — *Ред.*) было дело очень обыкновенное, и никто не обращал на то внимания. Однажды Булгарин (тогда еще холостой) давал нам ужин. Собралось человек пятнадцать. После шампанского давай читать стихи, а там и петь рылеевские песни. Не все были либералы, а все слушали с удовольствием и искренно смеялись. Помню антилиберала Василия Николаевича Берха, как он заливался смехом. Только Булгарин выбегал иногда в другую комнату. На следующий день прихожу к Булгарину и вижу его расстроенным, больным, в большом смущении. Он струсил этой оргии и выбегал, чтобы посмотреть, не взобрался ли на балкон (это было в первом этаже дома) квартальный, чтобы послушать, что читают и поют. У него всегда чесалось за ухом при таких случаях: он не столько либеральничал, как принимал сторону поляков» («Записки» Н. И. Греча, Спб. 1886, стр. 432—433).

ПЕРЕВОДЫ

83. *Путь к счастию* (стр. 273)

Опубликовано в «Вестнике Европы» 1888, № 11, стр. 218, В. Е. Якушкиным. Представляет собою перевод польского стихотворения Ф. В. Булгарина. Точная датировка этого перевода нам неизвестна, но литературная тематика несколько сближает «Путь к счастию» с «Пустыней», «По-

сланием к Гнедичу», т. е. с произведениями 1820—1823 годов.

Меценат — покровитель искусств.

Невеждин — литературная кличка некультурного читателя.

Перикл — древне-греческий государственный деятель, покровитель наук и искусств.

Тит (41 — 81 н. э.) — римский император, прославленный за его милосердие и кротость.

Феб (Аполлон) — бог света, покровитель искусств.

84. Из «Слова о полку Игореве» (стр. 277)

Опубликовано П. А. Ефремовым в «Русской старине» 1871, кн.I, стр. 97, по наброску из архива Ф. В. Булгарина. Время написания отрывка неизвестно.

«Слово о полку Игореве» — замечательнейший памятник феодально-дружинного эпоса конца XII века — сказание о неудачном походе в 1185 году князя Игоря против половцев — найдено было в 1795 году в одном из рукописных сборников, принадлежащих графу Мусину-Пушкину и в 1800 году издано в свет.

Рылеевский набросок в своем отношении к тексту «Слова» распадается на две части. Первая его строфа — дословное переложение характеристики курян, воинов Игоревой дружины: «Под трубами повити, под шеламы възлелеяны, конець копия въскръмлени; пути им ведоми, яруги им знаемы; луци у них напряжени, тули отворени, сабли изъострены; сами скачють, акы влъци в поле, ищучи себе чти, а князю славы» («Пеленали их под звуки труб, укачивали под шлемами, кормили кончиками копий; дороги им известны, овраги им знакомы; луки у них натянуты, колчаны открыты, сабли отточены, а сами скачут как серые волки в степи, ища себе чести, а князю славы»). Вторая строфа излагает содержание начала памятника, и текстуальные совпадения со «Словом» здесь отсутствуют.

Колчан — сумка для стрел.

Половцы — тюркское племя, в XI веке поселившееся в южно-русских степях и оттуда совершавшее набеги на русские княжества.

Игорь Святославович (1151—1202) — князь новгород-северский, — не смешивать с Игорем Рюриковичем, женатым на Ольге, о котором Рылеевым написана специальная дума.

85. Из баллады А. Мицкевича «Лилии» (стр. 277).

Черновой набросок перевода стихотворения А. Мицкевича «Lilie z piesni Gminnej»; опубликовано в сб. «Девятнадцатый век», под редакцией П. Бартенева, ч. I, Спб. 1872, стр. 371—372, и Якушкиным (полностью).

Мицкевич Адам (1798—1855) — знаменитый польский поэт. Виднейший представитель польского романтизма («Баллады и романсы» 1822, «Дзяды» 1822, «Конрад Валленрод» и др.). Мицкевич был арестован в 1823 году за участие в студенческой организации филоматов и филаретов. В апреле 1824 года был выслан в Россию. В Петербурге сблизился с Рылеевым и Бестужевым. Рылеев, всегда интересовавшийся польской литературой, уже до того в числе других своих переводов (Немцевича «Глинский», «Пути к счастию» Булгарина) перевел балладу Мицкевича «Лилии». Когда в январе 1825 года Мицкевич назначен был преподавателем в одесский Ришельевский лицей, Рылеев и Бестужев снабдили его письмом к В. И. Туманскому *(см. стр. 788)*. Известно его описание «жестоких» песен «финского и монгольского» характера, сочинявшихся на собраниях декабристов и якобы оскорблявших слух польских заговорщиков (A. Mickiewicz, «Les Slaves», Paris 1849, III, стр. 289). Мицкевичу же принадлежит четверостишие из поэмы «Петербург» (третья часть «Дзядов»), характеризующее его отношение к Рылееву и к самодержавию:

Gdziez wy teraz?.. Szlachetna szyja Rylejewa,
Którąm jak bratnią sciskal carskiemi wyroki

Wisi, do chańbiącego przywiązana drzewa...
Klątwa ludom, co swoie mordują proroki!

(стихи эти были напечатаны в Полном собрании сочинений Рылеева, «Библиотека русских авторов», т. I, Лейпциг 1861, со следующим русским текстом:

Что сталося с вами?.. Рылеева честная шея,
Которую братски сжимал я в объятьях моих,
В петле задохнулась по воле царя-лиходея...
Проклятье народам, губящим пророков своих!).

Балладу Мицкевича впоследствии перевел П. В. Федоров-Омулевский (см. его Стихотворения, Спб. 1883, стр. 273 — 287).

ПРОЗА, КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ, ЗАПИСКИ

86. Еще о храбром М. Г. Бедраге (стр. 295).

Напечатано в «Отечественных записках» П. П. Свиньина, 1820, кн. IV, № 8, стр. 284—289 в форме письма в редакцию.

О М. Г. Бедраге (1773—1833) Рылеев впервые писал матери 10 августа 1817: «Иногда посещаем живущую в слободе вдову генерал-майоршу Анну Ивановну Бедрагу; у нее лечится теперь сын ее, подполковник гвардейского конно-егерского полка, раненный при Бородине. Дом весьма почтенный и гостеприимный, и мы в оном приняты как нельзя лучше» (см. письма). Бедраге Рылеевым посвящена «Пустыня», к нему обращены два стихотворения 1821 года: «М. Г. Бедраге» и «На рождение Я. Н. Бедраги».

О Бедраге см. статью В. О. Литвинова «Участники Отечественной войны и заграничных походов 1813—1815, из дворян и уроженцев Воронежской губернии», Воронеж 1912, и «Русский архив» 1877, кн. II, стр. 437.

Давыдов Денис Васильевич (1784—1839) — «поэт партизан». Родился в семье военного, служил в кавалерийском полку. За сочинение язвительных басен по адресу начальства был переведен в армию. В войне 1807 года и

позднее в «Отечественной» войне 1812 года проявил исключительную храбрость. Вместе с князем П. А. Вяземским и В. Л. Пушкиным был основателем Московского отделения «Арзамаса». Поэзия Д. Давыдова представляет собою своеобразный вариант дворянской лирики 20-х годов, в котором мотивы военной удали смешиваются с эпикуреистическими описаниями попоек, любовных похождений и т. п. Данные о знакомстве Рылеева с Д. Давыдовым отсутствуют, хотя оно вполне возможно. Они могли быть связанными знакомством через посредство М. Г. Бедраги.

Имя Бедраги мы встречаем в изложении Николаем I событий 14 декабря 1825 года: «... ко мне подошли два человека во фраках и сюртуках, с георгиевскими крестами в петлице; это были отставные израненные офицеры Веригин и Бедряга: последний сказал мне: «знаем, государь, что в городе делается: мы старые раненные офицеры, но покуда мы живы, до вас рука изменников не достанет» (Заметки Николая I на полях рукописи М. Н. Корфа в сб. «Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи», Гиз, 1926, стр. 41).

87. Об Острогожске (стр. 297)

Опубликовано П. А. Ефремовым, «Русская старина» 1871, кн. III, стр. 83—84, см. также Ефремов [2], стр. 193—194. В рукописи из архива Булгарина эта заметка оканчивалась отрывком, который Рылеев использовал в качестве примечания к думе «Петр Великий в Острогожске» (изд. 1825 года), «Петр Великий по взятии Азова» и т. д. Написано на одном листе с посланием к А. А. Бестужеву («Ты разленился уж некстати») (Ефремов [2], стр. 335) и может условно датироваться 1822—1823 годами. О близости Рылеева с острогожскими помещиками и культурном уровне острогожского населения см. у Маслова, стр. 67—70. См. также в письмах Рылеева к матери и Ф. В. Булгарину *(стр. 438 и 457)*.

88. Провинциал в Петербурге (стр. 299)

Напечатано в «Невском зрителе», ч. V, 1821, февраль, II, Нравы, стр. 160—163, подпись: *К. Р—в*. Серия нравоописательных очерков, не связанных единством темы. «Провинциал в Петербурге» — характерная критика столичных модных магазинов. «Древние и новые» — диалог автора с «сестрицей». Очерками подобного рода изобиловали журналы той поры.

Л а ф а т е р — основатель так называемой физиогномистики, пытавшейся по очертанию черепа, лба и лица распознавать человеческий характер.

«Л и п е ц к и е в о д ы» — комедия кн. А. А. Шаховского «Урок кокеткам или Липецкие воды» (1815), в которой высмеивался сентиментализм Жуковского.

«Н е д о р о с л ь» — комедия Фонвизина.

Э ш а р п — шарф (ср. в «Горе от ума» Грибоедова: «Какой эшарп кузен мне подарил»).

89. Чудак (стр. 305)

Попытка психологической новеллы в письмах. Напечатана в «Невском зрителе» 1821, ч. V, стр. 160—163, Н. О. Лернер видит в «Чудаке» источник фабулы «Онегина» (см. его «Заметки о Пушкине», «Русская старина» 1907, XII). Некоторое сходство между этими произведениями действительно имеется (Угрюмов, ненавидящий женщин, и Онегин, семейство Доброправовых-Лариных, душевные качества Лизы). Последняя фраза рылеевской новеллы как бы содержит в себе сюжетный остов последней главы «Онегина» — петербургской встречи Евгения и Татьяны.

Г е р м е с — в греческой мифологии бог ветра и торговли.

У л и с с - О д и с с е й — герой древне-греческой поэмы «Одиссея».

Ю н о н а — богиня римской мифологии, жена Юпитера.

90. Некролог Д. Е. Высочину (стр. 306)

Напечатано в газете «Русский инвалид» 1823, № 247. 18 октября 1823 года, стр. 986; перепечатано Н. Л[ернером] в «Историческом вестнике» 1910, XI, стр. 816, под заглавием «Заметка Рылеева», с ошибкой: «и беспримерным бескорыстием». Некролог написан Рылеевым в период его службы в петербургской судебной палате.

91. Объявление об издании «Полярной Звезды» на 1825 год (стр. 307)

Первоначально напечатано в «Сыне отечества» 1825, № 1, стр. 111, перепечатано в Полном собрании сочинений Рылеева, Лейпциг 1861, стр. 228—229. Как основательно предполагает В. И. Маслов, «причиной запоздания была по всей вероятности отлучка из Петербурга Рылеева, который во второй половине 1824 года уезжал к родным жены в Малороссию» (Маслов, стр. 363). Вернувшись в Петербург только в первых числах декабря, Рылеев принялся за работу, быстрыми темпами наверстывая пропущенное. В письмах его к жене и к друзьям мы находим ряд упоминаний о крайней занятости Рылеева «Полярной звездой» в январе—марте 1825 года. «Я по большей части сижу дома. Принялся за «Полярную Звезду»; надеюсь выдать к Святой...» (конец января). «Начато печатание «Полярной Звезды» (10 февраля). «Я попрежнему сижу все дома вместе с Бестужевым и работаем для «Полярной Звезды». Напечатано больше половины...» (20 февраля). Наконец 25 марта он посылает «Полярную звезду» А. С. Пушкину (цензурное разрешение на выход альманаха в свет было подписано А. С. Бируковым 20 марта 1825 года).

Нетерпение, с которым ожидали читатели выхода в свет альманаха, было так велико, что издатели сочли необходимым выступить с приведенным выше объявлением. Альманахи, упоминаемые в этом объявлении: «Русская Талия», подарок любителям и любительницам отечественного театра на 1825 год, издал Ф. Булгарин, Спб. 1824; «Русская старина», карманная книжка для любителей отече-

ственного, изд. А. Корниловичем; «Северные цветы» на 1825 год, собранные бароном Дельвигом, изд. Ив. Слениным (последний альманах издавался по 1832 год включительно).

«Полярная звезда» — альманах, издававшийся Рылеевым вместе с А. А. Бестужевым на 1823, 1824 и 1825 годы. Мысль выпускать в свет собственный журнал возникла у Рылеева еще в 1820 году; 2 декабря он сообщал жене: «С нового года я буду издавать журнал в Петербурге под названием: «Невский зритель». Рылеев однако издателем этого журнала не сделался.

Альманахи в русской литературе привились со времен Карамзина, — им были изданы в течение 1796—1799 годов три сборника «Аониды или собрание разных новых стихотворений», наподобие западно-европейского календаря. За Карамзиным последовал ряд сборников, из которых наиболее интересным был «Свиток муз» (2 тома, Спб. 1802, 1803). От всех этих изданий «Полярная звезда» отличалась одним чрезвычайно важным обстоятельством — авторам впервые в русской литературе выплачивался гонорар. «Цель Кондратия Федоровича и товарища его Александра Александровича Бестужева, — писал позднее князь Е. П. Оболенский, — состояла в том, чтобы дать вознаграждение труду литературному, более существенное, нежели то, которое получали до этого времени люди, посвятившие себя занятиям умственным (часто их единственная награда состояла в том, что они видели свое имя напечатанным в издаваемом журнале; сами же, приобретая славу и известность, терпели голод и холод и существовали или от получаемого жалованья или от собственных доходов с имений или капиталов). Предприятие удалось. Все литераторы того времени согласились получать вознаграждение за статьи, отданные в Альманах. В том числе находился и Александр Сергеевич Пушкин» (Е. П. Оболенский, «Из воспоминаний о К. Ф. Рылееве», «Девятнадцатый век», издаваемый П. Бартеневым, ч. I, М. 1872, стр. 320). Введение литературного гонорара несомненно находилось

в связи с взглядами обоих писателей на вредность меценатского «ободрения» писателей. «Сила душевная слабеет при дворах и гений чахнет» — писал Рылеев Пушкину в своем предпоследнем письме. «...Пусть он производит свободно все, что внушает ему вдохновение. Тогда не надобно ни пенсий, ни орденов, ни ключей камергерских; тогда он не будет без денег, следовательно без пропитания; он тогда будет обеспечен» *(см. стр. 496)*. Журнальная реформа Рылеева и Бестужева имела успех, ибо она вызывалась профессионализацией писательского труда: старый дворянский писатель обеднел и постоянно нуждался в деньгах, появились писатели-разночинцы и — что всего важнее — в 20—30-х годах особенно интенсивно начало развиваться построенное на капиталистических основах книгоиздательское дело.

У писателей и критики «Полярная звезда» имела шумный успех потому, что в ней сотрудничали лучшие писатели той поры — Пушкин, Жуковский, Крылов, Гнедич, А. Бестужев, Вяземский, Булгарин, Дельвиг, Измайлов, Кюхельбекер, Баратынский, Грибоедов, Языков и др. Материальный успех издания был несомненным; альманах на 1824 год, например, был распродан в течение трех недель (тираж его был 1500 экземпляров — цифра по тому времени немалая). «Полярная звезда» на 1825 год имела огромный успех и вознаградила издателей не только за первоначальные издержки, но доставила чистой прибыли до 1500 до 2000 рублей» (Е. П. Оболенский, «Из воспоминаний о Рылееве», «Девятнадцатый век», кн. I, М. 1872, стр. 320). «Полярная звезда» на 1823 год поднесена была императрице Елизавете Алексеевне; Рылеев получил в награду от Александра I два бриллиантовых перстня, А. А. Бестужев — бриллиантовый перстень и золотую табакерку.

Полное перечисление содержания «Полярной звезды» и обзор критических отзывов о ней см. в книге В. И. Маслова, стр. 347—371.

Продолжением «Полярной звезды» должна была явиться «Звездочка» *(см. о ней на стр. 796)*.

92. Несколько мыслей о поэзии (стр. 308)

Напечатано в журнале «Сын отечества» 1825, ч. 104, № 22, ноябрь, стр. 145—154, за подписью *Рылеев*.

Споры об отношениях романтизма и классицизма были главнейшей темой русской критики начала 20-х годов. Классицизм отживал свой век; его ограниченность стала в ту пору очевидной для огромного большинства. Под знаменами классицизма в ту пору остались одни эпигоны, объединенные общей ненавистью ко всяким литературным новшествам. Классицизм был явлением реакционным и в политическом плане — он стремился обузить границы литературы хвалебной, придворно-аристократической по своим тенденциям поэзией. Лагерь романтиков, если не считать небольшой и маловлиятельной в ту пору группы разночинцев, представлялся среднепоместной интеллигенцией, представителями той капитализирующейся прослойки класса, которая испытывала чрезвычайно ощутительный для себя гнет правительственной реакции и искала в романтизме выражения своей идеологии — пессимизма, отказа на довольно значительный период времени от политической деятельности, индивидуалистического бунта и т. п. Таким образом борьба классиков и романтиков была борьбой двух различных групп русского дворянства 1820-х годов. В этой борьбе позиция декабристов была особенно сложной, ибо они, стоя в основном на позициях романтизма, отнюдь не были, однако, заинтересованы в том, чтобы отказываться начисто от классической поэтики, привлекавшей их «витийственностью» высокой формы, позволявшей сообщить должное напряжение гражданским поучениям и проповедям. Позиция Рылеева в этой борьбе характерно-компромиссна; приглашая «оставить бесполезный спор о романтизме и классицизме», он призывал «уничтожить в себе дух рабского подражания и, обратясь к источнику истинной поэзии, употребить все усилия осуществить в своих писаниях идеалы высоких чувств, мыслей и вечных истин, всегда близких человеку и всегда не

довольно ему известных». Эта позиция не была однако эклектичной, ибо была продиктована совершенно определенной тенденцией поэта-декабриста создать *синтетическую* форму, пригодную для выражения его политических идей.

Отношение Рылеева к спору романтиков с классиками находит себе некоторые аналогии в статьях О. М. Сомова и В. К. Кюхельбекера. Орест Сомов в своем «Опыте в трех статьях о романтической поэзии», напечатанном в «Соревнователе просвещения и благотворения» 1823, ч. 23 (несомненно хорошо известном Рылееву — он был сотрудником этого журнала и сочленом Сомова по «Вольному обществу любителей российской словесности», где этот журнал издавался), защищал идею создания «народной» поэзии, «неподражательной и независимой от преданий чуждых». В. К. Кюхельбекер в 3-й части альманаха «Мнемозина», появившейся в 1824 году, стоял в общем на той же позиции. Резко осуждая эпигонов классицизма, Кюхельбекер не считал возможным перейти в лагерь романтиков, которых он осмеивал за однообразие картин, за унылость («Все мы взапуски тоскуем о своей погибшей молодости: до бесконечности жуем и пережевываем эту тоску и наперерыв щеголяем своим малодушием в периодических изданиях»). Всего лучше иметь поэзию народную, пишет Кюхельбекер, прямо продолжая здесь Сомова (подробнее см. в книге И. И. Замотина «Романтизм 20-х годов XIX столетия в русской литературе», т. I, Спб. 1911, стр. 90, 92, 102, 105, 370, 374, а также в книге И. И. Иванова «История русской критики»). В статье Рылеева этот тезис народности не выступает так настойчиво, как у Сомова или Кюхельбекера. Вместе с тем у Рылеева гораздо настойчивее проводится параллель между свободой поэтической и гражданской: «многолюдность... государств новых, степень просвещения народов, дух времени, словом, все физические и нравственные обстоятельства нового мира определяют и *в политике и в поэзии* и поприще более обширное... В таком быту наших гражданских

обществ нам остается полная свобода, смотря по свойству предметов, соблюдать три единства... Заметим, однакож, что *свобода сия точно как наша гражданския свобода* налагает на нас обязанности труднейшие тех, которых требовали от древних три единства» и т. д. курсив наш. — *А. Ц.*). Эта фразеология не случайна: в скрытой, «эзоповской», форме Рылеев подчеркивает необходимость для литературы и литературной теории перестраиваться в соответствии с теми требованиями высоких чувств и мыслей, которые ставил перед поэзией виднейший декабристский поэт. События 14 декабря помешали Пушкину ответить Рылееву, но можно с очевидностью сказать, что оценка Пушкиным критической статьи Рылеева была бы отрицательной. За это говорят и симпатии Пушкина к романтизму, и общий отход его от идей вольнолюбивого либерализма, к тому времени почти закончившийся.

93. Записка о дуэли Новосильцева с Черновым (стр. 313)

Первоначально опубликована в сб. «Девятнадцатый век», кн. I, М. 1872, стр. 336—337. Написана в сентябре 1825 года (см. выше примечания к стихотворению «На смерть Чернова» *стр. 650—657*).

ЮНОШЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Ранние произведения Рылеева обнимают период времени, начиная с его обучения в Кадетском корпусе (1813—1814) до его переезда в 1820 году в Петербург. Юношеские произведения Рылеева, хранившиеся в числе других в фамильном архиве у его вдовы, а затем перешедшие к его дочери, Анастасии Кондратьевне Пущиной, были описаны П. А. Ефремовым («Сочинения и переписка Кондратия Федоровича Рылеева», Спб. 1872 и 1874; цитируем по второму изданию, — стр. 341—345). Ефремов, однако, уклонился от их напечатания, считая их чересчур слабыми в художественном отношении. Исключение было сделано П. А.

Ефремовым лишь для «Путешествия на Парнас», напечатанного в отрывке (Ефр.[2], стр. 168—169), и двух прозаических отрывков (1814—1815): «Нечто о средних временах» (там же, стр. 190) и двух небольших отрывков из «Писем из Парижа» (там же, стр. 193—194). Огромная масса ранних произведений оставалась неопубликованной. В 1910 году В. И. Маслов сделал описание этих рукописей в процессе общих работ по изучению творчества Рылеева (см. В. И. Маслов, «Архив К. Ф. Рылеева», принесен в дар библиотеке Академии Наук В. Е. Якушкиным, Спб. 1910; оттиск из «Известий Академии Наук» за 1910 год, стр. 916—923). В 1912 году все эти произведения были им опубликованы (за исключением поэмы «Кулакиада», уже известной в списках с 1896 года; см. текст ее в «Русской старине» 1896, III, стр. 506—510) в его большой работе «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева», Киев 1912, Приложения, стр. 1—90). Не повторяя здесь довольно подробного описания юношеских текстов Рылеева, данного П. А. Ефремовым и особенно В. И. Масловым (более важные сведения этого рода см. в примечании к отдельным произведениям), попытаемся сначала разобраться в вопросе об их *датировке*:

Наиболее ранними стихотворениями Рылеева надо считать: сборник Архива Рылеева № 37, включающий: 1) «Кулакиаду», написанную Рылеевым задолго до окончания корпуса (об этом говорит, помимо мемуарных свидетельств, еще и стилистика поэмы, изобилующая элементарными неправильностями метра, языка и т. д.), 2) басню «Гусь и змия», 3) «Послание к Ф.», очевидно товарищу по корпусу (принадлежность этих произведений удостоверяется приятельской припиской переписчика), 4) оду «На погибель врагов», несомненно связанную с событиями борьбы против Наполеона, притом в последней ее стадии, когда французы были изгнаны из пределов России. По отношению к этим четырем стихотворениям встает вопрос о принадлежности их Рылееву. Дело в том, что почерк тетради, в которой помещены они, не похож на обычный по-

черк Рылеева. Кроме того, там помещены произведения его товарищей по корпусу: П. Егорова («Песнь победителю врагов»), Н. Козлова (басня «Истукан»), Н. Фролова (басня «Мужик» и статья «Пришествие зимы»), Н. Боборыкина («Каким образом Россияне поступали во всех веках при нашествии врагов»). Пять произведений — «Гусь и змия», «Послание к Ф.», «На погибель врагов», «Причины падения власти пап» и «Победная песнь героям»,—без подписи и под каждым из них сделаны стихотворные приписки, удостоверяющие авторство Рылеева. «Последние, — указывал В. И. Маслов, — составлялись несомненно человеком, близким к Рылееву: в двустишиях он обращается к поэту, как своему «любезному другу» и «приятелю», заочно лобызает его и весьма лестно отзывается об его поэтических дарованиях: «Хвала тебе, о мой любезный друг Рылеев; поэт и сын ты истинно Ареев!», «Когда стихи сии Рылеева читаю, то точно как его я будто лобызаю». То обстоятельство, что приписки составлялись лицом, близким Рылееву, которое несомненно осведомлено было о литературных занятиях своего друга, заставляет нас положиться на его указания и считать Рылеева автором всех анонимных произведений. Семья поэта, повидимому, держалась такого же мнения, сохраняя эти произведения наряду с другими, подлинными сочинениями Рылеева. Добавим к тому же, что в анонимных произведениях нет ничего противоречащего ни обстоятельствам жизни Рылеева, ни общему характеру его поэзии; наоборот, в них затронуты те же сюжеты, которыми вообще интересовался Рылеев: война 1812 года, умственное состояние Европы в средние века, сюжеты литературного характера» (В. И. Маслов, «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева», Киев 1912, стр. 109—110). Эта аргументация совершенно справедлива.

За этими произведениями следуют стихотворения, собранные в рукописной тетради в четвертку, с подшитыми листами различного формата в 8-ю и 4-ю доли листа, 23 листа (В. И. Маслов, «Архив К. Ф. Рылеева», Спб. 1910,

стр. 916, по его реестру — тетрадь № 1). Этот сборник имеет на своей обложке дату: «Дрезден 1814» и содержит:

л. 2 — «Путешествие на Парнас» с датой: «Дрезден. Октября 15 дня 1814 года»;

л. 3 об. — «Бой» с датой: «Альткирх. Майя 7-го дня 1814 года»;

л. 4 — «Луна...» с датой: «Дрезден. Сентября 29 дня 1814»;

л. 5 — «Сентиментальное письмо» *(о нем см. ниже, в отделе прозы);*

л. 7 — «М. Г. Бедраге»;

л. 8 — стихотворение без заглавия, начинающееся стихом: «Когда душа изнемогала»;

л. 8 об. — стихотворение без заглавия, начинающееся словами: «Земли минутный поселенец»;

л. 9 — стихотворение без заглавия: «В сей долине вечных слез»;

л. 9 об. — отрывок из стихотворения «Пустыня»;

л. 10 — «Весна» («Приветствую тебя, зеленый луг широкий!»);

л. 11 — «К Н. М. Тевяшовой» (экспромт): «Как капли свежие росы...»;

л. 11 — «К другу моему». Начало: «Наконец, о друг любезной!»;

л. 12 — «Акростих». Начало: «Нет тебя милее на свете...» Дата: «Подгорное, 17 октября 1818»;

л. 13 — «Людмила. Баллада».

л. 14 — «Воспоминания. Элегия, посвящается Н. М. Р—ой»;

л. 15 — «К К—ому. В ответ на стихи, в которых он советовал мне навсегда остаться на Украине»;

л. 16 — Наталье Михайловне Тевяшовой (в день ее Ангела). Дата: «Августа 26 дня 1817»;

л. 17 — «Резвой Наташе»;

л. 20 — «К временщику» (копия);

л. 22 — «Кулакиада» (копия).

Как явствует уже из этого перечня содержания тетради № 1, в ней механически соединены (сшиты) произведения совершенно различных годов. Даты на листах 12-м и 16-м приурочивают соответствующие стихотворения к 1817—1818 годам. У других стихотворений нет дат, но, разумеется, послание М. Г. Бедраге не могло быть написано раньше переезда Рылеева в Острогожск и т. д. Стихотворение «Земли минутной поселенец» датируется смертью сына Александра, происшедшей в сентябре 1824 года. Таким образом сборник не представляет собою хронологического единства, и помимо первых трех произведений, датированных 1814 годом, остальные написаны гораздо позднее.

Следующей по времени написания является тетрадь № 2, в четвертку, содержащая 12 листов бумаги с золотым обрезом, со знаком 1815 (В. И. Маслов, «Архив К. Ф. Рылеева», стр. 917). Содержание ее:

л. 1 — «Наталье Михайловне Тевяшовой» (в день Ангела ее);

л. 1 об. — «Песня» («Je vous assure, что вы мне милы»);

л. 2 — «Наташа, Амур и я»; там же «Триолет Наташе» («Ах! должно быть бездушным»), напечатанный Рылеевым в «Невском зрителе» 1820, кн. IV;

л. 2 об. — «Мечта» («Ночною уж порою...»);

л. 3 — «Мотылек»;

л. 3 об. — «К Фролову» («Печали друг, забав любитель»);

л. 4 об. — «Н. М. Т—ой. На предложение ее, дабы я написал стихи на Надежду» («Ты желаешь друг прелестной»);

там же—«К портрету» («Она невинностью блистает»);

л. 5 — «Песня. Ответ на известную арию из «Русалки»;

л. 5 об. — «Друзьям (В Ротово)»;

л. 6 об. — «Посол»;

— «Сон. Из Анакреона» («Недавно Вакхом упоенный»);

л. 7 — «Утес»;

л. 8 — «Песня». На голос: «Винят меня в народе»;

— «Епиграмма» («Надутов для Прелесты...»);

л. 9 — «Звезда-путеводитель»;

л. 10 — «К Лачинову»;

л. 11 — «В альбом ее превосходительству К. И. М—ной»; там же — «Епиграмма» («Пегас Надутова весьма, весьма упрям»);

л. 11 об. — «Четыре степени любви...»;

л. 12 об. — «К ней»;

там же — «Песня» («Тише, тише ветерочек...»).

На этот раз у нас нет оснований заподозривать разновременность вошедших в тетрадку № 2 стихотворений: точные даты над стихотворениями отсутствуют, но по содержанию можно датировать этот сборник 1817—1818 годами. — Рылеев уже знаком с Натальей Михайловной Тевяшовой, но еще не женился на ней.

Следующая по времени — тетрадь № 3, в 8-ю долю листа, 19 листов:

л. 1 — заглавие: «Опыты в стихах. Кондратия Рылеева» с эпиграфом: «Приятна мне с трудом забава пополам; приятен слабый труд, когда он мил друзьям». Ниже на той же странице: Книжка первая;

л. 2 — «Экспромт Н. М. Р—ой» («Как капли свежие росы»);

л. 2 об. — «Тоска»;

л. 4 об. — «Вольный перевод из Сафо»;

л. 5 — «К Н. А—ву (В ответ на письмо)»;

л. 7 — «Триолет Наташе»;

л. 7 об. — «Утес»;

л. 9 — песня «Je vous assure, что вы мне милы»;

л. 9 об. — «Романс» («Как счастлив я, когда сижу с тобою...»). Первоначально напечатано в «Благонамеренном» 1820, № 5;

л. 10 об. — «Н. М. Т—вой. На предложение ее, дабы я написал стихи на Надежду»;

л. 11 — «Звезда-путеводитель»;

л. 12 об. — «Приятелю. На брак Н. М. Т—вой» («Наконец, мой друг любезной»);

л. 13 — «Богатство (из Анакреона)».

л. 14 — Эпиграммы: 1) начало: «Вчера Комедию мою играли...»; 2) начало: «Ты видел Фирса чудака...». Обе напечатаны в «Благонамеренном» 1820, № 5; 3) Начало: «Узрев, что Слабоум, сын сельского попа...»;

л. 15 — «Резвой Наташе» (начало: «Наташа, Наташа, полно резвиться...»);

л. 16 — «Мечта»;

л. 17 — «Четыре степени любви»;

л. 18 — «К Надежде»;

л. 18 об. — «Бой».

Если не считать множества стихотворений, переписанных в этот сборник из предыдущих (об этом явлении ниже), то остальное его содержание представляется нам более поздним, чем содержание тетради № 2, по следующим основаниям. Прежде всего, эта тетрадь имеет более поздний водяной знак на бумаге — 1817 год (тетрадь № 2 — 1815). Содержание ее в общем то же и это свидетельствует о том, что тетрадь заполнялась в острогожский период жизни Рылеева. Но если в предыдущем сборнике Рылеев адресовал свои произведения на любовные темы Н. М. Т—ой, то теперь он адресует их Н. М. Р—ой (свадьба Рылеева произошла в начале 1819 года; *см. «Биографическую канву»*).

Перечисленными четырьмя сборниками исчерпываются юношеские стихотворения Рылеева (за вычетом помещенных им в письмах к матери, свояченице, жене; *см. стр. 433, 451*). Помимо них, мы имеем еще тетрадку в четвертку листа (Архив № 4), содержащую на шести листах два стихотворения:

1) «Пустыня» (листы 2—6). Напечатано в «Соревнователе просвещения» 1821, № 12, и

2) л. 6 об. — «К. С.» («Наш хлебосол мудрец...»).

Судя по более поздним водяным знакам бумаги (1818) и помещению после «Пустыни», стихотворение это относится к последнему периоду жизни Рылеева в Острогожске, вернее всего — к лету 1821 года.

Сводя воедино все хронологические расчеты, мы получаем такую последовательность в работе Рылеева над своими ранними стихотворениями:

1813—1814: тетрадь № 37 (вся),
1814: тетрадь № 1 (листы 1—4),
1815—1818: тетрадь № 2 (вся),
1819—1820: тетрадь № 3 (вся),
1818—1821: тетрадь № 1 (листы 5—19),
1821: тетрадь № 4 (вся).

Приведенная диспозиция является все же приблизительной, так как более точной датировке стихотворения Рылеева не поддаются. Нужно, однако, признать, что публикация стихотворений, произведенная В. И. Масловым, не удовлетворяет требованиям хронологии. Так, он печатает стихотворения тетради № 1, не дифференцируя их по годам, и от «Луны» (1814) переходит к «Акростиху» (1818), минуя промежуточное «Лачинову», написанное в 1815—1816 годах. Это ломает в его публикациях всю хронологическую перспективу, что несомненно является большим недостатком, так как препятствует уяснению процесса художественного роста Рылеева.

Чтобы покончить с юношескими стихотворениями, отметим, что у Рылеева чрезвычайно часты случаи *переписывания* стихотворения из одного сборника в другой («Бой», «Триолет Наташе», «Утес», «Четыре степени любви», «Романс», «Звезда-путеводитель», «Мечта», «К Н. М. Тевяшовой», «Наталье Михайловне Тевяшовой в день ее Ангела» и «Резвой Наташе»). Иногда эти стихотворения переписываются с изменением адресата и с легкими поправками в тексте *(подробнее см. в примечаниях к каждому из перечисленных стихотворений)*.

С юношеской *прозой* и *драматургией* Рылеева дело обстоит значительно проще, как потому, что она менее многочисленна, так и потому, что она чаще датирована. Эти восемь произведений располагаются по времени написания в следующем порядке:

1) «Причина падения власти пап». Помещено в тетради № 37 после «Послания к Ф.» 1814 года;

2) «Победная песня героям» — в том же сборнике;

3) отрывок, датированный: «Шафхаузен. Марта 25 дня 1814 года» («Возвращаясь в свое отечество...», «Архив», № 14, л. 1);

4) «Нечто о средних временах» («Архив», № 14, л. 1 об., датировано маем 1815 года);

5) «Письма из Парижа». Датировано сентябрем 1815 года («Архив», № 15);

6) «Сентиментальное письмо к другу моему, Ф. В. Голубеву», помещено в тетради № 1, после стихотворения «Луна», позднего периода, судя по почерку;

7) комедия в 1 действии, без заглавия («Архив» № 16). Написана не ранее 1816 года;

8) «Женская игрушка» (из «Провинциала в Петербурге»). Судя по другому очерку этой серии («Магазины»), написана не ранее 1820 года.

Переходим к примечаниям к отдельным стихотворениям.

94. Кулакиада (стр. 319)

Наиболее раннее из произведений Рылеева, написанное им во время пребывания в кадетском корпусе. Автограф отсутствует; в тетради 1, лист 22, имеется копия. Отрывки из «Кулакиады» опубликованы в 1888 году В. Е. Якушкиным («Вестник Европы» 1888, XI, стр. 217) и в 1895 году Н. С. Лесковым (см. ниже). Полностью эта шуточная поэма напечатана по копии, опубликованной М. П. Кудрявцевым в «Русской старине» 1896, III, стр. 506—510, к сожалению, без соблюдения особенностей авторского правописания.

В основу поэмы положено реальное происшествие, — смерть Кулакова, «старшего повара» I кадетского корпуса. «Повар этот, — свидетельствовал учившийся там позднее Н. С. Лесков, — умер скоропостижно на своем поварском посту — у плиты, и смерть его была очень

заметным событием в корпусе. Кулаков — честный человек, не вор, и потому честный эконом Бобров уважал Кулакова при жизни и скорбел о его трагической кончине... Находившийся тогда в числе кадет Кондратий Федорович Рылеев... видя скорбь Боброва и ценя утрату Кулакова для всего заведения, написал по этому случаю комическую поэму, в двух песнях, под заглавием «Кулакиада». Н. С. Лескову принадлежит и рассказ об одной проделке Рылеева с Бобровым, в треуголку которого вместо ежедневного рапорта начальнику корпуса была всунута «Кулакиада».

Сильно расстроенный этой шалостью, Бобров в конце концов помирился с совершимся фактом и простил его, но сказал при том Рылееву назидательную речь, что литература вещь дрянная, и что занятия ею никого не приводят к счастью» (Н. С. Лесков, «Прибавление к рассказу о кадетском корпусе», «Исторический вестник» 1895, I, стр. 80—85, или в Полном собрании сочинений, изд. 2-е, Спб. 1897, т. II, стр. 96—100).

Эстетической ценностью «Кулакиада» не обладает, стиховая структура ее тяжела, словарь изобилует неправильностями, композиция — длиннотами и т. п.

Многочисленные имена, встречающиеся в поэме, принадлежат товарищам Рылеева по корпусу.

95. Гусь и змия (стр. 324)

Архив Рылеева, № 37, л. 4. Впервые напечатано В. И. Масловым, Приложения, стр. 77—78, в отделе: «Произведения, приписываемые Рылееву». За принадлежность его Рылееву говорит приписанное под этой баснью другим почерком двустишие:

Когда стихи сии Рылеева читаю } и даже
То точно как его... я будто лобызаю } внемлю.

Слова «и даже внемлю» зачеркнуты; о личности сделавшего эту приписку *см. выше, стр. 701.*

96. Послание к Ф... (стр. 325)

Архив Рылеева, № 37, лл. 4—4 об. Впервые напечатано В. И. Масловым, Приложения, стр. 78—79. За принадлежность этого стихотворения Рылееву говорит приписка под ним другой рукой:

Сии стихи писал Рылеев, мой приятель,
Теперь да защитит его в войне создатель.

(Рылеев выпущен был из I Кадетского корпуса прямо в действующую армию 10 февраля 1814 года).

97. На погибель врагов (стр. 325)

Архив Рылеева, № 37, лл. 8—9. Напечатано у Маслова, Приложения, стр. 82—85. За принадлежность этого стихотворения Рылееву говорит приписка неизвестною рукою:

Хвала тебе, о мой любезный друг Рылевв,
Поэт и сын ты истинно Ареев.

Разбор «На погибель врагов» на фоне шовинистической поэзии 1812—1814 годов см. у Маслова, стр. 113—117.

98—100. «Героев тени низлитите». «Умирающий ратник» «Не дивитесь, друзья» (стр. 326—330)

Архив Рылеева, IV, № 1, лл. 8—9; № 16, л. 4 об.—6 об.; лл. 15 об.—17 об. Опубликовано Масловым, Приложения, стр. 83—87. Несмотря на подпись *К. Рылеев*, принадлежность этих стихотворений перу поэта сомнительна, настолько сильно отличаются они от других его произведений 1813—1814 годов по своей технике.

101. Путешествие на Парнас (стр. 330)

Архив Рылеева, № 1, лл. 2—3 об. В брокгаузовском издании сочинений К. Ф. Рылеева (Лейпциг 1861) напечатан (стр. 325) отрывок от слов: «Там многих авторов творенья» и кончая стихом: «Чтоб не измерить Леты дна». Отрывок этого стихотворения напечатан и П. А. Ефремо-

вым. («Сочинения Рылеева», изд. 1-е, стр. 191 — 192, со слов: «Там многих авторов творенья» до «Чтоб не измерить Леты дна»). Полностью напечатано В. И. Масловым, Приложения, стр. 1—3. «Путешествие на Парнас» представляет собою подражание «Видению на берегах Леты» К. Н. Батюшкова (1809). Основная тема «Видения» — испытания достоинства литературных произведений водою Леты — реки забвенья — переходит и в «Путешествие». У Батюшкова поэты, «подобно как в осенни дни поблекши листвия древесны... идут толпой в ущелья тесны к реке забвения стихов, идут под бременем трудов; безгласны, бледно приступают, любезных детищей купают... И более не зрят в волнах». Всплывают в «Видении» кверху одни только произведения Крылова — «комедии, стихотворенья да басни все».

Парнас — в древне-греческой мифологии — гора, где обитали музы; в переносном смысле — источник поэтического вдохновенья.

Пегас (там же) — крылатый конь, служивший музам и выбивший ударом своего копыта Гиппокрену, источник вдохновенья.

Боярский, Фролов — товарищи Рылеева по корпусу.

Мостак — мастер.

Шихматов — князь С. А. Ширинский-Шихматов (1783 — 1837) — архаист-драматург, автор героической эпопеи «Пожарский, Минин, Гермоген или спасенная Россия» (1807) и др.

Хвостов — *см. стр. 542.*

Гераков Г. В. (1775—1838) — плодовитый и бездарный литератор начала XIX века, сторонник реакционного классического направления в литературе, возглавлявшегося Шишковым.

Львов П. Ю. (1770 — 1825) — писатель-шишковист, автор «Храма славы российских ироев от времен Гостомысла до царствования Романовых» (1803), писавший «похвальные слова мужам великим надутым сло-

гом, пухлым, диким» (кн. Вяземский, «Разговор в царстве мертвых»).

Пинт слезливый — князь П. И. Шаликов (1768—1852) — поэт и журналист, один из эпигонов сентиментальной поэзии.

102. Бой (стр. 332)

Архив Рылеева, № 1, л. 3 об. Опубликовано В. И. Масловым, Приложения, стр. 4—5. Переписано в тетради № 3, л. 18 об., со следующими изменениями:

стих 9: Как вдруг Наташенька явилась;

стих 11: В оковы броня превратилась;

стих 12: И я любовью запылал.

Судя по именам, этот мадригал, написанный Рылеевым в Эльзасе 7 мая 1814 года, был переадресован затем его будущей жене.

103. Луна (стр. 332)

Архив Рылеева, № 1, лл. 4—4 об. Напечатано В. И. Масловым, Приложения, стр. 4—5.

104. Наталье Михайловне Тевяшовой (стр. 333)

Архив Рылеева, № 2, лл. 1—1 об. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 4—5. Переписано в тетради № 1, л. 16, с датой: «Августа 26 дня 1817» и с подписью: «Кондратий Рылеев». В двух строках первые слова переставлены: «Тому, поверь, и Крезовых сокровищ мало» и «Тобой плененные согласно утверждают».

Крез — царь древней Лидии, вошедший в легенду своими баснословными богатствами.

105. Песня («Je vous assure, что вы мне милы») (стр. 334)

Архив Рылеева, № 2, л. 1. Повторено в тетради № 3, л. 9. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 32—33. Единственный у Рылеева пример *макаронического* стихо-

творения, состоящего «в смешении разноязычных слов с простонародными» («Словарь древней и новой поэзии», составленный Николаем Остолоповым, часть вторая, Спб. 1821, стр. 172; там же несколько примеров из макаронических стихотворений латинских авторов и И. М. Долгорукого). Впоследствии этот род шутливой поэзии канонизирован был Мятлевым («Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей, дан л'этранже»).

106. *В альбом девице N* (стр. 335)

Архив Рылеева, № 2, л. 1 об. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 11.

Венера — в древне-римской мифологии — богиня любви.

Фимиам — благовонное вещество, воскурявшееся в древней Греции богам.

107. *Наташа, Амур и я* (стр. 335)

Архив Рылеева, № 2, л. 2. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 11—12.

Амур — греческий божок любви; изображался в виде мальчика со стрелами и луком. Образ стреляющего в сердце Амура означал начало страсти. И образ и тема чрезвычайно типичны для легкой классической поэзии начала века.

Наташа — Наталья Михайловна Тевяшова.

108. *Мечта* (стр. 336)

Архив Рылеева, № 2, л. 2 об. Переписано в тетради № 3, л. 16. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 38—39. См. предыдущее примечание.

109. *Мотылек* (стр. 336)

Архив Рылеева, № 2, л. 3. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 12—13.

110. К Фролову (стр. 337)

Архив Рылеева, № 2, лл. 3 об. — 4. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 13—14, с грубой ошибкой — «печали врач» вместо «враг».

Фролов, Боярский, Норов — товарищи Рылеева по корпусу; первые двое упоминаются в «Путешествии на Парнас»; Фролову, возможно, адресовано «Послание к Ф.» (стр. 325). В стихотворении «К Лачинову» рекомендуется как «наш друг замысловатый, сатирик тароватый и острый баснослов».

111. Н. М. Т—вой на предложение ее, дабы я написал стихи на Надежду (стр. 339)

Архив Рылеева, № 2, л. 4 об. Переписано — № 3, л. 10 об. («Н. М. Т—ой...»). Напечатано Масловым, Приложения, стр. 33. Стихотворение имеет в виду Наталью и Надежду Михайловну Тевяшовых.

112. К портрету N (стр. 339)

Архив Рылеева, № 2, л. 4 об. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 14. «Надпись к портрету» — обычный малый жанр той поры. «Не одно удивление или уважение к знаменитым подвигам и лицам должно быть источником надписи: дружба и любовь также бывают причиною сих произведений» («Словарь древней и новой поэзии, составленный Николаем Остолоповым», ч. II, Спб. 1821, стр. 208).

113. Песня. Ответ на известную арию из «Русалки» (стр. 339)

Архив, № 2, л. 5. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 15.

114. Друзьям (в Ротово) (стр. 340)

Архив, № 2, лл. 5 об. — 6. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 15—17. Один из ранних образцов того послания к друзьям, которое позднее выльется в форму

«Пустыни» (1821) и которое создано Рылеевым под сильным воздействием Батюшкова («Мои пенаты»). В этом стихотворении уже намечены некоторые образы «Пустыни»: анахорета-отшельника, кипы любимейших книг (последнее здесь не развернуто и акцент описания сделан на «солдатском быту»). Судя по названиям местности, стихотворение написано на артиллерийских квартирах Острогожского уезда. Впрочем, может быть, что оно написано около Несвижа, где Рылеев имел кратковременное пребывание в 1815 году.

115. Посол (стр. 342)

Архив, № 2, л. 6 об. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 17.

Камелек — огонек, очаг.

Трактат — договор.

116. Сон (из Анакреона) (стр. 342)

. Архив Рылеева, тетр. № 2, лл. 6 об. — 7. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 17—18. Первый перевод Рылеевым Анакреона (второй — стихотворение «Богатство»). Как указал В. И. Маслов, «Сон» представляет собою вольную переделку оды Анакреона, известной в нескольких французских переводах под заглавием «Sur un Songe» и переведенной на русский язык дважды — в 1736 и 1910 годах. Рылеев не знал греческого языка и пользовался французским переводом (текстуальное сопоставление см. у Маслова, стр. 134).

Вакх — в древне-греческой мифологии бог вина и веселья.

Тирские ковры — ковры, сотканные в Тире, городе древней Финикии (Малая Азия).

Персты — пальцы.

117. Утес (стр. 342)

Архив Рылеева, № 2, л. 7. Переписано — № 3, лл. 7 об. — 8 об. Напечатано Масловым, Приложения, стр.

31—32. Образ Эмилии сближает это стихотворение с «Боем», датированным «Альткирх, Майя 7 дня 1814». Возможно, однако, что «Утес» написан позднее, как воспоминание о прошедшей любви. «И я утес! И невозвратно иду на родину обратно» — могло писаться по возвращении из Франции после первого похода. Датировка: «Давно ль, давно ль и нет недели...» не может считаться достоверной, так как подобные вздыхания были в духе жанра сентиментального воспоминания о прошлом.

118. Песня (На голос: «Вин ят меня в народе») (стр. 344)

Архив Рылеева, № 2, л. 8 об. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 18—19.

Купидон — римский божок любви (аналогичный Эроту и греческому Амуру), изображавшийся смеющимся ребенком с колчаном стрел и луком.

119. Епиграмма («Надутов для Прелесты») (стр. 346)

Архив Рылеева, № 2, л. 8 об. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 19—20.

Невинная жрица Весты — в древне-римской мифологии весталки, жрицы Весты — богини целомудрия, давали обет оставаться девственницами.

Прелеста и Надутов — условные прозвища поэзии той поры. Переход Мадригала в эпиграмму предусмотрен поэтикой той поры. «Мадригал, — писал Н. Остолопов, — небольшое стихотворение в стихах: некоторый род Епиграммы; тем только отличается от нее, что Епиграмма бывает колка и язвительна или, лучше сказать, употребляется к осмеянию какой-нибудь странности, а мадригал обращается наиболее к похвале, и что в нем острая мысль, обыкновенно при конце выражаемая, должна непременно рождаться от нежности и чувствитель-

ности. Разноćть сию удачно показал Г. Дмитриев в стихах на одного стихотворца:

Поэт Оргон, хваля жену свою не в меру,
В стихах своих ее с Венерою сравнил —
Без умысла жене он сделал *Мадригал*
И *Епиграмму* на Венеру.

(«Словарь древней и новой поэзии», Спб. 1821, ч. II, стр. 166)

120. Звезда-путеводитель (стр. 346)

Архив Рылеева, № 2, л. 9. Переписано — тетр. 3, л. 11—12. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 34—35.

121. К Лачинову (стр. 348)

Архив Рылеева, № 2, л. 10. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 20 — 22. Адресовано к *Лачинову*, судя по контексту, одному из товарищей Рылеева по корпусу.

Меж тем, как в отдаленной здесь Жмуди жизнь влачу. — Рылеев некоторое время стоял «с командой для обучения верховой езде» в городе Несвиже Минской губернии (см. письмо его к матери от 6 марта 1815 года). По жанру «К Лачинову» — послание к другу (ср. «Друзьям в Ротово») и особенно позднейшую «Пустыню».

Цирцея — в античной мифологии — волшебница; в данном случае — обольстительница.

Кофейницы — кафэ.

122. В альбом ее превосходительству К. И. М — ной (стр. 350)

Архив Рылеева, № 2, л. 11. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 22. В рукописи рукою П. А. Ефремова сверху написано: «Малютиной»; это предположение очень вероятно. Катерина Ивановна Малютина была женой генерал-лейтенанта П. Ф. Малютина. Рылеевы были чрезвычайно близки с Малютиными, их соседями по имению, и

сам поэт испытывал по отношению к своему «благодетелю» чувство величайшего почтения (см., например, его письмо к матери из Несвижа от 6 марта 1815 года). Это стихотворение могло быть написано в альбом К. И. Малютиной перед отъездом Рылеева в заграничный поход (февраль 1814) или просто послано ей. Стихотворение выдержано в стиле мадригала с условным описанием «прелестей» воспеваемой. С Малютиной Рылеева связывали в 1821—1826 годах очень сложные и своеобразные отношения *(см. стр. 817)*.

123. Епиграмма («Пегас Надутова...») (стр. 350)

Архив Рылеева, № 2, л. 11. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 22.

П е г а с — крылатый конь поэзии в древне-греческой мифологии.

124. Четыре степени любви (стр. 350)

Архив Рылеева, № 2, л. 11 об. Переписано — тетр. 3, л. 17. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 39.

Т и р с и с и Л и л а — условные имена героев в пастушеской поэзии.

«Четыре степени любви» — перевод стихотворения французского поэта Жозефа Грекура «Les quatre âges des femmes» (см. новейший его перевод П. С. Сухотиным в сб. «Французские лирики XVIII века», под ред. В. Брюсова, М. 1914, стр. 11).

125. Извинение перед Н. М. Т—вой (стр. 351)

Архив Рылеева, № 2, лл. 11 об. — 12. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 23. Зачеркнуто: «чтобы ужасным быть врагу» (в последнем стихе).

Г е л и к о н — гора в Греции, считавшаяся в древности обителью муз.

А п о л л о н — в античной мифологии — бог солнца, света, покровитель искусств.

Л и р а — эмблема поэзии.

К р о н — в античной мифологии — бог всесокрушающего времени; изображался с косой в руках.

126. Песня («Прости за славою летящий») (стр. 351)

Архив Рылеева, № 2, л. 12. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 23—24. Образец раннего романса Рылеева с рефренирующим последним стихом (ср. более поздний романс — «Как счастлив я»).

127. К ней («Ах! Когда то свершится») (стр. 352)

Архив Рылеева, № 2, л. 12 об. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 24.

128. Песня («Тише, тише, ветерочек») (стр. 352)

Архив Рылеева» № 2, л. 12 об. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 24.

129. Экспромт (стр. 353)

Архив Рылеева, № 1, л. 11. Переписано позднее, № 3, л. 2, с посвящением Н. М. Рылеевой. «Експромт — маленькое сочинение в стихах, написанное или сказанное без приготовления на какой-нибудь незапной случай, оно может быть Мадригалом, Епиграмою и пр., смотря по тому, какие заключает в себе мысли — нежные, печальные, шутливые или острые» («Словарь древней и новой поэзии» Н. Остолопова, Спб. 1821, ч. I, стр. 352—353). Сведения о том, было ли сказано стихотворение «без приготовления», у нас отсутствуют.

130. Тоска (стр. 353)

Архив Рылеева, № 3, лл. 2 об., 3, 4. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 25 — 28.

З е ф и р — теплый (юго-западный) ветер.

Ф и л о м е л а — соловей.

Д е л и я — условный образ возлюбленной, частый у Рылеева (ср. позднейшие стихотворения «К Делии» («Опять,

о Делия, завистливой судьбою» и «Почто, о Делия, с коленопреклоненьем»). В. И. Маслов отмечает в качестве вероятного источника тоски стихотворение М[илонова] «Весна Тибулла», появившееся в «С.-Петербургском вестнике» («Литературная деятельность К. Ф. Рылеева», Киев 1912, стр. 122 — 123). Мотив мыслей о загробной жизни он сближает с мыслями юной жены Войнаровского перед смертью («Нам здесь жизнь была дана; но, друг, есть лучшая страна» и т. д.).

131. Вольный перевод из Сафо (стр. 356)

Архив Рылеева, № 3, л. 4 об. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 28.

Сафо — древне-греческая поэтесса, автор множества любовных элегий. Производивший сличение этого стихотворения с оригиналом и французским переводами В. И. Маслов установил, что «в стилистическом отношении Рылеев был независим от последних... В художественном отношении перевод этот вышел мало удачным: видно, что стих давался поэту с большим трудом, вследствие чего он производит впечатление деланного: к то́му же в нем часто встречаются славянизмы в роде «сие», «мраз», «хлад» и пр. (Маслов, стр. 136 — 137; см. там же краткую библиографию русских переводов из Сафо).

132. К Н. А — ву (стр. 356)

Архив Рылеева, № 3, лл. 5 — 6 об. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 29 — 31. Адресат не установлен. Стихотворение это в своей последней части чрезвычайно близко по теме и подробностям к позднейшему посланию Рылеева «К другу» (описание кратковременности «утех юности», прихода старости и призыв наслаждаться жизнью). Впрочем, все эти мотивы были в ту пору традиционными.

Киприда — Венера, богиня любви в античной мифологии.

133. Приятелю (на брак Н. М. Т — вой) (стр. 358)

Архив Рылеева, № 3, л. 12 об. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 35 — 36. Стихотворение имеет в виду «Настю» — Настасью Михайловну Тевяшову, будущую свояченицу Рылеева.

Купидон (или Амур) — божок любви у древних римлян; изображался мальчиком с луком и стрелами.

Гименей — в античной мифологии — бог супружества и брака.

134. Богатство (стр. 359)

Архив Рылеева, № 3, лл. 13—13 об. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 36—37. В рукописи два зачеркнутых варианта: стих 1: «Ах, когда б возможно было»; стих 17: «Или с нимфою прекрасной». В. И. Маслов отмечает в «Богатстве» следы влияния перевода этого стихотворения Державиным («Анакреонтические песни», 1804): «В подражании Рылеева встречаются те же выражения, иногда даже целые стихи, какие мы видим и у Державина. Несмотря, однако, на эту близость, стихотворение «Богатство» в художественном отношении значительно превосходит свой источник: стих здесь более легкий, образы грациознее; в конце Рылеев несколько отступил от своего образца, нарисовав более яркими штрихами картину сладострастного увлечения «прекрасной прелестницей» (Маслов, стр. 135).

135, 136. Эпиграммы (стр. 359)

Архив Рылеева, № 3, лл. 14—14 об. Всего помещено три эпиграммы: вторая из них — «Ты видел Фирса чудака» — напечатана в «Благонамеренном» 1820, № 5; первая и третья — Масловым, Приложения, стр. 37.

Фортуна — в античной мифологии — аллегорическое божество, олицетворявшее удачу и богатство.

137. Резвой Наташе (стр. 360)

Архив Рылеева, № 3, лл. 15—15 об. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 37—38. Адресовано Наталье Михайловне Тевяшовой.

138. Надежда! Наконец (стр. 360)

Архив Рылеева, № 3, л. 1. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 39—40.

139. В сей долине вечных слез (стр. 361)

Архив Рылеева, № 1, л. 9. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 5. Варианты рукописи:

1 В подлиннике стих «Как сиротка одинокой» зачеркнут.

2 Вместо зачеркнутого «С каждым утром ежедневно».

3 Вместо зачеркнутого «Чувства прежние бужу».

140. Весна (стр. 361)

Архив Рылеева, № 1, лл. 10—10 об. Напечатано Масловым, Дополнения, стр. 6. Образец рылеевской идиллии (темы любования природой, выдержанные в сентиментальном духе, образ пастушка и пр.).

141. Акростих (стр. 362)

Архив Рылеева, № 1, л. 12. Подпись: *Кондратий Рылеев*. Напечатано Масловым, Дополнения, стр. 6—7.

Акростих — «сочинение в стихах, расположенное таким образом, что начальные буквы стихов, взятые по порядку, составляют или собственное имя, или какое-нибудь другое слово, иногда и целое изречение» («Словарь древней и новой поэзии» Н. Остолопова, Спб. 1821, ч. I, стр. 4). Написано незадолго до свадьбы.

142. Людмила (стр. 362)

«Архив Рылеева», № 1, лл. 13—13 об. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 7—9. В предпоследнем стихе первоначально было: он оставил и т. д. Из «Людмилы»

Жуковского (1808) Рылеев мог заимствовать название для своей баллады; однако в разработке этого сюжета он был совершенно независим от Жуковского, фантастический элемент последнего совершенно отсутствует у Рылеева; в этом отношении его «Людмила» скорее напоминает любовную элегию, чем балладу (Маслов, стр. 139).

143. Воспоминания (стр. 364)

Архив Рылеева, № 1, лл. 14—14 об. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 9—10; подзаголовок «Элегия, посвящается Н. М. Р—ой» в подлиннике зачеркнут. Подпись на рукописи —*в* вместо зачеркнутого «Рылеев». Одна из относительно поздних элегий молодого Рылеева, написанных после свадьбы (1819—1820). Образ Дориды см. в его же стихотворении «Поверь, я знаю уж, Дорида». «Воспоминание» выдержано в манере элегии (ночной пейзаж, меланхолические мысли о прошлом). Фактура стиха здесь значительно более зрелая (см., например, конец стихотворения).

*144. К С** (стр. 365)

Архив Рылеева, № 4, л. 6 об. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 40—41. Адресат — возможно Солнцев, помещик, которого Рылеев встречал в доме Тевяшовых и о котором он однажды упоминает в письме к свояченице *(см. стр. 451).*

145. Минуты счастия промчались (стр. 366)

Архив Рылеева, № 8, л. 1—1 об. Опубликовано Масловым, Приложения, стр. 41—42.

146. Завеса с глаз моих сорвалась (стр. 366)

Архив Рылеева, № 8, л. 1 об. Опубликовано Масловым, Приложения, стр. 42.

147. Сердце в выборе не вольно (стр. 366)

Архив Рылеева, № 8, лл. 2—2 об. Опубликовано Масловым, Приложения, стр. 42—43.

ПРОЗАИЧЕСКИЕ И ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

148. Причина падения власти пап (стр. 368)

Архив Рылеева, № 37, лл. 5 об.—6 об. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 79—81. За принадлежность этого произведения Рылееву говорит приписанное под статьей двустишие:

Кто это старался сочинять
Пошел врагов уж тот карать.

(Рылеев отправлен был в заграничный поход в феврале 1814 года).

Инквизиция — специальная организация католической церкви, производившая следствие и суд над «еретиками». Возникла в средние века с умножением религиозных сект. Всякие уклонения от ритуала католицизма инквизиторы карали тюремным заключением, пытками и сожжением на костре («аутодафе»). Особенно широкое распространение инквизиция получила в цитадели католицизма — Испании (XV—XVIII века).

Иоанн Гус (1369—1415) — знаменитый чешский религиозный реформатор, сожженный католиками на костре.

Мартын V — римский папа с 1417 года.

Мартин Лютер (1483—1546) — германский реформатор религии, основатель протестантства.

Лев X — с 1512 года римский папа.

Вормский сейм — собрание государственных чинов Германии в 1521 году, на котором Лютер отстаивал свои сочинения.

149. Победная песня героям (стр. 370)

Архив Рылеева, № 37, лл. 7—7 об. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 81—82. О принадлежности «Песни» Рылееву свидетельствует приписка неизвестным почерком после стихотворения двустишия:

Тебе достойным быть сей песни о Рылеев
Ты будешь тот «герой». — Карай только злодеев.

Кроме того, принадлежность доказывается совпадениями отдельных выражений с рылеевскими «Письмами из Парижа» (упоминание о «героях севера» здесь и в 7-м письме). Время написания этого произведения датируется довольно точно его текстом: Наполеон уже изгнан «с полей отечественных», то есть 1813 годом. В том же году, июня 4, Рылеев воспел в оде «Любовь к отчизне» Кутузова (Ефр.[2], стр. 341). В. И. Маслов отмечает в «Победной песне» влияние поэм Оссиана (Макферсона), использованных Рылеевым в переводе Кострова (Маслов, стр. 115). Анализ «Победной песни героям» на фоне русской шовинистической поэзии 1812—1813 годов см. у него же, стр. 116—117.

Владимир («Святой») и Святослав — киевские князья IX века (см. одноименные думы Рылеева).

Пожарский Дмитрий Михайлович, князь (1578—1641) — вождь нижегородского ополчения, освободившего в «Смутное время» Москву от осаждавших ее поляков.

Кутузов Михаил Илларионович (1745—1813) — русский полководец, главнокомандующий во время «Отечественной» войны 1812 года. В шовинистической литературе и журналистике той поры изображался национальным героем, спасителем России.

Воев — воинов.

Кроткий монарх — Александр I *(см. стр. 755)*.

Мраз и глад (церк.-слав.) — мороз и голод.

Елень (церк.-слав.) — олень.

Бард — певец.

Наполеон — *см. стр. 740.*

150. (Рейнский водопад) («Возвращаясь в свое отечество через Шафхаузен») (стр. 371)

Напечатано Масловым, Приложения, стр. 46—47, с искажениями (фраза «Утро было прекрасное» была выпущена; со слов «пенящиеся волны» начат был новый абзац и т. д.).

Возвращаясь в свое отечество — после первого похода (1813), закончившегося взятием Парижа союзными войсками.

Шафхаузен — главный город самого северного из швейцарских кантонов, около которого находится знаменитый Рейнский водопад.

150а. Нечто о средних временах (стр. 871)

Архив Рылеева, № 14, л. 1. Напечатано Ефремовым,— (Ефр.[1], «Сочинения и переписка», стр. 217—218; Ефр.[2], стр. 190—191). В этом произведении, как и в предыдущем, обращает на себя внимание пантеистическая концовка о «духе» «творца природы». Язык отрывка чрезвычайно восторжен и вполне гармонирует с личной настроенностью Рылеева в эти годы (см. его второе письмо к отцу и письмо к матери из похода, *стр. 428 и 437*). См. этот отрывок ниже в «Дополнениях» (стр. 871).

151. Письма из Парижа (стр. 372)

Архив Рылеева, № 15 (по описанию Маслова — проза, № 2). Письмо первое и начало второго утрачены. Напечатано в отрывках П. А. Ефремовым (часть третьего и четвертого письма) — Ефр.[1], стр. 218—220; Ефр.[2], стр. 191—193. Полностью напечатано Масловым, Приложения, стр. 47—59, с некоторыми пропусками и искажениями. П. А. Ефремов характеризует письма из Парижа как «Дневник», которому дана, вероятно уже впоследствии, форма писем. Он весь наполнен описанием Парижа и заключает подробности, почти всем известные из путеводителей, «хотя есть немного и личных наблюдений» (Ефр.[2], стр. 342). «Письма из Парижа» написаны в форме путевых очерков. От обычного в ту пору жанра писем русского путешественника они отличаются большей сухостью и фактичностью. Однако субъективные оценки Рылеева дают себя знать в размышлении Рылеева о превратности истории (начало третьего письма), в сцене с французом (конец четвертого), в размышлениях о готовящейся Варфоломеевской ночи (конец пятого письма) и т. д. Ценность писем, однако, не только в выражении рылеевских

настроений, но и в ярком изображении Парижа, волнующегося под пятою победителей союзников. Этого не найти в очерках сентиментальных путешественников и это как раз характерно для Рылеева, будущего декабриста, с сочувствием относившегося к национально-освободительным движениям.

Примечание к тексту «Писем»:

[1] Стр. 380, строка 8 — пропущены слова: «местом гулянья».

Александр I Павлович (1777—1825) — русский император (с 1801 года).

Франц-Иосиф I — австрийский император.

Нетопырь — вид летучих мышей.

Кофейница — кафэ.

Варфоломеевская ночь — избиение протестантов (гугенотов), устроенное католиками во Франции 24 августа 1572 года.

Миннотавр — чудовище, по древне-греческому мифу жившее в лабиринте на острове Крите и пожиравшее заблудившихся в нем людей; было побеждено Тезеем.

Тоаз — старинная французская мера.

Су — мелкая монета, около 2 копеек на русские деньги.

152. *Сентиментальное письмо к другу моему, Филиппу Васильевичу Голубеву* (стр. 385)

Архив Рылеева, тетр. № 1 (Стихотворения), лл. 5 об.— 6. Рукопись обрывается на полуслове. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 59—60.

Емилия — фигурировавшая в стихотворении «Бой», написанном в Альткирхене 7 мая 1814 года, и «Утес» — повидимому, эльзасское увлечение Рылеева.

Флорина — предмет увлеченья кого-либо из друзей Рылеева, вернее всего, офицера. Положенный в основу рассказа реальный случай скрыт, однако, под покровом сентиментальной фразеологии.

153. Комедия в одном действии без заглавия (стр. 386)

Архив Рылеева, проза, № 3, 15 листов, кратко описано Ефремовым, стр. 343. Напечатано Масловым, Приложения, стр. 60—71.

Молодой Рылеев пробовал свои силы и в драматургии. Рукописи, принадлежавшие Ф. В. Булгарину и сообщенные Т. А. Сосновским «Русской старине», почти все там и напечатаны, исключая несвязных набросков и заметок. Кроме того, в числе их: 1) была страница с означением имен и характеристика действующих лиц, повидимому, предполагавшейся пьесы и несколько фраз, как бы из этой же пьесы. Действуют: Пенская, 40-летняя вдова, кокетка и святоша; ее 18-летняя племянница Наташа; 50-летний отставной секунд-майор Хвастон; его племянник Шумский, гусарский ротмистр; богатый купец Староверов; уездный судья Угрюмов с женою; городничий, отставной майор Храбров; горничная и люди; действие в поместье Пенской (Ефр., стр. 346). Эта комедия, однако, не пошла дальше плана. В другой сохранившейся комедии действует тоже капитан Храбров. По своей структуре это произведение сильно напоминает водевиль (быстрое действие, традиционная пара влюбленных, мотив рассеянности, доведенный до гипертрофии, счастливая развязка).

154. Женская игрушка (стр. 398)

Архив Рылеева, проза, рукописи № 4 и 5. Сохранился в двух автографах: черновом без конца на 1 листе с оборотом (архивный шифр 29.5.18) и черновом полном, подпись «Z». Напечатано Масловым, Приложения, стр. 73—74. По содержанию примыкает к очерку из серии «Провинциал в Петербурге», напечатанному Рылеевым в «Невском зрителе» 1821, ч. V, стр. 48—55 (уже знакомая читателю содержательница магазина, те же наряды — эшарп, труту и т. д.). Не был напечатан Рылеевым по неизвестным

причинам, может быть потому, что мало прибавлял к уже напечатанным очеркам.

ОТРЫВКИ НЕОКОНЧЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

155. *Вадим* (стр. 403)

Дума «Вадим» была впервые опубликована П. А. Ефремовым в 1871 году в «Русской старине», № 1, стр. 73—74, по рукописи, принадлежавшей Ф. В. Булгарину. В «Вестнике Европы» 1888, № 11, В. Е. Якушкин опубликовал другой автограф думы. Строфы вторая и заключительная были опубликованы только в 1888 году. В рукописи «Русской старины» первая строфа читалась первоначально:

Над кипящею пучиною
На утесе сев Вадим,
С тяжкой на сердце кручиною
Смотрит нем и недвижим.

Третий стих был потом изменен: «В даль безбрежную с кручиною».

Во второй редакции булгаринской рукописи в третьей строфе второй стих читался: «Воздух молния сечет», а последний стих той же строфы: «Брег песчаный обдает», а затем: «В брег песчаный с ревом бьет».

В предпоследней строфе четвертый стих зачеркивался Рылеевым трижды: «Предназначенный судьбой», затем: «Я вступлю за вольность в бой», затем: «Закипит кровавый бой». Все эти варианты Рылеева не удовлетворили.

Написан «Вадим» Рылеевым не раньше конца 1822 года, в самый последний период его работ над «Думами». На это предположение наталкивает тот второй список дум, которые Рылеев предполагал написать во вторую очередь и в который «Вадим» входит с «Марфой Посадницей» и с «Минихом» и другими начатыми произведениями этого рода. *(см. ниже)*.

Неоконченная дума о Вадиме представляет большой интерес для установления вольнолюбивых тенденций ры-

леевского творчества 1822—1823 годов. Как было отмечено еще В. И. Семевским, древне-русский Новгород с его вечевым устройством и республиканскими вольностями вызывал у декабристов горячие симпатии (В. И. Семевский, «Политические и общественные идеи декабристов», Спб. 1909, стр. 258—259 и др; см. также в книге П. Е. Щеголева, «Декабристы», стр. 44—45). Сюжет о Вадиме у Рылеева целиком определяется этой идеализацией древне-русского вольного города. История сохранила нам о Вадиме, поднявшем восстание против князя Рюрика, лишь упоминание. Известие о восстании Вадима имеется в летописи, на которой основывался и Карамзин в своей «Истории Государства Российского». Под годом 1836 читаем: «Того же лета оскорбившася новгородцы глаголюще яко быти нам рабом и много зла всячески пострадати от Рюрика и от раба его. Того же лета уби Рюрик Вадима храброго и иных многих изби новгородцев советников его». Не стесняемый никакими требованиями воспроизведения исторических событий (с которыми Рылеев, впрочем, никогда особенно не считался), он создал в своей думе идеализированный образ пламенного борца за «сограждан», междоусобная вражда которых доставила скандинавским князьям победу. Иначе говоря, Вадим Рылеева представляет собою защитника «республиканских» вольностей и прав против «самодержавия». Предание о Вадиме Новгородском разрабатывалось в русской литературе конца XVIII и начала XIX века по двум диаметрально-противоположным направлениям. Так, в «Историческом представлении из жизни Рюрика» Екатерины II (1786), в «Царе или спасенном Новгороде» Хераскова (1800) и ряде других произведений Вадим представлен самонадеянным честолюбцем, мятежником против законной власти Рюрика, «юношей продерзким, злобным, свирепством льву подобным». В противовес этой тенденции, столь неприкрыто проповедывавшей взгляды на историю монархически настроенного дворянства, «Вадим Новгородский» Княжнина являлся убежденным республиканцем, бескорыстным защитником

«любезного отечества», побежденным войсками Рюрика и покинутым гнусными рабами, просящими себе оков. Республиканская интерпретация образа органически связана была со всей идеологией обуржуазивающегося дворянства, нашедшей себе продолжение и в думе Рылеева. Рылеев, стоявший в центре освободительного движения, естественно разделял господствовавшие представления о древней славянской свободе. Образ Вадима Новгородского был особенно для него дорог. Как и для Княжнина, Вадим был для Рылеева носителем республиканских идей. В своей думе поэт держался именно княжнинского взгляда, не пользуясь при этом летописными преданиями.

О литературной судьбе предания о Вадиме см.: в книге И. И. Замотина — «Предание о Вадиме Новгородском в русской литературе», Воронеж 1901; в книге В. И. Маслова — «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева», К. 1912, стр. 20 и сл., и у П. Н. Сакулина — «Русская литература», ч. II, М. 1929.

Тема восстания Вадима Новгородского у Рылеева тесно сплетается с пушкинскими замыслами начала 20-х годов. Как известно, в 1822 году Пушкин писал драму и поэму из жизни Вадима; ни та, ни другая не были окончены, но Рылееву могла быть известна написанная Пушкиным «первая песнь Вадима», которую ему предлагал переслать П. А. Муханов (Сочинения Рылеева под редакцией Г. Балицкого, т. II, стр. 170). Рылеев убеждал Пушкина воспеть край былой свободы, куда он был сослан. «Ты около Пскова, там задушены последние вспышки русской свободы; настоящий край вдохновения — неужели Пушкин оставит эту землю без поэмы».

Образ Вадима пользовался широкой популярностью у декабристов, которые видели в нем древне-русского заговорщика, одного из самых ранних борцов за народные права против чужеземных тиранов. Это, разумеется, находилось в тесной обусловленности теми древне-руссскими симпатиями, которые имелись у декабристов: вспомним признание П. И. Пестеля: «История великого Новгорода

меня также утверждала в республиканском образе мыслей» («В. Д.», т. IV, стр. 91). О Новгороде, помимо Рылеева, писал В. Ф. Раевский, вспоминавший об утраченной вольности в своем стихотворении «Певец в темнице»:

Я бросил сумрачный свой взор
С печалью на кровавы строки —
Там был подписан приговор
Судьбою гибельной, жестокой:
«Во прах и Новгород и Псков,
Конец их гордости народной!
Они дышали шесть веков
Во славе жизнию свободной».
Погибли Новгород и Псков,
Во прахе пышные жилища,
И трупы добрых их сынов
Зверей голодных стали пища.
Но там бессмертных имена
Златыми буквами сияли;
Богоподобная жена —
Борецкая, Вадим, — вы пали;
С тех пор исчез, как тень, народ,
И глас его не раздавался
Пред вестью бранных непогод,
На площади он не сбирался...

Ср. также в послании В. Ф. Раевского «К Друзьям в Кишинев» из Тираспольской крепости (1822):

Пора, друзья, пора воззвать
Из мрака в век *прошедшей* славы,
Народов древних вспомнить нравы
И те священны времена,
Когда гремело наше Вече
И сокрушало издалече
Царям кичливым рамена.

156. Марфа Посадница (стр. 404)

Опубликовано П. А. Ефремовым, «Русская старина» 1871, кн. III, стр. 78.

Как отметил П. А. Ефремов, опубликовавший эту думу, продолжение этого стихотворения в рукописи оторвано. Третья строфа первоначально была поставлена прежде

второй, вслѐд за которою была набросана еще строфа, потом зачеркнутая:

И долго длилась тишина;
Заря на небе зажигалась
И вся окрестная страна
И вся природа пробуждалась,
Покоя сладкого полна.
Повеял холод с берегов...
Вдруг с Ярославова дворища... и пр.

Марфа Посадница — вдова новгородского посадника Борецкого, ставшая во главе партии, враждебной Москве и тяготевшей к союзу с Литвой. После взятия в 1479 году Новгорода Иваном III Марфа была пострижена в монастырь. Образ этот заинтересовал Рылеева по тем же соображениям, что и Вадим *(см. выше)*. Борьба Марфы, посадницы вольного города, против московского князя дала Рылееву повод наделить Марфу чертами заступницы «свободы», значительно более слабыми, впрочем, чем у Вадима. Сохранившиеся четыре строфы этой думы должны были рисовать, повидимому, ночь перед последним штурмом Новгорода московскими войсками.

157. Миних (стр. 405)

Вместе с «Вадимом» и «Марфой Посадницей», «Миних» значится во втором списке двадцати дум, из которых значительное большинство не было даже начато.

От думы «Миних» осталась только первая строфа, опубликованная в 1871 году П. А. Ефремовым в «Русской старине» (кн. III, стр. 96).

«Деспот», на которого «глядит угрюмо» Миних, — герцог Бирон, фаворит Анны Иоанновны.

158. Меншиков (стр. 405)

Опубликовано в «Вестнике Европы» 1888, № 12, стр. 595—596, В. Е. Якушкиным. Дума эта входила

в список двадцати дум, предполагавшихся Рылеевым к написанию («Русская старина» 1871, кн. III, стр. 73). Мы сохраняем рылеевское написание «Меншиков» в виду его исторической правильности. Ефремовым (изд. 1872 года) приведены несколько вариантов этой незаконченной думы:

Вместо стихов 1—8 было:

В краю, где солнце редко блещет
    На мрачных небесах,
Где Сосва с ревом в берег плещет,
    Где воет ветр в лесах,
Где снег лежит две трети года,
    Как саван гробовой,
И полумертвая природа
    Чуть оживляется весной;
Где царство вьюги и мороза,
    Где жизни нет ни в чем,
Чернеет сумрачно береза
    На берегу крутом.
Под кровом хижины убогой...

Стих 24:

Березов мне не край родной:
Сюда я брошена судьбою...
Скажи ж страдалице младой,
Над чьей могилою простой
Стоит под елью крест простой?

В бумагах Рылеева на рукописях его произведений в изобилии сохранились обрывки стихотворений. Таких стихотворных отрывков мы насчитываем до тридцати. Они были в свое время опубликованы П. А. Ефремовым в «Русской старине» 1871, т. III, стр. 97—98, и В. Е. Якушкиным («Вестник Европы» 1888, кн. XI и XII). Датировка этих отрывков представляет собой чрезвычайные трудности, так как палеографические данные — водяные знаки на бумаге, почерк и т. п. — не дают сколько-нибудь ощутительных выводов: Рылеев писал все это на протяжении 5—6 лет, т. е. чрезвычайно ограниченного промежутка времени. Мы располагаем поэтому отрывки, руковод-

ствуясь их содержанием и хронологией тех рукописей, в которых они содержатся.

Отрывок под номером 161 («Повсюду вопли, стон и крики»), возможно, относится к периоду «Дум».

Отрывок 160, впервые напечатанный В. И. Масловым (Приложения, стр. 45), имеет тот несомненный интерес, что он связан с характерным для Рылеева образом Вадима. Второй стих первоначально читался: «От лет младенческих любезная страна». Все четыре стиха в рукописи (Архив Рылеева, № 17) были зачеркнуты, датировка этого стихотворения так же трудна, как и датировка неоконченной им думы «Вадим» *(см. стр. 728)*.

Пять отрывков по своему содержанию связаны с личными увлечениями Рылеева какой-то неизвестной нам женщиной: 162 («Вы снисходительны, я знаю»), отрывок 167 («Тогда как рой друзей младых»), 165 («Что именинницы прелестной»), 167 («Меня с тобою познакомил неоцененный твой альбом») и 168 («Дивишься вкусу твоему»). Отрывок 154 набросан на 4-й странице стихотворения «По небу голубому» (Архив Рылеева, шифр 9286. 4.LIII, вып. 46, т. е. датируется тем же годом, что и ранняя редакция Державина— 1822 года, хотя, конечно, мог быть написан позже). Отрывок 168 следовал непосредственно за 163 на той же странице, с массой вариантов.

Отрывок 169 («Кипит к неправде он враждой») представляет собой один из вариантов думы Рылеева «Державин», именно седьмой строфы ее в той редакции, которая напечатана в «Сыне отечества» 1822, ч. 82, № 47, в которой читаем: «К неправде он кипит враждой, ярмо граждан его тревожит; как вольный славянин душой, он раболепствовать не может». И первые четыре стиха восьмой строфы, почти буквально повторяющие последние четыре стиха этого отрывка, кроме второго стиха. Этот отрывок можно датировать поэтому 1822 годом.

Отрывок 170 («На горной крутизне брегов»), возможно, представлял собой начало какого-нибудь отрывка поэмы.

Большинство отрывков написаны на черновых рукописях поэмы «Наливайко» и представляют собой или отрывки замыслов 1825 года или варианты этой поэмы. Из входящих сюда тринадцати отрывков (за №№ 167—179) остановимся на следующих.

Отрывок 172 набросан перед песнью «Что ты задумал, старый Мазепа» и, повидимому, связан с этой поэмой; первый стих его зачеркнут: «Доколе други рабствовать нам».

Отрывок 173 («Идут и в каменные груди гремят две тысячи орудий») набросан на рукописи «разговора Наливайки с Лободой».

Отрывок 177 («Ах! если б возвратить я мог» и т. д.) написан на обороте отдельного листка, на котором был набросан замысел Рылеева по «Истории России», начинающийся словом «Рюрик» и т. д. По содержанию он несомненно относится или к «Войнаровскому», или к «Наливайко».

Отрывок 178 («Нет, нет, невольники не в силах») написан на рукописи разговора Наливайки с Лободой и несомненно относится к этой поэме, однако, в нее он не вошел.

Отрывок 179 написан на том же черновике разговора с Лободой.

Отрывок 180 помещен, где и два предыдущих; во второй строке зачеркнуто: «Скрываясь в облаках густых».

Отрывок 181 помещен на беловике картин Украины из «Наливайко» с двумя вариантами — во второй строке: «Таятся пылкие умы» и в четвертой: «Под снежным саваном зимы».

Отрывок 183 написан на беловике «Смерти Чигиринского старосты» и весь зачеркнут.

Отрывки 184 («Благий отец, се час приходит мой») и 185 («Как человек пред богом был прекрасен») несомненно датируются началом 1826 года, пребыванием Рылеева в Алексеевском равелине.

Отрывок 159 («Дарами щедрые природа оживленна») опубликован впервые Масловым (Приложения, стр. 43—44); густо зачеркнут в ряде строк. Любопытен как показа-

тель украинских симпатий Рылеева «к земле свободных козаков». Написан своеобразным метром шестистопного ямба.

ПЛАНЫ И ПРОГРАММЫ

Опубликованы В. Е. Якушкиным в статье «Из истории литературы двадцатых годов». Новые материалы для биографии К. Ф. Рылеева, «Вестник Европы» 1888, кн. XI и XII, по автографам Рылеева, из Архива, принадлежавшего А. А. Ивановскому и переданного в Пушкинский Дом (ИРЛИ) Академии Наук.

186. Дух времени или судьба рода человеческого (стр. 412)

Напечатано В. Е. Якушкиным, «Вестник Европы» 1888, кн. XI, 210. Программа выдержана почти в тезисной форме и обнаруживает весьма четкое и схематическое движение мысли Рылеева. По содержанию своему тесно связана с предыдущим отрывком. Отдельные пассажи его напоминают о других планах и заметках: раздел II, пункт 3 — о причинах падения власти, пункт 5 — о Наполеоне и т. д.

187, 193. План: «Мазепа — гетман Малороссии» и отрывок: «Для Мазепы кажется ничего не было священным» (стр. 413 и 416)

Опубликовано В. Е. Якушкиным, «Вестник Европы» 1888, кн. XI, стр. 209—210.

Образ Мазепы, дважды развернутый Рылеевым в думе «Петр Великий в Острогожске» и «Войнаровском», не переставал интересовать Рылеева. «Указанные наброски неоднородны в жанровом отношении: программа несомненно относилась к драматическому произведению и представляла действующих лиц (в конце ее ремарка: «Действие I» и т. д.). Отрывок «Для Мазепы кажется ничего не было святого...» мог относиться и к прозаической характеристике Рылеева, и к поэме о Мазепе (от которой сохранилась «песня сторонников Мазепы» и два стиха неизвестного обращения к нему). В идеологическом отношении оба

приводимые здесь отрывка представляют собой разительный контраст с обычной трактовкой Рылеевым образа украинского гетмана. В думе факт измены еще в будущем, в «Войнаровском» он в значительной мере оправдан тем, что Мазепа — борец за свободу своего народа. В приводимых же отрывках он превращен в «хитрого честолюбца» и «коварного изменника». Такая трактовка резко противоречила отношению Рылеева к Украине, и неудивительно поэтому, что приведенные планы не были им реализованы. План и программа довольно полно предвосхищают позднейшее отношение к Мазепе Пушкина (1828). Последнее следует приписать тому, что Рылеев в основу своего плана положил характеристику Д. П. Бантыш-Каменского («История Малой России»), которой пользовался и Пушкин. Но то, что принял Пушкин, не могло быть реализовано Рылеевым в силу его особой политической идеологии.

188. Прометей (стр. 414)

Опубликовано В. Я. Якушкиным, указ. статья, стр. 211. Год наброска неизвестен. Возможно, он сделан под влиянием одного из литературных переложений древне-греческого мифа о Прометее (трилогия Эсхила, отрывки из трагедии о Прометее Гете, произведений Шелли и т. д.).

Прометей (античная мифология) похитил у Зевса (Рылеев называет его по-римски — Юпитером) огонь и в наказание за это был прикован верховным богом греков к скале, где коршун терзал ему печень.

Сатурн — в античной мифологии — бог земли и посевов.

Титаны — в древне-греческой мифологии необыкновенно сильные великаны, безуспешно пытавшиеся свергнуть Зевса с горы Олимпа; сыном одного из титанов был Прометей.

189. Судьба России (стр. 414)

Опубликовано В. Е. Якушкиным, «Вестник Европы» 1888, кн. XI. стр. 211. Повидимому, представляет собой

план большого исторического сочинения. Датируется концом 1824 года: набросан на одной из страниц рукописи «Смерти Чигиринского старосты» (отрывка из поэмы «Наливайко»).

190. Двор Екатерины (стр. 414)

Опубликовано В. Е. Якушкиным, «Вестник Европы» 1888, кн. XI, стр. 212—213.

Потемкин Григорий Александрович, князь (1759—1791) — фаворит Екатерины II, игравший огромную роль в государственном управлении, колонизатор Южной России и Крыма.

Зубов Платон Александрович, князь (1767—1822)— фаворит Екатерины II после Потемкина, стоявший во главе управления Россией в последние годы правления Екатерины.

Орловы братья — Григорий Григорьевич (1734—1783), фаворит Екатерины II, и Алексей Григорьевич (1737—1808). Оба играли значительную роль при воцарении Екатерины и в первые годы ее правления.

Опубликовано В. Е. Якушкиным, «Вестник Европы» 1888, кн. XI, стр. 213. Условно датируется 1824 годом; набросано на рукописи «Наливайко». Примыкает к украинским произведениям Рылеева, вообще чрезвычайно интересовавшегося движениями украинских казаков («Гайдамак», «Палей», «Наливайко»). Возможно, представляет собой экскурс в историю казачества, возникший в процессе работ Рылеева над поэмой «Хмельницкий».

191. Наброски и поэмы из кавказского быта (стр. 415)

Опубликовано В. Е. Якушкиным, «Вестник Европы» 1888, стр. 208 — 209. Набросано на рукописи «Наливайко».

В своей статье-публикации «К. Ф. Рылеёв» («Звезда» 1933, № 7, стр. 156) Ю. Г. Оксман отметил, что «общий облик героя поэмы, набросанный Рылеевым, живо напоминает чер-

ты декабриста А. И. Якубовича (1798 — 1845), прославленного удальца и бреттера, героя партизанских боев и набегов в Чечне и за Кубанью, появившегося летом 1825 года в Петербурге и быстро сблизившегося с вождем Северного общества. Оскорбленный царем, Якубович говорил Рылееву: «восемь лет жажду мщенья» и вступил в Тайное общество, затем, чтобы отомстить за себя. «Таким образом таинственное «славное дело», осуществляя которое, герой задуманной Рылеевым поэмы должен был «погибнуть непременно», расшифровывается как цареубийство — проблема, особенно занимавшая Рылеева в 1825 году не только как поэта, но и как вождя тайной революционной организации». — Утверждения Ю. Г. Оксмана бесспорно интересны, но они только гипотеза: более близких аналогий он не приводит.

ОТРЫВКИ И ЗАМЕТКИ

192. Шувалов (стр. 416)

Опубликовано В. И. Масловым, стр. 74, по лоскутку бумаги, сохранившемуся в архиве Рылеева в Академии Наук.

193. — См. стр. 736

194. (О нравственности) (стр. 416)

Напечатано В. Е. Якушкиным, «Вестник Европы» 1888, кн. XI, стр. 211. Набросана на обороте замысла «Судьба России» около 1825 года.

195. Наполеону (стр. 417)

Опубликовано В. Е. Якушкиным, «Вестник Европы» 1888, кн. XI, стр. 211—212, кончая словами: «потому что досталось в удел многим», несомненно, по цензурным соображениям. В таком виде отрывок перепечатывался во всех позднейших изданиях. На обороте плана имеется черновой набросок стихотворения «К Т. С. К.» («Своей любезностью опасной»); тем самым датируется 1824 годом.

Наполеон I Бонапарт (1769—1821) — французский император. Пятнадцатилетнее правление Наполеона защищало интересы крупной промышленной буржуазии, заинтересованной в радикальной организации государственного строя и в широчайшем распространении французской гегемонии в тогда еще феодальной Европе. Первые годы правления Наполеона отмечены крупнейшими реформами в области администрации, школы, суда, транспорта. С 1805 года им ведется серия войн (с Англией Пруссией, Австрией, Россией, Испанией), в том числе война 1812 года, проигранная Наполеоном России. После разгрома его войск соединенными усилиями противников Наполеон вынужден был в 1814 году отречься от престола и был сослан на остров Эльбу (в Средиземном море). В 1815 году сделал попытку вернуть себе престол, но смог продержаться лишь 100 дней. В битве при Ватерлоо был разгромлен и сослан на остров святой Елены в Тихом океане, где и умер в 1821 году.

В творчестве Рылеева, как и многих других поэтов той поры, образ Наполеона играет значительную роль, ярко характеризуя собою его политическую идеологию. В ранних произведениях Рылеева Наполеон рисуется «врагом кичливым и дерзновенным», исчадьем злобным ада» («На погибель врагов»), «жестоким тигром», «пьющим невинную кровь Россиян» и т. д. Эти наиболее ранние стихи Рылеева (1813) отражают всеобщий шовинизм, охвативший дворянскую массу после успешно«о изгнания войск Наполеона из русских пределов. В письме к матери, посланном из Рейнской области во время второго похода против Наполеона (1815), он называет французскую армию «шайкой разбойников», а ее «начальника» — странствующим Дон Кишотом» (см. стр. 437). В «Письмах из Парижа» Рылеев, однако, признает некоторые немаловажные заслуги Наполеона, — например, его покровительство искусствам (письмо четвертое); «Можно утвердительно сказать, что ни один король из фамилии Бурбонов не украсил столько Парижа как Наполеон. В его царствование, не-

смотря на беспрестанные войны, выстроены многие прекрасные здания, воздвигнуты великие памятники и великолепные обелиски, долженствующие передать в позднее потомство славу двадцатилетнего правления Наполеона». В этой оценке уже нет прошлого шовинизма, но в ней нет и признания Наполеона. Имя последнего фигурирует еще в шутливой комедии, написанной Рылеевым в острогожский период его жизни (см. стр. 386) и позднее в «Гражданском мужестве». Как синоним завоевателя («Увы, Аттил, Наполеонов зрел каждый век своей чредой; они являлися толпой... Но много ль было Цицеронов?..») Наполеон выступает в этой оде 1824 года славным вождем к вреду законов и свободы, — тема, характерная для декабриста. Это новое отношение к Наполеону полнее всего отражается в заметке о нем: самовластие, пережившее Наполеона, тягостно для народов, ищущих средств, чтобы его низвергнуть.

Имя Наполеона дважды фигурирует и в показаниях Рылеева, всегда в отрицательном контексте. «Торсон почитал необходимым избрать... императора. Я на это отвечал, что теперь Наполеоном нельзя быть» («В. Д.», I, стр. 183). «...Зашла речь и о Наполеоне. Пестель воскликнул: «Вот истинно великий человек! По моему мнению: если уже иметь над собою деспота, то иметь Наполеона. Как он возвысил Францию! Сколько создал новых фортун! Он отличал не знатность, а дарования!» и пр. Поняв, куда все это клонится, я сказал: «Сохрани нас бог от Наполеона! Да впрочем этого и опасаться нечего. В наше время даже и честолюбец, если только он благоразумен, пожелает лучше быть Вашингтоном, нежели Наполеоном» («В. Д.», I, стр. 178). Рылеевская оценка роли французского императора характерна для многих декабристов. «Я не думаю, — показывал, например, Завалишин, — чтобы нашелся такой человек, который захотел бы видеть все что есть для него дорогого перерезанным, и для чего же — чтоб явился какой-нибудь и у нас Наполеон, ибо за переворотом в России непременно последует возрождение Военного Деспотизма»

(«В. Д.», III, стр. 306). Отношение Рылеева и декабристов к Наполеону было вдвойне отрицательным в плане национализма и в плане буржуазного вольнолюбия. Они видели в нем чужеземца и «тирана».

196. О промысле (стр. 417)

Напечатано В. Е. Якушкиным, «Вестник Европы» 1888, кн. XI, стр. 212. Отрывок изобилует помарками. Обращает на себя внимание оценка Брута, виднейшего республиканского борца против «тирании». В «Вестнике Европы» этот пассаж печатался так: «Деяние Брута не имело влияния на судьбу человечества, ибо не было согласовано с видами промысла». Пропуск слов был произведен несомненно по цензурным обстоятельствам, но специально не оговорен. В целом отрывок написан в духе религиозного фатализма и оканчивается на самом интересном — на расшифровке понятия «духа времени». Не подлежит сомнению, что в это выражение Рылеев вкладывал вольнолюбивое содержание: призывая правительство в своем показании «пощадить молодых людей, вовлеченных в общество», Рылеев напоминал, что «дух времени — такая сила, перед которой они не в состоянии были устоять» («В. Д.», I, стр. 152). Ср. в стихотворном наброске: «Старайтесь разгадать цель жизни человека, постичь дух времени и назначенье века».

Омар (XII век) — мусульманский халиф, самыми насильственными средствами распространявший ислам.

ОТРЫВКИ, ПИСАННЫЕ В КРЕПОСТИ

197. «Слово божие: рече и бысть» (стр. 419)

Напечатано В. И. Масловым, «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева», Киев 1912, Приложения, стр. 74—76. Отрывки эти представляют собой одно из отражений религиозной умонастроенности Рылеева в Петропавловской крепости, нашедшей себе выражение и в трех его посланиях (к Е. П. Оболенскому) и в отдельных стихо-

творных отрывках. Первая часть отрывков представляет собой размышления на евангельские темы, вторая — выписку из псалмов. К этим отрывкам примыкают и записи Рылеева на письме жены от 25 июня 1826 года, на котором переписан весь 6-й псалом: «Господи, да не яростию твоею обличиши мя».

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ, ПРИПИСЫВАЕМЫХ РЫЛЕЕВУ

За сто слишком лет, прошедших со времени трагической смерти Рылеева, ему приписывался целый ряд произведений вольнолюбивого содержания. Причин к этому было много: 1) запрещение при его жизни цензурой нескольких чересчур либеральных произведений («Гражданское мужество», «Видение императрицы Анны»), 2) хождение ряда других во множестве списков (песни «Ах, где те острова», «Ах, тошно мне и в родной стороне»), 3) неупорядоченность историко-литературного изучения вольной поэзии 20-х годов Рылеева, в частности,[1] а с другой стороны, довольно значительная близость ряда вольнолюбивых произведений различных поэтов друг к другу и т. д. Но несомненно самая главная из причин, почему произведения других авторов приписывались Рылееву, заключалась в огромной популярности запретного имени поэта-декабриста, вполне естественной в глухую Николаевскую пору. Вокруг этого имени накоплялись легенды. Так, легко и естественно рождались мысли о том, что безвременно погибший поэт не успел и не сумел опубликовать всего своего наследства, что оно исключительно обильно. Читатели сами брали в эту эпоху определение авторства, и мы знаем, какое огромное количество вольных стихотворений было приписано, например, Пушкину. То же самое случилось и с Рылеевым, которому за истекшее столетие приписывались следующие произведения:

[1] Известно, например, что одна из «элегий» Рылеева долгое время приписывалась малоизвестному поэту Ротчеву.

1. «Узник» (начинающийся словами: «Не слышно шума городского, на Невской башне тишина»).

2. Послание под заглавием: «По чувствам братья мы с тобой, мы в искупленье верим оба».

3. Песня «Вдоль Фонтанки реки квартируют полки — слава».

4. Песня «Кузнец» («Уж как шел кузнец да из кузницы — слава»).

5. Песня «Царь наш, немец прусский, носит мундир узкий».

6. Песня «Ах ты, сукин сын, проклятый становой».

7. Песня «Так в ненастные дни собирались они часто».

8. Ода «Александру I» («Ужасен времени полет»).

9. «Послание к друзьям» или «К друзьям в Кишинев», начинающееся словами: «Завеса пала!.. В узах я!..»

10. Четверостишие: «Тюрьма мне в честь, не в укоризну», по преданию написанное Рылеевым в крепости на оловянной тарелке.

11. Стихотворение «Свободы гордой вдохновенье».

12. Двустишие, якобы сказанное Рылеевым на эшафоте: «Рылеев умер как злодей, о помяни о нем Россия!»

13. Послание к жене (начинающееся: «Ударит час, час смерти роковой»).

14. Стихотворение под заглавием «Предсмертное сочинение Рылеева» (начинающееся словами: «Я слышал смертный приговор»).

15. Стихотворение Пушкина «к Чаадаеву» («Любви, надежды, тихой славы»).

16. Стихотворение: «Краса природы совершенство».

17. Статья под заглавием: «Возмущение старого Лейб-Гвардии Семеновского полка».

За единственным исключением (№ 7), все эти произведения — политического характера, так или иначе связываемые с участием Рылеева в Северном тайном обществе и с последующим заточением в Алексеевском равелине. По соображениям, которые изложены ниже, в соответствующих примечаниях, мы считаем возможным допустить автор-

ство Рылеева только в двух случаях из шестнадцати — №№ 2 и 8, отвергая его во всех других случаях.

Остановимся на каждом из приведенных стихотворений более подробно.

1. Стихотворение «Узник», без указания имени автора, было напечатано за границей в сб. «Русская потаенная литература XIX столетия» (отд. I, ч. 1, стр. 255), перепечатано во втором томе «Библиотеки русских авторов» — «Собрание стихотворений декабристов», Лейпциг 1862, стр. 201—202, со следующим примечанием: «При печатании полного собрания сочинений К. Ф. Рылеева мы не решились поместить в нем стихотворение «Узник», считая принадлежность его Рылееву сомнительной. Впоследствии мы имели случай говорить о подлинности названного стихотворения с людьми, близко знавшими Рылеева, но никто из них не выражал ни малейшего сомнения в принадлежности его перу нашего поэта-гражданина. Это побудило нас напечатать стихотворение во втором томе нашего издания...» Стихотворение «Узник» было, однако, напечатано в России в альманахе «Венера», вышедшем в 1831 году в Москве (ч. 1, стр. 36—38), будучи приписано А. Полежаеву. Публикуя в 1871 году неизданные думы Рылеева, П. А. Ефремов перепечатал и «Узника», который «во множестве рукописей, нам попадавшихся, всегда приписывается Рылееву» («Русская старина» 1871, т. III, стр. 72). Ф. Н. Глинка (там же, стр. 246) протестовал против авторства обоих поэтов («Отнюдь не Полежаева и нисколько не Рылеева! это просто одного моего знакомого»), после чего П. А. Ефремов приписал его самому Ф. Н. Глинке! (Ефр.[2], стр. 339). Не касаясь вопроса о принадлежности «Узника» перу Полежаева, заметим, что авторство Рылеева здесь совершенно исключено уже по чисто стилистическим соображениям. Манера «жестокого мещанского романса», в которой иногда писал Полежаев, совершенно чужда Рылееву в «Узнике» (ср., например, «Прости отец, прости невеста! Сломись венчальное кольцо!

Отныне здесь мое уж место; Не быть мне мужем и отцом»).

2. Послание «По чувствам братья мы с тобой», возможно, принадлежит Рылееву. См. о нем ниже в специальном примечании.

3. Песня «Вдоль Фонтанки реки квартируют полки, слава», как мы уже упоминали в примечании к песне «Ах, где острова», не была признана Рылеевым на допросе его следственным комитетом, и у нас нет никаких оснований не доверять его показанию. Текст ее был уничтожен по окончании следствия, как «возмутительный», и до настоящего времени неизвестен.

4. Песня «Кузнец» («Уж как шел кузнец да из кузницы — слава») перепечатана в «Собрании стихотворений декабристов» (Лейпциг 1862, стр. 204) из сб. «Русская потаенная литература XIX столетия» (1861, отд. I, ч. 1, стр. 425), где она была помещена под заглавием «Пропущенное стихотворение Рылеева».

Уж как шел кузнец
Да из кузницы —
Слава!
Нес кузнец
Три ножа —
Слава!
Первый нож
На бояр, на вельмож —
Слава!
Второй нож
На попов, на святош —
Слава!
А молитву сотворя,
Третий нож на царя —
Слава!

Ю. Г. Оксман, напечатавший это стихотворение (с некоторыми ошибками: «первый нож — на попов, на святош...»), считает его принадлежащим Рылееву. Однако категорические доводы его внушают сомнение. С. И. Муравьев-Апостол отметил, что «две народные песни: одна, относящаяся к состоянию крестьян, на голос «Скучно мне

на чужой стороне», другая — возмутительная, на голос подблюдных... были присланы ко мне братом, получившим их в Петербурге. Наверное не знаю, чьего они сочинения, а слыхал кажется, что они сочинения Рылеева» («В. Д.», т. IV, стр. 289). Не говоря уже о том, что это показание не указывает на Рылеева, оно и неопределенно: «на голос подблюдных» написана и песня «Ты скажи, говори». Оксман видит, далее, косвенное указание на «авторство» Рылеева в показании И. И. Пущина от 6 мая 1826 года — показании, однако, совершенно неопределенном (в песне «идет речь о ножах для властей. Кто сочинял ее мне неизвестно»). Неопределенно и указание Оксмана на А. Мицкевича, слышавшего «на вечеринках русских заговорщиков» жестокие песни «финского и монгольского характера» *(см. выше, стр. 690):* они несомненно пелись, но оснований приписывать их Рылееву у нас не имеется. Что касается последнего повода Ю. Г. Оксмана — его ссылки на утверждение Е. И. Якушкина, «знатока и ревнителя декабристских преданий» (см. «Девятнадцатый век», кн. 1, М. 1872, стр. 354), то на этом основании нам пришлось бы счесть рылеевской и песню «По улице мостовой».

Утверждения Ю. Г. Оксмана маловероятны и в идеологическом плане. Песня, призывающая народ к расправе с привилегированными сословиями, *не могла* принадлежать Рылееву, не сумевшему порвать начисто с дворянской ограниченностью. Маловероятен и его выпад против «попов-святош» — мы знаем неизменную религиозность поэта (думы «Владимир Мономах», поэма «Наливайко», наконец, стихи, написанные в Алексеевском равелине). Авторство Рылеева в данном случае более чем сомнительно.

5. Песня «Царь наш, немец прусский, носит мундир узкий» напечатана в «Полном собрании сочинений К. Ф. Рылеева», Лейпциг 1861, стр. 335; перепечатана в Собрании сочинений К. Ф. Рылеева 1906 («Библиотека декабристов», вып. 1, стр. 168). Вплоть до последнего времени приписывалась Рылееву (см., например, публикацию песни М. Л. Гофманом в «Чернигов-

ском крае» 1917, № 84, от 14 декабря). Авторство свое Рылеев ограничивал двумя песнями, и эта должна быть из списка изъята. Что касается ее общего содержания, то оно вполне соответствует отношению декабристов к Александру I, увлекавшемуся муштрой армии и окружавшему себя «немцами». Вполне возможно, что эта песня сочинялась коллективно на собраниях Тайного общества.

6. Песня «Ах ты, сукин сын, проклятый становой» напечатана в «Собрании свободных русских песен и стихотворений» «Лютня», Лейпциг 1869, стр. 140, как принадлежащее Рылееву. Никакого основания для такого приписывания нет: песня представляет собою перелицовку народной песни «Ах ты, сукин сын, камаринский мужик».

7. Песня «Так в ненастные дни собирались они часто» в прежних изданиях, особенно заграничных, контаминировалась с рылеевской песней «Ах, где те острова». Принадлежит Пушкину и поставлена им эпиграфом к первой главе повести «Пиковая дама».

8. Ода «Александру I», по всей вероятности, написана Рылеевым в 1821 году. См. о ней ниже специальное примечание.

9. Послание к друзьям, — по другим изданиям: «К друзьям в Кишинев», начинающееся стихом: «Завеса пала! В узах я!», впервые напечатано в «Библиотеке русских авторов», т. I (Полное собрание сочинений К. Ф. Рылеева, Лейпциг 1861, стр. 288—294), с кратким примечанием: «Писано в казематах Петропавловской крепости, в начале 1826 года» (стр. 392). Послание это принадлежит В. Ф. Раевскому и приписывание его перу Рылеева ведет к ряду несообразностей: 1) Рылеев не мог обращаться к своим друзьям: «Быть может вы в свободной жизни молодой забыли узника в неволе...» и т. д., — друзья его, как и он, были заключены в Петропавловской крепости; 2) к Рылееву неприменимы и перипетии суда, который, «чуждаясь правды обнаженной... двух свидетелей искал... он их нашел в толпе презренной!» Кроме того, при-

писыванию этого стихотворения Рылееву препятствуют хронологические неувязки: в январе 1826 года Рылеев не мог звать своих друзей «под сень священную знамен» борьбы за греков. Не напоминает Рылеева и стилистика послания — ритм, образы и пр. Стихотворение это принадлежит В. Ф. Раевскому, члену Южного общества, в 1822 году заключенному в Тираспольскую крепость.

10. Четверостишие

«Тюрьма мне в честь — не в укоризну,
За дело правое я в ней.
И мне ль стыдиться сих цепей,
Когда ношу их за отчизну?

напечатано в первый раз в Полном собрании стихотворений К. Ф. Рылеева, Брокгауз, Лейпциг 1861, стр. 287, со следующим примечанием: «Написано в Алексеевском равелине, также в начале 1826 года, гвоздем на обороте одной из оловянных тарелок, на которых подавалось арестантам кушанье» (стр. 392). Это сообщение, сделанное декабристом Н. Р. Цебриковым, как отметил еще П. А. Ефремов, «противоречит тогдашнему настроению Рылеева и всем его письмам и стихам, писанным в крепости» (Ефр.[1], стр. 340). В самом деле, почти в каждом письме к жене Рылеев возлагает надежды на «милосердие государя», а в черновой письма к Николаю заявляет: «отрекаюсь от моих заблуждений чистосердечно и торжественно». Четверостишие характерно для либеральной легенды о Рылееве, изображавшей его рыцарем «без страха и упрека».

11. В Полном собрании сочинений К. Ф. Рылеева (Лейпциг, 1861 стр. 282) было напечатано стихотворение:

Свободы гордой вдохновенье!
Тебя не чувствует народ...
Оно молчит, святое мщенье,
И на царя не восстает.

Под адским игом самовластья,
Покорны вечному ярму,
Сердца не чувствуют несчастья
И ум не верует ему.

Я видел рабскую Россию
Перед святыней алтаря:
Гремя цепьми, склонивши выю,
Она молилась за царя.

П. А. Ефремов в своем перечислении приписываемых Рылееву стихотворений отметил, что стихотворение это — Н. М. Языкова (Ефр.[2], стр. 340). Однако документально вопрос может считаться разрешенным лишь после сообщения Н. В. Измайлова о том, что «свободы гордой вдохновенье» помещено в альбоме одной из знакомых Языкова, М. И. Осиповой, вместе с другим его стихотворением и сопровождается датой: «Дерпт, 24 января 1824 г.» (см. «Атеней», кн. III, Л. 1926, стр. 30).

12. Слова: «Рылеев умер, как злодей, о вспомяни о нем, Россия», якобы произнесенные им на эшафоте, в действительности представляют два стиха (не пятистишия, как полагал П. А. Ефремов, — Ефр.[2], стр. 340) стихотворения Н. М. Языкова: «Памяти Рылеева»:

Не вы ль убранство наших дней,
Свободы искры огневыя! —
Рылеев умер как злодей!
О, вспомяни о нем Россия,
Когда восстанешь от цепей
И силы двинешь громовыя
На самовластие царей!

(см. «Атеней», кн. III, Л. 1926, стр. 11 и 30).

Помимо того, факт произнесения Рылеевым каких-либо слов на эшафоте никем из очевидцев не подтверждался.

13. Два стихотворения навеяны письмом Рылеева жене, написанным в ночь перед казнью 13 июля 1826 года. Первое из них — «Послание к жене», впервые напечатанное в «Библиотеке русских авторов», т. II, Лейпциг, стр. 203, — представляет собою переложение в стихи отдельных выражений этого письма:

Ударит час, час смерти роковой
И погрузит меня в сон тяжкий, гробовой.

Виновную главу, без ропота, без страху,
С одним раскаяньем твой друг несет на плаху.
Но грозной казни страх, позорной смерти стыд
В последние часы мне душу тяготит.[1]
С зарею утренней моя свершится доля.
Да будет надо мной небес святая воля!
А ты, кто восемь лет счастливила меня,
Как в жизни я познал всю сладость бытия.[2]
О, друг мой, за любовь, за ласки, попеченья,
Предсмертные мои прими благодаренья!
Пекись о дочери и передай ты ей
Все сладости любви и красоты твоей!
В печальном мире сем, где радостей не много,
Я оставляю вас под кров живого бога:
Он будет вам один надежный, верный щит;
Он благостью своей, вас, милых, охранит.
Мне ваше счастие — последнее желанье...
Но время!.. Слышу зов... О, друг мой! До свиданья!

П. А. Ефремов справедливо называет нелепым предположение, что за час или за два до казни приговоренный, написавший прощальное письмо, будет еще перекладывать его в стихи (Ефр. [2], стр. 340).

14. Безусловно апокрифическим является и стихотворение неизвестного автора «Глас осужденного в темнице», часто встречающееся в рукописных сборниках. Оно опубликовано В. И. Масловым (Приложения, стр. 87—90) в отделе приписывавшихся поэту стихотворений под заглавием «Предсмертное сочинение Рылеева». Написанное четырехстопным ямбом, с массой ритмических неправильностей, чрезвычайно деревянное по языку и пространное по объему (более восьмидесяти стихов), послание это представляет самое безграмотное описание последних часов жизни поэта-декабриста. Приведем примеры:

Но я жизни не жалею,
Я слезы лью, но не о ней,

[1] В действительности Рылеев шел на эшафот спокойным.

[2] «Когда Настинька будет иметь мужа, то осчастливит и его, как ты, мой милый, мой добрый и неоцененный друг, счастливила меня в продолжение восьми лет» (из предсмертного письма Рылеева жене).

Что смерть открытому злодею,
Ах, жаль жену мне и детей (!).

К жене поэт обращается с призывом простить «жестокости моей»: «Забудь, что в час счастливой ночи я у груди твоей лежал, и злом мои сверкали очи, и в мыслях я точил кинжал» и т. п. (Маслов, стр. 88—89). Из всех стихотворений, приписываемых Рылееву, это — единственное, в котором его декабризм рисуется в нарочито отрицательном реакционном свете, как «гнусное мечтанье» о «лжесчастье».

15. Стихотворение: «Краса природы! Совершенство! Она моя! Она моя!» впервые напечатано в «Библиотеке русских авторов», т. I (Полное собрание сочинений К. Ф. Рылеева, Лейпциг 1861, стр. 317) в сопровождении примечания: «Когда стихотворение это написано, положительно неизвестно, но, судя по стиху, оно должно относиться (!) к последним годам его литературной деятельности» (392). Для того чтобы убедиться в том, что Рылеев не мог написать этого стихотворения, достаточно процитировать первые его строки:

Краса природы! Совершенство —
Она моя! Она моя!
Кто разорвет мое блаженство?
Кто вырвет деву у меня?
Пускай идут цари земные
С толпами воинов своих...
Что мне снаряды боевые?
Я смелой грудью встречу их... и т. д.

«Краса природы» — совершенная противоположность нравственным убеждениям Рылеева — приписывается еще М. Л. Деларю (Ефр. [2], стр. 340).

16. Наконец, как это ни парадоксально, Рылееву приписывается еще некоторыми исследователями «Послание Пушкина к Чаадаеву» («Любви, надежды, тихой славы»). Таков М. Л. Гофман, высказавший это в предположительной форме в своей книге: «Пушкин. Первая глава науки о Пушкине» (два издания) и развернуто — в статье «Пушкин или Рылеев»,

VI сборник «Недра», 1925. Доводы Гофмана были подвергнуты критике (там же) Л. П. Гроссманом, настаивавшим на принадлежности этого послания Пушкину (перепечатано в его Собрании сочинений, т. I, «Пушкин», стр. 216—241). Аргументация Л. П. Гроссмана как в области текстологии, так и в области стилистического анализа представляется нам совершенно бесспорной.

17. Нам остается сказать здесь о прозаической статье Рылеева «Возмущение старого Лейб-Гвардии Семеновского полка». Статья эта напечатана в довольно больших извлечениях Е. Я[кушкиным]: «По поводу воспоминаний о К. Ф. Рылееве», «Девятнадцатый век», изд. П. Бартеневым, кн. I, 1872, стр. 355—361. Купюры, сделанные Якушкиным в статье, опубликованы в «Русской старине» 1871, № 11, стр. 533—548. «Положительных доказательств, что она принадлежит ему, я не имею. Она не сохранилась в его бумагах, ни от одного из его близких знакомых я не слыхал об этой статье; но ежели она написана и другим лицом, то высказанные в ней мысли принадлежали несомненно Рылееву и тому кружку, который собирался вокруг него» (там же, стр. 355). Полностью статья напечатана в Собрании сочинений Рылеева, изд. «Библиотека декабристов», под ред. Г. Балицкого, т. II, стр. 42—59, и отдельно — Спб. 1906.

Таким образом из семнадцати приписываемых Рылееву произведений остаются два: ода «Александру I» и послание «По чувствам братья мы с тобой». К их более детальному комментированию мы и переходим.

198. Александру I (стр. 422)

Впервые опубликовано в «Собрании стихотворений декабристов», «Библиотека русских авторов», Лейпциг 1861, изд. Брокгауза, стр. 199—201, со следующим примечанием: «Стихотворение это написано Рылеевым еще в 1821 году, но никогда напечатано не было. Оно найдено баронессой Аш в бумагах Ивановского, секретаря следственной комиссии, женатого на сестре баронессы Аш. Здесь

означенное стихотворение напечатано со списка Александра Николаевича Креницына, списавшего его в свой «Сборник» из альбома сестры своей, в котором стихотворение написано рукою Ивановского» (там же, стр. 226). П. А. Ефремов не счел возможным приписать это стихотворение Рылееву (Ефр.[2], стр. 339). В. И. Маслов полагал, что «оно несомненно принадлежит ему: в этом убеждает нас стилистическая критика этого стихотворения. Общий тон произведения вполне гармонирует с гражданской поэзией Рылеева; некоторые мысли и выражения, встречающиеся здесь, рассеяны и в других, подлинных его произведениях; при этом сходство бывает столь близким, что многие фразы совпадают почти дословно» («Литературная деятельность К. Ф. Рылеева», Киев 1912, стр. 18). Исследователь делает для подтверждения своей мысли следующие сопоставления:

Ода «Александру I»: «Но не пришла еще пора, *наперекор судьбе и року*...».

Дума «Державин»: «*Наперекор судьбе и року* везде он явный враг пороку».

«Александру I»: «Как прежде быть «*творцом добра и грозным одному пороку*».

Дума «Борис Годунов»: «*Творил добро* был подданным покров и враг лишь одного порока».

«Александру I»: «Благотворить — героев цель».

Ода «Видение»: «Твой долг — благотворить народу...»

«Александру I»: «Земля потомков Фемистокла костьми сынов удобрена и кровью греческой промокла».

«А. П. Ермолову»: «Уже в отечестве *потомков Фемистокла* повсюду подняты свободы знамена; геройской кровью уж земля намокла и трупами врагов удобрена» (там же, стр. 18—19). Эти совершенно правильные сопоставления В. И. Маслова могли бы быть продолжены. Например:

Ода «Александру I» (1821)

И к благу общему горя,
Ты разгадал потребность века.

Взгляни на Запад! — там в борьбе
Власть незаконная с законной...

Ода «Видение» (1823)

Старайся дух постигнуть века,
Узнать потребность русских стран,
Смотри — в волнении народы,
Смотри — в движенье сонм царей... и т. д.

На ряду с чрезвычайно характерными стилистическими совпадениями важно отметить и идейные аналогии. Основная тенденция оды — обратить внимание царя на революционное движение в Испании и особенно Греции — вполне соответствует политическим воззрениям Рылеева и их отображению в стихотворениях: «К А. П. Ермолову», «На смерть Байрона» и др. Принадлежность этого стихотворения Рылееву весьма вероятна.

Екатерина II Алексеевна (1729—1796) — русская императрица, бабка и воспитательница Александра I.

Курдиш-паша — турецкий полководец в войне с греческими повстанцами.

Александр I (1777—1825) — сын Павла I, с 1801 года — император. Начало его царствования отмечено было рядом либеральных преобразований (указ о вольных хлебопашцах, реформы Сперанского и др.), отражавших рост в России капиталистических отношений. Однако, после того как крепостнический режим вышел победителем из борьбы с буржуазной Францией, в Александре I особенно сильно укрепились реакционные стремления (во внешней политике — образование «Священного союза», участие в подавлении национальных революций; в области внутренних дел — образование военных поселений, усиление цензуры, суровая муштра армии с подавлением либеральных течений среди офицерства и т. д.). Чрезвычайно популярный в либеральной части общества до войны с Наполеоном, Александр I в начале 20-х годов лишается ее симпатий. У Рылеева они сохраняются, однако, позже, чем у других. Ода «Александру I» еще полна реформистских по существу своему надежд на то, что «Александров

глас» будет «от бурь и бед спасать народы». То же стремление воздействовать на венценосца убеждением чрезвычайно ярко выражено и в оде «Видение» (1823). Позднее, став членом Северного общества, Рылеев круто изменит свое отношение к Александру I и будет деятельно обсуждать вопрос о цареубийстве.

Характерно, что отрывок из оды Рылеева «Александру I» сделан эпиграфом письма А. И. Герцена к императору Александру II (см. «Полное собрание сочинений и писем А. И. Герцена» под ред. М. К. Лемке, т. VIII, стр. 160).

199. Послание к А. А. Бестужеву (*«По чувствам братья мы с тобой»;* стр. 424)

Печатается по тексту рукописного сборника, принадлежавшего М. И. Семевскому в ИРЛИ. Было опубликовано в брошюре М. Л. Гофмана «Поэзия К. Ф. Рылеева»; Чернигов 1917, стр. 7. Текст Гофмана отличался от вышеприведенного двумя стихами — девятым («любовью чистой и святой») и одиннадцатым («И знаю — отзыв в нем найдется»). Ю. Г. Оксман («Звезда» 1933, № 7, стр. 165) сообщает варианты этого послания в записях песен политических ссыльных Восточной Сибири, сделанных в 1905 и 1912 — 1914 годах:

Стихи: 1. По духу братья мы с тобой
2. Во избавленье верим оба
5. Придет пора, настанет час
6. Проснутся спящие народы

Им сообщен также вариант второй строфы, превращенный в концовку:

Придет пора, настанет время,
Младые силы подрастут,
Взлетят орлы — и цепь насилья
Железным клювом расклюют.

Если М. Л. Гофман, впервые напечатавший в своей брошюре «Поэзия К. Ф. Рылеева» (Чернигов 1917), считает это послание безусловно рылеевским, то напечатавший его

с другого списка Н. В. Измайлов пришел к такому выводу: «По недостаточной авторитетности сборника, где это стихотворение записано, и по невыясненности происхождения текста его мы не решаемся... без колебаний приписать его Рылееву. Но и в тоне его и поэтических приемах нет ничего, что бы противоречило тону и приемам гражданской поэзии Рылеева в период расцвета зрелости его общественной мысли и поэтического дарования. Если автор его — не Рылеев, то какой-то другой из поэтов его времени и среды; но другого такого поэта, подобно ему, мы не знаем» («Атеней», «Памяти декабристов», 1926, стр. 29).

В рукописной тетради, приобретенной от А. М. Семевской, откуда, повидимому, и перепечатал это стихотворение Н. В. Измайлов (шифр 13889. LXXV. б. 18; стр. 9), это послание адресовано «Бестужеву-Рюмину (Марлинскому)». Ошибочность такого адреса очевидна: «Марлинский» был литературный псевдоним А. А. Бестужева.

ПИСЬМА

1

Отцу (без указания года и месяца; стр. 427). Ефр.[1], стр. 253—254. Первое из известных нам писем Рылеева к отцу, из кадетского корпуса. Предположительно можно его датировать началом 1811 г.: в следующем письме к отцу Рылеев указывает, что «не писал более года», а на письме почерком Ф. А. Рылеева написано: «Получено 15 марта».

Анна Федоровна, «сестрица» — побочная дочь Федора Андреевича Рылеева.

2

Отцу (17 декабря 1812 г.; стр. 428). Опубликовано: «XIX век», кн. I, М. 1872, стр. 362. Письмо, чрезвычайно характерное сочетанием в нем высоких излияний о смысле человеческого существования с прозаическими просьбами о «деньгах, нужных для обмундировки». Отец ответил Рылееву только на следующее письмо, полученное

им от сына «сего апреля в 26 день», то есть в 1813 г., и до нас не дошедшее. На просьбу сына о деньгах он ответил отказом, упрекая того в детских затеях, на которые «не токмо отцу, но и чужому, сединами покрытому мужу юноша 18-летний едва ли решился бы на бумагу столько пространно, столько без участия прямого сердца и еще трикратно излагать» (пространная цитата из этого письма Ф. А. Рылеева приведена нами во второй главе вступительной статьи).

Петр Федорович (умер 16 сентября 1820 г.)— генерал-лейтенант Малютин, близкий знакомый Рылеевых. Катерина Ивановна—его жена, впоследствии вдова, над детьми которой Кондратий Федорович Рылеев был назначен опекуном.

Кивер — военный головной убор.

Конфедератка — польская четырехугольная шапка.

Шишак — военная каска.

Эдем — в Библии — название земного рая.

3

Отцу (стр. 431). Дата написания письма отсутствует; предположительно ею можно считать июль или август 1813 г.: Рылеев пишет о том, что июнь, срок, когда рекрутам было назначено притти в Петербург, уже прошел («ничего сего не состоялось»), и что подходит уже сентябрь месяц. Письмо Ф. А. Рылеева от 25 июня 1813 г., на которое ссылается Кондратий Федорович, написано им к жене, А. М. Рылеевой, и по содержанию сходно с его ответом сыну (см. Маслов, Приложения, стр. 115—116).

4

Матери (28 февраля 1814 г.; стр. 433). «Вестник Европы» 1888, XI, стр. 200.

Дядюшка — Михаил Николаевич Рылеев (1771—1833), комендант города Дрездена во время его занятия русскими войсками.

Господин Прево — Иван Иванович Прево де Лумиан, генерал-майор, член военно-учебного комитета.

«К. Ф. Рылеев недолго прослужил в Дрездене: при необычайной живости своего характера, он своими сатирами и эпиграммами вооружил многих; на него жаловались саксонскому генерал-губернатору князю Н. Г. Репнину, а тот просил М. Н. Рылеева удалить беспокойного родственника, что и было исполнено» (В. Якушкин, «Из истории литературы 20-х годов», «Вестник Европы» 1888, кн. XI, стр. 200).

5

Матери (21 сентября 1816 г.; стр. 433). Опубликовано П. А. Ефремовым, опустившим начало и окончание письма (Ефр. [2], стр. 231—232).

Вальтрап — суконная подкладка под седло.

6

Матери (6 марта 1815 г.; стр. 434). Ефр. [1], стр. 262—264.

Княгиня Варвара Васильевна — Голицына, у мужа которой — князя С. Ф. Голицына — отец Рылеева служил главноуправляющим. По смерти его княгиня В. В. Голицына сделала на него начет в 80 000 рублей и в этой сумме предъявила претензию к его наследникам. Движимое имущество и деньги были арестованы, а опекунами были назначены М. Н. Рылеев и И. С. Зубковский. Имущество, оставленное Рылевым-отцом, не могло покрыть и десятой части долга. К. Ф. Рылеев обращался к княгине с просьбой прекратить это дело, а по смерти ее просил о том же ее сыновей (см. также письмо к Рылееву Ивана Семеновича Зубковского из Киева 3 сентября 1816 г.; Ефр. [2], стр. 303—305).

Федор Павлов — дворовый крепостной Рылеевой, сопровождавший ее сына в заграничный поход.

7

Матери (1815 г.; стр. 437) Опубликовано П. А. Ефремовым (Ефр. [1], стр. 216), без указания года, с выпуском фамилии Сухозанета и некоторыми поправками («Дон Кихот» вместо «Дон Кишот»). Письмо датируется приблизительно апрелем — маем 1815 г.; как явствует из формулярного списка Рылеева, он был послан «1815 года, апреля с 12 вторично во Францию». Помещение его Ефремовым ранее письма из Несвижа, таким образом, ошибочно.

О Сухозанете — *см. стр. 449*.

8

Матери (10 августа 1817 г.; стр. 438). Опубликовано Ефр. [1], стр. 264—267, с сокращениями.

Рожествено — село в нескольких верстах от деревни Батово, родового имения Рылеевых. Рожествено принадлежало царевичу Алексею Петровичу, которому Рылеев посвятил специальную думу.

9

Матери (17 сентября 1817 г.; стр. 440). Ефр. [1], стр. 267—269, с пропуском обращения и подписи. На просьбу сына о разрешении ему выйти в отставку и жениться на «милой Наталии», Настасья Матвеевна Рылеева в письме от 19 октября того же года отвечала: «Тебе, мой друг, известно, деревня не так велика, ревизских душ 42, а работников 17, то сам посуди, сколько они могут поработать: земля у нас не такая, как там, где ты теперь; долгу на мне много, деревня в закладе, тебе известно, что я насилу могу проценты платить, и то с помощью друга моего Петра Федоровича, а что пишешь в рассуждении женитьбы, я не запрещаю: с богом, только подумай сам хорошенько; жену надо содержать хорошо, а ты чем будешь ее покоить? Петродар не много дохода приносит, только что и можно продать один овес и то не более как 50 четвертей. Посуди сам, Наталья и ты будете горе терпеть, а я, глядя на вас, плакать. Я советую тебе, как мать и друг

твой верной, подумай хорошенько и скажи невесте и родителям ее правду, сколько ты богат; то я не думаю, чтоб они захотели бы, чтоб дочь их милая терпела нужду. Посуди сам, тебе только 22 года недавно, и служба, и чин твой так малы; если и в статскую службу итти по твоему чину, то я не знаю; какое место: я удивляюсь, что тебе наскучила военная служба; что ты будешь делать в деревне? Чем займешься; скоро все тебе наскучит и сам будешь жалеть, что скоро поспешил отставкою; можешь и женатый служить; ты не первой. Много женатых, да служат...» (Сочинения Рылеева, под редакцией Г. Балицкого, т. II, стр. 110).

10

Матери (31 ноября 1817 г.; стр. 443). Дата напутана: в ноябре 30 дней. Ефр. [1], стр. 270—271.

Тевяшовы — дворянская семья Воронежской губернии, к которой был с 1818 года чрезвычайно близок Рылеев и с которой он породнился в 1819 году. В семью входили: 1) Михаил Андреевич Тевяшов — отец, помещик, которому принадлежала слобода Подгорное (недалеко от Острогожска), 2) Матрена Михайловна — его жена. У них было три сына — Алексей, майор (в 1822 году служил в Киеве в кавалерийском полку), Иван, подпоручик, и Михаил (в 1822 году воспитывался в Харькове в частном пансионе, позднее был коллежским секретарем). Рылеев усиленно уговаривал родных своей жены устроить его в гвардию (см. князь А. Б. Лобан-Ростовский, «Русская родословная книга», т. II, Спб. 1895, стр. 292). Из двух дочерей — старшая, Настасья Михайловна, позднее свояченица Рылеева, была замужем за Александром Даниловичем Кореневым, губернским секретарем, умершим в 1824 году; Наталья Михайловна Рылеева была младшей дочерью Тевяшовых.

11

Матери (31 января 1818 г.; стр. 444). Ефр. [1], стр. 275—276. «Кажется довольно для государя пяти лет;

пора подумать и о своих». Слова «для государя» заменялись в прежних изданиях многоточием.

Дата «1819 год» в тексте безусловно является опиской: в январе 1819 г. Рылеев уже женился на Тевяшовой. Содержание письма тесно связано с предыдущим.

12

Матери (7 апреля 1818 г.; стр. 445). Ефр. [1], стр. 271—272. «Из этого же письма вижу я, что вы писали ко мне в рассуждении моей женитьбы, но как я сего письма не получал, то я прошу вас, любезнейшая матушка, уведомить меня вторично. При сем скажу вам откровенно, что от вашего решения зависит моя участь; ваш отказ погубит меня». Так как письмо матери от 19 октября 1817 г. было все же послано Рылееву и даже сохранилось в его архиве, надо думать, что отрицание его получения было своеобразной военной хитростью.

Эпитет «подлецы» («для нынешней службы нужны подлецы») в прежних изданиях заменялся многоточием.

13

Матери (18 июня 1818 г.; стр. 446). Ефр. [2], стр. 242—245.

Сухозанет (в прежних изданиях писем С... т) — командир «конно-артиллерийской № 12 роты», в которой служил прапорщик Рылеев.

Миллер Федор Петрович — сослуживец Рылеева.

14

Матери (13 октября 1818 г.; стр. 449). Опубликовано Б. Л. Модзалевским по копии, сообщенной ему П. Н. Корелиным в журнале «Былое» 1925, № 5/33, стр. 29. Копия, по замечанию Модзалевского, писана «по новой орфографии и с очень сбивчивой пунктуацией».

Последнее письмо к матери перед женитьбой, состоявшейся в январе 1819 г.

15

Н. М. Тевяшовой (14 января 1819 г.; стр. 449).

Иван Михайлович — брат Натальи Михайловны и Настасьи Михайловны Тевяшовых.

Ангел Херувимовна — шуточное название Натальи Михайловны.

Солнцев Петр Александрович — воронежский вице-губернатор.

16

Матери (2 июня 1819 г.; стр. 453). Опубликовано В. И. Масловым в его книге «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева», Приложения, К. 1912, стр. 90—91.

Сестрица Натальи Михайловны — Настасья Михайловна (см. выше письмо к ней Рылеева).

17

Матери (29 августа 1819 г.; стр. 454). На обороте этого письма приписка рукой жены Рылеева: «Милостивая государыня! Любезная маменька! Настасья Матвеевна! Почтеннейшее письмо ваше я имела честь получить, за которое, целую ваши ручки; уведомляю вас, любезнейшая маменька, что мы теперь на дороге к вам и надеемся приехать в последних числах сентября. Прощайте, любезнейшая маменька. С истинным моим к вам почтением честь имею быть ваша покорная дочь Наталья Рылеева».

18

М. Г. Бедраге (23 ноября 1820 г.; стр. 454). (Опубликовано С. Я. Штрайхом в отрывке «Новые письма декабристов» в сб. «Утренники» 1922, II, июнь, стр. 69).

Возмущение лейб-гвардии Семеновского полка, о котором идет речь в письме Рылеева к Бедраге, произошло вследствие исключительно зверского управления им полковника Шварца, старого аракчеевского служаки, стре-

мившегося «подтянуть» полк. По официальным данным, за первые пять месяцев командования Шварца солдатам полка было присуждено около 15 000 ударов розгами и фухтелями. Полк отказался повиноваться Шварцу и подвергся за то жестоким репрессиям. Указом Александра I было повелено всех нижних чинов раскассировать в полки, офицеров перевести в армию, а первый батальон предать военному суду. О бунте семеновцев см. в работах В. И. Семевского («Былое» 1907, № 1—3), в записках Н. И. Лорера (новейшее издание — Соцэкгиз, 1932) и в очерке, приписывающемся К. Ф. Рылееву: «Восстание старого лейб-гвардии Семеновского полка», Спб. 1906. Подпольную прокламацию, подброшенную к казармам Преображенского полка и призывающую к восстанию, см. в кн. С. Штрайха «Брожение в армии при Александре I», П. 1922, стр. 40—42, и в сб. «Декабристы», составл. Ю. Г. Оксманом, М. — Л. 1926, стр. 37—40.

Александр Николаевич (1818—1881) — великий князь, сын Николая Павловича, будущий император Александр II.

Михаил Павлович — великий князь, известный в гвардии своей любовью к военной муштре.

Моя сатира... — «К временщику», *см. стр. 89.*

Резкий отзыв о «царях» едва ли мог удовлетворить М. Г. Бедрагу, бородинского ветерана. Он не сочувствовал рылеевскому вольнолюбию, судя по его поведению 14 декабря 1825 г. «Покуда я был один, ко мне подошли два человека во фраках и сюртуках, с георгиевскими крестами в петлице; это были отставные израненные офицеры Веригин и Бедрага; последний сказал мне: «Знаем, государь, что в городе делается; мы — старые раненые офицеры, но покуда мы живы, до вас рука изменников не достанет» (из заметок Николая I на полях рукописи М. Н. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I». В сборнике «Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи». М.—Л. 1926, стр. 41).

19

Жене (25 ноября 1820 г.; стр. 454). Письмо это, ярко рисовавшее резко отрицательное отношение Рылеева к взяточничеству чиновников, было перлюстровано московским почт-директором Рушковским (см. «Черты к характеристике русского общества 1820—1826 гг.», «Русская старина» 1882, II, стр. 471—472). В. И. Семевский сопоставляет эту характеристику сенатских порядков с оценкой их рядом декабристов: Булатова, Батенкова и др. («Политические и общественные идеи декабристов», Спб. 1909, стр. 86—87). Об острогожском периоде жизни Рылеева см. в воспоминаниях А. В. Никитенки («Русская старина» 1888, кн. XI, стр. 284) и Ф. Н. Глинки («Русская старина» 1871, ✓ кн. II, стр. 245.

20

Жене (2 декабря 1820 г.; стр. 455). К изданию журнала «Невский зритель» (1820—1821) Рылеев не имел касательства, но напечатал в нем ряд своих стихотворений («К временщику», «К другу», «Заблуждение», «Жестокой»).

Опубликовано В. И. Масловым в его книге: «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева», К. 1912, Приложения, стр. 92.

Николай Федорович и В. А. Труфанов — повидимому, подгоренские знакомые и соседи Тевяшовых.

Иван Михайлович — Тевяшов, брат жены Рылеева.

21

Булгарину (20 июня 1821 г.; стр. 457). «Русская старина» 1871, I, стр. 65—71.

Александр Федорович — Воейков, издатель «Сына отечества» (см. стр. 779).

Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859) — писатель и журналист. Поляк по происхождению. Воспитывался в I кадетском корпусе. Участвовал в походах

1805—1807 гг. в гвардейском уланском полку, в 1811 был переведен в армию. Сражался в 1812 г. против русских в польском легионе, сформированном Наполеоном. С 1820 г. обосновался в Петербурге. Редактировал «Сын отечества» (1825—1840), «Северный архив» (1822—1824), «Литературные листки» (1823—1824) и др. Булгарину принадлежит несколько нравоописательных «плутовских» романов: «Дмитрий Самозванец» (1830), «Иван Выжигин» (1829), «Петр Иванович Выжигин» (1831) и др. В историю русской журналистики Булгарин вошел как фактический агент III Отделения, пресмыкавшийся перед николаевской жандармерией, писавший доносы на своих политических противников — Пушкина, Полевого, Белинского, Некрасова и многих других, считавший все средства годными в борьбе с личными врагами и конкурентами издававшейся Булгариным и Гречем газеты «Северная пчела». Как и Греч, Булгарин отражал политическую идеологию зажиточной буржуазии в эпоху «диктатуры крепостников», «не за страх, а за совесть» поддерживающей этот режим. Как и Греч, Булгарин в последние годы царствования Александра I под влиянием свободомыслия дворянской «левой», силился казаться либералом. «В то время, — писал Греч,— жалобы на правительство возглашались громко... Если бы сослать всех тех, которые слышали о сумасбродных замыслах и планах того времени, не нашлось бы места в Сибири. Меня первого следовало бы сослать в Нерчинск, а Булгарина, конечно, и далее».

Рылеев познакомился с Булгариным в 1820 г. в Вольном обществе любителей российской словесности. Предположение В. И. Маслова о том, что с Рылеевым они могли познакомиться уже в I кадетском корпусе, где Булгарин «обучался в течение 1798—1806 гг.» (Маслов, стр. 87), кажется нам маловероятным: в 1804 г., когда Булгарин назначен был в армию, девятилетний Рылеев был кадетом одного из самых младших отделений. Первые годы знакомства Рылеева и Булгарина отмечены все возрастающей близостью. Рылеев переводит польское стихотворе-

ние Булгарина «Путь к счастию». Два письма к Булгарину из Острогожска, от 20 июня и 8 августа 1821 г., написаны в самом дружеском тоне. Булгарин сотрудничает в «Полярной звезде» на 1823 г. [«Раздел наследства (восточная повесть), «Военная шутка» (невымышленный анекдот), «Освобождение Трембовли» (истинное происшествие)]. Булгарину посвящены две думы Рылеева — «Мстислав Удалый» и «Михаил Тверской». Неблаговидный поступок Булгарина с А. Ф. Воейковым *(см. стр. 781)* раскрыл Рылееву глаза на нравственность его «друга». Письмо его к Булгарину от 7 сентября 1823 г. сигнализирует разрыв («...нам должно расстаться... прошу тебя забыть о моем существовании, как я забываю о твоем: по разному образу чувствования и мыслей нам скорее можно быть врагами, нежели приятелями»). Наступает полуторагодичный разрыв отношений. Потому ли, что Булгарин чувствует себя виновным (дальнейшие униженные выражения письма его к Рылееву дают основание это предполагать), выход в свет в начале 1825 года «Дум» и «Войнаровского» он встречает восторженными критическими отзывами: «Издание «Дум» г. Рылеева есть драгоценный подарок для русских патриотов. Любовь к отечеству и чистейшая нравственность суть отличительные черты его сочинения» («Северная пчела» 1825, № 37). «Вот истинно национальная поэма! — писал Булгарин о «Войнаровском»... — Это чистая струя, в которой отсвечивается душа благородная, возвышенная, исполненная любви к родине и человечеству... Творение достойно хвалы, поэт — уважения и благодарности» («Северная пчела» 1825, № 32). Такое содержание этих отзывов произвело впечатление на П. А. Муханова. «Весьма сожалею о твоей ссоре с Рылеевым, — писал он Булгарину 16 февраля 1825 г. — Нельзя ли помириться? Жаль мне особенно потому, что ты, сколько я вижу из твоего письма, имеешь о нем справедливое мнение, — и, уважая друг друга, вы ссоритесь» («Русская старина» 1888, декабрь, стр. 590). Рылеев также был тронут «беспристрастием» Булгарина и первый предложил ему поми-

риться. «Вижу, что ты попрежнему любишь меня, ничто другое не могло заставить тебя так лестно отозваться о поэме, и это обязывает меня благодарить тебя и сказать, что и я не переставал и верно не перестану любить тебя». Однако прежняя близость между ними уже не могла возобновиться, и правдоподобно звучит сообщение Греча, что в 1825 г. Рылеев, раздраженный верноподданическими выходками «Северной пчелы», «сказал однажды Булгарину: «когда случится революция, мы тебе на «Северной пчеле» голову отрубим» («Записки...» Н. И. Греча, стр. 450). Булгарин не имел касательства к Северному обществу. «Я, — показывал Каховский, — часто видел г. Булгарина у Рылеева, но всегда слышал, что в нем сомневались» («В. Д.», I, стр. 338). В последний раз Булгарин встретился с Рылеевым за несколько часов до ареста последнего после разгрома восстания. «Когда кончилась драка, Рылеев скитался не знаю где, но к вечеру пришел домой. У него собралось несколько героев того дня, между прочим, барон Штейнгель: они сели за стол и закурили сигары. Булгарин, жестоко ошеломленный взрывом, о котором он имел темное предчувствие, пришел к нему часов в восемь и нашел честную кампанию, преспокойно сидящую за чаем. Рылеев встал, преспокойно отвел его в переднюю и сказал: «Тебе здесь не место. Ты будешь жив, ступай домой. Я погиб! Прости! Не оставляй жены моей и ребенка». Поцеловал он его и выпроводил из дому» («Записки о моей жизни» Н. И. Греча, стр. 376—377).

Булгарин был обладателем значительной части рылеевских рукописей. Этот его архив был опубликован П. А. Ефремовым в «Русской старине» 1870—1872 гг.

Николай Михайлович Карамзин (1766—1826) — русский писатель и историк. Родился в дворянской семье, в 1788—1790 гг. много путешествовал по Западной Европе; результатом его путевых впечатлений явились «Письма русского путешественника». Вернувшись в Россию, издавал «Московский журнал», альманахи: «Аглая», «Аониды», с 1804 был редактором и издателем журнала

«Вестник Европы». Шумную славу доставили Карамзину его повести: «Бедная Лиза», «Наталья — боярская дочь» и др., сыгравшие определяющую роль в становлении дворянского сентиментализма конца века. Большой художественной заслугой Карамзина была выработка им нового литературного языка. Выражая интересы широкой массы среднего дворянства, Карамзин повел решительную борьбу с языковым пуризмом классиков и всей своей литературной деятельностью внедрил новый словарь и синтаксис в оборот русской литературы. Политические воззрения Карамзина не были лишены на раннем своем этапе известного либерализма; однако впечатления Великой французской революции и, особенно, боязнь возникновения под ее влиянием новой русской «пугачевщины», быстро перевели Карамзина на позиции защиты крепостнической системы, лишь внешне приукрашенные сентиментальной фикцией «взаимной любви» помещиков и крестьян. С 1803 г. Карамзин работает над многотомной «Историей Государства Российского». Первые восемь томов ее были напечатаны в 1816 г. и встречены шумным восторгом. В двадцать пять дней был распродан весь тираж (3000 экземпляров,— цифра в тех условиях не малая). Уже в 1818—1819 гг. выходит второе издание этих томов Слёнина. В 1821 г. напечатан IX том, в 1824 — X и XI. Последний XII том опубликован уже после смерти историка в 1829 г. «История Государства Российского» не имеет специально научного значения, будучи в значительной степени художественной популяризацией исследований предшествующих Карамзину историков — князя Щербатова, Миллера и других. Как показывает уже самое ее название, это — история роста и укрепления феодально-крепостнического государства, изображенная Карамзиным с исключительным сочувствием монархическим тенденциям. Эта историческая аналогия самодержавия была уже очевидна и некоторым современникам: так, молодой Пушкин писал в эпиграмме, что изящество и простота карамзинской «Истории» «доказывают нам без всякого пристрастия

необходимость самовластья и прелести кнута». Но знаменательно, что тот же Пушкин, изжив свои либеральные увлечения, посвящает своего «Бориса Годунова» «священной для России памяти Карамзина». Для читателей и литераторов Карамзин историк был «единственной и недостижимой силой» (П. П. Вяземский). «И я так плакал в восхищеньи, когда скрижаль твою читал, и гений твой благословлял в глубоком сладком умиленьи» (Батюшков, «К Карамзину», 1818, стр. 144—145).

Широкой популярностью пользовался Карамзин и у декабристов. Многие из них понимали консервативные тенденции карамзинского труда, но стремились использовать те места «Истории», в которых говорилось о высоких движениях сердца, о борьбе угнетенных россиян с коварными иноплеменниками, о князьях, изменивших «мудрым» принципам самодержавия. Так, не случайно самым шумным успехом у членов тайных обществ пользовался IX том «Истории», повествующий о жестокостях Иоанна Грозного, вследствие своей болезни низвергнувшегося в «бездну тиранства». «Девятый том, — писал впоследствии Н. И. Лорер, — жадно читали, так что, по выражению одного из товарищей, в Петербурге оттого только такая пустота на улицах, что все углублены в царствование Иоанна Грозного». «В то время явился феномен небывалый в России— девятый том «Истории Государства Российского», смелыми, резкими чертами изображавший все ужасы неограниченного самовластия одного из великих царей, открыто наименовавший тираном, какому подобных мало представляет история» (из письма барона В. И. Штейнгеля Николаю I из крепости 11 января 1826 г., сб. «Общественные движения в России в первую половину XIX века», т. I, Спб. 1905, стр. 488).

«История Государства Российского» оказала могущественное воздействие на «Думы» Рылеева. Влияние это было и идеологическим, и фразеологическим: оно сказывалось и в трактовке характеров или оценке событий, и в подробностях языка, в различных выражениях и обо-

ротах, в массе заимствованных Рылеевым из «Истории». Если исключить восемь дум на сюжеты, начиная с «Ивана Сусанина», которые просто не вошли в «Историю» Карамзина, законченную 1811 годом, то из тринадцати остальных дум одиннадцать, то есть все, за исключением «Бояна» и «Глинского», испытали сильное воздействие Карамзина. Правда, Рылеев модифицировал карамзинское изложение, подчеркивал неизмеримо сильнее гражданские мотивировки, но взглядов Карамзина он не преодолел, и это обусловило многие художественные дефекты этого жанра (см. подробнее в нашей вступительной статье). Глубоко положительное отношение к Карамзину Рылеев сохраняет до своей смерти. В двух письмах из крепости он просит жену прислать ему все одиннадцать томов «Истории» Карамзина, и в библиотеке Рылеева имелось два экземпляра «Истории», один из которых был испорчен во время наводнения 1824 г. О знакомстве Рылеева с Карамзиным нам ничего неизвестно, хотя возможно, что они встречались, например, у Н. И. Греча. Нет сомнения, однако, что к творческим исканиям Рылеева и особенно к его политическим воззрениям Карамзин относился резко отрицательно. Порукой тому является как его реакционная «Записка о древней и новой России», так и специальные отзывы о восстании на Сенатской площади: «Новый император, — писал он 19 декабря 1825 г., — оказал неустрашимость и твердость. Первые два выстрела рассеяли безумцев с «Полярною звездою», Бестужевым, Рылеевым и достойными их клеветами... Я, мирный историограф, алкал пушечного грома, будучи уверен, что не было иного способа прекратить мятеж» (письмо Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, Спб. 1866, стр. 411). И другое заявление Карамзина, прекрасно характеризующее отношение мирного историографа крепостнической России к восстанию, руководимому Рылеевым: «Бог спас нас 14 декабря от великой беды. Это стоило бы нашествия французов» («Старина и новизна», Спб. 1897, I, стр. 169).

Дума «Курбский», которую в этом письме сообщает Булгарину Рылеев, несколько отличается от первопечатного текста думы: строфа 2-я: «Далеко родины драгой; далеко от подруги милой»; строфа 6-я: «И мрачность на моем лице и самое веселье множит».

22

Булгарину (8 августа 1921 г.; стр. 458). «Русская старина» 1871, I, стр. 68—69. Письмо, замечательное резкостью, с которой Рылеев отзывается о неугомонном и ненасытном роде приказных, о грабеже провинциальной администрацией населения. Ср. с письмом к жене от 25 ноября 1820 г., в котором Рылеев условливается с женой о даче взятки «одному секретарю сенаторскому».

«Ни хищные татарские орды... Ни твои давно просвещенные соотечественники» — Ф. В. Булгарин родом был поляк.

23

Матери (15 октября 1821 г.; стр. 460). Опубликовано В. И. Масловым в его книге «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева», К. 1912, Приложения, стр. 93—94.

«Пусть Наташинька скорее едет» — Н. М. Рылеева летом 1821 г. гостила в сельце Батове, петербургском имении матери Рылеева.

24

Матери (26 марта 1822 г.; стр. 460). Опубликовано в «Былом» 1925, № 5/33.

Рыжко — лошадь, принадлежавшая Н. М. Рылеевой и издохшая весной 1822 г.; см. следующее письмо.

«Праздник» — пасха 1822 г.

25

Матери (1822 г.; стр. 460). Ефр. [1], стр. 280—281, с сокращениями. Письмо может быть предположительно датировано мартом или началом апреля 1822 г. Рылеев

извещает мать, что муж сестры его жены Настасьи Михайловны Тевяшовой, Александр Данилович (Коренев), «скончался на второй неделе поста, 23 февраля», и поздравляет ее «с наступающим праздником», то есть с пасхой.

26

Жене (28 июня 1822 г.; стр. 462).

Иванька — кучер, везший Рылеева в Харьков.

Алексей Михайлович — старший брат жены.

Адольф Иванович Роберти — содержатель харьковского пансиона, в котором воспитывался младший брат Тевяшовых, Михаил.

Васька — очевидно, дворовый, приставленный к Мишеньке Тевяшову.

Поездка Рылеева в Киев имела целью урегулирование дел с иском княгини Голицыной.

27

Жене (7 июля 1822 г.; стр. 464).

Опубликовано с сокращениями (Ефр. [1], стр. 281—283). По содержанию непосредственно связано с предыдущим.

М. А. — Михаил Андреевич Тевяшов *(см. стр. 761)*.

Сестрица — Настасья Михайловна Тевяшова.

28

Е. А. Баратынскому (6 сентября 1822 г.; стр. 464). «Петербургский вестник» 1861, № 14, стр. 314. Стихотворения Баратынского «Рим», «К Хлое» и «Признание» были напечатаны в «Полярной звезде» на 1823 г.

Баратынский Евгений Абрамович (1800—1844)— один из крупнейших поэтов 20—30-х годов, чрезвычайно высоко ценимый Пушкиным. Родился в помещичьей семье. Учился в пансионе и в Пажеском корпусе, из которого был исключен за кражу. Служил в лейб-гвардии Егерском полку.

Точная дата знакомства Рылеева с Баратынским неизвестна. Возможно, что оно произошло в Вольном обще-

стве любителей российской словесности, во всяком случае, не позднее половины 1822 г. Письмо Рылеева к Баратынскому от 6 сентября выдержано в шутливо-дружеском тоне. Имя Баратынского фигурировало уже в «Пустыне» в перечислении любимых Рылеевым поэтов: «То Баратынский милый». Баратынский деятельно сотрудничал в издававшемся Рылеевым и А. А. Бестужевым альманахе «Полярная звезда» — в первом (на 1823 г.) были помещены его «Весна» и «К Дельвигу», на 1824 г. — «Истина», «Аглае», «Рим», «Признание»; на 1825 г. — «Елисейские Поля», «Девушка, которой имя было Аврора», «Д—у», «Л—ой», «Стансы», «Зима» (отрывок из повести «Эда»). В «Звездочке» печатался эпилог к стихотворной повести «Эда». В октябре 1825 г. фон Бриген писал Рылееву: «Не забудьте выслать мне один экземпляр сочинений Баратынского, есть ли это правда, что они вами издаются» (Маслов, Приложения, стр. 98). Слух этот, распространенный Ф. В. Булгариным, был, однако, неверен. Большой близости между Рылеевым и Баратынским не было; гражданственные опыты Рылеева резко расходились с поэзией Баратынского, в которой философская рефлексия так причудливо сочеталась с интимной любовной лирикой.

«Милый Парни» — шутливое прозвище Баратынского, не вполне к нему подходящее, но свидетельствующее о популярности Парни в среде пушкинской плеяды.

29

Немцевичу (11 сентября 1822 г.; стр. 466). Напечатано A. Krauschar'ом по оригиналу, найденному им в родовом архиве Немцевичей в Скоках, под Брест-Литовском (Obrazy i widerunki historyczne z illustracyami. Warschawa. Ryleiem i Niemcewicz, стр. 330). В русской печати см. Ю. У., «Литературный вестник», т. VII, 1904, кн. 11 («Из русской печати», стр. 45—46; перепечатано из «Русских ведомостей» 1904, № 81). Перепечатано Масловым, стр. 177. Ср. Либрович, «Вестник литературы», изд. Вольфа, 1916, № 4, стр. 90.

Немцевич отвечал на письмо Рылеева следующим чрезвычайно любезным образом: «Милостивый государь! Я имел честь получить письмо ваше с приложенным отличным переводом Думы Глинского. Честь, оказанная моим слабым рифмам переводом оных, и похвальные выражения ваши возбуждают во мне наиживейшую благопризнательность. Лестно для меня находить в единоплеменном народе сердца и намерения, которые побеждают все предубеждения и предрассудки, посвящаясь наукам и славе отечества. Достойные товарищи ваши и вы, милостивый государь, сами имеете открытое поле для прославления в радостных и поэтических песнях. Вы суть сыны обширнейшего на земном шаре государства; первые в могуществе и силе, вы можете свету повелевать, а я, житель совершенно исчезнувшего королевства, по течению жизни моей, встретившей только огорченья и обманчивые упования, нахожу единственно в протекших веках похвальные, но ныне печальные напоминания. Последуйте по мне, мужи с вознесенным челом, на славном поприще вашем, а мне седому и слабому старцу, возвесившему на плачевной вербе свою лютню, остается токмо под сенью древес искать защиты и ожидать последнего часа: счастлив, если перед кончиною моею узрю озарение спокойного неба на человеческое поколение.

Прошу вас, милостивого государя, принять паки уверения благодарности и высокого уважения, с коими имею честь быть, милостивый государь, ваш покорнейший слуга Юлиан-Урсин Немцевич. Дан в Варшаве 30-го октября 1822 г.».

Немцевич Юлиан Урсин (1758—1841) — польский политический деятель и писатель. Во время войн за раздел Польши принимал деятельное участие в военных действиях, был адъютантом Костюшки, вместе с ним был ранен и пленен. Проводил заключение в Петербурге, после освобождения эмигрировал в Америку; позднее возвратился в Варшаву. Борец за права шляхетской Польши, Немцевич защищал ее идеологию в своих лите-

ратурных произведениях — трагедиях и лирико-эпических поэмах. Из последних особенной популярностью в Польше пользовались «Исторические песни» («Spiewy Hystoryczne»), появившиеся в 1816 г. и дважды повторенные в течение трех лет. Популярность исторических песен Немцевича была чрезвычайно значительна: русский обозреватель польской словесности видел в них «единственное в своем роде творение, коим доселе ни один народ еще похвалиться не может» («Сын отечества» 1820, ч. 63, «Краткое обозрение польской словесности», стр. 255). Тенденция песен Немцевича, посвященных скорби по утраченной свободе польского народа и воспеванию былого ее могущества и подвигов ее защитников, обратила на себя внимание Рылеева, всегда с большим сочувствием относившегося к национальным движениям Запада. Впечатление от Немцевича было тем более плодотворным, что оно падало на вполне подготовленную почву. Еще в 1815 г. во время своего пребывания в городе Несвиже Рылеев изучил польский язык, который вместе с французским «знал основательно» (Д. И. Кропотов, «Несколько сведений о Рылееве», «Русский вестник» 1869, кн. 3, стр. 235). Уничтожение польской независимости, с одной стороны, особая роль Польши во время войны с Наполеоном и заботы Александра I — с другой, привлекли внимание русской дворянской общественности к этой стране. Польский язык становится особенно модным, польские писатели и ученые принимаются в русском обществе, польской литературой усиленно интересуются русские журналы (см. книгу В. И. Маслова, стр. 170—175; В. И. Веселовского — «Очерки современной польской литературы»; А. Пыпина — «История русской этнографии», Спб. 1891, т. III, стр. 114 и др.). Связи Рылеева с польской литературой могли итти и через его друзей: А. А. Бестужева, бывшего в Польше, и О. М. Сомова, читавшего польские журналы (Маслов, стр. 242). Нужно, наконец, отметить, что усиленный интерес к Польше замечался и у декабристов. Вопрос об отношении к польской независимости был,

как известно, камнем преткновения между южанами, отдававшими независимой Польше ряд западно-русских земель, и более националистически настроенными северянами, которые против этого решительно возражали.

А. И. Сиротинин, специально исследовавший вопрос об отношении Рылеева к поэзии Немцевича, считал вероятным, что Рылеев ознакомился с историческими песнями уже во время своего пребывания в Несвиже («Русский архив» 1898, кн. I, стр. 68). Точное установление этого факта затруднительно, но несомненно, что Рылеев ознакомился с ними до 1821 г. Примечание, которое Рылеев написал для отдельного издания думы «Глинский» (перевод с польского К. Рылеева, Спб. 1822), гласит: «более неудачное подражание, нежели перевод прекрасной думы Юлиана Немцевича. Глинский по своему влиянию на дела России и Польши, равно принадлежит истории обоих сих государств. Измена его отечеству и гибельный конец весьма поучительны: это побудило меня сию пьесу Немцевича присовокупить к тому собранию дум, которое делаю я, избирая предметы из отечественной истории». Переведя думу Немцевича, Рылеев послал ее автору с своим собственным письмом *(см. стр. 466)*, после которого между ними завязалась краткая, но выразительная переписка: до нас дошли два письма Рылеева к Немцевичу от 22 сентября 1822 г. и января 1823 г. и ответ Немцевича на первое письмо от 30 октября 1832 г. Эти письма и предисловие, которое Рылеев предпослал отдельному изданию «Дум», не составляют сомнения в тех намерениях, которые заставили Рылеева обратиться к творчеству Немцевича. Рылеев ценил в Немцевиче его деятельность «Тиртея», — песни, возбуждающие в сердцах «сограждан» любовь к отечеству и усердие к «общественному благу». Эта фразеология вообще чрезвычайно традиционна для Рылеева и подчеркивает, что Немцевич использовался им в специальных литературных и политических целях. Самое влияние Немцевича на Рылеева не было особенно широко; это было несомненно

обусловлено различием их творческих устремлений. Воспевание феодальных доблестей, столь частое у Немцевича, его батализм не могли, конечно, всецело удовлетворить автора «Дум»; но в плане общепатриотической тенденции, в выработке жанра и развитии многих более ранних батальных песен произведения Немцевича, несомненно, сыграли крупную роль. Подробный сравнительный анализ см. в вышеуказанной статье Сиротинина; исследование личных связей обоих поэтов см. в указанной выше книге Kraushar'а, который открыл в фамильном архиве Немцевича письмо к нему Рылеева.

30

П. П. Свиньину (24 декабря 1822 г.; стр. 467). Опубликовано В. И. Масловым в книге «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева», К. 1912, Приложения, стр. 94.

П. П. Свиньин (1787—1839) — первый издатель журнала «Отечественные записки», руководимого им в откровенно консервативно-дворянском направлении. «Русский альманах» — «Полярная звезда» на 1823 г., вышедшая в свет в начале декабря 1822 г., — цензурное разрешение подписано 30 ноября.

31

Немцевичу (января 1823 г.; стр. 468). Сохранилось в архиве Ивановского. Опубликовано В. Е. Якушкиным, «Вестник Европы» 1888, кн. XI, стр. 202—203. Это второе письмо Рылеева к польскому поэту написано в ответ на письмо Немцевича от 30 октября 1822 г., в котором тот благодарил Рылеева: «честь, оказанная моим слабым рифмам... и похвальные выражения ваши возбуждают во мне наиживейшую благодарность. Лестно для меня находить в единоплеменном народе сердца и намерения, которые побеждают все предубеждения и предрассудки, посвящаясь наукам и славе отечества... Последуйте ко мне, мужи с вознесенным челом, на славном поприще вашем, а мне, седому и слабому старцу, возвесившему на плачевной

вербе свою лютню, остается токмо под сенью древес искать защиты и ожидать последнего часа; счастлив, если перед кончиною моею узрю озарение спокойного неба на человеческое поколение».

Т и р т е й — древне-греческий поэт, своими стихами воодушевлявший сражавшихся спартанцев.

32

А. Ф. В о е й к о в у (1 декабря 1823 г.; стр. 469). Опубликовано по автографу, принадлежавшему Н. К. Мавроди, принесенному Н. М. Белозерским в дар Черниговской архивной комиссии («Труды» последней, вып. II, 1899—1900, стр. 25. Перепечатано Масловым, стр. 92).

В о е й к о в Александр Федорович (1778 — 1839) — журналист и критик. Родился в родовитой дворянской семье. Воспитывался в Московском благородном пансионе. В течение нескольких лет преподавал русскую словесность в Дерптском университете. В 1820 г. отдался литературной деятельности. Член «Арзамаса». Соиздатель «Сына отечества» (вместе с Гречем до начала 1822 г.). Редактор журнала «Новости литературы» и газеты «Русский инвалид» (1822—1838).

Знакомство Рылеева с Воейковым датируется приблизительно 1820 или началом 1821 г.: 20 июня 1821 г. в письме к Булгарину из Острогожска Рылеев просит его «засвидетельствовать почтение в числе прочих добрых людей» «также Александру Федоровичу». В следующем письме, посылая Булгарину «несколько безделок», он просит, если годятся, отдать их Александру Федоровичу для «Сына отечества». А. Ф. Воейкову Рылеев обязан напечатанием более чем половины своих «Дум»: в «Новостях литературы» им были помещены: «Олег Вещий», «Ольга на могиле Игоря», «Михаил Тверской», «Димитрий Самозванец», «Волынский» и «Наталья Долгорукова»; в «Русском Инвалиде»: «Смерть Ермака», «Богдан Хмельницкий», «Артемон Матвеев»; в «Сыне отечества»: «Святополк Окаянный», «Курбский» и, уже после ухода Вое-

кова, из журнала — «Державин». Печатая в «Русском инвалиде» 1822, № 14, «Смерть Ермака», Воейков сопроводил ее таким примечанием: «Сочинение молодого поэта, еще мало известного, но который станет рядом с старыми и славными». Воейков ввел Рылеева в свой литературный салон, о чем свидетельствует и письмо Рылеева к нему от 1 июля 1823 г.

Жене Воейкова, урожденной А. А. Протасовой («Светлана»), Рылеевым была посвящена «Рогнеда». Рылеев относился к Воейкову, со своей стороны, дружески, решительно встав на его сторону в конфликте его с Булгариным. Имя Воейкова упоминается в списке любимых авторов в «Пустыне»: «Воейков-Буало». Ставя Воейкова в связь с «грозой французских рифмачей», Рылеев, несомненно, имел в виду сатирические произведения Воейкова, снискавшие ему широчайшую известность в русской литературе первой четверти века: «Парнасский адрес-календарь» (1818—1820) и особенно «Дом сумасшедших» (первая редакция 1814 г.). Оба произведения, написанные в тоне желчной издевки над множеством литераторов той поры (см. их в новейшем издании «Academia» «Эпиграмма и сатира», составленном Н. Орловым, стр. 508—552), вероятно, были хорошо известны и Рылееву.

Будучи одним из издателей Рылеева, Воейков, в свою очередь, был одним из авторов «Полярной звезды». В альманахе на 1823 г. был помещен его перевод из «Делилевой поэмы», «Воображение», «Прелесть ужаса»; в «Полярной звезде» на 1824 г. — «Четыре возраста человеческих».

33

Булгарину (7 сентября. 1823 г.; стр. 469). «XIX век», кн. I, Спб. 1872, стр. 365—368. Раздраженный тон Рылеева и содержание этого письма объясняются мошенническим поступком Булгарина с А. Ф. Воейковым. Последний поссорился с Н. И. Гречем и, оставив сотрудничество в «Сыне отечества», благодаря хлопотам В. А. Жу-

ковского, на племяннице которого был женат, получил редакторство в «Русском инвалиде». Булгарин подал прошение в Комитет о раненых об отдаче ему в аренду издания «Русского инвалида», обязуясь платить вдвое того, что получается от Воейкова. Друзья Воейкова и Жуковский пришли в негодование от этого поступка Булгарина, и благодаря их настояниям он должен был отказаться от своего предложения.

На следующий день, 8 сентября 1823 г., Булгарин ответил Рылееву письмом, в котором он оправдывался в резких фразах по его адресу тем, что он «погорячился».

«Любезный Кондратий Федорович! Я вчера погорячился, но ты сам подал к тому повод. Долг дружбы велит советовать наедине, а молчать в свете. Разрыв дружбы знаменуется явными жалобами и нареканиями: а ты, в укор мне и Гречу, сказал, что мой поступок подл, и что Греч первая причина. Этого не позволяет говорить ни дружба, ни родство. Ты волен разорвать со мною всякую связь, а я долгом поставляю объявить тебе: 1-ое, что если ты полагаешь, что я тебя обидел, то прошу у тебя прощения (не из трусости, ибо я никого, нигде и ни в чем не струсил и не струшу, исключая тех, которые имеют у себя 300 000 войска), но из любви моей к тебе; ибо хоть ты будешь меня ненавидеть, а я всегда скажу, что ты честный и благородный и добрый человек, которого я сердечно любил и люблю; 2-ое, я тебя никогда не поставлю на одну доску с Воейковым и вонючим Слениным, от которого за три версты несет толкучим рынком, в котором нет ни совести, ни деликатности на грош. А потому не думай, чтобы я сохранил против тебя что-нибудь в душе, кроме уважения; 3-е, если ты, прервав со мною связь, не захочешь со мною видеться, то поручи Бестужеву отдать мне статьи для процензирования Бирукову в Полярную Звезду. Ему же отдам и мои пиесы. Отпечатки отошлю в Палату. Прости, брат, и помни, что ты другого Булгарина для себя не найдешь в жизни. Анатомируй как хочешь всех до единого своих друзей — Булгарину

все еще много останется. — Ф. Булгарин». Как мы видим, по существу вопроса Булгарин не ответил. Рылеев это, несомненно, понял и надолго прекратил с ним прежние дружеские отношения. См: передачу конфликта Воейкова с Булгариным в «Записках о моей жизни» Н. И. Греча.

34

М. М. Тевяшовой (20 сентября 1823 г.; стр. 471). Опубликовано Н. В. Измайловым в сб. «Памяти декабристов», изд. Академии Наук, т. I, стр. 142. Датируется на основании письма на другой половине того же листа жены Рылеева к ее родным, дата на котором обозначена.

Александр — сын Рылеева, родился около 1 сентября 1823 г. («Рылеева вам кланяется, она родила Александра» — писал сестрам А. А. Бестужев 3 сентября 1823 г. — «Памяти декабристов», т. I, стр. 41), умер 6 сентября 1824 г.

Настенька — дочь Рылеева, жила в это время у бабушки.

35

Матери (октябрь 1823 г.; стр. 471). Опубликовано В. И. Масловым в его книге «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева», К. 1912, стр. 94. Дата предположительна: сын Александр родился у Рылеевых около 1 сентября 1823 г. (см. примечание к предыдущему письму). Ода Рылеева «Видение» напечатана в «Литературных листках» 1823, № 3, и, кроме того, отдельными оттисками на четырех страницах in 4°, которые он и раздавал своим друзьям и родным.

36

И. М. Тевяшову (октябрь 1823 г.; стр. 472). Адресат — брат жены Рылеева; содержание письма аналогично с предыдущим.

37

В. И. Туманскому (3 октября 1823 г.; стр. 472). Опубликовано дважды: Б. Л. Модзалевским в «Былом» 1925, № 5/33, стр. 35—36 (по копии Л. Н. Майкова) и в

сб. «Декабристы», «Прибой», Л. 1926, стр. 18—19 (оригинал, по которому мы и печатаем письмо). Копия изобилует неправильностями («катула» вместо «консула», нет приписки о Дельвиге и т. д.).

Туманский Василий Иванович (1800—1860) — дворянский поэт школы Батюшкова, автор многочисленных лирических стихотворений, написанных в духе легкого классицизма. Познакомился с Рылеевым в Спб. вольном обществе любителей российской словесности. Читал в заседании Общества 22 мая 1823 г. отрывок из поэмы «Войнаровский». Туманский чрезвычайно интересовался творческой работой Рылеева. «Кончил ли Рылеев «Войнаровского» и как кончил?» — спрашивал он А. А. Бестужева в письме от 18 сентября 1823 г. из Одессы. С лета 1823 г. Туманский служил в Одессе в канцелярии графа Воронцова. Ему адресовано два рылеевских письма — от 3 октября 1823 г. и 15 января 1825 г. В. И. Туманский был деятельным сотрудником «Полярной звезды»: в альманахе на 1823 г. были помещены стихотворения: «Милой деве», «Видение»; на 1824 г. — «К ней», «На память Марии», «Одесса», «Зинаиде», «Воспоминания», «Эпиграмма», «В августе»; на 1825 г. — «Элегия», «Постоянство». В «Звездочке» должны были быть напечатаны «К С ***» и «Греческая ода».

Близкий друг Рылеева, Туманский был потрясен известием о его смерти. 10 августа 1826 г. он послал из Москвы своей родственнице копию предсмертного письма Рылеева жене, которое «здесь ходит по рукам и читается с жадностью».

Бируков Александр Степанович (1772—1844) — цензор Спб. цензурного комитета (1821—1826), отличавшийся крайней реакционностью и сильно придиравшийся к произведениям, которые ему почему-либо казались «вольными». Пушкин воспел Бирукова в язвительной эпиграмме:

Тимковский царствовал и все твердили вслух,
Что вряд ли где ослов найдешь подобных двух.

Явился Бируков, за ним вослед Красовский.
Ну право их умней покойный был Тимковский.

Рылеев в течение нескольких лет сталкивался с Бируковым как издатель «Полярной звезды»; 30 ноября 1822 г. Бируков подписал цензурное разрешение на выход в свет «Полярной звезды» на 1823 г.; два других альманаха были подписаны им соответственно 20 декабря 1823 г. и 20 марта 1824 г. Бируков не пропустил в первом альманахе «сатиры» Баратынского, которую Рылеев послал Баратынскому для выправления, но которая так и не появилась в «Полярной звезде», равно как и «три новые пьесы Пушкина» (письмо от 6 сентября 1822 г.). 3 октября 1823 г. Рылеев писал В. И. Туманскому: «Боюсь за Послание к К. и именно за то место, где исступленный любовник «клянет ревнивого супруга или докучливую мать». Бируков цензор — деспот и *ревнивый* муж. [Очевидный намек на личные свойства Бирукова. — *А. Ц.*]. Страшусь также за стихи к Иностранке, где есть слово боготворить: оно верно не будет пропущено. Попроси Пушкина, чтобы он пожертвовал им для «Полярной звезды». П. Бартенев в примечании к изданному им письму Рылеева к Булгарину от 8 сентябри 1823 г. сообщил: «Покойный П. А. Плетнев передавал нам, что цензора Бирукова подкупали, дабы он снисходительнее рассматривал «Полярную звезду» (сб. «Девятнадцатый век», кн. I, М. 1872, стр. 368). Судя по приведенным отзывам Рылеева, верность этого сообщения Бартенева сомнительна. Бируков, пропустивший в печать «Исповедь Наливайки» в «Полярной звезде» на 1825 г., подвергся за это взысканиям (подробнее см. в комментарии к поэме «Наливайко»).

Письмо Туманскому изобилует литературными подробностями и намеками. «П а р н а с с к и й ч у д о т в о р е ц» — А. С. Пушкин, которого Туманский убедил напечатать свои стихи в «Полярной звезде». «Р е д е д я» — вероятно, какой-нибудь литературный кружок (на письме имеется приписка А. А. Дельвига, известного поэта пушкинской поры: «Попавши случайно сегодня к первому

номеру Рededи, приписываю здесь тебе мой поклон по праву Рededи. Что-то давно от тебя нет ничего?» «Манценил» и «Милой деве» — стихотворения Туманского. «Послание к А. Алексееву» — стихотворение Пушкина, напечатанное в «Полярной звезде» на 1824 г. и до того не пропущенное цензором. Стихотворение «К иностранке» — его же. «Послание к В(асилию) Л(ьвовичу) Пушкину» — А. С. Пушкина — напечатано в «Полярной звезде» на 1824 г. (21 стих). «Турецкая песня» — вероятно, «Подражание турецкой песне» («О, дева роза, я в оковах»). «В альбом малютке» («Играй, Адель, не знай печали») — напечатано в «Полярной звезде» на 1824 г. «Иванов вечер» — баллада В. А. Жуковского — напечатана под названием «Замок Смальгольм». «Алек путешествует» — А. А. Бестужев сопровождал в Москву герцога Виртембергского. Пьесы Вяземского — в «Полярной звезде» на 1824 г. напечатано пять произведений Вяземского. «Лгун» — басня В. Измайлова, направленная против издателя «Отечественных записок», П. П. Свиньина. Федоров Б. М. (1794—1875) — малоизвестный стихотворец.

38

Жене (9 декабря 1824 г.; стр. 474). Напечатано Ефр. [1], стр. 283, с сокращениями. Петербургское наводнение 7 ноября 1824 г. (описанное Пушкиным в «Медном всаднике») сильно повредило вещи в квартире Рылеева. Друг Рылеева и помощник его по службе в Российско-американской компании, О. М. Сомов, известил его о «случившемся здесь всеобщем бедствии» 11 ноября 1824 года. (Ефр. [1], стр. 307—308).

Дуэль Чернова с Новосильцевым — *см. примечание к стих. «На смерть Чернова».*

Денис Давыдов — *см. стр. 691.*

39

Вольному обществу любителей российской словесности (10 декабря 1823 г.; стр. 474). Опубликовано Масловым, Приложения, стр. 95, по заявлению Рылеева в архиве Вольного общества любителей российской словесности, хранившемуся в библиотеке Академии Наук. Заявление написано рукой Рылеева; вверху над текстом другим почерком сделана пометка: «10 декабря 1823». В это время Рылеев был в Обществе членом цензурного комитета. В. Н. Григорьев оставил после себя воспоминания, — см. о них статью Н. К. Пиксанова, «Современник» 1925, кн. I, стр. 127—140.

О Спб. вольном обществе любителей российской словесности, его членах и деятельности см. в статье С. Н. Браиловского «К вопросу о Пушкинской плеяде» («Русский филологический вестник» 1909, т. LXI, стр. 52 — 75) и в книге В. И. Маслова, стр. 74 — 82.

40

Обществу любителей словесности, наук и художеств (1 ноября 1824 г.; стр. 475). Напечатано В. И. Масловым, Приложения, стр. 95, по заявлению, сохранившемуся в архиве Общества в библиотеке С.-Петербургского университета, рукопись № 395. Над текстом другой рукой приписано: (слушали) 1 ноября.

Сам Рылеев принят был в это Общество в 1823 г. действительным членом после представления туда перевода польской сатиры Булгарина «Путь к счастию». В Обществе любителей словесности, наук и художеств участвовали в числе других Булгарин, братья Бестужевы, Баратынский, Кюхельбекер и др. Председателем был А. Е. Измайлов.

Корнилович — Без-Карнилович Александр Осипович (1795 — 1834), с 1824 — штабс-капитан гвардейского генерального штаба. Воспитывался в Одессе в Ришельевском лицее. Собиратель исторических докумен-

тов, печатавшихся им в «Северном архиве» 1822—1824 гг. Издал совместно с В. Д. Сухоруковым альманах «Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественной истории на 1825 г.». Член Южного общества. «13 декабря, возвратясь из отпуска в Петербург, он был у Рылеева и, узнав от него, что на другой день хотят действовать, сказал: «делайте что хотите, только чтобы не было покушения против императорской фамилии». 14 декабря был на площади зрителем, но не действующим лицом. В показаниях был весьма чистосердечен» («Алфавит декабристов», «В. Д.», VIII, стр. 91). Приговорен был в каторжные работы на 8 лет, выслан в Нерчинск в марте 1827 г., но для выяснения ряда обстоятельств по записке, поданной в III Отделение Булгариным, доставлен в Петербург. В 1832 г. был зачислен в Кавказский саперный батальон, находившийся в Тифлисе. Умер от желчной горячки.

Корнилович был деятельным участником Вольного общества любителей российской словесности (в 1824—1825 состоял там цензором библиографии) и деятельным участником «Полярной звезды». В первом ее альманахе напечатана его статья «О первых балах в России», в «Полярной звезде» на 1824 г. — «Об увеселениях Российского двора при Петре I», на 1825 г. — исторический анекдот «За богом молитва, за царем служба не пропадает». Для отдельного издания «Войнаровского» [redacted] Корниловичем было написано «Жизнеописание Мазепы». Корнилович мог, как это предполагает В. И. Маслов, наталкивать Рылеева на сюжеты; например, о царевиче Алексее Петровиче им была написана специальная статья в 1821 г. (Маслов, стр. 295).

41

Жене (14 декабря 1824 г.; стр. 475). Ефр. [1], стр. 283—285, с сокращениями.

Алек(сандр) Алек(сандрович) Бестужев — друг Рылеева, соиздатель «Полярной звезды», декабрист.

Верочка — дочь Катерины Ивановны Малютиной, вдовы генерал-лейтенанта Малютина.

Саша — сын Рылеевых, скончавшийся в 1824 г. и похороненный на Смоленском кладбище (см. стихотворение «На смерть сына»).

Штейнгель Владимир Иванович, барон (1783—1862) — декабрист, член Северного общества *(см. стр. 797)*.

Старшая сестра Бестужевых — Елена Александровна (1792—1874).

42

В. И. Туманскому (15 января 1825 г.; стр. 477). Опубликовано в статье Н. Ш.: «Туманский и Мицкевич», «Киевская старина» 1899, кн. III, стр. 300. Послано В. И. Туманскому с А. Мицкевичем, который с двумя своими друзьями был выслан из Петербурга в Одессу. Письмо Рылеева написано на одном листке почтовой бумаги вместе с письмом А. А. Бестужева и датируется по последнему — «15 генваря». В. И. Туманский служил тогда в канцелярии новороссийского генерал-губернатора, гр. М. С. Воронцова. О Мицкевиче см. подробно, стр. 690.

43

Жене (27 января 1825 г.; стр. 477). Ефр. [1], стр. 285—286, с сокращениями.

Плачет о маменьке — мать Рылеева, Настасья Матвеевна, умерла 2 июля 1824 г.

Петрушка, Аксинья, Машка, Яков, Марина — дворовые Рылеевых.

Настичка — дочь Рылеевых.

44

А. С. Пушкину (начало января 1825 г.; стр. 479). Опубликовано в сб. «Девятнадцатый век», ч. I, Спб. 1872, стр. 376—382. Первое из писем Рылеева к Пушкину, если не считать краткой приписки в несохранившемся письме А. А. Бестужева к Пушкину летом 1822 г., отвезено И. И. Пущиным, отправлявшимся в Михайловское и проведшим там день 11 января 1825 г. Пушкин ответил

ему 25 января (см. ниже): «Он продиктовал начало из поэмы Цыганы для «Полярной звезды» и просил, обнявши крепко Рылеева, благодарить его за патриотические Думы» («Записки о Пушкине и письма из Сибири И. И. Пущина», М. 1925, стр. 129).

Упоминание Рылеева о Пскове (о характерности древнерусских симпатий его см. стр. 729) показывает, что Рылеев с самого начала своего сближения с Пушкиным стремился вовлечь и последнего в орбиту своих «гражданственных» замыслов.

Вопрос о знакомстве Рылеева с Пушкиным принадлежит к числу самых темных в рылеевской биографии. «Он в душе поэт. Я опасаюсь его не на шутку и жалею очень, что его не застрелил, когда имел тому случай — да чорт его знал». Эта коротенькая фраза из письма Пушкина А. А. Бестужеву 24 марта 1825 года намекает на какое-то столкновение между ними. Рылеев приехал в Петербург в конце 1819 или в начале 1820 года из Батова, родовой усадьбы своей матери; Пушкина высылают на юг в начале мая 1820 года. Между ними могла произойти дуэль в роде той, которая у молодого Пушкина была: в 1818 — с Кюхельбекером, в 1821 — с Зубовым, в 1822 — с полковником Старовым (предположение, высказанное в устной беседе с нами Ю. Г. Оксманом, вполне правдоподобное).

45

П. М. Строеву (конец января 1825 г.; стр. 479). Опубликовано в отрывках по автографу письма, хранившегося в архиве Строева Н. Барсуковым в книге «Жизнь и труды П. М. Строева». Спб. 1878, стр. 98—99. Полностью воспроизводится впервые.

Строев Павел Михайлович (1796—1876) — известный московский археограф и историк, написал для отдельного издания «Дум» Рылеева (М. 1825, в типографии С. Селивановского) исторические примечания к девятнадцати думам (исключая «Бояна» и «Петра Великого в Острогожске»). Изданием заведывал П. А. Муханов. «Когда

Строев, — как сообщает Барсуков, — по окончании печатания «Дум» приехал к Муханову за получением мзды своея, тот его не принял (не был одет!), а деньги задержал, ссылаясь на неполучение их от Рылеева. Строев обратился через посредство В. Д. Сухорукова к Рылееву». «Последний, — писал Сухоруков 26 января 1825 г., — обещал с нынешнею почтою писать к вам и уверил меня, что дело, о котором вы изволите к нему писать, он устроил уже как следует, поручив князю Оболенскому, как самое издание Дум, так и хозяйственные по оному распоряжения. Рылеев весьма винит Муханова за сделанные вам неприятности». Письмо Рылеева датируется таким образом последними числами января 1825 г.

Муханов Петр Александрович (1799—1854) — декабрист. С 1819 г. — член Союза благоденствия. Штабс-капитан лейб-гвардии Измайловского полка. По приговору Верховного уголовного суда осужден к лишению чинов и дворянства и к ссылке в каторжные работы на 12 лет; срок был смягчен Николаем до 8 лет; более года был заключен в Свеаборгской и Выборгской крепостях, 5 лет работал в Нерчинских рудниках. В конце 1832 г. обращен на поселение. П. А. Муханов живо интересовался литературой и историей; ему принадлежали некоторые статистические работы («Статистические записки о южно-русских губерниях» и др.). Связи между ним и Рылеевым не были политическими: в Северное общество Рылеев не решался принять Муханова по его «ветренности» (см., например, «В. Д.», III, стр. 146), но литературная и бытовая близость между ними была безусловно крепкой. До нас дошло несколько писем Муханова к Рылееву (см. собр. соч. Рылеева под ред. Г. Балицкого, т. II, стр. 170 сл.). Муханов распространял в Киеве «Полярную звезду» («Русская старина» 1888, т. 60, стр. 325—326). Ему принадлежит интересный отзыв о «Войнаровском», прекрасно суммирующий восприятие этой поэмы Пушкиным. Поэма «Войнаровский» обязана содействием П. А. Муханову, который помогал провести эту поэму

через цензуру. Муханову посвящена и дума «Смерть Ермака» (изд. 1825 г., стр. 91). Можно сказать, впрочем, что Муханов был довольно беззаботным другом и небрежным исполнением данных ему поручений нередко ставил Рылеева в затруднительное положение. Такова история с П. М. Строевым, которому Муханов должен был уплатить деньги за примечанйя к «Думам» и которого он не принял, а деньги задержал. Рылееву пришлось извиняться за своего друга. Такова и его помощь по продаже киевского дома Рылеева. Несмотря на то что Муханов был чрезвычайно доволен выполнением этого поручения, сообщая «любезному другу Рылеусу», что он «порядочно надул суды» (письмо от 30 марта 1825 г. к Рылееву напечатано в книге Маслова, Приложения, стр. 96—97), Рылеев считал, что по его милости... «он получил вместо 10 000 только 5000» (письмо к жене из крепости от 13 апреля 1826 г.).

46

Жене (январь — февраль 1825 г.; стр. 480). Ефр.[1], стр. 285 (с сокращениями). Дата написания — между 27 января (предыдущее письмо жене) и 10 февраля (последующее) 1825 г.

«Полярная звезда» — *см. стр. 694.*

Компания — Русско-американская компания, где Рылеев служил с конца 1824 г. правителем канцелярии.

Миллер Федор Петрович — см. письмо к матери от 18 июня 1818 г.

Бестужев Николай Александрович — декабрист, член Северного общества, брат А. А. Бестужева. Служил в гвардии *(см. стр. 808)*.

47

Жене (10 февраля 1825 г.; стр. 481). Ефр.[1], стр. 287—288 (с сокращениями). В рукописи письма дата «10 января», что несомненно представляет собою описку: как явствует из текста, оно написано после масляницы.

Кроме того, в следующем письме, от 20 февраля, Рылеев пишет жене: «Не писав к тебе более недели, спешу хоть несколько строчек написать к тебе».

Я к о в — крепостной Рылеева.

«Насчет Мишеньки мнение мое не переменилось» — «очевидно, Рылеев старался для того, чтобы иметь больше приверженцев Северному обществу» (Г. Балицкий, «Сочинения К. Ф. Рылеева», т. II, М. 1907, стр. 120); таким образом он втянул в Северное общество и Малютина *(см. стр. 833)*.

48

П у ш к и н у (12 февраля 1825 г.; стр. 482). Это письмо к Пушкину, второе по счету, послано в ответ на письмо последнего от 25 января: «Благодарю тебя за *ты* и за письмо. Пущин привезет тебе отрывок из моих Цыганов. Желаю, чтобы они тебе понравились. Жду Пол[ярной] звез[ды] с нетерпением, знаешь для чего? Для Войнаровского. Эта поэма нужна была для нашей словесности. Бестужев пишет мне много об Онегине — скажи ему, что он не прав: ужели хочет он изгнать все легкое и веселое из области поэзии? Куда же денутся сатиры и комедии? Следственно должно будет уничтожить и Orlando furioso и Гудибраса, и Pucelle и Вер-Вера и Ренике-Фукс и лучшую часть Душеньки и сказки Лафонтена и басни Крылова, etc, etc, etc, etc, etc... Это немного строго. Картины светской жизни также входят в область поэзии, но довольно об Онегине. Согласен с Бестужевым во мнении о критической статье Плетнева — но не со всем соглашаюсь с строгим приговором о Жуковском. За чем кусать нам груди кормилицы нашей? Потому что зубки прорезались? Что ни говори, Ж. имел решительное влияние на дух нашей словесни; к тому же переводный слог его останется всегда образцовым. — Ох! Уж эта мне республика словесности! За что казнит, за что венчает? Что касается до Батюшкова, уважим в нем нещастия и несозревшие надежды. — Прощай поэт» (Сочинения Пушкина, переписка

под редакцией В. И. Саитова, т. I, стр. 168; письмо от 25 января 1825 г.

«Несчастие Батюшкова» — психическое расстройство, поразившее его зимой 1821—1822 гг. В 1824 г. его отправили в лечебное заведение для душевных больных в Саксонию. Болезнь его оказалась неизлечимой, и в этом состоянии умопомешательства он пробыл до самой своей смерти (1855 г.).

Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — поэт. «Незаконный» сын помещика Бунина. Учился в Московском благородном пансионе. После недолго длившейся служебной деятельности всецело посвятил себя литературе. Поэтическое самоопределение Жуковского проходило под сильным влиянием западно-европейского сентиментализма, позднее осложненного романтизмом. Виднейший поэт и переводчик начала века, Жуковский оказал огромное влияние на дворянскую поэзию (в частности на Пушкина). О времени и месте знакомства его с Рылеевым точных сведений не сохранилось; во всяком случае, оно имело место до осени 1823 г. (в письме к Булгарину от 7 сентября 1823 г. Рылеев пишет: «Жуковский поручил мне сказать тебе...» и т. д., отзываясь с чрезвычайным уважением о «столь высокой нравственности» Жуковского). Весьма возможно, что Рылеев познакомился с Жуковским в доме А. Ф. Воейкова, с которым оба были очень близки. Ср. в письме Рылеева к Воейкову от 1 июля 1823 г.: «Желание Жуковского, Вяземского и ваше для меня закон... — и я во вторник в 8 часов ваш». Еще в своей юности Рылеев подражал патриотическим песням Жуковского («Победная песня героям» и «Любовь к отчизне» представляют собою подражание «Певцу во стане русских воинов»). В отношениях зрелого Рылеева к поэзии Жуковского можно условно наметить два этапа. На первом Рылеев еще не отходит сколько-нибудь сильно от сентиментально-элегической традиции автора «Теона и Эсхина» («Заблуждение»), от насмешек над литературными староверами (например над Хвостовым). Жуковский

получает в эти годы от Рылеева эпитет «несравненного» («Пустыня», 1821). С 1823 г. начинается сильный отход Рылеева влево, быстро сказавшийся и на его отношении к консервативной и аполитичной музе Жуковского. Характерно, например, что в обрисовке образа Вадима в неоконченной думе Рылеев порывает с характерной для Жуковского сентиментальной трактовкой образа. К 1825 г. относится любопытный спор о Жуковском между Пушкиным, который не соглашается «с строгим приговором» о Жуковском Бестужева в его «Взгляде на русскую словесность 1824 года» («зачем кусать нам груди кормилицы нашей? Потому что зубки прорезались?...»), и Рылеевым, защищавшим Бестужева и утверждавшим, что влияние его «было слишком пагубно»: «мистицизм, которым проникнута большая часть его стихотворений, мечтательность, неопределенность и какая-то туманность, которые в нем иногда даже прелестны, растлили многих и много зла наделали...» (А. С. Пушкину, 12 февраля 1825 г.). Отзыв этот глубоко характерен для уяснения литературной позиции поэта-декабриста, требовавшего от поэзии волевой устремленности, общественных гражданских чувствований — всего, от чего Жуковский всегда упорно уклонялся. — Дворянский консерватизм Жуковского прекрасно характеризуется отзывом его о декабрьском восстании. В письме к А. И. Тургеневу от 16 декабря 1825 г. он восклицает: «Какая сволочь!.. Вот имена этого сброда. Главные и умнейшие — Якубович и Оболенский, все прочие — мелкая дрянь: Бестужевы 4, Одоевский, Панов, два Кюхельбекера, Граве, Глебов, Горский, Рылеев, Корнилович, Сомов, Булатов... Тут видно бесцельное зверство. И какой дух низкий, работнички. Какими бандитами они действовали» и т. д. (Сочинения В. А. Жуковского, Пгр. 1918, т. III, стр. 528). Если верить А. О. Смирновой, Жуковский показал стихотворения Рылеева после его смерти Николаю I. Произведения Жуковского печатались в «Полярной звезде». В альманахе на 1823 г. были напечатаны: «Прощание Иоанны со своей

родиной» (из шиллеровой «Девы Орлеанской»), «Счастие во сне», «Смерть Приама» (из виргилиевой «Энеиды»), «Победитель», «Утешение», «Три путника». На 1824 г.: «Сцена из Орлеанской Девы и отрывок из «Виргилиевой Энеиды». На 1825 г.: прозаические «Отрывки из письма о Швейцарии».

Мнение о Жуковском, чрезвычайно характерное для Рылеева, подчеркивает единство литературных позиций между ним и Бестужевым, хотя последний видел в его отвлеченности «особенную привлекательность» (см. его «Взгляд на старую и новую словесность в России»).

Отрывок из «Цыган» Пушкина, начиная со стиха «Цыгане шумною толпою» и кончая «Как песнь рабов однообразной», напечатан в «Полярной звезде» на 1825 г.

49

Жене (20 февраля 1825 г.; стр. 484). Ефр. [1], стр. 288—289 (сокращено). «Полярная звезда» на 1825 г. — вышла из печати в марте 1825 г.

50

Жене (26 февраля 1825 г.; стр. 484). Ефр. [1], стр. 289—290 (сокращено).

Елена Павловна — очевидно, сестра Николая Павловича Белавина.

Александра Федоровна — сестра Марии Федоровны Белавиной — петербургской знакомой Рылеевых.

51

Жене (3 марта 1825 г.; стр. 486). Ефр. [1], стр. 289—290 (сокращено).

«Насчет раздела» — после смерти М. А. Тевяшова между его сыновьями и дочерьми намечался раздел его имущества.

«Почему сестрице не выдти за Раевского» — первый муж Настасьи Михайловны Тевяшовой умер 23 февраля 1822 г. *(см. стр. 773)*.

52

Жене (12 марта 1825 г.; стр. 487). Опубликовано Н. В. Измайловым в сб. «Памяти декабристов», изданном Академией Наук, Л. 1926, т. I, стр. 143.

53

Булгарину (между 14 и 26 марта 1825 г.; стр. 488). Критическое суждение Булгарина о «Войнаровском» было чрезвычайно сочувственным *(см. стр. 620)*. Письмо полно впечатлений о случившемся полутора годами ранее столкновении.

54

Пушкину (20 марта 1825 г.; стр. 489). Написано в ответ на несохранившееся письмо Пушкина. «Полярная звезда», о близком выходе которой Рылеев извещал, была разрешена цензором Бируковым к выходу 20 марта 1825 г., в тот самый день, когда писалось это письмо. Пушкин в письме к А. А. Бестужеву признал свою ошибку: «Скажи Рылееву, что в отношении мнения Байрона он прав. Я хотел было покривить душой, да не удалось...» (письмо от 24 марта 1825 г. из Михайловского).

55

Пушкину (25 марта 1825 г.; стр. 490). О «Цыганах» см. примечание ко второму письму Рылеева к Пушкину.

«Разбойникам» все обрадовались — отрывок из «Братьев разбойников» (начиная со стиха: «Не стая воронов слеталась», кончая стихом: «За старца брат меня молил», напечатан в «Полярной звезде» на 1825 г.).

«Звездочка» — альманах, предполагавшийся к изданию на 1826 г. взамен «Полярной звезды». Объявление о нем было напечатано в «Библиографических листах» Кеппена (1825, № 13). «Звездочки» отпечатано было 80 страниц. Единственный уцелевший ее экземпляр подарен П. А. Ефремовым в Публичную библиотеку в Ленинграде

(см. «Русский архив» 1869, № 4). Вокруг «Звездочки» возникла переписка между шефом жандармов А. Х. Бенкендорфом, начальником главного штаба И. И. Дибичем и дежурным генералом главного штаба Потаповым (см. Сочинения Рылеева под редакцией Г. Балицкого, М. 1907, т. II, стр. 149—152). Текст «Звездочки» — «Русская старина» 1883, VII, стр. 43—100.

56

Бар. В. И. Штейнгелю (март 1825 г.; стр. 490). Опубликовано В. Е. Якушкиным, «Вестник Европы» 1888, кн. XI. На письме, хранящемся в ИРЛИ, карандашная надпись неизвестной рукой, удостоверяющая, что адресатом его был В. И. Штейнгель.

«Общее собрание» — акционеров Русско-американской компании. Упоминаемые фамилии принадлежат различным деятелям компании — Гавриле Герасимовичу Политковскому, сенатору, до 1825 г. члену совета компании; Венедикту Вениаминовичу Крамеру, до 1825 г. члену совета и члену главного правления; Матвею Ивановичу Муравьеву — капитану-лейтенанту, главному правителю всех колоний и портов компании в Америке; вице-адмиралу Василию Михайловичу Головнину (1776 — 1831); Ивану Осиповичу Зеленскому, занимавшему до Рылеева должность правителя канцелярии.

„Иван Иванович Пущин с 1824 г. был надворным судьею в Москве.

Штейнгель Владимир Иванович, барон (1783—1862) — декабрист. Родился в семье капитана-исправника. Учился в Морском корпусе, служил во флоте (1795—1810), участвовал в войне 1812 г. С 1814 г. был адъютантом московского главнокомандующего. В 1817 г. вышел в отставку в чине подполковника, занимался частными делами, в 1821 г. открыл пансион для юношества. Член Северного общества с 1824 г. Участвовал в ряде совещаний декабристов, в том числе в совещании 12 декабря. Штейнгелю было поручено написать манифест о неприкосно-

венности государственного и частного имущества и переходе исполнительной власти к Временному правлению («В. Д.», I, стр. 188). 14 декабря 1825 г., в день восстания, Штейнгель был на квартире у Рылеева, — в его присутствии Каховский рассказывал о смертельном ранении графа Милорадовича. После разгрома восстания уехал в Москву, где и был арестован на ряду с другими членами тамошнего Тайного общества 3 января 1826 г. По приговору Верховного уголовного суда осужден в каторжные работы на 20 лет; повелением Николая I должен был быть оставлен в каторжных работах 15 лет, а потом обращен на поселение в Сибири. Работал в Нерчинских рудниках в течение 9 лет, в начале 1836 г. был обращен на поселение, в 1856 г. восстановлен в правах. Умер в Петербурге. Записки Штейнгеля изданы в сб. «Общественные движения в России в первой половине XIX века» (Спб. 1905).

С Рылеевым Штейнгель познакомился в 1823 г. при посредстве петербургского книгопродавца Слёнина. «Я спросил у Слёнина, не бывает ли у него в магазине Рылеев; при утвердительном ответе он прибавил: «А он о вас недавно спрашивал, не будете ли вы сюда». — «Это как?»— И вдруг входит знакомый человек, в котором Слёнин представляет мне Кондратия Федоровича Рылеева. После первых взаимных приветствий, я сказал ему: «Что мне было интересно узнать вас, это не должно вас удивлять; но чем я мог вас заинтересовать — отгадать не могу». «Очень просто, — я пишу «Войнаровского», сцена близ Якутска, а как вы были там, то мне хотелось попросить вас прослушать то место поэмы и сказать, нет ли погрешностей против местности». Я отвечал: «С удовольствием», и тотчас же Рылеев пригласил к себе на вечер и совершенно обворожил меня собою, так что мы расстались друзьями. На другой год, приехав в Петербург, я остановился в доме Российско-американской компании в квартире директора Прокофьева и нашел Рылеева правителем дел компании. Это еще более нас сблизило, особенно, когда надобно было заняться делом директоров, Крамера и Се-

ьерина, чуть было не доведших компанию до банкротства» («Записки барона В. И. Штейнгеля», в сб. «Общественные движения в России в первую половину XIX века», Спб. 1905, стр. 410—411).

Политические взгляды Штейнгеля-декабриста отличались несомненной умеренностью. В своде Боровкова о нем имеется следующая характеристика: «Был на совещаниях у Рылеева, но мнений не подавал и о предприятии сам рассуждал только с одним Рылеевым, убеждая его, что в России конституция не иначе может быть введена, как законною властию, что дело столь святое неприлично начинать беспорядками и кровопролитием, причем насчет царствующего дома представлял благородный пример Швеции. Предлагал возвесть на престол императрицу Елизавету и в сем духе приготовил приказ войскам... В самом возмущении не участвовал и вообще был более свидетелем, не желавшим изменить доверенности, нежели соучастником» («Алфавит декабристов», «В. Д.», VIII, стр. 210—211). В этом плане чрезвычайно интересно отношение Штейнгеля к попытке Рылеева расширить социальную базу Северного общества. Рылеев, по его собственным показаниям, старался «принять в члены Общества некоторых из здешнего купечества. Этого желал я с одобрения Северной думы с тою целью, чтобы иметь членов и в этом сословии. Надеялся же достигнуть сего через барона Штейнгеля; об чем и говорил ему. Но он решительно отвечал мне, что это дело невозможное, что наши купцы невежды. Сим кончилось мое покушение» («В. Д.», I, стр. 179). «Вместе с путейским инженером Батеньковым и механиком Торсоном Штейнгель отражал умеренную программу буржуазии, считавшей освоение азиатских рынков и колониальную эксплоатацию Сибири гораздо более реальным делом, чем борьбу за конституцию. Отсюда и неудача рылеевской попытки; вовлеченные им буржуазные интеллигенты оказались гораздо правее его группы, а за ними стояли еще более правые круги крупной буржуазии» (И. М. Троцкий, «Декабрист Н. А. Бе-

стужев и Северное общество», в сб. Бестужев, Статьи и письма М. 1933. стр. 75).

57

Жене (3 апреля 1825 г.; стр. 492) Опубликовано П. А. Ефремовым, с сокращениями (Ефр. [1], стр. 290).

58

Жене (30 апреля 1825 г.; стр. 493). Опубликовано П. А. Ефремовым с сокращениями (Ефр. [1], стр. 291).

59

Пушкину (апрель 1825 г.; стр. 493). Письмо Бестужеву, о котором говорит Рылеев, отправлено Пушкиным 24 марта 1825 г. Барон А. А. Дельвиг ездил в Михайловское в марте. Отрывки из «Ал-Корана» («Подражания Корану») были напечатаны лишь в самом конце декабря 1825 г. (в «Стихотворениях Александра Пушкина»), но были пересланы задолго до того Л. С. Пушкину.

60

Пушкину (12 мая 1825 г.; стр. 494). Опубликовано в сб. «Девятнадцатый век», кн. I, Спб. 1872, стр. 381). Автограф — в рукописном отделении публичной библиотеки им. В. И. Ленина в Москве — 4 страницы большого формата, с адресом: «Александру Сергеевичу Пушкину» и припиской: «Ко мне адрес: «в доме Американской Компании у Синего Моста».

61

Пушкину (первая половина июня 1825 г.; стр. 495). Послано в ответ на следующее письмо Пушкина:

«Думаю, ты уже получил замечания мои на Войнаровского. Прибавлю одно: везде, где я ничего не сказал должно подразумевать похвалу, знаки восклицания, прекрасно и проч. Полагая, что хорошее писано тобою с умыслу, не счел я за нужное отмечать его для тебя.

Что сказать тебе о думах? во всех встречаются стихи живые, окончательные строфы Петра в Остр. чрезвычайно оригинальны. Но вообще все они слабы изобретением и изложением. Все они на один покрой. Составлены из общих мест (loci topici) описание места действия, речь Героя и — правоучение. Национального, русского нет в них ничего, кроме имени (исключаю Ив. Сусанина, первую думу, по коей начал я подозревать в тебе истинный талант). Ты напрасно не поправил в Олеге Герба России. Древний герб, С. Георгий, не мог находиться на щите язычника Олега; новейший, двуглавый орел, вот Герб Византийский и принят у нас во времена Иоанна III, не прежде. Летописец просто говорит: Тоже повѣси щит свой на вратѣх на показание победы.

Об исповеди Наливайки скажу, что мудрено что-нибудь у нас напечатать истинно хорошего в этом роде. Нахожу отрывок этот растянутым, но и тут конечно наложил ты свою печать.

Тебе скучно в Петерб., а мне скучно в деревне. Скука есть одна из принадлежностей мыслящего существа. Как быть. Прощай поэт. — Когда-то свидимся?»

Замечания на «Войнаровского» были переданы Рылееву очевидно А. А. Дельвигом, ездившим в Михайловское. О них мы знаем только по косвенным данным — ответу Рылеева и Бестужева Пушкину и письму Муханова. См. заметку Н. О. Лернера в «Вестнике литературы», изд. Вольфа, 1916, № 6, стр. 141.

Полемика об «ободрении» и «покровительстве» вызвана «Взглядом на русскую словесность в течение 1824 и начала 1825 годов» А. А. Бестужева, появившимся в «Полярной звезде» на 1825 г. «Отчего, — спрашивал последний, — у нас нет гениев и мало талантов литературных? Предслышу ответ многих, что «от недостатка ободрения», так его нет — и слава богу! Ободрение может оперить только обыкновенные дарования: огонь очага требует хвороста и мехов, чтобы разгореться, но когда молния просила людской помощи, чтобы вспыхнуть и реять в

небе? Гомер нищенствуя пел свои бессмертные песни; Шекспир под лубочным навесом возвеличил трагедию; Мольер из платы смешил толпу; Торквато из сумасшедшего шагнул в Капитолий; даже Вольтер лучшую свою поэму написал углем на стенах Бастилии; гении всех веков и народов, я вызываю вас! Я вижу в бледности изможденных гонением или недостатком лиц ваших рассвет бессмертия». Пушкин отрицал необходимость ободрения и, приведя примеры Державина, Карамзина, Жуковского («из неободренных вижу только себя, да Баратынского и не говорю слава богу»), утверждал, что ободрение оперяло Тасса и Ариоста, Шекспира, Мольера, Вольтера и Державина. Но в то же время он с негодованием отвергал покровительство равными. «У нас писатели взяты из высшего класса общества. Аристократическая гордость сливается у них с авторским самолюбием. Мы не хотим быть покровительствуемы равными. Вот чего подлец Воронцов не понимает. Он воображает, что русский поэт явится в его передней с посвящением или с одою — а тот является с требованием на уважение, как шестисотлетний дворянин — дьявольская разница» (письмо к Бестужеву, май — июнь 1825 г.). Рылеев не только стал на сторону Бестужева, но и осмеял классовое самосознание Пушкина, «шестисотлетнего дворянина». В этом споре характерно сталкиваются два взгляда — оппозиционная буржуазная настроенность Рылеева («сила душевная слабеет при дворах») и аристократический подход Пушкина, соглашающегося на царское покровительство, но с презрением откидывающего покровительство «безродных», «елизаветинских» вельмож. Ответ Рылеева не удовлетворил Пушкина, и в черновой его третьего письма к Рылееву (не отправленного последнему) мы читаем: «Ты сердишься за то, что я хвалюсь шестисотлетним дворянством. N. B. Мое дворянство старее. Как же ты не видишь, что дух нашей словесности отчасти зависит от состояния писателей. Мы не можем подносить наших сочинений вельможам, ибо по своему рождению почитаем себя равным им. Отселе — гордость...»

62

А. А. Дельвигу (5 октября 1825 г.; стр. 496). «Вестник Европы» 1888, XI, стр. 208.

Дельвиг Антон Антонович (1798—1831) — поэт. Принадлежал к баронскому роду меченосцев. Учился в Царскосельском лицее. Редактировал альманах «Северные цветы» (1825—1832), «Подснежник» (1829—1830) и «Литературную газету» (1830). Поэтическая деятельность Дельвига развивалась по линиям интимной дворянской лирики (ему принадлежит множество идиллий) и стилизаций под народную песню. В кругу поэтов пушкинской плеяды Дельвиг был одним из самых консервативных.

С Рылеевым Дельвиг познакомился в Вольном обществе любителей российской словесности. 18 апреля 1821 г. он, тогда «цензор поэзии», предложил Рылеева в члены Общества. После того часто встречался с ним в литературных салонах, например, у Н. И. Греча. В числе других Дельвиг принимал участие в издаваемой Рылеевым и Бестужевым «Полярной звезде»: в альманахе на 1823 г. напечатаны: «Сельская элегия», «На смерть ***», Песни, сонет «Вдохновение». На 1824 г. — Русские песни, романсы и сонет.

Письмо Рылеева Дельвигу от 3 октября 1825 г., написанное в шутливом тоне, свидетельствует, что между ними были довольно благожелательные отношения. Однако разность политических убеждений характерно сказалась, например, в решительном предпочтении, оказанном Дельвигом батальной «Смерти Чигиринского старосты» перед «гражданственной» «Исповедью Наливайки» (см. об этом подробнее во вступительной статье).

63

Пушкину (ноябрь 1825 г.; стр. 497). Продолжение полемики об ободрении и покровительстве. Письмо чрезвычайно характерное буржуазными взглядами Рылеева («преимуществ гражданских не должно существовать»).

«Полярная звезда» на 1826 г. не вышла. «Неприятные обстоятельства то свои, то чужие» — несомненно усиленная деятельность Рылеева в Северном обществе. Статья его о поэзии — «Несколько мыслей о поэзии» — была напечатана в «Сыне отечества» 1825, ч. CIV *(см. стр. 308)*. Мыслей Пушкина о ней Рылеев уже не успел узнать — близилось 14 декабря...

64

Николаю I (16 декабря 1825 г.; стр. 497). Печатается по следственному делу К. Ф. Рылеева, опубликованному в сб. «Восстание декабристов», т. I, под ред. А. А. Покровского, М.—Л. 1925, стр. 153—155. Письмо это написано Рылеевым собственноручно на трех листах большого писчего формата.

Первое письмо Рылеева из Алексеевского равелина, куда он был заключен после снятия с него допроса в Зимнем дворце в ночь на 15 декабря 1825 г. По своему содержанию это письмо представляет продолжение признаний Рылеева от 14 декабря на гораздо более развернутой базе. На этом, первом по счету, допросе Рылеев довольно глухо указывал на существование Тайного южного общества: «Опыт показал, что мы мечтали, полагаясь на таких людей, каков князь Трубецкой. Страшась, чтобы подобные же люди не затеяли чего-нибудь на юге, я долгом совести и честного гражданина почитаю объявить, что около Киева в полках существует общество. Трубецкой может пояснить и назвать главных. Надо взять меры, дабы там не вспыхнуло возмущение» («В. Д.», I, стр. 152). В письме к Николаю I, спустя двое суток, Рылеев по собственной инициативе выдает Пестеля как начальника Южного общества и снова просит «принять все возможные предостережения и как можно скорее; в противном случае опять прольется кровь и погибнут люди, достойные, может быть, лучшей участи». Выдача Пестеля в то время, когда Рылееву еще не было известно об его аресте, означала не только полное политическое «разоружение» вождя Северного общества, но и

крайний распад его психики. По справедливому замечанию М. Н. Покровского, «показания Рылеева представляют собой, без сомнения, один из самых трагичных человеческих документов», какие знает история. С высшей точки революционного энтузиазма, до которой только поднялась русская интеллигенция 1820-х годов, пасть до показаний 14-го... и 16 декабря с их назойливой выдачей Пестеля, с их попытками спасти себя ссылкой на свое положение «отца семейства» — это была моральная смерть, более мучительная, чем конец Трубецкого... Рылеев был буквально раздавлен неудачей. Все дальнейшее после этих «откровенных показаний» было лишь длительной агонией. Он не рассчитывал, не маневрировал — после первых показаний ему отступать было некуда. Он медленно и мучительно умирал» («В. Д.», I, Предисловие, стр. IX, X).

По своей форме письмо Рылеева Николаю I представляет собой достаточно традиционное для декабристов покаяние с мольбами о прощении. Письмо такого рода писал не один Рылеев — мы находим их в изобилии в следственных делах членов тайных (в особенности Северного, более умеренного по своей идеологии и тактике) обществ. Если князь С. Трубецкой не решался «утруждать высочайшую особу его императорского величества» своим письмом, дав самые откровенные показания следственной комиссии, то другие декабристы писали Николаю уже в первые дни их тюремного заключения. «Как высший мой судия земной накажи меня за поступки мои, — обращался в библейском стиле к императору князь Е. П. Оболенский, — с терпением и любовью снесу я бремя, тобой на меня наложенное» («В. Д.», I, стр. 237). «Верный подданный» Николая, Д. И. Завалишин, выражал в своем письме пожелания, «чтобы все россияне питали таковые чувства к вашему величеству», уверял его в «любви и преданности к государю и отечеству» («В. Д.», III, стр. 231). Упорнее других сопротивлявшийся на допросах, «преступнейший из подданных ваших», И. Д. Якушкин «осмеливался повергнуть себя к стопам вашего императорского величества, в надежде на

неограниченное милосердие ваше» («В. Д.», III, стр. 150). Наиболее униженными были обращения к императору князя А. И. Одоевского 21 декабря 1825 г.: «Я готов облить твои колена не слезами, а кровью своею; внемли моему молению» («В. Д.», II, стр. 247). 31 января 1826 г. он пишет Николаю еще одно письмо, начинающееся такими фразами: «Чем более думаешь об этих злодеяниях, тем более желаешь, чтобы корень зла был совершенно исторгнут из России. Но вы, всемилостивейший государь, при начале вашего царствования сие и совершите...» («В. Д.», II, стр. 256).

Полное раскаяние с выдачей сочленов по Обществу, с униженным вымаливанием пощады, было свойственно большинству писем к монарху, которые в таком изобилии писались декабристами в тишине казематов. Быстрота, с какой они решались на эти признания, свидетельствует об исключительной слабости дисциплины у этих заговорщиков. Им, выходцам из дворянства и представителям отдельных его групп, чуждо было представление о конспирации. Не опираясь на крепкую базу массового движения и не будучи связаны подпольной дисциплиной революционной партии, декабристы отразили в письмах к Николаю всю глубину своей политической агонии, обусловленной глубокой половинчатостью их идеологии и тактики.

Нужно отметить, однако, что, не выделяясь из множества ему подобных по характеру капитуляции, письмо Рылеева к Николаю проникнуто сознанием его ответственности за молодых людей, вовлеченных в «общество». Прося как милости пощадить их уже в первом допросе («В. Д.», I, стр. 152), Рылеев развертывает эту просьбу в конце своего письма к Николаю I. Впоследствии он несколько раз вернется к этой теме — в письме к жене от 11 марта 1826 г. и в написанном в незадолго до казни черновом письме к Николаю I («Прошу тебя, государь, прости их: ты приобретешь в них достойных себе верноподданных и истинных сынов отечества»).

Первое письмо Рылеева к Николаю I изобилует упоминанием фамилий членов Северного и Южного тайных обществ. Приводим ниже их краткие биографии, используя данные «Алфавита декабристов» и примечаний к нему Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса («В. Д.», т. VIII, Л. 1925).

Арбузов Антон Петрович (умер в 1843 г.) — лейтенант гвардейского экипажа, член Северного общества, в которое его принял Рылеев. «Когда экипаж был сведен для присяги, он, Арбузов, первый изъявил сомнение и непослушание, и при следовании экипажа на площадь был впереди; там сделал грубый ответ его высочеству Михаилу Павловичу и вместе с прочими не допускал митрополита приблизиться к солдатам, которых возбуждал к продолжению бунта». В 1826—1839 гг. работал в Нерчинских рудниках, в 1839 г. обращен на поселение.

Бестужев А. А. — *см. стр. 557.*

Бестужев Михаил Александрович (1800—1871) — декабрист. Воспитывался в Морском корпусе. С 1814 по 1825 г. служил во флоте, в марте 1825 г. был переведен поручиком в лейб-гвардии Московский полк. В мае произведен в штабс-капитаны, командовал ротою. Член Северного общества, куда принят был Торсоном; см. показание его, «В. Д.», I, стр. 480, и официальную квалификацию: «Принят в Северное общество за несколько месяцев до 14 декабря. О цели оного знал только, что предполагалось ввесть конституцию. В совещании был один раз, 13-го декабря повечеру, где ему и объявлено, чтобы, для достижения цели Общества, не давать другой присяги и отклонять от того нижних чинов. Он отвечал за свою роту, которую, равно и другие роты своего полка, возбуждал к мятежу. Поутру 14 декабря приказывал людям заряжать ружья. Вместе с братом своим Александром, имея в руках пистолеты, говорили полковнику Хвощинскому, чтобы вел их за Константина. Когда граф Милорадович подъезжал к каре мятежников и надвигалась на них кавалерия, он, Бестужев, с прочими возмутителями командовал стрелять»

(«Алфавит декабристов»; «В. Д.», VIII, стр. 35). Осужденный сначала в вечные каторжные работы, М. А. Бестужев пробыл в Нерчинских рудниках до 1839 г. (см. его записки об А. А. и Н. А. Бестужевых и воспоминания о ссылке в книге «Воспоминания Бестужевых», М. 1931).

Бестужев Николай Александрович (1791—1855) — декабрист, член Северного общества. С 1802 г. учился в Морском корпусе, с 1809 служил во флоте. В 1814 г. произведен в лейтенанты, в 1824 — в капитан-лейтенанты. Участвовал в нескольких дальних плаваниях — в Голландию, во Францию, в Испанию. С 1819 г. — помощник директора балтийских маяков, с 1823 — историограф русского флота, в 1825 — начальник Морского музея. В Северное общество принят Рылеевым в конце 1824 г., принял в него Арбузова и Торсона. «14 декабря был в Гвардейском экипаже, действовал к возмущению оного и увлечению на площадь, где и сам пробыл, пока толпа была осыпана картечами, но весьма малое принимал участие в происходившем» («Алфавит декабристов»; «В. Д.», VIII, стр. 34). По приговору Верховного уголовного суда и смягчению указом Николая I приговорен был к 20 годам каторжных работ. Пробыл в Нерчинских рудниках до 1839 г., когда обращен на поселение в г. Селенгинске, Иркутской губернии. Н. А. Бестужевым были написаны «Воспоминания о Рылееве», условно датируемые первыми годами его ссылки. Несвободные от идеализации, они в общем, однако, чрезвычайно верно рисуют восторженную натуру поэта и исключительно ярко характеризуют декабристскую психологию самого Бестужева (отдельные цитаты из этих воспоминаний приведены нами в примечаниях к стихотворениям; см. их в последнем издании «Воспоминания Бестужевых», под ред. М. К. Азадовского и И. М. Троцкого, М. 1931, стр. 89). Бестужев обладал разносторонним дарованием: прекрасный портретист, механик, он выдвинулся в 20-х годах и рядом политико-экономических статей и путевых очерков (наиболее интересные — записки о Голландии 1815 г.). В этих статьях и в рассужде-

нии «О свободе торговли и промышленности», написанном уже в ссылке (1831), Бестужев выступает как идеолог левого крыла Северного общества, отражавшего тенденции перерастающего в разночинца дворянства интеллигента создать царство мелкобуржуазной утопии (И. М. Троцкий, «Декабрист Н. А. Бестужев и Северное общество», вступительная статья к новейшему изданию: Н. А. Бестужев. «Статьи и письма», М. 1933, стр. 72). Показания Н. А. Бестужева Верховному следственному комитету — см. «В. Д.», II, стр. 55—97.

Жеребцов Семен Николаевич, прапорщик лейб-гвардии гренадерского полка. «Требовался к ответу по подозрению в участии в мятеже 14 декабря. При допросе сознался, что Сутгоф открыл ему все намерение, но он, не входя в его виды, отвечал ему, что во всех полках присягнули и что пустое затевает. В мятеже не участвовал. При производстве следствия никто не сделал на него никакого показания. После предварительного допроса по высочайшему повелению освобожден».

Кожевников Нил Павлович — подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка. Член Северного общества. «Незадолго до происшествия, будучи на совещаниях у Оболенского и Рылеева, узнал о намерении противиться новой присяге и накануне 14-го декабря написал к офицеру своему Лаппе, что их несколько человек решилось лучше умереть, нежели присягнуть. Во время присяги он склонял солдат не присягать и брать боевые патроны, а потом находился при полку и более ни в чем преступном не замечен». Будучи лишен чинов и дворянства, был отправлен рядовым в Кавказский корпус.

Каховский Петр Григорьевич (1797—1826) — декабрист, член Северного общества. Сын смоленского дворянина среднего достатка. Учился в Московском университетском благородном пансионе, с 1816 г. служил в лейб-гвардии Егерском полку юнкером, был разжалован в рядовые и переведен в армию, в 1821 г. вышел в отставку по болезни. В 1823 г. уехал за границу. В декабре 1824 г.

приехал в Петербург, познакомился с Рылеевым, которого встретил у Ф. Н. Глинки, и вскоре принят был им в члены Северного общества («В. Д.», I, стр. 338). «Кондратий Федорович был с ним знаком, — свидетельствует Е. П. Оболенский, — узнал его короче и, найдя в нем душу пылкую, принял в члены Общества. Лично я его мало знал, но по отзыву Кондратия Федоровича знаю, что он высоко ценил его душевные качества, он видел в нем второго Занда. Знаю также, что он ему много помогал в средствах жизни и не щадил для него своего кошелька». О денежной помощи свидетельствует и дошедшее до нас письмо Каховского к Рылееву от 6 ноября 1825 г.: «Сделай милость, Кондратий Федорович, спаси меня! Я не имею сил более терпеть всех неприятностей, которые ежедневно мне встречаются. Оставя скуку и неудовольствия, я не имею даже чем утолить голод: вот со вторника до сих пор я ничего не ел. Мне мучительно говорить с тобой об этом и тем более, что с некоторых пор я очень вижу твою сухость, одна только ужасная крайность вынуждает меня. Даю тебе честное слово, что по приезде моем в Смоленск употреблю все силы, как можно скорее выслать тебе деньги, и надеюсь что, конечно, через три месяца заплачу тебе. Я не имею никаких способов здесь достать, а то, верь, не стал бы тебе надоедать собой» («Русская старина» 1888, декабрь, стр. 600). «Портному Яуцхе, — пишет Рылеев жене из крепости 13 апреля 1826 г., — отдай теперь же 571 р., а 295 тогда, когда узнаешь, что Каховский не в состоянии заплатить, ибо я поручился за него. При отдаче возьми расписку».

«Сухость» Рылеева, о которой упоминает в своем письме Каховский, обусловлена была их спорами о цареубийстве, которое предлагал произвести Каховский Северному обществу. Рылеев вынужден был отсрочить реализацию замысла, но его мотивировка рассердила Каховского (подробный анализ этих столкновений, широко отразившихся в показаниях следственному комитету, см. в статье П. Е. Щеголева «Петр Григорьевич Каховский», в сборнике

его статей «Декабристы», М.—Л. 1926, стр. 153—229, отдельные издания — М. 1919 и Пб. 1921). Официальные сводки квалифицируют Каховского как одного из наиболее виновных членов Тайного общества. «На совещаниях перед возмущением 14 декабря предлагал действовать решительно и занять дворец ночью и вообще являлся неистовым и кровожадным, твердил членам, что священных особ царствующего дома надобно истребить всех вдруг, чтобы менее было замешательств... По утру он был в гвардейском экипаже и возмущал нижних чинов, оттуда явясь на площадь, присоединился к Московскому полку; там застрелил графа Милорадовича и полковника Стюрлера и ранил кинжалом свитского офицера» («Алфавит декабристов», «В. Д.», VIII, стр. 92). Каховский был осужден в числе пяти декабристов, поставленных вне разрядов (Пестель, Рылеев, Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин) и вместе с ними повешен 13 июля 1826 г.

Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1799—1846)— поэт-декабрист. Окончил в 1817 г. Царскосельский лицей. Служил в коллегии иностранных дел. Преподавал в пансионе при главном педагогическом институте. В 1820—1821 гг. в качестве секретаря А. Л. Нарышкина ездил за границу. За прочитанную в Париже лекцию о русской словесности по ходатайству русского посольства был выслан из пределов Франции. Ездил на Кавказ, служил чиновником у генерала А. П. Ермолова. В 1824—1825 гг. сблизился с декабристами. Накануне декабрьских событий введен был Рылеевым в Северное общество. «Дней пять тому назад я принял Вильгельма Кюхельбекера, жившего на квартире князя Одоевского», — писал Рылеев Николаю I («В. Д.», I, стр. 153). «Принят в Северное общество в последних числах ноября 1825 г. На совещаниях нигде не был, а 14 декабря, узнав о замышляемом возмущении, принял в оном живейшее участие; ходил в Московский полк и Гвардейский экипаж. 14 декабря был в числе мятежников с пистолетом, целился в великого князя Михаила Павловича и генерала Воинова (уверяет, что, имея замо-

ченный пистолет, он целился с намерением отклонить других с лучшим оружием). По рассеянии мятежников картечами, он хотел построить Гвардейский экипаж и пойти на штыки, но его не послушались. После сего скрывался побегом в разных местах, переодевшись в платье своего человека, и с ложным видом, в коем переправил год из 1823 на 1825. Пойман в Варшаве» («Алфавит декабристов», «В. Д.», VIII, стр. 108). Верховный уголовный суд приговорил Кюхельбекера к лишению чинов и дворянства и ссылке в каторжные работы на 20 лет. Срок этот Николаем был снижен до 15 лет. Кюхельбекер в течение 10 лет содержался в различных крепостях и в 1835 г. был обращен на поселение. Умер в Тобольске. В русской литературе 20-х годов Кюхельбекеру принадлежит одно из примечательных мест. Поклонник и последователь немецкого романтизма, Кюхельбекер враждебно был настроен к легкой, эпикуреистической поэзии Батюшкова и Пушкина. С ранним Рылеевым его спаивал «архаизм», ориентировка на использование высоких форм витийственного классицизма.

Знакомство Кюхельбекера с Рылеевым можно предположительно датировать 1819—1820 годом — Кюхельбекер состоял членом в Вольном обществе любителей российской словесности, в 1824—1825 присутствовал на собраниях у Рылеева. «В субботу, — писал Рылеев Пушкину в апреле 1825 г., — я был у Плетнева с Кюхельбекером и с братом твоим... Прочитаны были твои Цыгане. Можешь себе представить, что сделалось с Кюхельбекером. Что за прелестный человек этот Кюхельбекер! Как он любит тебя! Как он молод и свеж» *(см. стр. 494)*. Кюхельбекер разрабатывал некоторые рылеевские сюжеты, например, о Святополке Окаянном (стихотворение в альманахе «Мнемозина» 1824, ч. 1, и в «Полярной звезде» на 1824 г.), о Байроне («На смерть Байрона», М. 1824, стр. 1—11). Кюхельбекеру долгое время приписывалось стихотворение «На смерть Чернова», без достаточных, впрочем, оснований.

Кюхельбекер был высокого мнения о Рылееве-поэте. «В «Сыне Отечества, — писал в своем дневнике Кюхельбе-

кер, — нашел я две думы, говорящие о Донском герое. Первая, которая называется его именем, очень недурна и принадлежит к хорошим произведениям Рылеева; только начало несколько натянуто». («Русская старина» 1883, июль, стр. 122 — 123). Оценку Кюхельбекером Рылеева см. также в его стихотворении «Тень Рылеева», 1827.

Муравьев Никита Михайлович (1796—1843) — капитан гвардейского генерального штаба. Член Союза спасения (1817); один из основателей Союза благоденствия. Муравьевым написана конституция, которую Северное общество предполагало представить как проект будущему Народному собору. Проект Никиты Муравьева составлен в духе умеренного либерализма и носит резко выраженный сословный характер, предусматривая имущественный ценз, ряд компенсаций помещикам за освобождаемых крепостных и т. д. В Северном обществе особо активно участвовал в 1822—1824 гг., будучи членом Верховной думы. По приговору Верховного уголовного суда осужден к лишению чинов и дворянства и к ссылке в каторжные работы на 20 лет. В 1827—1835 гг. работал в Нерчинских рудниках, в 1835 — был обращен на поселение.

Оболенский — *см. стр. 666.*

Одоевский Александр Иванович, князь (1802—1839) — корнет лейб-гвардии Конного полка, член Северного общества. «Он сначала сознался, потом сделал отрицание, а наконец снова сознался в принадлежности к Обществу, в которое принят за семь месяцев до 14 декабря, и ревностно взялся за дело, однако, замыслов на цареубийство не знал и в совещаниях не был. Он весьма радовался, что пришло время действовать и говорил: «Ах, как славно мы умрем». Накануне возмущения стоял в карауле. По смене с оного 14 декабря присягнул, потом прискакал к каре, и ему дали взвод для пикета, где он стоял с пистолетом. Принял в члены только одного». После смягчения приговора указом Николая I был лишен чинов и дворянства и сослан в каторжные работы на 8 лет. В 1832 г.

обращен на поселение, в 1837 был определен рядовым в Кавказский отдельный корпус и зачислен в Нижегородский полк.

Вместе с Кюхельбекером, Рылеевым, А. Бестужевым, А. И. Одоевский был одним из самых видных поэтов-декабристов. В его лирике сравнительно мало отразилось декабристское «вольнолюбие»; большинство его произведений написано на каторге и на Кавказе и отражает психологическую драму одиночки, пережившего разгром своего политического дела. Индивидуалистическая романтика и пессимизм Одоевского делают его одним из предшественников и спутников Лермонтова (см. Полное собрание произведений А. И. Одоевского, выходящее в «Academia» под редакцией И. А. Кубасова).

Панов Николай Алексеевич (1803—1850) — поручик лейб-гвардии Гренадерского полка. «Принят в Северное общество за месяц до 14 декабря. Ни цели настоящей, ни средств не знал; на совещаниях не был, но, получив через Сутгофа приказание Общества возмутить солдат и привести их на Петровскую площадь, он, пользуясь любовью к нему нижних чинов, увлек лейб-гренадерский полк, с частью которого пошел было во дворец, но, увидев там караул с заряженными ружьями, направился к Сенату и стал кареем подле московских солдат. При втором выстреле картечами он старался людей удерживать, но они рассыпались» («В. Д.», VIII). В 1827—1839 гг. работал в Нерчинских рудниках, в 1839 — обращен на поселение.

Пестель Павел Иванович (1793—1826) — полковник, командир Вятского пехотного полка. Член и директор Южного общества, составитель «Русской правды», сочинения, в котором дана блестящая критика феодально-крепостнического строя и намечены те положения мелкобуржуазного социализма, которые впоследствии были развиты Герценом и легли в основу русского народничества. Приехав в 1824 г. в Петербург, Пестель вел переговоры с Рылеевым о соединении обоих обществ. 14 декабря 1825 г., в день восстания, был арестован на юге по доносу Майбо-

роды и 3 января 1826 г. доставлен в Алексеевский равелин. По приговору Верховного уголовного суда 13 июля 1826 г. был повешен в числе пяти декабристов, поставленных вне разрядов.

Сутгоф Александр Николаевич (1801—1872) — поручик лейб-гвардии Гренадерского полка. «Принят в Северное общество в сентябре 1825 г. Был на решительных совещаниях у Рылеева и соглашался для достижения цели Общества поддерживать присягу цесаревичу. Он возмутил и вывел на площадь командуемую им роту». В 1827—1839 гг. работал в Нерчинских рудниках, после чего обращен на поселение, в 1848 — определен рядовым в Кавказский отдельный корпус, в 1856 — восстановлен в правах.

Трубецкой Сергей Петрович, князь (1790—1860)— полковник, дежурный штаб-офицер 4-го пехотного корпуса в Киеве. Член Северного общества, намечен был в диктаторы. Во время восстания на Сенатской площади скрывался, фактически оставив восставших без всякого руководства. Осужден был в каторжные работы вечно; срок сокращен до 20 лет; в 1826—1839 гг. работал в Нерчинских рудниках, после чего был обращен на поселение. В 1856 г. восстановлен в правах дворянства. «Записки С. П. Трубецкого» были изданы Герценом (русское издание, Спб. 1906).

Щепин-Ростовский Дмитрий Александрович, князь (1798—1859) — штабс-капитан лейб-гвардии Гренадерского полка. Член Северного общества. Один из самых активных агитаторов во время восстания; в течение четырех месяцев был закован в Алексеевском равелине в ручные железа. В 1826—1839 гг. — в Нерчинских рудниках, после чего обращен на поселение; в 1856 г. восстановлен в правах дворянства.

Об отношении Николая I к Рылееву см. в комментарии к его последнему письму *(стр. 827)*.

65

Жене (19 декабря 1825 г.; стр. 500). Ефр. [1], стр. 291. Первая записочка, написанная Рылеевым из Алексеевского

равелина Петропавловской крепости, после получения от Николая I разрешения на переписку с женой. На ней, как и на всех других, адрес: «Наталье Михайловне Рылеевой в доме Русско-американской компании, у Синего моста».

Рылеев был арестован поздно вечером 14 декабря. См. рассказ об его аресте флигель-адъютанта Н. Д. Дурново, «Вестник общества ревнителей истории», П. 1914, стр. 53. «В это мгновенье ко мне привели Рылеева. Это — поимка из наиболее важных» (часть письма Николая I Константину Павловичу, датированная: «$11^1/_2$ вечера», см. в сб. «Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи» (М. — Л. 1926, стр. 145).

66

Жене (23 декабря 1825 г.; стр. 500). Письмо это написано в ответ на письмо Наталии Михайловны Рылеевой от 21 декабря 1825 г.: «Друг мой, не знаю, какими чувствами, словами изъяснить непостижимое милосердие нашего монарха. Третьего дня обрадовал меня бог: император прислал твою записку и вслед за тем 2000 р. и позволение посылать тебе белье. Теперь умоляю тебя, молись небесному творцу: все существо наше в его власти. Наставь меня, друг мой, как благодарить отца нашего отечества. Я не так здорова; Настинька подле меня про тебя спрашивает, и мы всю надежду нашу возлагаем на бога и на императора. Остаюсь любящая тебя Наталья Рылеева. Пиши мне ради бога. При сем посылаю тебе две рубашки, двое чулок, два платка, полотенце» (Ефр. [2], стр. 261).

67

Жене (28 декабря 1825 г.; стр. 501). Ефр. [2], стр. 265. Написано в ответ на письмо жены от 26 декабря 1825 г. (цитируем его частично): «Молю всемогущего, да утешит меня известием, что ты невинен. Заклинаю тебя, не унывай в надежде на благость господню и на сострадание ангело-

Титульный лист «Полярной Звезды» А. И. Герцена с силуэтами пяти казненных декабристов.

подобного государя императора! Неизъяснимы милости, вновь оказанные. Добродетельнейшая императрица Александра Федоровна прислала мне 22 числа, то есть в именины Настиньки, тысячу рублей, чем я могу, несчастная сирота, возблагодарить милосерднейшую монархиню? Бог видит слезы благодарности: они проводят меня до могилы».

Прасковья Васильевна Устинова — друг Натальи Михайловны. «Обе они были весьма несчастны своими мужьями, и это общее горе, как кажется, послужило основанием их дружеских отношений... («Русский вестник» 1869, III, стр. 243).

Екатерина Ивановна Малютина — жена генерал-лейтенанта Петра Федоровича Малютина. Год рождения, повидимому, 1783; умерла она в 1869 г., на 86-м году жизни. Малютины приходились Рылеевым родственниками. В протоколах следственной комиссии Малютин — сын Екатерины Ивановны — называется племянником Рылеева. В письме Рылеева к жене от 2 декабря 1820 г. из Петербурга сделана рукой Малютиной приписка, в которой она сообщает: «Я теперь одна — тетушка [т. е. Настасья Михайловна. — *А. Ц.*] уехала с Анною Федоровной в деревню». Отношения Рылеевых П. Ф. и Е. И. к Малютиным были близкими не столько по родственным причинам, сколько из-за участия и, быть может, денежной помощи П. Ф. Малютина овдовевшей Рылеевой — его соседке по имению. Рылеев в нескольких письмах к матери называет его «благодетелем», просит его благословения на женитьбу и т. п. Е. И. Малютиной посвящено одно из ранних произведений Рылеева — «В альбом», в котором она изображена в типично мадригальной манере жгучей красавицы. В журнале «Былое» 1925, № 5—33, стр. 42 и 44, опубликованы письма Малютиной к Рылееву, написанные в подчеркнуто интимном духе. Одно из них приводится целиком, оно не датировано ни числом, ни месяцем, ни годом, но по тому, что на бумаге прекрасно сохранилась сургучная печать, видно, что пересылались они не почтой, а через дворового человека из одного конца города в другой. Приводим это письмо,

адресованное «другу моему Кондратию Федоровичу Рылееву»: «Любезный Кондратий Федорович, верите, я так хохочу, что не могу вспомнить Наталью Михайловну, я теперь боюсь огорчить ее своим приходом. Неужели серьезно? Я не верю! Только она так была для меня удивительна в последний раз, что лехко было можно узнать причину ее гневу. Теперь вы сидите дома. Мосты сняты. Постарайтесь ее успокоить и уверить. Прощайте. Чем более нас будут ревновать, тем более наша страсть увеличитца и любить тебя ничто не всилах запретить. К. Малютина. Желательно — что бы она сие прочла, тогда бы более уверилась». Опубликовавший это письмо Н. Корелин считает, что оно сохраняет для биографа Рылеева «намек на какие-то более чем приятельские, более чем добрососедские его отношения к Екатерине Ивановне», и это, разумеется, совершенно правильно. Но Корелин совершенно неправ, когда считает, что его письма ликвидируют известный эпизод об увлечении Рылеева госпожей К., сохранившийся в воспоминаниях Н. А. Бестужева *(см. стр. 628)*. «...Для меня, — говорит Корелин в заключение своей публикации, — нет никаких сомнений в том, что рассказ Н. А. Бестужева нужно решительно вычеркнуть из биографии Рылеева и заменить ссылкой на Малютину» (там же, стр. 44). М. К. Азадовский справедливо усомнился в столь категорически выраженной гипотезе, указав на то, что Малютина, поскольку она вырисовывается из писем и мемуаров, не могла иметь ничего общего с госпожей К. («Воспоминания Бестужевых», М. 1931, стр. 47). Если считать, что эпизод с госпожей К. действительно имел место в жизни Рылеева, то нужно отнести эту записку или к более раннему или к более позднему периоду пребывания Рылеевой в Петербурге. До начала 1825 г. она была в деревне. Фраза Малютиной «мосты сняты» указывает на то, что это могло быть весной или осенью этого года. Несомненно одно — отношения Рылеева с Малютиной были интимными. Это вместе с рассказом о госпоже К. ставит под очень большой вопрос те семейные добродетели Рыле-

ева, которые с легкой руки Н. А. Бестужева вошли в каноны биографической литературы о Рылееве. И здесь мы имеем, так же как и в других областях, попытку сконструировать образ примерного семьянина, попытку, не вполне соответствующую реальным фактам.

Малютина сыграла в жизни Рылеева роль и после того, как он был заключен в крепость, предъявлением различных претензий к Н. М. Рылеевой. Будучи опекуном ее детей после смерти Петра Федоровича Малютина, Рылеев должен был ей две тысячи рублей. Несмотря на то что он просил передать Екатерине Ивановне, чтобы она не беспокоилась, что «ей все будет отдано с процентами», она предъявляла к Рылееву ряд денежных претензий. «Ты знаешь эту женщину, какова она» — писала Рылеева мужу 4 июня 1826 г. Рылеев упоминает о Малютиной в предпоследнем и последнем своих письмах примирительно, отмечая эти чрезмерные претензии. Последние не закончились смертью Рылеева: сохранилось донесение фон Фока Бенкендорфу, в котором рассказывается: «Госпожа Малютина, узнав, что вдова Рылеева уезжает в Пензу, обратилась к военному губернатору с просьбой о возвращении ей бумаг, касающихся опеки ее детей, опекуном которых был покойный Рылеев. Вследствие этого полицейский офицер в сопровождении поверенного Малютиной, коллежского асессора Судгова, отправился к Рылеевой за означенными бумагами» («Русская старина» 1881, кн. 9, стр. 191). Изъятие бумаг послужило для Малютиной началом длительной тяжбы против Н. М. Рылеевой, по обвинению ее покойного мужа в растрате опекунских денег. «Эту сумму Малютина вознамерилась получить от вдовы Рылеева, наложив секвестр на денежный капитал, оставленный К. Ф. Рылеевым своей дочери Анастасии, а также на поместье Рылеева — сельцо Батово в Царскосельском уезде под Петербургом. Дело тянулось несколько лет, и стараниями Ф. И. Миллера, бывшего доверенным лицом у Натальи Михайловны, в конце концов было выиграно в пользу Рылеевых» («Былое» 1925, 5 (33), стр. 44).

Располагающий десятками неопубликованных писем Миллера к Рылееву, П. Корелин отмечает, что Малютина «не разбиралась в средствах для достижения этой цели», но Миллер без труда каждый раз опровергал ее доводы в дворянской опеке, и никакие жалобы Малютиной министру юстиции и в гражданскую палату не помогли (там же). Все эти факты в достаточной мере ярко рисуют характер одной из немногих женщин, с которыми Рылееву приходилось сталкиваться в его недолгой жизни.

68

Жене (4 января 1826 г.; стр. 502). Ефр. [2], стр. 267 В ответ на письмо жены от 30 декабря 1825 г.: «Милый друг мой, ты пишешь, без воли всемогущего ничего не делается; я это знаю и полагаюсь твердо на него... Молись, мой друг, всевышнему — да укрепит тебя в добром намерении; я знаю чистую душу твою, надеюсь, что ты постараешься загладить поступок свой и возвратить милость и любовь отца отечества нашего. Быть может, ты говоришь, мой друг, будет позволено с тобою видеться. Я несколько раз читала; не верю глазам, что ты пишешь, нет, это мечта; я кажется не доживу этой минуты».

69

Жене (14 января 1826 г.; стр. 503). Ефр. [2], стр. 268. В ответ на письмо жены от 7 января 1826 г. (выдержка): «Милый друг мой, страдание мое не прекратится до тех пор, как я увижу тебя свободным и достойным верноподанным отцу отечества нашего. Тогда страдания кончатся, тогда здоровье мне возвратится, тогда свободно буду дышать. Впрочем чистосердечно скажу тебе, мой горестный друг, я не лежу в постели, но не знаю сама, что я. Между страхом и надеждою, жду решительной минуты».

Иван Васильевич Прокофьев — один из директоров Русско-американской компании.

70

Ж е н е (21 января 1826 г.; стр. 503). Ефр. [2], стр. 269—270. «В прежних письмах твоих, друг мой, ты утешал меня скорым свиданием, но в последнем — ни слова. Что это значит? Верно ты очень болен или что скрываешь от меня; уведомь, ради бога, меня. От маменьки и сестрицы я получила письмо: они тебе кланяются. Настенька ручки целует, собирается к тебе ехать» (из письма Н. М. Рылеевой мужу от 16 января 1826 г.).

Перевод М. М. Сперанским сочинения Фомы Кемпийского, о котором упоминает Рылеев, был куплен и послан ему.

71

Ж е н е (5 февраля 1826 г.; стр. 504). Ефр. [2], стр. 271. «Милый друг мой, ради бога, не беспокойся обо мне: я здорова. Береги ты свое здоровье — оно дороже для Настиньки, нежели мое: ты ей можешь счастие составить, а я — ничего... Ты спрашиваешь, мой друг, кто меня лечит? Кто может лечить от душевной скорби, кроме бога! Твои письма — мое лекарство...» (из письма жены 25 января 1826 г).

72

Ж е н е (15 февраля 1826 г.; стр. 505). Ефр. [2], стр. 272. «Очень рада, мой друг, что книга «Подражание Христу» приносит тебе удовольствие. Историю Карамзина я не посылаю, боясь препятствия в оной пересылке» (из письма жены к Рылееву от 9 февраля).

73

Ж е н е (13 марта 1826 г.; стр. 505). Ефр. [2], стр. 274—275. Письмо от 13 марта 1826 г. было послано Рылеевым жене взамен удержанного письма его от 11 марта, которое выдано было Н. М. Рылеевой только после смерти ее мужа. Отличия в тексте письма 11 марта от приведенного нами: 1) фраза «Раскаиваюсь и благодарю все-

вышнего, что он открыл мне глаза» отсутствовала, 2) «И государю, столь милосердному» — последних двух слов не было, 3) после слов: «Молись богу не за одного меня, но за всех, кто пострадал вместе со мною» было написано: «Многие из них истинно достойны лучшей участи. Скажи...» и проч.

Вероятно, сожаление Рылеева о себе и печаль о своих единомышленниках показались Николаю криминальными, и Рылеев был извещен о том, что письмо отправлено не будет. Иначе непонятно, почему 13 марта Рылеев отправил его в исправленном и «очищенном» виде. После казни Рылеева это письмо было возвращено его вдове.

74

Жене (между 17 и 20 марта 1826 г.; стр. 506). Ефр. [2], стр. 275—276. Число не обозначено, но, судя по предыдущему и следующему ответам, относится ко времени между 17 и 20 марта.

В письме к мужу от 17 марта Н. М. Рылеева, между прочим, писала: «Мой милый друг! В несчастии ко всему привыкнешь. Долго не получала от тебя известий, теперь, слава богу, успокоилась несколько. Ты пишешь, что здоров и покоен; а я не могу иметь такого духу. Женщина, убитая горестью, имею в глазах несчастную сироту, которая много требует попечения и забот; да и все на что ни взгляну, так расстроено, — не знаю как и приступить. Надеялась по письмам твоим, что скоро буду видаться и посоветуюсь с тобою, мой друг, но и по сю пору нет свидания. Что делать! Будь воля божия и милосердие доброго нашего государя, повинуюсь их воле. Ты пишешь, уведомить об Настиньке. Она, слава богу, здорова и учится, по русски читает, я также здорова».

75

Жене (27 марта 1826 г.; стр. 507). Ефр. [2], стр. 276—277. Из письма Н. М. Рылеевой от 20 марта: «Прости и меня, несчастный мой друг, если я написала, что могло тебя

огорчить. Неужели ты думаешь — я могу верить, что ты покоен. Знаю твою душу, друг мой, на что повторяешь: виноват пред нами. Ради бога, не пиши и не думай, чтоб я могла тебя винить: на все есть власть божья. Ты никогда не желал зла не только нам, но и посторонним; всегда делал добро».

76

Ж е н е (13 апреля 1826 г.; стр. 508). Доверенность, о которой упоминается в начале письма, была в черновой набросана Рылеевым на обороте письма жены от 20 февраля.

А н н а Ф е д о р о в н а — побочная сестра Рылеева.

Иван Семенович З у б к о в с к и й — опекун над имуществом Ф. А. Рылеева, которое вследствие иска князя Голицына было взято в 1814 г. в секвестр.

К о н д р а т и й — староста в деревне Рылеева.

77

Ж е н е (20 апреля 1826 г.; стр. 510). Письмо это послано в ответ на запрос жены от 15 апреля: «Ты пишешь о доверенности. Я еще не получила. Насчет деревни — ничего, мой друг, сказать не могу. Данаурова, как я вижу, хочет за самую малую цену. Еще приходил помещик Дирин, но и тот более 40 тысяч рублей не дает. К Постникову я посылала; ответа настоящего еще не получила. Всегда в несчастии, мой друг, хотят за ничто последнее взять. Я не знаю, не припечатать ли в газетах лучше».

С л ё н и н Иван Васильевич — петербургский книгопродавец.

П у щ и н Иван Иванович — (1798—1759) — декабрист, член Северного общества.

78

Ж е н е (6 мая 1826 г.; стр. 511). Из письма Н. М. Рылеевой от 22 апреля: «О деревне, мой друг, скажу, что Дирин всего на всего дает 40 000 рублей, а в ломбард должна

я внести. Кроме же его, никто не покупает. Теперь постараюсь припечатать в газетах, что будет. Я сделала вычисление по ревизским сказскам и дворовой описи: с исключением умерших на лицо всех с новорожденными 42 души муж. пола. Еще, мой друг, я сегодня получила доверенность на деревню».

На обороте этого письма Рылеевым набросан список долгов, всего 25 счетов общей суммой на 4649 руб. (воспроизведен в книге Маслова, Приложения, стр. 108). Другой список — расходов в 1824 г. — набросан на обороте письма Н. М. Рылеевой от 8 мая, всего на 6081 р. (Маслов, Приложения, стр. 107).

Бобер — за исполнительность и энергию Компания подарила Рылееву дорогую енотовую шубу: не имела ли в виду ее здесь Рылеева?

79

Жене (13 мая 1826 г.; стр. 511). Опубликовано Н. В. Измайловым «Из бумаг К. Ф. Рылеева», «Памяти декабристов», Л. 1926, т. I, стр. 144. Из письма Н. М. Рылеевой от 8 мая: «О деревне, мой друг, я припечатала в газетах. Покупщиков очень много, даже наскучили, а цену дают малую: никто более 40 000 не дает; а Дирин для Данауровой торгует: он ее племянник — я это узнала стороною. Насчет лесу говорят, что это мертвый капитал: река несудоходная, а гужом доставлять нет выгод; то и ценят одни души и доходы. Я не знаю, что и делать. С Иваном Васильевичем я говорила о прибылях акций. Он сказал, если и будут прибыли, то осенью, да и то не наверное. Бывает и так, что не только прибыли, но и настоящую сумму теряют; то я хочу решиться, и он советует их отдать в Компанию; тогда они заплатят долг твой Булдакову. И компанейский долг они прощают; бобер также взяли обратно. Гг. директора очень добрые люди; я им много обязана, они меня до сей поры квартирою не беспокоят; я все в этой же квартире живу и так, как и при тебе, друг мой. А. Ф. по твоему письму недовольна и говорит, что она

не привыкла хлопотать о таких вещах, которые неверны; говорит, я должна хлопотать, а не она, и написала мне предерзкое письмо. Я после этого с нею не виделась. Ради бога, наставь меня, что делать с нею... Пожалуйста уведомь, много ли взято книг в магазине Смирдина и какие? Они требуют с меня... [рукою дочери: «миленький папенька, целую ручку»]. Кондратий Федорович, Настенька к тебе сама пишет: у нее большая охота писать и рисовать: все занимается этим».

Письмо к жене от 13 мая печатается с подлинника, хранящегося в Рукописном отделении Института новой русской литературы в Ленинграде. Утверждения ряда редакторов писем Рылеева — П. А. Ефремова, М. Н. Мазаева, Г. Балицкого и др., что оно не сохранилось, ошибочны.

80

Жене (24 мая 1826 г.; стр. 513). Ефр. [2], стр. 287—290. Из письма Н. М. Рылеевой от 18 мая 1826 г.: «Ты пишешь, мой друг, распоряжайся — мне ничего не нужно! Как жестоко сказано! Неужели ты можешь думать, что я могу существовать без тебя? Где бы судьба ни привела тебе быть, я всюду следую за тобой. Нет, одна смерть может разорвать священную связь супружества».

Веселков — коллежский советник, приезжий из Перми.

81

Жене (27 мая 1826 г.; стр. 514). Опубликовано вместе с ответом жены Ефремовым (цит. по 2-му изд., Спб. 1874, стр. 278). В своем ответном письме от 4 июня Н. М. Рылеева жаловалась на Е. И. Малютину: «Я написала просьбу о снятии запрещения с имения нашего, пошла к ней и просила, чтоб она подписала бумагу и подать куда следует. Она никак не соглашается; говорит, что я не могу подписаться прежде, пока не рассмотрю дела, и когда найду справедливым, тогда подпишусь. Она мне говорила, что по опеке большое упущение, что ты ни о чем не старался.

Если ж она не возьмет на себя ответственность, то мне сказали знающие закон люди, что я не могу продать и здесь не совершат крепость, а надо в Москве или в какой-либо губернии, то поспеши, мой друг, меня уведомить обо всем, о чем я к тебе пишу» (Ефр. [1], стр. 295).

82

К жене (21 июня 1826 г.; стр. 515). Свидание Рылееву с женой было разрешено Николаем в начале июня, о чем дежурный генерал Потапов известил ее 9 июня особой запиской.

Об этом свидании говорит в своих воспоминаниях о Рылееве Д. И. Кропотов: «Мы отправились в Петропавловскую крепость в коляске. Наталья Михайловна с бабушкой, Прасковьей Васильевной, сидели рядом, Настенька и я сидели напротив. Проехав Иоанновские ворота, мы сейчас же остановились, не доезжая палисадника. Наталья Михайловна с Настенькой отправились в каземат, а мы с бабушкой остались в экипаже. Спустя три четверти часа Наталья Михайловна и Настенька возвратились в слезах, беспрестанно оглядываясь на одно окно. На окне, за железною решеткой, стоял Рылеев, в белой одежде, слегка потрясая воздетыми к небу руками. Сидя в коляске, мы смотрели на окно каземата и заливались слезами. Кучер Петр, сняв свою шляпу, громко рыдал и приговаривал, как это водится в деревнях, по умершем. Наконец мы тронулись» (Кропотов, «Несколько сведений о Рылееве», «Русский вестник» 1869, III, стр. 243).

В своем письме от 4 июня к мужу Н. М. Рылеева извещала его, что «одна несколько смягчилась, другая восстала... Продажа деревни и доверенность — их совсем обнаружили». Здесь разумеются Анна Федоровна, сводная сестра Рылеева, и Катерина Ивановна Малютина, решившие использовать судьбу К. Ф., вынужденного продать имение и выдать жене доверенность на ведение дел.

В следующем своем письме, от 25 июня 1826 г., Н. М. Рылеева извещала мужа о том, что Катерина Ивановна не

меняет своих требований и что, если она не согласится, то «буду поступать по твоему наставлению. Веселков деревни не покупает, говорит, что мужики очень бедны и избалованы: надо много суммы, чтобы привести в порядок, чтоб иметь доход. Настинька кланяется и ручку целует: хотела сама тебе писать, да карандаш свой где-то потеряла и в большой печали, что не может писать тебе».

83

Черновая письма к Николаю I (стр. 517). Черновая эта набросана на письме Рылеевой от 21 декабря 1825 г. Датируется июнем месяцем 1826 г.

Николай I Павлович (1796—1855) — император всероссийский. Третий сын императора Павла I. Получил преимущественно военное воспитание. Номинально участвовал в войне 1814 г. с французами, прибыв в действующую армию к моменту взятия Парижа союзными войсками. После возвращения в Россию командовал гвардейской бригадой, затем дивизией, позднее был главным инспектором инженерной части. В гвардии популярностью не пользовался — его справедливо считали поборником жестокой палочной дисциплины. По смерти Александра I великий князь Константин Павлович уведомил через Михаила Павловича свою мать и Николая об отказе от престола, боясь волнений в войсках. Николай Павлович безуспешно стремился к официальному оформлению отречения, но получил решительный отказ. 12 декабря 1825 г. выработан был при ближайшем участии Н. М. Карамзина и М. М. Сперанского манифест об его вступлении на престол. В ночь на 14 декабря главнейшие государственные органы — Государственный совет и Сенат — принесли присягу новому императору. Утром 14 декабря произошли события на Сенатской площади — некоторые воинские части гвардии, распропагандированные членами Северного общества, отказались присягать и требовали передачи власти Константину. Николай вынужден был в течение долгого времени консолидировать стоящую за ним военную силу —

в поддержке войск он уверен не был. Окружив отрядами этих войск Петровскую площадь, он расстрелял восставших картечью. Весь вечер этого дня и ночь на 15 декабря ушли у Николая на допрос заговорщиков, непрерывно арестовывавшихся и привозимых в Зимний дворец. Следствие по делу декабристов велось в течение полугода Верховным следственным комитетом, и расправа с ними была исключительно сурова. Все последующее тридцатилетнее царствование Николая — эпоха «диктатуры крепостников», непримиримой борьбы самодержавно-полицейского режима со всякими либеральными и революционными течениями в стране. В 1855 г., под впечатлением крымской войны, закончившейся разгромом русских войск и разоблачившей внутреннюю гниль режима, Николай отравился.

Отношение Николая I к Рылееву составляет собою звено в общей цепи его отношений к участникам декабристского бунта. «Одного за другим свозили в Петербург со всех концов России замешанных в деле и доставляли в Зимний дворец. Напряженно волнуясь, ждал их в своем кабинете царь и подбирал маски каждый раз новые для нового лица. Для одних он был грозным монархом, которого оскорбил его же верноподданный; для других — таким же гражданином отечества, как и арестованный, стоявший перед ним; для третьих — старым солдатом, страдающим за честь мундира; для четвертых — монархом, готовым произнести конституционные заветы; для пятых — русским, плачущим над бедствиями отчизны и страстно жаждущим исправления всех зол. А он на самом деле не был ни тем, ни другим, ни третьим: он просто боялся за существование и неутомимо искал всех нитей заговора, с тем, чтобы все эти нити с корнем вырвать и успокоиться... В дни и месяцы сыска над декабристами Николай Павлович показал свое лицо в неожиданном зловещем освещении. Царь — актер, искусно меняющий личины...» (П. Е. Щеголев, «Декабристы», Гиз, М.—Л. 1926, стр. 200, 206). Рылеев был арестован поздно вечером 14 декабря и сейчас же доставлен в Зимний дворец. Собственноручное показание, снятое с него

генерал-адъютантом Бенкендорфом («В. Д.», I, стр. 152—153), свидетельствует о полной и немедленной капитуляции вождя Северного общества. Убедившись в провале движения уже поутру (Рылеев ушел с Сенатской площади задолго до кровавой развязки «стояния»), он вечером был уже подготовлен к этой капитуляции. Нет сомнения, что, в противоположность своему суровому обращению со Штейнгелем или Якушкиным, Николай воздействовал на Рылеева тонкими моральными средствами. Вероятно, уже вначале ему было обещано помилование, в качестве награды за полную откровенность в показаниях. О том, что Николай рассчитывал на продолжение покаяния, свидетельствует та записка к коменданту Петропавловской крепости, генерал-адъютанту А. Я. Сукину, с которой Рылеев был к нему прислан: «Присылаемого Рылеева посадить в Алексеевский равелин, но не связывая рук; без всякого сообщения с другими, дать ему и бумагу для письма и что будет писать ко мне собственноручно приносить ежедневно». Эти надежды были основательными: уже 16 декабря 1825 г. Рылеев пишет свое письмо Николаю I, в котором называет множество участников Северного общества и вторично предупреждает об южанах, прямо называя Пестеля по имени («В. Д.», т. I, стр. 153—155; см. в нашем издании *стр. 499*). Несомненно, стремясь поощрить рылеевскую откровенность, ему через несколько дней после очередного, третьего по счету, допроса разрешают переписываться с женой. Характерно, что в первой своей маленькой записке Рылеев уже пишет жене о том, что «государь милостив». Разрешив Рылееву переписку с женой, Николай присылает жене Рылеева вместе с запиской 2000 рублей и позволение посылать белье. Нет сомненья, что и здесь применен был тонкий тактический ход: на откровенность Рылеева можно было повлиять не столько прямыми угрозами казнить его, сколько проявлением «великодушия». «Свою судьбу вручаю тебе, государь: я отец семейства» — эти слова, которыми заканчивалось письмо Рылеева Николаю от 16 декабря, были замаскированной просьбой о

пощаде. Николай I не замедлил использовать этот призыв свидетельством своей милости к начавшему каяться преступнику. Его расчет оказался верен: «Друг мой, — писала Н. М. Рылеева мужу, — не знаю какими чувствами, словами изъяснить непостижимое милосердие нашего монарха... Наставь меня, друг мой, как благодарить отца нашего отечества». Рылеев был потрясен неожиданной «милостью» еще более, чем его жена, — он к тому времени сознал вполне свою «вину». «Милосердие государя и поступок его с тобою потрясли душу мою. Ты просишь, чтобы я наставил тебя как благодарить его. Молись, мой друг, да будет он иметь в своих приближенных друзей нашего любезного отечества и да осчастливит Россию своим царствованием» (23 декабря 1825 г.). И в следующем письме, узнав о том, что императрица прислала его жене еще 1000 рублей,— еще более выразительно: «Молись богу за императорский дом. Я мог заблуждаться, могу и вперед, но быть неблагодарным не могу. Милости, оказанные нам государем и императрицею, глубоко врезались в сердце мое. Что бы со мной ни было, буду жить и умру для них» (28 декабря 1825 г.). По отношению к Рылееву Николай, как и в других случаях, пользовался смягчениями, как авансом за будущие признания. В высшей степени характерно, что на поданную Николаю I женой «отставного артиллерии подпоручика» Н. М. Рылеевой просьбу сообщить, где ее муж и допускать ее к нему «высочайшего соизволения не последовало». Это происходило 19—23 декабря, когда Рылеев не сделал еще своих важнейших показаний. Но вот 24 декабря «в присутствии высочайше учрежденного тайного комитета в чине подпоручика Рылеев был спрашиваем» и «показал обильный материал». Его «прямодушные» ответы на восемнадцать поставленных вопросов («В. Д.», I, стр. 137—164) несомненно приводят к новой милости: «увидеться с тобою надеюсь скоро, — пишет Рылеев жене 4 января 1826 г. — Государь обещал». Свидания с женой Рылеев, однако, не получает. Обещание Николая I существует in spe, как бы обязывая Рылеева к наибольшей от-

кровенности в показаниях. Оно было дано Рылееву только в июне месяце, после того как следствие закончилось и участь подсудимых, в том числе и Рылеева, была почти решена. Больше от Рылеева требовать было нечего.

В дореволюционной критической литературе отношения Николая к Рылееву нередко идеализировались (см., например, примечание П. Бартенева к «Воспоминаниям Е. П. Оболенского», «Девятнадцатый век», кн. I, М. 1872, стр. 331). Критиковать их в настоящее время нет необходимости — стратегия «царских милостей» была чрезвычайно нехитрой. Через все письма Рылеева к жене из крепости лейтмотивом проходят упоминания о милосердии государя. У нас нет оснований считать это лицемерием. Рылеев был откровенен в своих показаниях и принимал всю вину на себя, выгораживая своих товарищей, людей «с отличными дарованиями и с прекрасными чувствами». Подобные ходы не могли обмануть Николая, он расправлялся с своими врагами беспощадно. «Взяв от своих жертв все, что было можно и нужно взять, он подверг их жесточайшим наказаниям. Он, так много выигравший от чувства благодарности, живущего в благородном сердце, отстранил от самого себя малейшие обязательства признательности и благодарности» (Щеголев, «Декабристы», М.—Л. 1826, стр. 207). Но для общественного мнения фикцию благодеяния нужно было сохранить, и Николай «всемилостивейше жалует» Н. М. Рылеевой новые 2000 рублей (см. уведомление князя А. Голицына — Маслов, Приложения, стр. 111). С 1826 по 1831 г. Рылеевой выплачивалось ежегодно 3000 рублей, а когда она 22 октября 1833 г. вышла замуж за отставного поручика Г. И. Куколевского, то эти же 3000 рублей выплачивались до совершеннолетия ее дочери, которой при выходе замуж также было оказано пособие («Русская старина» 1896, июнь, стр. 461—462). Эти милости создавали Николаю ореол судьи милостивого, карающего «поневоле», независимо от своих личных желаний, по «долгу» самодержца. Вспомним, что так представлял Николая даже Пушкин: «О нет, хоть юность в нем кипит,

но не жесток в нем дух державный: тому, кого карает явно, он втайне милости творит». В действительности царские расходы на семью Рылеева вполне окупились.

А. О. Смирновой принадлежит рассказ о том, как уже после казни Рылеева Николай I узнал о том, что Рылеев был поэтом. «Он говорил с Жуковским о поэтах-декабристах, жалея о том, что не знал, что у Конрада Рылеева такой талант и что даже Бестужевы — поэты. Он хвалил стихотворения Рылеева и Одоевского. Тогда Жуковский дал ему копию со стихотворений, написанных им в крепости, и они «очень тронули» государя. Он сказал ему тогда: «Я жалею, что не знал о том, что Рылеев — талантливый поэт; мы еще недостаточно богаты талантами, чтобы терять их». Подлинность записок Смирновой давно заподозрена исследователями. Если, однако, признать эти слова действительно произнесенными Николаем, то последний бесспорно лгал Жуковскому — в судопроизводстве о Рылееве фигурировали его стихи. А. Бестужев был широко известен в 20-х годах как беллетрист, критик и издатель «Полярной звезды» — всего этого Николай I не мог не знать. Но точно так же, как блестящая литературная известность Марлинского и Лермонтова не облегчила позднее их участи, можно с уверенностью сказать, что Николай не пощадил бы Рылеева-революционера ради Рылеева-поэта. Сказать, однако, эту фразу Николай I мог, и это лишний раз характеризует его тактику по отношению к общественному мнению.

Во все время царствования Николая I имя Рылеева было запретным и в печати не появлялось.

Зачеркнутые варианты этого письма (по рукописи):

1) В начале: «после десятилетних заблуждений бог насильно привлек меня к себе. Святым» и т. д.

2) Перед словом «отречением» зачеркнуто «торжественным».

3) Служил для них самым гибельным примером.

4) Я виновник пролитой невинной крови.

5) И казнь послужит для юных сограждан.

6) Против власти законной.

М. П. — Михаил Петрович Малютин, сын Петра Федоровича и Катерины Ивановны Малютиных, замешанный в дело о декабрьском восстании (см. ниже).

84

Е. П. Оболенскому (стр. 518). Опубликовано в «Воспоминаниях» Е. П. Оболенского («Девятнадцатый век», ч. I, Спб. 1872, стр. 327—328), передавшего это письмо по памяти. Написано на кленовых листочках. О князе Е. П. Оболенском и обстановке их переписки см. выше, стр. 666.

85

Жене (13 июля 1826 г.; стр. 518). Последнее письмо Рылеева, написанное им за несколько часов до казни. Печатается по подлиннику, сохранившемуся в архиве Рылеева в Академии Наук. Опубликовано П. А. Ефремовым, с подлинника, принадлежавшего дочери Рылеева. По спискам, которые во множестве ходили после казни Рылеева, это письмо было опубликовано в «Записках» Н. И. Греча («Русский вестник» 1868, № 6, стр. 384—385), в воспоминаниях Д. А. Кропотова («Несколько сведений о Рылееве», «Русский вестник» 1869, № 3, стр. 244—245), в воспоминаниях о Рылееве князя Е. П. Оболенского («Девятнадцатый век», ч. I, Спб. 1872, стр. 330—331) и др.

Письмо Рылеева написано им после того как 12 июля ему был объявлен приговор. Оно все выдержано в форме религиозного отречения от земных дел, столь характерного для рылеевских настроений в крепости. Упоминание отдельных имен в этом письме касается людей, так или иначе связанных с Рылеевым.

М. П. — Михаил Петрович Малютин, замешанный в восстании декабристов. В своде показаний против подпоручика Рылеева аттестуется как племянник Рылеева («В. Д.», I, стр. 206). Сын Екатерины Ивановны Малютиной, подпо-

ручик лейб-гвардии Измайловского полка. «К Тайному обществу не принадлежал и о существовании оного не знал. Накануне 14 декабря дядя его Рылеев говорил ему, что на-днях будет присяга и что не должно принимать оной, ибо присягали уже цесаревичу. Мысли сии, по внушении его же, Рылеева, коему он, Малютин, с малолетства привык повиноваться, и не предполагая, чтобы человек, обязанный семейством, захотел жертвовать собою или племянником своим, — он, Малютин, передал в роте своей первым из солдат коих увидел, но душевно раскаялся в сем поступке» («В. Д.», VIII, стр. 122). Несмотря на то, что уже 14 декабря Малютин принимал участие в поимке рассыпавшейся толпы мятежников, он содержался в крепости до окончания следствия; по приказу Николая I выпущен был в армию в Севастопольский пехотный полк. Секретный надзор за ним не был снят и в 1842 г., когда он был уволен в отставку в чине майора.

Мысловский Петр Николаевич — священник Казанского собора, беседовавший с декабристами и подготовлявший их к казни. Отзывы декабристов о Мысловском расходятся, одни (например Н. В. Басаргин) считают его шпионом правительства, другие — честным человеком; последнее предположение, повидимому, вернее, тем более, что показания большинства декабристов были настолько откровенны, что надобность в дополнениях отпадала. На Рылеева Мысловский, как это видно из письма, произвел сильное и благоприятное впечатление. Если верить запискам князя Трубецкого, Мысловский уверял декабристов в том, что обряд казни не будет доведен до конца, что их поведут, но что они будут помилованы («Записки кн. С. П. Трубецкого», стр. 73). О Петре Николаевиче Мысловском см. в «Историческом вестнике» 1904, № 1, стр. 79—80. Сохранились восемь писем Мысловского к вдове Рылеева, описывающих последние минуты жизни ее мужа. Первое из писем датировано 1 сентября 1826 г., последнее — 24 октября 1828 г. Все они, судя по изложению их содержания П. Н. Корелиным, посвящены христианской

проповеди и написаны в стиле общих фраз (см. «Былое» 1825, кн. 5 (33), стр. 41—42).

530 руб., о которых писал Рылеев, были возвращены «во исполнение высочайшего повеления» комендантом Петропавловской крепости А. Я. Сукиным 25 июля 1826 г. (Ефр. [1], стр. 302).

Письмо Рылеева разошлось во множестве списков. Это обусловлено было как особыми свойствами письма, изобилующего рядом трогательных моментов, так и «запретностью» и «нелегальностью» темы последнего высказывания видного политического узника. Количество списков с этого письма, неизвестно как распространявшегося, было огромно. В его распространении принимали участие как личные друзья Рылеева, так и совершенно незнакомые ему люди. «Посылаю тебе письмо Рылеева, накануне казни писанное жене,— писал С. Г. Туманской В. И. Туманский 10 августа 1826 г. из Москвы. — Оно здесь ходит по рукам и читается с жадностью. Я видел множество дам, обливавшихся слезами при чтении сего трогательного послания» («Стихотворения и переписка В. И. Туманского», Спб. 1906, стр. 292). «Сделай милость, — писал брату Языков, — пришли мне, если можешь достать, письма казненных и в Сибирь отправленных несчастных: ето любопытно и в политическом и в психологическом отношении; я имею только два из них— Рылеева к жене и Якубовича к отцу» (Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни, Спб. 1913, стр. 266). «Знаете ли вы письмо Рылеева», — спрашивал одного из своих друзей 29 сентября 1826 г. Вяземский («Переписка Александра Ивановича Тургенева с князем Петром Андреевичем Вяземским», т. I, П. 1921, стр. 43). Тот же Вяземский послал 7 августа 1826 г. своей жене копию с письма Рылеева, присовокупляя: «Какое возвышенное спокойствие» (цит. по сб. «Декабристы и их время», т. II, М. 1932, стр. 274). Но распространение списков, конечно, далеко не ограничивалось литературными сферами: в своем донесении Бенкендорфу фон Фок с неудовольствием отмечал то старание, с каким распростра-

нялось рылеевское письмо на станциях следования декабристов в Сибирь около Ярославля («Русская старина» 1881, т. 32, стр. 310). Несмотря на то, что в письме Рылеева не было ничего криминального, правительство относилось с подозрением к лицам, у которых оно было обнаружено. Штабс-капитан лейб-гвардии Конно-егерского полка, у которого была найдена копия письма государственного преступника Рылеева к своей жене, был за это переведен в армию («Лейб-гвардии Драгунский полк», Новгород 1870, стр. 38). Обилие списков привело к тому, что предсмертное письмо Рылеева «обнаруживалось» во множестве провинциальных книгохранилищ (ср., например, публикацию во Владимирской газете о его «нахождении»: «Новый документ о декабристах: найдено предсмертное письмо Рылеева», «Призыв» от 22 января 1926 г.).

Остановимся здесь на подробностях *казни Рылеева*. П. А. Ефремов указывал, что она состоялась в 5 часов утра во вторник 13 июля 1826 г. (Ефр. [2], стр. 337). Дата эта не вполне точна. Бывший начальник кронверка Петропавловской крепости, В. И. Беркопф, указывал в своих воспоминаниях, что «виселица изготовлялась на Адмиралтейской стороне; за громоздкостью ее везли на нескольких ломовых извозчиках через Троицкий мост. Высочайший приказ был: исполнить казнь к 4 часам утра, но одна из лошадей ломовых извозчиков с одним из столбов для виселицы где-то впотьмах застряла; почему исполнение казни промедлилось значительно...» («Русский архив» 1881, кн. 2, стр. 344). Однако казнь произошла до открытия лавок, ибо, когда понадобились запасные веревки, то оказалось, что все еще было заперто. В воспоминаниях декабристов на разные лады рассказывается о потрясающем эпизоде падения Рылеева с виселицы. В. И. Штейнгель сообщал, что когда по наложении покрывал и петель отняли подмосток, и страдальцы всей тяжестью своею повисли, трое — Муравьев, Бестужев и Каховский — оборвались. Сейчас подскакал один из генералов: «Скорей! Скорей!» Между тем, Муравьев успел сказать: «Боже мой! и повесить по-

рядочно не умеют» («Общественные движения в России в первую половину XIX века», т. I, Спб. 1905, стр. 461). В воспоминаниях Горбачевского эта подробность изображена в сходных тонах: «Говорили и говорят, что Пестель, Рылеев и прочие оторвались, — пустяки, — я это знаю положительно, что Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин и Каховский были так несчастны, что вытерпели такую муку; Рылеев же и Пестель сразу повисли. Об этом в нашей куртине не только рассказывал сам плац-майор Подушкин и плац-адъютанты, но еще мне рассказывал офицер Волков, бывший при самой виселице во время казни; и все рассказывали в одно и то же слово» («Записки и письма» И. И. Горбачевского, М. 1925, стр. 344). Под этим местом «Записок» Горбачевского Михаил Бестужев написал замечание, в котором утверждал, что сорвался с петли в числе других не Каховский, а Рылеев, ссылаясь на свидетельство Подушкина и рассказы Трубецкой и Муравьевой (там же, стр. 346). Этот эпизод передан во «всеподданнейшем» донесении санктпетербургского генерал-губернатора, генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова Николаю I: «Экзекуция кончилась с должною тишиной и порядком как со стороны бывших в строю войск, так со стороны зрителей, которых было немного. По неопытности наших палачей и неумению устраивать виселицы, при первом разе трое, а именно: Рылеев, Каховский и Муравьев, сорвались, но вскоре опять были повешены и получили заслуженную смерть. О чем вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу» («Былое» 1906, кн. 3, стр. 232). Инструкции, данные Николаем Голенищеву-Кутузову, были чрезвычайно строгими: фельдъегеря, например, тот должен был посылать к императору через каждые четверть часа. Предположение какой-либо неточности в его сообщении поэтому абсолютно невероятно. Необходимо только отметить, что падение трех человек с виселицы обусловлено было не неопытностью палачей, а тяжестью тел приговоренных, которых вешали обремененными тяжелыми кандалами («Воспоминания В. И. Беркопфа»,

«Русский архив» 1881, т. II, стр. 346). Об общей обстановке казни декабристов см. также в изданиях «Древняя и новая Россия» № 3, стр. 622—624, и в статье П. Е. Щеголева «Император Николай I и М. М. Сперанский в Верховном суде над декабристами». Николай I ожидал казни декабристов в Царском Селе с огромным волнением. «Пишу на скорую руку — два слова, милая матушка, желая вам сообщить, что все совершилось тихо и в порядке, гнусные и вели себя гнусно, без всякого достоинства. Сегодня вечером выезжает Чернышев, и как очевидец может рассказать вам все подробности» («Исторический вестник» 1916, кн. 7, стр. 106, письмо к Марии Феодоровне; см. также в издании Центрархива, «Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах царской семьи», М.—Л. 1926, стр. 208; несколько различная редакция письма объясняется, повидимому, разными переводами с французского оригинала).

Если вся жизнь Рылеева послужила материалом для либеральной легенды о нем, то особенно много материала для нее оказалось в его предсмертных часах. Сухие подробности казни были расцвечены современниками, которые наделили Рылеева многими героическими и мученическими чертами. По справедливому замечанию Августы Авербух, процесс создания легенды о Рылееве можно проследить уже по ранним воспоминаниям друзей и очевидцев. По сообщению чиновника, присутствовавшего при казни, Рылеев, «обратясь к товарищам, сказал, сохраняя все присутствие духа: «господа, надо отдать последний долг!» и с этим они пали все на колени, глядя на небо и крестились. Рылеев один говорил — желал благоденствия России». Бестужевы и Оболенский свидетельствовали о том, что Рылеев, обратясь к Мысловскому, сказал ему: «Положите мне руку на сердце и скажите, скорее ли оно бьется». Беркопф приписывал Рылееву слова: «Хотя мы и преступники и умираем позорной смертью, но еще мучительнее и страшнее умирал за всех нас спаситель мира», тем самым превращая декабриста в мученика-христианина времен Римской им-

перии. Особенно охотно вкладывались в уста Рылеева слова возмущения, после того как он сорвался с петли. Шницлер говорит, что он воскликнул в отчаянии: «И так скажут, что мне ничто не удавалось, даже и умереть!» Бестужев наделяет его поведением древнего римлянина: «Рылеев с таким же равнодушием, как прежде, сказал: «Им мало нашей казни — им надобно еще тиранство!» («Воспоминания Бестужевых», М. 1831, стр. 89). Михаил Бестужев со слов Трубецкой и Муравьевой приписывает Рылееву неистовый возглас передового заговорщика, вспыхнувшего прежней неукротимостью: «Подлый опричник, тиран! дай же палачу твои аксельбанты, чтоб нам не умереть в третий раз!» («Записки и письма И. И. Горбачевского» 1825, стр. 347). Все эти свидетельства — любопытный результат плетущейся легенды вокруг образа Рылеева, особенно удобного для ее создания. Они создают тот образ поэта-гражданина на эшафоте, борющегося с тиранией, который в представлениях декабристов и сочувствовавших им так полно соответствовал вольнолюбию его творчества. О том, что Рылеев в день казни переживал религиозное отречение, этого легенда не знала или с этим не находила нужным считаться. Но в высшей степени характерен тот факт, что этими высказываниями легенда наделила именно Рылеева, а не кого-либо иного из казненных. Ему, идеологу и поэту декабризма, приписывали и четыре стиха, по сообщению Якушкина якобы сказанные им на эшафоте, («Девятнадцатый век», кн. I, М. 1872, стр. 351—361, и в нашем издании, *стр. 749)*. См. по этому поводу статью Августы Авербух «Образ Рылеева в легендарно-поэтической традиции», в сб. «Историко-литературные опыты», под ред. М. К. Азадовского. Иркутск 1830, стр. 71—94, и в статье и комментариях М. К. Азадовского к «Воспоминаниям Бестужевых», стр. 51 и др.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КАНВА ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. Ф. РЫЛЕЕВА

Приведенная ниже хронологическая канва жизни и деятельности К. Ф. Рылеева является первым опытом такого рода. Биография Рылеева разработана крайне недостаточно и многие обстоятельства его жизни остаются до настоящего времени весьма темными (таковы, например, даты смерти отца, женитьбы Рылеева, переезда в Петербург, вступления его в Северное общество и т. д.).

Хронологическая канва наша составилась из фактов трех родов: a) личная жизнь Рылеева, b) политическая его деятельность, c) выступления в литературных обществах и печати. Мы сочли полезным включить в нашу канву также наиболее важные для понимания жизни и деятельности Рылеева события эпохи (например, восстание Семеновского полка, смерть Александра I и пр.).

1795

Сентября 18 — в сельце Батове, Петербургской губернии и уезда, в родовой усадьбе у подполковника в отставке Федора Андреевича Рылеева и его жены Анастасии Матвеевны (урожденной Эссен) рождается сын Кондратий.

1801

Января 12 — на шестом году жизни Рылеева определяют в I кадетский корпус в Петербурге «волонтером».

Марта 12 — переведен кадетом в «малолетнее» отделение.

1810—1812

Рылеевым написано в корпусе его первое произведение — сатирическая поэма в двух песнях «Кулакиада».

1813

Июня 4 — Рылеевым написана патриотическая ода «Любовь к отчизне», до нас не дошедшая.

1814

Февраля 10 — выпущен прапорщиком в I резервную артиллерийскую бригаду в Конную № 1 роту, которая тотчас же отправляется в заграничный поход.

Февраля 28 — Рылеев останавливается в Дрездене.

Марта 25 — Рылеев проходит через швейцарский городок Шафхаузен.

Август — сентябрь — Рылеев вновь в Дрездене, где его дядя, М. Н. Рылеев, комендант города, удерживает его при себе, устроив племянника «при артиллерийском магазине».

Сентября 29 — Рылеевым написано стихотворение «Луна».

Октября 15 — Рылеевым в Дрездене написано «Путешествие на Парнас».

Ноября 14 — кадет Кондрат Рылеев уведомлен об описи имущества его отца (Маслов, стр. 105).

Дата внушает сомнения: Рылеев с 10 февраля в походе, а 21 сентября 1814 г. он пишет из Дрездена матери о том, что «дядюшка заменил ему покойного родителя».

Декабря 3 — после девятимесячного похода по Швейцарии, Франции, Баварии, Виртембергу, Саксонии, Пруссии и Герцогству Варшавскому Рылеев возвращается со своею воинской частью в «российские пределы».

1815

Март — Рылеев находится в Минской губернии, в городе Несвиже «с командою для обучения верховой езде».

Апреля 12 — после возвращения Наполеона с Эльбы и его воцарения артиллерийская часть, в которой служит Рылеев, вновь отправлена в заграничный поход.

Мая 15 — Рылеев проходит Бреславль, приближаясь к «горам Силезским» («Нечто о средних временах»).

Сентябрь — Рылеев живет в Париже (здесь им написаны «Письма из Парижа»).

1817

Лето и осень — конно-артиллерийская № 11 рота, в которой служит Рылеев, стоит в Воронежской

губернии, неподалеку от города Павловска. Рылеев знакомится с семьями генерал-майорши Бедраги и помещика Тевяшова, где он и его товарищи «приняты как свои» и проводят «время весьма, весьма приятно».

Сентября 17 — решив жениться на дочери помещика Тевяшова, Рылеев обращается к матери с просьбой «благословить сына вашего и, позволив ему выйти в отставку, заняться единственно вашим и милой Наталии счастием». Письмо остается без ответа, и в конце ноября он возобновляет свою просьбу.

1818

Июнь — мать Рылеева изъявляет свое согласие на брак сына. Родители Наталии Михайловны Тевяшовой объявляют К. Ф. «ее и собственное свое согласие, с тем однакож условием, чтобы он вышел в отставку».

Декабря 26 — приказом Александра I «конно-артиллерийской № 12 роты прапорщик Рылеев увольняется от службы подпоручиком, по домашним обстоятельствам».

1819

Январь — Рылеев находится в командировке в Воронеже.

Начало года (после 14 января) — свадьба Рылеева с Н. М. Тевяшовой.

Августа 23 — новобрачные выезжают из Подгорного в усадьбу Рылеевой, Батово, куда приезжают в начале сентября.

1820

Весна и лето — проводятся Рылеевыми в имении Тевяшовых, Подгорном (в Воронежской губернии).

Март — напечатаны первые мелкие произведения Рылеева: эпиграммы, «Романс», «Надпись к портрету воина, умершего от кровопускания» («Благонамеренный», ч. IX, №№ 5 и 6).

Мая 23 — у Рылеевых рождается дочь Анастасия (умерла 26 мая 1890 г.).

Осень — по приезде в Петербург Рылеевы поселяются на Васильевском Острове в 16-й линии, между Большим и Средним проспектом, в деревянном одноэтажном доме Безбородова.

Сентября 17—21 — бунт Семеновского полка в Петербурге.

Октябрь — напечатана сатира Рылеева «К временщику», получившая шумную популярность у читателей («Невский зритель» IV, № 2).

Ноября 11 — друг Рылеева О. М. Сомов читает сатиру «К временщику» в заседании Вольного общества любителей российской словесности.

Ноября 20 — Рылеев пишет статью «Еще о храбром М. Г. Бедраге» в форме письма к редактору «Отечественных записок» П. П. Свиньину («Отечественные записки», ч. IV).

Ноябрь — Рылеев хлопочет в сенате по делу Тевяшовых.

Декабрь — Рылеев сообщает своей жене о намерении (не осуществленном) издавать с января 1821 г. журнал «Невский зритель».

1821

Января 24 — дворянство Петербургского уезда избирает Рылеева заседателем Петербургской уголовной палаты.

Марта 11 — начало восстания против турецкого владычества, поднятого греческими инсургентами во главе с Александром Ипсиланти.

Апреля 17 — представляет Вольному обществу любителей российской словесности думу «Артемон Матвеев» (уже напечатанную 7 февраля в «Русском инвалиде»). «Дума» встретила суровый прием и возвращена «в распоряжение господина сочинителя».

Апреля 25 — избран членом-сотрудником Вольного общества любителей российской словесности (за перевод с польского сатиры Ф. В. Булгарина «Путь к счастию»).

Лето — Рылеев проводит в Подгорном, имении Тевяшовых.

Июля 13 — написано стихотворение «На рождение Я. Н. Бедраги».

Июля 20 — Рылеевым написана в Острогожске и отсылается Ф. В. Булгарину первая по счету его дума «Курбский».

Осень (не позднее половины октября) — переезжает в Петербург.

Сентября 12 — Рылеевым представлены в Вольное общество любителей российской словесности произведения «Надгробная надпись» и «К Цинтии» («Подражание Пропердию») — последнее стихотворение им при жизни не опубликовано и местонахождение его неизвестно.

Октября 17 — представлено в Вольное общество

любителей российской словесности стихотворение «Пустыня» («К М. Г. Бедраге»).

Ноября 28 — Общество любителей российской словесности, «найдя представленное им стихотворение «Смерть Ермака» достойным особенного уважения», определило переименовать Рылеева из члена-сотрудника в действительные члены.

Декабря 5 — в заседании Вольного общества любителей российской словесности рассматриваются и одобряются представленные Рылеевым думы: «Богдан Хмельницкий» и «Боян».

1820—1821. Рылеев состоит членом масонской ложи «Пламенеющая звезда».

1822

Апреля 26 — Рылеевым написано послание к А. А. Бестужеву («Беглец Парнаса молодой»).

Мая 15 — представлены (очевидно присланы с Украины) в Вольное общество любителей российской словесности думы «Святослав» и «Мстислав Удалый».

Июня 27 — прибывает в Харьков, где видится с родными жены и представляется губернатору.

Июль (начало) — живет в Киеве, где занят тяжбой с княгиней В. В. Голицыной.

Августа 7 — Рылеев представляет Вольному обществу любителей российской словесности думу «Глинский».

Сентября 4 — в Вольное общество любителей российской словесности представлена дума Рылеева «Волынский».

Сентября 11 — первое письмо Рылеева Немцевичу.

Октября 2 — представляет в Вольное общество любителей российской словесности думу «Дмитрий Донской», которую печатают 9 октября («Сын отечества», ч. 80; № 40).

Октября 16 — Рылеев представляет Вольному обществу любителей российской словесности думу «Видение императрицы Анны» (при жизни не напечатанную по цензурным обстоятельствам).

Ноября 6 — представлена в Вольное общество любителей российской словесности дума «Державин».

Ноября 30 — Цензором А. С. Бируковым подписано разрешение на выход в свет альманаха «Полярная звезда» на 1823 г.

Декабрь 30 — вместе с В. М. Княжевичем и А. О. Корниловичем Рылеев избран членом Цензурного комитета Вольного общества любителей российской словесности.

1823

Начало года — И. И. Пущин принимает Рылеева в члены Тайного Северного общества.

Апреля 5 — Рылеев избран действительным членом Вольного общества любителей российской словесности.

Мая 16 — Рылеев представляет Вольному обществу любителей российской словесности думу «Наталья Долгорукова», стихотворение «Воспоминания», отрывок из поэмы «Ссыльный» («Войнаровский») и думу «Первое свидание Петра Великого с Мазепой» («Петр Великий в Острогожске»).

Сентябрь (около 1-го числа) — у Рылеевых рождается сын Александр.

Сентября 7 — разрыв дружеских отношений с Ф. В. Булгариным, продолжавшийся до марта 1825 г.

Октября 18 — Рылеев пишет некролог председателю Спб. палаты гражданского суда Д. Г. Высочину («Русский инвалид» № 247, стр. 986).

Октября 26 — казнь испанского революционера Риего в Мадриде.

Декабря 10 — Рылеев предлагает в члены Санкт-петербургского вольного общества любителей российской словесности В. Н. Григорьева.

Декабря 20 — А. С. Бируковым подписано цензурное разрешение на выход в свет альманаха «Полярная звезда на 1824 год».

1824

Января 1 — Рылеев представляет Вольному обществу любителей российской словесности отрывок из поэмы «Войнаровский» («Смерть Войнаровского»).

Начало года — Рылеев поступает на службу в Российско-американскую компанию правителем канцелярии.

Март — встреча Рылеева с приехавшим в Петербург руководителем Южного общества П. И. Пестелем.

Апреля 7 — смерть Байрона в Миссолонгах.

Июня 2 — смерть матери Рылеева, Настасьи Матвеевны.

Сентября 6 — смерть сына Рылеева, Александра.

Ноября 1 — читает на заседании Вольного общества любителей российской словесности отрывок из поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан».

Рылеев предлагает штабс-капитана генерального штаба Корниловича, члена Южного общества, «известного сво-

ими познаниями в отечественной истории и древностях», в Общество любителей словесности наук и художеств.

Ноября 7 — наводнение в Петербурге. А. А. Бестужев спасает от затопления вещи Рылеева в его квартире на Васильевском Острове.

Декабрь (начало) — проездом из Острогожска в Петербург Рылеев останавливается на неделю в Москве у бар. В. И. Штейнгеля.

— Дуэль Рылеева с князем Шаховским из-за побочной сестры Анны Федоровны Рылеевой.

Конец года — принимает в Северное тайное общество А. А. Бестужева.

— Знакомство Рылеева с князем А. И. Одоевским.

Конец 1824 или начало 1825 — Рылеев принял в Северное тайное общество Николая Бестужева.

1825

Январь (начало) — первое письмо Рылеева Пушкину в Михайловское, после которого между ними завязывается переписка.

Января 8 — подписано цензурное разрешение на выход в свет поэмы Рылеева «Войнаровский» в отдельном издании.

Января 20 — цензурное разрешение на выход в свет альманаха «Полярная звезда на 1825 год».

Январь — февраль — Рылеев усиленно готовит к печати «Полярную звезду на 1825 год». Одновременно — усиленная работа в Российско-американской компании.

Начало года — перед отъездом князя Трубецкого в Киев Рылеев избирается на место его членом в Думу.

Март — выход из печати поэмы «Войнаровский».

Конец марта — выход из печати «Полярной звезды на 1825 год».

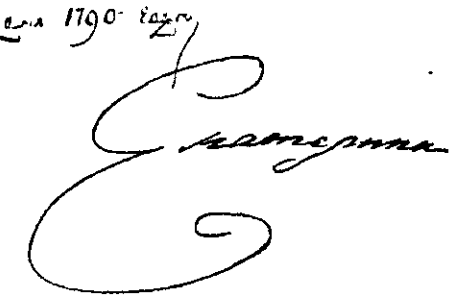
Май — поездка Рылеева в Кронштадт для организации там отделения Северного общества (см. показание Арбузова, «В. Д.», II, стр. 11).

Сентября 10 — Рылеев участвует секундантом в дуэли К. П. Чернова с флигель-адъютантом Новосильцовым, закончившейся смертельным ранением обоих дуэлянтов.

Ноябрь — Рылеев совершает новую поездку в Кронштадт по делам Северного общества.

Нашему Подполковнику Рылееву.

Усердная ваша служба, труды въ приведеніи въ исправность втораго Естляндскаго Егерскаго Батальона, добрая воля и мужество оказанныя вами при отпорѣ войсками Нашими подъ начальствомъ Генерала-Маиора Денисова Корпуса непріятельскаго Королемъ Шведскимъ предводимаго, обращаютъ на себя Наше вниманіе и милости. Въ изъявленіе оныхъ Мы всемилостивѣйше пожаловали васъ Кавалеромъ ордена Нашего Святаго Равноапостольнаго Князя Владимира четвертой степени, которого знаки при семъ доставляя, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить установленнымъ порядкомъ. Удостовѣрены Мы совершенно, что вы получа сіе со стороны Нашей ободреніе потщитеся продолженіемъ службы вашей вящше удостоиться Монаршаго Нашего благоволенія. Въ Царскомъ селѣ Апреля 29 дня 1790 году.

Рескрипт Екатерины II «Нашему подполковнику Рылееву» (1790).

Н о я б р я 19 — неожиданная смерть императора Александра I в Таганроге.

Н о я б р я 27 — первые вести о смерти Александра I доходят до Петербурга.

Государственный совет и сенат присягают императору Константину Павловичу. В тот же день происходит присяга в воинских частях, гражданских учреждениях и у обывателей.

Н о я б р ь (между 27 и 30) — Рылеев заболевает жабой; болезнь удерживает его в квартире около десяти дней.

Д е к а б р ь (начало) — Рылеев сближается с лейтенантом Гвардейского экипажа Арбузовым и, зная его либеральные убеждения, принимает его в Северное общество («Алфавит декабристов», «В. Д.», VIII, стр. 26).

Д е к а б р я 3 — великий князь Михаил Павлович привозит Николаю из Варшавы отказ Константина вступить на престол.

Д е к а б р я 8 — великий князь Константин Павлович окончательно отказывается от вступления на престол.

Д е к а б р ь (около 10 числа) — Рылеевым принят в члены Северного общества В. К. Кюхельбекер («В. Д.», I, стр. 153).

Д е к а б р я 12 — Николай получает известие от генерала Дибича о заговоре в Петербурге и на юге России. Совещание у князя Оболенского, где присутствует и Рылеев. Продолжительное собрание членов Северного общества на квартире у Рылеева. На совещании членов тайного Северного общества на квартире Рылеева присутствуют между другими: князь Трубецкой, Якубович, капитан Пущин, князь Оболенский.

Д е к а б р я 13 — Рылеев проводит утро в доме Бестужевых и там обедает («В. Д.», II, стр. 83). Позднее ведет на квартире Бестужева в присутствии И. И. Пущина переговоры с штабс-капитаном Речиным о непринятии присяги.

(Вечером). На квартире у Рылеева многолюдное собрание заговорщиков, вырабатывающее тактику восстания. Рылеев предлагает Каховскому убить Николая I.

Д е к а б р я 14 (около 10 часов утра) — приходили вместе с И. И. Пущиным к князю С. Трубецкому, диктатору (в доме Лаваля на Английской набережной), но не застали его дома.

(Утром). «Прежде присяги был я у ворот Московского полка вместе с Пущиным... Потом проезжали мы мимо Измайловского полка к казармам Екипажа; но после возвратились на мою квартиру. После сего еще я ездил к

Лейб-Гвардейским Казармам, но не доехав до оных, встретился с Карниловичем и узнав от него, что Сутгоф уже со своею ротою пошел на площадь, воротился. На площади же увидев безначалие и неустройство, отправился искать князя Трубецкого и более уже не возвращался» («В. Д.», I, стр. 165).

Увидев полную неорганизованность восставших на Сенатской площади, Рылеев падает духом и, уйдя с площади задолго до подавления восстания, в течение нескольких часов бродит по улицам Петербурга.

(К вечеру). Каховский на квартире Рылеева в присутствии Штейнгеля и Булгарина рассказывает о смертельной ране, нанесенной им графу Милорадовичу. Рылеев находится в сильном волнении духа, будучи занят «судьбою своего семейства» («В. Д.», стр. 188).

(Около 8 часов вечера). Арестован на своей квартире (на Мойке, в доме Русско-американской компании) и тотчас же доставлен в Зимний дворец.

(Поздно вечером). В «собственноручном показании Рылеева», написанном им в Зимнем дворце и скрепленном генералом-адъютантом Бенкендорфом, Рылеев рассказывает о Северном обществе, предупреждает о существовании общества «около Киева в полках» («надо взять меры, дабы там не вспыхнуло возмущение») («В. Д.», I, стр. 152).

(12 часов ночи). Доставлен в Петропавловскую крепость с инструкцией Николая I коменданту крепости Сукину: «Присылаемого Рылеева посадить в Алексеевский равелин, но не связывая рук, без всякого сообщения с другими, дать ему бумагу для письма и что будет писать ко мне собственноручно, мне приносить ежедневно». В Алексеевском равелине помещен в каземат № 17.

Декабря 16 — Рылеев в письме к Николаю I в подробностях раскрывает состав и цели Северного и Южного обществ («В. Д.», I, стр. 153—155).

Декабря 19 — по высочайшему повелению доставлен во дворец «с надежным чиновником». Ответ на вопрос генерала Левашова о связях Тайного общества («В. Д.», I, стр. 155).

Декабря 24 — первый подробный допрос Рылеева в присутствии «высочайше учрежденного тайного комитета» («В. Д.», I, стр. 157—164).

1826

Января 25 — Рылеев отвечает Следственному комитету на вопрос об Арбузове.

Января 30 — Рылеев отвечает Следственному комитету на вопрос об участии в Северном обществе князя Щепина-Ростовского («В. Д.», I, стр. 406).

Февраля 4 — отвечает Следственному комитету на вопрос об участии в Северном обществе П. А. Муханова («В. Д.», III, стр. 145).

Марта 2 — дает пространные показания следственному комитету о своих сношениях с лейтенантом Завалишиным и об отношениях последнего к Тайному обществу («В. Д.», III, стр. 235); поясняет на вопрос генерал-адъютанта Чернышева об Арбузове и Беляеве («В. Д.», III, стр. 237).

Марта 4 — дополнительное показание о Завалишине («В. Д.», III, стр. 237).

Марта 8 — отвечает Следственному комитету на вопросный пункт об участии в Северном обществе поручика лейб-гвардии Финляндского полка Цебрикова («В. Д.», II, стр. 319).

Апреля 6 — отвечает на вопросные пункты о лейтенанте Завалишине («В. Д.», III, стр. 256—261).

Апреля 8 — отвечает «на дополнительный вопросный пункт» о составе Северной думы и системе разделения членов Тайного общества («В. Д.», I, стр. 166).

Апреля 10 — Рылееву разрешают написать имущественную доверенность своей жене.

Апреля 24 — «Допрашиван в присутствии высочайше учрежденного комитета в пополнение прежних показаний» («В. Д.», I, стр. 167—189).

Мая 4 — отвечает на вопросный пункт о лейтенанте Завалишине («В. Д.», III, стр. 318).

Мая 6 — «В присутствии высочайше учрежденного комитета по разноречию в показаниях дана очная ставка отставному подпоручику Рылееву с полковником Трубецким» («В. Д.», I, стр. 103).

Очная ставка с поручиком Каховским («В. Д.», I, стр. 358).

Мая 7 — «В присутствии высочайше учрежденного комитета отставной подпоручик Рылеев спрашиван...» («В. Д.», I, стр. 189—192).

Мая 9 — «В присутствии высочайше учрежденного комитета по разноречию в показаниях дана очная ставка штабс-капитану Александру Бестужеву с подпоручиком Рылеевым» («В. Д.», I, стр. 193—194).

— Очная ставка «по разноречию в показаниях» с лейтенантом Завалишиным («В. Д.», III, стр. 328).

Мая 10 — Рылееву предъявлены вопросные пункты о штабс-капитане Речине («В. Д.», II, стр. 367).

Мая 11 — отвечает на вопросные пункты о Завалишине и Торсоне («В. Д.», I, стр. 194—196).

Мая 12 — «В присутствии Следственного комитета по разноречию в показаниях дана очная ставка с капитаном-лейтенантом Торсоном» («В. Д.», I, стр. 196—198).

Очная ставка Рылееву с штабс-капитаном князем Щепиным-Ростовским («В. Д.», I, стр. 408); очная ставка с капитаном лейтенантом Торсоном («В. Д.», I, стр. 196—198).

Мая 14 или 15 (дата в показании пропущена) — вопросный пункт о штабс-капитане Бестужеве («В. Д.», I, стр. 464).

Мая 15 — допрос «в присутствии Следственного комитета» («В. Д.», I, стр. 199—203).

Мая 16 — очная ставка с лейтенантом Арбузовым («В. Д.», II, стр. 42); очная ставка с Каховским («В. Д.», I, стр. 202).

— Вопрос об отношении к Северному обществу коллежского асессора И. И. Пущина.

Мая 22 — очная ставка с Завалишиным о происхождении стихов «Я в первый раз взял в руки лиру» («В. Д»., III, стр. 388).

Июня 3 — Верховный уголовный суд приступает к своей работе. В составленной М. М. Сперанским «росписи», Рылеев входит в список пяти преступников, «осужденных к смертной казни четвертованием».

Июня 9 (?) — Рылееву разрешено свидание с женою и дочерью, о чем дежурным генералом Потаповым послано уведомление Наталье Михайловне Рылеевой. Свиданье происходит в Петропавловской крепости.

Июнь (между 20 и 30) — Рылеев набрасывает черновую своего письма к Николаю I, оставшегося, повидимому, непосланным.

Июля 10 — находя приговор Верховного уголовного суда «существу дела и силе законов сообразным», Николай I несколько смягчает наказания. В отношении преступников, «кои по тяжести злодеяний поставлены вне разрядов и вне сравнения с другими» (в том числе Рылеева), Николай, лицемерно не желая утверждать кровавого приговора, участь их предает решению Верховного уголовного суда (указ от 10 июля 1826 г., данный в Царском Селе).

Июля 11 — «Верховный уголовный суд по высочайше представленной ему власти приговорил: вместо мучительной смертной казни четвертованием: Павлу Пестелю, Кондратию Рылееву, Сергею Муравьеву, Михайле Бестужеву-Рюмину и Петру Каховскому, приговором суда опреде-

ленной, сих преступников, за их тяжкие злодеяния, повесить».

Июль, в ночь на 13-е — предсмертное письмо к жене.

Июля 13 (рано утром, между 4 и 6 часами) — Рылеев в числе четырех других приговоренных к смертной казни проведен по фронту войск, с надписью на груди: «Злодеи, цареубийцы», и после напутствия священником повешен на эспланаде Петропавловской крепости. «При неопытности наших палачей и неуменьи устраивать виселицы, при первом разе трое, а именно: Рылеев, Каховский и Муравьев, сорвались, но вскоре опять были повешены и получили заслуженную смерть» (из донесения Николаю I с.-петербургского генерал-губернатора).

Июля 25 — комендант Петропавловской крепости генерал Сукин препровождает вдове Рылеева оставшиеся после ее мужа 535 рублей ассигнациями.

БИБЛИОГРАФИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РЫЛЕЕВА И ЛИТЕРАТУРЫ О НЕМ

1. Произведения, опубликованные при жизни самим поэтом

Эпиграмма («Ты знаешь Фирса чудака»). «Благонамеренный», ч. IX, 1820, № V, март, Мелкие стихотворения, стр. 334. Подпись: *К. Р—в.*

Романс. «Благонамеренный», ч. IX, 1820, № VI, март, Мелкие стихотворения, стр. 415—416. Подпись: *К. Р — в.*

«Надпись к портрету одного старого воина, умершего от кровопускания». «Благонамеренный», ч. IX, 1820, № V, март, Мелкие стихотворения, стр. 335. Подпись: *К. Р—в.*

Эпиграмма («Безделок несколько наш Бавий накропав»). «Благонамеренный», ч. XI, 1820, № XIII, июль, Стихотворения, стр. 54. Подпись: *К. Р—в.*

«К Делии». Подражание Тибуллу («Почто, о Делия! с коленопреклоненьем...»). «Благонамеренный», ч. XI, 1820, № XIII, июль, Стихотворения, стр. 50—52. Подпись: *К. Рылеев.*

Эпиграмма («Не диво, что Вралев так много пишет вздору...»). «Невский зритель», ч. IV, 1820, кн. X, октябрь, Стихотворения, стр. 41. Подпись: — *ъ* —

Эпиграмма («Известно всем давно, что стиходей Арист...»). «Невский зритель», ч. IV, 1820, кн. X, октябрь, Стихотворения, стр. 41. Подпись: — *ъ* —

К временщику («Подражание Персиевой сатире «К Рубеллию»). «Невский зритель», ч. IV, 1820, октябрь, Стихотворения, стр. 26—28. Подпись: *Рылеев.*

«Завет богов». «Невский зритель», ч. IV, 1820, кн. XI, ноябрь, Стихотворения, стр. 147. Подпись: — *ъ* —

«К другу» («Не нам, мой друг, с тобой чуждаться...»). «Невский зритель», ч. IV, 1820, ноябрь, Стихотворения, стр. 141—142. Подпись: *К. Р—в.*

«Еще о храбром М. Г. Бедраге». «Отечественные записки», ч. IV, № 8, декабрь, Смесь, стр. 284—289. Подпись: *Кондратий Рылеев.*

«К Делии» («Опять, о Делия, завистливой судьбою...»). «Невский зритель», ч. IV, 1820, декабрь, Стихотворения, стр. 207—208. Подпись: *К. Р—в.*

«Триолет Наташе». «Невский зритель», ч. IV, 1820, декабрь, Стихотворения. Подпись: *К. Р—в.*

«Шарада». «Благонамеренный», ч. XII, 1820, № XXIII и XXIV, декабрь, Смесь, стр. 372—373. Подпись: *К. Р—в.*

«Заблуждение». «Невский зритель», ч. V, 1821, январь, Стихотворения, стр. 37. Подпись: *К. Рылеев.*

«Провинциал в Петербурге». Первый выезд. Магазины. «Невский зритель», ч. V, 1821, январь, отд. «Нравы», стр. 48—55. Подпись: *К. Р—в.*

«Древние и новые» (Из «Провинциала в Петербурге»). «Невский зритель», ч. V, 1821, февраль, отд. «Нравы», стр. 156—159. Подпись отсутствует.

«Жестокой». «Невский зритель», ч. V, 1821, февраль, Стихотворения, стр. 147—148. Подпись: *К. Рылеев.*

«Переводчику Андромахи» («На случай пятого издания перевода сей прекрасной Расиновой трагедии»). «Невский зритель», ч. V, 1821, кн. III, март, Стихотворения, стр. 259. Подпись отсутствует.

«Чудак». «Невский зритель», ч. V, 1821, февраль, «Нравы», стр. 160—163. Подпись: *К. Р—в.*

«Курбский» (Элегия). «Сын отечества», ч. 71, 1821, № XXIX, 16 июля, Стихотворения, стр. 129—131. Подпись: *Рылеев.*

«Надгробная надпись. Пр. Мих. Гир—ной». «Соревнователь просвещения», ч. XVI, 1821, кн. XII, Стихотворения, стр. 86. Подпись: *К. Рылеев.*

«Пустыня». «Соревнователь просвещения», ч. XVI, 1821, кн. XII, Стихотворения, стр. 337—347. Подпись: *К. Рылеев.*

«Святополк». «Сын отечества», ч. 74, 1821, № XVII, 19 ноября, Стихотворения, стр. 33—35. Подпись: *К. Рылеев.*

«Послание к Н. И. Гнедичу» (Подражание VII посланию Депрео). «Сын отечества», ч. 74, 1821, № 6, 10 декабря, Стихотворения. Подпись: *К. Рылеев.*

«Боян». «Соревнователь просвещения», ч. XVIII, 1822, кн. III. Стихотворения, стр. 330—333. Подпись: *К. Рылеев.*

«Смерть Ермака». «Русский инвалид» 1822, № 14, 17 января, Стихотворения, стр. 55—56. Подпись: *К. Рылеев.*

«С м е р т ь Е р м а к а». «Соревнователь просвещения», ч. XVIII, 1822, кн. I, Стихотворения, стр. 100—103. Подпись: *К. Рылеев.*

«Б о г д а н Х м е л ь н и ц к и й». «Соревнователь просвещения», ч. XVIII, 1822, кн. III. Стихотворения, стр. 342—345. Подпись: *К. Рылеев.*

«А р т е м о н М а т в е е в». Дума. «Русский инвалид», 1822, № 35, 7 февраля, Стихотворения, стр. 140. Подпись: *К. Р—в.*

«Б о г д а н Х м е л ь н и ц к и й». «Руский инвалид» 1822, № 54, 1 марта, Стихотворения, стр. 215—216. Подпись: *К. Рылеев.*

«Д м и т р и й С а м о з в а н е ц». Дума. «Новости литературы», кн. I, 1822, № XI, Стихотворения, стр. 28—31. Подпись: *Рылеев.*

«Г л и н с к и й. Дума «Соревнователь просвещения», ч. XIX, 1822, кн. XVII, Стихотворения, стр. 314—321. Подпись: *К. Рылеев.*

«Г л и н с к и й». Дума. Перевод с польского К. Рылеева. Спб. 1822 г. 8 страниц из XIX части «Трудов Вольного общества любителей российской словесности».

«Б о г д а н Х м е л ь н и ц к и й». «Сын отечества», ч. 78, 1822, № XXIII, 10 июня, Стихотворения, стр. 130—134. Подпись: *К. Рылеев.*

«С в я т о с л а в». Дума. «Новости литературы», кн. I, 1822, № IV, Стихотворения, стр. 171—173. Подпись: *К. Рылеев.*

«С в я т о с л а в». Дума. «Соревнователь просвещения», ч. XIX, 1822, кн. VII, Стихотворения, стр. 79—83. Подпись: *К. Рылеев.*

«О л е г В е щ и й». «Новости литературы», кн. I, 1822, № XII, Стихотворения 11—16. Подпись: *К. Рылеев.*

«Г л и н с к и й». Дума. «Новости литературы», кн. II, 1822, № XIV, Стихотворения, стр. 11—16. Подпись: *К. Рылеев.*

«О л ь г а п р и м о г и л е И г о р я». Дума. «Новости литературы», кн. I, 1822, № XII, Стихотворения, стр. 187—190. Подпись: *Рылеев.*

«Д м и т р и й Д о н с к о й». «Сын отечества», ч. 80, 1822, № XL, 9 октября, Стихотворения, стр. 315—318. Подпись: *К. Рылеев.*

«В о л ы н с к и й». Дума. «Новости литературы», кн. II, 1822, № XVI, Стихотворения, стр. 42—46. Подпись: *Рылеев.*

«Д е р ж а в и н». Дума. «Сын отечества», ч. 82, 1822, № XLVII, 27 ноября, Стихотворения, стр. 31—35. Подпись: *Рылеев.*

Во время болезни моей предшествовавшей сего месяца 14-й, посещали меня многие мои знакомые, а в том числе Князь Трубецкой, Бестужев, Князь Одоевский, Князь Оболенской, Сутгоф, Каховской. Это было в то самое время, в которое распространился по городу слух об отречении Государя Цесаревича от престола. Все единогласно утверждали, что раз присягнув, будет [illegible] присягать другому Императору, [illegible] [illegible], [illegible] утвердились, все [illegible] решились не присягать. Полагали однакож быть никаких насильственных мер с нашей стороны не предпринимать, а если [illegible] будут употреблены принуждения ~~[illegible]~~ офицерами (что не относилось нас последних [illegible], но собственно солдатам [illegible] между собою) то [illegible] было [illegible] на площади и [illegible] Константина Павловича, как Императора, которому уже присягали, или [illegible] [illegible] в Петербург, [illegible] распространились слухи, что Его задержали Генерал, Князь Трубецкой. [illegible] было принятие [illegible]

Собственноручное показание, написанное Розеным в ночь ареста

«Курбский». Элегия. «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах», изданное обществом любителей отечественной словесности. Изд. второе, ч. IV, Спб. 1822, стр. 312—313. Подпись: *Рылеев.*

«Михаил Тверской». Дума. «Новости литературы», кн. II, № XIX, Стихотворения, стр. 93—96. Подпись: *Рылеев.*

«Рогнеда». Повесть. «Полярная звезда». Карманная книжка для любительниц и любителей русской словесности на 1823 год, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. Спб. 1823, стр. 45—56. Подпись: *Рылеев.*

«Борис Годунов». Дума. Там же, стр. 176—180. Подпись: *Рылеев.*

«Мстислав Удалой». Там же, стр. 282—284. Подпись: *Рылеев.*

«Иван Сусанин». Дума. Там же, стр. 370—374. Подпись: *Рылеев.*

«Иван Сусанин». «Новости литературы», кн. III, 1823, № XI, март, Стихотворения, стр. 172—176. Подпись: *Рылеев.*

«Наталья Долгорукова». Дума. «Новости литературы», кн. V, 1823, № XXX, Стихотворения, стр. 61—64. Подпись: *Рылеев.*

«Видение». Ода на день тезоименитства его императорского высочества великого князя Александра Николаевича 30 августа 1823 г. «Литературные листки» 1823, № 111, Стихотворения, стр. 33—40. Подпись: *Рылеев.*

Некролог председателю с.-петербургской палаты гражданского суда 2-го департамента коллежского советника и кавалера Дмитрия Гавриловича Высочина. «Русский инвалид» 1823, № 247, 18 декабря, стр. 986. Подпись: *К. Рылеев.*

«Петр Великий в Острогожске. «Соревнователь просвещения», ч. XXI, 1823, № 111, Стихотворения, стр. 287—290. Подпись отсутствует.

«Якутск» (Из поэмы: «Войнаровский»). «Сын отечества», ч. 91, 1824, № 111, 19 января. Стихотворения, стр. 130—132. Подпись: *К. Рылеев.*

«Юность Войнаровского». (Отрывок из поэмы «Войнаровский»). «Полярная звезда» на 1824 г. Спб. 1824, стр. 82—86. Подпись: *К. Рылеев.*

«Бегство Мазепы». (Отрывок из поэмы «Войнаровский»). «Полярная звезда» на 1824 г. Спб. [1824], стр: 230—233. Подпись: *Рылеев.*

«Смерть Войнаровского». (Отрывок из по-

эмы). «Соревнователь просвещения», ч. XXV, 1824, № III, Поэзия, стр. 255—257. Подпись: *Рылеев.*

«Петр Великий в Острогожске». Дума. «Новости литературы», кн. VIII, 1824, № XV, Стихотворения, стр. 46—48. Подпись: *Рылеев.*

«Стансы». (К А. Б—ву). «Полярная звезда» на 1825 г. Спб. [1825], стр. 115—116. Подпись: *Рылеев.*

«Смерть Чигиринского старосты». (Отрывок из поэмы «Наливайко»). «Полярная звезда» на 1825 г. Спб. [1825], стр. 30—31. Подпись: *Рылеев.*

«Киев». (Отрывок из поэмы «Наливайко»). «Полярная звезда» на 1825 г. Спб. [1825], стр. 185—186. Подпись: *Рылеев.*

«Исповедь Наливайко». (Отрывок из поэмы). «Полярная звезда» на 1825 г., Спб. [1825], стр. 370—372. Подпись: *Рылеев.*

«Палей». (Отрывок из «Новой Поэмы»). «Северная пчела» 1825, № 57, 12 мая, Словесность, стр. 4. Подпись: *Р.*

«Несколько мыслей о поэзии». (Отрывок из письма к N. N.). «Сын отечества», ч. 104, 1825, № XXII, Словесность, стр. 145—154. Подпись: *Рылеев.*

«Гайдамак». (Отрывок). «Соревнователь просвещения», ч. XXX, 1825, кн. I, Поэзия, стр. 97—104.

«Войнаровский». Сочинение К. Рылеева. М. В тип. Селивановского, 1825, XXIV+64 стр. А. А. Бестужеву, стр. 111. Предисловие. — V. Жизнеописание Мазепы А. К[орниловича]. VII—XVIII. Жизнеописание Войнаровского. — А. Б[естужева] — XVIII—XXIV. «Войнаровский». Поэма — 1—50. Примечания к первой части — 51—64.

«Думы». Стихотворения К. Рылеева. М. В тип. Селивановского, 1825, VIII, стр. 172.

Посвящение Н. С. Мордвинову. — Предисловие. — «Олег Вещий». 1—6; «Ольга при могиле Игоря», 7—13; «Святослав», 15—21; «Святополк», 23—26; «Рогнеда», 27—44; «Боян», 45—49; «Мстислав Удалой», 51—56; «Михаил Тверской», 57—63; «Димитрий Донской», 65—71; «Глинский», 73—84; «Курбский», 85—89; «Смерть Ермака», 91—99; «Борис Годунов», 101—107; «Дмитрий Самозванец», 109—115; «Иван Сусанин», 111—125; «Богдан Хмельницкий», 127—134; «Артемон Матвеев», 135—142; «Петр Великий в Острогожске», 143—148; «Волынский», 149—156; «Наталия Долгорукова» 157—163; «Державин», 165—172.

Просимъ покорнѣйше при-
нять прилагаемыя 2000 р. и
не подосадовать на усердіе людей
принимающихъ душевное участіе
въ вашемъ положеніи. Надѣемся
ежегодно доставлять подобную
сумму.

Анонимная записка, присланная Н. М. Рылеевой после казни ее мужа.

2. Анонимные публикации стихотворений Рылеева в русских журналах после 14 декабря 1825 г.

«Партизаны». (Отрывок). «Северные цветы» на 1828 г., Спб. 1827, Поэзия, стр. 55—57. Подпись отсутствует.

«Кого не победит Аглаи томный взор». «Листки Граций или собраний для альбомов». М. 1829, стр. 16. Подпись: *Рылеев*.

«Палей». (Отрывок из неоконченной поэмы). «Северная звезда», Спб. 1829, стр. 25—27. Без подписи.

«В альбом Т. С. К.». («Своей любезностью опасной...»). «Северный Меркурий», т. I, 1830, № 8, 17 января, стр. 32. Подпись: *Р*.

«К N. N.» («У вас в гостях бывать наклдно...»). «Северный Меркурий», т. I, 1830, № 11, 24 января, стр. 44. Подпись: *Р*.

3. Из зарубежных изданий сочинений Рылеева

Неизданные стихотворения А. Пушкина, К. Рылеева, М. Лермонтова. «Полярная звезда» на 1856 г., издавемая Искандером. Книжка вторая, Лондон 1856. стр. 26—30.

«Войнаровский». Поэма К. Рылеева. Берлин. Ferdinand Schneider. 1857 (2 издания).

Стихотворения К. Рылеева. Берлин. Ferdinand Schneider. 1857 (2-е издание 1858).

Собрание стихотворений Пушкина, Рылеева, Лермонтова и других лучших авторов. Лейпциг. Вольфганг Гергард, 1858 («Русская Библиотека», т. I).

«Думы» К. Рылеева. Берлин, Ferdinand Schneider. 1859.

Сочинения К. Рылеева. I. «Думы», II. «Войнаровский», III. Разные стихотворения. Берлин. Ferdinand Schneider. 1860.

«Думы». Стихотворения К. Рылеева. С предисловием Н. Огарева. Издание Искандера. Лондон 1860.

Переписка Рылеева с А. С. Пушкиным. «Полярная звезда» на 1861 г., кн. VI, Лондон 1861.

Полное собрание сочинений К. Ф. Рылеева. Т. А. Brockhaus. Лейпциг 1861, стр. XX и 394. («Библиотека русских авторов», т. I). (Лучшее из заграничных изданий Рылеева).

Собрание стихотворений декабристов. Т. А. Brockhaus, Лейпциг 1862 («Библиотека русских авторов», т. II), стр. 197—104 и 230—231.

«Лютня». Собрание свободных русских песен и стихотворений. Лейпциг 1869, стр. 32—70, 110—111, 202—230.

«Лютня» II. Потаенная литература XIX столетия. Лейпциг (без года), стр. 44—46 («Видение»), 64 («Гражданин»), 119—120 («К временщику»), 136—139 («Гражданское мужество»).

Материалы для биографии К. Ф. Рылеева. Лейпциг 1875. Стихотворение Огарева «Памяти Рылеева», воспоминания Н. А. Бестужева, Е. П. Оболенского, М. А. Бестужева, заметка об Анне Федоровне Рылеевой и письма Рылеева к Пушкину.

4. Русские публикации произведений Рылеева с 1861 г. по настоящее время

Из ненапечатанной литературы 20-х годов. «Библиографические записки», т. III, 1861, № 14, столб. 417. Стихотворение «Прими, прими, святой Евгений...».

«Мне тошно здесь, как на чужбине» и «О, милый друг! Как внятен голос твой!» в статье «Из непечатной литературы 20-х годов». «Библиографические записки», т. III, 1861, № 19, столбцы 581—582; ср. далее 585—586.

Элегия («Покинь меня, мой юный друг...»). «Русское слово» 1861, IV, стр. 50. Подпись: *К. Р—в.*

Элегия («Исполнились мои желанья...»). «Русское слово» 1861, IV, стр. 42. Подпись: *К. Р—в.*

Послание Кондратия Федоровича Рылеева к А. А. Бестужеву, по поводу поездки А. Бестужева в Кронштадт. Сообщ. М. А. Бестужев. «Русская старина» 1870, кн. VII, стр. 88—90.

«Рылеев». Сообщил П. А. Ефремов. «Русская старина» 1871, кн. I, стр. 62—67. (Автограф думы «Волынский»).

«Рылеев». Материалы для истории русской литературы 1816—1825 гг. Сообщили Б. Ф. и В. Ф. Булгарины и Т. А. Сосновский. Приготовил к печати П. А. Ефремов. «Русская старина» 1871, кн. I, стр. 64—113.

«На рождение Якова Николаевича Бедраги». Сообщил М. А. Веневитинов. «Русская старина» 1871, кн. VII, стр. 80.

Возмущение старого лейб-гвардии Семеновского полка. 1820. Сообщили А. Н. Афанасьев и П. А. Ефремов. «Русская старина» 1871, кн. X, стр. 419—435, и XI, стр. 533—548.

Статья, приписываемая Рылееву. Напечатана с пропусками.

К. Ф. Рылеев, «Волынский». Дума. «К. К—ому». «К. N. N». Сообщил П. А. Ефремов. «Русская старина» 1872, кн. I, стр. 62—67.

К. Ф. Рылеев, Думы (Публикация П. А. Ефремова). «Русская старина» 1872, кн. II, стр. 270—282, и IV, стр. 640—646.

Кн. II: «Глинский», «Смерть Ермака», «Богдан Хмельницкий», «К временщику», «Вере Николаевне Столыпиной». Кн. IV: «Дмитрий Донской», «Борис Годунов», «Дмитрий Самозванец».

«Войнаровский». Поэма в двух частях. Соч. Кондратия Федоровича Рылеева. 1825. Сообщили Б. Ф. и В. Ф. Булгарины и Т. А. Сосновский. «Русская старина» 1871, кн. IV, стр. 485—524.

Эпиграмма («На болезнь Крылова»). «Письма А. Е. Измайлова к И. И. Дмитриеву». «Русский архив» 1871, VII—VIII, стр. 1012.

Из юношеских стихотворений Рылеева. Думы. Отрывки из поэмы «Наливайко». Сообщил П. А. Ефремов. «Русская старина» 1872, кн. V, стр. 758—766.

«На смерть Байрона». Стихотворение, приписываемое Рылееву. «Русская старина» 1872, кн. X, стр. 439—440.

К. Ф. Рылеев, Стихотворения, с предисловием и примечаниями П. А. Ефремова. «Русская старина» 1871, кн. XI, стр. 562—570.

Письма Рылеева к Пушкину. «Девятнадцатый век», кн. I, Спб. 1872, стр. 376—382.

Записка о поединке Новосильцова с Черновым. «Девятнадцатый век», кн. I, М. 1872, стр. 336—337.

Из бумаг Рылеева. «Девятнадцатый век», кн. I, М. 1872, стр. 362—375.

Письма к отцу, Штейнгелю, переписка с Булгариным, автографы дум: «Царевич Алексей» и «Видение императрицы Анны».

Сочинения и переписка Кондратия Федоровича Рылеева. Под ред. П. А. Ефремова. Спб. 1872; изд. 2-е — 1874.

«Рылеев К. Ф.». Сообщил П. А. Ефремов. «Русская старина» 1877, кн. II, стр. 359—362.

Стихотворение «А. П. Ермолову». Поэма «Партизаны» и «Песня партизанская».

«Звездочка» 1826, изд. А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева. «Русская старина» 1883, кн. VII.

Якушкин В. Е., «Из истории литературы 20-х годов». Новые материалы для биографии К. Ф. Рылеева. «Вестник Европы» 1888, кн. XI, стр. 195—222, и XII, стр. 581—596.

Сочинения К. Ф. Рылеева под ред. и со статьей М. Н. Мазаева, Спб. 1893; изд. 2-е — 1895.

Рылеев К. Ф., Думы и поэмы, изд. А. С. Суворина, Спб. 1893. Вторично — Спб. 1913.

Рылеев К. Ф., «Кулакиада». Сообщил М. П. Кудрявцев. «Русская старина» 1896, кн. III, стр. 506—510.

Письмо К. Ф. Рылеева к Ю. У. Немцевичу (Петербург 11 сентября 1822 г.). «Литературный вестник» 1904, кн. II, стр. 45—46.

«Поэзия декабристов». Сообщил С. Сухотин. «Всемирный вестник» 1904, кн. I, стр. 147—149; кн. II. стр. 206—209.

Собрание сочинений и переписка Кондратия Федоровича Рылеева. Спб. 1905, стр. 382.

Собрание стихотворений декабристов, т. I. Стихотворения К. Ф. Рылеева, А. И. Одоевского, А. А. Бестужева-Марлинского и Г. С. Батенкова. М. 1906, стр. 67—196.

Собрание стихотворений декабристов. т. I. М. 1906.

Собрание сочинений К. Ф. Рылеева в двух томах. Библиотека декабристов, выпуск первый (М. 1906) и третий (М. 1907).

Сочинения К. Ф. Рылеева и А. И. Одоевского, с приложением очерка Т. В. Поссе. Спб. 1913, стр. 571.

Штрайх С. Я., «Новые письма декабристов», сб. «Утренники», II, 1922, кн. II, стр. 69. Выписка из письма К. Ф. Рылеева к М. Г. Бедраге от 23 ноября 1820 г.

«Поэты-декабристы», сб., под редакцией, со вступительной статьей и примечаниями Ю. Н. Верховского. М.—Л. 1926.

Из архива К. Ф. Рылеева. «Былое» 1925, № 5 (33), стр. 28—44.

Бродский Н. Л. и Львов-Рогачев-

ский В. Л. «Красный декабрь». Революционные мотивы русской поэзии. Л. 1925, стр. 25—27.

Письмо К. Ф. Рылеева к В. И. Туманскому (3 октября 1823 г.), с примечаниями Г. П. Георгиевского. «Декабристы», стр. 18—31.

Измайлов Н. В. «Из бумаг К. Ф. Рылеева», сб. «Памяти декабристов». Л. 1926, т. I, стр. 140—150.

Рылеев К. Ф. Приписываемое ему послание к А. А. Бестужеву с примечаниями Н. В. Измайлова. «Атеней», III. Л. 1926, стр. 9 и 29.

Маслов В. И., «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева». Киев 1912, Приложения, стр. 1—110.

Ранние стихотворения и проза, ряд семейных документов.

5. Мемуары современников о Рылееве

Бестужев Н. А., «Воспоминания о Рылееве». (Написаны в начале 30-х годов). «Девятнадцатый век», кн. I, М. 1872, стр. 338—350; в полном виде см. последнее издание «Воспоминания Бестужевых». М. 1931.

Герцен А., «Кондратий Рылеев и Николай Бестужев». «Музей Революции», т. I, 1923.

Герцен А. И. Сочинения и письма под ред. М. К. Лемке. О Рылееве см. по указателю, особ. тома VI, VIII, IX и XXII.

Кропов Дм. И., «Несколько сведений о Рылееве». «Русский вестник», т. 80, 1869, кн. III, стр. 229—245.

Розен А., бар. «Записки декабристов», Лейпциг 1870.

Глинка Ф. Н. «К. Ф. Рылеев». «Русская старина» 1871, кн. II, стр. 244—246.

Е. Я[кушкин], «По поводу воспоминаний о Рылееве». «Девятнадцатый век», кн. I, М. 1872, стр. 351—361.

Н. И. Греч, «Записки о моей жизни». Спб. 1886. О Рылееве см. стр. 366—378. Новейшее издание «Academia», 1928.

Резко-реакционная характеристика Рылеева.

Буслаев Ф., «Мои воспоминания». М. 1897, стр. 40—41.

О популярности стихотворений Рылеева в конце 20-х и начале 30-х годов в среде провинциальной молодежи.

Лесков Н., «Один из трех праведников». В собрании сочинений Лескова, т. III, Спб. 1902.

Никитенко А. В., «Моя повесть о самом себе». 2-е изд., 2 тт., Спб. 1905.

«Общественные движения в России в первую половину XIX века», т. I: «Декабристы М. А. Фон-Визин, кн. Е. П. Оболенский и бар. В. И. Штейнгель». Составили В. И. Семевский, В. Богучарский и П. Е. Щеголев. Спб. 1905. Воспоминания Е. П. Оболенского и записки Н. И. Штейнгеля.

Записки Александра Ивановича Кошелева. Berlin 1884. Русский перевод. — «Всемирный вестник» 1906, кн. VIII.

Дельвиг, А. И., бар., «Мои воспоминания». М. 1912, стр. 53—55.

Об отношениях К. Ф. Рылеева к Дельвигу.

Записки декабриста И. И. Горбачевского. М. 1916; 2-е изд. — М. 1925.

Пиксанов Н. К., «Русские писатели в неизданных воспоминаниях В. Н. Григорьева (Пушкин, Грибоедов, Рылеев, Бестужев и др.)». «Современник» 1925, кн. I, стр. 127—140.

Замечания декабриста Штейнгеля на воспоминания Е. П. Оболенского о Рылееве. Публикация Б. Л. Модзалевского в сб. «Декабристы». Неизданные материалы и статьи. Под редакцией Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. М. 1925, стр. 182—184.

6. Биографические работы

Письмо А. А. Дельвига к А. С. Пушкину. «Былое» 1906, V, стр. 139—140.

Маслов В. И., «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева». Киев 1912, гл. II, стр. 57—107.

Капитальнейшая работа, занимающая первое место по количеству систематизированного материала. Политическая роль рылеевской поэзии освещена в ней, однако, крайне недостаточно.

«Рылеев». Русский биографический словарь, статья Н. Лернера, стр. 684—695.

Барсуков Н., «Жизнь и труды П. М. Строева». Спб. 1878, стр. 97—99.

Сиротинин А. Н., «К. Ф. Рылеев», биографический очерк. «Русский архив» 1890, кн. VI, стр. 113—208.

Лучший опыт биографии Рылеева.

Чулков Георгий, «Мятежники 1825 года». М. 1925, стр. 43—74.

Опыт художественной биографии Рылеева.

Лернер Н., «Памяти Пушкина. Рылеев и Кюхельбекер 14 декабря 1825 г.». «Былое» 1925, стр. 195—209.

7. Политические взгляды Рылеева

Иконников В. С., «Граф Н. С. Мордвинов». Спб. 1873.

Плеханов Г., «14 декабря 1825 года», в сб. «Очерки по истории русской общественной мысли XIX века», Пгр. 1923, и в собрании сочинений Плеханова, 1924, т. X, стр. 351—372.

Буткевич Т. А., «Религиозные убеждения декабристов». Харьков 1900, стр. 62—64.

Реакционная попытка примером декабристов и в частности Рылеева доказать спасительность христианской веры и вред атеизма.

Архив III Отделения собственной его императорского величества канцелярии I экспедиции, № 335. «О стихах на 14 декабря, находившихся у студента Леопольдова, и прикосновенных к сему делу 14 кл. Коноплеве и шт.-кап. Алексееве». 1827. «Всемирный вестник» 1905, кн. IX, стр. 263—288, и кн. X, стр. 289—300.

Семевский В. И., «Крестьянский вопрос в России во второй половине XVIII и первой половине XIX века», т. I. Спб. 1905.

Щеголев П. Е., «Император Николай I — тюремщик декабристов». «Былое» 1906, кн. V, стр. 195—207, и в кн. «Декабристы». М.—Л. 1926.

Довнар-Запольский М. В., «Тайное общество декабристов». М. 1906, стр. 253—265.

Рылеев — член Северной думы.

Декабристы. Тайные общества. Процессы Колесникова, бр. Критских и Раевских. М. 1907.

Семевский В. И., «Политические и общественные идеи декабристов. Спб. 1909. Книга, ценная широким охватом проблемы и обилием материалов (особенно близки к нашей теме главы I, II и VI).

Цявловский М. А., «Эпигоны декабристов». (Дело о распространении «зловредных» сочинений среди студентов Харьковского университета в 1827 г.). «Голос минувшего» 1917, VII—VIII, стр. 76—104.

Пыпин А. Н., «Общественное движение в России при Александре I». Изд. 5-е. Пгр. 1918, стр. 544.

Покровский М. Н., «Декабристы». Сб. статей. М.—Л. 1927.

Дело К. Ф. Рылеева». «Восстание декабристов», т. I, под редакцией А. А. Покровского. М.—Л. 1925, стр. 147—218.

«Восстание декабристов». Материалы, т. VIII, «Алфавит декабристов», под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Л. 1925.

Щеголев П. Е., «Декабристы». Очерки. М.—Л. 1926.

Пресняков А. Е., «Мотивы реальной политики в движении декабристов». «Бунт декабристов». Л. 1926, стр. 29—55.

Пресняков А. Е., проф., «14 декабря 1825», с приложением военно-исторической справки Г. С. Габаева. Гвардия в декабрьские дни 1825 года. М.—Л. 1926.

Штрайх С. Я., «О пяти повешенных». М. 1926.

Гессен Сергей, «Декабристы перед судом истории». Л. 1926.

Компилятивная работа, вобравшая довольно большой материал.

Пиксанов Н. К., «Дворянская реакция на декабризм». «Звенья», сб. II. М. 1932, стр. 131—201.

8. Историко-литературные работы о Рылееве

Бестужев А. А., «Взгляд на старую и новую словесность в России». «Полярная звезда» на 1823 г., стр. 29.

Булгарин В. Ф., «Рецензия на Думы». «Северный архив» 1823, ч. V, стр. 421—422, «Северная пчела» 1825, № 37.

Плетнев П. А., Рецензия. «Северные цветы» на 1825 г., стр. 55—56.

Иванов Ив. «История русской критики», части 1 и 2. Спб. 1898, стр. 440—445. Отдел «Рылеев как критик».

Замотин И. И. Предание о Вадиме Новгородском в русской литературе. «Филологические записки» 1899, вып. VI (и отд. оттиск).

Сиповский В. В., «Пушкин и Рылеев». Спб. 1905. (Оттиск из издания «Пушкин и его современники», вып. III).

Айхенвальд Ю., «Силуэты русских писателей», вып. I. (Несколько изданий).

Kraucshar A., «Obrazy i wiserunki historiczne». Warsczawa 1906, str. 327—332.

Балицкий Г. В., «Кондратий Федорович Рылеев». «История русской литературы XIX в.», под ред. Д. Н. Овсянико-Куликовского, т. I. М. 1908, стр. 169—174.

Котляревский Н., «Рылеев». Спб. 1908, стр. 213—219.

Петров Д. К., Очерки по истории политической поэзии XIX в. Россия и Николай I в стихотворениях Эспронседа и Россетти. Спб. 1909. Особенно важна глава IV — о влиянии испанской революции на декабристов.

Трубицын П., «О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX в.». Спб. 1912.

Маслов В. И., «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева». Киев 1912, стр. 376+144.

Маслов В. И., «Начальный период байронизма в России». Киев 1915.

Маслов В. И., «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева». Дополнения и поправки. Киев 1916.

Лернер Н. О., «Замечания Пушкина на «Войнаровского»». «Известия книжных магазинов товарищества М. О. Вольф». 1916, № 6, стр. 141—142.

Энгельгардт Н. А., «Пушкин и Рылеев». «Известия книжных магазинов товарищества М. О. Вольф». 1916, № 5, стр. 111—115.

Либрович С. Ф., «Рылеев и Немцевич». «Вестник литературы». Пгр. 1916, № 4, столбцы 87—93.

Котляревский Нестор, «Литературные направления Александровской эпохи». Изд. 3-е, без перемен. Пгр. 1917, стр. 261—270.

Клевенский М., «К. Ф. Рылеев». М.—Л. 1925, стр. 78.

Розанов И. Н., «Поэты двадцатых годов XIX века». М. 1925, стр. 151.

Гроссман Л. П., «Пушкин или Рылеев». «Недра», кн. VI, М. 1925, стр. 210—229. Перепечатано в «Сборнике сочинений Л. Гроссмана», т. I.

Гофман М. Л., «Пушкин и Рылеев». «Недра», Литературно-художественный сборник, кн. VI, М. 1925, стр. 195—209.

Лелевич Г., «Памяти К. Рылеева». «Известия ВЦИК и ЦИК» от 29 сентября 1925 г.

Филиппович Павло, «Рилеєв і Державін». Сб. «Декабристі на Україні», стр. 124—135.

Авл, «Из далекой старины». «Каторга и ссылка» 1925, № 8 (21), стр. 252—260.

Цейтлин А. Г., «Творческий путь Рылеева». В сб. статей «Бунт декабристов», под редакцией Ю. Г. Оксмана и П. Е. Щеголева. Л. 1926, стр. 223—283.

Шувалов С. В., «Думы и поэмы Рылеева» (Опыт морфологического анализа). В книге «Семь поэтов». М. 1927.

О к с м а н Ю. Г., «Секретно слідство про Исповедь Наливайко К. Ф. Рылеева». («Юбил. зб. на пошану акад. Д. Богалия». К. 1927).

Г у д з и й Н., «Поэты-декабристы», в сб. «100-летие восстания декабристов». М. 1927, стр. 172—186.

Б р о д с к и й Н. Л., «Декабристы в русской художественной литературе», в сб. «100-летие восстания декабристов». М. 1927.

Г о ф м а н В и к т о р, «Рылеев-поэт», в сб. «Русская поэзия XIX века», под редакцией Ю. Н. Тынянова и Б. М. Эйхенбаума. Л. 1929.

А в е р б у х А в г у с т а, «Образ Рылеева в легендарно-поэтической традиции», в сб. «Историко-литературные опыты». Иркутск 1930.

Г о ф м а н В., «Поэтическая практика декабристов». «Литературная учеба» 1933, кн. 3.

О к с м а н Ю. Г., «Рылеев». «Звезда» 1933, № 7, стр. 148—156.

9. Образ Рылеева в художественной литературе

М и к л а ш е в и ч е в а В. С., «Село Михайловское или помещик XVIII века». Роман. 4 части. Спб. 1864—1865 гг.

В лице Ильменева изображен К. Ф. Рылеев.

G r i m m P a u l, «Les mystères du Palais des Czars». Wurzbourg 1868.

Л е с к о в Н. С., «Смех и горе». Спб. 1871 (и в Собрании сочинений, изд. А. Ф. Маркса. Спб.).

М е р е ж к о в с к и й Д., «Александр I». В Полном собрании сочинений, т. XVI и XVII.

М и ц к е в и ч А д а м, «Петербург». «Голос минувшего» 1917, кн. V—VI, стр. 3—35.

Я з ы к о в Н. М., Стихотворение памяти К. Ф. Рылеева «Не вы ль убранство наших дней...». 7 августа 1826 г. «Атеней» 1926, III, стр. 1, 30 и 31.

Л е р н е р Н., «Николай I». Историческая пьеса в 5 действиях и 9 картинах. М. 1922 и 1926.

Т ы н я н о в Ю., «Кюхля». Л. 1925; изд. 2-е, Л. 1927.

М а р и ч М., «Северное сияние». Роман из эпохи декабристов. М.—Л. 1926.

Т ы н я н о в а Л и д и я, «Рылеев». Повесть для юношества. М.—Л. 1926.

Т о л с т а я С., «Бестужев — Марлинский». Роман. М. 1932.

Подробнее о Рылееве см. в указателе Н. М. Ченцова, «Декабристы». М.—Л. 1929.

10. Библиография библиографии

Мезьер А. В., «Русская словесность с XI по XIX столетие включительно». Библиографический указатель произведений русской словесности в связи с историей литературы и критикой, ч. II, Спб. 1902, стр. 352—353.

Вольная русская печать. «Российская публичная библиотека», под редакцией В. М. Андерсона. П. 1920.

Владиславлев И. В., «Русские писатели». Изд. 4-е. М.—Л. 1924.

«Восстание декабристов», библиография, составил Н. М. Ченцов, под редакцией Н. К. Пиксанова. М.—Л. 1929.

См. также в книге В. И. Маслова, «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева». Киев 1912, стр. 1—56.

ОБ ОРФОГРАФИИ НАСТОЯЩЕГО ИЗДАНИЯ

Определяя орфографические принципы издания сочинений К. Ф. Рылеева, мы стремились избегнуть обеих крайностей. Полная и скрупулезная передача мельчайших подробностей рылеевской орфографии бесспорно перегрузила бы наше издание множеством архаизмов, широко бытовавших в русской поэзии 20-х годов прошлого столетия, но для Рылеева не специфичных. С другой стороны, полное игнорирование орфографии поэта бесспорно способствовало бы некоторому обезличению его творчества, поскольку всякая орфография характерна для писателя, который ею пользуется. Мы сочли нужным положить в основу издания печатание рылеевских сочинений по новой орфографии с непременным соблюдением свойственных ему лично особенностей правописания. Так было сохранено особое написание слов, вроде: «протупея» (портупея), «окапировка» (экипировка), «рейтусы» (рейтузы), «оспоривать» (оспаривать) и мн. др. Соблюдены и типичные для Рылеева славянские окончания множественного числа (например: «войски», «соседы»). Славянизмы встречаются и в написании отдельных слов Рылеевым (например, «окриляли»). Характерны для Рылеева и архаистские формы (например: «ревижская сказка»), и изменение рода («шелесть»). Особенно велики у него расхождения с современной орфографией в написании исторических имен и названий: — он пишет: «Козак», «Боян», «Могол» (вместо монгол), «Цимиский» (вместо Цимисхий) и др. Имена собственные иностранные передаются Рылеевым с сокращенными окончаниями («Ариост», «Петрарк» — явное влияние на него французского языка). Мы неизменно соблюдали большие буквы в написании вышеприведенных исторических слов и в мифологизмах (например: «Зефир», «Перун» и пр.). Необходимо отметить, что ряд слов Рылеевым писался различно: «Бейрон» и «Байрон», «поцелуй» и

«поцалуй», «Парнас» и «Парнасс», «счастье» и «щастье»; в первом его письме к отцу слово масляница имеет два других написания — «масленица» и «маслиница». В этих случаях мы придерживались современной орфографии. Нами сохранены все рылеевские написания в ударных окончаниях рифм (святова — Годунова, колит — неволит и пр.). Отсутствие ряда автографов тем более препятствовало соблюдению рылеевской орфографии, что в некоторых журналах той поры его стихотворения печатались с обилием восклицательных и вопросительных знаков; мы и здесь следовали более сдержанной рылеевской манере пунктуации. В ряде случаев нам пришлось пойти в разрез со всей традицией рылеевских изданий. Таков третий и четвертый стих пятой строфы стихотворения «На смерть Чернова»:

Клянемся дщерям и сестрам —
Смерть, гибель, кровь за поруганье!

Во всех без исключения изданиях — Ф. А. Брокгауза, М. Н. Мазаева, Г. Балицкого и т. д. — перед «дщерям» ставилась запятая, совершенно искажающая смысл стихотворения. Таких случаев можно насчитать несколько.

ДОПОЛНЕНИЯ

К стр. 622. Текст оды «Видение» напечатан нами выше, с учетом публикации Ю. Г. Оксмана. В первопечатном, подцензурном тексте оды, напечатанной в «Литературных листках», первые два стиха седьмой строфы читались:

Дух необузданной свободы
Уже восстал против властей;

пятый и шестой стихи восьмой строфы читались:

Дай просвещенные уставы
В обширных северных странах

Цензурные происхождения этих поправок не подлежат сомнению.

К стр. 725. Приводим ниже этот отрывок, свидетельствующий о пристальном внимании молодого Рылеева к средневековью, по рукописи ИРЛИ:

Нечто о средних временах

(По дороге от Бреславля
майя 15 дня 1815 года).

В леве, за обширными равнинами, синеются горы Силезские; гигантские вершины оных, одни пред другими возвышаясь, скрываются наконец в туманных облаках. Некоторые, покрытые снегом, другие лесом, представляют зрелище величественное, благоговейное! Это Ризенгебирге; мрак необразованности средних времен верил, что там обитают чародеи; народные сказки ближних мест подтверждают то; ум не мог тогда развиться; дух необычайного

суеверия и странных предрассудков сковал его. Все просвещение тмилось во мраке стен монастырских без всякой пользы. Монашество, из собственных выгод, старалось не токмо не выводить народ из того невежества, которое в тогдашние времена между оным царствовало, но погружало оный еще в глубочайшее. Тогда ужасные, теперь смешные сказки о духах, были главнейшим содержанием их проповедей. Народ толпами стекался слушать оные — и, пересказывая детям своим, посевал в них суеверие и невежество, которое с возрастом более и более в них укоренялось; и когда являлся один ум — ум, который мог быть страшен монахам — то гроза проклятий от сих последних дотоле с кафедр не переставала поражать их, доколе оный не умолкал или не удалялся. Не редко случалось, что таковые несчастные погибали ужасно; но явился Лютер — предприимчивый, благоразумный Лютер — и где ярмо несчастных! —

Великий, чудесный дух! Удивляюсь тебе — и — благоговею!..

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН[1]

[1] Звездочкой отмечены в указателе имена, упоминающиеся только в статье и комментариях. Имена, встречающиеся в библиографии литературы о Рылееве (стр. 852 — 867), в указатель не введены. — *Ред.*

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

произведений Рылеева (по заглавиям и первому стиху).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

1822.

1821—1823.

Думы

Проза, критические статьи, записки

Юношеские произведения (1812—1819)

Стихотворения

Прозаические и драматические произведения

Отрывки неоконченных произведений

Стихотворения

Планы и программы

Отрывки и заметки

Отрывки, писанные Рылеевым в крепости

Из стихотворений, приписываемых Рылееву

Письма

Комментарии к произведениям и письмам К. Ф. Рылеева

Указатели

Необходимые исправления

Стр.	*Строка:*	*Напечатано:*	*Следует читать:*
63	9 сн.	смычки	смычке
77	4 св.	проснулось	проснулась
156	3 сн.	волн	волны
385	1 св.	Г[осподи]-на Марли	Г[осподи]на Марли
463	15 сн.	немножно	немножко
464	11 св.	1823	1822
480	18 »	качало	начало
493	2 »	Апреля 3 дня	Апреля 30 дня
532	17 сн.	встрепещи	вострепещи
583	10 »	перепечатана	перепечатано
699	6 св.	курсив	(курсив
809	3 »	тенденции	«тенденцию
809	4 »	дворянства	дворянского
809	5 »	утопии	утопии»

Из-за грубого недосмотра нумерация стихотворений в примечаниях, начиная со стихотворения № 77, не соответствует нумерации стихотворений в тексте (номер в примечаниях на единицу меньше номера соответствующего стихотворения в тексте).

В примечаниях на стр. 733 перед последним абзацем «В бумагах Рылеева...» пропущен заголовок «Отрывок лирических стихотворений». Тот же заголовок пропущен и в оглавлении перед № 160 (стр. 905).